

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

82

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2023 Issue 82

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de México

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu

Evgeniy V. Afonasin
Novosibirsk State University

Stefano GARZONIO
Università di Pisa, Italia

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Natalia B. SELUNSKAYA
Lomonosov Moscow State University

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKO
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2023 Выпуск 82

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории
Российской академии наук

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

Е. В. АФОНАСИН
Новосибирский государственный
университет

Стефано ГАРДЗОНИО
Пизанский университет, Италия

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии
Российской академии наук

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
НИУ «Высшая школа экономики»

Дюла СВАК
Будапештский университет
им. Лоранда Этвеша, Венгрия

Н. Б. СЕЛУНСКАЯ
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
МГИМО (Университет) МИД России

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЁВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ШАБУНИНА А. К., кандидат исторических наук
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 82

М.: Аквилон, 2023. — 400 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 82

Moscow: Aquilo-Press, 2023. — 400 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073–7564

Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

© Общество интеллектуальной истории, 2023
© Институт всеобщей истории, 2023
© Издательство «Аквилон», 2023
© Журнал «Диалог со временем», 2023

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

Д.И. ЕГОРОВ

Х. УАЙТ – ИСТОРИК И ЛИТЕРАТУРОВЕД

В статье описаны ключевые теоретические проблемы, объединяющие работы разных этапов творческого пути американского историка и литературоведа Х. Уайта. Статья носит коммеморативный характер, поэтому в ней не изложены во многом справедливые аргументы критики его исследований. Отклонившись от сложившейся традиции анализа взглядов Х. Уайта в качестве проявления постмодернизма и деконструктивизма в историографии, они представлены в том виде, в котором он стремился позиционировать их сам. А именно в виде модернистского понимания роли эстетического аспекта в историческом повествовании и структуралистского анализа его форм. Также, в связи с различными интерпретациями идейных источников теоретического содержания исследований Х. Уайта, была рассмотрена роль тех источников, которым он сам отводил ведущее значение. Это работы Ж.П. Сартра, Б. Кроче, Р. Якобсона, Р. Барта и М. Фуко.

Ключевые слова: структурализм, литературоведение, нарратив, дискурс историка, фигуративный аспект речи, идеологическая риторика, историописание

5 марта 2018 года ушел из жизни Хейден Уайт – один наиболее обсуждаемых историков второй половины XX века. С его именем связаны острые философские и теоретико-методологические дискуссии 1970–1990-х гг. о путях развития исторического знания в формировавшейся тогда культурной ситуации постмодерна. В контексте происходивших изменений стали актуальными новые критические подходы и альтернативные способы теоретического обобщения предшествующего историографического опыта, что и отображено в трудах американского историка. Его несколько замысловатые и ироничные работы трудны для восприятия и противоречивы, однако даже самые непримиримые оппоненты находили в них что-то полезное.

Особый интерес работы Уайта представляют в плане использования концептов философов и литературоведов структуралистского направления в историографическом исследовании, а также благодаря изложению необычной методике, с помощью которой он выводил эстетическую характеристику практики историописания, в основном XIX столетия. В центре его деятельности – разработка литературоведческого подхода применительно к анализу нарративных исторических произведений, которые он обозначал как особый вариант художественного реализма¹. В сфере данного подхода, в качестве предмета изучения, был рассмотрен филологический аспект двух теоретических проблем исторического знания и познания: историческое знание и идеология, специфика языка (дискурса) историка.

¹ White 1987.

История и идеология

Во многих публикациях Уайта прослеживается мысль, согласно которой предпочтение историка, отданное той или иной концепции социально-исторического развития, является выбором этическим и идеологическим. Как и всякое иное предпочтение, этот выбор, прежде всего, обусловлен субъективными соображениями и подобен процессу введения авторского замысла в повествование. По его мнению, принятие данного тезиса способствовало бы овладению историками средствами критического самоанализа, которыми располагают ответственные за свои произведения писатели.

Выходец из рабочей семьи, проведший молодость в промышленном штате Мичиган, Уайт воспринял симпатию к марксизму, главным образом, как к средству критики «ложного сознания», под которым понималась идеология. На 1950-е гг. пришелся начальный этап научной карьеры, когда открыто выражать свои симпатии, без ущерба для дальнейшей работы, он не мог. Тем не менее, он не разделял официальных доктрин национальных историков об американских ценностях, как о наиболее естественных для человеческого общежития, что, якобы, подтверждалось успешным опытом исторического развития. Замену марксистским способам критики он нашел в экзистенциальной философии свободы выбора Ж.П. Сартра. В докторской диссертации по истории католической церкви XII в. им были описаны конфликтующие интересы куриальных групп в период схизмы 1130 г., как ему представлялось, с «объективной позиции»². Объективный подход он усмотрел в изображении церковного раскола в виде институционального кризиса на идеологической почве, в момент которого возникли равноценные альтернативы выбора будущего развития церкви. Хотя он пытался усмотреть причины сделанного выбора в реалиях повседневности того времени, в его адрес прозвучала критика в подмене социального анализа – анализом идеологических интересов. Такой подход противоречил позитивистским установкам американской историографии того времени, согласно которым формирование и развитие социальных институтов не должно объясняться влиянием случайных или личностных факторов.

После стажировки в Риме в 1953–55 гг. и со знакомством с многообразием европейских взглядов на теорию истории, Уайт решает в новом свете раскрыть тему роли идеологии и ценностных ориентиров в практике историописания. Он был увлечен идеей И. Канта о значении моральной оценки прошлому, способной определить вектор развития в будущем. Но ближе всего ему становится философия Б. Кроче. Итальянский теоретик истории подверг критике «объективный историзм» Л. Ранке и подходы позитивистской историографии за их пренебрежение эстетическим и философским аспектами исторического познания³.

² Paul 2011: 12-15.

³ Кроче 1998: 173-183.

В своем первом широко известном эссе «Время истории» (1966 г.) Уайт эмоционально рассуждает о следствиях этого пренебрежения. Он описывает зародившуюся в конце XIX в. откровенную неприязнь к профессиональной историографии со стороны литераторов, философов, социологов. Так, литераторы недолюбливали исторические описания за бедность художественных форм, обесценивание исторического опыта. Подобное положение дел возникло в результате ложного противопоставления: беспристрастное описание фактов – объективность; литературная обработка – вымысел. Социологи обвинили историков в создании методологического кризиса в обществоведческих дисциплинах, так как объяснительные модели социально-исторического развития противоречили друг другу по идеологическим соображениям. Отстаивая автономность дисциплины, академические историки сочли, что результаты их деятельности не должны соответствовать никаким внешним критериям оценки: будь то искусство или наука. Однако отказ от эстетических критериев и невосприимчивость к новым методикам социального анализа, постановка исторического знания на службу идеологии – привели к перманентному «кризису историзма» на фоне трагических событий XX в.⁴ Начиная с эссе «Время истории», Уайт обращается к лингвистическим проблемам историописания, в ракурсе которых он будет рассматривать практику описания прошлого в XIX в., искать пути преодоления пагубных последствий ее вырождения в политический проект и литературное морализаторство плохого качества.

В его критических рассуждениях о способах придания картинам исторического развития «объективного» и «реалистичного» вида прослеживается много общего с идеями структуралиста Р. Барта. Р. Барт предложил критический вариант семиотического анализа, с помощью которого он иллюстрировал примеры того, каким образом в произведениях литературы маскируются буржуазные ценности в виде чего-то незыблемого и наиболее естественного, что, по мнению Барта, соответствует стремлению мифов натурализовать свои концепты⁵. В своем всемирно известном исследовании «Метаистория» Х. Уайт также разработал вариант семиотического анализа, получившего название риторикотропологический подход. По формальным характеристикам историческое описание ничем не отличается от художественного, следовательно, смысловое содержание текста включает в себя не только прямое значение, но и подтекст – имплицитную информацию оценочного типа, не имеющую связь с логикой повествования, но определяющую интерпретацию изложенной информации с учетом особенностей образного восприятия речевых оборотов у конкретной аудитории. Начиная с просветительской историографии, когда политические взгляды были поставлены во главу угла в исторических концепциях прогресса, функцию под-

⁴ White 1966: 111-112, 116, 119.

⁵ Барт 1989: 84-88.

текста всецело взяла на себя идеология, ограничивая возможности автора в иных аспектах выразить свое отношение к описываемому событию. Рассмотрев характерную для определенных типов идеологического подтекста (консервативного, либерального, радикального, анархического) риторичку, Уайт пришел к выводу, что нет достаточных научных оснований для выбора той или иной теоретической модели исторического развития, поэтому историки руководствуются выбором этическим и идеологическим⁶. Данный вывод крайне спорный и провокационный, однако принятие во внимание того, что идеологическая позиция зачастую принимает на себя литературную функцию авторского замысла, способствует усмотрению более четкой грани между идеологическими аргументами и аргументами научно-теоретического характера.

Проблема сокрытия идеологических посылок, путем создания некой истинно научной формы историописания, исключающей литературную обработку текста, была рассмотрена и в других аспектах. Так, в статье «Будущее утопии в истории» (2007) Уайт рассуждает о представлениях в XIX веке, согласно которым в научной форме изложения не должна присутствовать эмоционально окрашенная революционная риторика, поскольку она неизменно утопична, а потому анти-исторична. На деле же в так называемых научных сочинениях, в которых исторические процессы изображены эволюционно-натуралистическим образом, неявно проводится пропаганда капиталистического пути развития, как единственно верного (остальное – утопия), а буржуазный уклад жизни определяется как наиболее соответствующий человеческой природе, что в действительности и является антиисторичным⁷. В статье «Практическое прошлое» (2010) Уайт выступает с критикой убеждений историков-эмпириков, полагающих, что историческое знание должно быть свободным от влияния внешних тенденций, являться некой «вещью в себе», литературное же оформление, по их соображениям, является признаком непрофессионализма. Но, по мнению Уайта, в истории нет фактов нейтрального характера, а встраивание их в повествовательную структуру подчинено предустановленной авторской цели. Предубеждение эмпириков в том, что, исключив риторичку из описания, они будут вести его строго научным образом, привело к некритичному восприятию утилитарных целей собственного письма, выдаваемых в качестве объективных предпосылок при интерпретации фактов, таких как: националистический эгоизм, прославление западной цивилизации, утверждение превосходства «белой расы» и т. д. Подобный род описания противоречит современным реалиям, и возвращение к литературным истокам способствует увеличению разнообразия практики историописания, расширению его социальных функций в условиях многогранного мира⁸.

⁶ Уайт 2002: 42-48.

⁷ White 2007: 15-18.

⁸ White 2010: 11-17.

Несмотря на негативное отношение к тесной взаимосвязи истории и идеологии, Уайт был далек от иллюзии деидеологизации социальных отраслей знания. С приходом известности в момент широкого интереса к философии постмодернизма пришла определенная мера независимости, благодаря которой он смог открыто выражать свои симпатии марксизму. Последующий распад СССР он воспринял как трагическое событие и призывал не воспринимать победу капиталистического пути развития в виде чего-то неизбежного и изначально предрешенного. Марксизм, по его мнению, еще долгое время будет жизнеспособен и актуален, по крайней мере до тех пор, пока в системе сложившихся общественных отношений будет присутствовать проблема отчуждения людей от результатов собственного труда⁹.

Интересны также некоторые его замечания по проблеме исторического самосознания человека и общества в условиях глобализма и мультикультурализма, рассматриваемой современными историографическими направлениями в самых разнообразных аспектах: гендерном, ментальном, этническом, расовом и др. По мнению Х. Уайта, первоочередным должно являться классовое самосознание, поскольку оно наиболее продуктивно способствует активной социальной позиции и нацеливает на реальные преобразования общественных отношений. Именно к усилению значимости исторического знания в социально-преобразовательной деятельности, а также к выработке осознанной ответственности за сделанный выбор обращен его методологический подход, чему препятствует некритическое восприятие идеологических догм в образе устоявшейся традиции или объективной истины¹⁰.

Язык (дискурс) историка

На каких собственно основаниях историки утверждают, что повествуют достоверно о прошлом, а не занимаются вплетением фактов в сконструированные их воображением образы, картины, сюжеты? – так можно сформулировать еще одну проблему, пронизывающую большую часть работ Уайта. Данная проблема, в его интерпретации, должна рассматриваться как проблема лингвистическая, то есть нацеливать историков на понимание механизмов, с помощью которых лексические средства выразительности (фигуральный аспект речи) делают буквальное содержание информации либо значимым, либо незначимым. В более широком плане лингвистический анализ обращается к вопросу спецификации исторического мышления, обращая внимание на стилистические способы наделения ушедшей реальности смыслом в структуре повествовательного описания.

С 1978 г. Уайт возглавляет кафедру литературной критики, так как построение теоретико-методологических взглядов на основе положений лингвистических учений в большей мере соответствует професси-

⁹ White Interview 2001.

¹⁰ White 1994: 318-323.

ональной компетенции филологов, а не историков. Однако на фоне развития междисциплинарных тенденций в исторической науке, в связи с популяризацией семиотики, интерес к его работам со стороны историков возрастает. Со временем он становится лидером так называемой «новой интеллектуальной истории» - направления, защищавшего нарративную традицию историописания и являвшегося теоретическим оппонентом школы «Анналов». Отдельные методологические аспекты его «лингвистического поворота» существенно повлияли на становление новых историографических направлений в США¹¹.

Возраставший интерес к идеям Уайта во многом объясняется культурными тенденциями. Подобно тому, как в мифопоэтическую эпоху или в эпоху расцвета романтизма высокое значение в историописании отводилось роли конструктивного воображения и эстетики, развитие СМИ и визуализация информации усилили акцент на восприятие образных черт исторического знания, а необходимость его рационального осмысления отходила на второй план. Вне рамок научного сообщества произведения с хорошим стилем и убедительной риторикой оценивались выше, чем нагруженные теоретическими понятиями тексты. Язык описания все больше отклонялся от строгой логичности к металогической (метафорической) репрезентации. Конечно же, теоретические взгляды автора «Метаистории» о месте и функциях метафор и риторики в историческом дискурсе не могли остаться незамеченными.

Часто источником своих взглядов Уайт определял лингвистическое учение структуралиста Р. Якобсона, в частности, раздел о поэтике. В поэтической речи процесс «означивания» производится с помощью тропов, то есть фигур переносного значения: метафора и метонимия¹². Опираясь на филологический анализ исторических произведений XIX века, Уайт расширил концепцию Якобсона, полагая, что фигуративный язык тропов формирует не только поэтическую, но и в большой степени литературно-прозаическую и обыденную речь, в которых переносный смысл первичен по отношению к имени собственному. Так, историки, характеризуя Французскую революцию, уподобляли ее стихийному бедствию, что соответствует репрезентации в метафорической форме – уподобление разнородных сущностей. Описывали в виде проявления социального закона, что схоже с метонимической формой репрезентации – определение целого через часть. Описание революции в виде кризиса власти проводилось в форме синекдохи – выделение ключевого качества. Некоторые усмотрели в революции бессмысленное кровопролитие, приведшее к новой тирании, что соответствует форме иронии – отрицание одного через другое. Смысловое содержание интерпретации исторических событий производно от свойств фигуративного языка, по мнению Уайта, по двум причинам: отсутствие техниче-

¹¹ Потапова 2015: 266-270.

¹² Якобсон 1990: 110-115.

ского языка и нарративно-повествовательный способ описания. Оба фактора определяют ведущую роль образно-ассоциативных средств и эстетических предпочтений в мышлении историка, обуславливают художественное освоение изучаемого объекта¹³.

В эссе «Фигуральный реализм в свидетельской литературе» (2004) Уайт рассмотрел произведение П. Леви «Человек ли это?», считавшееся одним из образцов реалистичного описания, затрагивающего проблему холокоста. Образцовым произведение было признано, так как автор был непосредственным участником событий, а также его желанием избежать научного или художественного формата описания, то есть естественным языком наблюдателя непосредственно выразить свои воспоминания о пережитом. В итоге отобразить свое отношение к окружающей действительности и людям без аллегорий оказалось невозможным, а сюжет повествования повторил сюжет «Божественной комедии» Данте¹⁴. Для Уайта представляется очевидным, что без риторических фигур в принципе невозможно конкретизировать факты исторической действительности и обосновать искренность описания. В отличие от естественного языка, который преимущественно используют историки, понятийно-терминологический аппарат физиков или химиков не сводится к аналогиям, а логика суждений не строится на ценностных предпосылках этического или эстетического характера. В связи с этим Уайт многократно критиковал представление Л. Ранке о детализированном и ясном описании, без литературства и философских понятий, как пути к объективности исторического знания. Напротив, это убеждение скрывало лингвистические проблемы историописания, не позволяло понять, что причина теоретико-методологической анархии заключается в языке историка¹⁵.

Еще одним важным теоретическим источником Уайта были идеи М. Фуко, в особенности из работы «Слова и вещи», где Фуко рассмотрел изменяющиеся в зависимости от языковых способов обозначения предметов априорные предпосылки и условия познавательной деятельности, названные им эпистемы. Уайт дополнил учение французского философа своими представлениями о свойствах и функциях фигуративного языка, полагая, что тропы удачно характеризуют этот априорный уровень познания. Так, в XVI в. знать означало находить подобие, что соотносует метафорической форме мышления. XVII в. стал веком масштабных классификаций – поиском типовых отличий, что соответствовало метонимии. В XIX в. познание заключалось в формулировании понятий, способных раскрыть сущность изучаемых объектов – это синекдоха. В XX в. возникли сомнения в способности языка отображать объективную реальность – это ироническая форма мышления¹⁶.

¹³ Уайт 2002: 52-57.

¹⁴ White 2004: 115-119.

¹⁵ White 1978: 125-127.

¹⁶ White 1987: 126-128.

С восприятием идей Фуко Уайт выражал согласие, что любые гуманитарные представления о человеке и его деятельности являются результатом дискурсивных конвенций, которые с изменением культурно-исторических условий противоречат друг другу, и, в своей сущности, являются метафизическими¹⁷. Дискурс историков не располагает достаточными логическими основаниями для объективного описания прошлого, поэтому отображение одних и тех же событий в метафорическом, метонимическом, синекдохическом или ироническом стиле представляет их в свете различных смысловых интерпретаций, без возможности определить приближенный к реальности вариант¹⁸.

Эта позиция спровоцировала предосудительное отношение ко всей совокупности взглядов Уайта со стороны практикующих историков, большая часть которых заинтересована в объективных результатах исследований, а не только занимается литературством. В действительности же, в равной степени, теоретические положения структурной лингвистики и литературоведения не следует абсолютизировать, но также следует избегать односторонней критики и оценок. Например, целью Фуко не являлось обоснование того, что философское, социальное, психологическое определение человека ложно. Он лишь рассмотрел эту проблему в аспекте «власти и знания», то есть в стремлении власти стать правообладателем знания, сформулировать на его основе выгодные для себя ценностные ориентиры и дискурс, в рамках которого, якобы, человек только и может рационально осознавать себя и свою роль. Дискурсу власти и сопряженных с ним форм рационализма он противопоставлял иные способы самоопределения человека. Схожую цель, разрабатывая свой риторико-тропологический подход, формулировал и Уайт. Нарративный характер историописания не означает, что в основе его содержания будет художественный вымысел. Но его наличие указывает на необоснованность претензий наивного объективизма в единственно верной интерпретации исторических событий, путем детального и, якобы, неизбежного отображения фактов, беспристрастного изложения, использования установок сциентизма.

Спустя пять лет со дня смерти, ссылки на Уайта, совсем недавно присутствовавшие почти в каждой работе по теории истории, исчезают из научных публикаций. Это произошло в связи со сложившейся прочной ассоциацией имени Уайта с постмодернизмом и релятивистским вызовом историографии, хотя сам он позиционировал себя структуралистом и модернистом¹⁹. Им действительно были сделаны резкие высказывания, в которых он подвергал сомнению научные основания исторического знания, что профессиональные историки не могли ему

¹⁷ Фуко 1994: 368-373.

¹⁸ White 1987: 20.

¹⁹ Доманска 2010: 45-46.

простить. К тому же, из-за формалистичности его литературоведческий подход не нашел применения в источниковедческих и историографических исследованиях. Однако лингвистический поворот существенно отразился на развитии исторической науки, особенно в США, поэтому последующие ретроспективные обзоры истории исторического знания во второй половине XX в. не обойдутся без упоминаний о Уайте.

Подобный ретроспективный обзор, думается, не должен отталкиваться от аргументов «за» и «против», но преобразовать наследие Уайта в позитивный опыт. Пример того, как это возможно осуществить, имеется в истории американской историографии первой половины XX в. Историк Ч. Бирд, руководствовавшийся экономическим детерминизмом, также критически относился к базовым положениям национальной историографии и утверждал невозможность установления закономерностей социально-исторического процесса из-за непреодолимости идеологических разногласий историков. Одной из ложных предпосылок теоретического релятивизма в то время было неправильное понимание историками тезиса А. Эйнштейна об изменчивости свойств объекта в зависимости от угла обзора наблюдателя. Бирду противодействовала «школа консенсуса», сумевшая с помощью теории «согласованных интересов» поднять исторические исследования на новый уровень, разрешить многие противоречия национальной истории и придать американской историографии статус международного значения. Сегодня историческая наука находится в состоянии предметной фрагментации и теоретической анархии. Хотя Уайт и отрицал это, его работы пронизаны лингвистическим детерминизмом, что во многом обусловило релятивизм его выводов. Лингвистический детерминизм исходит из трактовки мышления и знания в виде производных от структуры языка. Преодоление понятийных двусмысленностей; внимание к логическому содержанию заимствованных из других дисциплин понятий и к проблеме релевантности данных понятий при проецировании в историческое описание; отказ от злоупотребления риторикой и образными характеристиками, якобы, для более ясного отображения материала; раскрытие исторических событий и процессов во всей их многогранности диалектическим способом, а не конструирование из источников нарративов в русле каких-либо идей – реализация этого не только привела бы к разрешению большей части сформулированных Уайтом проблем, но во многом бы способствовала синтезу различных отраслей исторического знания и теоретической когерентности в исторической науке.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Барт Р. Избранные работы. М.: «Прогресс». 1989. [Bart R. Izbrannnye raboty. M.: "Progress". 1989.]
- Доманска Э. Хейден Уайт [Интервью] // *Философия истории после постмодернизма*. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2010. 400 с. [Domanska E. Heiden Uait // *Filosofia istorii posle postmodernizma*. M.: Kanon: ROOI «Reabilitacia», 2010.]

- Кроче Б. Теория и история историографии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. [Kroche B. Teoriya i istoriya istoriografii. M.: "Yazyki russkoj kultury", 1998].
- Потапова Н.Д. Лингвистический поворот в историографии: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. [Potarova N.D. Linguvisticeskij povorot v istoriografii: uchebnoe posobie. SPb.: Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt – Peterburge, 2015].
- Фуко М. Слова и вещи. М.: Прогресс, 1994. [Fuko M. Slova i vesthi. M.: Progress, 1994].
- Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. [Uait H. Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka. Ekaterinburg: Izdatelstvo Ural. un-ta, 2002].
- Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афотических нарушений // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 110-132. [Yacobson R. dva aspekt yazyca i dva tipa afoticheskij narushenij // Teoriya metafory. M. Progress, 1990. S. 110-132].
- “Hayden White Talks Trash” Interview by Fr. Aldama // Bad Subjects. Issue 55. May 2001.
- Paul H. Hayden White. Cambridge: Polity press, 2011.
- White H. Afterword // Beyond the cultural turn. Berkeley, Los Angeles, L.: University of California Press, 1994. P. 315-324.
- White H. Figural Realism in Witness Literature // Parallax. 2004. vol. 10.no. 1. P.113-124.
- White H. Foucault’s Discourse: The Historiography of AntiHumanism // The Content of the Form. Baltimore, L.: The Johns Hopkins University Press, 1987.P. 104-141.
- White H. Preface // The Content of the Form. Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore, L.: The Johns Hopkins University press, 1987. P. I-IX.
- White H. The Burden of History. History and Theory, Vol. 5, No. 2. 1966. P. 111-134.
- White H. The Fictions of Factual Representation // Tropics of Discourse. Essays on Cultural Criticism. Baltimore, L.: The Johns Hopkins University press, 1978. P. 121-134.
- White H. The Future of Utopia in History // Historein. A Review of the Past and Other Stories. 2007. vol. 7. P. 11-19.
- White H. The Practical Past // Historein. A Review of the Past and Other Stories. 2010. vol. 10. P. 10-19.
- White H. The Value of Narrativity in the representation of reality // The Content of the Form. Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore, L.: The Johns Hopkins University press, 1987. P. 1-26.
- Егоров Денис Иванович*, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Москва. denyegorov1981@yandex.ru

H. White – a Historian and Literary Critic

The article describes the key theoretical problems that unite the works of different periods of the creative path of the American historian and literary critic H. White. The article is of a commemorative nature, therefore, it does not present largely fair arguments for criticizing his research. Deviating from the established tradition of analyzing the views of H. White as a manifestation of postmodernism and deconstructivism in historiography, they are presented in the form in which he sought to position them himself. Namely, in the form of a modernist understanding of the role of the aesthetic aspect in historical narratives and a structuralist analysis of their forms. But, in connection with the various definitions of the ideological sources of the theoretical and methodological aspects of his research, the role of those sources to which he himself assigned leading importance was considered. These are the views of J.-P. Sartre, B. Croce, R. Jacobson, R. Barth and M. Foucault.

Keywords: *structuralism, literary criticism, narrative, discourse, figurative aspect of speech, ideological rhetoric, historiography.*

Denis I. Yegorov, candidate of Historical Sciences, Independent Researcher, Moscow; denyegov1981@yandex.ru

М.В. КИРЧАНОВ

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА» В МИРЕ: ПЛОДЫ ОТСТРАНЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ

В статье проанализированы тактики и стратегии политических элит, направленные на превращение истории в символический ресурс легитимации власти и политической мобилизации. Автором в представленной статье проанализированы парадигмы исторической политики, представленные доминированием элит в формировании представлений о прошлом, попытками интеллектуальной ревизии и продвижения альтернативных мемориальных культур, дрейфом мемориальных практик в сферу массовой культуры. Анализируется история политики памяти в ее ранних, «классических» и современных версиях, закономерности развития мемориальных культур, показана универсальность и неизбежность исторической политики.

Ключевые слова: историческая политика, политика памяти, историческая память, мемориальная культура, интеллектуалы, парадигма, массовая культура.

Историческая политика активно используется элитами для формирования представлений о прошлом. К началу 2020-х гг. историческая политика демонстрировала немалый адаптивный потенциал, реагируя на нужды элит и общества несмотря на их различные коллективные представления о прошлом и, как следствие, мемориальные культуры. Ни одно государство не функционирует без символических элементов легитимации через сакрализацию исторического опыта, что возможно в результате манипуляций с коллективной памятью, оформленной в «историческую политику». На протяжении более чем двадцати лет активного применения исторической политики элитами, на фоне попыток академического сообщества осознать причины его отстранения от формирования памяти на официальном уровне, в контекстах фрагментации мира, где политические и идеологические границы усиливаются мемориальными расколами и различными прочтениями «общего» прошлого – особую актуальность обретают исследования идеологических и политических основ «проработок прошлого», санкционируемых в рамках исторической политики. Несмотря на значительный интерес к исторической памяти, о чем свидетельствует соответствующая историография, существуют лакуны, связанные с тем, что целый ряд проблем изучен в меньшей степени.

В 2008 г. российский историк А. Миллер прочитал лекцию «“Историческая политика” в Восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения»¹, название которой цитируется в заголовке представленной статьи. На протяжении более чем десяти лет, прошедших после лекции А. Миллера, историческая политика не только не стала частью истории, но закрепила свои позиции среди методов элит для контроля над обществом. Конкретные формы манипуляций с фактами прошлого

¹ Миллер 2008

в мемориальных культурах изучаются регулярно, но генезис исторической политики, закономерностей ее развития, состав акторов, стратегии реализации мемориальных практик не получили должного отражения в научной литературе. Это подчеркивает важность и актуальность обращения к подобной проблематике. Растущая склонность элит использовать прошлое требует от академической науки не только изучения конкретных форм идеологизации истории и манипуляцией ей в политических целях, но и указывает на важность концептуального переосмысления политики памяти, если последняя стала частью не только политической, но и академической реальности.

Целью статьи является анализ исторической политики как формы идеологического воздействия элит на представления общества о собственном прошлом, а задачами – анализ генезиса исторической политики как манипулятивной практики, применяемой элитами; изучение применимости к исторической политике такого понятия как «парадигма» и выявление смены последних в мемориальной культуре; выявление специфики исторической политики в ее национальных версиях.

Политика памяти до исторической политики. В историографии не существует единого мнения относительно того, где и когда возникла историческая политика. Проблема генезиса методов, в 1990-е гг. составивших основу исторической политики в государствах, где манипуляции с прошлым обрели классическую форму, остается нерешенной. Польский Институт национальной памяти как классическая «институция» памяти возник лишь в конце 1990-х гг. Поэтому важен поиск истоков этого явления вне исключительно европейского контекста. Методы, определяемые как «историческая политика», ранее активно использовались элитами для контроля над обществом практически повсеместно². Речь идет о правых и левых авторитарных политических режимах. Последние могли применять различные формы манипуляций с прошлым для консолидации собственного режима, культивируя соответствующие идентичности, основанные на лояльности к власти.

Для формирования такой лояльности важным символическим ресурсом было прошлое³. Подобные режимы стремились контролировать представления об истории, которые существовали в том, или ином обществе, соотнося их со своими задачами. Не следует путать идеологизацию и цензурирование труда историков в авторитарных обществах с исторической политикой. Широко известно, что советская система цензуры или политическая цензура в нацистской Германии вмешивались в формирование историографического продукта, ограничивая возможности профессионального исторического сообщества. Подобные практики применялись элитами недемократических режимов, но они не представляли историческую политику в ее классической форме.

² Кирчанов 2022с.

³ Maurantonio 2014

Элементы последней как манипуляции с прошлым для формирования идентичности, мы в современных формах, соотносимых с политикой памяти, находим после завершения Второй мировой войны в странах третьего мира. Классическим примером развития исторической политики до появления, собственно, самого понятия «политика памяти», является опыт Латинской Америки, где элиты 1970–1980-х гг. использовали факты прошлого для формирования компромиссных версий национальной мемориальной культуры с целью демонстрации легитимности, консолидации общества путем укрепления идентичности⁴, соотносимой с идеальными представлениями о прошлом, разделяемыми правящим классом⁵. Если мы признаем, что историческая политика как институционализированная форма контроля над прошлым возникла в результате перехода ряда стран Европы к демократии, то необходимо признать, что элементы таких мотивированных манипуляций с прошлым имели место и ранее.

Проявления такого обращения с фактами прошлого, которые преследовали идеологические цели, мы можем обнаружить в поведении элит Южной Америки. Примеры таких манипуляций мы можем выявить в политике чилийских, аргентинских или бразильских элит с целью консолидации в рамках авторитарного политического режима или в условиях перехода от авторитаризма к демократии⁶. Если авторитарную модель применения истории мы находим в период пребывания у власти Аугусто Пиночета в Чили, то альтернативные элементы политики памяти мы фиксируем в Аргентине или Бразилии, которые в 1980–1990-е гг. переживали демократический транзит. Элиты активно манипулировали фактами прошлого, консолидируя идентичность гражданской нации. Историческая политика, как форма идеологически мотивированного использования прошлого, стала инструментом консолидации и закрепления результатов демократического транзита путем предложения компромиссных интерпретаций прошлого.

Манипуляции с памятью учитывали травматический опыт авторитаризма, гарантируя консолидацию нации, фрагментируя мемориальную культуру, различные версии которой базировались на разных восприятиях прошлого сторонниками авторитаризма и его противниками. Механизмы политики памяти были предложены латиноамериканскими элитами, участвовавшими в демократизации, требовавшей институционализации новых мемориальных канонов как основы неавторитарной политической культуры. Формирование последней было невозможно без обращения к ресурсу прошлого с терапевтическими целями консолидации в условиях выдвигания компромиссных версий памяти и нового мемориального канона.

⁴ Rosenthal 2017.

⁵ Кирчанов 2016.

⁶ Кирчанов 2022а.

Историческая политика до обретения классических институционализированных форм актуализировала свои символические роли, необходимые для развития альтернативных авторитаризму основ политической культуры. Политика памяти в южноамериканской версии имела идеологические цели проработки прошлого для консолидации фрагментированного общества. Позднее все эти ресурсы будут применяться в странах Европы, которые могут быть определены как «классические» государства исторической политики. Европейская политика памяти 1990 – 2000-х гг. будет решать функции аналогичные латиноамериканской исторической политике 1980-х гг., хотя «проработка прошлого» обретет свои парадигмы путем формальной институционализации.

Институты национальной памяти: обретение парадигм в исторической политике. Процесс обретения форм и появления первых парадигм исторической политики был связан с опытом манипулирования с фактами прошлого, полученным в Европе 1990-х гг. в условиях демократизации. Появление институтов памяти в 1990–2000-х гг. привело к обретению исторической политикой своих парадигм, определивших формы манипуляций с фактами прошлого в угоду элитам.

История Европы обеспечивает исследователей политики памяти многочисленными примерами появления подобных институционализированных организаций: активно действуют Институт памяти нации в Словакии, Институт национальной памяти – Комиссия по расследованию преступлений против польского народа в Польше, Институт изучения тоталитарных режимов и Бюро по документации и расследованию преступлений коммунизма в Чехии, а также Институт исследования недавнего прошлого в Болгарии. Появление таких институций свидетельствовало об амбициях элит в деле институционализации идеологически мотивированной «проработки прошлого» и формирования новых мемориальных канонов.

Вероятно, российско-американский историк Н. Копосов был слишком оптимистичен, полагая, что «после падения коммунизма история потеряла свою привлекательность. Именно будущее, а не прошлое, и экономика, а не история начали интересовать общество»⁷. Элиты не утратили своего интереса к истории, превратив представления о ней в маркер проверки лояльности. Именно это привело к превращению государства в основного участника исторической политики. Именно в Европе политические элиты оттеснили интеллектуалов от формирования новых мемориальных культур и Кононов национальной исторической памяти, что и позволило правящим группам «установить контроль над общественным обращением с прошлым»⁸. Миграция исторических манипуляций в сферу государственно формируемой и контролируемой политической культуры существенно отличает историческую

⁷ Копосов 2011

⁸ Spiegel 2011.

политику Польши или Чехии от аналогичных явлений, которые имели место в латиноамериканских странах в 1980-е гг.

Институты памяти Европы и специализированные комиссии, связанные с расследованием деятельности авторитарных режимов в Латинской Америке, выполняли аналогичные или очень близкие задачи. Если в странах Латинской Америки, несмотря на слабость гражданского общества в сравнении с Европой, интеллектуалы смогли отстоять свои позиции и предложили альтернативные каноны исторической коллективной памяти с явно выраженной консолидирующей функцией, то в Европе, несмотря на развитую историческую традицию сопротивления левоавторитарным режимам, подобного не произошло. Восточноевропейские интеллектуалы не смогли сохранить свою монополию на формирование версии исторической памяти⁹. Государство, представленное политическими элитами, нередко генетически и организационно связанными с предшествующими правящими кругами, стало основным участником политики прошлого¹⁰. Формирование и конкретные проявления исторической политики на территории Европы не только возникали, но и на современном этапе реализуются в форме деятельности институтов национальной исторической памяти. Появление подобных институций стало попыткой утверждения первой парадигмы развития исторической политики как политики памяти. В ее основе лежит государственный контроль, активное участие элит в конструировании нужных и исключительно «правильных», с точки зрения властей, версий национальной истории, оформленной в канон памяти, подкрепленный соответствующими мемориальными законами.

Художественная проза как пространство памяти: проблемы локализации исторической политики. Начиная с 1990-х гг. историческая политика обрела свои институциональные формы и, как следствие, парадигмы ее реализации, представленные в деятельности институтов национальной памяти в странах Европы. Контроль государства не исключал иных версий мемориальной культуры. Можно предположить, что историческая политика стала фактически полипарадигмальным явлением, так как одновременно, начиная с середины 1990-х гг., в мемориальных культурах сосуществовали различные каноны исторической коллективной памяти, предложенные разными акторами.

Основным и ведущим участником политики памяти на институциональном уровне стало государство, представленное политическими элитами и лояльными властям представителями интеллектуального сообщества, которые концентрировались вокруг институтов национальной памяти. Последние фактически выполняли заказ, формируя мемориальные каноны, призванные обслуживать политические культуры поставторитарных стран. Практически одновременно сложилась

⁹ Кирчанов 2022f.

¹⁰ Malinova 2021.

иная парадигма развития политики памяти, представленная интеллектуальными сообществами, которые меньше зависели от политических элит, предлагая свои альтернативные версии исторической памяти. Если институты памяти формировали официальные мемориальные каноны, то попытки их ревизии и пересмотра связаны с деятельностью интеллектуалов, неинтегрированных в официальные институты памяти.

Альтернативными участниками, которые выдвигали и продвигали содержательно и концептуально иные формы исторической памяти, стали интеллектуалы, представленные, например, писателями, которые в странах Европы, начиная с 1990-х гг., активно продвигали попытки ревизии сложившихся версий культур памяти. Формы такой ревизии мемориального канона могли отличаться. Что касается Запада, то основной уклон был сделан на пересмотр итогов Второй мировой войны в рамках национальных попыток «проработки прошлого». Альтернативная культура памяти хотя и была направлена на пересмотр итогов войны, но не означала радикальной ревизии ее результатов. Интеллектуалы, вовлеченные в этот процесс, стремились к иной расстановке акцентов в формировании мемориального образа войны¹¹. Альтернативная парадигма мемориальной культуры актуализировала не официальный героизм, сакрализованный в ранней академической историографии и национальной культуре.

Парадигма памяти, предлагаемая ревизионистами, уделяла больше внимания коллективной травме, что относится к роману «Клиентка» Пьера Ассулина¹², который затрагивал проблемы Холокоста на территории Франции, визуализируя неудобную для общества тему собственной ответственности за преследование евреев. Попытка пересмотра основ мемориальной культуры стала стремлением части общества признать и то, что оно также несет часть ответственности, которая ранее возлагалась на Германию. Другой формой подобной ревизии и попыткой пересмотра официальных парадигмы исторической памяти стали тексты Ю Несбе, которые содействовали ассимиляции мемориальной культуры культурными индустриями общества потребления. Ю Несбе в романе «Красношейка»¹³ предложил альтернативную версию истории участия Норвегии во Второй мировой войне, актуализируя собственно норвежский вклад в конфликт, показав, что страна несет часть коллективной ответственности. Основная масса инициатив подобной исторической политики, которая предлагала альтернативную парадигму восприятия мемориального канона, была направлена на пересмотр сложившихся версий истории Второй мировой войны, которые стали серийными и массово воспроизводимыми от школьного учебника до современной массовой культуры.

¹¹ Кирчанов 2021a.

¹² Assouline 1998.

¹³ Nesbø 2000.

Иначе генезис альтернативных парадигм протекал в Восточной Европе. Попытки генерации другой культуры исторической памяти и иных, содержательно отличных от официальных, мемориальных канонов, были связаны с деятельностью писателей-постмодернистов, например В. Шарова¹⁴, который попытался подвергнуть деконструкции героизированные версии истории России, представленные «большими нарративами», редуцировавшими прошлое до истории государства. Такие стратегии интеллектуалов сближают поиск новых парадигм политики памяти с ревизионизмом, так как именно «ревизия является жизненной основой исторической науки. История представляет собой непрерывный диалог между настоящим и прошлым. Интерпретации прошлого могут меняться вследствие нахождения новых исторических данных, появления новых вопросов к уже открытым источникам, лучшего видения прошлого, которое наступает с течением времени. Не существует единой, вечной и неизменной “истины” о событиях прошлого и их значении... Бесконечные попытки историков разобраться в прошлом, по сути “ревизионизм”, как раз и делают историческую науку жизненно важной и значимой... Без историков-ревизионистов, которые проводили исследования новых источников и задавали новые и острые вопросы, мы бы так и погрязли в тех или иных стереотипах»¹⁵. На пересмотр последних, укорененных в приятных мемориальных культурах, не было бы возможно формирование новых канонов памяти.

Альтернативная культура памяти В. Шарова основана на восприятии истории как многовекторного и гетерогенного прошлого. В своих текстах Шаров пытался поставить под сомнение официальную историческую схему «больших нарративов», заменяя ее альтернативными интерпретациями, которые в рамках культуры памяти синтезировали идеи славного прошлого с коммунистическими, военными, православными, интеллигентскими и антикоммунистическими измерениями истории. Альтернативная парадигма исторической памяти была основана одновременно на ревизии, деконструкции сложившихся «больших нарративов» и, как следствие, на конструировании альтернативного канона памяти. Такая радикальная форма функционирования памяти стала следствием невозможности подобных интерпретаций в официальной государственно направляемой российской историографии и в исторической политике, которая проводилась, начиная с конца 1990-х гг., правящими политическими элитами, предпочитавшими использовать формализованный подход к реализации мемориальных мероприятий, направленных на развитие культуры исторической памяти. Подвергая ревизии государственный характер исторической политики, Шаров радикально деконструировал государственно-центричные версии исторического процесса, предлагая альтернативную постмодернистскую версию куль-

¹⁴ Шаров 2009.

¹⁵ McPherson 2003:1.

туры памяти¹⁶, основанную не на глорификации прошлого, но на его восприятии через реинтерпретацию. Анализируя процесс формирования и функционирования парадигм исторической политики, мы можем предположить, что политика памяти является полипарадигмальным направлением в истории политической культуры современного общества. Опыт проведения политики памяти в Европе и России указывает на то, что разные парадигмы исторической политики могут одновременно сосуществовать и софункционировать, формируя противоположные и взаимоисключающие модусы мемориальной культуры.

Миграция политики памяти в массовую культуру: смена парадигм? На протяжении 1990–2010-х гг. историческая политика активно практиковалась и использовалась политическими элитами стран Европы, постсоветских государств и России. Историческая политика оказалась полипарадигмальной областью политической деятельности. В ее рамках сосуществовали и софункционировали государственно направляемые попытки формирования канонов памяти, которые соотносились и коррелировались с представлениями об идеальном образе прошлого политических элита. В политике памяти сосуществовали и альтернативные формы «проработки прошлого», формировавшие другие мемориальные культуры, основанные на редукции прошлого до совокупности интеллектуальных, политических и социальных конструктов. Последний подход доминировал в постмодернистской прозе.

Таким образом, возникли две отличные тенденции исторической политики, основанные на монополизации пространств памяти сторонниками этих двух подходов. Подобное неформальное «разделение труда» в сфере мемориальной культуры вовсе не означало того, что эти стратегии к 2000-м гг. сохраняли монопольное положение и не имели конкурентов в формировании коллективных представлений о прошлом. На протяжении первых десятилетий 21 века историческая память стала активно использоваться представителями современной массовой культуры, вовлеченными в воспроизводство ее визуальных пространств¹⁷. Наряду с государством и интеллектуалами¹⁸, как основными участниками исторической политики¹⁹, массовая культура в начале XXI в. становится еще одним альтернативным пространством для формирования новых, отличных от других, парадигм исторической политики памяти²⁰.

Мы можем констатировать дрейф не только исторического воображения, ограниченного нормами, требованиями и предписаниями академической этики или политической конъюнктуры, но и классических версий исторической политики в направлении культурных индустрий общества потребления. Слабой стороной двух «классических» пара-

¹⁶ Кірчанаў 2019.

¹⁷ Кирчанов 2022d.

¹⁸ Hess 2021.

¹⁹ Assmann 2012.

²⁰ Кирчанов 2021b.

дигм политики памяти является идеологизация истории. Миграция памяти в визуальные культурные пространства, которые оказались более восприимчивы представителями общества потребления, стала попыткой деполитизации мемориальных культур. Память постепенно мигрировала из политической культуры элит и академической историографии, в одинаковой степени связанных с манипулированием прошлым в рамках исторической политики, в направлении массовой культуры.

В наибольшей степени за ассимиляцию исторической памяти массовой культурой ответственны сериалы, актуализировавшие представления о прошлом. Особой формой переосмысления исторической памяти стали научно-фантастические сериалы, включая «Звездный путь» и «Вавилон 5», которые актуализировали различные моменты исторического опыта западного общества, включая преодоление авторитаризма, расовой и национальной сегрегации, а также коллективных травм, приобретенных в ходе борьбы за гражданские права²¹. Визуальная массовая культура смогла предложить относительно универсальный язык для альтернативной модели наррации о прошлом. Эти новые «большие нарративы» исторической памяти были более доступны серийному массовому потребителю, чем продукция академической историографии. Визуализированные версии памяти были более понятны, чем попытки ассимиляции прошлого, которые предпринимались в рамках исторической политики элитами.

Если академическая историография была отягощена нормами научного исследования, которые делали ее недоступной для большинства потребителей, а историческая политика отличалась значительной степенью политизации и идеологизации прошлого, что могло отталкивать от нее массы, уставшие от политики, то популярная культура оказалась избавлена от этих родовых травм «проработки прошлого». Во внимание следует принимать и то, что в первой четверти XXI в. часть интеллектуалов осознала пагубность исторической политики, потому что последняя разрушала самостоятельность и независимость исторической науки, актуализируя ее сервилистские функции, превращая историю в элемент формирования культуры лояльности и подчинения.

Массовая культура с ее достаточно легким и поверхностным отношением к истории, могла казаться панацеей от крайностей академической историографии и от чрезмерно идеологически отягощенной исторической политики памяти. Рассматривая массовую культуру, как пространство формирования еще одной альтернативной, третьей парадигмы функционирования политики памяти, следует помнить, что ее влияние ограничено теми поколенческими и субкультурными группами, которые готовы воспринимать подобные представления о прошлом, оформленные в очередные версии мемориальной культуры, изложенные не в форме наррации, но путем визуализации.

²¹ Кирчанов 2021d.

Незападная историческая политика памяти: «старые» парадигмы в «новых» границах. В первой четверти 21 века стало очевидно, что историческая политика прочно заняла свое место среди методов манипулирования обществом, которые применяются элитами. Историческая политика обрела универсальный характер, развиваясь в условиях одновременного функционирования нескольких парадигм, которые определяют основные векторы и направления манипуляций с исторической памятью со стороны элит и интеллектуалов, которые будучи представителями профессионального сообщества, оказались в состоянии выполнять политический заказ, формируя такие образы прошлого, которые соотносились бы с представлениями элит и могли быть интегрированы в официальный идеологический канон, мемориальную культуру и пространство памяти.

В начале 21 века историческая политика преодолела свои западные границы. В условиях фактического доминирования «старых» парадигм исторической политики, представленным активным государственным вмешательством в формирование исторической памяти и интеллектуальными попытками ревизии официальных идеологических мемориальных культурных канонов, политика памяти стала активно применяться незападными обществами. Восточная политика памяти актуализирует свою универсальность, визуализируя общие родовые травмы применения истории в современных публичных пространствах. Незападная историческая политика развивается в форме идеологически мотивированных манипуляций с фактами прошлого²², что сближает ее с европейским опытом, где мемориальные дискуссии стали попытками синтезировать «познавательные, идеологические и этические темы»²³ в рамках формирования компромиссных форм памяти.

Такому развитию политики памяти содействует то, что усилия незападных элит направлены на консолидацию социума, что предусматривает использование символического ресурса прошлого, которое конструировалось, воображалось и изобреталось в категориях национальной истории. В подобных условиях мемориальная культура, основанная на идеологизированном использовании истории «совпадает с усилиями по уменьшению роли прошлого в обществе, что используется властями для собственной легитимации, создавая новые пробелы памяти, стимулирующие поляризацию общества»²⁴. Поэтому попытки совместного осмысления прошлого стимулируют как достижение мемориального компромисса, так и противоречия между различными версиями памяти²⁵. Поэтому историческая политика незападных обществ могла отличаться от аналогичных стратегий, применяемых европейскими элитами для легитимации собственной власти и воспроизводимой

²² Кирчанов 2022b.

²³ Stobiecki 2008.

²⁴ Kaasik-Krogerus, Čeginskas, Sääskilahti 2020.

²⁵ Littoz-Monnet 2012.

идентичности. Политика памяти на Востоке могла использоваться для придания режиму легитимности. Незападные культуры исторической памяти активно использовали мобилизационные ресурсы, связанные с продвижением образов травмы, полученной в эру колониализма. Незападные политики памяти актуализировали общие тенденции, связанные с манипуляцией историей в угоду элитам. Неевропейские формы исторической политики направлены в большей степени на консолидацию и легитимацию собственных проектов политической идентичности²⁶.

Незападные формы политики памяти отличаются от европейских стратегий «проработки прошлого» тем, что интеллектуалы используют ресурс религии, например ислама²⁷. Ярким примером подобной политики памяти, связанной с маргинализацией и возрождением образов ислама в национальной истории, является индонезийская мемориальная культура²⁸. Если в период пребывания у власти Сухарто ислам подвергался политической маргинализации, то начало демократизации в 1998 г. привело к возрождению индонезийского политического ислама. Культура памяти не могла не отреагировать на такие изменения, что создало благоприятные условия для исторического ревизионизма²⁹. Исламизация индонезийского общества стимулировала формирование новых мемориальных культур и канонов, которые соотносились с не формально светским государством, но с фактически верующим большинством индонезийцев, то есть с мусульманской уммой.

Другим примером незападной политики памяти, основанной не только на актуализации религиозного фактора, но и ценностей этнического национализма является Индия, где приход к власти индуистских националистов стимулировал национализацию коллективной памяти в публичных пространствах путем внедрения принципов хиндутвы – этнического индийского национализма³⁰. Мемориальные незападные культуры актуализируют параллели с аналогичными процессами на Западе, где политика памяти может быть зависимой от этнического национализма³¹. Историческая политика в западных обществах актуализирует общие родовые особенности культуры памяти, потому что западные и восточные мемориальные стратегии исторической памяти основаны на актуализации концептов самости, представленных идеями национальной этнической политической или культурной идентичности, и на большей визуализации в публичных пространствах коллективных исторических травм, полученных в период колониализма. Историческая политика в западных обществах актуализирует сервилитские функции знания о прошлом, стимулируя идеологизацию прошлого.

²⁶ Кирчанов 2022е.

²⁷ Peter 2012.

²⁸ Кирчанов 2022.

²⁹ Gluck 2022.

³⁰ Кирчанов 2020.

³¹ Waterson, 2012.

Выводы. Историческая политика как совокупность мер, направленных на воздействие политических элит на общество, реализуется более чем тридцати лет на территории современной Европы и Америки, хотя элементы ей присущие были характерны и для более ранних режимов. Анализируя особенности исторической политики, во внимание следует принимать несколько факторов, существенно влияющих на различные формы политики памяти, ее применение и реализацию на национальном уровне. На современном этапе историческая политика представляет собой полипарадигмальное направление деятельности элит. В рамках различных манипуляций с прошлым используются разные стратегии, характерные для элит, интеллектуальных сообществ и акторов, вовлеченных в функционирование массовой культуры.

На современном этапе наметился дрейф методов, формирующих ядро исторической политики, из собственно политики и публичных пространств в массовую культуру, что связано с тенденциями деполитизации общества. Историческая политика перестала быть европейским явлением, приобретая универсальный характер. Поэтому практически нет обществ, которые не используют методы воздействия на граждан путем манипуляций с исторической памятью. Деполитизация общества и кризис гуманитарных наук позволил культурным индустриям ассимилировать политику памяти. Массовая культура становится рефлексией относительно исторического опыта, коллективной памяти, сложившихся мемориальных культур и мемориальных канонов.

Не представляется возможным констатировать снижение активности элит и интеллектуалов в политически и идеологически мотивированном использовании прошлого. Не следует исключать появления «новых» парадигм и освоения «старыми» акторами политики памяти других социальных и культурных пространств, которые будут использоваться ими для консолидации идеологически выверенных и политически мотивированных версий памяти, что может привести к формированию новых мемориальных канонов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Кирчанов М.В. Мигель Краснофф Марченко как объект чилийской исторической политики и контексты политики памяти // Политические изменения в Латинской Америке. 2016. № 3 (21). С. 87-96. [Kirchanov M.V. Migel Krasnoff Marchenko как объект chiliyskoy istoricheskoy politiki i konteksty politiki pamjati // Politicheskie izmenenija v Latinskoj Amerike. 2016. № 3 (21). S. 87-96].
- Кирчанов М.В. "Они сражались за Родину?", или как "патриотические предатели" стали героями массовой культуры в западных политиках памяти // Новое прошлое. 2020. № 2. С. 164-179 [Kirchanov M.V. "Oni srazhalis' za Rodinu?", ili kak "patrioticheskiye predateli" stali gerojami massovoj kul'tury v nezapadnyh politikah pamjati // Novoe proshloe. 2020. № 2. S. 164-179].
- Кирчанов М.В. "Свои" предатели "чужой" войны: особенности исторической политики и памяти о второй мировой войне в Ирландии // Историческая экспертиза. 2021а. № 2. С. 101-112 [Kirchanov M.V. "Svoi" predateli "chuzhoj" vojny: osobennosti istoricheskoy politiki i pamjati o vtoroj mirovoj vojne v Irlandii // Istoricheskaja ekspertiza. 2021a. № 2. S. 101-112].

- Кирчанов М.В. Когда нации вспоминают: что, где и как. Заметки культурного антрополога на полях книги Джеймса Верча "How Nations Remember: A Narrative Approach" // Историческая экспертиза. 2021b. № 3. С. 54-67 [Kirchanov M.V. Kogda natsii vspominayut: chto, gde i kak. Zametki kul'turnogo antropologa na poljah knigi Dzhejmса Vercha "How Nations Remember: A Narrative Approach" // Istoricheskaja ekspertiza. 2021b. № 3. S. 54-67].
- Кирчанов М.В. Фантастический кинематограф как одна из форм локализации военных образов в американской массовой культуре // Гуманитарный вектор. 2021d. Т. 16. № 5. С. 77-86. [Kirchanov M.V. Fantasticheskij kinematograf kak odna iz form lokalizatsii voyennykh obrazov v amerikanskoj massovoj kul'ture // Gumanitarnyi vektor. 2021d. T. 16. № 5. S. 77-86].
- Кирчанов М.В. "Политика памяти" в современной Бразилии (2012–2022 гг.) // Латинская Америка. 2022a. № 5. С. 60-71 [Kirchanov M.V. "Politika pamjati" v sovremennoj Brazilii (2012-2022 gg.) // Latinskaja Amerika. 2022a. № 5. S. 60-71].
- Кирчанов М.В. Восприятие коммунизма в современной политике памяти Индонезии: между «возвращением» и «забвением» // Восточный курьер. 2022b. № 2. С. 25-35 [Kirchanov M.V. Vosprijatie kommunizma v sovremennoj politike pamjati Indonezii: mezhdz «vozvrashcheniem» i «zabveniem» // Vostochnyj kur'er. 2022b. № 2. S. 25-35].
- Кирчанов М.В. Историческая политика памяти в Иране, 1925-1979 ("воображение" прошлого и "изобретение" истории как форма "изобретения традиций") // Диалог со временем. 2022c. № 78. С. 229-242 [Kirchanov M.V. Istoricheskaja politika pamjati v Irane, 1925-1979 ("voobrazhenie" proshlogo i "izobretenie" istorii kak forma "izobretenija traditsij") // Dialog so vremenem. 2022c. № 78. S. 229-242].
- Кирчанов М.В. Память о гражданской войне в США в историческом воображении общества потребления // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022d. Т. 27. № 2. С. 32-44. [Kirchanov M.V. Pamjat' o grazhdanskoj vojne v SShA v istoricheskom voobrazhenii obshchestva potreblenija // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2022d. T. 27. № 2. S. 32-44].
- Кирчанов М.В. Политика памяти Ближнего Востока: особенности ассимиляции западного мемориального проекта в арабском либерализме // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2022e. Т. 6. № 3. С. 342-352. [Kirchanov M.V. Politika pamjati Blizhnego Vostoka: osobennosti assilimjatsii zapadnogo memorial'nogo proekta v arabском liberalizme // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologija. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2022e. T. 6. № 3. S. 342-352].
- Кирчанов М.В. Региональная "политика памяти" России: акторы, направления, перспективы развития мемориальной культуры // PolitBook. 2022f. № 1. С. 24-54 [Kirchanov M.V. Regional'naja "politika pamjati" Rossii: aktory, napravlenija, perspektivy razvitiija memorial'noj kul'tury // PolitBook. 2022f. № 1. S. 24-54].
- Кірчанаву М. Топас руху як пастаяннага вяртання ў прозе рускага і беларускага постмадэрнізму // Беларуская мова і літаратура ў славянскім этнакультурным кантэксьце. Віцебск: ВДУ імя П. М. Маўэрэва, 2019. С. 166-169 [Kіrchanau M. Topas ruchu jak pastajannaha viartannia ў prozie ruskaha і belaruskaha postmadernizmu // Bielaruskaja mova і litaratura ў slavjanskim etnakulturnym kantekscie. Viciebsk: VDU imia P. M. Mašerava, 2019. S. 166-169].
- Кірчанаву М.В. Гісторыя ісламу як аб'ект палітыкі памяці ў Інданезіі // Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Історыя. 2022. № 3. С. 82-92 [Kіrchanau M.V. Historyja islamu jak abjekt palityki pamjaci ў Indanezii // Żurnal Bieloruskoko hosudarstviennoho univiersiteta. Istorija. 2022. № 3. S. 82-92].
- Миллер А. «Историческая политика» в Восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения [Miller A. «Istoricheskaja politika» v Vostochnoy Yevrope: plody вовlechenного nablyudeniya] // Polit.ru. 2008. May 7. URL.: <https://polit.ru/article/2008/05/07/miller/>
- Шаров В. Искушение Революцией. М.: ArsisBooks, 2009. [Sharov V. Iskusheniye Revolyutsiyey. M.: ArsisBooks, 2009].
- Assmann A., Shortt L. Memory and Political Change // Memory and Political Change / ed. A. Assmann. L – NY.: Palgrave Macmillan, 2012. P. 1–14.
- Assouline P. La Cliente. Paris: Gallimard, 1998.

- Contestations of Memory in Southeast Asia / ed. R. Waterson. Singapore: NUS Press, 2012.
- Gluck C. National Pasts as Political Presents: War Memory in East Asia // *National Memories: Constructing Identity in Populist Times* / eds. H.L. Roediger III, J.V. Wertsch. NY., 2022. P. 280–299.
- Hess A. The liquefaction of memory: an intellectual history and critique of Zygmunt Bauman's diffusionist social theory // *Global Intellectual History*. 2021. Vol. 6. No 2. P. 190–214.
- Kaasik-Krogerus S., Čeginskas V., Sääskilähti N. Politics of memory and oblivion // *European Politics and Society*. 2020. Vol. 21. No 2. P. 271–276.
- Koposov N. The armored train of memory // *Perspectives on History*. 2011. January 1. URL.: <https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/january-2011/the-armored-train-of-memory-the-politics-of-history-in-post-soviet-russia>
- Litton-Monnet A. The EU politics of remembrance // *West European Politics*. 2012. Vol. 35. No 5. P. 1182–1202.
- Malinova O. Politics of Memory and Nationalism // *Nationalities Papers*. 2021. Vol. 49. No 6. P. 997–1007.
- Maurantonio N. The Politics of Memory // *The Oxford Handbook of Political Communication* / ed. K. Kenski. Oxford: OUP, 2014. P. 219–232.
- McPherson J. Revisionist Historians // *Perspectives on History*. 2003. Vol. 41. No 6. P. 1.
- Nesbø J. Rødstrupe. Oslo: Aschehoug & Co., 2000.
- Peter F. Nation, narration and Islam // *Current Sociology*. 2012. Vol. 60. No 3. P. 338–352.
- Rosenthal J.M. Memory and peace in Colombia // *Perspectives on History*. 2017. March 20. URL.: <https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/march-2017/memory-and-peace-in-colombia>
- Spiegel G.M. "The armored train of memory": an introductory note // *Perspectives on History*. 2011. January 1. URL.: <https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/january-2011/the-armored-train-of-memory-an-introductory-note>
- Stobiecki R. Historians Facing Politics of History // *Past in the making* / ed. M. Kopeček. Budapest: CEU Press, 2008. P. 179–192.

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, Воронежский государственный университет; maksymkyrchanoff@gmail.com

"Historical Politics" in the World: Products of Detached Study

The article analyzes the tactics and strategies of political elites aimed at turning history into a symbolic resource for legitimizing power and political mobilization. The author in this article analyzes the paradigms of historical politics, represented by the dominance of elites in the formation of ideas about the past, attempts of intellectual revision and promotion of alternative memorial cultures, and the drift of memorial practices into the sphere of mass culture. The history of the politics of memory in its early, "classical" and modern versions, the patterns of development of memorial cultures are analyzed, the universality and inevitability of historical politics is shown.

Keywords: *historical politics, politics of memory, historical memory, memorial culture, intellectuals, paradigm, mass culture.*

Maksym W. Kyrchanoff, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Voronezh State University; maksymkyrchanoff@gmail.com

И.П. ДАВЫДОВ, И.А. ФАДЕЕВ

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ (САМО)ИДЕНТИФИКАЦИЯ В ЦЕРКВИ АНГЛИИ КОНЦА ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ ЭПОХИ: ВЗГЛЯДЫ РИЧАРДА ХУКЕРА НА ЦЕРКОВНЫЙ РИТУАЛ¹

Раскрывается критическое отношение Ричарда Хукера к распространенной в период Елизаветинского религиозного устройства идее адиафоричности ритуала. На примере теоретического формирования коллективной идентичности ортодоксального крыла Церкви Англии продемонстрирована роль литургии в процессе идентификации. Была применена методология исторического анализа, семиотики теологических знаковых систем и «археологии» литургии. Вывод: идентификационное значение ритуала состоит в его стереотипности, знаковости и социальной принадлежности. Важнейшую роль в «реабилитации» и теоретическом оправдании литургии при Елизавете сыграли богословские и богослужебные принципы, правоту которых отстаивал Ричард Хукер.

Ключевые слова: *история церкви, литургия, евхаристия, обряд, адиафора, литургиология, политическая теология, Ричард Хукер, Джорджо Агамбен*

Предмет данного исследования – история ритуалогической полемики елизаветинской эпохи в Англии, а *цель* – выяснение богословского вклада Ричарда Хукера (1554–1600) в дело защиты ритуалов Церкви Англии от нападок радикальных противников сохранения в реформированной церкви прежней (по богатству и разнообразию форм проявления) обрядности. Хукер справедливо опасался, что слом привычного английской пастве церковного обихода повлечет за собой духовную дезориентацию верующих, то есть, говоря современным языком, размывание обрядово-символических (существующих наравне с политико-юридическими, конститутивно-практическими, дискурсивно-теоретическими, о чем см. ниже) признаков их этно-конфессиональной идентичности и способов религиозной самоидентификации. Фактически именно ему пришлось отвечать составителям первого «Предостережений Парламенту» 1572 г., пуританам Томасу Уилкоксу (ок. 1549–1608) и Джону Филду (1545–1588), подвергшим яростной критике официальную литургию Церкви Англии, содержащуюся в третьей, елизаветинской, редакции Книги общей молитвы 1559 г.² Хукеру удалось не только составить апологию ритуальных практик реформированной Английской церкви, но и преобразить позицию елизаветинского конформизма по вопросам литургии. Поэтому мы полагаем необходимым уделить именно его взглядам самое пристальное внимание в данном исследовании.

¹ Статья написана в рамках проекта «Ритуальные механизмы этноконфессиональной и религиозно-политической самоидентификации в исторической ретроспективе» (РФФИ № 21-011-44227)

² The Book of Common Prayer 1559 2005.

Для достижения указанной цели было необходимо решить следующие задачи:

а) обратиться к базовым положениям «ритуалогической» (термин относится к современному языку научного описания) доктрины Хукера, изложенным им в пятой книге фундаментального труда «О законах церковного устройства»;

б) с опорой на современную ритуалологию и семиотику религии (В.Ю. Лебедева, Джорджо Агамбена) уточнить место и роль литургической практики в жизни церковной общины, как позднеантичной, так и нововременной;

в) проследить, основываясь на наблюдениях Ч. Миллера, как три ключевых понятия: «уподобление» (в смысле обозначения, репрезентации), «повторение» (в смысле артикуляции и регулярной актуализации) и «чувственность» (в смысле наглядности, телесной действенности) позволяют Хукеру выстроить свою апологию обряда (в первую очередь, литургии) и сделать соответствующие выводы.

В англоязычной исследовательской литературе поныне отсутствуют фундаментальные обобщающие работы, посвященные самоидентификации Церкви Англии, но различные аспекты этой проблематики неоднократно обсуждались такими авторитетными историками как, например, Пол Авис³, Колин Подмор⁴, Имон Даффи⁵, Кристофер Хэйг⁶ и др.⁷ В этой литературе превалирует казуальный подход, в рамках которого на отдельных примерах рассматриваются концептуальные вопросы. Даже пятитомная «Оксфордская история Англиканства»⁸, предлагая определенную степень обобщающей концептуализации, не преодолевает рамки названного подхода. Следует также подчеркнуть, что, если в указанных работах хоть иногда и поднимались вопросы истории богослужения, они никогда не были в фокусе ритуалогического (или уже – литургиологического) внимания перечисленных выше экспертов, и литургические тексты или их теологическая апология не рассматривались ими как маркеры религиозной (само-)идентичности. Так, в первом томе «Оксфордской истории Англиканства», посвященном теме «Реформации и идентичности, ок. 1520–1662 гг.», в разделе «Литургия и богослужение»⁹ Ричард Хукер, его взгляды на литургию и апология обрядов Церкви Англии вообще не упоминаются.

Поэтому в представленном в статье историко-литургиологическом подходе соавторы усматривают элементы научной новизны. Актуальность же обсуждаемой проблематики продиктована неухающими

³ Avis 2000; Avis 2002; Avis 2007.

⁴ Podmore 2005.

⁵ Duffy 2005.

⁶ Haigh 2000: 572–588; Haigh 2001: 28–49.

⁷ См. подр. в: Фадеев 2015: 20–44.

⁸ Oxford History of Anglicanism 2017.

⁹ Spinks: 148–167.

спорами историков, теологов, философов и политологов вокруг принципов описания и осмысления социального феномена религиозной (само-)идентичности.

Как уже было отмечено, Ричард Хукер – один из самых заметных и влиятельных английских теологов, сформировавших и выступавших в защиту ортодоксальной доктрины Церкви Англии XVI в. В своих трудах он полемизировал как с лютеранами и реформатами, так и с римо-католиками, склоняясь (где это не противоречило его собственной логике) к точке зрения последних:

«Насколько они [т.е. члены Римской церкви – И.Ф.] следуют разуму и истине, настолько мы не боимся ступить на тот же путь, по которому они пошли, и быть их последователями (*to be their followers*). Где Рим сохраняет то, что является древним и лучшим (*ancienter and better*), те, кого мы любим более [нежели Рим], оставляют это ради нового и меняют его на худшее; мы бы лучше следовали за совершенствами тех, кого мы не любим, чем в дефектах подражали тем, кого мы любим»¹⁰.

Как представителя англиканской ортодоксии, помимо прочего, его занимал вопрос статуса Короны в английской реформированной церкви¹¹. Его Хукер относил к сфере «политии», т.е. оптимального «церковного устройства». На наш взгляд, «полития» Хукера может быть понята в ритуалогическом – и уже в литургиологическом – ключе с применением методов исторической семантики¹² (в частности, методологии Джорджо Агамбена¹³) и семиотики теологических знаковых систем¹⁴. Современная исследовательница символических форм коммуникации историк Барбара Штольберг-Рилингер (1955 г.р.) эксплицировала четыре основных формы государственной институционализации: (а) политико-юридическую; (б) конститутивно-практическую; (в) дискурсивно-теоретическую и (г) обрядово-символическую¹⁵. Ричард Хукер сосредоточил свое внимание на обрядово-символическом аспекте «политии», видя в них живое воплощение «жизни во Христе»¹⁶ (что указывает на неприятие им идеи адиафоричности церковных ритуалов). Доказывает он свою позицию дискурсивно-теоретически, как ученик колледжа Тела Христова, выпускник Оксфорда, именитый богослов, а не только как настоятель церкви Темпл¹⁷ (*Master of the Temple*)¹⁸.

¹⁰ LEP V, xxviii:1.

¹¹ См. подр. в: Fadeyev, Palamarchuk 2018: 158–173.

¹² Понятия, идеи, конструкции 2019.

¹³ Агамбен 2022: 63. Особенно подробно вопросы лаудации власти Агамбен излагает в « *homo Sacer*» (II, 2). См. на рус. яз.: Агамбен 2019: 279–425.

¹⁴ Лебедев, Прилуцкий 2010.

¹⁵ Штольберг-Рилингер 2018: 363.

¹⁶ Насколько Хукер оказался прав, можно судить даже по косвенным выводам, сделанным Николасом Бизли: Beasley 2009.

¹⁷ Церковь Темпл, или Темпл-черч – особая королевская церковь (a Royal peculiar), располагающаяся в лондонском Сити. Возведена рыцарями английской ветви ордена тамплиеров. С начала XIV века перешла во владение Короны, но была передана гос-

В пятой книге «О законах церковного устройства» Ричард Хукер достаточно подробно разбирает центральные аспекты ритуально-литургической жизни Церкви Англии. Ко времени написания Хукером его центрального труда в реформированной Английской церкви отношение к ритуалу определялось сложившимся в результате «елизаветинского устройства» религиозно-политическим конформизмом, для которого ритуал не обладал собственной религиозной ценностью, но, относясь к области адиафоры (сотериологически нейтральных аспектов жизни верующих), целиком зависел от воли Короны и служил целям последней в сфере церковной политики¹⁹.

Ричард Хукер рассматривает и опровергает негативную пуританскую позицию в отношении Церкви Англии и ее литургической практики: «...наши молитвы, наши Таинства, наши посты, наши времена и места публичных собраний вместе для поклонения и служения Богу, наши брачные церемонии (*marriages*), наши погребальные церемонии (*burials*), наши торжественные церемонии (*functions*), церковные избрания и рукоположения, практически все, что мы делаем для отправления нашей религии в соответствии с законами, установленными для этой цели, все вещи, так или иначе, считаются [пуританами – *И.Ф.*] ошибочными, все – запятнанными суевериями»²⁰.

Эти, как и многие другие, обвинения в адрес реформированной Английской церкви были изложены пуританами в первом «Предостережении Парламенту» 1572 г., составленном двумя лондонскими клириками – Томасом Уилкоксом (ок. 1549–1608) и Джоном Филдом (1545–1588). В «Предостережении» выдвигался целый ряд обвинений против практики Церкви Англии²¹. Авторы требовали от Парламента отменить

питальерам, которые, в свою очередь, отдали ее в аренду колледжам юристов, которые впоследствии стали известны как Иннер-Темпл (Inner Temple; англ. «Внутренний Храм») и Миддл-Темпл (Middle Temple; англ. «Средний Храм»). Они сохранили свои арендные права на церковь после роспуска монастырей и орденов Генрихом VIII, в правление которого церковь вернулась под непосредственный контроль Короны. Как «особая королевская церковь», Церковь Темпл не находится в юрисдикции епископа Лондона и является частью королевского двора (Royal Household).

¹⁸ О нем см., напр.: A Companion to Richard Hooker 2008; Kirby 2005; Littlejohn 2017.

¹⁹ Cuming 1982:102–127.

²⁰ LEP V, iv:1.

²¹ «Тогда [т.е. в древней Церкви (*the olde church*) – *И.Ф.*], после беспристрастного испытания их звания свыше, они [т.е. служители Церкви – *И.Ф.*] допускаясь к совершению своих обязанностей через возложение рук исключительно старейшинами: теперь же... требуется [для совершения рукоположения – *И.Ф.*] альба, суперпеллицеум (*a surplesse*), риза (*a vestiment*), пасторал (*a pastoral staff*), а также нелепый и... богохульный призыв “Прими Духа Святого”» (Admonition to the Parliament 1907: 10). «В те дни они [т.е. клирики Церкви – *И.Ф.*] отличались голосом, ученостью и вероучением: теперь же их отличают по папистскому и антихристову одеянию, такому как шапка, мантия, типпет и т.п.» (Admonition to the Parliament 1907: 11). «Тогда служители не были связаны какими-либо формами молитвы, изобретенными людьми, но молились в соответствии с тем, как подвигал их Дух... Теперь они по необходимости принуждены к установленному порядку богослужения (*to a prescript order of*

«установленный порядок богослужения, составленный из Миссала», перечисляя, в частности, богослужебные практики, содержащиеся в *Книге общей молитвы* 1559 года, которые, по их мнению, отсутствовали в богослужении ранней Церкви и/или были заимствованы, а именно:²²

- чтение отрывков из посланий апостолов и евангелий;
- декламация Никео-Константинопольского символа веры;
- применение гостий (облаток) вместо обычного хлеба;
- преклонение колен для принятия причастия;
- произнесение священником специальной формулы при причащении верных;
- использование облачений²³ и музыки;
- наличие баптистерия и института крестных родителей при крещении;
- совершение крестного знамения и прочих ритуальных действий.

Для авторов «Предостережения» *Книга общей молитвы* «пахла старым папистским священством» и была полна ошибок, противных слову Божию.²⁴ Так, например, их возмущал церковный календарь, когда: «святым приписываются дни, которые соблюдаются как освященные, вместе с постами накануне, а также предписано для них богослужение. Коих дней, которые также противны Божией заповеди, многие суеверно придерживаются и их соблюдают»²⁵.

Они отвергли и *Ординал*, публикуемый традиционно вместе с *Книгой общей молитвы*: «Их понтификал, ... посредством которого они посвящают епископов, поставляют служителей и диаконов, есть не что иное, как вещь, извлеченная слово в слово из папского понтификала, в котором он [т.е. папа Римский – И.Ф.] показывает себя антихристом наиболее убедительно»²⁶.

Реагируя на эти обвинения в суеверии и нападки на ритуальные практики Церкви Англии, Хукер, в первую очередь, проводит различие между двумя аспектами «поклонения Богу» (*worship belonging unto God*):²⁷

service) и *книге общей молитвы (booke of common prayer)* [курсив наш – И.Ф.], в которой содержится великое множество вещей, противных слову Божию, таких как крещение женщинами (*baptism by women*), частные Евхаристии, еврейские очищения, соблюдение праздников и т.д., кои неуклюже взяты (если и не все, то большая часть) из папского бревиария (*Popes portuis*)» (Admonition to the Parliament 1907: 11–12). «Тогда не учили ничему, кроме слова Божиего, теперь же – соизволения королей, человеческие коварные замыслы, папистские церемонии и антихристовы обряды публично с кафедры защищаются» (Admonition to the Parliament 1907: 12).

²² Admonition to the Parliament 1907: 13–14.

²³ Admonition to the Parliament 1907: 35.

²⁴ Admonition to the Parliament 1907: 21–22.

²⁵ Admonition to the Parliament 1907: 24.

²⁶ Admonition to the Parliament 1907: 30.

²⁷ LEP V, iv:3.

- «внутреннее разумное» (*inward reasonable*) поклонение, к которому относятся «все виды добродетельных обязанностей по отношению к Богу, которые человек имеет через разум и совесть»;
- «торжественное и пригодное [для Бога – И.Ф.]» (*solemn and serviceable*) поклонение, под которым он понимает все, чем пользуется Церковь для служения Богу «через внешнее поклонение» (*whatsoever belongeth to the Church and public society of God by way of external adoration*), в частности, ритуал.

Именно второй аспект становится камнем преткновения между Церковью Англии и пуританами. В области «торжественного и пригодного поклонения» Хукер подчеркивает различия того, что:

1) «касается принципиальных вопросов» (*principal matters*), «субстанции религии» (*substance of religion*), что упорядочено лишь божественными предписаниями, и

2) «касается вещей низшего порядка» (*things of inferior regard*), упорядоченных как божественными, так и человеческими постановлениями.²⁸

Отвечая на обвинения в том, что в Церкви Англии «законы не упорядочили эти низшие вещи должным образом, а <ее> обычаи – либо суеверны, либо упорядочены ошибочно»²⁹, Хукер ставит своей целью оправдать ритуальные практики реформированной Английской церкви. Одновременно он, тем самым, решает и другую проблему – преодоления елизаветинского конформизма, делая акцент на сохранении литургии как формы «общения верных», уже на земле (в августинианском смысле *civitas terrena*) подобной небесной форме богообщения (*civitas Dei*)³⁰. Таким образом, приверженность совершенно определенному церковному обряду и обиходу (способствующим, по убеждению единоверцев, успеху в деле спасения души) становится маркером религиозной идентичности клириков и мирян Церкви Англии в среде конфессионально неоднородного населения Великобритании.

Современный отечественный семиотик религии В.Ю. Лебедев (1970 г.р.), много сил отдавший семанализу ритуального дискурса³¹, справедливо фокусируется именно на семантике и прагматике литур-

²⁸ LEP V, iv:3. Следует подчеркнуть, что Р. Хукер употребляет понятие «низший порядок» не в пренебрежительном смысле. Наоборот, он придает этим вещам не менее важное значение, когда пишет: «...касательно природы богослужений (*religious services*) и способа их должного отправления... поскольку величие и достоинство (*greatness and dignity*) любого рода действий измеряется достоинством (*worthiness*) субъекта, от которого они исходят, и объекта, с которым они связаны, в обоих случаях должно нам признать, что этот, нынешний, мир не может предложить ничего сравнимого с публичными богослужениями (*public duties of religion*)... в этом мире не может быть совершенно дела равного отправлению истинной религии, собственного действия Церкви Божией» (LEP V, iv:3).

²⁹ LEP V, iv:3.

³⁰ Neelands 2003: 99–110.

³¹ Лебедев 2008.

гии как квинтэссенции церковной практики³². Это неудивительно, поскольку именно литургия является для христиан ритуалом *par excellence*. То же самое неоднократно подчеркивает в своем многотомном труде «Номо Сасег» итальянский философ Джорджо Агамбен (1942 г.р.)³³. Агамбен уверен: «Тайна литургии... – это тайна действительности и только если <ее> постичь..., мы сможем понять то громадное влияние, которое эта практика ...оказала на способ, каким Новое время мыслило как свою онтологию, так и свою этику, как свою политику, так и свою экономику»³⁴.

Итальянский философ последовательно рассматривает сходства и различия четырех значений слова «литургия»: 1) античной общественной повинности финансирования спорта, флота, театра, культов полисных богов-патронов (или же культа римского императора) и т.п.; 2) древнееврейского левитского служения коэнов, приносящих регулярные кровавые жертвы Яхве в скинии Завета и в иерусалимском храме; 3) харизматический мессианизм апостолов со Христом-литургом во главе, и его трансформацию в 4) евхаристию бескровной жертвы на многочисленных церковных алтарях христианской ойкумены.

Свою «археологию» литургии Агамбен начинает с выяснения этимологии понятия «литургия» (от др.-греч. *laos* – «народ» и *ergon* – «дело») с опорой на труды древнегреческих и древнеримских историков и философов. Он приходит к выводу, что в античности священническое служение было одной из многочисленных форм государственной (полисной) публичной культовой и внекультовой службы, и поэтому в раннехристианскую эпоху, дабы подчеркнуть храмовый характер культа, вместо термина «литургия» могли использоваться его эквиваленты (например, *hierourgeō*). Даже привычные нам слова для обозначения священнослужителей, такие как «иерей» и «архиерей» в апостольскую эру резервировались исключительно за Иисусом Христом, а клирики именовались дьяконами (служителями), пресвитерами (старейшинами) и епископами (надзирателями)³⁵.

Джорджо Агамбен предполагает, что харизматическое мессианство апостолов именно тогда становится церковным институтом, когда реализовалась «идея обособовать функцию пресвитеров и епископов как перманентную “литургию”, моделью которой будет служить левитское священство»³⁶ и литургия превратилась из «<древнегреческой и древнеримской> повинности на благо сообщества» в «регулируемую кано-

³² Лебедев 2007.

³³ Агамбен 2020: 114–121; Агамбен 2022: 19–107.

³⁴ Агамбен 2022:14. Итальянский философ далее поясняет, почему это так: «Экономическая Троица <домостроительства спасения людей от последствий грехопадения> и имманентная Троица <бытия Божия> должны совпасть в литургии» (Агамбен 2022: 43).

³⁵ Агамбен 2022: 19–28.

³⁶ Агамбен 2022: 32.

ном» «постоянную и пожизненную службу»³⁷ специально подготовленных кадров, прошедших тщательный профессиональный отбор.

Иерархическая субординация рангов потребовала от церкви выработать чинопоследования и правила занятия должностей, нашедшие свое отражение в ритуалах таинств (крещения, хиротонии, евхаристии и проч.)³⁸, но «рутинизация харизмы» (говоря языком Макса Вебера) наступила не во II–III вв., а много позже, поскольку ранние отцы церкви всячески подчеркивали и различали, по текстологическим наблюдениям Дж. Агамбена, уникальное и исключительное священство Христа – с одной стороны, и евхаристическое празднование и коммеморацию крестной жертвы Спасителя в храмовом пространстве – с другой.

Реальность же и действенность литургии для нынешних католиков зиждется на убеждении, провозглашенном папой Пием XII (1876–1958) в энциклике *Mediator Dei* (1947 г.): «Священная литургия представляет собой публичный культ, который наш Избавитель, как Глава Церкви, воздает небесному Отцу и который община верных воздает своему Основателю и через Него Вечному Отцу»³⁹.

Валидность таинства, которое совершает клирик от лица церкви, обеспечивается схоластической дихотомией *opus operatum* – «исполненное <в действительности> дело» vs. *opus operantis* – «дело деятеля» (или же *opus operans* – «дело делающее»), известной со времен высокой схоластики и закрепленной в качестве догмата решениями Тридентского собора (1545–1563; как раз во времена Ричарда Хукера)⁴⁰.

Модус *opus operatum* обозначает самый «акт таинства», а модус *opus operans* – его сакральный результат. Поэтому для прихожанина не суть важно, насколько достойным, высокодуховным и высоконравственным был конкретный «слуга Божий» при строго каноническом осуществлении им обряда евхаристии, крещения и прочих сакраментальных действий, а для клирика не имеет особого значения искренность мирянина, приступающего к таинствам церкви, ибо на благодатное воздействие *opus Dei* человеческие немощи не могут повлиять.

Отсюда чрезвычайное внимание теологов-литургистов (Хукера в том числе) к тонкостям чинопоследования и требования добросовестности выполнения клиром всех освященных многовековой церковной традицией ритуальных предписаний: чтобы таинство здесь и сейчас стало действительным и действенным, оно должно быть безупречно конституировано («сконструировано», «срежиссировано»), правильно актуализировано, корректно введено в онтологию этого падшего мира (*civitas terrena*). Небрежно совершенный, ошибочный по цели или догматически неверный ритуал (*opus operatum*) даст ложный *opus operans*

³⁷ Агамбен 2022: 32–33.

³⁸ Будущий модус *opus operatum*.

³⁹ Цит. по: Агамбен 2022: 40.

⁴⁰ См. подр. на рус. яз.: Тридентский собор 2019.

и «экономии» божественного спасения будет нанесен трудно устранимый ущерб, который нельзя допустить.

Добиться нужного сотериологического эффекта⁴¹, указующего путь в *civitas Dei*, по убеждению Хукера, можно только скрупулезным следованием церковной традиции, бережным сохранением (и аккуратным исправлением неточностей) древних текстов литургий, а также ответственным отношением ко всем обязанностям священного сана⁴².

Разумеется, теологи различных христианских конфессий, соперничавших между собой на континенте и на Британских островах во времена Реформации, каждый по своему усмотрению трактовали ритуал, литургию, евхаристию, их необходимость, адиафоричность или даже полную ничтожность в деле спасения души. Поэтому, на наш взгляд, разночтения в редакциях канонических и литургических текстов, «диверсификация» и рекомбинация элементов чинопоследования, степень вовлеченности верующих той или иной конфессии в годовой литургический цикл, ежедневный обиход и конкретный (допустим, воскресный) евхаристический ритуал являются надежными маркерами для исследования их религиозной идентичности и самоидентификации.

Современный английский историк Чарльз Миллер выделил три центральных аспекта во взглядах Ричарда Хукера на богослужение:⁴³

- уподобление (*imitation*);
- повторение (*iteration*);
- чувственность (*sensation*).

Уподобление. Находясь в рамках августинианской традиции богословской мысли, Ричард Хукер неизменно утверждает, что «знаки (*signs*) должны быть подобными (*resemble*) вещам, которые они обозначают (*signify*)»⁴⁴. Аналогично, необходимое духовное состояние человека должно выражаться церковью внешним образом: «Поэтому,» «если религия обладает величайшей властью в наших сердцах, наши внешние богослужения (*religious duties*) должны демонстрировать это настолько, насколько у Церкви есть на то внешние возможности»: «публичные богослужения должны обладать» «чувственным превосходством, соответствующим величию Того, кому мы поклоняемся»⁴⁵. Следовательно, заключает Р. Хукер, лишь тогда публичные богослужения упорядочены лучшим образом, когда они *подобны* (*resemble*), «через чувственные средства» «*(by sensible means)*, тем скрытым достоинству и славе,» «кими Церковь торжествующая на небесах украшается»⁴⁶.

⁴¹ Об «эффekte» см. спец.: Агамбен 2022: 71–84.

⁴² «Литургия реализует политическую общность между небесной и земной Церковью и в то же время единство имманентной и экономической Троиц в единой сакраментальной практике» (Агамбен 2022: 56).

⁴³ Miller 2013: 130–133.

⁴⁴ LEP V, vi: 2.

⁴⁵ LEP V, vi:2.

⁴⁶ LEP V, vi:2.

Повторение. Отвечая сторонникам свободной формы молитвы на их критику *Книги общей молитвы*, Хукер подчеркивал назидательную ценность публичного богослужения⁴⁷:

«Бог в публичной молитве столь большое внимание уделяет... строгому определению даже того, какими словами или изречениями Его имя должно быть призываемо среди Его народа»⁴⁸.

Здесь «принцип повторяемости» (по Ч. Миллеру) в публичном богослужении оказывается тесно переплетен с представлениями Хукера о роли традиции в жизни церкви:

«В этом случае не можем мы легковесно отнестись к тому, что было разрешено... суждением древности, а также длительной практикой всей Церкви, излишне отклоняться от которой опыт никогда не находил безопасным»⁴⁹.

Согласно Хукеру, авторитетные суждения древних, которые были свидетелями практики ранней церкви, если они подкрепляются преемственностью в последующих столетиях, должны рассматриваться как еще более авторитетные людьми сегодняшнего дня, «ибо мир не потерпит услышать, что мы мудрее, чем те, кто были до нас»⁵⁰. Поэтому он заключает, что не следует без серьезной необходимости изменять «древние установления, обряды и давно утвержденные обычаи наших глубоко чтимых предшественников»⁵¹.

Именно в этом контексте Хукер выступает не только против пуританских нападок, но и против одной из установок елизаветинского конформизма. Он утверждает, что все то, что установлено законом Англии в области церковной, должно соблюдаться, но не только и не столько в силу самого закона, а потому, что «древность, обычай и согласие Церкви Божией... сами по себе являются достаточными причинами для соблюдения» оног⁵². Более того, Хукер утверждает, что: «Церковь, являясь телом, кое никогда не умирает, всегда обладает не меньшей властью... устанавливая то, чего никогда не было, нежели утверждать то, что было всегда»⁵³.

Он наиболее ясно высказывается против сложившейся конформистской позиции, когда утверждает, что создание любой формы «внешнего отправления» публичного богослужения, всего того, что имеет отношение к последнему – это «часть мудрости Церковной» (*is a point of wisdom Ecclesiastical*)⁵⁴. Далее Хукер выступает сразу против и пуританских убеждений, и конформистской позиции: он не только отвергает пуританское представление о свободе каждого христианина

⁴⁷ LEP V, v.

⁴⁸ LEP V, xxv:5.

⁴⁹ LEP V, vii:1.

⁵⁰ LEP V, vii:1.

⁵¹ LEP V, vii:1.

⁵² LEP V, vii:1.

⁵³ LEP V, viii:1.

⁵⁴ LEP V, viii:1.

судить о вере и церковном порядке, но и утверждает самодостаточность власти церкви в этих вопросах. Он подчеркивает, что «законы, касающиеся вопроса порядка, изменяемы властью Церкви; но не так [обстоит дело] с догматами веры»⁵⁵.

Ричард Хукер утверждает неизменность догматических положений, приводя (в несколько вольной форме) в подтверждение своих доводов слова, которые «мы часто читаем в писаниях кафолических и святых мужей касательно вопросов вероучения», по всей видимости – из трактата «Книга против ариан» св. Фебадия, епископа Аженского (ум. ок. 392 г.): «...в это мы веруем, это мы соблюдаем, это пророки и евангелисты провозгласили, это Апостолы передали, это мученики запечатали своею кровью и исповедали во время мучений, к этому мы храним верность как основанию наших душ; и даже если бы Ангел с небес стал проповедовать нам против этого, мы бы не поверили»⁵⁶.

Согласно его взглядам, должно обращаться к священному писанию, разуму и церкви, и уже не столько воля Короны является определяющей в вопросах ритуальной практики церкви, сколько закон самой Церкви Англии, определяемый божественной волей и освященной веками традицией, так как церковь воинствующая (земная) является отражением церкви торжествующей (небесной).

Чувственность. Как было отмечено выше, уподобление публичного богослужения «достоинству и славе» небесной церкви происходит «через чувственные средства» (*by sensible means*). Чувственное, внешнее в молитве, по Хукеру, настолько важно, что, как отмечает Чарльз Миллер, публичное богослужение для него – это скорее дело «колен и рук», чем «ушей и языка»⁵⁷. Поэтому он выступает в защиту ритуальных предписаний и действий, в частности предписания *Книги общей молитвы*, согласно которому верные должны принимать причастие лишь коленапреклоненными,⁵⁸ а также, например, практики сотворения крестного знамения на лбу ребенка во время обряда крещения⁵⁹.

Хукер утверждает, что не только подобные действия вовлекают само тело в богослужение, но, являясь таким образом, «связующими звеньями» между земным и небесным, способны приносить ему духов-

⁵⁵ LEP V, viii:2.

⁵⁶ LEP V, viii:3: «...this we believe, this we hold, this the Prophets and Evangelists have declared, this the Apostles have delivered, this Martyrs have sealed with their blood, and confessed in the midst of torments, to this we cleave as to the anchor of our souls, against this, though an Angel from heaven should preach unto us, we would not believe». Ср.: «Hoc credimus, hoc tenemus, quia hoc accepimus a prophetis: hoc nobis Evangelia locuta sunt: hoc apostoli tradiderunt: hoc martyres in passione confessi sunt: in hoc mentibus fidei etiam haeremus, contra quod *etiamsi angelus de coelo annuntiaverit, anathema sit*» Phoebe. Con. Arian. I.XXI (PL XX: 30). Последняя часть обоих пассажей является цитатой из послания апостола Павла к галатам: «Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема». (Гал. 1.8).

⁵⁷ LEP V, lxxxi:10; Miller 2013: 132.

⁵⁸ LEP V, lxxviii:3.

⁵⁹ LEP V, lxxv:2.

ное благо⁶⁰. В этой связи он выражает полное согласие с Римом в необходимости установить «предписанную форму [молитвы], которой каждый человек должен следовать»⁶¹ (и это – спустя всего двадцать семь лет после публикации буллы *Quo primum tempore* папы Пия V [1504–1572]). Он также утверждает, что: «Римская церковь верно рассудила, что общественная молитва есть обязанность, единая в себе, обязанность, которая должна выполняться чаще, чем проповеди могут быть произнесены»⁶².

Здесь же Хукер касается и гомилетических вопросов (что такое проповедь и каковы ее типы). Выражая очевидную антипуританскую позицию, он перечисляет три типа проповеди:

- катехизация⁶³;
- чтение священного писания (благовествование)⁶⁴;
- проповедь с кафедры (то есть объяснение простым языком сказанного в священном писании; экзегеза)⁶⁵.

Хукер утверждает, что типичная устная проповедь является далеко не самым первым (и даже в своей категории – не единственным⁶⁶) способом наставления верных на путь истины. Для него именно общественная молитва, в первую очередь – литургия, является ключевым каналом, связующим земное и небесное.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть следующие моменты:

1) ритуал играет существенную роль в процессе самоидентификации, конструировании индивидуальных и коллективных религиозных идентичностей. Ритуал константен, что позволяет ему в определенных ситуациях выступать механизмом преемственности поведения и сохранения тождественности со своим социумом⁶⁷.

Этот механизм обеспечивается двумя факторами. Во-первых, ритуал обладает фиксированным в социальной практике характером, он стереотипичен по своей природе. Во-вторых, ритуал, лежащий в основании фундаментальных явлений культуры и человеческого существования, онтологичен и онтологически не редуцируем: его редукция представляет один из маркеров секуляризации (именно среди лютеран, кальвинистов и цвинглиан наблюдалась тенденция к минимализации литургии, к выдворению всего «католического» из семиотического пространства храмов). Реформационный процесс в Англии отразился в стремлении «расчистить» пространство веры и знания путем сведения к нулю «нежелательного» семиозиса.

⁶⁰ LEP V, lxxv:6; Miller 2013: 132.

⁶¹ LEP V, xxviii:2.

⁶² LEP V, xxviii:3.

⁶³ LEP V, xviii.

⁶⁴ LEP V, xix:1.

⁶⁵ LEP V, xxi:1–3.

⁶⁶ LEP V, xxi:4.

⁶⁷ Лебедев 2008: 153–154.

2) Идентификационное значение ритуала состоит в его стереотипности, знаковости и групповой принадлежности. Важнейшую роль в «реабилитации» и теоретическом оправдании ритуала при Елизавете сыграл Ричард Хукер, сделав акцент на значимости литургии для Церкви Англии в деле спасения и церковного воспитания верующих.

3) «Археология» литургии, предпринятая Джорджо Агамбеном, открывает современным литургиологам широкое поле для комплексного анализа эволюции литургических практик, берущих свое начало в античных законах полисного общежития. Итальянский философ эксплицирует важнейшие для понимания места и роли обряда в публичном пространстве исторические, политические, семиотические, теологические (в первую очередь, догматические – сотериологические, тринитарные, христологические и экклесиологические), лингвистические, культурологические, экономические и правоведческие аспекты христианского таинства. На наш взгляд, целесообразным будет также обращение к области потестарной имагологии, что можно считать перспективной дальнейшим исследованием.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Агамбен Дж. *Opus Dei. Археология службы* (Homo Sacer, II, 5) / пер. с ит. С. Ермакова. М.; СПб.: Изд-во ин-та Гайдара, 2022. 280 с. [Agamben Dzh. *Opus Dei. Arkheologiiia sluzhby* (Homo Sacer, II, 5) / per. s it. S. Ermakova. M.; SPb.: Izd-vo in-ta Gaidara, 2022. 280 s.].
- Агамбен Дж. *Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни* (Homo Sacer, IV, 1) / Пер. с ит. и лат. С. Ермакова. – М.; СПб.: Изд-во ин-та Гайдара, 2020. 216 с. [Agamben Dzh. *Vysochaishaia bednost'. Monasheskie pravila i forma zhizni* (Homo Sacer, IV, 1) / Per. s it. i lat. S. Ermakova. – M.; SPb.: Izd-vo in-ta Gaidara, 2020. 216 s.].
- Агамбен Дж. *Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления*. (Homo Sacer, II, 2) / Пер. с итал. Д.С. Фарафоновой, Е.В. Смагиной. М.; СПб.: Изд-во ин-та Гайдара, 2019. 552 с. [Agamben Dzh. *Tsarstvo i Slava. K teologicheskoi genealogii ekonomiki i upravleniia*. (Homo Sacer, II, 2) / Per. s ital. D.S. Farafonovoi, E.V. Smaginoi. M.; SPb.: Izd-vo in-ta Gaidara, 2019. 552 s.].
- Лебедев В.Ю. *Литургический ритуал в культуре: семантика и прагматика*. 2-е изд. Тверь: ГЕРС, 2007. 244 с. [Lebedev V.Iu. *Liturgicheskii ritual v kul'ture: semantika i pragmatika*. 2-e izd. Tver': GERS, 2007. 244 s.].
- Лебедев В.Ю. *Религиозный ритуал западного христианства: культура, традиция, семиотика* (XVI–XX вв.). Тверь: ГЕРС, 2008. 328 с. [Lebedev V.Iu. *Religioznyi ritual zapadnogo khristianstva: kul'tura, traditsiia, semiotika* (XVI–XX vv.). Tver': GERS, 2008. 328 s.].
- Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. *Семиозис и семиодинамика теологических и мифологических знаковых систем*. Тверь: ГЕРС, 2010. 400 с. [Lebedev V.Iu., Prilutskii A.M. *Semiozis i semiodinamika teologicheskikh i mifologicheskikh znakovykh sistem*. Tver': GERS, 2010. 400 s.].
- Понятия, идеи, конструкции: очерки сравнительной исторической семантики. / Под ред. Ю. Кагарлицкого, Д. Калугина, Б. Маслова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 448 с. [Ponatiia, idei, konstruktсии: ocherki sravnitel'noi istoricheskoi semantiki. / Pod red. Iu. Kagarlitskogo, D. Kalugina, B. Maslova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 448 s.].
- Триденский собор. *Каноны и декреты*. / Пер. с лат. Е.М. Розенблома и И.И. Аникьева. СПб.: Католическая высшая духовная семинария «Мария – Царица Апостолов», 2019. 234 с. [Tridentiskii sobor. *Kanony i dekrety*. / Per. s lat. E.M. Rozenbliuma i I.I. Anik'eva. SPb.: Katolicheskaiia vysshiaia dukhovnaia seminariia «Mariia – Tsaritsa Apostolov», 2019. 234 s.].
- Фадеев И.А. *Церковь Англии: проблема конфессиональной самоидентификации в исторической перспективе* [Tserkov' Anglii: problema konfessional'noi samoidentifikatsii v istoricheskoi perspektive]. М.: Маска, 2015. 416 с.

- Штольберг-Рилингер Барбара. Священная Римская империя как церемониальное государство. // «Особый путь»: от идеологии к методу. / Перев. с англ. и нем. Сост. Тимур Атнашев, Михаил Велижев, Андрей Зорин. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 488 с. С. 359–383. [Shtol'berg-Rilinger Barbara. Sviashchennaia Rimskaia imperiia kak tseremonial'noe gosudarstvo. // «Osobyi put'»: ot ideologii k metodu. / Perv. s angl. i nem. Sost. Timur Atnashev, Mikhail Velizhev, Andrei Zorin. M.: Novoe literaturnoe obzrenie, 2018. 488 s. S. 359–383.]
- Avis P. Anglicanism and the Christian Church. London: T&T Clark, 2002. xxii+393 p.
- Avis P. The Anglican Understanding of the Church. London: SPCK, 2000. 144 p.
- Avis P. The Identity of Anglicanism. London: T&T Clark, 2007. xii+201 p.
- Beasley Nicholas M. Christian Ritual and the Creation of British Slave Societies, 1650–1780. Georgia: University of Georgia Press, 2009. 223 p.
- The Book of Common Prayer 1559: The Elizabethan Prayer Book. Ed. by John E. Booty. Charlottesville and London: University of Virginia Press, 2005.
- A Companion to Richard Hooker / Ed. by Torrance Kirby. With a Foreword by Rowan Williams. Leiden, Boston: Brill, 2008. xxxviii+670 p. (Brill's companions to the Christian Tradition; V. 8).
- Cuming G. J. A History of Anglican Liturgy. / Second Edition. New York: Palgrave, 1982. xvi+377 p.
- Duffy E. Saints, Sacrilege and Sedition: Religion and Conflict in the Tudor Reformation. London: Bloomsbury, 2012. vi+311 p.
- Duffy E. The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, c. 1400-c. 1580. New Haven & London: Yale University Press, 2005. xxxvii+654 p.
- The English Reformation Revised / Ed. Haigh C. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. x+229
- Fadeyev I.A., Palamarchuk A.A. Richard Hooker's Doctrine of the Royal Supremacy in the Church of England // Vestnik of Saint-Petersburg University. History. № 1. 2018. P. 158–173.
- Haigh C. Success and Failure in the English Reformation // Past and Present. 2001. 173. P. 28–49.
- Haigh C. The Taming of Reformation: Preachers, Pastors and Parishioners in Elizabethan and Early Stuart England // History. 2000, vol. 85 (280). P. 572–588.
- Kirby Torrance W. J. Richard Hooker, Reformer and Platonist. Burlington: Ashgate Publishing Company, 2005. xi+138 p.
- Littlejohn Bradford W. The Peril and Promise of Christian Liberty: Richard Hooker, the Puritans, and Protestant Political Theology. Grand Rapids: Eerdmans Publishing Co., 2017. 334 p.
- Miller C. Richard Hooker and the Vision of God: Exploring the Origins of 'Anglicanism'. Cambridge: James Clarke and Co Ltd., 2013. 349 p.
- Neelands David W. Richard Hooker on the Identity of the Visible and Invisible Church. // Richard Hooker and the English Reformation. / Ed. by W.J. Torrance Kirby. Montreal, McGill University: Springer, 2003. xx+339 p. P. 99–110.
- Of the Law of Ecclesiastical Polity. Book V // The Works of that Learned and Judicious Divine Mr. Richard Hooker with an Account of His Life and Death by Isaac Walton / Arranged by the Rev. John Keble MA. 7th edition revised by the Very Rev. R.W. Church and the Rev. F. Paget. In 3 vols. Vol II. Oxford: Clarendon Press, 1888. 610 p.
- Oxford History of Anglicanism. In 5 vols. Oxford: Oxford University Press, 2017–2018.
- Podmore C. Aspects of Anglican Identity. London: Church House Publishing, 2005. xi+196 p.
- Puritan manifestoes: a study of the origin of the Puritan revolt. London: Society for Promoting Christian Knowledge, 1907. 155 p.
- S. Phoebadius. Liber contra Arianos // Patrologiae cursus completus (Series latina) / Ed. Migne J., vol. 20, col. 13–30. Paris, 1845.
- Spinks B.D. Liturgy and Worship // Oxford History of Anglicanism. In 5 vols. Vol V. Reformation and Identity, c. 1520–1662. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 148–167.

Давыдов Иван Павлович, доктор философских наук, профессор философского факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), ioasaph@yandex.ru

Фадеев Иван Андреевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, fadeyev.ivan@yahoo.co.uk

Confessional (Self-)Identification of the Late Elizabethan Church of England: Richard Hooker's Views on Church Ritual⁶⁸

In their article, the authors explore Richard Hooker's critical attitude to the idea of the adiaphoric nature of church ritual that was prevalent in the Elizabethan Church of England. The role of liturgy in the process of identification is demonstrated through the theoretical formation of the collective identity of the orthodox wing of the reformed English Church. The methodology of historical analysis, semiotics of theological sign systems, and the "archaeology" of liturgy was applied. Conclusion: The identification value of the ritual lies in its stereotypical and signifying nature as well as its social identity. A crucial role in the 'rehabilitation' and theoretical justification of liturgy under Elizabeth I was played by the theological and liturgical principles, the validity of which was advocated by Richard Hooker.

Keywords: *Church history, liturgy, Eucharist, rite, adiaphora, liturgiology, political theology, Richard Hooker, Giorgio Agamben, Barbara Stollberg-Rillinger.*

Ivan Davidov, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), *ioasaph@yandex.ru*

Ivan Fadeyev, Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *fadeyev.ivan@yahoo.co.uk*

⁶⁸ The article was written as part of the project "Ritual mechanisms of ethno-confessional and religious-political self-identification in a historical retrospect" (RFBR No. 21-011-44227)

ЗЛОБОДНЕВНАЯ КЛАССИКА: «ИСТОРИЯ» ГЕРОДОТА В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX В.

В статье на основе уникальных архивных свидетельств представлена судьба первых русских переводов «Истории» Геродота. В 1826–1827 гг. Главный цензурный комитет постановил исключить некоторые главы и дать специальные пояснения к отдельным частям русского перевода труда Геродота И.И. Мартыновым. Цензурное разбирательство, заведенное на Геродота в разгар дела декабристов, демонстрирует явное восприятие «отца истории» как «опасного автора». Этот исторический казус стал своеобразным прецедентом, свидетельствующим о своеобразии российского варианта рецепции античности, с одной стороны, и о тесной связи античного наследия с идейно-политической жизнью императорской России, с другой.

Ключевые слова: рецепция античности, Геродот, русский перевод «Истории» Геродота, цензурный устав, Главный цензурный комитет, Российская империя.

Рецепция античного наследия в Российской империи, как и в любой другой империи подобного рода – это всеобъемлющий и масштабный процесс, проходящий «красной нитью» через многие события, ставший частью конструирования так называемых историко-политических мифов, стратегий и идеологием, сменяющих друг друга дискурсов доминирования того или иного направления или течения внутри имперского социума. Каждое обращение к античности – прямое или опосредованное – позволяет проанализировать как саму суть события или явления, в контексте которого античное наследие стало неотъемлемой частью современной повестки, так и его влияние на последующую традицию и приистекающие из нее интерпретации.

В своей книге «Античность в России. 1700–1855. Между двумя бронзовыми всадниками» известный голландский историк Маринус Вес предлагает рассматривать историю классической традиции в России как историю ориентации России на Западную Европу, как аспект европеизации России. «Сторонники этой европеизации в XVIII и XIX вв. считали само собой разумеющимся, что, если русская культура должна была стать европейской культурой, то колыбель и источник вдохновения этой европейской культуры – греко-римская античность, также должна была бы стать доступной в России. Этого можно было добиться только одним способом: нужно было импортировать знания об античной культуре»¹. И в целом, это утверждение автора верно, однако как и любой другой противоречивый процесс, рецепция античности может иметь разнообразный характер, предопределяющий то или иное обращение к античности в исторической перспективе.

«История» Геродота, неожиданно попавшая попавшего в поле зрения русских мыслителей XVIII–XIX вв., на первый взгляд мало ас-

¹ Wes 1992: 4.

социруется с Российской империей в эпоху ее расцвета. Персонажи Геродота не снискали в те времена лавров славы «тираноборца» или «народного героя» (как Брут, Катон и пр.)², геродотова «История» не была настольной книгой бунтарей века – декабристов, которые, как известно, зачитывались римскими классиками – Титом Ливием, Плутархом, Тацитом³. При этом именно «отец истории» стал достаточно злободневным классиком в России второй половины XVIII и начала XIX в., хотя ничего и не предвещало такого поворота событий.

Геродот не был избалован вниманием истеблишмента Российской империи. Первый выход на российскую авансцену «История» Геродота получила во времена правления Екатерины II, которая с самого начала своего правления рассматривала античное наследие как опору в построении государственного мифа об устойчивом императорском правлении, привлекая к этой цели не только пышные литературные и мифологические аллюзии, но и исторические факты. На знаменитом придворном маскараде, устроенном в 1763 г., вступление Екатерины на престол было аллегорически представлено как возвращение Золотого века [античности]. «... [Её] сравнивали с великими мифическими и историческими лидерами, такими как Ликург, Август, Цезарь, Тит, Траян и Марк Аврелий»⁴. Так, вполне вероятно, что именно в это время зреет и крепнет один из самых значимых политических мифов екатерининской эпохи – «*translatio imperii*» или миф о преемственности от императорского дома Римской империи, которая, в свою очередь, выступала преемницей Трои. Миф, имевший в своей основе «Энеиду» Вергилия, а также переложения троянского цикла, метафорично представлял идею преемственности и «бесконечности» власти европейских правящих династий, выполнял функции «своего рода аллегорической генеалогии, сакрализовавшей императорскую власть»⁵. Таким образом «вечный Рим», колыбель европейской цивилизации, связывался с Россией идеей имперского превосходства, что должно было ускорить, по мнению создателей этого мифа, европеизацию Российской империи.

Подобная идеология, впрочем, в русском варианте не ограничилась лишь «Энеидой» Вергилия, а включала в себя также эпизод с амазонками из описания Троянской войны. Не последнюю роль, по мнению исследователей, в этом сыграл географический фактор, ведь амазонки – мужественные и воинствующие женщины, с которыми Екатерину сравнивал даже Вольтер, расселялись в горах Кавказа, во Фракии или Скифии⁶. Как бы то ни было, но первый перевод «Истории Иродотовой» на русский язык был выполнен Андреем Андреевичем Нартовым, ученым-энциклопедистом, одним из воспитателей Павла Петровича, переводчи-

² См., например: Рылеев 1934: 89–90; Лотман 1992: 296–336.

³ См., например: Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина 1951: 20.

⁴ Kahn 1993: 754–755.

⁵ Проскурина 2006: 13.

⁶ Проскурина 2006: 14.

ком, позднее тайным советником и почетным членом Петербургской Академии наук. Перевод был сделан не с языка оригинала, а с немецкого, и был представлен в 1763–1764 гг. Перевод первых трех книг «Истории» с «кратким известием» о жизни автора переводчик посвятил Екатерине II. Очевидная периферийность Геродота в пантеоне античных авторов, более тяготеющего к авторам и персонажам римской истории, тем не менее не исключала политической актуальности «Истории». Сначала это было в контексте культивирования мифа об амазонках, а позднее и присоединения Крыма к России и, даже, «греческого проекта». Как раз в 1787 г. вышли в свет «Записки касательно российской истории» Екатерины II. Здесь уже с явной ориентацией на новую этническую ситуацию, возникающую в завоеванных областях, императрица писала, что скифами греки называли «славян, сармат и татар», что явно указывает на знаменитый пассаж Геродота о воинственных женщинах, вступивших в брак со скифами, от которого на свет появилось скифское племя савроматов (сарматов) и это племя, в свою очередь, было прародителем славян⁷ (очевидно, речь идет о четвертой книге, гл. 110–117).

Особое внимание Екатерины II и первое издание «Истории» Геродота на русском, однако, не сделало это сочинение популярным. Уже к началу XIX в. первый русский перевод Геродота был забыт, и его следующий переводчик, в размышлениях о том, зачем браться за столь трудную работу, как перевод классического автора, писал: «Перевод истории Геродотовой есть у нас, но он сделан с немецкого языка, которого, впрочем, я не видел, а мой будет с греческого подлинника, с примечаниями и, притом, для имеющих нужду в греческом тексте, будет напечатан и с ним, по примеру прочих книг и сего издания греческих классиков»⁸. Перевод Геродота Иваном Ивановичем Мартыновым, видным литературным деятелем, педагогом и чиновником Министерства народного просвещения, должен был быть выпущен в серии «Греческие классики», состоящей из 26 томов: она издавалась с 1823 по 1829 г. и включала переводы Гомера, Эзопа, Софокла, Каллимаха и других древнегреческих авторов. В отличие от первого перевода Геродота, выполненный Нартовым с немецкого языка и включающего лишь три книги, перевод Мартынова должен был стать монументальным – девять книг «Истории» издавались в пяти частях (отдельных книгах), в издание, выходящее с 1826 по 1828 г., была включена также «Жизнь Гомера» Псевдо-Геродота, а также очерк географических представлений Геродота с картой «Географии Иродотовой, им же составленной». Переводы дополнялись параллельным оригинальным текстом (правая сторона разворота – перевод, левая сторона – греческий текст). Книги издавались в Санкт-Петербурге, в типографии Иосифа Иоаннесова⁹.

⁷ См. Зорин 2004: 110.

⁸ Записки И. И. Мартынова 1872: 139.

⁹ Иосиф Иванович Иоаннесов (1774–1862) – живший в России армянский перевод-

Выпускник Александро-Невской духовной семинарии, начавший свою карьеру в конце XVIII в., Мартынов принимал участие в составлении «либерального» устава о цензуре 1804 г., издавал журналы, связанные с реформаторской деятельностью Александра I («Музы», «Северный вестник»), составлял уставы Демидовского лицея, Казанского и Харьковского университетов. Помимо переводов античных авторов, Мартынов активно переводил классиков французского Просвещения – Руссо и Вольтера. Начатый в 1825 г. перевод «Истории» Геродота был невысоко оценен современниками сразу же после выхода первой книги. В основном, в вину Мартынову вменялся «тяжелый язык», наполненный славянизмами, архаическими выражениями и оборотами. Тем не менее, именно этот перевод стал единственным доступным для среднего читателя, особенно в провинции¹⁰. Геродот был представлен автором труда, подходящего для изучения греческой словесности или для чтения античной истории на языке оригинала. Сам Мартынов, впрочем, видел в своей работе более возвышенную (и патриотическую!) цель: «Перевод сей предпринят мною по совету любителей древней истории, а особливо русской, для которой в Геродотовой истории новейшими учеными найдены достовернейшие сведения»¹¹. А в предисловии к первой книге Геродота Мартынов особо подчеркнул, что «история сия преимущественно занимательна и драгоценна, особливо в тех местах, где Историк описывает страны, входящие в пределы нашего любезного отечества, и племена, в древности оные населявшие»¹². Таким образом, переводчик хотел противопоставить познавательное значение своего перевода, с возможностью использовать язык оригинала, переводу «подарочно-му», выполненному в назидание.

Первая книга, содержащая I и II книги Геродота не содержит на обороте авантюра специальной отметки о дозволении печати от цензора. Однако уже вторая книга (или 19 книга в серии), содержащая III и IV книги Геродота, имеет подпись «Печатать позволено: в Санкт-Петербурге 26 июля 1826 г. Цензор Александр Бирюков». Несмотря на это, печать данной книги была задержана на неопределенное время, а 28 октября 1826 г. в Главном цензурном комитете было заведено дело на Геродота Галикарнасского, как «опасного автора», обличающего тиранию. Несложно догадаться, что события, предшествующие этому, а именно вступление на престол Николая I и восстание декабристов на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. стали преамбулой к новому делу.

Случай, о котором пойдет речь, можно назвать юридической кол-

чик и издатель, архидьякон петербургской армянской церкви Св. Екатерины. В 1828 г. типография Иоаннесова была выкуплена Лазаревским институтом восточных языков и перевезена в Москву. Все тома Геродота были изданы в Санкт-Петербурге. ¹⁰ Фролов 1999: 122.

¹¹ Записки И. И. Мартынова 1872: 139.

¹² История Иродотова, переведенная с греческого языка Иваном Мартыновым, с примечаниями переводчика. Часть I, содержащая в себе книги 1 и 2 1826: VII.

лизией николаевского времени, так и не ставшей историческим прецедентом, но открывшей простор для множества новых интерпретаций. Как и Екатерина II, будущие декабристы тоже использовали свой политической миф и свою античную идеологию. В отличие от императрицы, они взяли за основу не сказания о предке первых царей Рима, а основным сюжетом не спокойное царствование, легитимированное прямой преемственностью с Древним Римом. Главной целью обращения к античности у декабристов стало обоснование борьбы с тираном, а также демонстрация проявления лучших качеств, присущих доблестным мужам в уподоблении своим «римским предкам». Плутарх, Корнелий Непот, Тит Ливий и Тацит – вот наиболее часто упоминаемые в трудах и в эпистолярном наследии декабристов античные авторы. Риторика, использовавшаяся декабристами, напоминала риторику «отцов-основателей» США, боровшихся за новую Римскую республику по другую сторону Атлантического океана менее чем полвека назад. Именно в это время, в поисках античных идеалов, декабристы примеряли на себя роль Цицерона, спасшего Рим от Катилины, «врага царей» Катона, неукротимых республиканцев Брута и Кассия, коринфянина Тимолеонта, освободившего сограждан от тирании собственного брата – Тимофана, чья биография была написана Плутархом¹³. Наконец, как и в случае с мифом Екатерины II, основанном на «Энеиде» Вергилия, у декабристов возник свой любимый античный автор, обличавший тиранию – Публий Корнелий Тацит, который, в одной из заметок, написанных А.С. Пушкиным на первую книгу «Анналов» после 1825 г., был образно представлен как «бич тиранов»¹⁴.

На фоне целой плеяды героизированных античных авторов и персонажей второй в отечественной истории перевод «Истории» Геродота изначально не выделялся и не был отмечен какими-либо политическими смыслами. Да и сам Мартынов, чиновник средней руки, не имел никакого отношения к тайным обществам и декабристам. Предпосылкой стать «опасным автором» для Российской империи, как и прослыть «обличителем тирании», у Геродота не было. Однако не Тацит, не Цицерон и не Плутарх получили подобное клеймо, а именно Геродот, попавший в поле зрения петербургских цензоров.

В 1826 г. в России вступил в силу новый цензурный устав, составленный министром просвещения адмиралом Александром Семёновичем Шишковым, приверженцем консервативных взглядов, и получивший наименование «чугунного устава». Строгая регламентированность всех организационных аспектов проведения цензуры, а также структуры цензурного аппарата, а также дробность параграфов (230 штук) сделала этот устав наиболее явной и жесткой реакцией Николая I на события, предшествующие его восхождению на престол. По уставу запрещалось «вся-

¹³ Фролов 1999: 120–121.

¹⁴ Bowersock 1999:143.

кое историческое сочинение, в коих посягатели на законную власть, приявшие справедливое по делам наказание, представляются как жертвы общественного блага, заслужившие лучшую участь»¹⁵. Помимо этого, под запретом оказались исторические труды, если в них обнаруживалось «неблагоприятное расположение к монархическому правлению», любые сопоставления форм правления и вообще рассуждения об историческом процессе. Современники писали, что Шишков разом запретил не только всю древнегреческую и древнеримскую историю, но и вполне официозную «Историю государства Российского» Карамзина. Из философских книг допускались только учебники: «прочие сочинения сего рода, наполненные пагубными мудрствованиями новейших времён, вовсе печатаемы быть не должны»¹⁶. «Дело об исключении из «Истории» Геродота в переводе И.И. Мартынова части текста, относящейся к обличению тирании»¹⁷ стало одним из примеров использования этого устава в целях, для которых он и был создан.

28 октября 1826 г. действительный статский советник И.И. Мартынов представил Главному цензурному комитету первый отрывок из переводимой им с греческого языка на русский «Истории» Геродота. Представлен, по-видимому, был самостоятельно самим переводчиком, несмотря на уже имеющуюся разрешительную отметку действующего цензора. Объяснить это можно двумя причинами: первая – после выхода нового устава Мартынов не стал рисковать уже готовым к печати изданием, а также всей последующей серией переводов, а потому предпочел переутвердить готовящийся к изданию текст. Причина вторая – после выхода Устава 1826 г. цензурный комитет также был реформирован. Если до 1826 г. это был Петербургский цензурный комитет, подчинявшийся сначала попечителю Петербургского учебного округа, а после основания Петербургского университета его ректору, то вновь образованный Главный цензурный комитет подчинялся министру народного просвещения и состоял из председателя и шести членов.

К цензурированию был подан отрывок из 3-ей книги «Истории» Геродота (гл. 80–82), в котором приведен «диспут трех персов» о выборе, после подавления восстания, формы правления в государстве – монархии, олигархии или демократии. Примечательно, что и в сохранившемся протоколе цензурного ведомства указано, что данная книга уже была одобрена бывшим цензором Петербургского цензурного комитета А.С. Бирюковым¹⁸, но была возвращена на рассмотрение Главного цензурного комитета, так как в отрывке, найденным сомнительным, содержатся «места в похвалу и порицание трех образов государственного

¹⁵ Жирков 2001: 40.

¹⁶ Жирков 2001: 42.

¹⁷ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 495.

¹⁸ См. подробнее: Гринченко, Патрушева, Фут 2004: 375.

правления: монархического, олигархического и демократического»¹⁹. 173-й параграф устава, регламентирующий работу, в т.ч. с античными авторами, гласил: в «отношении к классическим разного рода книгам, т.е. образцовым произведениям древних и новейших авторов, цензор должен различать издания полные от ручных²⁰ книг, издаваемых для юношества... Текст первых, если только он сохранен в точности, не подлежит его [цензора] разбору...»²¹. В соответствии с этим параграфом устава, третья книга Геродота в переводе Мартынова была пересмотрена и вынесено следующее решение: «Поелику «История» Геродота... не подлежит разбору цензуры, то Главный цензурный комитет признавал нужным присовокупить по вышеуказанному месту в 3-й книге «Истории» Геродота надлежащее примечание, которое служило бы пояснением одного места и с отвращением всяких непременно²² толкований»²³.

Знаменитый диспут трех персов – Отана, Мегабиза и Дария, о выборе формы правления не был крамольным высказыванием в адрес действующего императора, напротив, поддержанный большинством в этом споре Дарий заявлял: «Ничто не может быть лучше одного отличнейшего всех мужа. Пользуясь наилучшими советами, он в состоянии управлять народом без жалоб и может втайне принимать меры против злонамеренных»²⁴.

Сам Мартынов в качестве ответа на указание Главного цензурного комитета добавил в текст обширную сноску-примечание, которая по своему объему была сопоставима с текстом самого диспута. В этой сноске после предложения «По прошествии пяти дней, когда смятении утихло, восставшие против волхвов (т. е. магов), держали совет об управлении государством. На сем совещании говорены были речи...»²⁵ переводчик фактически предлагает определенную трактовку этого эпизода, что указывает на очевидную параллель между диалогом трех персов, выбирающих оптимальную форму правления после восстания «волхвов» (магов), и воцарением Николая I после восстания декабристов. В своей риторике Мартынов выбирает позицию защиты, как бы оправдывая использование оригинальной терминологии и неизменность самого текста. «Сих Речей здесь предлагается три и содержатся в них мнения о трех образах Государственного правления: Монархическом, Олигархическом или Аристократическом и Демократическом. Отан защищает последнее. Мегабиз (гл. 81) второе; Дарий (гл. 82) первое. ... Дарий доказал преимущество правления Монархического и, по

¹⁹ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 495. Л. 3.

²⁰ Адаптированных.

²¹ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год 1862: 171–172.

²² Обязательных, дословных.

²³ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 495. Л. 3-3об.

²⁴ История Иродотова... Часть II, содержащая в себе книги 3 и 4 1827: 73.

²⁵ История Иродотова...: 71.

большинству голосов, вновь учреждается оно в Персии. К подкреплению его мнения, и, следовательно, к ниспровержению двух прочих, не выступая из границ Комментатора, позволяю и себе сказать несколько слов. Отан, в изложении мнения о Демократии, слово: Монарх употребил в значении деспота, тирана. Имена деспот и деспотизм в знаменовании нынешнем не встречаются нигде у Греческих Писателей; потому не употребил его Иродот; а что имя: Монарх значило некогда и тирана, то есть, имело совсем противное нынешнему значению, сие видно из главы 81, где Монарх назван уже тираном. Поэты часто смешивали слова: тираннос (на греческом) с именем Басилеус (Царь): но прозаики поставляли между ними великую разность. Самые слова Отана: «единочалие, которое властно делать все, что ни пожелаешь» доказывают, что он разумел под сим злоупотребление оною, деспотизм или тиранию. (...) В устах Дария напротив имя Монарх очищено от примеси, Отаном сему слову приложенной»²⁶. Как следует из комментария Мартынова, термины «монарх» и «тиран» имеют одно происхождение, но разные трактовки, потому, по мнению переводчика, их совместное употребление не исключается.

Далее, Мартынов углубляется в описание положительных качеств такой формы правления, явно обнаруживая связь со своей эпохой: «Преимущество монархического правления пред всеми другими образами правления доказывается неопровержимыми опытами веков и свидетельствами достовернейших Писателей. Гогэ²⁷ (*De L'origine des Loix, des Arts et des Sciences, tom. I. pag. 22 note*) замечает, что наилучшие Писатели древности всегда отзывались в пользу монархического правления. Иродот, Платон, Аристотель, Ксенофонт, Исократ, Цицерон, Сенека, Тацит, Плутарх и пр. правление монархическое почитали самым выгоднейшим и совершеннейшим из всех каковы могли быть людьми выдуманы, и надобно заметить, что большая часть сих Писателей жили в Республике. Знаменитый Фенелон²⁸ (*Direction pour la Conscience d'un Roi pag. 140*) весьма хорошо изображает тиранию народа. «Деспотизм черни, говорит он, есть власть безумная и слепая, остервеняющая против самой себя. Народ, испорченный чрезмерною вольностью, есть самый несноснейший из всех тиранов»²⁹. Мартынов продолжает цитировать размышления своих предшественников и современников. Следующим он воспроизводит некоего древнего комического поэта. «Народ, говорит один древний комический поэт, коего имя неизвестно, зло постоянное, и совершенно подобное морю, воздымается ветром; если пребывает и в тишине, то немедленно от всякого дуновения с ревом волну-

²⁶ История Иродотова... Часть II, содержащая в себе книги 3 и 4 1827: 71.

²⁷ Антуан-Ив Гогэ (французский философ и историк середины XVIII в.) «О происхождении законов, искусств и наук».

²⁸ Франсуа де Салиньяк де Ла Мот-Фенелон (французский писатель конца XVII в.) «Наставление для совести короля».

²⁹ История Иродотова... Часть II, содержащая в себе книги 3 и 4 1827: 73.

ется, и, при маловажнейшей вине гражданина пожирает»³⁰.

Цитатой своего современника, английского историка Джона Джилиса, Мартынов подводит черту под обоснованием разделения «правильной» и «неправильной» монархической формы правления, а также отделения «правильного» от «неправильного» в самой личности монарха (или тирана). «Знаменитый английский историк Джилис, изображая злополучие Греции, замечает, что «аристократические, а еще более народные правления сей страны всегда были подвержены возмущению, которое при всяком случае возгоралось и пылало в мятежах. Но сие недужное стремление, сродное учреждению Республик, впоследствии исторгалось в опаснейших явлениях, обнаруживалось в знамениях ужаснейших. Во всякой Республике и почти в каждом городе честолюбивые и коварные находили готовое покровительство Афин и Спарты, смотря как их корыстолюбивые в злодейские намерения были прикрываемы предлогом поддержать преимущества благородных или утвердить права народа»³¹.

Такой пример негативного характера рецепции античности как формы выражения любых настроений и идей, которые можно вложить в ничего не означающий отрывок, не несущий политически-актуальных смыслов, вполне соотносился и с решением председателя цензурного комитета направить примечание, подготовленное Мартыновым о «недопустимости всяких неперемных толкований» Министру народного просвещения, руководителю комитета с целью «окончательного» утверждения. Вообще, направление цензурных дел на одобрение министру, по мнению историка цензуры конца XIX в. А.А. Скабичевского, означало их крайнюю государственную важность, а также «разрешение важнейших обстоятельств»³². «Опасный автор» Геродот, впрочем, вышел в отцензурированном виде с примечанием «не толковать непременно»³³ указанные места», что давало читателю возможность не просто не заметить, а обязательно обратить пристальное внимание на данный отрывок.

Несмотря на успешный выпуск второго тома «Истории», вскоре вновь последовало цензурное разбирательство. 19 апреля 1827 г. на рассмотрение Главного цензурного комитета одиозно известным цензором Александром Красовским³⁴ была вынесена рукопись третьей части перевода «Истории» Геродота, в которую входили 5-я и 6-я книги. Она также уже была одобрена цензором Бирюковым к печати без выделения каких-либо отдельных мест. Эти отдельные места, как были спе-

³⁰ История Иродотова... Часть II, содержащая в себе книги 3 и 4 1827: 75.

³¹ История Иродотова... Часть II, содержащая в себе книги 3 и 4 1827: 77.

³² Скабичевский 1892: 250.

³³ Т. е. неизменно, дословно.

³⁴ Одиозно известным он стал немало благодаря А. С. Пушкину, который в своих дневниковых записях и переписке прославил его упрямство, равнодушие и скрупулезное следование букве устава, доходящее во многих местах до абсурда. См. подробнее: Бодрова 2019: 65.

циально выделены в протоколе цензурного разбирательства. Как было там указано, одни содержат «мысли соблазнительные и нисколько не скромные, а другие – различные рассуждения о равенстве прав афинских граждан и порицание становления единоверховной власти, которую спартанцы пред намеривались произвести в Афинах и других городах Греции»³⁵. К протоколу приложен список мест – пассажей из пятой книги «Истории» Геродота:

гл. 18. О прибытии персидских послов в Македонию. «Аминт принужден был велеть женщинам сесть подле их: женщины повиновались, и персы, будучи весьма пьяны, тотчас начали обнимать их, а некоторые отважились и целовать»³⁶;

гл. 78. Отрывок о последствиях свержения тирании в Афинах. «Со временем Афиняне пришли в цветущее состояние. Не у них только, но повсюду подтверждается то, что равное охранение прав всех граждан есть дело весьма полезное. Ибо доколе Афиняне были под властью похитителей³⁷, доколе не превосходили на войне ни которого из окрест живущих народов: но весьма превзошли их, когда избавились от своих тиранов. Сие значило, что когда они были под игом, то не хотели отличаться доблестью, трудясь для незаконных властителей: освободясь же от них, каждый тщился подвигаться для себя. В таком-то состоянии были дела Афинян»³⁸;

гл. 92. Отрывок о восстановлении тирании в Афинах при поддержке спартанцев. «Так говорили Спартанцы. Слова сии большей части союзников не понравились, и все хранили молчание; но Коринфянин Сосиклей сказал следующее: (I). «Без сомнения, небо будет под землей, земля висеть будет над небом, люди обитать будут в море, а рыбы займут жилище людей, когда вы, о! Лакедомоняне, испровергая законы, равно ограждающие права всех граждан, намереваетесь ввести в города тиранию, коей нет между людьми ничего несправедливее, ничего беззаконие. Если Вам кажется благом то, чтобы общество управлялось тиранами: поставьте тирана прежде у себя самих, потом попытайтесь поставить их у других! Но не испытав никогда правления тиранов сами и всемерно стараясь не допустить сего в Спарте, вы ныне недостойно поступаете с союзниками своими. Если бы вы сие испытали, как как мы: то лучше бы судили о сем, нежели как ныне судите»³⁹. «...Лавда беременна, родит камень, который упадет на ваших монархов и накажет Коринф»⁴⁰;

³⁵ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 495. Л. 8.

³⁶ История Иродотова... Часть III, содержащая в себе книги 5 и 6. 1827: 25.

³⁷ Похитителями, т. е. узурпаторами власти, Мартынов в своем переводе называл тиранов, максимально стремясь отделить их от получивших власть по наследству (т. е. законно) монархов.

³⁸ История Иродотова... Часть III, содержащая в себе книги 5 и 6. 1827: 115–116.

³⁹ История Иродотова... Часть III, содержащая в себе книги 5 и 6. 1827: 137.

⁴⁰ История Иродотова... Часть III, содержащая в себе книги 5 и 6. 1827: 139.

гл. 92. Отрывок о тиране Периандре в Коринфе. «Принесенный Периандру ответ казался тем достовернее, что он в самом деле несколько времени делил брачное ложе с мертвою Мелиссою... Таково, Лакедемоняне, правление похитителей, таковы дела их! Мы удивлялись тогда же, как слышали, что вы призываете Иппия; ныне же еще более удивляемся тому, что говорите. Заклинаем вас, взывая к богам Эллады, не вводите тиранского правления. Если же вы, Лакедемоняне, вопреки справедливости, постараетесь возратить Иппия: то знайте, что Коринфяне «дела сего не одобряют»⁴¹.

В прошении председателя цензурного комитета Красовского к министру Шишкову заключалась неразрешимая дилемма – следуя параграфу 173-му устава, цензоры не могли исключать сомнительные места из сочинений классических авторов, однако вторая часть этого параграфа допускает обязанность цензора назначать к исключению в учебных или классических книгах в подлинниках все места, не соответствующие цензурным правилам. Параграф 175-й дополняет обязанность исключать подобные места и в переводах древних классических книг на русский язык. «Посему комитет полагает, что в греческом подлиннике Иродотовой «Истории» не следует делать никаких исключений; в рассуждении же перевода на русский язык Комитет само собой затрудняется разрешить можно или нет делать в оном изменения... так как Мартынов печатает свой перевод вместе с подлинником и потому пробелы должны последовать от исключения из перевода некоторых мест будут обнаруживаться то, что цензурую не пропущено и тем обратят особенное на то внимание читателей, между тем параграфом 152 запрещаются всякие знаки, по которым можно было бы угадывать содержание выпущенных повествований или выражений, противных нравственности, благопристойности или общественному порядку. Наконец, Комитет принимает в соображение, что в октябре месяца прошлого года таким же образом статский советник Мартынов представил комитету о замеченном цензором Бирюковым мест из 3 книги ... в котором находились мнения в порицание монархического образа правления. Комитет признает, что «История» как классическое сочинение древнего писателя на основании параграфа 173 не подлежит разбору цензорами, полагаем тогда нужным присовокупить к вышеназванному месту примечания от переводчика, которые служат пояснением оного»⁴². Под примечаниями от переводчика снова имелось в виду «особое указание» не воспринимать обозначенные места в контексте современных реалий и не трактовать тиранию (т. е. любое единоличное правление) как пагубное явление, губящее человеческую природу.

Ответ министра Шишкова с собственноручной подписью был получен 1 июля 1827 г. и содержал согласие с исключением обозначен-

⁴¹ История Иродотова... Часть III, содержащая в себе книги 5 и 6. 1827: 149.

⁴² РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 495. Л. 806-9.

ных мест, которые по его же указу должны быть исключены и в подлиннике, и в копии (как следует, в обход установленных Уставом правил). Однако «помянутые места могут с некоторыми изменениями... быть пропущенными»⁴³. Примечания, предложенные Мартыновым, исключали двоякое толкование отдельных мест (или, напротив, делали это толкование единственно возможным). В отрывке о возвращении тирании при поддержке спартанцев Мартынов пишет о законности царей, которые правили в Спарте вплоть до самого захвата ее Римом. Примечание переводчика гласило: «у спартанцев в самом деле никогда не было похитителей верховной власти, коих одних древние Греки именовали тиранами; до самого покорения Спарты римлянами, в оной всегда были цари законные. Но не терпя нарушения установленного порядка в своей державе, Лакедемоняне как их в том обвинял Сосиклей, часто позволяли себе ниспровергать оный в других городах. Так ими после Пелопонесской войны (в V столетии до Р.Х.) насильственно учреждено в Афинах правительство, которое было составлено из 30 граждан, известных под названием 30 тиранов»⁴⁴. Второе примечание относилось к отрывку о Лавде, которая «беременна и родит камень, который упадет на ваших монархов и накажет Коринф». Примечание, оставленное Мартыновым, указывало, что под монархами разумеется исключительно семейство Вакхидов (Бакхидов), «из коего долгое время исключительно избирались правители Коринфа»⁴⁵.

6 ноября 1827 г. Мартынов представил на обсуждение Комитета рукопись перевода шестой книги, в которой цензорами были отмечены слова: «вкусил сладость свободы», относящиеся к жителям Милета, не хотевшим принять в свою землю тирана. Отрывок: «...но Милетяне, рады будучи, что избавились и от Аристагора, и вкусив сладость свободы, никак не хотели принять в свою землю другого тирана...»⁴⁶. Как и в случае с пятой книгой, предложение вычеркнуть данный отрывок было отвергнуто из-за появления в таком случае больших пробелов в напечатанном тексте, что станет заметно читателю; поэтому Мартынову было предложено и здесь сделать примечание о недопустимости толкования обозначенного места неподобающим образом⁴⁷.

Злободневность Геродота, ставшего фигурантом дела о цензуре во время расцвета деятельности Главного цензурного комитета, подтверждает предположение о пике восприятия античности в политическом дискурсе в Российской империи в этот период. Конечно, античность в целом не была на периферии в это время. Декабристы были схожи в своем отношении к античному наследию с деятелями Французской революции и отцами-основателями США. Их элитарная идея восприятия

⁴³ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 495. Л. 14.

⁴⁴ История Иродотова... Часть III, содержащая в себе книги 5 и 6. С. 215.

⁴⁵ История Иродотова... Часть III, содержащая в себе книги 5 и 6. 1827: 217.

⁴⁶ История Иродотова... Часть III, содержащая в себе книги 5 и 6. 1827: 229.

⁴⁷ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 495. Л. 12об.

образов античности и романтизированное представление о древнем мире были предназначены для таких же интеллектуалов, как и они сами, читающих произведения античных авторов в оригинале и цитирующих их на память, при этом античность использовалась и в качестве внешней атрибутики реальной деятельности.

Однако перевод «Истории» Геродота И.И. Мартыновым предназначался для более широких масс: учащихся лицеев и гимназий, обывателей, желающих пополнить свою личную библиотеку доселе непереуевенным древнегреческим автором. «Казус Геродота» состоит в том, что политический дискурс, связанный с героизацией античного прошлого и бесконечным поиском в нем героев и примеров для подражания, пошел в массы. И размах, вероятно, напугал власть имущих, с чем и связана попытка так радикально цензурировать классическое произведение.

При этом встает вопрос: действительно ли восприятие и интерпретация античного наследия влияла на реальную политику? Николаевская бюрократия во главе с Главным цензурным комитетом, в отличие от декабристов, все же отделила античность от современности. К чести чиновников и самого Мартынова, чьи реалистичные взгляды и тонкое чувствование текущей ситуации все же сделали возможным нахождение компромисса, античное произведение не оказалось «под сукном», а увидело свет, хотя и с крайне политизированными примечаниями. Переводчик пошел по пути исправления терминологии, а не искажения текста. «Монарх», иногда синонимичный «тирану» в тексте Геродота, в интерпретации Мартынова превращается в добродетель для общества. Он имеет право властвовать, как он пожелает, с примечанием, что это на благо народа. Цензурировать же текст источника чиновники не посмели, хотя имели к этому все возможности. Пришедшийся на апогей расцвета «декабристского дела» перевод «Истории» Геродота продемонстрировал, как важна была идея использования античного наследия в конструировании политических мифов и осуществлении государственной идеологии. Однако, была ли в России в это время античность так же востребована, как и во времена американской или Великой французской революций? Дело о цензуре заставляет задуматься о российском феномене восприятия античности и еще раз убедиться, что каждое обращение к античному наследию не только уникально само по себе, но и создает новые смыслы.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Российский государственный исторических архив. Ф. 777. Оп. 1. Д. 495. [Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskikh arhiv. F. 777. Op. 1. D. 495].
- Бодрова А.С. Цензурная политика А.С. Шишкова и история пушкинских изданий 1825–1826 гг. // Русская литература. №3, 2019. С. 63–73. [Bodrova A.S. Cenzurnaya politika A.S. Shishkova i istoriya pushkinskih izdanij 1825–1826 gg. // Russkaya literatura. №3, 2019. S. 63–73].
- Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г., Фут И.П. Цензоры Санкт-Петербурга (1804-1917) // Новое литературное обозрение. №69, 2004. С. 364–394. [Grinchenko N.A., Patrusheva

- N.G., Fut I.P. *Cenzory Sankt-Peterburga (1804-1917)* // *Novoe literaturnoe obozrenie*. №69, 2004. S. 364–394.].
- Жирков Г. В. *История цензуры в России XIX–XX вв.* М.: Аспект-Пресс, 2001. 368 с. [Zhirkov G. V. *Istoriya cenzury v Rossii XIX–XX vv.* M.: Aspekt-Press, 2001. 368 s.].
- Записки И. И. Мартынова // *Памятники новой русской истории*. Том II. СПб, 1872. 544 с. [Zapiski I. I. Martynova // *Pamyatniki novoj russkoj istorii*. Tom II. SPb, 1872. 544 s.].
- Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 740 с. [Zapiski, stat'i, pis'ma dekabrista I. D. Yakushkina. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951. 740 s.].
- Зорин А. Л. *Кормя двуглавого орла: русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII первой трети XIX века*. М.: НЛЮ, 2004. 416 с. [Zorin A.L. *Kormya dvuglavogo orla: russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v poslednej treti XVIII pervoj treti XIX veka*. M.: NLO, 2004. 416 s.].
- История Иродотова, переведенная с греческого языка Иваном Мартыновым, с примечаниями переводчика. Часть I, содержащая в себе книги 1 и 2. Санкт-Петербург, в типографии Иос. Иоаннесова, 1826. 481 с. [Istoriya Irodotova, perevedennaya s grecheskogo yazyka Ivanom Martynovym, s primechaniyami perevodchika. CHast' I, sodержashchaya v sebe knigi 1 i 2. Sankt-Peterburg, v tipografii Ios. Ioannesova, 1826. 481 s.].
- История Иродотова, переведенная с греческого языка Иваном Мартыновым, с примечаниями переводчика. Часть II, содержащая в себе книги 3 и 4. Санкт-Петербург, в типографии Иос. Иоаннесова. 1827. 395 с. [Istoriya Irodotova, perevedennaya s grecheskogo yazyka Ivanom Martynovym, s primechaniyami perevodchika. CHast' II, sodержashchaya v sebe knigi 3 i 4. Sankt-Peterburg, v tipografii Ios. Ioannesova. 1827. 395 s.].
- История Иродотова, переведенная с греческого языка Иваном Мартыновым с примечаниями переводчика. Часть III, содержащая в себе книги 5 и 6. Санктпетербург, в типографии Иос. Иоаннесова, 1827. 265 с. [Istoriya Irodotova, perevedennaya s grecheskogo yazyka Ivanom Martynovym s primechaniyami perevodchika. CHast' III, sodержashchaya v sebe knigi 5 i 6. Sanktpeterburg, v tipografii Ios. Ioannesova, 1827. 265 s.].
- Лотман Ю.М. *Декабрист в повседневной жизни. (Бытовое поведение как историко-психологическая категория)* // *Избранные статьи: В 3 т. Т. 1.* Таллинн: Александра, 1992. С. 296–336. [Lotman Y.M. *Dekabrist v povsednevnoj zhizni. (Bytovoe povedenie kak istoriko-psihologicheskaya kategoriya)* // *Izbrannye stat'i: V 3 t. T. 1.* Tallinn: Aleksandra, 1992. S. 296–336.].
- Проскурина В. *Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II*. М.: НЛЮ, 2006. 328 с. [Proskurina V. *Mify imperii: Literatura i vlast' v epohu Ekateriny II*. M.: NLO, 2006. 328 s.].
- Рылеев К.Ф. *Полное собрание сочинений*. М.–Л.: Academia, 1934. 908 с. [Ryleev K.F. *Polnoe sobranie sochinenij*. M.–L.: Academia, 1934. 908 s.].
- Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год: напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург: в Тип. Морского министерства, 1862. 482 с. [Sbornik postanovlenij i rasporyazhenij po cenzure s 1720 po 1862 god: napechatan po rasporyazheniyu Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Sankt-Peterburg: v Tip. Morskogo ministerstva, 1862. 482 s.].
- Скабичевский А.А. *Очерки истории русской цензуры (1700–1863 гг.)*. Санкт-Петербург: Ф. Павленков, 1892. 495 с. [Skabichevskij A.A. *Ocherki istorii russkoj cenzury (1700–1863 gg.)*. Sankt-Peterburg: F. Pavlenkov, 1892. 495 s.].
- Фролов Э.Д. *Русская наука об античности. Историографические очерки*. СПб: СПбГУ, 1999. 544 с. [Frolov E.D. *Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki*. SPb: SPbGU, 1999. 544 s.].
- Bowersock G.W. *The Roman Emperor as Russian Tsar: Tacitus and Pushkin* // *Proceedings of the American Philological Society*, Vol. 143, No. 1, Papers Delivered at a Joint Meeting with the Royal Swedish Academy of Sciences. Stockholm, 24–26 May 1998 (Mar., 1999). P. 130–147.
- Kahn A. *Readings of Imperial Rome from Lomonosov to Pushkin* // *Slavic Review*, Vol. 52, No. 4, 1993. P. 745–768.
- Wes M.A. *Classics in Russia 1700-1855: between two bronze horsemen*. Leiden: Brill, 1992. 366 p.

Ашаева Анастасия Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; ashaeva.nv@gmail.com

Censored Classics: Herodotean “Histories” in Russia in the Second Half of the 18th - Early 19th Centuries

The article based on unique archival evidence, considers early Russian translations of Herodotean “Histories”. In 1826-1827, the Main censorship committee decided to exclude some chapters and give special explanations to certain parts of the Russian translation of the work of Herodotus by I.I. Martynov. The censorship proceedings demonstrate a clear perception of the “father of history” as a “dangerous author.” This historical incident has become a kind of precedent. It demonstrates the originality of the Russian version of the reception of antiquity and to the close connection of the ancient heritage with the ideological and political life of imperial Russia.

Keywords: *reception of antiquity, Herodotus, Russian translation of Herodotean “Histories”, censorship charter, Main censorship committee, Russian Empire.*

Anastasia Ashaeva, PhD in History, Senior Researcher, Dostoevsky Omsk State University; ashaeva.nv@gmail.com

HIPPOLYTE TAINÉ IN LIBERAL RUSSIAN JOURNALISM OF THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY¹

Статья посвящена восприятию взглядов Ипполита Тэна (1828–1893) на историю и общественные вопросы в русских либеральных кругах второй половины XIX в. Иностранная литература была существенным источником инспирации для интеллектуалов и людей дела, ищущих образцов, по каким должна модернизоваться Россия. Рамки исследования охватывают период со второй половины 1850-х до середины 1890-х гг. Источниковую базу составляют рецензии на работы французского позитивиста, публиковавшиеся в важнейших либеральных периодических изданиях. Их анализ позволяет выявить смыслы, какие либеральные публицисты придавали комментированным книгам. Это, в свою очередь, дает возможность увидеть как русский либерализм адаптировал и модифицировал западные политические идеи.

Ключевые слова: Ипполит Тэн, либерализм, позитивизм, Российская империя, модернизация, революция, исследования рецепции.

Preliminary remarks

The focus of this article is the reception of Hippolyte Taine's (1828–1893) views on history and society in liberal circles in Russia in the second half of the 19th century. More specifically, the purpose is not to document all the reactions of Russian liberals to the works (and their translations) of the French scholar and thinker. My intention is rather to analyse those of them which reveal the realm of concepts and values of the promoters of liberalism during the half-century preceding the 1905 revolution. Put another way, their statements, inspired and provoked by the famous works of the renowned positivist, are of interest to me insofar as they reveal horizons of interest and ideas about the desired direction of change in Russia. Indeed, the reflection that unfolds as a result of reading important works refers not only to a body of experience, but also to a vision of the future. The article is a contribution to the research on *représentations collectives* – which is a very important trend in the field of book history and the history of reading, as Roger Chartier (born 1945), one of its leading exponents, explains.² In this case, it is not about the representations of intellectuals or entire social groups, but of an informal and loose community of liberal-minded people. The mapping of these perceptions is achieved by establishing what meanings they attributed to the works of the famous Frenchman.

Both the thematic scope of the study and the chronological caesura call for additional clarification. The starting caesura corresponds to the inauguration of Taine's creative activity, on the one hand, and to the expansion of freedom of expression in the press since the accession to the throne of Alex-

¹ The research on which this article is based has been funded by the National Science Centre, Poland (project no. 2016/21/D/HS3/02433).

² Rodak: 75.

ander II, on the other. The post-Sevastopol liberalisation (after the Crimean War 1853-1856), and then the general social climate of the early 1860s, brought about completely new opportunities in this respect, unthinkable during the reign of Nicholas I. The Frenchman's writing debut coincided with a political change in the Russian Empire. The closing caesura is marked not by the date of Taine's death, but by the mid-1890s—which was the turning point for Russian liberalism. I limited the scope of the study to four newspaper titles, considering them to be the most representative of the moderate line of Russian liberalism. This choice can, of course, be widened, although this is not likely to affect the results presented here. For my selection I looked for the “longevity” and the established ideological reputation of the periodical in question. In two cases, I reduced the number of annuals to the period when the newspaper or magazine represented the views of the “liberal camp”. The choice of source material refers to the postulate of the late researcher of social thought, Vladimir F. Pustarnakov, who believed that it is the “popular” liberal press (as opposed to the fundamental works of liberal philosophers) that most adequately captures the character of Russian liberalism of the second half of the 19th century³. The period preceding the age of great reforms up to the second half of the 1860s is represented by the monthly “Otechestvennyye zapiski”. Its publisher (partly also editor) was Andrei A. Kraevskiy (1810-1889), “the matuzal of Russian journalism”⁴, fiercely contested by revolutionary democrats and conservatives alike. It is no coincidence that none of the fairly numerous Soviet studies devoted to this monthly covers the years 1856-1868, when the magazine's programme line was not shaped by “radicals”. The most representative (and at the same time very poorly exploited in historiography) newspaper for the study of liberal sentiment in the age of great reforms until the mid-1870s was “Sankt-Peterburgskiy Vedomosti”, edited by Valentin F. Korsh (1828-1883). It was him and his group of columnists who set the tone for the paper between 1863 and 1874; successive editorial teams sympathized with conservatism. The panorama is completed by two flagship liberal magazines. First, published from 1866 under the editorship of Mikhail M. Stasyulevich (1826-1911) “Vestnik Evropy”. Not only was it the most vibrant liberal periodical in pre-revolutionary Russia, but it was also by far the most consistent in promoting a programme that referred to the heritage of the age of great reforms. Secondly, “Russkaya mysl”, published from 1880, first edited by Sergei A. Yuriev (1821-1888/89) and Victor A. Goltsev (1850-1906). The periodical paid considerable attention to familiarising its readers with new publications, as evidenced by the bibliographical supplement to each issue. The titles thus selected cover (albeit unevenly) the entire period under study.

I shall pass over the doubts about the comprehension of liberalism, a broad and heterogeneous current of Russian social thought.⁵ From my point

³ Пустарнаков: 74-76.

⁴ Олейников: 132.

⁵ Шелохаев: 29-33.

of view, two elements are crucial for correct identification of liberalism: self-positioning in the “marketplace of ideas” and reception by public opinion and administrative agents. The selected periodicals meet both of these criteria. This means that they self-defined themselves as liberal and were perceived as such. The accuracy of such a classification is confirmed by contemporary literature on the subject.⁶

In this article, the Russian liberal thought of the second half of the nineteenth century is shown as a whole, without distinguishing its individual trends. The journals I have sampled by no means represent all variants of the Russian liberalism in the period under discussion. Certainly, however, each of them had a significant impact on public opinion and in this sense they are all emblematic. In pre-revolutionary Russia, the reading of them was a reliable hallmark of moderate liberals, identifying with the “great reforms” of the early 1860s. Therefore, by examining the reviews published in them, we can make a preliminary identification of the inspiration the moderate liberals drew on foreign authors, including Taine. The primary purpose of my article is to show how beneficial is the studying of the liberal press for the research of the spread of liberal culture in pre-revolutionary Russia⁷. In particular, it shows the persistent motifs present in the political journalism of subsequent decades. Given that the scope of the analysis is limited to a few titles, however, it does not provide grounds for portraying the evolution of Russian liberal thought, nor does it seek to do so.

The stipulation above is especially relevant in the context of disputes over the periodization of Russian liberalism. As for the period under consideration, there is no consensus among researchers regarding the successive stages dividing the second half of the 1850s and the October Revolution. The prevailing view is that a new type of Russian liberalism began to take shape in the mid-1890s. It was mainly promoted by representatives of the Russian intelligentsia of Raznochintsy origin, and not - as before - by representatives of the gentry⁸. Surely, this new type of liberalism was distinguished from its earlier type by its expanded theory, programme, and especially by its organisational forms. However, regardless of all the differences, the younger generations of liberals did not shy away from the legacy of their ideological forebears. Quite the contrary: they eagerly referred to bygone times, emphasizing the continuity of the liberal mission. There is no doubt that their beliefs were largely formed by the press titles invoked in the article. In this sense, Taine's ideas also influenced them, although only indirectly and probably to a very limited extent. Taine's work was not subjected to the constraints of tsarist censorship. His works in the original could have been easily acquired in Russian bookshops, for example in the famous bookshop of M.O. Wolf's bookshop in Gostiny Dvor, as evi-

⁶ Российский: 98-101, 196-198, 688-690, 813-816, 834-836.

⁷ Итенберг 1999: 499.

⁸ Шелухаев: 430-433.

denced by its sales catalogues.⁹ There is also no evidence of a prohibition on distributing translations.¹⁰ This circumstance undoubtedly makes it easier to trace the reception of the French author's works in pre-revolutionary Russia. In Soviet scholarly literature, this topic has already been addressed twice, but from a different angle. Their main concern was either the reception of Taine in radical circles¹¹, or a mere enumeration of references to the works of the French author, without any in-depth analysis.¹² Furthermore, the use of source material overlapped only partially with that used in this article.

In analysing the reactions of Russian liberals to the works of the Frenchman, I have by no means limited myself to works dealing directly with historical and social issues. Two circumstances underpinned my choice. Firstly, remarks revealing the liberal worldview are repeatedly found in quite unexpected places. Secondly, the more recent literature on the subject – like his contemporaries – sees Taine not as a representative of several disciplines (philosophy, history, literature, psychology), but simply as a humanist, explaining the world with the help of diverse categories of analysis.¹³

Liberalism and positivism

The spread of positivist ideas in liberal circles was by no means exclusive to Russia. The same was undergoing in Western Europe, even if contemporary studies do not discuss this subject.¹⁴ It is true, however, that the key concepts of positivism – scientism, progress, emancipation of the individual, utilitarianism, evolutionism – were perfectly compatible with the programme of moderate Russian liberalism of the second half of the 19th century. The circle of interests thus defined made it possible for liberals – to varying degrees and with varying success – to participate actively in the socio-economic modernisation of reformed Russia.¹⁵ The political conditions of the first half of the 1860s or the late 1870s and early 1880s offered the greatest opportunities in this respect. However, regardless of the change of political course after the assassination of Alexander II, supporters of *postepenstvo* could still remain active, for example in local government, education or in the “private sector” (agriculture, industry). This was determined by the fundamentally anti-revolutionary character of the programme of *malye dela*; legalism offered the prospect of cooperation with the authorities.

It must be borne in mind that European positivism inspired not only liberals. Nevertheless, positivist ideas resonated most strongly among them, laying the foundations for gradual political reform, development of legal culture, social change.¹⁶ Apart from pragmatic considerations (the usefulness of

⁹ Новый: 4, 358, 395.

¹⁰ Добровольский: 245-253.

¹¹ Итенберг.

¹² Заборов.

¹³ Richard.

¹⁴ Seigel.

¹⁵ Оляшек: 64, 81.

¹⁶ Шкуринов: 121-122.

positivism for the realisation of liberal ideas) the links between liberalism and positivism were based on deeper foundations. They were pointed out by the physicist and chemist Grigory N. Vyrubov (1843-1913), a graduate of the Imperial Lyceum at Tsarskoye Selo, co-editor of “La Philosophie Positive” journal, and then a Sorbonne doctor.¹⁷ What brought positivists and liberals together was the respect for scientific methods of cognition and description of the world, and the treatment of society as an organism that can be studied with the help of the instruments of natural science and the social sciences (history and sociology). Taine’s works provided a unique link between the two.¹⁸

For the sake of accuracy, it is worth noting that Taine's affiliation to positivism was not invariably regarded as an axiom. Even before the Second World War, a Polish scholar raised the problem of Taine’s distance from the intellectual milieu he most strongly influenced. In his opinion, Taine drew most heavily on the heritage of the first half of the 19th century, marked by Romanticism.¹⁹ The ambiguity of the relationship between the French author and the positivist tradition was also pointed out many years later. What was particularly pointed out were the differences between Taine’s views on history and August Comte’s sociology.²⁰ The very attempt to decide which tendency the author of *Les origines de la France contemporaine* represented – positivism or idealism – is very telling.²¹ All these, however, are the disputes of historians of ideas, held from afar. To his contemporaries, Taine was generally a positivist and a propagator of the views of other positivists.

In any case, this is how the most influential encyclopaedic dictionary in pre-revolutionary Russia resolved the issue. The author of the biographical article (1901) dedicated to Taine was Vladimir I. Guerrier (1837–1919), Professor of General History at Moscow University. He argued that “at the basis of Taine’s philosophy lies the positivist hypothesis of the sameness of all processes occurring in the universe, and of the unity of the laws and causes producing physical and moral phenomena”. This view amounted to a belief in the possibility of finding the prime cause of all phenomena with the help of scientific apparatus. This conviction is reflected in his book, *Les philosophes français du XIXe siècle* (1857), which consisted of previously published articles.²² However, as we shall see, the reception of Taine’s aforementioned work in Russia was not equally clear at the time of its publication.

Taine as a scholar of the past in the assessments of Russian liberals

The literature to date has maintained that news of Taine's work reached the Russian reader through the press only in the 1860s.²³ I do not undertake to state with certainty when and in which periodical the first mention of the

¹⁷ Вырубов.

¹⁸ Dewald: 39.

¹⁹ Lempicki: 10-14.

²⁰ Nordmann: 29-32.

²¹ Desan.

²² Герье 1901: 305.

²³ Заборов: 232-233; Итенберг: 133.

French thinker appeared. My press research, however, revealed that a very enthusiastic and extensive review article of Taine's series of articles, *M. Troplong et M. de Montalambert*, for "Journal des Débats" was published in „Otechestvennyye zapiski” journal already in 1857. Its author, Nikolai I. Sazonov (1815–1862), a famous political émigré, collaborator of M.A. Bakunin and A.I. Herzen, obviously spoke under a pseudonym. The reviewer was impressed by the method used by the French author, who was able to capture the peculiarities of the national characters of the French and English. At the same time, Sazonov opposed some of Taine's opinions and, moreover, believed that each nation follows its own path to autonomy and prosperity. It is possible to imitate other nations, yet it is impossible to take over their character and history.²⁴ This altogether very optimistic vision corresponded perfectly with the atmosphere of the coming age of great reforms.

It is worth checking how Russian liberals of different generations responded to the book which, according to N.I. Guerrier, positioned Taine as a positivist. An anonymous reviewer of „Otechestvennyye zapiski” praised the “critical etudes, permeated by a common thought”. At the same time, he noted that in his polemics with his ideological opponents, the French philosopher handled facts too freely, thus compromising his method. In the context we are interested in, the accusation of succumbing to “subjective idealism”, depreciating nature and overvaluing man, had the greatest weight.²⁵ A completely different interpretation of Taine's book (more precisely: a translation of its third – revised – edition, which came out under the title *Les philosophes classiques du XIX siècle en France*) was demonstrated years later by a reviewer of „Russkaya mysl”. The Russian reader praised the artistry with which Taine tackled the spiritualism and eclecticism in philosophy that threatened the social ideals of the mid-nineteenth century. The French thinker was credited by an anonymous reviewer not only with criticising metaphysics but also with proposing “a theory of his own, based on the powerful principles of positive knowledge”.²⁶

Admittedly, standpoints formulated at the extremes of the period under analysis do not exhaust the answer to the question of Taine's identification as a positivist. The reviewer of „Otechestvennyye zapiski” journal did not have similar doubts seven years after the above-mentioned opinion was published in this periodical. He came to this conclusion after reading two works by the French thinker: *Le positivisme anglaise. Etude sur John Stuart Mill* and *L'idéalisme anglaise. Etude sur T. Carlyle* (both 1864). Taine's approval of the English philosopher's views coupled with his scepticism for the Scottish historian for his Puritan leanings left no doubt on the matter.²⁷ Vladimir V. Chuiko (1839–1899), who later would become a translator of Taine's sketches into Russian, commented in the same vein on the publication of *De l'intel-*

²⁴ Штахель: 109-110.

²⁵ Новости: 5-6.

²⁶ Библиографический 1896: 246-247.

²⁷ Иностранная: 467-468.

ligence in 1870.²⁸ However, this was clearly the view of this columnist and not of the editorial board as evidenced by a contrary statement by the popular writer Peter Boborykin in the same newspaper. In the works of the French thinker (i.a. *Histoire de la littérature anglaise* /1863/) he noticed a certain ambivalence. As an analyst, Taine was considered faithful to positivism. Whenever it came to synthesis, however, he allegedly indulged in metaphysical thinking. The Russian writer blamed this on the unfinished worldview.²⁹ From the above review we can see that Taine was not always regarded as an exemplary positivist author among Russian liberals.

Weakness of Taine's methodological craftsmanship was pointed out by literary historian and St. Petersburg University scholar Alexander N. Veselovskiy (1838–1906). He mentioned this when commenting on one of the French thinker's works in the philosophy of art (*Philosophie de l'art. Dans les Pays Bas*, 1869). Veselovskiy stated that the shortcoming of Taine's work is his historical deductions, which in fact fulfil merely an ornamental function in the narrative. He did not question the method itself, which Taine appeared to advocate. Instead, he argued that the French researcher was not following it. According to the Russian literary historian, the Frenchman's postulate (formulated, among other things, in his sketch on Marcus Aurelius) to evaluate phenomena by analysing their three stages: seed, growth and flowering (la graine, la plante, la fleur) remained unfulfilled in his own works. Taine was to consistently overlook the second stage. In practice, this meant that he apparently paid attention only to the original natural conditions and the final result of the historical process, visible in the manifestations of civilisation. What he neglected was the middle stage, i.e. history. This tendency found its expression in observing the results of a phenomenon in its embryo, without taking into account the stage of development.³⁰

However, the usefulness of Taine's analyses for a better understanding of the historical process has not always been judged equally strictly. At the apogee of the age of great reforms, „Otechestvennyye zapiski” reprinted an extensive review article from *Histoire de la littérature anglaise* (1863), originally published in “Westminster Review”. It placed the Frenchman's work on a par with the highly regarded in Russia H. T. Buckle (1821-1862) and Thomas Macaulay (180-1859), authors, respectively, of the three-volume *History of Civilization in England* (1857-1861) and five-volume *History of England* (1849-1861). No better recommendation was possible: the works of both scholars were highly esteemed in Russian liberal and democratic circles, and like Taine's later works, they were eagerly translated into Russian. Returning to the article in question, however, we notice that it discussed the tasks facing history as a scientific discipline. The reader learned from it that a historian should investigate what sort of moral motives, as well as objective conditions (“race”, historical moment) favoured the creation of specific

²⁸ Чуйко: 2.

²⁹ Боборыкин: 1.

³⁰ Веселовский: 1.

works of art and science, most fully expressing the spirit of the epoch. Any picture of the epoch must take into account all these aspects, especially all that is linked to psychology, i.e. feelings, the dominant orientation of mental life, the circulation of ideas.³¹ On the other hand, the reviewer of *Nouveaux essais de critique et d'histoire* (1865) in "Vestnik Evropy" positively evaluated Taine's departure from treating history as a natural science, which resulted in an appreciation of the human will in the historical process.³²

The phenomenon of the attractiveness of Taine's vision of history probably lay in his not very precise definition of one of the key concepts – the historical moment.³³ It was to manifest the universal spirit and custom of the age (*l'esprit général et les moeurs du temps*), which, as the Polish researcher noted, "left a great interpretative gap".³⁴ At the same time, Taine's conceptual system combined determinism and historicism, encouraging the search for the underlying causes of observed phenomena. The attitude of liberal Russian publicists to Taine's early historiographical views remains unknown. An ideal occasion for their voicing was the appearance of two editions (1885, 1900) of the translation of *Essai sur Tite-Live* (1856), where the French author described the philosophy of history of Titus Livius, as well as modern thinkers, Machievelli and Montesquieu. Regrettably, both "Vestnik Evropy", and "Russkaya mysl" made brief references to the subject.³⁵

France and England as seen by Taine – comments from Russian liberals

Let us leave aside these somewhat abstract considerations about the strengths and weaknesses of the method of scientific research to which Taine adhered. Instead, we shall determine what response in the Russian liberal milieu was evoked by his works devoted to issues of keen interest to the Russian public. Taine's work by no means escaped the attention of one of the most opinionated liberal columnists – Alexei S. Suvorin (1834-1912). It should be recalled at this point that he only switched to conservatism in the second half of the 1870s, after the paper "Novoye Vremya" was taken over by him. Despite his criticism of the Francomania of the Russian elite, Suvorin defended contemporary France against the unilateral judgement of the author of *Notes sur Paris, vie et Opinions de M. Frédéric-Thomas Graindorge* (1867). In his opinion, the analytical value of Taine's observations was diminished by the excessive selectivity of the revealed phenomena. As a result, the image of youth or the intelligentsia tended to be skewed. One can recognise in this the views of a Russian liberal of the age of great reforms, who in French society saw what he wanted to see in Russia: a proactive spirit, and in individual activists – the dedication to high civilisational values, especially freedom.³⁶

³¹ История: 563-564.

³² Литературная: 150-151.

³³ Biddiss: 74.

³⁴ Warzenica-Zalewska: 96.

³⁵ Библиографический 1885: 16; Библиографический 1900: back cover page, verso.

³⁶ Незнакомец: 2.

French themes did not dominate Taine's work until the last years of his life, when he produced his opus magnum on the Revolution of 1789 (which will be discussed separately). Indeed, it is a chronicler's duty to add that 30 years later "Vestnik Evropy" published a review of the posthumously published Taine's notes on his trips to the provinces (*Carnets du voyage. Notes sur la province. 1863-1865*). The author of the review praised the deceased for portraying the psychological contrasts of the French population which resulted in the diversity of the individual provinces.³⁷ This remark clearly drew the attention of the liberal Russian reader to the issues of nationality politics in Russia itself. He had previously paid incomparably more attention to the society and literature of England. England fascinated Russian liberals as much as France – both countries, regardless of their differences, were the quintessence of the West. As a researcher of early Russian liberalism noted, they charted the "route of civilisational development". At the same time, the European vector of development of Russia itself was taken for granted in this milieu.³⁸

The Russian liberal press voiced some opinions on Taine's Anglophone works. The reactions to them testify to the values of Russian liberalism as they reveal the expectations of readers. The feeling of disappointment accompanying the reviewer of the sketches *Notes sur l'Angleterre* (1872) was very characteristic in this respect. Like most commentators, he appreciated Taine's literary artistry, and therefore his ability to sketch vivid images. However, he believed that they did not provide a comprehensive and reliable picture of social relations in England. According to the critic, Taine has shown only part of the phenomena. Instead, he has been neglectful of the "dark side of English life". Meanwhile, according to the Russian commentator, it is impossible to explain the reality there without taking it into account.³⁹

A multifaceted analysis of *Notes sur l'Angleterre* was presented in "Vestnik Evropy" by Yevgeny I. Utin (1843-1894), one of the most promising liberal publicists of the period. The extensive review article (which was in fact a mini-monograph) aimed ambitiously at comparing England with continental Europe. Although Russia was mentioned only rarely, it was clear to contemporary readers that the author was looking for examples to follow. Utin did not settle for referencing Taine's views. Instead, he confronted them with the opinions of other experts. Hence, extensive quotations from the following works have appeared in the text: *De la décadence de l'Angleterre* by Alexandre Ledru-Rollin (1870-1874), *Lettres sur l'Angleterre* by Louis Blanc (1811-1882), *De l'avenir politique de l'Angleterre* by Charles de Montalembert (1810-1870). Apart from Guerrier's very extensive sketches, inspired by Taine's work on the French Revolution, Utin's article most fully expressed the interest in the views of the famous Frenchman among Russian liberal journalists. However, while Guerrier's work reflected the spirit of the

³⁷ З.Б.: 894, 897.

³⁸ Шнейдер: 246-247.

³⁹ Библиография: 2.

late nineteenth century, Utin expressed the atmosphere of the age of great reforms, when hope for change was still burning.

From among numerous matters raised by Utin in this article, allow us to select those that most accurately reflect the dilemmas of Russian liberals. Analysing Taine's works, Utin was looking for an answer to the question whether political customs influenced the shape of institutions or was it the other way round? Taine's conclusions left no doubt that the strength of English institutions lay not in them, but in the way the life is organized. Hence, experiments to copy English solutions in other European countries have yielded different results, usually not the best. The French thinker referred to the organicist concept that was fashionable at the time: the state system resembles the human body and must not be freely modified according to external patterns. It is possible to copy written law and the form of institutions, but it is impossible to copy well-established ideas, customs, the nature of relations between different social strata. A similar attempt would be akin to planting a tree without roots, argued Taine, followed by Utin.⁴⁰

It was parliament, according to Taine, that exemplified the excellent integration of English political institutions into the general political culture. The unconditional popular support for the representative body ensured that, on the one hand, it could be an effective guarantor of the rights and freedoms of the people; and, on the other, it could rely on support in the event of conflict with royal authority.⁴¹ It was characteristic that Utin, expressing the ideals of the liberals of the age of great reforms, put the greatest emphasis in his discussion of *Notes sur l'Angleterre* not on political but on social issues. Not surprisingly, he highlighted the role of public opinion in England's political life, which – as he repeated after Taine – is a force capable of protecting against abuses of power and directing government action. Moreover, every Englishman can count on an independent court to protect his rights. The Russian commentator attributed crucial importance to the freedom of printed speech.⁴²

These issues troubled Russian liberals in the age of the great reforms. In a review of the translation of *Histoire de la littérature anglaise* it has been pointed out that the work does not discuss the views of leading figures such as Adam Smith, Jeremy Bentham, Edward Gibbon, William Robertson. They all contributed to the development of the concept of freedom. Moreover, it has been alleged that Taine has completely disregarded the press, which was “a powerful guarantor of freedom”.⁴³ Yet the claim that the Russian liberal was unanimous with Taine on all matters would be erroneous. Like other Russian commentators on the work of the French thinker, Utin was struck by the indifferentism towards poverty stemming from structural social inequalities. This applied both to the deplorable position of the proletariat and to the rural population, cultivating the land. Utin's objection was caused by

⁴⁰ Утин: 207-208.

⁴¹ Ibid.: 210-211.

⁴² Ibid.: 225-226.

⁴³ Новейшая: 478.

Taine's indifference to economic misery, especially poverty. He could not have accepted the cold statement that in English conditions the poor simply become even poorer and nothing could be done about it. Utin believed that the social position of the poor classes would improve⁴⁴.

The final point was also voiced on another occasion. After all, the reactions of Russian liberals to Taine's journalism reflect criticism of his attitude to social hierarchies. It is hardly a coincidence: egalitarianism was an important component of the press liberalism ~~mainstream liberalism~~ of the age of great reforms.⁴⁵ In this respect, the democratic leanings of liberal newspaper journalism collided with the stances of the intellectual leaders of Russian liberalism, headed by K.D. Kavelin and B.N. Chicherin. Meanwhile, the French philosopher was clearly expressing a predilection for the privileged strata. The clearest protest against such an approach was expressed by a reviewer of Taine's pamphlet, *Du suffrage universel et de la manière de voter* (1872). He accused the famous Frenchman of "indifferentism towards the suffering and burdens [borne by] the popular masses". In the reviewer's view, the prosperity and well-being of the "educated classes" are the result of the efforts made by the "ignorant classes" (невежественные классы). Therefore, the latter deserve not contempt from the privileged, but gratitude.⁴⁶

Liberal reaction to *Les origines de la France contemporaine*

The greatest publicity – also in Russia – earned Taine's unfinished work, *Les origines de la France contemporaine*. In the popular perception, it functioned as another attempt to summarise the Great French Revolution, although it was far more than that – it was an attempt to set the contemporary in the historical context. Taine became interested in this subject at the very beginning of his career. As his biographer wrote, at the time Taine believed that, on balance, the revolution brought much good to France.⁴⁷ Over time, influenced by the then events, he changed his mind.

In liberal Russian journalism until the first Russian revolution, which gave new meanings to Taine's work, discussion of *Les origines...* was accorded much space, especially in "Vestnik Yevropy" and "Russkaya mysl". Incidentally, the editor of the former tried (unsuccessfully) to obtain the right of first printing of the work.⁴⁸ It is not my intention to refer to these discussions in detail, as they are generally very extensive and largely represent the views of Taine himself or the state of knowledge of the French Revolution at the time. My intention is rather to highlight those themes which were of importance to Russian liberals at the end of the nineteenth century, and which show the nature of moderate Russian liberalism of the time.

Before indicating the conclusions that Russian commentators drew from the reading of Taine's work, it should be mentioned that the first reac-

⁴⁴ Утин, s. 240-244, 256.

⁴⁵ Банашкевич: 59-60.

⁴⁶ Новые: 894.

⁴⁷ Weinstein: 124.

⁴⁸ Заборов: 261.

tion in the liberal Russian press to *Les origines...* came from the French naturalist Émile Zola (1840-1902). His cooperation with "Vestnik Yevropy" has already been described in the literature.⁴⁹ Zola explained the anti-revolutionary tendency of Taine's book as a response to the dismay caused by the Paris Commune.⁵⁰ Other critics of the French historian would also make this observation. For Zola, it had an emotional dimension because, as he stressed elsewhere, he felt himself a spiritual son of the republic so harshly criticised by Taine, who, contrary to his methodological declarations (historian as dispassionate naturalist), did not accept the direction that the transformation of French society was taking.⁵¹

The most comprehensive analysis of *Les origines...* in the liberal press was presented by the already mentioned V.I. Guerrier. Years later he published it in book form (*Французская революция 1789–1795 г. в освещении И. Тэна*. СПб., 1911), supplying it with an introduction with references to the revolutionary events of 1905 in Russia. It remains a fundamental work to this day. Since Guerrier's research on the French Revolution has been repeatedly referred to in the literature, I do not undertake a systematic review of his claims. Instead, I shall indicate two issues he raised which occupied a prominent place in the political imagination of moderate Russian liberals.

Firstly, the view of monarchy: Guerrier accused Taine of reducing the idea of monarchy to defending the privileges of the highest social strata. Meanwhile – he explained – this idea also includes the unification of the state and the nation. For this reason, the monarchy is not unfamiliar with the concepts of reform and progress, albeit it implements them through administrative centralisation and bureaucratic absolutism. The Revolution – as Guerrier continued – annihilated the feudal character of the monarchy, but strengthened the centralising tendency, i.e. the bureaucratic component. The First Empire became an expression of this change.⁵² A generally positive assessment of the monarchy's reform potential characterised a great many Russian liberals of the second half of the nineteenth century. In this case, the inspiration came from the age of the great reforms.

Secondly, the attitude towards the main values proclaimed by the French Revolution: equality and freedom (individual and political). Guerrier recognised the tension between these two ideals. Like Taine, he also understood that it was equality that was put on a pedestal. Unlike the French historian, he did not blame the revolutionaries alone for such a state of affairs. He attributed great importance to historical conditions, and more specifically to the model of the state. Moreover, he acknowledged that both the idea of freedom and the idea of liberty express the universal aspirations of humankind.⁵³ This belief in the possibility of at least a partial realisation of freedom

⁴⁹ Есин: 115-116.

⁵⁰ Зола 1876: 891-892.

⁵¹ Зола 1878: 395, 407.

⁵² Герье 1878а: 560.

⁵³ Герье 1878b: 563-564, 578.

and equality in a monarchical system, however paradoxical, was an important component of the thinking of many Russian liberals before 1905.

Konstantin K. Arsenev (1837-1919), lawyer, leading columnist of the “*Vestnik Yevropy*” debated mainly with Taine’s view of the state. This Russian liberal accused the Frenchman of holding doctrinairely to the concept of the minimal state. Arsenev did not favour this vision, promoted by the so-called Manchester School. He argued that the state of the late nineteenth century had a much broader range of tasks to solve than the state of many centuries before.⁵⁴ This was a very important declaration on the part of the Russian liberal. It reflected the conviction that the facing of the challenges of a modernising society could not do without arbitration and the participation of state structures. This implied the conviction that the application of liberal values requires the cooperation of society and government. Thus, it is not confrontation, but cooperation that should characterise the proper conduct of liberals.

Reflections of Russian liberals provoked by the reading of *Les origines...* echoed also in the pages of “*Russkaya mysl*”. It has been criticised that Taine breaks with the tradition of describing the revolution as the source of the liberal institutions of nineteenth-century France. The reviewer clearly disagreed with comparing the course of the revolution to the description of a disease.⁵⁵ This was not an isolated view of the reviewer, but an opinion that appeared in other statements about the discussed work. Suffice it to mention that the extremely negative characterisation of the Jacobins as madmen was perceived in “*Russkaya mysl*” as a caricature of the revolution, devoid of analytical value.⁵⁶

As in “*Vestnik Evropy*”, also in “*Russkaya mysl*” it was considered a mistake to juxtapose society with the state. For the reviewer of Taine’s work, an example of succumbing to this schematic view was the equating of the First Empire with Ancient Rome in the fourth century. The reviewer would not deny the influence of the classical spirit on the system, law, administration or culture of France in the Napoleonic era. He did, however, draw attention to a fundamental difference: nineteenth-century French society was characterised by competitiveness, whereas in the declining Roman Empire state divisions were intensified.⁵⁷ Removing state barriers and increasing social mobility were key liberal demands in the second half of the nineteenth century, even if in the public eye they were overshadowed by demands for public representatives to participate in the legislative process.

Finally, there was the problem of education. Indeed, the backwardness of the popular masses made it impossible to improve their condition, while restrictions on the acquisition of higher levels of education were one of the barriers to the transformation of society. The author of an extensive discussion of Taine’s views on this issue was ambivalent about the legacy of the

⁵⁴ Арсеньев: 314-316, 321-322.

⁵⁵ W***: 86-87.

⁵⁶ Библиографический 1884: 23.

⁵⁷ Библиографический 1891: 223-224.

Revolution and Napoleon as far as education was concerned. The reviewer supported the spread of education, but at the same time protested against excessive state interference in setting the curriculum and the organisation of teaching, at the expense of the autonomy of private institutions.⁵⁸ One can see here the dilemma of nineteenth-century social liberalism (not only Russian). On the one hand, liberals wanted the cultural uplift of the masses, on the other, however, they were uncertain whether coercion, a fundamentally illiberal measure, was permissible.

Concluding remarks

The works of Hippolyte Taine enjoyed great popularity in Russia in the second half of the nineteenth century. Several circumstances were decisive in this respect. Firstly, as one of the leading representatives of the intellectual life of France, he aroused interest in a country that was very much enthralled with Western Europe. Secondly, the positivist ideas he promoted corresponded to the needs of Russia undergoing modernisation. Thirdly, the subject matter of his studies, although immersed in the past, was of the utmost contemporary relevance. Taine's works were of particular importance to Russian liberals, who attributed a universal dimension to the historical processes taking place in Western Europe. General history played an important role in the ideological discussions of nineteenth-century Russia – and not only among professional historians.⁵⁹ Revolution invariably stood at the very centre of attention, treated as a consequence of the lack of reform. The Russian liberalism in the pre-institutional era (i.e. until the emergence of political parties and the parliamentary forum) was primarily a reformist ideology. Taine's fundamental literary and historical works addressed two European political models: the Continental and the English. They could, therefore, be regarded as knowledgeable examples to follow in Russia.

With all that has been said above about the impact of Taine's work on Russian liberals, it is important to see it in the right proportions. The Russian liberal thought of the second half of the nineteenth century, both in its early (second half of the 1850s - 1860s) and later form, drew on many sources. It is striking that the rich legacy of the intellectual leaders of the first period, K.D. Kavelin and B.N. Chicherin, shows no evidence that the French author's works have been studied. Therefore, the enormous contribution of both thinkers to the formation of the liberalism of the age of great reforms owed nothing to Taine. This observation is all the more important as both authors monitored Western novel publications and occasionally referred to foreign authors. Neither Chicherin's extensive memoirs nor Kavelin's well-known correspondence contain references to the French thinker. Kavelin invoked Taine only once, as late as 1876 (i.e. the declining period of his life), while justifying the view that the real threat to the monarchy was not the political representation of the people (*vybornoe predstavitel'stvo*), but the distancing of

⁵⁸ И. К-на: 133-134.

⁵⁹ Репина: 6.

state factors from social factors and the domination of one social strata over others⁶⁰. It is noteworthy, however, that the continuator of the work of both thinkers, Aleksandr D. Gradovskiy (1841-1889), in his famous article *Reforms and Nationhood* (*Reformy i narodnost'*, first printed in 1882) argued for the benefits of granting civil liberties relying on Taine's authority⁶¹.

The fact that Taine's ideas resonated in the liberal press of the period under study shows that the liberal discourse was informed by the experiences of France and England. Summarising the argument, it is worth emphasising that the solutions and ideas put forward by the liberals were constantly being updated and, therefore, did not form a monolith. From this viewpoint, they are not very useful for reconstructing the philosophy of Russian liberalism in the second half of the 19th century. On the other hand, they speak a great deal about the concerns of Russian liberals and reflect their intellectual pursuits. This is precisely where the value of studying the reception of foreign literature in Russia lies. It allows one to see how the process of transfer and adaptation of the ideas of civic society and the rule of law took place. Taine's books did not occupy a distinguished place on the shelves of bookshops or in home libraries. This applies even to the famous series *Les origines...*, which was, after all, only one of the many nineteenth-century visions of the French Revolution.⁶² The Russian political imaginary was shaped by various authors, often more universal, such as Taine's compatriot Alexis de Tocqueville (1805-1859). Thus, there are no grounds for claiming that reading Taine's works in particular strengthened the bond between Russians and the Western intellectual legacy. Besides, over time liberal circles started to associate Taine as the author of a "counter-revolutionary pamphlet" (François-Alphonse Aulard's expression, 1849–1928).⁶³ This label, however, spoke more about the change in liberal sentiment after 1905 than about the French author. This is not surprising: post-revolutionary Russian liberalism was not likely to survive in the form it had taken in the age of great reforms, whose *idée fixe* was to prevent revolution.⁶⁴ Ultimately, however, in the study of the reception of ideas, the withdrawal of a certain group of readers from an author is as much of a signal to the historian as remaining in grateful memory. In this case, it can be surmised that it was not merely a matter of views on revolution. Influenced by the ideas of the first half of the nineteenth century, Taine's views on history and society may not have struck a chord with people grappling with the dilemmas of the new era.

Translated by Anna Maleszka

⁶⁰ Кавелин: 924.

⁶¹ Градовский: 296-297.

⁶² Чеканцева: 23-24.

⁶³ Чудинов: 26.

⁶⁴ Христофоров: 14.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Арсеньев К.К. Новый историк современной Франции // Вестник Европы. 1891 Т. 147. Кн. 1. С. 313-344. [Arsen'yev K.K. Novyyu istorik sovremennoy Frantsii // Vestnik Yevropy. 1891 Т. 147. Кн. 1. С. 313-344.]
- Банашкевич М. Русский либерализм эпохи великих реформ в зеркале Октябрьской революции. Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 4. С. 51-69. [Banashkevich M. Russkiy liberalizm epokhi velikikh reform v zerkale Oktyabr'skoy revolyutsii. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2017. Т. 20. № 4. С. 51-69.]
- Библиографический листок // Вестник Европы. 1900. Т. 205. Кн. 11. [Bibliograficheskiy listok // Vestnik Yevropy. 1900. Т. 205. Кн. 11.]
- Библиографический отдел журнала «Русская мысль» // Русская мысль. 1884. Кн. 11. С. 1-96 (отдельная нумерация страниц). [Bibliograficheskiy otdel zhurnala «Russkaya mysl'» // Russkaya mysl'. 1884. Кн. 11. С. 1-96 (otdel'naya numeratsiya stranits).]
- Библиографический отдел журнала «Русская мысль» // Русская мысль. 1885. Кн. 7. С. 1-77 (отдельная нумерация страниц). [Bibliograficheskiy otdel zhurnala «Russkaya mysl'» // Russkaya mysl'. 1885. Кн. 7. С. 1-77 (otdel'naya numeratsiya stranits).]
- Библиографический отдел журнала «Русская мысль» // Русская мысль. 1891. Кн. 5. С. 207-260. [Bibliograficheskiy otdel zhurnala «Russkaya mysl'» // Russkaya mysl'. 1891. Кн. 5. С. 207-260.]
- Библиографический отдел журнала «Русская мысль» // Русская мысль. 1896 Кн. 6. С. 241-294. [Bibliograficheskiy otdel zhurnala «Russkaya mysl'» // Russkaya mysl'. 1896 Кн. 6. С. 241-294.]
- Библиография // С.-Петербургские ведомости. 1872. № 78. С. 2. [Bibliografiya // S.-Peterburgskiye vedomosti. 1872. № 78. S. 2.]
- Боборыкин П. Новые пути критики // С.-Петербургские ведомости. 1871. № 102. С. 1-2. [Boborykin P. Novyye puti kritiki // S.-Peterburgskiye vedomosti. 1871. № 102. S. 1-2.]
- Брандес Г. Ипполит Тэн // Русская мысль. 1893. Кн. 5. С. 73-78. [Brandes G. Ippolit Ten // Russkaya mysl'. 1893. Кн. 5. С. 73-78.]
- Веселовский А.[Н.]. Новая книга Тэна // С.-Петербургские ведомости. 1868. № 342. С. 1. [Veselovskiy A.[N.]. Novaya kniga T'ena // S.-Peterburgskiye vedomosti. 1868. № 342. S. 1.]
- Вырубов Г.Н. Позитивизм в России // Литтре Э. Несколько слов по поводу положительной философии. Берлин: В. Behr's Buchh (E. Bock), 1865. С. I-XXI. [Vyrubov G.N. Pozitivizm v Rossii // Littre E. Neskol'ko slov po povodu polozhitel'noy filosofii. Berlin: V. Behr's Buchh (E. Bock), 1865. С. I-XXI.]
- Герье В.И. Ипполит Тэн как историк Франции // Вестник Европы. 1878. Т. 70. Кн. 4. С. 534-569. [Ger'ye V.I. Ippolit Ten kak istorik Frantsii // Vestnik Yevropy. 1878. Т. 70. Кн. 4. С. 534-569.]
- Герье В.И. Ипполит Тэн как историк Франции // Вестник Европы. 1878. Т. 74. Кн. 12. С. 511-582. [Ger'ye V.I. Ippolit T'en kak istorik Frantsii // Vestnik Yevropy. 1878. Т. 74. Кн. 12. С. 511-582.]
- Герье В. Тэн (Ипполит-Адольф Taine, 1828—1893) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1901. Т. XXXIV. С. 304—313. [Ger'ye V. Ten (Ippolit-Adolf Taine, 1828—1893) // Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Yefrona. SPB. 1901. Т. XXXIV. С. 304—313.]
- Говоров И. Шекспир в новой истории английской литературы Тэна // С.-Петербургские ведомости. 1864. № 88. С. 1-2. [Govorov I. Shekspir v novoy istorii angliyskoy literatury Tena // S.-Peterburgskiye vedomosti. 1864. № 88. С. 1-2.]
- Градовский А.Д. Реформы и народность // Либерализм: pro et contra. Русская либеральная традиция глазами сторонников и противников. Антология. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2016. С. 280-303. [Gradovskiy A.D. Reformy i narodnost' // Liberalizm: pro et contra. Russkaya liberal'naya traditsiya glazami storonnikov i protivnikov. Antologiya. SPB.: Izdatel'stvo Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii, 2016. S. 280-303.]
- Добровольский Л.М. Запрещённая книга в России 1825-1904. Архивно-библиографические разыскания. М.: Изд-во Всесоюз. Кн. палаты, 1962. 254 с. [Dobrovolskiy L.M. Zapreshchennaya kniga v Rossii 1825-1904. Arkhivno-bibliograficheskiye razyskaniya. M.: Izd-vo Vsesoyuz. Kn. palaty, 1962. 254 s.]

- Есин Б.И. Парижские письма Э. Золя в журнале «Вестник Европы» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2014. № 1. С. 115-127. [Yesin B.I. Parizhskiyе pis'ma E. Zolya v zhurnale «Vestnik Yevropy» // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. 2014. № 1. S. 115-127.]
- Заборов П. Р. Ипполит Тэн в России. (Материалы к истории восприятия) // Эпоха реализма. Из истории международных связей русской литературы. Л.: Издательство «Наука», 1982. С. 227-271. [Zaborov P. R. Ippolit T'en v Rossii. (Materialy k istorii vospriyatiya) // Epokha realizma. Iz istorii mezhdunarodnykh svyazey russkoy literatury. L.: Izdatel'stvo «Nauka», 1982. S. 227-271.]
- З.Б. Новости иностранной литературы. Вестник Европы. 1897. Т. 183. Кн. 2. С. 888-902. [Z.B. Novosti inostrannoy literatury. Vestnik Yevropy. 1897. T. 183. Kn. 2. S. 888-902.]
- Золя Э. Парижские письма. XI. Ипполит Тэн и его новая книга о Франции // Вестник Европы. 1876. Т. 157. Кн. 2. С. 862-892. [Zola E. Parizhskiyе pis'ma. XI. Ippolit Ten i yego novaya kniga o Frantsii // Vestnik Yevropy. 1876. T. 157. Kn. 2. S. 862-892.]
- Золя Э. Французская революция в книге Тэна // Вестник Европы. 1878. Т. 71. Кн. 5. С. 389-417. [Zola E. Frantsuzskaya revolyutsiya v knige Tena // Vestnik Yevropy. 1878. T. 71. Kn. 5. S. 389-417.]
- И. К-на. Посмертный труд Тэна. // Русская мысль. 1894. Кн. 3. С. 105-134. [I. K-na. Posmertnyy trud Tena. // Russkaya mysl'. 1894. Kn. 3. S. 105-134.]
- Иностранная литературная летопись // Отечественные записки 1864. Т. 154. Кн. 5. С. 454-470. [Inostrannaya literaturnaya letopis' // Otechestvennyye zapiski 1864. T. 154. Kn. 5. S. 454-470.]
- История английской литературы (Histoire de la litterature anglaise, par H. Taine. Paris, 1864) // Отечественные записки. 1864. Т. 154. Кн. 6. С. 561-609. [Istoriya angliyskoy literatury (Histoire de la litterature anglaise, par H. Taine. Paris, 1864) // Otechestvennyye zapiski. 1864. T. 154. Kn. 6. S. 561-609.]
- Итенберг Б.С. Некоторые вопросы изучения русского либерализма XIX века // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции / Отв. Ред. Шелохаев В.В. М.: РОССПЭН, 1999. С. 491-502. [Itenberg B.S. Nekotoryye voprosy izucheniya russkogo liberalizma XIX veka // Russkiy liberalizm: istoricheskiye sud'by i perspektivy. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / Otв. Red. Shelokhayev V.V. M.: ROSSP-EN, 1999. S. 491-502.]
- Итенберг Б.С. Российская общественность и книги Ипполита Тэна о Французской революции конца XVIII в. // Великая французская революция и Россия / под ред. А.В. Адо, В.Г. Сироткина. М.: Прогресс, 1989. С. 133-147. [Itenberg B.S. Rossiyskaya obshchestvennost' i knigi Ippolita Tena o Frantsuzskoy revolyutsii kontsa XVIII v. // Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya i Rossiya / pod red. A.V. Ado, V.G. Sirotkina. M.: Progress, 1989. S. 133-147.]
- Кавелин К.Д. Мысли о выборном начале // Собрание сочинений К.Д. Кавелина. Т. 2. Публицистика. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1898. С. 908-926. [Kavelin K.D. Mysli o vybornom nachale // Sobraniye sochineniy K.D. Kavelina. T. 2. Publitsistika. SPB.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1898. S. 908-926.]
- Литературная хроника // Вестник Европы. 1866. Т. 2. С. 1-184 (отдельная нумерация страниц). [Literaturnaya khronika // Vestnik Yevropy. 1866. T. 2. S. 1-184 (otdel'naya numeratsiya stranits).]
- Незнакомец. Недельные очерки и картинки // С.-Петербургские Ведомости. 1867. № 200. С. 1-2. [Neznakomets. Nedel'nyye ocherki i kartinki // S.-Peterburgskiyе Vedomosti. 1867. № 200. S. 1-2.]
- Новейшая литература. Вестник Европы. 1871. Т. 3. Кн. 5. С. 465-486. [Noveyshaya literatura. Vestnik Yevropy. 1871. T. 3. Kn. 5. S. 465-486.]
- Новости наук, искусств и литературы // Отечественные записки 1858. Т. 116. Кн. 1. С. 5-6. [Novosti nauk, iskusstv i literatury // Otechestvennyye zapiski 1858. T. 116. Kn. 1. S. 5-6.]
- Новые книги // Вестник Европы. 1872. Т. 36. Кн. 8. С. 892-902. [Novyye knigi // Vestnik Yevropy. 1872. T. 36. Kn. 8. S. 892-902.]
- Новый систематический каталог русского отделения книжного магазина Маврикия Осиповича Вольфа. 1830-1880. СПб. – М.: Издание книгопродавца-типографа Маврикия Осиповича Вольфа, 1881. 600 с. [Novyy sistematicheskiy katalog russkogo

- otdeleniya knizhnogo magazina Mavrikiya Osipovichavol'fa. 1830-1880. SPB. – М.: Izdaniye knigoprodavtsa-tipografa Mavrikiya Osipovicha Vol'fa, 1881. 600 s.].
- Олейников В. Андрей Александрович Краевский // Российский либерализм: идеи и люди / под ред. А. А. Кара-Мурзы. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 132-137. [Oleynikov V. Andrey Aleksandrovich Krayevskiy // Rossiyskiy liberalizm: idei i lyudi / pod red. A. A. Kara-Murzy. M.: Fond «Liberal'naya missiya», 2007. S. 132-137.].
- Оляшек Б. Русский позитивизм. Идеи в зеркале литературы. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2005. 308 s. [Olyashek B. Russkiy pozitivizm. Idei v zerkale literatury. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2005. 308 s.].
- Половцов А.А. Дневник государственного секретаря в двух томах. Т. II. 1887-1892. М.: ЗАО Центролиграф, 2005. 639 с. [Polovtsov A.A. Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya v dvukh tomakh. T. II. 1887-1892. M.: ZAO Tsentroligraf, 2005. 639 s.].
- Пустарнаков В.Ф. Либерализм в России. Казань: Печатный двор, 2002. 196 с. [Pustarnakov V.F. Liberalizm v Rossii. Kazan': Pechatnyy dvor, 2002. 196 s.].
- Репина Л. П. Всеобщая история в российской интеллектуальной традиции // Диалог со временем. 2006. Вып. 17. С. 5-11. [Repina L. P. Vseobshchaya istoriya v rossiyskoy intellektual'noy traditsii // Dialog sovremenem. 2006. Vyp. 17. S. 5-11.].
- Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010. 1087 с. [Rossiyskiy liberalizm serediny XVIII – Nachala XX veka. Entsiklopediya / Otv. red. V.V. Shelokhayev. M.: ROSSPEN, 2010. 1087 s.].
- Утин Е. Англия в книге Г. Тэна // Вестник Европы. 1872. Т. 38. Кн. 11. С. 186-257. [Utin Ye. Angliya v knige G. T'ena // Vestnik Yevropy. 1872. T. 38. Kn. 11. S. 186-257.].
- Христофоров И.А. Великие реформы: истоки, контекст, результаты // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. Т. 3 / под ред. В.В. Шелохаева. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 14-183. [Khristoforov I.A. Velikiye reformy: istoki, kontekst, rezul'taty // Reformy v Rossii s drevneyshikh vremen do kontsa XX v. T. 3 / pod. red. V.V. Shelokhayeva. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2016. S. 14-183.].
- Чеканцева З.А. Французская революция XVIII века как событие будущего между научным дискурсом и зеркалами памяти // Диалог со временем. 2016. Вып. 56. С. 16-38. [Chekantseva Z.A. Frantsuzskaya revolyutsiya XVIII veka kak sobyitiye budushchego mezhdru nauchnym diskursom i zerkalami pamyati // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 56. S. 16-38.].
- Чудинов А.А. История французской революции: пути познания. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 282 с. [Chudinov A.A. Istoriya frantsuzskoy revolyutsii: puti poznaniya. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2017. 282 s.].
- Чуйко В. Из Парижа // С.-Петербургские ведомости. 1870. № 82. С. 2. [Chuyko V. Iz Parizha // S.-Peterburgskie vedomosti. 1870. № 82. S. 2.].
- Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Шелохаев В.В. На разные темы. М.: РОСПЭН, 2016. С. 417-437. [Shelokhayev V.V. Diskussionnyye problemy istorii russkogo liberalizma v noveyshey otechestvennoy literature // Shelokhayev V.V. Na raznyye temy. M.: Rosp-En, 2016. S. 417-437.].
- Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОСПЭН, 1999. С. 17-38. [Shelokhayev V.V. Russkiy liberalizm kak istoriograficheskaya i istoriosofskaya problema // Russkiy liberalizm: istoricheskiye sud'by i perspektivy / Otv. red. V. V. Shelokhayev. M.: ROSSP-EN, 1999. S. 17-38.].
- Шкурин П.О. Позитивизм в России XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1980. 416 с. [Shkurinov P.O. Pozitivizm v Rossii XIX veka. M.: Izd-vo MGU, 1980. 416 s.].
- Шнейдер К.И. Образы Запада и России в представлениях ранних русских либералов // Диалог со временем. 2009. Вып. 27. С. 245-262. [Shneyder K.I. Obrazy Zapada i Rossii v predstavleniyakh rannikh russkikh liberalov // Dialog so vremenem. Vyp. 27. S. 245-262.].
- Штагель К. Обзорные французские журналы, книг и брошюр // Отечественные записки 1857. Т. 113. Кн. 8. С. 101-110. [Shtakhel' K. Obzreniye frantsuzskikh zhurnalov, knig i broshyur // Otechestvennyye zapiski 1857. T. 113. Kn. 8. S. 101-110].
- W***. Хроника французской жизни // Русская мысль. 1881. Кн. 7. С. 78-100. (отдельная нумерация страниц). [W***. Khronika frantsuzskoy zhizni // Russkaya mysl'. 1881. Kn. 7. S. 78-100. (otdel'naya numeratsiya stranits.).]

- Biddiss M. Hippolyte Taine and the making of history // *The Right in France. From Revolution to Le Pen* / eds. N. Atkin, F. Tallett. London – New York: I.B. Tauris & Co Ltd, 2003. P. 71-87.
- Chartier R. Od historii książki do historii lektury // *Rodak P. Pismo, książka, lektura. Rozmowy: Le Goff, Chartier, Hébrard, Fabre, Lejeune*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2009. S. 57-106.
- Desan Ph. Taine: positiviste ou idéaliste? // *Dialogue: Canadian Philosophical Review / Revue canadienne de philosophie* . 1982. Vol. 21 . Issue 4 . December. P. 661 – 670.
- Dewald J. *Lost Worlds. The Emergence of French Social History, 1815–1970*. Penn State University Press, 2006. 256 p.
- Łempicki J. *Historiozofia Hipolita Taine’a*. Kraków: Skład Główny w Kasie Imienia Mianowskiego, 1938. 179 s.
- Nordmann J.-T. Taine et le positivisme // *Romantisme*. 1978. No. 21-22. P. 21-33.
- Richard N. *Hippolyte Taine. Histoire, psychologie, littérature*, Paris: Classiques Garnier, 2013. 316 p.
- Seigel J. *European Liberalism in the Nineteenth Century* // *The Cambridge History of Modern European Thought*. Cambridge University Press, 2019. P. 172-195.
- Warzenica-Zalewska E. Z zagadnień recepcji Taine’a w Polsce (lata 1861-1881) // *Przegląd Humanistyczny*. 1972. T. 16. Nr 5 (92). S. 83-106.
- Weinstein L. *Hippolyte Taine*. New York: Twayne Publishers, Inc., 1972. 186 p.
- Миколай Банашкевич**, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Ягеллонский университет, mikolaj.banaszkiewicz@gmail.com

Hippolyte Taine in Liberal Russian Journalism of the Second Half of the Nineteenth Century

The article deals with the reception of Hippolyte Taine’s (1828-1893) views on history and society in liberal circles in Russia in the second half of the nineteenth century. Foreign literature was an important source of inspiration for intellectuals and activists seeking examples on which to base the modernisation of Russia. The timeline of the study is 1855-1905. The reference base consists of reviews of the works of the French positivist, published in the most important liberal Russian periodicals. The analysis of these reviews allows us to grasp how the publicists interpreted the books they commented on, thereby making it possible to perceive the specificity of Russian liberalism before the first Russian Revolution.

Keywords: *Hippolyte Taine, liberalism, positivism, the Russian Empire, modernisation, revolution, reception studies*

Mikolaj Banaszekiewicz, PhD. in History, Research Associate, The Jagiellonian University, mikolaj.banaszkiewicz@gmail.com

**ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИДЕИ
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛОНИСТИКИ И ИХ
ПРЕЛОМЛЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО. Ч. I**

В статье представлены фундаментальные идеи российской исторической полонистике XIX – начала XX в. в преломление их в творчестве В.О. Ключевского. Оценочные подходы ученого к истории Польши сочетали признание фундаментальных идей российской исторической полонистики консервативных и славянофильских, по сути, и отход от них на либерально-западнические позиции. В этом контексте научное наследие историка не исследовалась и специального комплексного историографического исследования по этой проблематике не проводилось.

Ключевые слова: Фундаментальные идеи российской исторической полонистики, В.О. Ключевский, Польша, русские православные земли Речи Посполитой, Россия

Польский вопрос играл весомую роль в политической и общественной жизни России, как в контексте внутренней политики, так и в системе международных отношений исследуемого периода. Развитие российской полонистики на протяжении XIX – начала XX века, показывает тесную взаимосвязь восприятия польского вопроса (широко понимаемого как историософская, культурологическая составляющая) и истории Польши русским обществом и отражением этого процесса в полонистических трудах¹.

Историческая роль и значение Польши в истории России определялись в российской историографии как важнейшего политического, военного, а также и цивилизационного соперника на протяжении длительного времени соседского сосуществования и одновременно как центра передачи западного влияния. В наличии два основных концептуальных подхода: либеральный, западнической ориентации и консервативный, преимущественно славянофильской направленности².

Не меньшее значение, чем польский вопрос имел для России комплекс устоявшихся в обществе и историографии стереотипов по поводу истории Польши и российско-польских отношений. В либеральных историософских концепциях российской историографии (В.О. Ключевский, Н.И. Кареев) особое место поляков в истории России объяснялось преимущественно рациональными факторами: политико-геостратегическими, историческими причинами. В консервативной историософии (к этой точке зрения приближался С.М. Соловьев) – причинами провиденциально-религиозного характера. В консервативной историографии славянофильского толка оно приобрело даже мистическую окраску. И.П. Филевич утверждал, что давняя вражда между Польшей и Россией

¹ Кручковский 2017: 218.

² Ibid: 9.

отразилась в психике русского народа: «и не было делом случая, что русские люди представляли дьявола в виде ляха»³. Это эмоциональное положение историка славянофильской ориентации близко, по своей сути, рациональному тезису западника Ключевского: «Поляки занимали особое место в русской истории, и не зря они и татары оставались в сознании русских извечными врагами их государственности»⁴.

Осуществлявшаяся на протяжении нескольких веков последовательная политика «собираания русских земель» под скипетром Москвы была прямым противостоянием Польше-Литве-Речи Посполитой и должна была получить достаточно убедительное историческое обоснование. Существовал политический «казак» со стороны правительства Империи, нуждающегося в историко-идеологическом обосновании российской политики в отношении Польши-Речи Посполитой. Эта задача могла быть решена глубокой интеллектуальной и идеологической проработкой исторического материала и созданием согласованного с основополагающими принципами исторического жанра российской версии истории Польши и ее отношений с русским миром. Результатом этого стало создание политизированной концепции истории Польши, идеологически выверенной в своих основных проявлениях российской консервативной традиции⁵. Это подтверждается официальной линией правительства в отношении Польши, неоднократно представленной в научной литературе. Также и тем обстоятельством, что в большинстве консервативные историки (которые поддерживали и обосновывали официальную позицию) занимали высокие официальные должности. Так, генералами закончили службу А.К. Пузыревский, П.А. Гейсман и др.; высокие гражданские должности занимали, или заняли впоследствии – Н.М. Карамзин, Д.И. Иловайский, а также и либералы-западники – С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и др. В то время как у историков-полонофилов наблюдались проблемы с научной и служебной карьерой (Н.И. Кареев, А.Л. Погодин)⁶.

Автор для передачи специфики оценочных подходов российской науки рассматриваемого периода, используют названия государственной принадлежности территорий, употребляемые в дореволюционной историографии. Польша и ВКЛ, Речь Посполитая определялись в ней как польско-литовская государственность или как «Польша». Территории современных Беларуси и Украины понимались в ней как «западно-русские земли». Большинство современных историков Беларуси и Литвы четко разграничивают эти государственные образования. Для общей характеристики российско-польского противоборства используется современное понятие «цивилизации». Это делается для более точного отображения характера российско-польского противостояния.

³ Филевич 1894: 2.

⁴ Ключевский 1989. Т. 5: 36.

⁵ Кручковский 2017: 218.

⁶ Ibid: 219.

В связи с этим представляет собою интерес исследование, посвященное преломлению фундаментальных идей российской исторической полонистики имперского периода в творчестве Ключевского, одного из наиболее известных историков либерально прозападной ориентации, автора известной синтеза истории России. Для полноты представления картины условий и обстоятельств творческой лаборатории историка и выполнения поставленной цели статьи, представляется необходимым сделать обстоятельный показ особенностей развития российской исторической полонистики и формирования в ней, так называемых фундаментальных или основополагающих идей.

Историческую науку России имперского периода XIX – начала XX века традиционно разделяют на два основных идеологических направления. Основным критерием для такого разделения являются оценки характера цивилизационного развития России. Первое направление получило название «славянофильского», которое впоследствии вылилось в консервативное направление. Второе – «западническое», которое преобразовалось в либеральное направление. Традиционно считается, что в исторической науке первой половины XIX в. преобладало консервативно-славянофильское течение, а во второй половине XIX – начале XX века – либерально-западническая идеология⁷.

Подобное разделение внешне не минуло и историческую полонистику. В процессе своего развития в рамках каждого направления сложился ряд идей характерных для всех представителей этих направлений. Следует отметить, что в российской исторической полонистике второй половины XIX – начала XX века, в отличие от российской историографии в целом, консервативное направление сохранило доминирующие позиции⁸. Переломным моментом являлись 1880-е гг., когда появляется и усиливается полонистика либерально-западной направленности. Но, как показывает историографический анализ, она не стала доминирующей в исторической полонистике⁹.

В основных концепциях российской науки независимо от ее направлений история Польши получила близкие оценочные характеристики. Славянофильская историософия и преломление консервативной теории «официальной народности» в творчестве Н.Г. Устрялова и М.П. Погодина, а затем «западнорусизм» М.О. Кояловича и П.Н. Жуковича (как региональный славянофильский вариант) и охранительный консерватизм Д.И. Иловайского выступают в области исторической полонистики как явления одного порядка¹⁰. Положение современной российской науки об отказе либеральной историографии с 1880-х гг. от своих фундаментальных основ не подтверждается историографическим

⁷ Дьяков, Мьельников 1979: 11–46; Лаптева 2005; Лаптева: 156–162.

⁸ Кручковский 2017: 219.

⁹ Ibid: 220.

¹⁰ Ibid: 9.

материалом. Либеральная полонистика XIX – начала XX в. в основных оценочных позициях рассматривала ключевые моменты истории Польши и российско-польских отношений, следуя традициям консервативного и славянофильского направления¹¹.

Общественно-политические условия и теоретико-методологическое состояние исторической науки привели к ситуации, что изучение истории польского народа, стало делом преимущественно тех, кто стоял на позициях славянофильства в широком понимании этой дефиниции. Это обусловило идеологическую окраску научных работ. История славян и, прежде всего, польская рассматривались с великодержавных позиций, принадлежность к славянству сочеталась с принадлежностью к православию¹². Все это привело к формированию негативных стереотипов восприятия польской тематики, которые утвердились в культурно-историческом сознании русских, нашли отражение в деятельности не только историков, но и интеллектуалов, представляющих различные отрасли гуманитарного знания¹³.

Первые исследования по изучению исторической полонистики в наследии историков XIX – начала XX в. были предприняты еще исследователями изучаемого периода: М.О. Коялович¹⁴ и П.Н. Миллюков¹⁵, а также в советское время¹⁶. Кроме русскоязычной историографии данной тематикой занимались польские ученые. М. Серейски в рамках своего исследования о причинах падения Речи Посполитой поставил вопрос об особых чертах русской исторической полонистики, выделив ряд ее основополагающих принципов¹⁷.

В современной науке общие оценочные подходы российской исторической науки исследуемого периода к исторической полонистике определяются как ее фундаментальные (основополагающие) идеи. Эти основополагающие идеи были консервативного и славянофильского характера, чаще всего антизападного толка¹⁸.

Само понятие «фундаментальных» идей в русскоязычной полонистике было выдвинуто В.А. Якубским¹⁹. Историограф определил общие оценочные подходы российской науки к исторической полонистике как ее фундаментальные идеи²⁰. «Воззрения русских ученых XIX века на

¹¹ Ibid:10.

¹² Ibid: 220.

¹³ Ibid: 20.

¹⁴ Коялович1997

¹⁵ Миллюков1913

¹⁶ Историография нового времени стран Европы и Америки 1967; Очерки истории исторической науки в СССР 1955. Т. 1; Очерки истории исторической науки в СССР 1960. Т. 2; Очерки истории исторической науки в СССР 1963. Т. 3; Славяноведение в дореволюционной России1979. и др.

¹⁷ Serejski1970.

¹⁸ Кручковский 2017: 219.

¹⁹ Якубский 2000: 3–15.

²⁰ Ibid: 11–12.

польскую историю абсолютно не поддаются, – писал он, – строгой раскладке по признаку прогрессивности или реакционности носителей этих воззрений. Разброс мнений по поводу польского прошлого и управляющих им закономерностей не так велик. На почве полонистики отчасти стиралась грань между славянофилом и западником»²¹.

Якубский подчеркивал связь между теоретико-методологическими основами изучения истории и общественно-политическим процессом: «Российские полонисты испытали влияние гегельянства и других западных идей, многое подчеркнув у И. Лелевеля <...> тем не менее, окрасили собственные построения в сугубо национальные цвета»²². Советское славяноведение ужесточило этот подход. Впоследствии позитивисты (Н.И. Кареев, Н.Н. Любович) предпочли отмежеваться от этих фундаментальных идей²³. Якубский, отмечает В.В. Кутявин, – не был первым исследователем российской полонистики, который отметил эти закономерности и особые черты. Так Кутявин пишет²⁴, что одни из первых попыток выделить «фундаментальные» идеи появляются в исследованиях Т.Т. Кручковского²⁵. Соглашаясь с мнением Якубского, Кутявин считает, что часть этих фундаментальных идей была подмечена еще раньше. В частности, он писал: «Чрезвычайно важно замечание Т.Т. Кручковского²⁶ о том, что при обращении к польской проблематике размывались четкие границы между либералами и консерваторами»²⁷. К подобному выводу склоняется, отмечал далее Кутявин, – и Якубский, приводя в качестве доказательства его тезис о стирании отчасти на почве полонистики грани между славянофилом и западником²⁸. Соглашаясь с этим мнением, Н.В. Пислегин отмечает, что существовала близость позиций консерваторов и либералов по польской тематике²⁹. По мнению Кутявина фундаментальные идеи российской полонистики окончательно оформились в 1860-х гг. и стали концептуальной базой для последующей историографии³⁰.

В целом тезисы об основополагающих положениях российской полонистики Кручковского совпадают с «фундаментальными» идеями Якубского, но затрагивают больше сторон историографического исследования истории Польши и были они сформированы раньше: в исследованиях 1992–1994 гг.³¹. Кручковский, как впоследствии и Якубский, выдвигал положение о господстве в российской полонистике идеи ве-

²¹ Ibid: 11.

²² Ibid: 11.

²³ Ibid: 12.

²⁴ Кутявин 2004:143.

²⁵ Кручковский 1993: 76–85.

²⁶ Кручковский 1993: 80.

²⁷ Кутявин 2004:143.

²⁸ Ibid: 143.

²⁹ Пислегин URL: http://www.hrono.ru/statii/arhiv/st_p.php

³⁰ Кутявин 2004: 138.

³¹ Кручковский1992; Кручковский1993; Кручковский 1994: 218–417.

кового противостояния России и Польши, положение об «ущербном» характере польской государственности, вредоносном для Польши выборе западного пути развития и о католичестве, сыгравшем негативную роль в истории Польши³².

Кручковский отмечает так же наличие в российской историографии, независимо от ее направлений, тезиса о неправильности цивилизационного выбора Польши еще в X в. Для подтверждения этого тезиса он приводит ряд примеров в творчестве российских историков. У большинства из них, отмечается автором, утверждалось, что западный выбор Польши был аморальным и несущим беды всем славянским народам, а принятие католичества несло исключительно отрицательную роль для последующего развития Польши³³. В итоге, по мнению ряда историков XIX – начала XX в., Польша была исключена из семьи славянства и стала изгоем среди славянских народов³⁴.

Так же отмечалось еще в работах 1990-х гг., что одной из основных в российской науке была идея о Речи Посполитой как уникальном в общественно-политическом плане, но нежизнеспособном явлении (исключение Ф.М. Уманец)³⁵. Из этой идеи российские историки выводили мысль о неизбежной победе России в цивилизационной борьбе с Польшей. В вопросе о западнорусских землях (современных белорусских и украинских) российская историография (здесь едины либералы и консерваторы) исходила из тезиса об исключительном праве московского православного влияния³⁶.

К выводам. Кутявина следует добавить, что отдельные тезисы этих фундаментальных положений появились еще в советской период³⁷. Следует отметить оценочные положения В.А. Дьякова³⁸ и С.М. Стецкевича³⁹. Положения В.А. Дьякова и С.М. Стецкевича об особых чертах и условиях развития российской исторической полонистики рассматривались в отдельной статье⁴⁰.

Однако в современной российской историографии предмета исследований⁴¹ эти положения автора статьи не вспоминались (вероятно, по причине тогда малодоступности этих трудов, хотя часть их была опубликована в Москве)⁴². Возможно, это также, по причине несова-

³² Кручковский 1993; Кручковский 1994: 218–417; Кручковский 2000: 9–20.

³³ Кручковский 1992; Кручковский 1994: 218–417.

³⁴ Кручковский 1994: 287.

³⁵ Кручковский 1993; Кручковский 1994: 218–417.

³⁶ Кручковский 1994: 218–417.

³⁷ Кручковский 2017: 219.

³⁸ Дьяков 1981: 147–161.

³⁹ Стецкевич 1981: 22–54.

⁴⁰ Кручковский 2016: 29–36.

⁴¹ Якубский 2000; Аржакова 2005: 173–193; Аржакова 2010: 44–53; Аржакова 2010; Аржакова 2014; Лаптева 2007: 156–162; Лаптева 2005; Лаптева 2012; Фалькович: <http://www.jazon.hist.uj.edu.pl/zjzdz/materialy/falkowicz.pdf/> и др.

⁴² Кручковский 1991; Кручковский 1992а; Кручковский 1992; Кручковский 1992b;

дения взглядов по ряду принципиальных позиций: в первую очередь резкого акцентирования полофобских и антизападных позиций русской исторической полонистики независимо от ее теоретико-методологических и общественно-политических направлений. Только в исследованиях Кутявина было отдано должное ряду научных приоритетов в исследовании заявленной тематики Кручковским⁴³.

Автор статьи поддержал использование терминологии фундаментальных (основополагающих) идей российской полонистики (используя в 90-е гг. терминологию «основополагающих идей»), но и наполнил их следующими положениями: о неизбежной победе России в вековом цивилизационном противостоянии с Польшей; о сугубо отрицательной роли католичества в истории не только западнорусских земель польско-литовской государственности, но и самой Польши; о том, что западнорусские земли (территории Беларуси и Украины) признавались частью единой православной России и не могли интегрироваться с Польшей в составе Речи Посполитой или существовать в качестве самостоятельных государств; о западном цивилизационном пути Польши, несущим беды славянскому миру; о восприятии Польши как изгоя славянского мира; о Речи Посполитой как уникальном в общественно-политическом плане, но нежизнеспособном «уродливом» (в представлении консервативно-националистической историографии), а в интерпретации либерально-западной направленности как о «ненормальном» явлении⁴⁴.

Кутявин приводит своё видение фундаментальных идей российской полонистики⁴⁵. Он отмечал, что в российском обществе полонофобия с XIX в. становится характерной чертой русской культурной и политической традиции⁴⁶, и российская историография в своем отношении к польской тематике выражала разделяемый самыми широкими общественными кругами официальный взгляд на Польшу⁴⁷. Получается, делает он заключение, что русская историография в своем отношении к польской проблематике выражала «русский», т.е. разделяемый самыми широкими общественными кругами взгляд на Польшу, ее историческую судьбу, ее будущее⁴⁸. «Долгое время многие интеллектуалы (особенно в России), уступали исследованию проблем, связанных с нацией, патриотизмом и т.п., мистификаторам консервативной ориентации»⁴⁹.

Л.М. Аржакова отмечает также, что российские историки придерживались мнения, что Речь Посполитая была нежизнеспособным явлением: «Многие воспринимали Польшу как изгоя всего славянского ми-

Кручковский 1993.

⁴³ Кутявин 2004; Кутявин 2003: 31–37; Кутявин 2003: 55–63.

⁴⁴ Кручковский 2017: 219–220.

⁴⁵ Кутявин 2004; Kutiawin 2006: 411–432; Кутявин 2003.

⁴⁶ Kutiawin 2006: 414.

⁴⁷ Ibid: 414.

⁴⁸ Кутявин 2004: 143.

⁴⁹ Кутявин 2003а: 56.

ра, а Речь Посполитую – вообще как уникальное и нежизнеспособное явление, что снимало с восточного соседа Речи Посполитой всякую вину за ликвидацию польской государственности. Ликвидацию эту воспринимали как дело неизбежное, исторически предопределенное»⁵⁰.

Одновременно во многом посредством дихотомии Россия–Польша долгое время определялось отношение в России к западной цивилизации, переноса отчасти и на Польшу российский «комплекс неполноценности» перед Западом. В связи с этими обстоятельствами российская историография имперского периода не могла однозначно относиться к Польше и ее истории с позиций колониального превосходства, как это было свойственно для современной ей английской исторической мысли относительно, например, Ирландии или германской – в отношении неполноценности исторического пути Польши⁵¹. Дело обычно не ограничивалось, продолжает Аржакова, антитезой: «Польша – Россия»⁵². Эти тезисы восходят к идеям, высказанным ранее в польской науке о том, что Польша воплощала не только Запад, но и Восток Европы, а в условиях XIX в. «если Европа – это цивилизация политической свободы, то Польша стала центром этой цивилизации в XIX в.»⁵³.

Либеральные историки рассматриваемого периода с рядом оговорок отказались от некоторых основополагающих идей: об ошибочности западного цивилизационного выбора Польши; сугубо отрицательной роли католичества; однозначно негативной оценки шляхетского общественного устройства. Однако положение об отказе либеральной историографии от фундаментальных основ предшественников не верно. Она сохранила ряд славянофильских тезисов: об отдельной исторической миссии России и Польши, о неизбежности гибели Польши в противостоянии с Россией, о западнорусских землях лишь как части единой православной России, об ущербности шляхетского устройства и т.д.⁵⁴

Исходя из таких предпосылок, российско-польское противостояние рассматривалось в российской историографической традиции как борьба различных «миров» или цивилизаций. Это положение сохранилось и в либеральных западнических концепциях. В оценке Соловьева – это было противостояние, напоминающее положения славянофильской концепции о борьбе славянства и германского мира, к которому примыкала и Польша, изменившая своей исторической миссии.

Н.И. Кареев рассматривал это цивилизационное противостояние, исходя из оценки общественного устройства Польши и России допетровского периода, как западной (Польши) и восточной (Московии). Он представил не типичный для современной ему российской науки образ Речи Посполитой как страны передовой западной культуры, религиоз-

⁵⁰ Аржакова 2014: 468.

⁵¹ Кручковский 2017: 229.

⁵² Аржакова 2014: 468.

⁵³ Nowak 2011.

⁵⁴ Кручковский 2017; Кручковский 2019; 45-48.

ной терпимости (до победы контрреформации), объединяющей не только католическую Польшу, но и ряд православных земель в противовес почти варварской с азиатскими основаниями Московии. Показывая черты Московии как уклада восточной деспотии, однако, называть таковой ее не стал⁵⁵.

В современных исследованиях показано влияние этих фундаментальных идей как на общие оценочные подходы исторической полонистики⁵⁶, так и на примере наиболее крупных ее представителей, таких как Карамзин⁵⁷, Соловьев⁵⁸, Кареев⁵⁹ и других⁶⁰.

Значение творческого наследия Ключевского признавалось в современной ему российской науке независимо от ее направлений⁶¹. Видная роль историка с оговорками о недопонимании марксизма признавалась и советской историографией⁶². В современной науке значение наследия ученого, его историсофской концепции признается безапелляционно⁶³. В современной историографии подчеркиваются не только либерально-демократические ценности, разделяемые Ключевским, но и его антимонархизм⁶⁴. Выделяются для подтверждения либерально-демократических взглядов ученого сделанные им прогнозы о будущем России и последствиях непонимания самодержавием состояния страны, как о возможном повторении Смутного времени⁶⁵. Имеется у ученого оценка-прогноз российско-польских отношений: говоря об ошибочности разделов Польши, он утверждал, что польский вопрос сохранился, превратившись из борьбы государств в борьбу родственных народов. «Уничтожение польского государства не избавило нас, – писал историк, – от борьбы с польским народом: не прошло 70 лет после третьего раздела Польши, а Россия уже три раза воевала с поляками. Призрак Речи Посполитой, вставая из ее исторической могилы, производил впечатление живой народной силы. Может быть, чтобы избежать вражды с народом, следовало сохранить его государство»⁶⁶.

В российской науке XIX – начала XX в. историческая полонистика Ключевского мало упоминалась: это разделы Речи Посполитой, а

⁵⁵ Кручковский 2017; Кручковский 2015: 30–45 и др.

⁵⁶ Кручковский 1992; Кручковский 1992b; Кручковский 1993; Кручковский 1994: 218–417; Кручковский 2000: 9–20; Кручковский 2006: 24–31; Кручковский 2011; Кручковский 2017; Кутявин 2004; Аржакова 2010; Аржакова 2014; Пислегин URL: http://www.hrono.ru/statii/arihiv/st_p.php и др.

⁵⁷ Кручковский 2008: 3–11; Кручковский 2009: 243–257 и др.

⁵⁸ Кручковский 2015a: 67–85; Кручковский 2015b: 53–59 и др.

⁵⁹ Кручковский 2015: 30–45; Кручковский 2010: 78–86 и др.

⁶⁰ Кручковский 2007: 47–53; Кручковский, Котусев 2020: 31–35 и др.

⁶¹ Коялович 1997; Кизеветтер 1929; Милюков 1912: 110–116; Платонов 1912: 94–99; Лаппо-Данилевский 1911: 337–353.

⁶² Нечкина 1974; Цамутали 1985; Зимин 1961: 178–196; Черепнин 1960: 146–170.

⁶³ Киреева 1996; Щербань 2006: 78–89; Баранов 2007; Попов 2010; Гришина 2010.

⁶⁴ Киреева 1996; Щербань 2006: 78–89; Баранов 2007; Попов 2010; Гришина 2010.

⁶⁵ Ключевский 1983: 83.

⁶⁶ Ключевский 1987–1990. Т.5: 56.

также оценка российско-польских отношений периода Киевской и Московской Руси, Речи Посполитой⁶⁷. В советской историографии отсутствовали труды по исторической полонистике ученого⁶⁸.

Больше внимания исторической полонистике ученого уделено в польской науке⁶⁹. Делается вывод, что основные научные интересы Ключевского в области исторической полонистики были представлены на фоне русской истории⁷⁰. Многие положения М. Серейского нашли подтверждение в исследовании К. Блаховской⁷¹. К. Блаховска отмечает как общие подходы ученого к территориальной экспансии России в отношении Польши, так и отдельно его позиции о противоборстве двух сторон как религиозном противостоянии⁷². Отмечается, что у Ключевского нет простого разделения на «злых» поляков, евреев, иезуитов и «добрый», но угнетаемый поляками русский народ и казачество⁷³.

Проблематика исторической полонистики Ключевского в определенной степени отмечается в современной русскоязычной науке⁷⁴. Филатова делает вывод, что Ключевский значительно меньше внимания в сравнении со своими предшественниками посвятил Польше⁷⁵.

С точки зрения автора статьи Ключевский определяется как историк, подходивший к изучению исторической полонистики с либерально-западнических позиций. Специфические черты либеральной русской полонистики, в том числе и в отношении Ключевского, автор оговаривал отдельно⁷⁶. Ключевский в своей концепции истории России принимал ряд фундаментальных (основополагающих) идей исторической полонистики консервативно-славянофильской направленности, сочетая их с общей его либерально-западнической историософией. Предшественник Ключевского на поприще концептуального изучения истории России – Соловьёв часто допускал в отношении истории Польши оценки славянофильского характера⁷⁷. Эта ситуация, как показывает изучение научного наследия Ключевского, не могла не отразиться на его историософской концепции.

⁶⁷ Коялович 1997: 607–608.

⁶⁸ Очерки истории исторической науки в СССР 1960. Т. 2: 146–170.

⁶⁹ Serejski 1970; Włachowska 2001.

⁷⁰ Serejski 1970: 383–384.

⁷¹ Włachowska 2001: 243–278.

⁷² Ibid: 259.

⁷³ Ibid: 260.

⁷⁴ Киреева 2007: 149–166; Ключевский 2012; Киреева 1996 ; Лаптева 2012; Сили 2002: 150–155; Щербань 1997. № 3: 96–106; 1997. № 4: 95–103; Щербань 1996: 116–119; Włachowska 2001; Filałowa 2002: 21–34; Serejski 1970; Кручковский 1993; Кручковский, 1994; Нечухрин 2007: 11–18; Filałowa 2002: 21–34; Serejski 1970; Kruczkowski 1998: 101–115; Кручковский 2014: 53–66; Кручковский 2014b: 32–46; Кручковский 2017 и др.

⁷⁵ Filałowa 2002: 31–32.

⁷⁶ Кручковский, 1994; Кручковский 2017; Кручковский 2015a.

⁷⁷ Кручковский 2015a.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Александров В.А., Янин В.Л. Предисловие / В.О. Ключевский. Сочинения: в девяти томах. Т. I. Курс русской истории. Часть I. / под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1987. С. 3–32. [Alexandrov V.A., Yanin V.L. Foreword / V.O. Klyuchevsky. Works: in nine volumes. T. I. Course of Russian history. Part I. / ed. V.L. Ioannina. M.: Mysl', 1987. P. 3–32.]
- Аржакова, Л.М. Польский вопрос в русской историографии и публицистике первой трети XIX в. // *Albo dies notanda lapillo*. СПб., 2005. С. 173–193. [Arzhakova, L.M. The Polish question in Russian historiography and journalism of the first third of the 19th century // *Albo dies notanda lapillo*. SPb., 2005. P. 173-193.]
- Аржакова, Л.М. Долгая пауза после блистательных успехов: Русская историческая полонистика на исходе XIX века / *Славяноведение*. 2010. № 1. С. 44–53. [Arzhakova, L.M. A Long Pause after Brilliant Success: Russian Historical Polonistics at the End of the 19th Century / *Slavic Studies*. 2010. No. 1. P. 44–53.]
- Аржакова, Л.М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. СПб.: Издво С.-Петерб. ун-та, 2010, 343 с. [Arzhakova, L.M. Russian Historical Polonistics and the Polish Question in the 19th Century. SPb.: Publishing house of St. Petersburg University, 2010, 343 p.]
- Аржакова, Л.М. Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. 543 с. [Arzhakova, L.M. The Polish Question and Its Refraction in Russian Historical Polonistics of the 19th Century. SPb.: Publishing house of St. Petersburg University, 2014. 543 p.]
- Баранов, М.В. Философия истории В.О. Ключевского. М., 2007. 212 с. [Baranov, M.V. Philosophy of history V.O. Klyuchevsky. M., 2007. 212 p.]
- Гришина, Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. 2010. Челябинск. 2010. 288 с. [Grishina, N.V. "School of V.O. Klyuchevsky" in historical science and Russian culture. 2010. Chelyabinsk. 2010. 288 p.]
- Дьяков, В.А., Мыльников А.С. Об основных этапах развития славяноведения в дореволюционной России // *Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь*. М.: Наука, 1979. С. 11–46. [Dyakov, V.A., Mylnikov A.S. On the main stages of the development of Slavic studies in pre-revolutionary Russia // *Slavic studies in pre-revolutionary Russia. Biobibliographic Dictionary*. Moscow: Nauka, 1979, pp. 11–46.]
- Дьяков, В.А. Польская тематика в русской историографии конца XIX – нач. XX века (Н.И. Кареев, А.А. Корнилов, А.Л. Погодин, В.А. Францев) // *История и историки*. М.: Наука, 1981. С. 147–161. [Dyakov, V.A. Polish themes in Russian historiography of the late XIX - early. XX century (N.I. Kareev, A.A. Kornilov, A.L. Pogodin, V.A. Frantsev) // *History and historians*. Moscow: Nauka, 1981. P. 147–161.]
- Зимин, А.А. Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского в 60-е годы XIX в. // *Исторические записки*. М., 1961. Т. 69. С. 178–196. [Zimin, A.A. Formation of historical views V.O. Klyuchevsky in the 60s of the XIX century. // *Historical notes*. M., 1961. T. 69. P. 178-196.]
- Историография нового времени стран Европы и Америки / отв. ред. И.С. Галкин. М.: Изд-во МГУ, 1967. 669 с. [Historiography of modern times in Europe and America / отв. ed. I.S. Galkin. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1967. 669 p.]
- Кизеветтер, А.А. Памяти В.О. Ключевского // *Русская мысль*. 1911. № 6. С. 132–138. [Kizevetter, A.A. In memory of V.O. Klyuchevsky // *Russian Thought*. 1911. No. 6. P. 132-138.]
- Кизеветтер, А.А. На рубеже двух столетий: (Воспоминания 1881–1914). Прага, 1929. 524 с. [Kizevetter, A.A. At the turn of two centuries: (Memoirs 1881–1914). Prague, 1929. 524 p.]
- Киреева Р.А. За художником скрывается мыслитель: Василий Осипович Ключевский / *Историки России. XVIII–XX века*. М., 1996. [Kireeva R.A. The thinker is hiding behind the artist: Vasily Osipovich Klyuchevsky / *Historians of Russia. XVIII-XX centuries*. M., 1996.]
- Киреева, Р.А. История европейского человечества (лекции В. О. Ключевского по всеобщей истории) // *Россия и Европа*. 2007. № 4. С. 149–166. [Kireeva, R.A. History of European Humanity (V.O. Klyuchevsky's lectures on general history) // *Russia and Europe*. 2007. No. 4. P. 149–166.]
- Ключевский, В.О. Сочинения : в 9 т. Курс русской истории. М. : Мысль, 1989. Т. 5. [Klyuchevsky, V.O. Works: in 9 vols. Course of Russian history. M.: Mysl, 1989. Vol. 5.]

- Ключевский, В.О. Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983. [Klyuchevsky, V.O. Unpublished works. Moscow: Nauka, 1983.]
- Ключевский, В.О. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России / под редакцией Р. А. Киреевой. М. : НПИД «Русская панорама», 2012. 504 с. [Klyuchevsky, V.O. Lectures on the history of Western Europe in connection with the history of Russia / edited by R. A. Kireeva. M.: NPID "Russian Panorama", 2012, 504 p.]
- Коялович, М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск. 1997. 688 с. [Koyalovich, M.O. The history of Russian identity based on historical monuments and scientific writings. Minsk. 1997.688 s.]
- Кручковский, Т.Т. Н.И. Кареев о причинах падения Речи Посполитой. М., 1991, 48 с. Деп. ИНИОН АН СССР 28.10.1991. № 45652. [Kruczkowski, T.T. N.I. Kareev on the reasons for the fall of the Commonwealth. M., 1991, 48 p. Dep. INION AS USSR 28.10.1991. No. 45652.]
- Кручковский, Т.Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1992. 24 с. [Kruczkowski, T.T. Polish Problems in Russian Historiography of the Second Half of the 19th Century Abstract for the degree of candidate of historical sciences. M., 1992.24 p.]
- Кручковский, Т.Т. Реформация в Польше в оценке русской историографии второй половины XIX в. М., 1992а. 52 с. Деп. ИНИОН РАН 26.11.1992а. № 48256. [Kruczkowski, T.T. Reformation in Poland in the assessment of Russian historiography of the second half of the 19th century. M., 1992a. 52 p. Dep. INION RAS 26.11.1992a. No. 48256.]
- Кручковский, Т.Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.03. Москва, 1992b, 282 с. [Kruczkowski, T.T. Polish Problems in Russian Historiography of the Second Half of the 19th Century. Dissertation for the degree of candidate of historical sciences: 07.00.03. Moscow, 1992b, 282 p.]
- Кручковский, Т.Т. Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX в. // Славяноведение. 1993. № 5. С. 76–85. [Kruczkowski, T.T. Problems of the Rzecz Pospolita divisions in Russian historiography of the second half of the 19th century // Slavic studies. 1993. No. 5. P. 76–85.]
- Кручковский, Т.Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. / Наш радавод. Гродна, 1994. Кн. 6. Ч. II. С. 218–417. [Kruczkowski, T.T. Polish Problems in Russian Historiography of the Second Half of the 19th Century / Our radavod. Grodna, 1994. Book. 6. Part II. P. 218-417.]
- Кручковский, Т.Т. Польская проблема в русской исторической мысли XIX – начала XX века: основные подходы и общественно-политические и исторические обстоятельства // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ун-та. Сер. 1. Гісторыя. Філасофія. Культуралогія. Псіхалогія. Правазнаўства. 2000. № 3. С. 9–20. [Kruczkowski, T.T. The Polish problem in Russian historical thought of the 19th - early 20th centuries: the main approaches and socio-political and historical circumstances // Vesnik Grodzenskaga dzyarzhauanaga un-ta. Ser. 1. History. Philosophy. Culturelogy. Psychology. Rights. 2000. No. 3. P. 9–20.]
- Кручковский, Т.Т. Цивилизационный выбор Польши в оценке русской исторической мысли конца XVIII – начала XX в. // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. 2006. Сер. 1. № 3 (39). С. 24–31. [Kruczkowski, T.T. The civilizational choice of Poland in the assessment of Russian historical thought at the end of the 18th - beginning of the 20th centuries. // Vesnik Grodzenskaga dzyarzhauanaga universiteta name Yanki Kupala. 2006. Ser. 1. No. 3 (39). P. 24–31.]
- Кручковский, Т.Т. Уманец Ф.М. как историк Речи Посполитой // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. 2007. № 2. С. 47–53. [Kruczkowski, T.T. Umanets F.M. as a historian of the Polish-Lithuanian Commonwealth // Vesnik Grodzenskaga dzyarzhauanaga universiteta name Yanki Kupala. Ser. 1. 2007. No. 2. P. 47-53.]
- Кручковский, Т.Т. История Польши в исторической концепции Н.М. Карамзина // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. 2008. № 3. С. 3–11. [Kruczkowski, T.T. The history of Poland in the historical concept of N.M. Karamzin // Vesnik Grodzenskaga dzyarzhauanaga universiteta name Yanki Kupala. Ser. 1. 2008. No. 3. P. 3–11.]

- Кручковский, Т.Т. Польско-русийское соперничество во времена Стефана Батория в оценке Н.М. Карамзина / Шлях да узаемнаці. Гродна: ГрДУ. 2009. С. 243 – 257. [Kruczkowski, T.T. Polish-Russian rivalry during the time of Stefan Batory in the assessment of N.M. Karamzin / Shlyakh yes uzaemnatsi. Grodna: GRDU. 2009. S. 243 - 257].
- Кручковский, Т.Т. Кареев о цивилизационном выборе польского народа в средневековье // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. 2010. № 1. С. 78-86. [Kruczkowski, T.T. Kareev on the civilizational choice of the Polish people in the Middle Ages // Vesnik Grodzenskaga dzyarzhauuna universiteta name Yanki Kupala. Ser. 1. 2010. No. 1. P.78-86].
- Кручковский, Т.Т. Польская проблематика в русской историографии первой половины XIX века: историческая тематика и польский вопрос. Гродно, 2011. 418 с. [Kruczkowski, T.T. Polish Problems in Russian Historiography of the First Half of the 19th Century: Historical Topics and the Polish Question. Grodna, 2011. 418 p.].
- Кручковский, Т.Т. История Польши в исторической концепции В.О. Ключевского // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 1. 2014. № 3. С. 53–66. [Kruczkowski, T.T. The history of Poland in the historical concept of V.O. Klyuchevsky // Vesnik Grodzenskaga dzyarzhauuna universiteta. Gray 1. 2014. No. 3. P. 53–66].
- Кручковский, Т.Т. История России великорусского периода и польско-русийские отношения в интерпретации В.О. Ключевского // Вестник БарГУ. Серия 2. 2014b. Вып. 2. С. 32–46. [Kruczkowski, T.T. Russian history of the Great Russian period and Polish-Russian relations in the interpretation of V.O. Klyuchevsky // Bulletin of BarSU. Series 2.2014b. Issue 2.P. 32–46].
- Кручковский, Т.Т. История Польши в исторической концепции Н.И. Кареева // Веснік БарДУ. Серия историческая наука и археология. 2015. Вып. 2. С. 30–45. [Kruczkowski, T.T. The history of Poland in the historical concept of N.I. Kareeva // Vesnik BardU. Historical science and archeology series. 2015. Issue. 2. P. 30–45].
- Кручковский, Т.Т. История Польши в исторической концепции С.М. Соловьева // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. 2015a. № 3. С. 67–85. [Kruczkowski, T.T. The history of Poland in the historical concept of S.M. Soloviyov // Vesnik Grodzenskaga dzyarzhauuna universiteta name Yanki Kupala. Ser. 1.2015a. No. 3. P. 67–85].
- Кручковский, Т.Т. Польско-германское противостояние X–XVI веков в оценке русской либеральной историографии второй половины XIX – начале XX века (на примере С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. И. Кареева) // ИАВБ. Минск, 2015b. № 2. С. 53–59. [Kruczkowski, T.T. Polish-German confrontation of the 10th – 16th centuries in the assessment of Russian liberal historiography of the second half of the 19th - early 20th centuries (on the example of S.M. Soloviev, V.O. Klyuchevsky, N.I. Kareev) // IAVB. Minsk, 2015b. No. 2. P. 53–59].
- Кручковский, Т.Т. Фундаментальные идеи и специфические черты русской исторической полонистики XIX – начала XX веков: историографический обзор // ИАВБ. Минск. 2016. № 2 (25). С. 29–36. [Kruczkowski, T.T. Fundamental ideas and specific features of Russian historical polonistics in the 19th - early 20th centuries: a historiographic review // IAVB. Minsk. 2016. No. 2 (25). S. 29–36].
- Кручковский, Т.Т. История Польши в концепциях российской историографии XIX - начала XX века. Минск, 2017. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 историография, источниковедение и методы исторического исследования. 338 с. [Kruczkowski, T.T. The history of Poland in the concepts of Russian historiography of the 19th - early 20th centuries. Minsk, 2017. Dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences in specialty 07.00.09 historiography, source studies and methods of historical research. 338 p.].
- Кручковский, Т.Т. Фундаментальные идеи русской либеральной полонистики второй половины XIX – начала XX вв. / Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава : зб. навук. арт / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал.: А.А. Каваленя (гал. рэд.). Гродна : ГрДУ, 2019. С. 45-48. [Kruczkowski, T.T. Fundamental Ideas of Russian Liberal Polonistics of the Second Half of the 19th - Early 20th Centuries / Belarus at kanteksse enrapeyskai history: asoba, gramadstva, dzyarzhava: zb. navuk. art / GRDU name Y. Kupala; redcal.: A.A. Kavalenya (gal. Red.). Grodna: GRDU, 2019. P. 45-48.].

- Кручковский, Т.Т., Котусев, Е.Н. Оценочные подходы Н.Н. Любовича к истории реформации в Речи Посполитой: историографический обзор // Социальные, культурные и коммуникативные практики в динамике общественного развития. Гродно, 2020. С. 31–35. [Kruczkowski, T.T., Kotusev, E.N. Estimated approaches of N.N. Lyubovich to the history of the reformation in the Commonwealth: a historiographic review // Social, cultural and communicative practices in the dynamics of social development. Grodno, 2020. P. 31–35].
- Кутявин, В.В. Изучение этнических стереотипов в российской гуманитаристике: взгляд историка // *Dusza polska i rosyjska: Spojrzenie współczesne*. pod red. A. de Lazari i R. Bäckera. Łódź, 2003. S. 31–37. [Kutyavin, V.V. The study of ethnic stereotypes in Russian humanities: a historian's view // *Dusza polska i rosyjska: Spojrzenie współczesne*. pod red. A. de Lazari i R. Bäckera. Łódź, 2003. P. 31–37].
- Кутявин, В.В. Польское восстание 1830 – 1831 гг. и проблема взаимного восприятия русских и поляков // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков. М., 2003а. С. 55–63. [Kutyavin, V.V. Polish uprising 1830–1831 and the problem of mutual perception of Russians and Poles // Actual problems of Slavic history of the XIX and XX centuries. М., 2003а. P. 55–63].
- Кутявин, В.В. Первая мировая война и повороты российской исторической полонистики // Война и общество (к 90 летию начала Первой мировой войны) / отв. ред. А.Б. Окунь. Самара, 2004. [Kutyavin, V.V. The First World War and the twists and turns of Russian historical polonistics // War and Society (to the 90th anniversary of the beginning of the First World War) / отв. red. A.B. Perch. Samara, 2004].
- Лаптева, Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005. 848 с. [Lapteva, L.P. The history of Slavic studies in Russia in the 19th century. М.: Indrik, 2005. 848 p.].
- Лаптева, Л.П. Основные этапы развития славяноведения в России (XIX – начало XX века) // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 156–162. [Lapteva, L.P. The main stages in the development of Slavic studies in Russia (XIX - early XX centuries) // Questions of history. 2007. No. 8, pp. 156–162].
- Лаптева, Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2012. [Lapteva, L.P. The history of Slavic studies in Russia at the end of the XIX - beginning of the XX century. М.: Indrik, 2012].
- Лаппо-Данилевский, А.С. Памяти Василия Осиповича Ключевского // Вестник Европы. 1911. Т. 8. С. 337– 353. [Lappo-Danilevsky, A.S. In memory of Vasily Osipovich Klyuchevsky // Bulletin of Europe. 1911. Vol. 8. P. 337–353].
- Миллюков, П.Н. В.О. Ключевский // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., Научное слово. 1912. С. 110–116. [Milyukov, P.N. IN. Klyuchevsky // V.O. Klyuchevsky. Characteristics and memories. М., Scientific word. 1912. P. 110–116].
- Нечкина, М.В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974. 640 с. [Nechkina, M.V. Vasily Osipovich Klyuchevsky. М., 1974. 640 p.].
- Нечухрин, А.Н. Цивилизационный подход в российской историографии рубежа XIX – начала XX в. / Problemy cywilizacyjnego rozwoju Bialorusi, Polski, Rosji, Ukrainy od konca XVIII – do XXI wieku: ГрГУ им. Я. Купалы, Ин-т истории Ягеллонского ун-та; редкол.: А.Н. Нечухрин [и др.]. Краков. 2007. С. 11–18. [Nechukhrin, A.N. Civilizational approach in Russian historiography at the turn of the XIX - early XX century. / Problemy cywilizacyjnego rozwoju Bialorusi, Polski, Rosji, Ukrainy od konca XVIII - do XXI wieku: GrSU im. Ya. Kupala, Institute of History of the Jagiellonian University; editorial board: A.N. Nechukhrin [and others]. Krakow. 2007. S. 11–18].
- Пислегин, Н.В. Польский вопрос в общественной мысли России 10–60-х гг. XIX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/arihiv/st_p.php. Дата доступа: 29.06.2019. [Pislegin, N.V. The Polish Question in Russian Public Thought in the 10–60s. XIX century. [Electronic resource]. Access mode: http://www.hrono.ru/statii/arihiv/st_p.php. Access date: 29.06.2019].
- Платонов, С.Ф. Памяти В. О. Ключевского / С.Ф. Платонов / В. О. Ключевский: Характеристики и Воспоминания. М.: Научное слово, 1912. С. 94–99. [Platonov, S.F. In memory of V.O. Klyuchevsky / S.F. Platonov / V.O. Klyuchevsky: Characteristics and Memories. М.: Scientific Word, 1912. P. 94–99].
- Очерки истории исторической науки в СССР / под ред. М.Н. Тихомирова. М.: Изд-во АН СССР. 1960. Т. 2. 862 с. [Essays on the history of historical science in the USSR / ed.

- M.N. Tikhomirov. M. : Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. 1960. Т. 2. 862 p.].
- Очерки истории исторической науки в СССР / под ред. М.В. Нечкиной. М. : Изд-во АН СССР. 1963. Т. 3. 831 с. [Essays on the history of historical science in the USSR / ed. M.V. Nechkina. M.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. 1963. Т. 3. 831 p.].
- Попов, А.С. Историческая социология В.О. Ключевского. Пенза: ПГПУ. 2010. 145 с. [Popov, A.S. Historical sociology V.O. Klyuchevsky. Penza: PSPU. 2010. 145 p.].
- Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь / Отв. ред. В.А. Дьяков. АН СССР, Институт славяноведения и балканистики. М.: Наука, 1979. 426 с. [Slavic studies in pre-revolutionary Russia: Biobibliographic dictionary / Отв. ed. V.A. Dyakov. Academy of Sciences of the USSR, Institute of Slavic and Balkan Studies. Moscow: Nauka, 1979. 426 p.].
- Стецкевич, С.М. Становление и развитие советской исторической полонистики // Исследования по истории славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 22–54. [Stetskevich, S.M. Formation and development of Soviet historical Polish studies // Research on the history of Slavic studies and Balkan studies. M., 1981. P. 22–54.].
- Фалькович, С.М. Польская проблематика в российской историографии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.jazon.hist.uj.edu.pl/zjzdz/materialy/falkowicz.pdf/> [Falkovich, S.M. Polish problems in Russian historiography [Electronic resource]. Access mode: <http://www.jazon.hist.uj.edu.pl/zjzdz/materialy/falkowicz.pdf/>]
- Филевич, И.П. Польша и польский вопрос. М. : Университетская типография, 1894. [Filevich, I.P. Poland and the Polish question. M.: University Printing House, 1894.].
- Цамутали, А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: историографические очерки. Л.: Наука. 1985. 331 с. [Tsamutali, A.N. Struggle of trends in Russian historiography during the period of imperialism: historiographic essays. L. : Science. 1985. 331 p.].
- Черепнин, Л.В. В.О. Ключевский / Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. II. С. 146–170. [Cherepnin, L.V. IN. Klyuchevsky / Essays on the history of historical science in the USSR. M., 1960. Т. II. P. 146–170.].
- Щербань, Н.В. Цивилизационный подход к истории в трудах В.О. Ключевского // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки / Под общ. ред. А.Н. Сахарова. М. : Наука, 1996. С. 116–119. [Shcherban, N.V. The civilizational approach to history in the works of V.O. Klyuchevsky // Russia in the XX century. The fate of historical science / Under total. ed. A.N. Sakharov. Moscow: Nauka, 1996, pp. 116–119.].
- Щербань, Н.В. В.О. Ключевский о Смуте // Отечественная история. 1997. № 3. С. 96–106; № 4. С. 95–103. [Shcherban, N.V. IN. Klyuchevsky about Troubles // Domestic history. 1997. No. 3. P. 96–106; No. 4. P. 95–103.].
- Щербань, Н.В. Памяти великого историка. К 165-летию со дня рождения В.О. Ключевского // Отечественная история. 2006. № 2. С. 78–89. [Shcherban, N.V. In memory of the great historian. To the 165th anniversary of the birth of V.O. Klyuchevsky // Domestic history. 2006. No. 2. P. 78–89.].
- Якубский, В.А. Фундаментальные идеи российской полонистики XIX в. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 2000. Вып. 2. С. 3–15. [Yakubsky, V.A. Fundamental Ideas of Russian Polonistics of the 19th Century // Problems of social history and culture of the Middle Ages and early modern times. SPb., 2000. Issue. 2. P. 3–15.].
- Filatowa, N. Polska w rosyjskiej myśli historycznej // Polacy i Rosjanie. 100 kluczowych pojęć // pod red. A. Magdziak-Miszewskiej. Warszawa. 2002. S. 21–34.
- Błachowska, K. Narodziny Imperium: Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku. Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2001. 350 s.
- Kruczkowski, T. Polityka polska Katarzyny II w ocenie Wasyla Kluczewskiego // Rosja – Polska – Bałkany XVIII–XX w. Szczecin, 1998. S. 101–115.
- Kutiawin, W. Polska i Polacy w historiografii rosyjskiej / Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan / pod red. A. de Lazari. Warszawa, 2006. S. 411–432.
- Nowak, A. Od Polski do post-polityki. Intelektualna historia zapaści Rzeczypospolitej. Kraków : Arkana, 2011.
- Serejski, M. Europa a rozbiory Polski. Warszawa, 1970. 518 s.

Кручковский Тадеуш Тадеушевич, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей и славянской истории, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы; tkruczkowski@yahoo.com

Fundamental Ideas of Russian Historical Polonistics and Their Refractive in the Works of V.O. Klyuchevsky

The article presents the fundamental ideas of Russian historical polonistics of the 19th - early 20th centuries as refracted in the works of V.O. Kluchevsky. The scientist's evaluative approaches to the history of Poland combined the recognition of the fundamental ideas of Russian historical polonistics, conservative and Slavophile in essence, and a departure from them to liberal-Westernist positions. In this context, the historian's scientific heritage has not been studied and no special comprehensive historiographic research has been carried out on this issue.

Key words: *Fundamental ideas of Russian historical Polish studies, V.O. Kluchevsky, Poland, Russian Orthodox lands of the Commonwealth, Russia.*

Tadeusz Kruczkowski, *Yanka Kupala State University of Grodno, Dr.Sc. (History), Professor of the Department of General and Slavic History*

«ДРЕВНЕРУССКИЙ ДУХОВНИК» В ЭПОХУ МОДЕРНА
КОНЦЕПТ «ПОКАЯЛЬНАЯ СЕМЬЯ» И ЕГО
РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ
В ПОНИМАНИИ С.И. СМИРНОВА*

С. И. Смирнов, исследователь истории духовничества, известен разработанным в работе «Древнерусский духовник» концептом «покаяльная семья», в которой он видел идеал церковной общины. Он пытался тем самым обозначить оппозицию добровольного и территориального прихода. Смирнов описывал «покаяльную семью» как историческую особенность древнерусского церковного быта, однако термин оказался востребован среди современников и стал широко использоваться безотносительно работ исследователя. Так, «покаяльная семья» как концепт, вынесенный за рамки исторического контекста, понимался в качестве независимой от высшей иерархической власти церковной общины. В статье утверждается, что работа Смирнова, являясь исторической, не в меньшей мере вдохновлена современной ему церковно-общественной дискуссией.

Ключевые слова: покаяльная семья, церковная община, приход, духовник, исторические исследования.

Как известно, исторический вопрос, хотя и ставится относительно источников, он задается исходя из «здесь и теперь» историка (Дройзен). Исследование обуславливается в немалой степени социальным и культурным фоном эпохи. Эту обусловленность мы рассмотрим на примере наследия Сергея Ивановича Смирнова (1870–1916), доктора церковной истории и профессора Московской духовной академии. Нас в первую очередь будет интересовать понятие «покальной семьи».

Войдя в историографию как автор «Древнерусского духовника», Смирнов наиболее известен стал предложенным им в этой работе термином «покаяльная семья», обозначавшим особенность древнерусского церковного быта — церковной общины, привязанной не к территории, а к личности духовного отца. Как идея, так и сам термин, получили широкое распространение, но на данный момент нет устоявшегося мнения относительно «покаяльной семьи» как исторического феномена, который еще ждет своего исследователя¹.

Порой «покаяльная семья» воспринимается как факт, не нуждающийся в доказательствах. Наиболее характерно это было для церковно-практической литературы. К примеру, в курсе пастырского богословия архим. Киприана (Керна), читавшемся для готовящихся к священству

*Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 19-78-10143, <https://rscf.ru/project/19-78-10143/>. Организация выполнения проекта – Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет. Выражаю благодарность рецензенту, замечания которого способствовали улучшению этой статьи (насколько это было в моих силах).

¹ После Смирнова его тезисы лишь развивали (но не доказывали). См., напр.: Ашков 2012: 103–116.

русских эмигрантов (впервые издан в 1957 г.), утверждается: «Духовник и его пасомые составляют то, что на старорусском наречии называлось “покаяльная семья”»². Керн прямо апеллирует к этому концепту как к языковой единице, без ссылки на Смирнова. То же мы находим и в исследовательской литературе, где концепт «покаяльной семьи» хотя и используются более осторожно, но без отсылок к источникам³. В последнее время можно встретить и критические отзывы, которые, правда, пока не получили научного развития. Так, А. Е. Мусин в одном из недавних интервью утверждал: ««термин “покаяльная семья” не средневековый. Его появлению в начале XX века мы обязаны Сергею Ивановичу Смирнову, [...] которому, как и многим церковным интеллигентам того времени, была свойственна идеализация Древней Руси на фоне неприятия синодальной бюрократии Российской империи»⁴.

Мы хотели бы пойти дальше констатации того, что историк так или иначе проецирует свои интересы на изучаемое прошлое, и тем более мы не хотели бы критиковать концепцию Смирнова. Историк вправе вводить научные термины, которые не встречаются в его источниках. Поэтому нас интересует не средневековый коррелят этого термина, но характерные черты эпохи, обуславливающие его появление. Мы хотим изучить, как именно функционирует понятие «покаяльной семьи» в работах Смирнова, чтобы выявить общественную значимость этого концепта. Наша цель – обозначить его место в трудах Смирнова и выявить контекст, в интерьере которого встраивается эта идея.

Приведенная выше цитата позволяет поставить проблему, связанную с термином «покаяльная семья». Действительно, кажется странным, что Смирнов не приводит в своих исследованиях ни одной цитаты, где бы использовался этот концепт в языке древнерусской письменности. В терминологическом разделе работы «Древнерусский духовник» он не анализирует это словообразование, как и в «Материалах для истории древнерусской покаянной дисциплины» (приложение к «Духовнику», представляющее критическое издание 48-ми древнерусских памятников и комментариев к ним) не публикует ни одного источника, подтверждающего наличие этого концепта в древнерусской мысли⁵. В единственном месте в «Материалах», где встречается слово «семья», оно относится отнюдь не к религиозной общности, а к отношениям между супругами⁶. Не фиксируя понятия «покаяльная семья» в источниках, Смирнов приводит в работе близкие ему по смыслу понятия, имеющие,

² Керн 2002: 88.

³ См. Стефанович 2002: 236, 249, 295–296; Бернштам 2005: 99–100; Мусин 2010: 83.

⁴ Мусин 2022. Этот тезис требует тщательной проверки древнерусских памятников, что в целом выходит за рамки наших интересов, поскольку мы не исследуем приходское устройство в допетровский период, но попытаемся рассмотреть, как их трактует С.И. Смирнов. Поэтому перед нами не стоит задача критики добросовестности концепции Смирнова или задача реконструкции тех источников, которые он изучал.

⁵ О достоинствах этой работы см. Богословский 1916: 33–38.

⁶ Смирнов 1912: 68.

правда, совершенно иные коннотации: «духовные дети» и «покаяльные дети»⁷. Но как нам кажется, из их бытования в языке совершенно не обязательно следует логика общинных отношений, которые реконструирует Смирнов, используя понятие «покаяльной семьи».

Таким образом, можно утверждать, что в «Древнерусском духовнике» не фиксируется понятие «покаяльная семья» как языковая единица изучаемых Смирновым памятников. В свою очередь это ставит вопрос — вводя этот концепт в своих исследованиях, какие культурные рамки переносил Смирнов на древнерусский контекст?

Понятие «покаяльная семья» в текстах С.И. Смирнова

Исследования Смирнова, хотя и различные по направлениям, работают на один общий тезис о природе власти духовного отца, с которым связан концепт покаяльной семьи⁸. Тем не менее кажется важным рассмотреть, как развиваются доказывающие этот тезис аргументы.

Впервые Смирнов ввел понятие «покаяльная семья» в очерке «Древнерусский духовник» 1899 г. — оттиске, составленном из статей, выходявших в 1898 г. в журнале «Богословский вестник». Смирнов реконструирует в общих чертах феномены духовного отца и церковной общины, которые относятся к свободной организации духовных детей вокруг духовного отца. Он обозначает, во-первых, внешние факторы организации: размер и состав «покаяльной семьи» не были регламентированы каким-либо церковным или государственным актом, поскольку «семья духовных детей не совпадала ни с какой церковно-административной единицей, напр. приходом или округом»⁹. Во-вторых, — что важнее, — называется внутренняя причина: «покаяльная семья» образовывалась, когда «по собственному желанию собирались к известному духовнику верующие и с его согласия принимались на исповедь»¹⁰. Под влиянием этих причин, «не объединенная административно и при всей своей разбросанности, древнерусская семья покаяльных детей держалась в высшей степени прочно при помощи внутренней связи»¹¹.

Далее Смирнов отнюдь не останавливался на древнерусском материале, и по ходу работы с ним он обращается к восточно-христианскому контексту, в котором он видит корни властного положения духовного отца в «покаяльной семье». Так, в 1906 г. он представляет первую часть своей работы «Духовный отец в древней восточной Церкви», целью которой он заявляет сравнительный анализ института духовничества на

⁷ Смирнов 1913: 9. В цитатах, приводимых Смирновым, словоупотребление «духовные дети» наиболее распространено. См. один из примеров замены «детей» на «семью»: «Нам известны только два духовнических поучения, более или менее живо рисующих отношения духовного отца ко всей покаяльной семье: “Поучение святых Отец к детям душевным”, “Поучение отца духовного к детям духовным”» (Смирнов 1913: 152).

⁸ См. Ячменник 2022.

⁹ Смирнов 1899: 7.

¹⁰ Смирнов 1899: 7.

¹¹ Смирнов 1899: 8.

греческом Востоке и в России¹². Поэтому, чтобы понять тезис Смирнова о «покаяльной семье», необходимо реконструировать то, как он рассматривает формирование феномена старчества в Церкви.

Смирнов видит в феномене старчества основание монастырского устройства¹³. В своем историческом развитии в Византии этот строй получает выражение в «духовной семье – нравственно-бытовом союзе отца духовного со своими духовными детьми»¹⁴. Такого рода отношения имели добровольный характер, т.е. общины, даже внутри одного монастыря, «свободно организовывались» вокруг выбранных самостоятельно духовных руководителей¹⁵. Выбор во многом зависел от духовной опытности последнего, его «харизматизма», который в представлениях к нему приходящих давал старцу право принимать исповедь (описывая мотивацию выбора, Смирнов говорит о «популярности» старцев)¹⁶.

Смирнов планировал подготовить к изданию и вторую часть работы «Духовный отец», посвященную духовникам поздней Византии, но работу он не завершил. В его архиве хранятся лишь черновые варианты некоторых глав. Судя по ним, Смирнов усматривал в исторической перспективе лишь укрепление властного положения духовника в Церкви и еще большую распространенность этого феномена, о чем, собственно говоря, свидетельствует и древнерусский материал. В предполагаемой 6-й главе «Нравственно-бытовая сторона духовничества в Греческой церкви» неопубликованного исследования Смирнов использует такую формулу: «союз д[уховного] о[тца] и д[уховных] детей, основываясь с одной стороны на духовно-отеческом попечении о свободно подчиненных, – остается союзом свободным, исключительно нравственным»¹⁷.

Как I часть, так и черновики II части показывают, что для Смирнова важен был тезис о том, что в природе общности духовника и духовных чад лежит принцип свободного выбора. Подробно рассмотреть этот принцип и его значение для концепта «покаяльной семьи» позволяют архивные конспекты лекций, по которым Смирнов в духовной академии в 1910-х гг. читал курс по истории древнерусской Церкви¹⁸.

¹² См.: «для восстановления картины строя древнерусского церковного управления и быта исследователю приходится обращаться на Восток» (Смирнов 1906: IX).

¹³ «Организация монашеской общины начинается с подчинения старцу собравшихся к нему для подвига братьев. Группы учеников, каждая во главе со своим старцем, – это те клеточки, из множества которых слагается весь организм монастыря» (Смирнов 1906: 16).

¹⁴ Смирнов 1906: 323. Курсив Смирнова.

¹⁵ Смирнов 1906: 317. Ср. Смирнов 1906: 324.

¹⁶ Смирнов 1906: 214.

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 280. К. 9. Ед. хр. 1. Л. 406 об.

¹⁸ Источник представляет из себя текст лекций, которым Смирнов пользовался на занятиях, материалы и заметки к ним (о духовенстве см. ОР РГБ. Ф. 280. К. 14. Ед. хр. 1. Л. 47–62). Точной даты составления текста лекций нет, на протяжении 1900-х гг. они неоднократно дополнялись. Имеется также студенческий конспект лекций Смирнова, менее подробный, поэтому не столь важный для анализа (о характеристике деятельности духовенства см. ОР РГБ. Ф. 280. К. 13. Ед. хр. 1. Л. 75 об.–91).

В них мы находим более общие схемы, в которые автор облекает свой детальный анализ фигуры духовного отца. Описывая органы епархиального управления Церкви в Византии, Смирнов предлагает две модели описания их функционирования: «Древнейшую форму внутреннего епископского управления можно назвать епископально-общинной. Ее органом был собор всех равных между собою пресвитеров общины под председательством епископа. Со времени Юстиниана [...] форма епархиального управления становится епископально-клерикальной. Здесь создается клир, избранное духовенство, помогающее епископу в управлении. Епископально-клерикальная форма уже носит в себе семя новой формы, разрушающей всякую свободу в епархиальном управлении — форму строгой централизации, с неограниченным владыкой — епископом и с духовенством, большинство которого является тяглой массой, платящей ему повинности, а меньшинство беспрекословно исполняет его правительственные распоряжения»¹⁹.

Рассматривая трансформации в церковном устройстве сквозь призму социальной риторики, Смирнов применяет оппозицию соборной общины и замкнутого клира. В этом фокусе старец как носитель харизмы и его община имплицитно противопоставляются юстиниановской клерикальной системе²⁰. По сохранившимся лекциям Смирнова, то же можно сказать и о древнерусском контексте. В той же лекции он продолжает развивать эту логику. Среди органов епархиального управления он обозначает собор, клир и епархиального чиновника, утверждая: «эти органы являются формациями разных исторических эпох. Епархиальный собор является пережитком из глубокой древности — орган епископально-общинного управления. Клирос представляет компромисс между старым и новым, между соборностью и централизацией — орган епископально-клерикального управления. Епархиальное чиновничество с его непосредственной зависимостью от епископа, в особенности светское чиновничество — плод наступающей централизации»²¹.

В истории древнерусской Церкви предложенные Смирновым модели предстают в несовместимом синтезе, поэтому вскоре они распадаются, и «централизация» возобладает над «соборностью»: «К епархиальному духовенству епископ Московского периода относится как помещик к своим крепостным. Он прежде всего владелец (“владыка”), а

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 280. К. 14. Ед. хр. 1. Л. 78–79.

²⁰ Уже в «Духовном отце» 1906 г. просматривается эта идея. С точки зрения Смирнова, монастыри «были первоначально частными религиозными обществами, свободно самоуправлявшимися. ... Когда во время монофизитского движения обнаружилось, что монашество представляет грозную силу, в своей независимости даже опасную для Церкви, церковное законодательство на Халкидонском Соборе (451) подчинило монастыри надзору епископов. Из частного общества монастырь превратился в церковный институт» (Смирнов 1906: 77). Но эта политика запустила обратный процесс: вырабатываются независимые от власти епископа исповедальные практики и их организация в монастырях (Смирнов 1906: 77).

²¹ ОР РГБ. Ф. 280. К. 14. Ед. хр. 1. Л. 88 об.–89.

потом уже архипастырь, духовенство прежде всего тяглая податная сила, а потом уже пастыри»²². В логике этих оппозиций «покаяльная семья» является противопоставлением «епископально-клерикальной» модели, а древнерусский контекст предстает в виде исторического противостояния угнетенных и угнетателей. Так и в «Древнерусском духовнике» выдающиеся пастыри у Смирнова находятся вне этой модели и выглядят как защитники притесняемых: «Исповедь была средством для духовника вмешиваться в судьбу детей и домочадцев, челяди, которая находилась в безграничной власти господина, и таким образом улучшать судьбу беззащитных детей и угнетенного класса»²³.

Политико-социальная проблематика была очень важной для Смирнова. Научные труды он начал работой «Рабство в древней Руси и отношение к нему Церкви» (1895) о позитивном влиянии Церкви на смягчение положения рабов, и развивал эту тематику в последующих трудах²⁴. Положительное влияние древнерусского духовника выражается в том, что он «старается перевоспитать общество, привить ему чувство милосердия, смягчить жестокие нравы, поднять положение угнетенных», а тексты, связанные с регламентацией практики исповеди («епитимийники»), оказываются «проникнуты духом гуманности»²⁵. Но к «угнетенным» Смирнов относит не только низшие сословия, но и «пролетариат» внутри приходского духовенства²⁶. При описании его положения он снова вводит оппозицию общины и высшей церковной иерархии. Смирнов утверждает, что «о жизни прихода, этой ячейки церковной, и об отношении его к священнику и епархиальной власти» сохранилось мало сведений в древнерусский период истории, но более поздний период открывает, что не только «покаяльная семья» была противопоставлена иерархической структуре Церкви, но и приходские общины, в которых существовал «обычай древнерусских прихожан защищать свои церковные порядки, точнее — беспорядки, и своих священников, даже недостойных, от вмешательства епархиальной власти. Естественно предполагать, что прихожане защищали духовенство, ими выбранное, что уже в то время существовали выборы приходского духовенства. Защита интересов духовенства прихожанами принимала иногда острый характер и являлась в виде решительной борьбы с высшей иерархией»²⁷.

²² ОР РГБ. Ф. 280. К. 14. Ед. хр. 1. Л. 89 об. Тезисы из лекций Смирнова кажутся близки концепции П. В. Знаменского (см. Беглов 2021б: 153–158).

²³ Смирнов 1913: 180.

²⁴ См. положительный отзыв В. О. Ключевского: Журналы Совета... 1897: 160–162. Само исследование не публиковалось, см. ОР РГБ. Ф. 280. К. 2. Ед. хр. 1.

²⁵ Смирнов 1913: 181. Ср.: «Гуманное отношение даже к животным в епитимийниках, как и в проповедях. Они заступаются за все слабое и беззащитное. Всякое убийство, даже и на войне осуждается» (ОР РГБ. Ф. 280. К. 13. Ед. хр. 1. Л. 86 об.).

²⁶ По Смирнову, приходское духовенство «не представляло из себя однообразной массы. Среди него была своя аристократия, свой пролетариат и среднее сословие» (ОР РГБ. Ф. 280. К. 14. Ед. хр. 1. Л. 58 об.).

²⁷ ОР РГБ. Ф. 280. К. 14. Ед. хр. 1. Л. 55–55 об. Смирнов видит в этом как идейную, так и территориальную проблему: «При обширности древних русских епархий само

Свой антиинституциональный пафос Смирнов развивает и в расширенном издании «Древнерусского духовника» 1913 г. Вместо трех кратких глав в новом издании подготовлено было семь достаточно объемных, наиболее важной из которых кажется нам последняя — «Русские духовники и раскол старообрядчества». Здесь явно отображается амбивалентность фигуры духовника в древнерусской Церкви, как ее реконструирует Смирнов, соответственно, и история «покаяльной семьи». С одной стороны, духовный отец изображен в его работе как выдающийся пастырь, с другой стороны, на своем материале он фиксирует, что на практике «среди них встречались [...] люди, избалованные своим положением»²⁸. Так, жизнь «покаяльной семьи» могла приобретать ненормальный характер. С одной стороны, «вмешательство [...] высшей духовной власти» в деятельность духовного отца и жизнь его общины была невозможна²⁹, с другой стороны, постепенно «в борьбе с противниками пришлось церкви мобилизовать свои силы, и она прежде всего взялась за духовника, стараясь его сделать органом надзора за верующими»³⁰, так что в итоге «духовник является чиновником»³¹.

Указанная двойственность в наиболее яркой форме сказалась в период раскола³². Рассматривая отношения ключевого деятеля старообрядчества, Аввакума и его духовных детей, Смирнов приходит к выводу, что именно в них наиболее репрезентативно представлены ключевые черты древнерусской «покаяльной семьи»: «Нравственные связи между отцом и духовными детьми здесь очень прочны: основываются они на служении общей, какой ни на есть, религиозной идее, выражаются в сожительстве, в материальной взаимной помощи, в живой переписке и в молитвенном общении. [...] Солидарность в религиозных воззрениях у этих людей находит себе выражение в форме, очевидно, жизненной еще в русских консервативных кругах второй половины XVII ст., — в форме покаяльной семьи»³³. Но этот же период становится временем распада этого элемента церковного быта, прежде всего в связи с деятельностью императора Петра I³⁴. В своей последней главе Смирнов изображает этот разрыв как победу «власти» над «свободой»: «Верующий лишился свободы выбора духовника себе, и покаяльная семья начала представ-

собою лезло врозь все управление и власть над приходом ускользала из рук епископов. Епископский надзор в приходской жизни был крайне слаб» (ОР РГБ. Ф. 280. К. 14. Ед. хр. 1. Л. 56). Отголоски этого устройства он отмечает на Русском севере: Смирнов 1913: 30–32. Здесь можно проследить влияние идей М.М. Богословского: Беглов 2021б: 157.

²⁸ Смирнов 1913: 71.

²⁹ Смирнов 1913: 63.

³⁰ Смирнов 1913: 66.

³¹ Смирнов 1913: 95.

³² В это время «открывается довольно ясно та сторона пастырской власти, которую наше духовенство влияло на народ, увлекая его в раскол или удерживая в церкви» (Смирнов 1913: 205).

³³ Смирнов 1913: 222.

³⁴ Смирнов 1913: 240–241.

лять собою не добровольно объединившихся около духовного руководителя верующих, а известную церковно-административную единицу — приход. [...] духовный отец превращался [...] в полицейского агента; патриархальность отношений между ним и детьми исчезала; между духовенством и народом становится государственная власть, которая берет на себя исключительное руководство народной мыслью»³⁵.

Таким образом, одной из главных оппозиций, проводимых через работу «Древнерусский духовник», является противопоставление свободы (характерной для «покаяльной семьи») и власти (не только церковной иерархии, но и государства)³⁶, — эта же оппозиция красной нитью проходит и через другие тексты Смирнова. В историческом регистре принцип общинности находит выражение не только в «покаяльной семье», но и в предшествующих ей «духовной семье» старца в греческих монастырях и независимых приходах Древней Руси с выборным священством. Такой фокус позволяет идейно отнести Смирнова к группе поздних славянофилов, которые во второй половине XIX в. активно участвовали в дискуссиях о приходской реформе, поскольку он использует близкую им риторику: идеализацию древнерусских устоев и критику петровских преобразований³⁷. Но труд Смирнова не только вошел в эти дискуссии, но и внес в них заметные коррективы.

«Покаяльная семья» в контексте дискуссий о приходской жизни: постановка проблемы

Тезис и аргументы Смирнова, связанные с концептом «покаяльной семьи», тесно переплетены с «приходским вопросом» в русском православии конца XIX – начала XX вв.³⁸. Поэтому «покаяльную семью», как видится, можно рассматривать в рамках этих дискуссий.

В славянофильском контексте, в котором активно развивалось понятие общины, как и у Смирнова, акцент был поставлен на эмансипацию приходской жизни³⁹. К примеру, в 1860-х гг. Д.Ф. Самарин (1831–1901), во многом опираясь на А.С. Хомякова (1804–1860), свой проект приходской реформы оценивал как возвращение к утерянному идеалу древнерусской церковной общины, образ которой сохранился в крестьянской общине⁴⁰. Нынешнюю ситуацию он описывал как кризис приходской жизни, который связывал с процессами, с одной стороны, давления государственной власти на духовенство, с другой – ограничения роли мирян духовенством, замыкающимся в сословие⁴¹. Так Самарин приходит к противопоставлению духовенства и общины⁴². В концепции

³⁵ Смирнов 1913: 238, 239–240.

³⁶ Ср. Смирнов 1913: 33–35, 50–51, 85 и др.

³⁷ См. об этих проектах приходской реформы: Беглов 2014.

³⁸ См. Беглов 2021а.

³⁹ Хондзинский 2012.

⁴⁰ Самарин 1867. Ч. 1: 3.

⁴¹ Самарин 1867. Ч. 1: 6.

⁴² Самарин 1867. Ч. 2: 20.

Смирнова, если он мог в некотором смысле откликаться на эту оппозицию, за модель «покаяльной семьи» берется устройство монашеских обителей, т.е. старца и его послушников. Эта специфика позволяет говорить о том, что община прямо зависима от ее руководителя, поэтому у него мы видим совершенно противоположную модель при близких Самарину идеях⁴³. Противопоставлялись уже не община и духовенство, а община (во главе со священником) и государственный аппарат. Такая постановка вопроса имела большую значимость для современников и, видимо, поэтому идея «покаяльной семьи» распространилась за рамками научной и публицистической дискуссий. Другие научные труды о древнерусском приходе / общине тоже получили развитие в публицистических текстах, предсоборных и соборных обсуждениях, но не отразились в пастырской риторике⁴⁴. Рассмотрим некоторые примеры.

В сохранившихся проповедях 1920-х гг. епископа Аркадия (Остальского, 1889–1937) мы находим один из случаев использования понятия «покаяльная семья» в церковно-практической области. Используя модель Смирнова, еп. Аркадий осмысляет покаянную семью с точки зрения мистической связи духовника и духовных чад: «мы не ощущаем той живой связи, которая существует между исповедующим священником и исповедующимся мирянином. Когда-то эта связь ощущалась очень реально, очень действенно. Если вы посмотрите, как жили наши предки на Руси, то увидите, что там эта связь между духовником и его духовными чадами была очень велика. Каждый выбирал себе духовника, а священник, прежде чем принять духовного сына или дочь, размышлял о том, может ли он понести на себе бремя его грехов. Те же, кого он принимал, образовывали около него особую покаянную семью. Эти люди были связаны со своим духовником до самой гробовой доски»⁴⁵.

Самый же известный пример, в котором теория Смирнова осмысливается на практике, обнаруживается в наследии священника Сергея Мечёва (1892–1942). Приходскую общину, которой он руководил с 1920-х гг., Мечёв называл «покаяльно-богослужебной семьей». Он таким образом ставил акцент и на отношения общины с пастырем, и на горизонтальные связи внутри общины, в частности, выразившиеся в общем богослужении: «мы не только покаяльная, но и богослужебная семья»⁴⁶. За этим следовало терминологическое и концептуальное развитие идеи Смирнова. Мечёв относит «покаляльную семью» уже не к конкретному историческому периоду, а к реальности Церкви. По его мнению, семей-

⁴³ В это время переопределяется священническое служение (см. Лютько 2022), что отражалось на трансформации тех понятий, который изучает Смирнова. К примеру, см. как меняются значения понятия «духовник» (Сернуй 2022).

⁴⁴ См. Беглов 2021б.

⁴⁵ Аркадий 2007: 528.

⁴⁶ Мечёв 2017: 443. И далее: «Я не нахожу ни в себе, ни в богослужении моего и вашего – все переплелось, все составило новый организм соборно совершающей служение духовной семьи» (Мечёв 2017: 443).

ная модель устройства стоит в основе Божественного домостроительства: «семьей» был и собранный вокруг Моисея Израиль, и основанная Христом община апостолов, и первые древнехристианские общины. Более того, Мечёв богословски осмысляет этот концепт, утверждая, что локальная покаяльная семья-община являет Церковь, и таким образом будет существовать в эсхатологической перспективе⁴⁷.

В этой перспективе концепция Смирнова обретает конкретные очертания в приходской деятельности, что важно с точки зрения характеристики самой эпохи. Смирнов исходил из того, что «покаяльная семья» – элемент, возникший из бытовой культуры православной Церкви. Соответственно, будучи институционализирована государством в Синодальный период, она исчезает в своем первоначальном виде⁴⁸. Но в контексте постреволюционного времени происходит актуализация этих идей, поскольку реконструируемый Смирновым исторический феномен находит воплощение в церковной практике (пусть не столь распространенный, как его обнаруживал историк в древнерусских памятниках).

Изучение идеи покаяльной семьи позволяет обозначить широкий контекст написания «Древнерусского духовника» С.И. Смирнова и других его работ. Но «покаяльная семья» маркирует не только развитие дискуссии о церковной общине, но и характерное для эпохи модерна четкое эпистемологическое различие между «обществом» и «общиной»⁴⁹. Оно, в свою очередь, породило схему, в которой иерархический принцип прихода как институт с рациональным характером взаимоотношений и привязанностью к определенной территории (административная логика) противопоставляется независимой совокупности общин, выстроенных на иных основаниях (логика взаимности). В основе идеи покаяльной семьи лежит принцип свободного выбора, суть которого, как видится, противостоит логике современного государства, организующего религию в соответствии с рационально-легальным типом управления (таким, как его описывал М. Вебер)⁵⁰. В этом ракурсе исследования Смирнова маркируют ситуацию переходного периода, в которой государство всё еще определяет религию, но ее осмысление современниками говорит о кризисе этой системы. В дальнейшем эта логика получает парадигмальный характер, о чем свидетельствует популярность той рамки описания церковной общины, которую предложил Смирнов⁵¹.

⁴⁷ Мечёв 2017: 449.

⁴⁸ См.: «Быт слагается из разнообразных элементов, живет и, разлагаясь, умирает. Эта схема определила общий план исследования о древнерусском духовнике» (Смирнов 1913: 3).

⁴⁹ О становлении этого принципа см. Ридель 2014: 313–320.

⁵⁰ См. развитие тезиса Вебера у Ф. Готье, который описывает изменения в «грамматике» религии от зарождения модерна к режиму рынка: Gauthier 2020.

⁵¹ Актуальна эта рамка была и в позднесоветский период в рамках схожих дискуссий (Lyutko, Cherny 2022).

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 280. К. 2. Ед. хр. 1. Смирнов С. И. Работы древней Руси и отношение к нему Церкви.
- ОР РГБ. Ф. 280. К. 9. Ед. хр. 1. Л. 313–598. Смирнов С. И. Черновые варианты II части работы «Духовный отец в древней восточной Церкви».
- ОР РГБ. Ф. 280. К. 13. Ед. хр. 1. Смирнов С. И. Курс лекций по истории русской церкви, читанный студентам МДА.
- ОР РГБ. Ф. 280. К. 14. Ед. хр. 1. Смирнова С. И. Материалы и заметки к курсу по истории русской церкви (церковное управление в Киевский период, приходское духовенство).

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аркадий, еп. Бежицкий. «Мы не должны бояться никаких страданий...». Творения: В 2 т. Т. 1. Житомир: Издание Житомирской епархии Украинской Православной Церкви, 2007. [Arkadij, ep. Bezhickij. «My ne dolzhny bojat'sja nikakih stradanij...». Tvorenija: V 2 t. T. 1. Zhitomir: Izdanie Zhitomirskoj eparhii Ukrainskoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2007].
- Ашков Г., прот. Духовническая дисциплина позднего средневековья на Руси. Воронеж, 2012. [Ashkov G., prot. Duhovnicheskaja disciplina pozdnego srednevekov'ja na Rusi. Voronezh, 2012].
- Беглов А. Л. Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы. М.: Индрик, 2021. [Beglov A. L. Pravoslavnyj prihod na zakate Rossijskoj imperii: sostojanie, diskussii, reformy. M.: Indrik, 2021].
- Беглов А. Л. Русская историческая наука в церковно-общественной полемике о православном приходе. 1860–1910-е гг. // Диалог со временем. 2021. № 77. С. 152–165. [Beglov A. L. Russkaja istoricheskaja nauka v cerkovno-obshhestvennoj polemike o pravoslavnom prihode. 1860–1910-e gg. // Dialog so vremenem. 2021. № 77. S. 152–165].
- Беглов А. Л. Земские проекты переустройства православного прихода в 1860–1890-е гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. № 1(32). С. 172–200. [Beglov A.L. Zemskie proekty pereustroistva pravoslavnoho prikhoda. 1860–1890-e gg. // Gosudarstvo, religija, Tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2014. No 1(32). S. 172–200].
- Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2005. [Bernstam T. A. Prihodskaja zhizn' russkoj derevni: Oчерki po cerkovnoj jetnografii. SPb., 2005].
- Богословский М. М. Памяти проф. С. И. Смирнова // Богословский вестник. 1916. Т. 2. № 9. С. 24–42. [Bogoslovskij M. M. Pamjati prof. S. I. Smirnova // Bogoslovskij vestnik. 1916. T. 2. № 9. S. 24–42].
- Журналы Совета Московской духовной академии за 1895 год. Сергиев Посад, 1897. [Zhurnalny Soveta Moskovskoj duhovnoj akademii za 1895 god. Sergiev Posad, 1897].
- Киприан (Керн), архим. Православное пастырское служение. Клин, 2002. [Kiprian (Kern), arhim. Pravoslavnoe pastyrskoe sluzhenie. Klin, 2002].
- Лютко Е. И. Нормация священника в России Нового времени: генезис процесса и основные этапы // Вопросы философии. 2022. № 12. С. 114–125. [Lyutko E. I. Normatsiia sviashchennika v Rossii Novogo vremeni: genезis protsessа i osnovnyе etapy // Voprosy Filosofii. 2022. № 12. S. 114–125].
- Мечёв С. «Друг друга тяготы носите...»: Жизнь и пастырский подвиг священномученика Сергия Мечёва. М., 2017. 2 изд. Кн.2: Беседы. Проповеди. Письма. [Mechjov S. «Drug druga tјagoty nosite...»: Zhizn' i pastyrskij podvig svjashhennomuchenika Sergija Mechjova. M., 2017. 2 izd. Kn.2: Besedy. Propovedi. Pis'ma].
- Мусин А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб., 2010. [Musin A. E. Cerkov' i gorozhane srednevekovogo Pskova. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie. SPb., 2010].
- Мусин А. С. В поисках общины древней Руси (2022). [Musin A. S. V poiskakh obshhiny drevnej Rusi (2022)]. URL: <https://s-t-o-l.com/material/27323-v-poiskakh-obshhiny-drevney-rusi/?ysclid=l3y8mxl445> (06.10.2022)
- Ридель М. Общество, общность // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. / пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Заредкий, К. Левинсон, И. Ширле; научн. ред. пер. Ю. Арнаутова. М., 2014. Т. 2. С. 220–321. [Ridel' M. Obshhestvo, obshhnost' // Slovar' osnovnyh istoricheskikh ponjatij: Izbrannye stat'i v 2-h t. / per. s nem. K. Levinsон, I. Shirle; nauchn. red. per. Ю. Arnautova. M., 2014. T. 2. S. 220–321].

- Levinson; sost. Ju. Zareckij, K. Levinson, I. Shirle; nauchn. red. per. Ju. Arnautova. M., 2014. T. 2. S. 220–321].
- Самарин Д. Ф. Приход: В 3 ч. М., 1867. [Samarin D. F. Prihod: V 3 ch. M., 1867].
- Смирнов С. И. Древнерусский духовник (Очерк). Сергиев Посад, 1899. [Smirnov S. I. Drevnerusskij duhovnik (Oчерk). Sergiev Posad, 1899].
- Смирнов С. И. Древнерусский духовник: Исследование по истории церковного быта. М., 1913. [Smirnov S. I. Drevnerusskii dukhovnik: Issledovanie po istorii tserkovnogo byta. M., 1913].
- Смирнов С. И. Духовный отец в древней восточной церкви. Сергиев Посад, 1906. [Smirnov S. I. Dukhovnyi otets v drevnei vostochnoi tserkvi. Sergiev Posad, 1906].
- Смирнов С. И. Материалы для истории древне-русской покаянной дисциплины (тексты и заметки). М., 1912. [Smirnov S. I. Materialy dlia istorii drevne-russkoi pokaiannoi distsipliny (teksty i zametki). M., 1912].
- Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002 [Stefanovich P. S. Prikhod i prikhodskoe dukhovenstvo v Rossii v XVI–XVII vekakh. M., 2002].
- Хондзинский П. В., прот. Понятие «общины» в русской богословской традиции второй половины XIX — начала XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2012. № 3. С. 38–46. [Khondzinskii P. V., prot. Poniatie «obshchiny» v russkoi bogoslovskoi traditsii vtoroi poloviny XIX — nachala XX v. // Vestnik PSTGU. Seria I: Bogoslovie. Filosofii. 2012. № 3. S. 38–46].
- Ячменник В. Концепция харизмы в исследованиях С.И. Смирнова: немецкие истоки и их развитие // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. № 40 (2). С. 259–276. [Yachmenik V. Kontsepsiia kharizmy v issledovaniiah S.I. Smirnova: nemetskie istoki i ikh razvitie // Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2022. № 40 (2). S. 259–276].
- Černý A. I. Sündenvergebung oder spirituelle Führung? Transformation der Bedeutung von „duhovnik“ in der russischen Sprache des 19. Jahrhunderts // Slověne. 2022. Vol. 11. No 2. P. 149–167.
- Gauthier F. Religion, Modernity, Globalisation: Nation-State to Market. London: Routledge, 2020.
- Lytko E., Cherny A. The Concept of *Mladostarchestvo* as a Tool for Criticizing Religion in Modern Russia: An Analysis of Rhetorical Strategies // Changing Societies & Personalities. 2022. Vol. 6. № 3. P. 655–676.
- Ячменник Вячеслав Александрович**, аспирант, богословский факультет, младший научный сотрудник, Лаборатория исследований церковных институций, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; yachmenik94@mail.ru

**“The Spiritual Father in Old Russia” in the Modern Era:
The Concept of the “Penitential Family” and Its Religious and
Philosophical Foundations as Understood by S. I. Smirnov**

S.I. Smirnov, a researcher of the history of clergy, is known for the concept of the “penitential family” developed in his “The Spiritual Father in Old Russia”, in which he saw the ideal of the church community. Smirnov described it as a historical feature of Old Russian church life, but the term was in demand among his contemporaries and became widely used without reference to the researcher’s works. Thus, the “penitential family” as a concept taken out of the historical context was understood as a church community independent of the highest hierarchical authority. The article argues that Smirnov’s work, while being historical, is no less inspired by his contemporary church-society discourse.

Keywords: *penitential family, church community, parish, spiritual father, historical studies*

Vyacheslav Yachmenik, PhD Student, Faculty of Theology, Junior Research Fellow, Ecclesiastical Institutions Research Laboratory, St. Tikhon’s Orthodox University for the Humanities; yachmenik94@mail.ru

О.Э. ТЕРЕХОВ, О.Н. ТЕРЕХОВА

ДИАЛЕКТИКА «ЗАКАТА ЕВРОПЫ»: РЕЦЕПЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА В СОВЕТСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ

В статье рассматривается восприятие интеллектуального наследия философа истории и культуролога XX века Освальда Шпенглера в советской гуманитарной мысли. Авторы отмечают, что интерес к культурно-исторической и политической концепции Шпенглера возник у советских гуманитариев практически с момента выхода первого тома его главного труда «Закат Европы». Оппонирование идеям Шпенглера и его сторонникам в Советской России с точки зрения исторического материализма повлияло, по мнению авторов, на становление теоретико-методологических основ советской гуманитарной мысли. Однако, как подчеркивают авторы, несмотря на критическую оценку интеллектуального наследия автора «Заката Европы» в целом, советская гуманитарная мысль воспринимала Шпенглера как одного из значительных представителей западной «буржуазной» мысли XX века.

Ключевые слова: О. Шпенглер, «Закат Европы», советская гуманитарная мысль

В 2022 г. исполняется 100-летие со дня выхода сборника «Освальд Шпенглер и Закат Европы», который, несомненно, стал одним из рубежных моментов как в идейном размежевании русской философии «Серебряного века» с формирующейся философией диалектического и исторического материализма в Советской России, так и в становлении советской гуманитарной мысли в целом. Необходимо отметить, что последние годы вообще отмечены значительными датами, связанными с жизнью и интеллектуальным наследием немецкого культуролога, философа и историка Освальда Шпенглера (1880–1936). В 2018 г. исполнилось 100 лет со дня выхода в свет первого тома «Заката Европы». В 2020 г. исполнилось 140 лет со дня его рождения, а в 2022 г. исполняется 100-летие издания второго тома «Заката Европы», без которого культурно-историческая и политическая концепция немецкого мыслителя будет явно неполной, хотя, как известно, процесс воздействия первого тома «Заката Европы» на гуманитарную и общественно-политическую мысль XX в. был значительно шире и глубже, чем тома второго.

История восприятия и трактовки культурно-исторических и политических идей Шпенглера в советской гуманитарной мысли представляет собой поучительный пример ее интеллектуальной эволюции в духе исповедуемого советскими гуманитариями диалектического метода. Советская «шпенглерiana», несмотря на, зачастую, однозначность и безапелляционность ее выводов, была попыткой понять и осмыслить этого немецкого представителя «философии жизни», консерватора и националиста с левых марксистско-ленинских теоретико-методологических позиций. В этой связи, проблема «Шпенглер и советская гуманитарная мысль», а шире его восприятие в отечественной

гуманитаристике, имеет широкий контекст и охват методов, подходов и идей к интеллектуальному наследию немецкого мыслителя. Нельзя не согласиться с выводом Н.А. Хренова о том, что проблема рецепции Шпенглера в отечественной гуманитарной мысли отчетливо распадается на два уровня: научный и публицистический¹. И советский этап исследования его интеллектуального наследия не стал исключением в этом ряду, а, наоборот, даже четко высветил всю неоднозначность и противоречивость идей Шпенглера.

Выход первого тома «Заката Европы» вызвал острую полемику в Советской России, закончившуюся, как известно, для ряда деятелей русского «Серебряного века» печально известным «философским пароходом» в 1922 г. Причем полемика была связана как с реакцией представителей русской религиозной философии, которые нашли в «Закате Европы» общие мотивы с русским духовным возрождением начала XX в., так и реакцией на идеи Шпенглера и их трактовку русскими философами со стороны представителей формирующейся в Советской России философии диалектического и исторического материализма².

Федор Степун вспоминал, что через своих знакомых узнал, что «в Германии появилась замечательная книга никому раньше неизвестного философа Освальда Шпенглера, предсказывающая близкую гибель европейской культуры»³. После получения Степуном немецкого экземпляра первого тома «Заката Европы», Н.А. Бердяев попросил его сделать доклад о книге на заседании Религиозно-философской академии. Доклад вызвал широкий резонанс в кругах той части русской интеллигенции, которая осталась после революции и Гражданской войны в России. По словам Степуна, он выступал с докладом в разных аудиториях. Степун передает впечатление, которое произвела книга Шпенглера на русскую интеллектуальную публику. Он писал, что «книга Шпенглера, многими нитями связанная с русской философией, с раздумьями славянофилов, Соловьева, Достоевского и Данилевского и дошедшая до нас в самый острый момент духовно-политического кризиса, с такой силой завладела умами образованного московского общества, что было решено выпустить специальный сборник посвященных ей статей»⁴.

Сборник получил название «Освальд Шпенглер и Закат Европы» и был опубликован в московском издательстве «Берег» в начале 1922 года. Его авторами стали видные деятели русского религиозно-философского возрождения начала XX в.: Н.А. Бердяев, Я.М. Букшпан, Ф.А. Степун и С.Л. Франк. Во-первых, сборник стал одним из ярких образцов интеллектуальной мысли русского «Серебряного века». Во-вторых, он стал последней каплей терпения советской власти в отноше-

¹ Хренов 2019: 131.

² Тиме 2011: 467 – 468.

³ Степун 1994: 512.

⁴ Там же: 515.

нии «буржуазной интеллигенции». После того как В.И. Ленин, прочитав сборник, назвал его «литературным прикрытием белогвардейской организации»⁵, было решено произвести массовую высылку «буржуазной интеллигенции» из Советской России на так называемом «философском пароходе» в 1922 году, куда попали не только авторы сборника.

Авторы сборника, не претендуя на полноту анализа «Заката Европы», попытались, по их словам, «по возможности воспроизвести объективное содержание его идей»⁶. Надо отдать должное русским мыслителям, они одними из первых в европейской гуманитарной мысли почувствовали сущность, своеобразие и значение книги Шпенглера, определив «Закат Европы» как выдающееся явление в немецкой и европейской культуре. Известный философ С.Л. Франк давал восторженную характеристику труду Шпенглера, отмечая, что «книга Шпенглера «Закат Европы» есть, бесспорно, самая блестящая и замечательная – в буквальном смысле слова – книга европейской литературы со времени Ницше...»⁷. Русские философы «Серебряного века» сразу почувствовали в Шпенглере своего единомышленника, так как в своих трудах неоднократно ставили проблемы, которые он поднял в «Закате Европы», в частности проблему кризиса европейской культуры. Однако две вещи у Шпенглера были неприемлемы для русских мыслителей: первое – его исторический релятивизм, его неверие в живительную силу научной мысли в деле познания окружающей действительности, об этом много пишет в своей статье С.Л. Франк. Второе – его стремление раньше времени похоронить западную культуру, его непонимание того факта, как отмечал Н.А. Бердяев, что выход такой книги как «Закат Европы» есть свидетельство существования этой самой культуры. Н.А. Бердяев также четко уловил политический подтекст философии истории Шпенглера, отмечая, что «Шпенглер – германский патриот, германский националист и империалист»⁸.

Выход сборника «Освальд Шпенглер и Закат Европы» вызвал бурную реакцию как представителей формирующейся советско-марксистской интеллигенции, так и видных деятелей науки и культуры, которые, как и авторы сборника, принадлежали «старому», постепенно уходящему из Советской России «буржуазному» миру. Правовед и философ Б.П. Вышеславцев, к стати, будущий коллега Н.А. Бердяева по «философскому пароходу», в рецензии на сборник отметил интеллектуальную близость философско-исторических исканий Шпенглера к русской философии, а также авторам сборника. Особо Вышеславцев отмечает духовное родство, и вполне справедливо, между Шпенглером и Бердяевым. В тоже время он, как представитель рационалистического направ-

⁵ Бердяев 2007: 1124.

⁶ Там же: 849.

⁷ Там же: 873.

⁸ Там же: 849.

ление в русской философии начала XX в. (по крайней мере, до своей «насилованной» эмиграции), не принимает иррационализм и натурализм Шпенглера и апокалипсические настроения авторов сборника.

Будущий знаменитый социолог П.А. Сорокин, одним из первых применивший в социологии психологический метод, рассматривает труд Шпенглера и реакцию на него в Германии и России как феномен социальной психологии. Война и ряд катастрофических событий последних лет, по мнению Сорокина, нарушили равновесие психики культурного человечества, «отсюда становится понятной неизбежность коренной «переоценки всех ценностей», радикальных изменений общественной психологии»⁹. По мнению Сорокина, основные идеи Шпенглера упали на хорошо подготовленную почву русской духовной культуры начала XX в. Сорокин резюмирует, что это касается и авторов сборника. Он пишет, что «кто знал мировоззрение участников сборника (кроме разве одного Букшпана), тот заранее мог предвидеть, что лейтмотивы шпенглеровской книги вскоре найдут отзвук именно в тех слоях, ярким выразителем которых является Н.А. Бердяев, отчасти С.Л. Франк»¹⁰.

Теперь о марксистской реакции на выход сборника. Историк, профессор П. Ф. Преображенский в своей рецензии на сборник констатирует, что «шпенглеризм вещает смерть, философия социализма – воскресение»¹¹. Известный публицист Карл Грасис назвал свою статью-рецензию «Вехисты о Шпенглере». Он полагал, что шпенглеровская морфология всемирной истории есть банальная реакция старого мира на рождение мира нового – мира социализма, в котором культура, наоборот, получит своё высшее развитие. Авторам сборника «Освальд Шпенглер и Закат Европы», якобы поднявшимся, по мнению Грасиса, на некую высшую ступень религиозного сознания абсолютно чужды и не приемлемы идеи построения нового общества. Всё это напомнило Грасису ситуацию дискуссии вокруг сборника «Вехи», тем более что авторы у сборников были почти одни и те же. «Вехи», как пишет Грасис, ставили крест на русской революции, и как только появились признаки мировой революции «наши веховцы опять тут как тут»¹².

Журнал «Красная новь» во 2-м номере (март – апрель 1922 года) на своих страницах провел полемику относительно сборника «Освальд Шпенглер и Закат Европы». Помимо вышеупомянутой статьи Грасиса, свои размышления написали В. Базаров «О. Шпенглер и его критики» и С. Бобров «Контуженый разум». Базаров считал, что книга Шпенглера не научный феномен, а феномен художественной литературы и признает за содержанием сборника «предварительную ориентировку, достаточную для того, чтобы понять, о чем идет речь»¹³. Однако, религиоз-

⁹ Там же: 956.

¹⁰ Там же: 958.

¹¹ Преображенский 1922: 65.

¹² Бердяев 2007: 1003.

¹³ Там же: 1009.

но-романтическая мечтательность, авторов сборника, а Базаров считает их представителями русской религиозно-философской мысли, едва ли поможет читателю правильно осмыслить и понять основные идеи Шпенглера. Бобров называет Шпенглера и его последователей людьми с «контуженным» мировой войной разумом. Но люди здравого разума и здравой воли, по его мнению, должны опомниться. «Но Шпенглер и шпенглерияне вряд ли опомнятся, – их-то гибель неизбежна. В ощущении гибели такого сознания – все очарование Шпенглера»¹⁴.

Эталоном марксистской критики Шпенглера в 1920-х гг. считается статья одного из основателей советской философии А. М. Деборина «Гибель Европы или торжество империализма?», опубликованная в журнале «Под знаменем марксизма» (1922. № 1 – 2. Январь – февраль). Деборин отмечает литературный талант Шпенглера, но считает, что его книга идейный реванш германского империализма и национализма над своими противниками. Спорить с метафизикой Шпенглера, по мнению Деборина, бесполезно, ее нужно только принимать на веру, так как ничего научного в ней нет. Поскольку, как утверждал Деборин, марксизм являлся общепризнанной идеологией международного рабочего движения, главная задача Шпенглера – борьба с материалистическим пониманием истории. Его цель – утверждение принципа народности в культуре, понимаемого в прусском духе. «Этот принцип народности должен оправдать специальные притязания прусского империализма»¹⁵. Надо отдать должное Деборину, он четко уловил суть культурно-исторической и политической концепции Шпенглера, в основе которой лежала идея «прусского социализма» как некой социокультурной модели, базирующейся на принципах немецкого консерватизма, авторитаризма и национализма. Но для истинного марксиста, коим Деборин был несомненно, «прусский социализм» есть торжество империализма над социализмом. Деборин категорически не приемлет идею Шпенглера о синтезе консерватизма и социализма, да еще в прусской обертке. «В борьбе с марксизмом Шпенглер выдвинул свою философию истории и идею «социалистической монархии», т. е. идею истинно прусского социализма и империализма, в надежде, что немецкие рабочие дадут себя увлечь на путь шовинизма» – делает вывод Деборин¹⁶.

Выход сборника в начале 1922 г. «Освальд Шпенглер и Закат Европы» и дискуссия вокруг него самым непосредственным образом сказались на дальнейшем восприятии идей Шпенглера в Советской России. С одной стороны, в ходе этой дискуссии было четко определены границы инакомыслия, которые могла допустить советская власть, особенно в отношении «буржуазной интеллигенции». С другой, дискуссия положила начало формирования марксистского понимания культурно-

¹⁴ Там же: 1042.

¹⁵ Там же: 972.

¹⁶ Там же: 985.

исторической и политической концепции Шпенглера, получившего своё дальнейшее развитие в советской гуманитарной мысли. Парадоксом дискуссии стало то, что издание в 1923 году на русском языке первого тома «Заката Европы» в московском и петроградском издательстве Л. Д. Френкеля уже не вызвало столь живой интерес к Шпенглеру, как это было годом ранее. Марксистское восприятие «Заката Европы» требовало еще некоторого осмысления, а «буржуазное вольнодумство» было строго пресечено.

Однако в 1920-е гг. в период становления советского общественно-знания в его рамках формируется и другой подход к оценке, по крайней мере, исторических и культурологических воззрений Шпенглера, представители которого попытались абстрагироваться от столь соблазнительных публицистических интенций в восприятии советскими гуманитариями автора «Заката Европы». Представители этого подхода, несмотря на свои марксистские убеждения, делали акцент на выявление познавательного потенциала культурологических и философско-исторических идей Шпенглера.

Основоположником данного подхода стал А.Ф. Лосев. В 1920-х гг. он не придерживался идейной и тем более философско-методологической платформы марксизма. Поэтому в своей оценке Шпенглера Лосев обладал полной интеллектуальной свободой. В 1930 г. выходит его работа «Очерки античного символизма и мифологии»¹⁷. Лосев относит Шпенглера к ряду значительных имен, без которых, по его мнению, невозможно говорить об истории античности¹⁸. Тем самым он принимает концепцию античной культуры, предложенную автором «Заката Европы». При этом Лосев делает ряд критических замечаний относительно ее сути. Он указывает на ее несколько вторичных характер в сравнении с другими, по его словам, великими концепциями античности. «Вся новизна Шпенглера – в необычных обобщениях, которые в одной идее обнимают и математику, и религию, и искусство, и астрономию, и историю»¹⁹. Лосев упрекает Шпенглера в отсутствии у последнего диалектического метода. Таким образом, Лосев, абстрагируясь от идеологической оценки Шпенглера, а точнее говоря, абсолютно, не обращая внимание, на подобный ракурс, включает идеи немецкого мыслителя в поле научного дискурса, по крайней мере его воззрения на античность.

Однако, такой подход к изучению идей Шпенглера в межвоенный период был скорее исключением, чем правилом. Причем, это характерно как для западной, так и советской гуманитарной мысли. Победное шествие фашизма и национал-социализма в Европе 1930-х гг. подвигло советских гуманитариев к активному изучению предпосылок правора-

¹⁷ Лосев 1993.

¹⁸ Там же: 38.

¹⁹ Там же: 60.

дикальных идеологий в целях разработки идейного оружия в борьбе против фашистской агрессии, ксенофобии и, как полагали советские исследователи, борьбы против рабочего класса и его авангарда коммунистических партий.

Германия в этом отношении, с ее преобладанием консервативной и авторитарной политической культуры, была благодатной интеллектуальной почвой для подобных идеологических и политических упражнений. В леворадикальных политических кругах, в том числе и в советской интеллигенции, был поставлен вполне, справедливый, хотя и несколько одномерный вопрос: как в стране философов и поэтов стал возможен Гитлер. Марксистские интеллектуалы в 1930-х гг., да и после, даже не могли подумать о том, что в этот же период похожие вопросы, правда, с разной степени честности задавали себе и германские консерваторы, к которым, несомненно, следует отнести и «консервативных революционеров». Шпенглер был одним из первых консерваторов, который в самом начале Третьего рейха в 1933 г., попытался ответить на этот вопрос. За что получил от советских критиков ярлык «Гамлета германского фашизма»²⁰.

Борьба с нацистской идеологией потребовала от советских гуманитариев серьезной интеллектуальной работы по освоению наследия культуры Германии и немецкой исторической и философской мысли в частности с точки зрения марксистской методологии. На этом пути одним публицистическим прочтением и трактовкой первоисточников дело не могло ограничиться. В данном случае речь идет о книге одного из лучших специалистов по немецкой философии в советской гуманитарной мысли В. Ф. Асмуса «Маркс и буржуазный историзм»²¹. Автор посвятил рассмотрению «Заката Европы» три последних главы. Достаточно прочитать их заглавие, чтобы понять общую тональность авторского подхода: глава XVI «Философия фашизирующей Германии – Шпенглер и проблема специфичности исторической науки»; глава XVII «Биологизм философии истории Шпенглера и его классовая направленность в условиях фашизирующей Германии»; глава XVIII «Философия истории Шпенглера как явление современного буржуазного алогизма». При этом необходимо отметить, что в отношении анализа и критики Шпенглера труд Асмуса – это не публицистика начала 1920-х гг., а фундаментальное монографическое исследование, ставящее своей целью всестороннее выявление различных теоретико-методологических форм «буржуазного историзма» до и после появления марксизма.

Включение автором фигуры Шпенглера в число значительных представителей современного «буржуазного историзма» являлось фактом признания его культурно-исторической и политической концепции в советской гуманитарной науке. Асмус констатирует, что «Закат Ев-

²⁰ Преображенский 1933: 153.

²¹ Асмус 1933.

ропы» не принадлежит к числу тех книг, которые пишутся наспех, на злобу дня, *ad hoc*. Не только собственные разъяснения ее автора, но – что гораздо убедительнее – все содержание книги, ее композиция, стиль, форма изложения свидетельствуют о том, что «Закат Европы» – плод многолетней работы, обширного изучения десятилетиями слагавшихся дум»²². По мнению Асмуса, теоретическая направленность «Заката Европы» далеко выходит за пределы исключительно философско-исторической теории, об этом свидетельствует то, что симптоматическое значение книги надолго пережило период ее литературного успеха, который был в большей степени немецким, чем европейским. Особенность восприятия труда Шпенглера в Германии, Асмус объясняет, ее послевоенным положением и социальной базой, на которую был рассчитан «Закат Европы». «Сама по себе социальная база «Заката Европы» была довольно узка и в европейском масштабе не могла иметь большого веса. Социальную основу книги Шпенглера составляли интересы феодального, прусского юнкерства»²³. Униженному и оскорбленному национальному чувству немецкой буржуазии книга Шпенглера противопоставляла глубокое убеждение в том, что катастрофа, пережитая Германией, не есть гибель одной лишь германской культуры.

Говоря о фашистской Германии, Асмус считал, что философия Шпенглера, отодвинутая своим пессимизмом в тень в период кратковременной стабилизации капитализма, переживает своеобразное возрождение. Германский фашизм пытается использовать философию истории Шпенглера в своих интересах, в современных условиях развития Германии резонанс работ Шпенглера приобретает несомненное политическое значение. Однако, Асмус также замечает принципиальные различия между Шпенглером и нацизмом. «Конечно, в целом книга Шпенглера вряд ли будет признана вождями немецкого фашизма за адекватное выражение фашистской идеологии. В «Закате Европы» для них еще слишком много «утонченного интеллектуализма», в уничтожении которого Гитлер и его сподвижники видят одну из задач своей политики»²⁴.

В своем критическом взгляде на философию истории Шпенглера, Асмус не только вскрывает ее политический контекст, но и дает анализ ее теоретико-методологических основ. По словам автора, «в оболочке философско-исторической системы (*Шпенглера курсив мой*) скрывается острая и напряженная антиинтеллектуалистическая методология, принципиальная критика логики и научных методов познания»²⁵ и является ярким выражением современной буржуазной философской мысли. Помимо антиинтеллектуализма метода Шпенглера Асмус также отмечает, что автор «Заката Европы» не видит принципиального разли-

²² Там же: 214.

²³ Там же: 215.

²⁴ Там же: 269.

²⁵ Там же: 217.

чия между материалистическим и идеалистическим пониманием истории. Асмус утверждает, что Шпенглер, под предлогом борьбы против перенесения методов естественных наук на историю, борется на самом деле против научной трактовки истории. «Цель Шпенглера – не столько в том, чтобы определить подлинное своеобразие исторического объекта, сколько в том, чтобы совершенно вывести историческое исследование за пределы науки и научной трактовки. В итоге воззрения Шпенглера не есть историзм, но прежде всего – восстание против науки²⁶».

Своей трактовкой идей Шпенглера Асмус, по существу, заложил основы канона «советской шпенгleriаны», в которой сформировался своеобразный синтез научного, марксистско-фундированного и политического подходов к интеллектуальному наследию автора «Заката Европы». С одной стороны, советские исследователи уже не могли игнорировать научный потенциал идей Шпенглера. С другой стороны, его откровенная и нескрываемая политическая ангажированность, принципиальный антиинтеллектуализм создавали хорошую почву для критики в духе исторического и диалектического материализма и политизации этой критики. Подход Асмуса к исследованию Шпенглера быстро вытеснил на периферию советской гуманитарной мысли подход Лосева. Хотя, как покажет развитие «советской шпенгleriаны» во второй половине XX столетия, наиболее «продвинутые» в этом вопросе авторы пытались сочетать оба подхода.

Труды Лосева и Асмуса стали первыми и на долгое время последними работами, в которых советские гуманитарии предприняли попытку дать анализ и оценку взглядам Шпенглера. Нарастание идеологической борьбы с германским национал-социализмом накануне Второй мировой и Великой Отечественной войн, а затем и послевоенная интеллектуальная ситуация в мире и СССР не способствовали положительному восприятию идей этого немецкого консерватора и националиста, которого однозначно записали в идеологические предшественники нацизма. Однако с 1950-е гг. в гуманитарной среде Запада начинается постепенное возрастание интереса к интеллектуальному наследию Шпенглера. Важную роль в этом сыграл К. Ясперс, который в своей работе «Истоки истории и ее цель» включил культурно-историческую концепцию «Заката Европы» в число ведущих достижений современной западной философско-исторической мысли²⁷.

Эта тенденция не обошла стороной и советскую гуманитарную мысль. В 1959 г. вышла монография ленинградского философа Игоря Сергеевича Кона «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли», в основу которой была положена его докторская диссертация. Книга Кона представляет собой одну из первых в советской литературе попыток дать критический очерк основных направле-

²⁶ Там же: 227.

²⁷ Ясперс 1991:

ний современной западной философии истории. Автор обстоятельно разбирает и дает критическую оценку новейшим идеалистическим концепциям исторического процесса и исторического знания. Шпенглера, наряду с Дильтеем и Лессингом, Кон относит к представителям иррационалистического направления идеалистической философии истории. Кон называет Шпенглера и Лессинга последователями Дильтея, который, по его словам, выработал основные понятия субъективно-идеалистического взгляда на историю, но сам ограничился лишь областью абстрактной методологии и не развил до конца выводов из своего исторического релятивизма. Кон полагает, что «антиинтеллектуализм Шпенглера, его подчеркивание интуитивного характера исторического знания связаны с дильтеевской «философией жизни»²⁸. Кон называет Шпенглера самым влиятельным представителем философии иррационализма в современной буржуазной исторической мысли. Кон делает вывод, что «иррационалистическая философия Шпенглера полностью обесценивает историческое знание, делает его бессмысленным и превращает историю в простой «динамический миф» на службе современных реакционных сил»²⁹.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. к рассмотрению культурно-исторической концепции Шпенглера обратился один из основателей отечественной культурологии Э.С. Маркарян. Характеризуя концепцию Шпенглера, Тойнби и ряд других подобных современных теоретико-методологических подходов к исследованию культуры, Маркарян вводит собственный термин – концепция «эквивалентных культур». Это, по его мнению, обусловлено тем, что в литературе еще нет четкой дефиниции подобного культурно-исторического подхода³⁰. Его возникновение Маркарян связывал с кризисом европоцентризма в западной гуманитарной мысли XX столетия. При этом он отмечал принципиальные различия во взглядах представителей концепции «эквивалентных культур». «Системы взглядов упомянутых авторов во многом отличаются друг от друга по форме своего изложения, по методам доказательства и аргументации, по используемому в них материалу. Данные авторы по-разному определяют перспективы развития мировой истории (достаточно сравнить, например, откровенно профашистские пророчества О. Шпенглера и мессианский PROVIDЕНЦИАЛИЗМ А. Тойнби), их исторические симпатии глубоко различны; существенно отличаются друг от друга и их политические позиции»³¹.

Шпенглера Маркарян рассматривает как основоположника концепции «эквивалентных культур» в современной западной философии истории. По мнению Маркаряна, во взглядах автора «Заката Европы»

²⁸ Кон 1959: 118.

²⁹ Там же: 125.

³⁰ Маркарян 2014: 49.

³¹ Там же: 50.

хорошо отразились все особенности данной концепции, и она «оказала огромное влияние на последующее развитие западной историко-теоретической мысли XX в.»³². Положительно оценивая критику Шпенглером европоцентристской традиционной европейской историографии, Маркрян не принимает философию истории и культурологию «Заката Европы» и суть его «коперниковского переворота» в понимании всемирной истории. «Как мы видим, он сводится прежде всего к точке зрения, ведущей к ярко выраженному дроблению и индивидуализации исторического процесса и на этой основе к последовательному отрицанию идей всемирно-исторического развития и единства человеческой культуры» – констатирует он³³.

Необходимо отметить, что 1960 – 1970-е гг. были характерны в советской гуманитарной науке «поворотом» к Шпенглеру. В связи с возрастающим интересом к Шпенглеру на Западе, советские гуманитарии, в рамках идеологической борьбы с «буржуазными» интерпретациями различных аспектов его творчества, должны были выработать собственную критическую позицию в отношении интеллектуального наследия немецкого мыслителя. Тем более, что постепенное углубление изучения проблем «буржуазной философии» и «буржуазной исторической мысли» в советском обществоведении требовало иного, скажем так, более утончено-марксистского подхода к критике учения Шпенглера, исследующего интеллектуальное наследие автора «Заката Европы» не в контексте краха мирового империализма и «буржуазного сознания», а в контексте истории западной культуры и философии XX века. То есть требовалась ревизия вульгарного исторического материализма в подходах в отношении Шпенглера, но которая, тем не менее, должна остаться на почве методологии истмата и диамата, что и старались воплотить в своих трудах советские гуманитарии в разной степени отклонения от генеральной линии.

Одним из значительных достижений советского шпенглероведения считается статья «Морфология культуры» Освальда Шпенглера» известного историка культуры и философа С.С. Аверинцева, опубликованная в 1968 г. в журнале «Вопросы литературы». Аверинцев в начале статьи ставит вопрос: стоит ли сегодня говорить о культурологии Шпенглера, или эта интеллектуальная сенсация 1920-х гг., которая утратила всякий смысл для современности? И отвечая на свой же вопрос, пишет, что «наследие Шпенглера явственно распадается на слои, чрезвычайно различающиеся по мыслительной фактуре, ценности и значимости»³⁴. Он выделяет в наследии Шпенглера три интеллектуальный пласта: эксперименты с историческим прогнозированием, политическую теорию тоталитарного толка и философию культуры. К настоя-

³² Там же: 53.

³³ Там же: 53.

³⁴ Аверинцев 1991: 183.

щему времени, по мнению автора, действителен только третий интеллектуальный пласт – философия культуры. Согласно Аверинцеву, одно из главных значений философии культуры и историософии Шпенглера заключается в том, что он был фактически родоначальником современного этапа этих направлений в гуманитарной мысли.

Статья Аверинцева, несмотря на ее критичность, звучала явным диссонансом с советским официальным шпенглероведением, в котором господствовала точка зрения на Шпенглера, как философа кризиса «буржуазного сознания» в эпоху империализма. Например, известный востоковед, академик Н.И. Конрад рассматривал концепцию Шпенглера в русле типичных эсхатологических настроений, всегда сопровождающих период острых общественно-политических кризисов. «Эта работа создавалась в годы, последовавшие за первой мировой войной и социалистической революции в России», – констатирует Конрад³⁵. Похожих взглядов придерживался философ Г.Д. Чесноков, который связывал популярность «Заката Европы» с кризисом империализма после мировой войны. Чесноков писал, что «отличия Шпенглера от большинства современных ему идеологов буржуазного Запада состояло в том, что он раньше других (еще в 1911 г.) почувствовал, хотя до конца и не осознал, грозящую власти капитала катастрофу»³⁶. Чесноков отмечал некоторые рациональные моменты, как он пишет, в теории Шпенглера, но непонимание немецким философом материалистического подхода к истории не позволило ему, по мнению автора, правильно их развить, оставаясь в русле идеалистической философии истории в форме крайнего субъективного идеализма и антиинтеллектуализма.

Известный специалист по западной философии XX века П.П. Гайденко в своей содержательной статье проанализировала категорию времени в культурно-исторической концепции Шпенглера. Во-первых, Гайденко четко выделила генезис методологических основ концепции Шпенглера. Она отмечает, что его концепция вобрала в себя два ключевых направления в «философии жизни», идущих от Дильтея и Бергсона, что, по мнению автора, и придало его взглядам оригинальность и новизну³⁷, хотя и было эклектичным. Во-вторых, эклектичный синтез природно-биологического (Бергсон) и трансцендентального (Дильтей) понимания истории и культуры, по мнению автора, привел Шпенглера к непреодолимым противоречиям в его культурно-исторической концепции. Гайденко иллюстрирует эти противоречия на примере анализа категории времени. Она делает вывод, что «время, понятие Шпенглером, как логика истории и тождественное с прасимволом, мифом культур, приводит к крайне фаталистическому пониманию истории, оборачиваясь «деисторизацией» самой исторической реальности»³⁸. Однако,

³⁵ Конрад 1972: 448.

³⁶ Чесноков 1972: 44 – 45.

³⁷ Гайденко 1969: 251 – 252.

³⁸ Там же: 255.

несмотря на свою теоретическую непоследовательность Шпенглер, по мнению Гайденко, отразил и зафиксировал целый ряд мировоззренческих посылок, которые стали характерны для буржуазной философии и исторической мысли XX в. Именно в этом Гайденко усматривает долговременное влияние идей Шпенглера³⁹.

Говоря об изучении интеллектуального наследия Шпенглера советскими философами, социологами и культурологами в 1960–1970-х гг. нельзя не вспомнить имя известного философа и социолога культуры Ю.Н. Давыдова. Он достаточно активно изучал творчество Шпенглера. В своих трудах Давыдов рассматривал различные аспекты культурно-исторической, культурологической, эстетической и политической концепции Шпенглера в контексте кризиса западной культуры XX века⁴⁰. Характерна в этом отношении его статья «Шпенглер и война. (Историософское эстетство в свете современного опыта)», написанная как отклик на известный немецкоязычный сборник 1980 г. «Шпенглер сегодня»⁴¹. Давыдов, социолог культуры, обращает внимание на эстетические основания философии Шпенглера, называя его основоположником современного эстетизированного подхода к истории⁴². Эстетизм культурфилософии Шпенглера, выраженный, по мнению Давыдова, в отстраненном созерцании истории с высоты великих культур, поэтизации и героизации ницшеанского человека. Эстетизм пронизывает и политическую концепцию Шпенглера. В пику авторам сборника «Шпенглер сегодня», пытающиеся найти положительные моменты в наследии Шпенглера, Давыдов полагает, что культурпессимизм и героический реализм автора «Заката Европы» ничто иное как эстетизация войны, которая есть форма существования современного буржуазного мира. Рассматривая концепцию Шпенглера о цезаризме, Давыдов сравнивает его с Макиавелли и полагает, что в области политической теории Шпенглер сделал в XX в. то же, что и в свое время итальянский мыслитель⁴³.

В 1970–1980-х гг. к интеллектуальному наследию Шпенглера обратились историки. Советские историки активно изучали идейные, социально-экономические и политические предпосылки германского фашизма. Шпенглер, как один из ведущих идеологов «консервативной революции» в Веймарской республике, не мог остаться вне поля ее внимания. Советские историки однозначно относили взгляды Шпенглера, как и его самого, к духовным предтечам фашизма. А.С. Бланк отмечал, что Шпенглер, как и Ницше, «в основу своих социальных и гносеологических взглядов положил волюнтаризм»⁴⁴. Политическая доктрина Шпенглера, согласно Бланку, квинтэссенция реакционных представле-

³⁹ Там же: 256.

⁴⁰ Давыдов 1966; Давыдов 1967; Давыдов 1987.

⁴¹ Давыдов 1983.

⁴² Там же: 77.

⁴³ Там же: 108 – 109.

⁴⁴ Бланк 1978: 103.

ний германского империализма. А.А. Галкин также рассматривал Шпенглера как наиболее значительного последователя Ницше, являясь, по мнению автора, популяризатором его идей. «Шпенглер спустил с небес абстрактного и полуутопического ницшеанского сверхчеловека»⁴⁵. По мнению Галкина, Шпенглер не просто стремился повторять Ницше, но дополнить и развить его учение. Именно синтез ницшеанства и феодально-социалистических утопий XIX столетия и дал «идейный суррогат, получивший название «прусского социализма»⁴⁶. Галкин считает Шпенглера крупнейшим идеологом «прусского социализма».

Во второй половине 1980-х, в период Перестройки, в советской гуманитарной мысли начинает возникать иной, не до конца свободный от идеологических штампов советского марксизма, но более взвешенный подход к интеллектуальному наследию Шпенглера. В 1987 г. в журнале «Социологические исследования» известный отечественный специалист по немецкой философии К.А. Свасьян публикует статью о социально-политической философии Шпенглера, в которой автор впервые в отечественной шпенглероведении попытался непредвзято рассмотреть политические взгляды автора «Заката Европы». В начале статьи Свасьян, несмотря на вышеупомянутые работы историков, утверждает, что «политическая доктрина Шпенглера в нашей литературе не рассматривалась»⁴⁷. Между тем, по мнению автора, среди профессиональных предпочтений Шпенглера, данная тематика имела первостепенное значение. Свасьян напоминает, что первоначальный замысел «Заката Европы» возник из политического очерка. В связи с этим, как пишет Свасьян, «анализ социальной философии Шпенглера приобретает принципиальное значение для понимания всего компендиума его воззрений»⁴⁸.

Свасьян подметил характерную деталь метода Шпенглера – идентифицировать любой тип мышления, в т.ч. научный, с идеологией, которая в итоге выражается в той или иной политической доктрине. Это значит, что мышление в любом, даже чистом виде, всегда политическое мышление, в какие бы одежды аполитичности оно ни рядилось. Отождествление в «Закате Европы» политики с жизнью стало, по мнению Свасьяна, своеобразной квинтэссенцией методологических воззрений Шпенглера, в которых вульгарный биологизм трансформируется в вульгарный социологизм⁴⁹. Характеризуя в целом политическую доктрину Шпенглера, Свасьян отмечает, что она не является оригинальной и содержит в себе общие места германского консерватизма и национализма того времени к тому же изрядно разбавленные романтикой, что вполне в духе немецкой интеллектуальной и политической традиции⁵⁰.

⁴⁵ Галкин 1989: 278.

⁴⁶ Там же: 279.

⁴⁷ Свасьян 1987: 125.

⁴⁸ Там же: 126.

⁴⁹ Там же: 128.

⁵⁰ Там же: 129.

В 1989 г. выходит монография известного философа и культуролога, специалиста в области западной философии культуры и философии техники XX столетия Г. М. Тавризян⁵¹. Монографию можно по праву считать отправной точкой начала постсоветского этапа изучения интеллектуального наследия Шпенглера в современной отечественной гуманитарной мысли. По словам Тавризян, проблема кризиса западной культуры одна из основных проблем современности. В духе идей перестройки автор утверждает, что марксизм никогда не говорил о тотальном упадке западной культуры, а наоборот призывал прогрессивные силы Запада к общекультурному диалогу в условиях, когда судьба различных культур человечества стала единой в условиях возможной глобальной катастрофы: ядерной, экологической и т. д. Поэтому, как полагает Тавризян, для советского обществоведения, изучение опыта анализа проблемы кризиса культуры в западной гуманитарной мысли является необходимым и важным элементом понимания духовных и общественно-политических процессов на современном Западе.

Одним из первых западных мыслителей, кто поднял проблему кризиса западной культуры, был, по мнению автора, «известный немецкий философ Освальд Шпенглер»⁵². Философия культуры Шпенглера представляет интерес, прежде всего тем, что его определение культуры отходит от узкоспециализированного ее понимания и объясняет ее в расширенном толковании, в котором «взаимодействует всё, все стороны общественной жизни: политика и художественная культура, техника и идеалы, государственное управление, военное дело и т.п.»⁵³. Помимо подхода к определению и пониманию культуры, важным моментом в интеллектуальном наследии Шпенглера, Тавризян считает, его инновации в поиске новой методологии исторического и культурологического исследования. «Идеи Шпенглера, часто – новаторские, у истоков современной ориентации исторической мысли там, где трудно ограничить сферу собственно исторической науки, где она смыкается с такими дисциплинами, как этнография, археология, лингвистика, история искусств, историческая психология, мифоведение и др.»⁵⁴. Однако, не все идеи Шпенглера, согласно автору, следует принимать, а принцип историзма автора «Заката Европы» отнюдь не лишен недостатков. Собственно говоря, задача книги, как ее видит Тавризян, выявить положительные и отрицательные моменты культурно-исторической концепции Шпенглера и сравнить ее с культурологической концепцией другого знаменитого современника автора «Заката Европы» голландского историка Й. Хейзинги, по мнению автора, второй ключевой фигуры «кризисного сознания» в европейской гуманитарной мысли межвоенного периода.

⁵¹ Тавризян 1989.

⁵² Тавризян 1989: 56.

⁵³ Там же: 12.

⁵⁴ Там же: 14.

Парадоксом рецепция интеллектуального наследия Шпенглера в советской гуманитарной мысли стало то, что, несмотря на ее достаточно радикальный теоретико-методологический инструментарий (вульгаризированный марксизм), она, в целом, прошла схожие этапы с западной гуманитарной мыслью XX столетия в восприятии этого неординарного представителя новейшей германской гуманитарной традиции. На первом этапе образовался узкий круг ценителей Шпенглера (философы «Серебряного века»), но, как и в европейской гуманитарной науке того времени, формирующаяся советская гуманитарная интеллигенция отвергла его идеи. Более того, в дальнейшем советские гуманитарии, как и большинство их западных коллег, напрямую связывали взгляды Шпенглера с национал-социализмом.

На втором этапе восприятия идей Шпенглера в советской гуманитарной мысли, во второй половине XX в., советские гуманитарии, хотя и с некоторым временным лагом от западной гуманитарной мысли, предприняли попытку, насколько это было возможно в условиях советской идеологической парадигмы, более беспристрастного рассмотрения его интеллектуального наследия. Характерно, что ряд поставленных проблем и выводы, которые сделали советские исследователи Шпенглера совпадали с основными трендами западного шпенглероведения. К их числу относятся: проблема витализма культурно-исторической концепции автора «Заката Европы» и ее иррационалистических основ; концепция античности, предложенная Шпенглером; посткласическая сущность его философии истории и культурологи; проблема идеологической обусловленности культурно-исторической концепции Шпенглера и ряд других.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аверинцев С. С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Новые идеи в философии: Ежегодник Философского общества СССР, 1991. М.: Наука, 1991. С. 183–203 [Averintsev S. S. «Morfologiya kul'tury» Osval'da Shpenglera // Novye idei v filosofii: Ezhegodnik Filosofskogo obshchestva SSSR, 1991. M.: Nauka, 1991. S. 183 – 203].
- Асмус В. Ф. Маркс и буржуазный историзм. М. – Л.: СОЦЭКГИЗ, 1933. 271 с. [Asmus V. F. Marks i burzhuaznyi istorizm. M. – L.: SOTsEKGIZ, 1933. 271 s.].
- Бердяев Н. А. Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922. М.: Астрель, 2007. 1179 с. [Berdyaev N. A. Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva. Publitsistika 1914 – 1922. M.: Astrel', 2007. 1179 s.].
- Бланк А. С. Из истории раннего фашизма в Германии. Организация. Идеология. Методы. М.: Мысль, 1978. 208 с. [Blank A. S. Iz istorii rannego fashizma v Germanii. Organizatsiya. Ideologiya. Metody. M.: Mysl', 1978. 208 s.].
- Гайденко П. П. Категория временив буржуазной европейской философии истории XX века // Философские проблемы исторической науки / Отв. ред. А. В. Гулыга, Ю. А. Левада. М.: Наука, 1969. С. 225–262 [Gaidenko P. P. Kategoriya vremeniv burzhuaznoi evropeiskoi filosofii istorii XX veka // Filosofskie problemy istoricheskoi nauki / Отв. ред. А. В. Гулыга, Ю. А. Левада. М.: Nauka, 1969. S. 225 – 262].
- Галкин А. А. Германский фашизм. 2. Изд. М.: Наука, 1989. 352 с. [Galkin A. A. German-skii fashizm. 2. Izd. M.: Nauka, 1989. 352 s.].
- Давыдов Ю. Н. Искусство и элита. М.: Искусство, 1966. 344 с. [Davydov Yu. N. Iskusstvo i elita. M.: Iskusstvo, 1966. 344 s.].

- Давыдов Ю. Н. Освальд Шпенглер и судьба романтического мирозерцания // Проблема романтизма. М.: Искусство, 1967. С. 229–303. [Давыдов Ю. Н. Освальд Шпенглер и судьба романтического мирозерцания // Проблема романтизма. М.: Искусство, 1967. С. 229–303].
- Давыдов Ю. Н. Шпенглер и война. (Историческое эстетство в свете современного опыта) // Вопросы литературы. 1983. №8. С. 76–113 [Davydov Yu. N. Shpengler i vojna. (Istoriosofskoe estetstvo v svete sovremennogo opyta) // Voprosy literatury. 1983. №8. S. 76–113].
- Давыдов Ю. Н. Биокосмическая мифологизация диалектики (О. Шпенглер) // Идеалистическая диалектика в XX столетии / ред. Ю. Н. Давыдов, М. Б. Митин. – М.: Наука, 1987. С. 228–270 [Davydov Yu. N. Biokosmicheskaya mifologizatsiya dialektiki (O. Shpengler) // Idealisticheskaya dialektika v XX stoletii / red. Yu. N. Davydov, M. B. Mitin. – M.: Nauka, 1987. S. 228 – 270].
- Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. (Критические очерки философии истории эпохи империализма). М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. 403 с. [Kon I. S. Filosofskii idealizm i krizis burzhuaznoi istoricheskoi mysl'i. (Kriticheskie ocherki filosofii istorii epokhi imperializma). M.: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1959. 403 s.].
- Конрад Н. И. О смысле истории // Н. И. Конрад Запад и Восток. Статьи. М.: Наука, 1972. С. 446–486 [Konrad N. I. O smysle istorii // N. I. Konrad Zapad i Vostok. Stat'i. M.: Nauka, 1972. S. 446 – 486].
- Маркарян Э. С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 656 с. [Markaryan E. S. Izbrannoe. Nauka o kulture i imperativy epokhi. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2014. 656 s.].
- Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии / Сост. А. А. Тахо-Годи; Общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханкова. М.: Мысль, 1993. 959 с. [Losev A. F. Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii / Sost. A. A. Takho-Godi; Obsch. red. A. A. Takho-Godi i I. I. Makhankova. M.: Mysl', 1993. 959 s.].
- Преображенский П. Освальд Шпенглер и крушение истины (Страница из истории гибели одной культуры) // Печать и революция. 1922. Книга 1 (4) Январь – март. С. 58–65 [Preobrazhenskii P. Osval'd Shpengler i krushenie istiny (Stranitsa iz istorii gibeli odnoi kul'tury) // Pechat' i revolyutsiya. 1922. Kniga 1 (4) Yanvar' – mart. S. 58 – 65].
- Преображенский П. «Закат» Европы и «восход» фашизма (По поводу книги О. Шпенглера «Годы решения» O. Sprengler, Jahre der Entscheidung, Munchen, 1933) // Историк-марксист. 1933. №6 (034). С. 153 – 156 [Preobrazhenskii P. «Zakat» Evropy i «voskhod» fashizma (Po povodu knigi O. Shpenglera «Gody resheniya» O. Sprengler, Jahre der Entscheidung, Munchen, 1933) // Istorik-marksist. 1933. №6 (034). S. 153 – 156].
- Свасьян К. А. Социально-философская и политическая доктрина О. Шпенглера // Социологические исследования. 1987. №11. – С. 125 – 133 [Svas'yan K. A. Sotsial'no-filosofskaya i politicheskaya doktrina O. Shpenglera // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1987. №11. – S. 125–133].
- Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб.: Издательство «Алетейя», Издательская группа «Прогресс – «Литера», 1994. 651 с. [Stepun F. Byvshee i nesbyvsheesya. SPB.: Izdatel'stvo «Aleteiya», Izdatel'skaya gruppa «Progress – «Litera», 1994. 651 s.].
- Тавризан Г. М. О. Шпенглер, Й. Хейзинга: две концепции кризиса культуры М.: Искусство, 1989. 272 с. [Tavrizyan G. M. O. Shpengler, I. Kheizinga: dve kontseptsii krizisa kul'tury M.: Iskusstvo, 1989. 272 s.].
- Тиме Г. А. Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков. СПб.: Нестор-История, 2011. 456 с. [Time G. A. Rossiya i Germaniya: filosofskii diskurs v russkoi literature XIX – XX vekov. SPb.: Nestor-Istoriya, 2011. 456 s.].
- Хренов Н. А. Незавершенный диалог: отношения России и Запада, какими они казались О. Шпенглеру в начале XX века (К столетию выхода книги О. Шпенглера «Закат Европы») // Философские письма. Русско-европейский диалог. 2019. Том (2), №1. С. 131–160. [Khrenov N. A. Nezavershennyi dialog: otноsheniya Rossii i Zapada, kakimi oni kazalis' O. Shpengleru v nachale KhKh veka (K stoletiyu vykhoda knigi O. Shpenglera «Zakat Evropy») // Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog. 2019. Tom (2), №1. S. 131–160.].

Чесноков Г. Д. Современная буржуазная философия истории. Критический очерк. Горький: Изд. Горьковского ун-та, 1972. 205 с. [Chesnokov, G. D. *Sovremennaya burzhuaznaya filosofiya istorii. Kriticheskoi очерk. Gor'kii: Izd. Gor'kovskogo un-ta, 1972. 205 s.*].

Ясперс К. Смысл и назначение истории. / Пер. с нем. М.: Издательство политической литературы, 1991. 527 с. [Yaspers K. *Smysl i naznachenie istorii. / Per. s nem. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1991. 527 s.*].

Терехов Олег Эдуардович, доктор исторических наук, профессор, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, terehov1968@mail.ru

Терехова Оксана Николаевна, кандидат исторических наук, доцент Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, oksanan1970@mail.ru

The Dialectic «The Decline of the West»: Reception of the Intellectual Heritage of Oswald Spengler in Soviet Humanitarian Thought

The article examines the perception of the intellectual heritage of the famous German philosopher of history and cultural critic of the XX century Oswald Spengler in Soviet humanitarian thought. The authors note that the interest in the cultural-historical and political concept of Spengler arose among Soviet humanitarians almost from the moment the first volume of his main work «The Decline of Europe» was published. The rigid opposition to the ideas of Spengler and his supporters in Soviet Russia from the point of view of historical materialism influenced, according to the authors, the formation of the theoretical and methodological foundations of Soviet humanitarian thought. However, as the authors emphasize, despite the critical assessment of the intellectual heritage of the author of «The Decline of Europe», Soviet humanitarian thought perceived Spengler as one of the significant representatives of Western «bourgeois» thought of the XX century.

Key words: *Oswald Spengler, «The Decline of the West», Soviet Humanitarian Thought.*

Oleg Terekhov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of World History and International Relations of the Kemerovo State University, Kemerovo, Russia. terehov1968@mail.ru

Oksana Terekhova, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of World History and International Relations of the Kemerovo State University, Kemerovo, Russia. oksanan1970@mail.ru

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ И ИЗДАТЕЛЬСТВО «ACADEMIA» В ПЕРВОЙ ПОЛ. 1930-Х ГГ.

В статье рассматривается деятельность издательства «Academia» в первой пол. 1930-х гг. Выявляется, как в предисловиях к художественным произведениям итальянского Ренессанса, написанных большевиками (руководителями издательства) и «старыми специалистами» (переводчиками и историками), издатели-большевики, оставаясь в рамках советского культурного проекта по созданию нового человека, меняют его идеологическую парадигму: от идеи преодоления истории через создание и овладение новым художественным стилем, опираясь на наследие прошлых веков, к утверждению советского общества в истории через систему художественных образов, переведенных и адаптированных к советской культуре.

Ключевые слова: Луначарский А.В., пролетарская культура, Каменев Л.Б., Дживилегов А.К., советская интеллигенция, издательство «Academia»

Первая половина 1930-х гг. представляет собой переходный период с точки зрения бытования идеологических конструктов. С одной стороны, в 1929 г. начались процессы, которые сформировали общество сталинской эпохи с характерными для него идеологемами стахановского движения, поиска вредителей, культа героя и т.д. С другой стороны, продолжалась реализация советского проекта 1920-х гг.: «новый человек». Его идеологи – В.А. Луначарский (1875–1933), Н.И. Бухарин (1888–1938), М. Горький (1868–1936) – стремились адаптировать его к изменившимся политическим обстоятельствам.

В этот период расцвел феномен советской межвоенной культуры – издательство «Academia» (1921–1937). Книжная продукция издательства, выпускающего шедевры мировой литературы, радикально отличалась формой и содержанием от советской книжной продукции того времени, что делало и продолжает делать книги «Academia» особо ценными для библиофилов. Это отличие породило в историографии второй пол. XX в. миф о «несвоевременности», «антагонистичности» издательства современной ему советской действительности¹. Однако архивные материалы, освещающие издание «мировой» художественной литературы в СССР 1920–1930-х гг.², свидетельствуют, что книги «Academia» были гармоничным элементом советского общества первой половины 1930-х гг. Рассмотренный под этим углом феномен «Academia» может открыть для исследователей советского межвоенного периода новые области. Исследования читательских практик большевиков³, под контролем и с санкции которых выходили книги «Academia», позволяют рассмотреть политику издательства в контексте проекта «новый

¹ Наиболее ярко эта позиция представлена в монографии: Крылов, Кичатова 2004.

² См., например, интернет-проект: История издательства 2021–2023.

³ Например, Слезкин 2019: 259 и далее.

человек»⁴, а также сделать вывод, что представления членов правящей партии об историческом процессе складывались, преимущественно, благодаря произведениям мировой литературы. Вообще, анализ вмешательства большевиков в эволюцию художественных форм – будь то литература или кинематограф, – позволяет проникнуть внутрь кажущегося монолита идеологии «социалистического строительства», выявить динамику развития магистральной линии идеологической политики партии, и побочных, отсеченных во второй пол. 1930-х гг., ветвей⁵.

Издательскую политику «Academia» определяли М. Горький и большевики, возглавляющие издательство (И.И. Ионов, Л.Б. Каменев и др.). Но и представители «старой» интеллигенции были полноценными членами редколлегии (А.К. Живелегов, А.М. Эфрос и др.)⁶. Принцип совместной работы отразился в предисловиях к некоторым изданиям «Academia»: они написаны и большевиками, и «старыми специалистами». Предисловия большевиков легитимизировали труды переводчиков в культурном пространстве эпохи социалистической реконструкции. Парные им предисловия историков и культурологов фундировали издания и создавали им амплуа вневременного «вызова» в пространстве постоянной актуальности, которое выделяло книги «Academia» из современной книжной продукции. Я предлагаю рассмотреть «парные» предисловия не оторванными друг от друга, не транслирующими противоположные послания, а выявить в них скрытый диалог, в котором большевики стремились вписать свою деятельность в мировой исторический процесс, а «старые специалисты», «попутчики», испытывали различные стратегии интеграции в новую советскую действительность.

В статье будут рассмотрены «парные» предисловия к произведениям эпохи Возрождения в Италии. На протяжении 1920-х гг. этот исторический период не входил в область внимания большевиков, всегда проявлявших пристальный интерес к истории и её законам, в особенности в «переходные» её периоды. Но в первой пол. 1930-х гг. итальянский Ренессанс вошел в основное русло исторических марксистских исследований, что было связано с запросом большевиков на историческую легитимацию культурной политики Коммунистической партии⁷.

Издательство «Academia» основали в 1921 г. члены философского общества при Петроградском университете, часть которых в 1922 г. покинула СССР. Издательство возглавил один из его основателей, А.А. Кроленко (1889–1970). В 1923 г. ему удалось прикрепить «Academia» к Государственному институту истории искусств (ГИИИ). С 1923 по 1929 гг. издательство, в основном, выпускало монографии и сборники

⁴ Об эволюции и актуализации понятия «мировая литература» в контексте советского культурного проекта и новых подходах см.: Богомолова 2020: 155–165.

⁵ Например, о появлении и развитии художественного метода соцреализма, а также о связи его с историческими представлениями большевиков см.: Кларк 2002.

⁶ Издательство «Academia» 1934: 40.

⁷ Кравцова 2021: 41–58.

статей, посвященные авангардному искусству, актуальным вопросам литературоведения, киноискусству, шахматам⁸. В 1927 г. в редсовет издательства вошел М. Горький⁹. Он инициировал новую серию: «Сокровища мировой литературы». Первой книгой серии стал «Декамерон» Джовани Бокаччо (1313–1375 г.), одно из произведений, открывающих эпоху Ренессанса в Италии.

В основе новой серии «Academia» лежала программа издательства «Всемирная литература» (1918–1924 г.). Основанное М. Горьким, А.Н. Тихоновым и З.И. Гржебиным в 1918 г., издательство специализировалось на избранных произведениях мировой литературы от XVIII до нач. XX вв., включая русских классиков¹⁰. Книжная продукция должна была стать частью эксперимента по созданию нового человека в Советской России¹¹. Книжки, кирпичики «культурного строительства», должны были издаваться за счет Народного комиссариата Просвещения (Наркомпроса), во главе которого стоял давний соратник М. Горького по фракции «Вперед» А.В. Луначарский. Заинтересованный не столько в книгах «Всемирной литературы», сколько в том, чтобы наладить отношения партии с Горьким¹², Луначарский в 1920 г. убеждал председателя ВСНХ А.И. Рыкова финансировать проект Горького и не строить ему препятствий в «совершенно невинной политической области, области подкармливания ученых... аполитичной культурной области»¹³. Однако в 1924 г. издательство потеряло самостоятельность, слившись с Государственным издательством РСФСР (ГИЗ), а в 1925 г. было распущено окончательно¹⁴. Редакторы и переводчики (А.Н. Тихонов, А.К. Джигелегов, А.М. Эфрос и др.) перешли в «Academia» и после 1927 г. участвовали в подготовке серии «Сокровища мировой литературы»¹⁵.

Закрытие «Всемирной литературы» совпало со стремительной политизацией области художественной литературы. Согласно резолюции ЦК ВКП(б) от 18 июня 1925 г.¹⁶ общество, достигнув определенного уровня благосостояния, вступило «в полосу культурной революции, которая составляет предпосылку дальнейшего движения к коммунистическому обществу»¹⁷. В обществе, все ещё сохраняющем признаки классового, фронт борьбы должен был переместиться в область художественной литературы, поскольку «в классовом обществе нет и не

⁸ Александр Александрович Кроленко 2011: 703–719.

⁹ Крылов, Кичатова 2004: 41–42.

¹⁰ Богомолова 2020: 157–158.

¹¹ Там же: 158.

¹² Хлебников 1971: 669.

¹³ Там же: 683.

¹⁴ Горький 2012: 507–509.

¹⁵ Александр Александрович Кроленко 2011: 711–712.

¹⁶ О политике партии 1930: 479–483.

¹⁷ Там же: 479.

может быть нейтрального искусства»¹⁸. При этом в текущий период диктатуры пролетариата правящий класс должен вести политику единения социума, вовлекать различные его слои в социалистическое строительство. Партия декларировала, что рабочий класс ориентируется в вопросах управления и идеологии, в политической борьбе, но мало компетентен в научно-технической сфере и лишен своей художественной культуры. Поэтому по отношению к «попутчикам» партия провозглашала путь «тактичного и бережного отношения», терпимости и сотрудничества, с целью мирно перетянуть высококвалифицированных специалистов на сторону «культурных сил коммунизма»¹⁹. В будущем специалистов «старой школы» должны были сменить марксисты, которых готовила Коммунистическая академия (1918–1936). В год выхода резолюции о политике партии в области художественной литературы Луначарский читал в Комакадемии курс, целью которого было научить бывших красных командиров и будущих политработников применять «классовую линзу» к западноевропейской художественной литературе, начиная от древнегреческой и заканчивая современной²⁰.

Разворачивая перед слушателями исторический процесс, отраженный в художественных произведениях различных эпох, Луначарский уделил пристальное внимание литературе эпохе Возрождения. Согласно Луначарскому, культура Ренессанса была создана «группой специалистов идеологии»²¹, гуманистической интеллигенцией. Эта социальная группа, истоки которой находились в эпохе Возрождения, выполняла социальный заказ молодого класса буржуазии. Культура Ренессанса помогала буржуазии бороться с классом-антагонистом, феодалами. Луначарский убеждал слушателей, что современную интеллигенцию необходимо перевести на службу пролетариату²².

Вопросы идеологии, её истории и действующих механизмов, находились в области пристального внимания Луначарского. В докладе «Наши задачи в области художественной литературы», который Луначарский читал осенью 1929 г. перед активом издательства «Земля и Фабрика» (ЗИФ), звучал призыв не пренебрегать марксистским анализом идеологических средств воздействия на массы, которые изобретали писатели прошлых переходных периодов: «Предшествующие нам в истории общества классы переживали различные этапы. На этапе первого осознания себя как общественной группы и носителя новых прогрессивных начал – класс полон свежих сил и стремления к захвату руководящих позиций во всех областях художественной жизни»²³.

Призыв искать в прошлом материал, который можно использовать

¹⁸ Там же: 479.

¹⁹ Там же: 481.

²⁰ Луначарский 1964: 7–366.

²¹ Там же: 87.

²² Кравцова 2021: 44.

²³ Луначарский 1929.

в текущей идеологической борьбе, совпал с преобразованием издательства «Academia» в государственное акционерное общество: издательство перешло в ведение Наркомпроса РСФСР. Учредителями стали Наркомпрос, ГИИИ и ЗИФ. 1 февраля 1929 г. издательство переехало в Москву, сохранив представительство в Ленинграде²⁴. А.А. Кроленко был отстранен от руководства «Academia». Началась полоса перестановок и реорганизаций, пока, при поддержке М. Горького, весной 1932 г. директором издательства не стал Л.Б. Каменев²⁵. Новый редсовет возглавил Горький. В него, согласно принципам резолюции ЦК ВКП(б) от 18 июня 1925 г., входили партийные деятели и чиновники (А.В. Луначарский, Л.Б. Каменев, И.Т. Смилга и др.), марксисты из Комакадемии (И.К. Луппол, В.П. Волгин и др.), «старые специалисты» (А.Н. Тихонов, А.К. Дживелегов, А.М. Эфрос и др.)²⁶. Этот совет, в более-менее постоянном составе, просуществовал до начала 1935 г.

Основной в обновленном издательстве должна была стать серия «Сокровища всемирной литературы», не ограниченная как «Всемирная литература» XVIII–XX вв., но охватывающая период от Античности до XX в. Для каждой серии создавался свой дизайн, над книгами работали выдающиеся художники-оформители, для печати использовалась высококачественная бумага; каждый перевод, сделанный высококлассным специалистом, снабжался предисловием и научно-справочным аппаратом²⁷. И настолько, насколько аполитичным был проект «Всемирная литература», настолько политизированна была новая «Academia».

«Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» Джорджо Вазари, историка XVI в., подготовили к изданию А.В. Луначарский, А.К. Дживелегов (1875–1952) и А.М. Эфрос (1888–1954), искусствовед, театровед и переводчик. Видный историк-позитивист и публицист, Дживелегов в дореволюционные годы специализировался на истории средневекового города. Исследования городской средневековой культуры вывели его на проблему истоков итальянского Ренессанса, изучению культуры которого он посвятил большую часть жизни. Предисловие Луначарского к «Жизнеописаниям» Д. Вазари учило читателя как адаптировать произведения эпохи Возрождения к текущей действительности. Предисловия Дживелегова и Эфроса, специалистов «старой школы», формировали представление об истоках гуманитарной интеллигенции, о её предназначении и стратегиях выживания в переходный период. Луначарский определял «Жизнеописание» как «идеологическое произведение», чтение которого обязательно для «культурного марксистского роста»²⁸. К идеологическим произведениям прошлого чита-

²⁴ Крылов, Кичатова 2004: 51–52.

²⁵ Крылов, Кичатова 2004: 63.

²⁶ Издательство «Academia» 1934: 40.

²⁷ Крылов, Кичатова 2004: 57.

²⁸ Вазари 1933: 8–9.

тель должен был применять социальный анализ, чтобы «правильно» оценить степень искажения, которую дает «классовая призма». Восстановив социальное место автора, можно было получить «тем более богатую, верную картину действительности»²⁹. Перед самостоятельной работой над материалом Луначарский настоятельно рекомендовал читателю обратиться к помощи предисловий, написанных переводчиками и комментаторами Дживелеговым и Эфросом³⁰.

Дживилегов ориентировал читателя в классовом анализе, выявлял социальное положение историка Вазари и объяснял особенности писания истории в XVI в. в Италии в период «феодалной реакции» после ранних успехов капитализма. Историки XVI в., все социально происходившие из буржуазии, больше всех теряли от происходящих перемен³¹. Интеллигенция XVI в., в основном пессимистичная, «не могла сразу помириться с новыми порядками, потому что классовым образом была либо слишком крепко связана со старым, либо недостаточно крепко с новым»³². Во времена Вазари, писал Дживелегов, история осмыслялась сквозь призму искусства, пропитывающего разговоры, культуру, так же как в «XVIII веке пропитывала культуру философия, в XIX веке – наука, в наше время – техника»³³. Получив «социальный заказ» от «итальянской интеллигенции» на создание биографий людей искусства итальянского Возрождения, Вазари оказался перед задачей создать систему исторических представлений своей эпохи, подвести итоги, обобщить исторический фундамент современного ему общества³⁴.

Однако Вазари не был свободным в своих высказываниях, он зависел от настоятельных «знающих и обладающих вкусом покровителей»³⁵. Более того, он не был свободен от истории, от её предопределенности. «Таково было требование момента», что «С конца XVI века литература и искусство поступают всюду в Европе на службу к монархическим дворам...»³⁶. Вазари был одним из первых, кто оторвался от своей буржуазной среды, перешел на сторону реакции и «показал, какими формулами можно довольно красиво оправдать эту реакцию»³⁷.

Эфрос развивал тезис Луначарского о том, что Вазари, постоянно колеблется между «идеалом яркого и сочного реализма и более или менее формального идеализма»³⁸. Опираясь на «социальный анализ» Дживелегова, Эфрос описывал стиль Вазари как переходный между поздним Ренессансом и ранним Маньеризмом: «Его противоречивость

²⁹ Там же: 9.

³⁰ Там же: 7–8.

³¹ Там же: 31.

³² Там же: 53.

³³ Там же: 18.

³⁴ Там же: 20.

³⁵ Там же: 27.

³⁶ Там же: 51.

³⁷ Там же: 54.

³⁸ Там же: 8.

дала ему больше исторических выгод, чем все другое. ... «*tempi nostri*», наши дни, она привлекает тем, что освещает Вазари, как он есть, в двойственности и единстве, сложности и простоте, – капитальным воплощением борьбы двух эпох, красочностью великого кризиса...»³⁹.

Таким образом, советская гуманитарная интеллигенция переходного периода, живущая в «техническую» эпоху, получала свое место в новой советской историографии, у неё появлялась историческая основа и предназначение: создавать идеологию по «социальному» запросу, оформлять в зависимости от требований покровителей систему исторических представлений, выражать их в стиле, определяющем эпоху.

Предисловия Луначарского и Дживелегова к «Фацетиям», сборнику коротких рассказов, написанных Поджо Браччолини в XIV в., описывают механику создания новой культуры в переходный период между формациями⁴⁰. Книга вышла после смерти Луначарского.

В открывающем предисловии он развивал концепцию эпохи Возрождения как фундамента, на котором было создано современное буржуазное общество. Он определял литературный стиль, созданный в то время, как реализм. Он утверждал, что общество, перерождаясь, пытается осознать самое себя, обращается к карнавалу, в игровой форме примеряет маски прошлого, соотнося себя с теми или иными образцами, диалектическими традициям настоящего. Отталкиваясь от этих образцов, новая культура диалектически выстраивает себя как противоположность традиционным основам и устоям. Поэтому культура эпохи Возрождения оформляется в двух стилях: реалистическом, отражающем жизнь как она есть, и классическом, подражающим античности. Строительство новой культуры производится новым социальным слем, интеллигенцией, по заказу молодой и полной сил буржуазии⁴¹.

Дживелегов, переводчик и комментатор «Фацетий», оживил схему, набросанную широкими мазками Луначарским, яркими историями-иллюстрациями о Браччолини и его круге, вписал его образ в общий контекст трансформации итальянского общества в период кватроченто. Проведя «социальный анализ» трактатов Поджо, Дживелегов пришел к выводу, что, выполняя «социальный заказ» крупной буржуазии⁴², Поджо сам стал частью этого социального слоя⁴³. Но «Фацетии», выполненные в литературном жанре городской новеллы, т. е. в новом стиле реализма⁴⁴, не содержат намеренной идеологии, искажающей оптику восприятия. Новеллы отражают действительность ярко, живо, антире-

³⁹ Там же: 96–97.

⁴⁰ Браччолини 1934.

⁴¹ Там же: 12–13.

⁴² «Капитал умел организовать обслуживание идеологического фронта. Кондотьеры нужны были ему не только на поле брани. Они были нужны и в литературе» (Там же: 42).

⁴³ Там же: 48.

⁴⁴ Там же: 52.

лигиозно. «Яркий противорелигиозный памфлет» будет полезен читателю, войдет «в идеологическое русло нашего сегодняшнего дня»⁴⁵.

Дживелегов утверждал, что гуманисты-интеллигенты, свободные от «рабского поклонения перед древними»⁴⁶, собирали античный материал, «чтобы, прилагая к нему новые методы, двигать науку»⁴⁷. Поджо Браччолини обращался к к образам прошлого чтобы подтвердить или проверить «формулы» отношения к миру, обществу и человеку, окружающих его в настоящем⁴⁸. Такой же возможностью обладал советский читатель, получивший «в почти неприкосновенном виде содержание, если не форму»⁴⁹ «Фацетий».

Луначарский и Дживелегов предлагали читателю с помощью книг «Academia» стать участником литературного «карнавала» и, может быть, примерить на себя маску «гуманиста-интеллигента». Однако современный читатель, руководствуясь марксистским методом, должен был идти дальше гуманистов эпохи Возрождения.

В 1933 г. Луначарский читал доклад на втором пленуме Оргкомитета Союза писателей о стиле, который должен был решить задачи культурной революции: социалистическом реализме⁵⁰. Луначарский начал с утверждения, что «во все времена искусство было одной из идеологических общественных надстроек, игравшей активную роль в борьбе классов»⁵¹, и закончил призывом к писателям следовать за знаменем, на котором «рукой т. Сталина начертано: «Борьба за науку и технику»»⁵².

История – предопределена, поэтому великий переворот, осуществляемый в Советском союзе, закономерен и неизбежен. Исторические процессы можно и нужно ускорять, незаменимым инструментом этого является реалистическое искусство. Созданный идеологами буржуазии «классический буржуазный реализм» в период «юности буржуазии»⁵³ описывал мир таким, какой он есть, в текущем моменте. Он несвободен от истории, потому что укоренен в настоящем моменте. Социалистический реализм, как и буржуазный, отражает действитель-

⁴⁵ Там же: 19.

⁴⁶ Там же: 29.

⁴⁷ Там же: 28.

⁴⁸ «Древность важна и нужна, потому что древние раньше нас думали о том же, о чем думаем теперь и мы, и помогут нам найти необходимую формулу. В этом её великая ценность. Но и только» (Там же: 32–33).

⁴⁹ Там же: 64.

⁵⁰ Луначарский 1938: 11–34.

⁵¹ Там же: 11.

⁵² «Мы, как всякий из вас понимает, являемся участком фронта, отрядом борцов за социализм. Над этим фронтом вьются знамена побед. На одном из знамен рукой т. Сталина начертано: «Борьба за науку и технику». ... Мы боремся за науку и технику для того, чтобы повысить уровень нашей специфической области [драматургии] и дать её на общую службу социализму» (Там же: 33–34).

⁵³ Там же: 12–13.

ность, но выходит из-под власти времени. Опираясь на марксистское знание о том, что историей движет классовая борьба, что «формации были неизбежными ступенями», по который шло общественное развитие «чтобы человечество вступило в царство свободы», социалистический реализм принимает действительность «как задание, как развитие»⁵⁴. Социалистический реалист соотносит себя с классовой силой и «определяет себя как активную силу, которая стремится к тому, чтобы процесс шел так, а не иначе. Он определяет себя как выражение исторического процесса, с одной стороны, а с другой стороны – как активную силу, которая определяет ход этого процесса»⁵⁵.

«Динамический реализм», действенное оружие социализма, одновременно, отражает и прошлое, с его несвободой, и настоящее, полное пламенной борьбы, и свободный мир будущего. Художник создает «идеологический центр, который стоял бы выше этой действительности, который подтягивал бы её вверх, который позволял бы заглядывать в будущее и этим ускорял бы темпы»⁵⁶. Социалистический реалист может и должен брать из прошлого подходящие символы и образы. Луначарский приводил пример с образом Прометея, который был создан античным автором Эсхилом. Его заимствовали и преобразовали высоко ценимые К. Марксом писатели И.В. Гёте и П.Б. Шелли⁵⁷.

В начале 1930-х гг. отбором «образов прошлого» занимался редсовет издательства. Книги, выходившие в «Academia», были своего рода базой «образов», к которой мог обратиться любой участник грандиозной трансформации общества, будь это писатель, техник, ученый или партработник. Но к 1934 г. в «Academia» сформировался новый подход: издательство не только предоставляло доступ к «сокровищам мировой литературы», перекладывая их на язык советской действительности, но и претендовало на то, чтобы выстроить образы в исторической последовательности, сформировать историософию. Задача эта реализовывалась при активной помощи и поддержке «старых специалистов».

Программная брошюра «Academia», созданная под редакцией Л.Б. Каменева и выпущенная в 1934 г. к XVII съезду ВКП(б), декларировала амбициозную цель на вторую пятилетку: книги издательства должны были стать для «нового человека социалистического общества» незаменимым инструментом познания истории, представляемой как «звенья» в цепи «долгой борьбы человеческого ума и воли за освобождение от тех пут, которые накладывало на него историческое развитие от рабства к социализму»⁵⁸. Но «Овладеть мировой культурой художественного слова и, критически усваивая её, поставить на службу социалисти-

⁵⁴ Там же: 15.

⁵⁵ Там же: 15–16.

⁵⁶ Там же: 18.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Издательство «Academia» 1934: 38.

ческому строительству»⁵⁹ было не так просто.

Строитель социализма должен был понимать, что литературное наследие прошлого необходимо для создания новой культуры, нового человека⁶⁰. Однако памятники, созданные в «чуждые нам эпохи человеческой истории», необходимо было перевести на язык новой действительности, снабдить понятийным аппаратом, чтобы «новый человек социалистической культуры» мог использовать произведения в «круговороте современной идейной борьбы»⁶¹. Поскольку «кадры молодых исследователей-марксистов-ленинцев» были ещё немногочисленны, а их «фактическая осведомленность» с «древними литературами» Востока, античности, средних веков «весьма мала»⁶², можно и нужно было пользоваться помощью «старых специалистов», историков, литературоведов, переводчиков⁶³.

Одним из замечательных примеров совместной работы большевиков и «старых специалистов» стал вышедший в 1934 г. первый том собраний сочинений Н. Макиавелли⁶⁴. Он содержал самое известное произведение Макиавелли, «Государь», над переводом которого работала целая команда переводчиков. Предисловия к изданию написали Каменев и Дживелегов. Одна из важнейших фигур эпохи Возрождения для большевиков, в 1920-е, в годы поиска новых путей развития советского государства, Макиавелли воспринимался как социолог, исследующий законы развития общества⁶⁵. В 1934 г., когда одной из основных обязанностей советского человека, коммуниста, была обязанность разбираться в международной и советской политике, он предстаёт в ипостаси политика-практика, первым описавшим законы политической борьбы. «Очищая» тексты Макиавелли от историографических искажений, Каменев, в открывающем предисловии, фокусировал внимание читателя на том, что Макиавелли, стоя около самого центра борьбы за власть, описывал механику «самой борьбы за власть в пределах узкой социальной группы, на переломе от феодализма к капитализму»⁶⁶. Не ограничиваясь описанием, он стремился непосредственно воздействовать на ход современных ему политических событий. Каменев выстраивал две историографические линии, диалектичные друг

⁵⁹ Там же: 6.

⁶⁰ Там же: 37.

⁶¹ «Вводя классические произведения чуждых нам эпох человеческой истории в круг внимания нового человека социалистической культуры, мы хотели бы дать последнему не только текст памятника, но и разъяснение его значения в истории человеческой мысли, роли в ходе общественной борьбы, ценности, которая заставляет нас снять этот памятник с полки истории и ввести его в круговорот современной идейной борьбы» (Там же: 9).

⁶² Там же: 11.

⁶³ Там же: 10–11.

⁶⁴ Макиавелли 1934.

⁶⁵ Кравцова 2021: 46–47.

⁶⁶ Каменев 2002: 503.

другу: одна – от власть имущих и зависящих от них, создавших Макиавелли репутацию нечестивого циника. Вторая вела от Фрэнсиса Бэкона к молодому Марксу, выписывающему цитаты из Макиавелли в тетрадь, где будет набрасываться «Коммунистический манифест». От Энгельса, поместившего Макиавелли в ряд «титанов Возрождения», «разрушителей феодальной культуры», до Ленина и Сталина, доведших до конца работу по «обнажению подлинной природы власти в классовом обществе»⁶⁷. Так флорентийский мыслитель XVI в. стал идейным предтечей советской политической повестки.

Пространное «Введение» авторства Дживелегова, настоятельно рекомендованное Каменевым к прочтению, начиналось с манипуляции: риторический прием экфрасис – словесное описание материального предмета – направляло эмоциональное восприятие читателем образа Макиавелли в определенное русло⁶⁸. Дживелегов и далее искусно манипулировал эмоциями и представлениями читателя. Например, он объяснял крайнее распутство Макиавелли тем, что Макиавелли сознательно опускался все ниже и ниже, чтобы из глубины падения творить великие вещи: «способен ли кто-нибудь после глубочайшего падения взлететь к солнцу... Только он...»⁶⁹.

Если Каменев выстраивал линию от Макиавелли к Сталину – то Дживелегов от Макиавелли к античным авторам. «Беседы» с ними, постоянная работа с античными текстами⁷⁰ позволила ему выйти за пределы своего времени – и отказаться от современных морали и этики. Это помогло провести объективный анализ современного ему общества. Будучи не только теоретиком, но и практиком, Макиавелли был готов идти на любые меры, совершать самые беспринципные поступки⁷¹, лить реки крови – все ради родины, Флоренции, и, в конечном счете, Италии, которой грозила гибель под напором иностранных захватчиков, если она не объединится волей Государя. Даже самые аморальные действия правителя оправданы, утверждал Дживилегов, если они ведут к созданию государства нового типа. Таким образом, Каменев задавал направление вектору читательской мысли вперед, в будущее: история создается посредством классовой борьбы, «от эпохи крушения феодализма до эпохи пролетарских революций»⁷². Дживелегов рисовал яркими красками картины прошлого, наполнял их эмоциями, создавая художественную иллюзию «как было на самом деле», подме-

⁶⁷ Там же: 504–506.

⁶⁸ Дживелегов 2002: 507–508.

⁶⁹ Там же: 523–524.

⁷⁰ Там же: 530.

⁷¹ «Макиавелли... чуял боевую атмосферу и понимал законы борьбы. Когда речь идет о чем-то очень важном, прежде всего... о родине, нужно иметь мужество пользоваться... средствами, которые обыкновенно считаются дурными, если невозможно добиться цели путями, которые обыкновенно одобряются» (Там же: 546–547).

⁷² Каменев 2002: 502.

няющую анонсированный исторический комментарий.

На кого ориентировались издатели книг? Кого они видели своими читателями? Думается, что, в первую очередь, новую советскую элиту и близкую к ней научно-техническую и творческую интеллигенцию. Книги «Academia» выдавались партработникам, проживающим в Доме правительства, по каталогу бесплатно⁷³. Руководители социалистической стройки получали выстроенную их представителями для них, в определенной последовательности, цепочку образов, свою символическую генеалогию, укореняя себя в конструирующемся в текущий момент прошлом. Переводчики, историки и редакторы «старой школы» наполняли символический фундамент фактами и эмоциями, объясняли необходимость обращаться к прошлому, чтобы создавать настоящее.

Но 1 декабря 1934 года в Ленинграде был убит С.М. Киров, после чего был запущен маховик репрессий. В 1935 г. были арестованы глава издательства Каменев, члены редакционного совета И.Т. Смилга, В.И. Невский. Были арестованы и переводчики «Academia», в частности, П.К. Губер (1886–1941). В 1936 г., в речи государственного обвинителя А.Я. Вышинского, произнесенной во время суда над т. н. «троцкистско-зиновьевским политическим центром» (19–24 августа 1936 г.), предисловие Каменева к «Государю» Н. Макиавелли рассматривалось как информационная бомба, заложенная в основание социалистического общества. Вышинский утверждал, что Каменев и Зиновьев, опирались в своих решениях на принципы политической борьбы, изложенные циником Макиавелли, развили их и модернизировали; подменили принципы марксизма принципами флорентийского политика XVI в.⁷⁴

В 1935 г. издательство получило прямое распоряжение из ЦК сократить до минимума вступительные статьи и комментарии. В это время во главе издательства стоял Я.Д. Янсон (1886–1938), революционер и партийный деятель. Янсон, в свою очередь, потребовал проверить и составителей комментариев и предисловий, и их тексты, привлекая для этого «наиболее квалифицированных литературных критиков, известных как марксистов, хорошо знающих литературу»⁷⁵. Впрочем, в 1937 г. Янсон был арестован, издательство Academia прекратило свое существование, слившись с Гослитгиздатом. Последние книги под издательской маркой «Academia» вышли в 1938 г.⁷⁶ В том же году был расстрелян его последний заведующий.

В 1920-е гг. партия большевиков, до 1917 г. радикальная и закрытая, находилась в поисках правил и законов государственного строительства. Большевики опирались на метод марксизма как на единственный инструмент, с помощью которого можно открыть универсальные

⁷³ Слезкин 2019: Слезкин 2019: 450.

⁷⁴ Вышинский 1955: 402–404.

⁷⁵ Крылов, Кичатова 2004: 135–136.

⁷⁶ Там же: 296.

законы развития общества. Эволюционное представление о предопределенности исторического процесса, заложенное в философскую систему, построенную Марксом и Энгельсом, давало некоторую опору и поддержку из прошлого в настоящем, когда большевики подвергали общество трансформации в СССР и готовились к мировой революции.

На рубеже 1920-х–1930-х гг. сложилось представление о художественной мировой литературе как сумме идеологий, которыми можно и нужно пользоваться в классовой и мировой борьбе, подвергнув её предварительной обработке марксизмом, чтобы «очистить» от искажений прошлого. Предисловия к книгам издательства «Academia», созданные в тесном сотрудничестве большевиками и «старыми специалистами», служили этой цели: шедевры мировой литературы вписывались в советский политико-идеологический дискурс, адаптировались к советскому мифу о новом человеке и интегрировались в строительство социализма. Адаптировались к советской культуре произведения итальянских мыслителей эпохи Возрождения. Ценность произведениям этого периода придавало представление, что именно тогда зародился класс буржуазии, с которым, в настоящем, в последнем противостоянии, сошелся класс пролетариата, чтобы прервать цикличность истории, завершить исторический процесс и освободить человечество.

Анализ предисловий к произведениям итальянского Ренессанса, изданным в «Academia», показывает, что в первой половине 1930-х гг. происходит смена подходов от восприятия мировой литературы как оружия в последней классовой борьбе и инструмента трансформации реальности, в контексте разрушительного импульса 1920-х, нацеленного на уничтожение прежних устоев, к упорядочиванию её образов в определенной исторической последовательности, к поиску исторических корней и традиций нового советского общества, в первую очередь, его новой элиты. И тот, и другой подходы формировались в тесном сотрудничестве большевиков-идеологов пролеткульта и представителей гуманитарной интеллигенции в издательстве «Academia». Однако короткий период, когда в издательстве предпринималась попытка осмысления исторического процесса через художественную литературу, был предан забвению. Репутация «Academia» как антагонистов советской культуре Сталинского периода была сформирована периодом репрессий второй пол. 1930-х, когда руководство издательства и близкие к элите переводчики, редакторы, писатели были уничтожены в репрессивных компаниях.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Александр Александрович Кроленко. Дневник за 1928 год. Предисловие, комментарий и публикация И.В. Дацюк / Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам. 2011. С. 683–791 [Aleksandr Aleksandrovich Krolenko. Dnevnik za 1928 god. Predislovie, kommentarii i publikatsiya I.V. Datsyuk / Instituty kul'tury Leningrada na perelome ot 1920-kh k 1930-m godam. 2011. S. 683–791].

- Богомолова А.В. Советская концепция «мировой литературы»: послереволюционная издательская практика и культурная политика 1930-х гг. // Новый филологический вестник. 2020. № 3. С. 155–165 [Bogomolova A.V. Sovetskaya kontseptsiya (mirovoy literature): poslerevolyucionnaya izdatel'skaya praktika i kul'turnaya politika 1930-kh gg. // Novyi filologicheskii vestnik. 2020. № 3. S. 155–165].
- Браччолини П. Фацетии / Пер. с лат., вступит. статья и коммент. А.К. Дживелегова. Предисл. А.В. Луначарского. М., Л.: Academia, 1934. [Brachcholini P. Fatsetii / Per. s lat., vstupit. stat'ya i komment. A.K. Dzhivelegova. Predisl. A.V. Lunacharskogo. M., L.: Academia, 1934].
- Вазари Д. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. 1 / ed. ир вступит. статья А.К. Дживелегова, А. Эфроса; предисл. А.В. Луначарского. М., Л.: Academia, 1933 [Vazari D. Zhizneopisaniya naibolee znamenitykh zhivopistsev, vayatelei i zodchikh. T. 1 / ed. ir vstupit. stat'ya A.K. Dzhivelegova, A. Efrasa; predisl. A.V. Lunacharskogo. M., L.: Academia, 1933].
- Вышинский А.Я. Дело троцкистско-зиновьевского политического центра / Он же. Судебные речи. М.: Госиздат, 1955. С. 382–424 [Vyshinskii A.Ya. Delo trotskistsko-zinov'evskogo politicheskogo tsentra / On zhe. Sudebnye rechi. M.: Gosizdat, 1955. S. 382–424].
- Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 томах. М.: Наука, 2012. Т. 15. [Gor'kii M. Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma v 24 toмах. M.: Nauka, 2012. T. 15.].
- Дживелегов А.К. Никколо Макиавелли / Макиавелли: pro et contra. Личность и творчество Николо Макиавелли в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / сост. В. Сапов. Спб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2002. С. 507–575 [Dzhivelegov A.K. Nikkolo Makiavelli / Makiavelli: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Nikolo Makiavelli v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei. Antologiya / sost. V. Sapov. Spb.: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo Gumanitarnogo Instituta, 2002. S. 507–575].
- Издательство «Academia» к XVII съезду ВКП(б). Задачи, перечень изданий. План / [Вступ. статья: Л. Каменев]. М., Л.: Academia, 1934. [Izdatel'stvo «Academia» k XVII s"ezdu VKP(b). Zadachi, perechen' izdaniy. Plan / [Vstup. stat'ya: L. Kamenev]. M., L.: Academia, 1934].
- История издательства «Всемирная литература» в документах: судьбы творческой интеллигенции России в постреволюционном пространстве сквозь призму издательского проекта Максима Горького // Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук [М., 2021–2023] [Istoriya izdatel'stva «Vsemirnaya literatura» v dokumentah: sud'by tvorcheskoy intelligencii Rossii v postrevolyucionnom prostranstve skvoz' prizmu izdatel'skogo proekta Maksima Gor'kogo // Institut mirovoj literatury im. A.M. Gor'kogo Rossijskoy akademii nauk [M., 2021–2023] URL: <http://vsemirka-doc.ru>
- Каменев Л.Б. Предисловие [к 1-му тому собрания сочинений Н. Макиавелли] / Макиавелли: pro et contra. Личность и творчество Николо Макиавелли в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / сост. В. Сапов. Спб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2002. С. 502–506 [Kamenev L.B. Predislovie [k 1-mu tomu sobraniya sochinenii N. Makiavelli] / Makiavelli: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Nikolo Makiavelli v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei. Antologiya / sost. V. Sapov. Spb.: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo Gumanitarnogo Instituta, 2002. S. 502–506].
- Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. [Klark K. Sovetskij roman: istoriya kak ritual. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2002]
- Крацова Е.С. Большевистская власть в поисках исторической легитимации: создание советской концепции эпохи Возрождения // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 41–58 [Kravtsova E.S. Bol'shevistskaya vlast' v poiskakh istoricheskoi legitimatsii: sozdanie sovetskoi kontseptsii epokhi Vozrozhdeniya // Istoricheskii kur'er. 2021. № 6 (20). S. 41–58]. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-03.pdf>.
- Крылов В.В., Кичатова Е.В. Издательство «Academia»: люди и книги. 1921–1938–1991 / под общ. ред. В.А. Попова. М.: Academia, 2004. 328 с. [Krylov V.V., Kichatova E.V. Izdatel'stvo Academia: lyudi i knigi. 1921–1938–1991 / pod obshch. red. V.A. Popova. M.: Academia, 2004. 328 s.].

- Луначарский А.В. История западноевропейской литературы в её важнейших моментах / Он же. Собрание сочинений в 8 т. М.: Художественная литература, 1964. Т. 4. С. 7–366 [Lunacharskii A.V. Istoriya zapadnoevropeiskoi literatury v ee vazhneishikh momentakh / On zhe. Sbranie sochinenii v 8 t. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1964. T. 4. S. 7–366].
- Луначарский А.В. Наши задачи в области художественной литературы (из доклада тов. А.В. Луначарского на издательском активе ЗИФ'а) // Литературная газета. 1929. № 28. С. 2 [Lunacharskii A.V. Nashi zadachi v oblasti khudozhestvennoi literatury (iz doklada tov. A.V. Lunacharskogo na izdatel'skom aktive ZIF'a) // Literaturnaya gazeta. 1929. № 28. S. 2].
- Луначарский А.В. Социалистический реализм / Он же. Статьи о театре и драматургии. М., Л.: Государственное издательство «Искусство», 1938. С. 11–34 [Lunacharskii A.V. Sotsialisticheskii realizm / On zhe. Stat'i o teatre i dramaturgii. M., L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Iskusstvo», 1938. S. 11–34].
- Макиавелли Н. Сочинения. Т. I / Пер. А.Г. Габричевского, А.К. Дживелегова, М.А. Петровского, М.С. Фельдштейна, С.В. Шервинского; Ред. и ст. А.К. Дживелегова; Ст. Л.Б. Каменева. М., Л.: Academia, 1934 [Makiavelli N. Sochineniya. T. I / Per. A.G. Gabrichevskogo, A.K. Dzhivelegova, M.A. Petrovskogo, M.S. Fel'dshteina, S.V. Shervinskogo; Red. i st. A.K. Dzhivelegova; St. L.B. Kameneva. M., L.: Academia, 1934].
- О политике партии в области художественной литературы (Резолюция ЦК ВКП(б) от 18 июня 1925 г.) // О культурном строительстве. М.: Работник просвещения, 1930. С. 479–483 [O politike partii v oblasti khudozhestvennoi literatury (Rezolyutsiya TsK VKP(b) ot 18 iyunya 1925 g.) // O kul'turnom stroitel'stve. M.: Rabotnik prosveshcheniya, 1930. S. 479–483].
- Слезкин Ю. Дом правительства. М.: Corpus. АСТ, 2019 [Slezkin Yu. Dom pravitel'stva. M.: Corpus. AST, 2019].
- Хлебников Л.М. Из истории горьковских издательств: «Всемирная литература» и «Издательство З.И. Гржебина» // Литературное наследство. Т. 80. М., 1971. С. 668–703 [Khlebnikov L.M. Iz istorii gor'kovskikh izdatel'stv: «Vsemirnaya literatura» i «Izdatel'stvo Z.I. Grzhebina» // Literaturnoe nasledstvo. T. 80. M., 1971. S. 668–703].

Елена Сергеевна Кравцова, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН; kravtsova.kes@gmail.com

Ideological Practices of Bolsheviks and the Publishing House "Academia" in the First Half of the 1930s

The article examines the activities of the publishing house "Academia" in the first half of the 1930s. It studies how in the prefaces to the Italian Renaissance's novels and treatises, written by Bolsheviks, the heads of the publishing house, and "old specialists", translators, historians, changed an ideological paradigm of the cultural project "a new soviet man": from the idea of overcoming history through the creation and mastering of a new artistic style, relying on the heritage of past centuries, to the affirmation of Soviet society in history through a system of artistic images, translated and adapted into the soviet culture.

Key words: Lunacharsky A.V., Proletarian Culture, Kamenev L.B., Dzhivelegov A.K., Soviet intelligentsia, the publishing house

Elena Kravtsova, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Sector of History of Social and Political Development, Institute of History SB RAS. kravtsova.kes@gmail.com

К ВОПРОСУ О «РЕЛИГИОЗНОСТИ» СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

В отечественной и зарубежной литературе распространено мнение о религиозной сущности марксизм-ленинизма. В статье на основе анализа основных аспектов этой идеологии сделан вывод, что она не обладала «религиозными» характеристиками из-за отсутствия у нее трансцендентных характеристик, а также неустойчивой догматичности и «сакрализации» вождей. Коммунистическая идеология и религия вполне совмещались в мировоззрении жителей СССР. Советские идеолого-политические практики так же не являлись «религией», а имевшиеся в них «религиозные мотивы» являлись подменой или заменой религиозных обрядов с целью формирования новой, советской идентичности.

Ключевые слова: СССР, коммунизм, марксизм-ленинизм, идеология, религия, культ личности, XX век.

Существует множество разных подходов к определению религии, однако среди исследователей есть консенсус, что она прежде всего включает веру в божественные или иные бесплотные существа¹ (т.е. имеет трансцендентные характеристики). В отечественной и зарубежной литературе распространено мнение, что коммунизм, марксизм-ленинизм, советская идеология² – это «религия»³ (и даже «наиболее оригинальная религия XX века»⁴) или «вера»⁵ (причем, «слепая, выходящая за рамки здравого смысла»⁶).

Исследователи приводят доводы, что коммунизм «подобно религии охватывает все сферы жизни»⁷, коммунисты считают революцию «актом творения нового мира»⁸, «обожествляют» пролетариат, «коллектив» и все человечество⁹, верят в «рай на земле»¹⁰, борются за «чистоту веры»¹¹, проявляют нетерпимость к иным верам¹², а также воспитывают кадры в «религиозном стиле»¹³. Кроме того, звучат аргументы о наличии в советской идеологии «тайнств», «иконостаза» (портреты вождей),

¹ Pals 2006: 13, 306.

² Обычно понимается как социально-политическое и философское учение о законах борьбы пролетариата за свержение капиталистического строя и построение коммунистического общества.

³ Островский 2010: 12; Ворохобов 2018: 369; и др.

⁴ Рыклин 2009: 30.

⁵ Мейснер 2000: 30; «Рассмотреть коммунизм как религиозное движение»: 21; Джонсон 2013: 16; Кейнс 2015: 55; Краус 2020: 322–323; и др.

⁶ Фирсов 2008: 391.

⁷ Коваль 1997: 152.

⁸ Бордюгов, Котеленец 2020: 123.

⁹ Сіоні 2020: 24, 29.

¹⁰ «Рассмотреть коммунизм как религиозное движение»: 21.

¹¹ Коваль 1997: 154.

¹² Смолкин 2021: 41.

¹³ The Changing Face of Western Communism 1980: 8.

«сонма пророков и мучеников»¹⁴, «благочестивого отношения к объектам культа»¹⁵, «обожествления» вождей¹⁶ («Святая Троица» – К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин¹⁷), «молитв» им, признания их трудов «священным писанием»¹⁸ («Евангелия от Маркса, Ленина и Сталина»¹⁹, включая «Краткий курс истории ВКП(б)»), которое коммунисты толкуют «как Библию или Коран»²⁰. Проводятся аналогии между «Моральным кодексом строителя коммунизма», принятым в СССР в 1961 г., и библейскими заповедями²¹. Иногда советскую идеологию оценивают и как «сатанинскую религию», «учение Антихриста», «язычество», «идолопоклонничество»²², подобие древнеегипетских, древнеримских и вавилонских культов²³. Ю.Л. Слезкин предлагает считать большевиков вариантом милленаристской секты²⁴. На наш взгляд, выводы о «религиозности» советской идеологии обусловлены стремлением объяснить силу ее воздействия на общественное сознание в СССР и других странах мира.

С другой стороны, советскую идеологию считают «квазирелигией»²⁵: «политической религией»²⁶ или «гражданской», «светской религией»²⁷ (называться которой марксизм имеет прав «больше, чем любая другая идеология»²⁸), либо рассматривают как «псевдорелигию», «лже-религию», «карикатуру на религию», «бессильное подражание полноценному прототипу, прежде всего христианству»²⁹.

В свою очередь, власти СССР всегда отрицали любую связь своей идеологии с религией³⁰ (последнюю В.И. Ленин, как известно, называл «одним из видов духовного гнета», «опиумом народа» и призывал бороться с ней). Революция для коммунистов была «торжеством разума»³¹, а не «веры», – недаром столпами советской идеологии являлось учение о «научном коммунизме», диалектический и исторический материализм. Считалось, что в СССР социализм и коммунизм превращен «из

¹⁴ Коваль 1997: 155–161; Черноперов 2018: 377.

¹⁵ Мейснер 2000: 58.

¹⁶ Великанова 2001: 45, 48.

¹⁷ До XX съезда КПСС в состав этой «группы» входил также И.В. Сталин.

¹⁸ Мейснер 2000: 31; Краус 2020: 326.

¹⁹ «Рассмотреть коммунизм как религиозное движение»: 21.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 38. Д. 169. Л. 123.

²¹ Фокин 2017: 66.

²² Lloyd 1938: 179; Нечаев 2018: 46.

²³ Коваль 1997: 164–165; Тумаркин 1997: 163; Мейснер 2000: 12–13, 73–74; Эннкер 2011: 396.

²⁴ Слезкин 2019: 117.

²⁵ Тиллих 1995: 399–400; Андреева 2010: 32; Сторчак 2012: 151; Пыжиков 2015: 380; Медушевский 2017: 440, 500; Сторчак 2019: 53–56.

²⁶ Страда 2005: 25.

²⁷ Тумаркин 1997: 238; Великанова 2001: 46–47; Рыклин 2009: 21, 27.

²⁸ Cioni 2020: 24.

²⁹ Мейснер 2000: 72; Митрофанов 2004: 290, 296; Рыклин 2009: 27–28; Мордовцева 2005: 86, 89.

³⁰ Коваль 1997: 153.

³¹ Рыклин 2009: 31.

утопии в науку»³². Активно внедрялся также «научный атеизм», направленный на «опровержение религиозных взглядов на мир и противопоставление им научной картины мира»³³ (сам В.И. Ленин в свое время дал указание: «Борьбу с религией поставить научнее»³⁴). В советской пропаганде марксизм был представлен воплощением таких качеств как рациональность, всемогущество человека и полный контроль его над своей судьбой, отсутствие страха. Религии же приписывали предрассудки, ложь, подчинение божественной воле, инертность, пассивность, смирение, страх и бедность³⁵. Идеологи давали отпор любым указаниям на тождественность моральных принципов коммунизма и религии, между которыми, как они заявляли, «не может быть ничего общего»³⁶.

Таким образом, в научно-политическом дискурсе не сложилось единого мнения по вопросу о «религиозности» советской идеологии, что обусловило актуальность темы исследования, тем более что и религия, и коммунистическая идеология продолжают играть значительную роль в жизни и исторической памяти российского общества.

Анализируя проблему, заявленную в теме данной статьи, следует сразу поддержать вывод, что советскую идеологию «религией» в общепринятом понимании этого термина считать нельзя³⁷, так как в ее содержании не было трансцендентной, сверхъестественной, «потусторонней» составляющей³⁸. Марксизм-ленинизм отрицал существование и Бога, и загробного мира, чем советские идеологи подчеркивали отличие своего учения от религии³⁹. Коммунизм, «светлое будущее» предполагалось построить в «этом мире»⁴⁰, силами человечества, вооруженного всемогуществом науки и техники⁴¹. Это был бы совершенно земной «рай», основанный на материальном благополучии каждого человека⁴².

Тем не менее, М.К. Рыклин, признавая, что коммунизм имел «принципиальную несовместимость с потусторонним воздаянием», считает, что в этой идеологии все же присутствовала своеобразная трансцендентность, т.к. «земной рай» «является более загадочным, чем потусторонние миры религий Книги»⁴³. В.М. Сторчак также утверждает о наличии «мистического» начала в советской идеологии⁴⁴. Однако, хотя «научность» диалектического, исторического материализма и дру-

³² Основы научного коммунизма 1967: 5; Пшедецкий 1974: 75.

³³ Основы научного атеизма 1962: 3.

³⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 12. Л. 5.

³⁵ Dragadze 1993: 151.

³⁶ Основы научного атеизма 1962: 354, 360.

³⁷ Рыклин 2009: 27; Van Ree 2016: 145.

³⁸ Страда 2005: 25–26; Кейнс 2015: 60; Van Ree 2016: 153; Cioni 2020: 24.

³⁹ Основы научного атеизма 1962: 355.

⁴⁰ Альвер 1918: 3.

⁴¹ Коваль 1997: 160.

⁴² Сторчак 2019: 44.

⁴³ Рыклин 2009: 31, 123.

⁴⁴ Сторчак 2019: 63–64.

гих советских идейных исканий весьма спорна, описание «светлого будущего», которое давали коммунисты, было вполне понятным с рациональной точки зрения. Следует согласиться, что в чем-то оно «выходило за рамки возможного»⁴⁵ и строилось на иллюзиях («утопичность» своих планов – точнее, грядущее воплощение «утопии» в жизнь – косвенно признавали сами большевики⁴⁶), но сами по себе иллюзорные и «утопические» воззрения – это еще не религия.

Отождествление каких-либо аспектов советской идеологии с «религиозными аналогами» следует признать неверным. Высказывание лидера Компартии Испании С. Каррильо, что коммунисты «говорили о Великой Октябрьской социалистической революции, как если бы это было наше Рождество»⁴⁷, всего лишь «поэтическое» сравнение. «Моральный кодекс строителя коммунизма» включал обычные представления людей о морали, доброте и справедливости (как писали советские идеологи, в нем были «приведены в стройную систему, зарегистрированы объективно сложившиеся в нашей жизни нормы поведения»⁴⁸).

Характерным признаком многих религий является наличие догм (догматов), т.е. обязательных вероучений сверхъестественного происхождения, не подлежащих изменению или критике. Среди ученых есть мнение, что советская идеология так же «отличалась крайней степенью догматизма и доктринальности»⁴⁹, и «религиозный характер» ее восприятия был обусловлен именно «интерпретацией ее как абсолютной истины, данности, существующей независимо от человеческих оценок»⁵⁰. Несомненно, некие «догмы» были даны в трудах Маркса, Энгельса и Ленина. Однако ход советской эпохи показал отсутствие неизменности и всеисильности многих марксистско-ленинских «догм». (Характерно, что советские идеологи вообще утверждали об отсутствии в марксизме-ленинизме каких-либо «догм»⁵¹.)

Во-первых, хотя в период правления И.В. Сталина непреложными «догмами» считались и его труды, они были в короткий срок и с относительной легкостью лишены статуса «догматичности» в процессе «де-сталинизации».

Во-вторых, руководители СССР и советские идеологи регулярно проявляли сомнения в «догмах», данных «основоположниками». Так, в мае 1941 г. в официальном органе ЦК ВКП(б) была опубликована составленная еще в 1934 г. записка Сталина «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”», в которой советский вождь обрушился на «классика марксизма» с критикой его высказываний о дореволюцион-

⁴⁵ Van Ree 2016: 161.

⁴⁶ Фриче 1919: 2.

⁴⁷ Triska 1977: 1.

⁴⁸ Основы научного атеизма 1962: 354.

⁴⁹ Сторчак 2019: 61.

⁵⁰ Великанова 2001: 47.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 38. Д. 169. Л. 124.

ной России⁵². В 1960-х гг. одним из наиболее острых вопросов советской идеологии стала проблема соответствия идей «основоположников» реалиям. Н.С. Хрущев на одном из совещаний в мае 1963 г. заявил, что в положениях К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина были «даны общие довольно четкие разработки, но... конкретности там, конечно, быть не могло»⁵³. Во второй половине того же десятилетия эта проблема была заявлена еще острее. Ведущий советский философ Г.Е. Глезерман объявил, что оценивать степень развития социализма нужно, опираясь на реально сложившиеся в середине XX в. условия, а не те, которые существовали во времена Маркса, Энгельса и Ленина. А.П. Бутенко и вовсе утверждал об изменении самого содержания социализма в ходе XX в.⁵⁴ В 1977 г. Л.И. Брежнев заявил, что во времена «классиков» марксизма-ленинизма «какими конкретно будут ступени» перехода от капитализма к коммунизму «знать наперед было нельзя»⁵⁵. Все это означало сомнения в «провидческих», прогностических потенциях марксизма-ленинизма, а значит – и в основополагающей «догме» о пути к коммунизму.

В-третьих, некоторые «догмы» менялись. Так, в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны руководство СССР отказалось от приоритета «пролетарского интернационализма» в пользу «державных» (или даже «великодержавных») идей. Особенности советской внешней политики в период правления Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева так же демонстрируют симбиоз «державности» и «коммунистических идеалов» с уклоном к приоритету первой.

Подгонка «догм» к реалиям происходила в процессе разработки концепции «развитого социализма» во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. Некоторые «ортодоксальные» коммунисты тогда сделали вывод, что введение понятия «развитой социализм» является «отступлением от принципиальных позиций марксизма-ленинизма»⁵⁶. Таким обвинениям советские идеологи были вынуждены давать отповедь⁵⁷.

Изменчивость «догм» ярко проявилась в самом главном аспекте советской идеологии – курсе на построение коммунизма в глобальном масштабе. В 1925 г. И.В. Сталин объявил о строительстве социализма «в одной, отдельно взятой стране», что означало фактический отказ от явно неудавшейся «мировой революции». Тем не менее, цель строительства коммунизма сохранялась – она была заявлена в 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) и конкретизирована в 1959 г., когда Н.С. Хрущев объявил, что коммунизм в СССР «будет в основном построен» к 1980 г.⁵⁸ Руководство Советского Союза провозгласило теперь «возможность строитель-

⁵² Сталин 1941: 3–5.

⁵³ Джалилов 2019: 39.

⁵⁴ РГАНИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 9. Л. 27; Ирибаджаков 1974: 405.

⁵⁵ Брежнев 1977: 4–5.

⁵⁶ Ирибаджаков 1974: 12–13.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 38. Д. 27. Л. 133–134, 136–137.

⁵⁸ При этом оговаривалось, что «полностью построение коммунистического общества завершится в последующий период».

ства коммунизма в одной стране»⁵⁹. Такой курс знаменовал еще один шаг прочь от «мировой революции». В период правления Л.И. Брежнева власти резко затормозили строительство коммунизма и в самом СССР – концепция «развитого социализма» отодвинула эту цель в далекое, необозримое будущее. Такие «догматические колебания», очевидно, позволили М.К. Рыклину сделать вывод, что на самом деле в СССР коммунизм вообще «никогда не строили»⁶⁰. «Колебания» проявились также относительно «догмы» о «диктатуре пролетариата». После революции было провозглашено, что Советский Союз – это «государство диктатуры рабочего класса». Но в дальнейшем власти постепенно отошли от этой формулы. Отказ от нее наметился в Конституции СССР 1936 г., был более явно артикулирован на XXI съезде КПСС в 1959 г. и закреплен в 1961 г. в новой программе партии⁶¹.

Советскую идеологию нельзя считать и «политической религией», так как последняя предполагает «обожествление мифической светской сущности»⁶² и может быть определена либо как особая форма религии, которая обосновывает политическое действие (это явно не относилось к марксизму-ленинизму), либо как форма идеологии, использующая апелляцию к потусторонним силам⁶³ (как мы выяснили, этого в советской идеологии так же не было). Следует согласиться с Э. ван Рее, который подвергает критике саму теорию «политической религии», так как ее «ахиллесовой пятой... является... предположение, что сакрализация [вождей] дает нам религию». Он подчеркивает, что в любом случае термин «политическая религия» не подходит для советской идеологии (как минимум в период правления И.В. Сталина), т.к. она не предполагала «обожествление» каких-либо людей⁶⁴.

Безусловно, в СССР был сформирован культ личности вождей – в первую очередь, В.И. Ленина и И.В. Сталина. В рамках него по отношению, например, к Ленину применяли «религиозные» эпитеты: «провидец», «бессмертный»⁶⁵, «апостол», а его образ, воплощенный в картинах и фотографиях, был развешан «подобно иконам в особо чтимых местах»⁶⁶. Внешне культ советских вождей мог походить на некое «религиозное поклонение». Недаром иностранцы, приезжавшие в СССР, задавались вопросом: «Не превратилось ли уважение к Ленину и его делам в сознании людей в своеобразную религию»⁶⁷.

Внешне этот культ мог напоминать «цареславие», характерное для дореволюционной России, однако в СССР он имел не религиозное, а

⁵⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 224. Л. 102.

⁶⁰ Рыклин 2009: 31.

⁶¹ Медушевский 2017: 629–630.

⁶² Cioni 2020: 28.

⁶³ Семедов 2009: 81.

⁶⁴ Van Ree 2016: 160–161.

⁶⁵ Тумаркин 1997: 70, 143, 153.

⁶⁶ Мордовцева 2005: 75, 86.

⁶⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 20. Л. 26.

политическое содержание, связанное с легитимацией большевистского режима⁶⁸. Персоны – объекты культа – «религиозными» не осознавались⁶⁹, а какие-либо «религиозные» атрибуты в практике публичного почитания вождей выступали лишь в качестве зримых аллегорий, используемых для упрочения культа⁷⁰. Это вполне объяснимо, т.к. по своему содержанию культ личности всегда священен, но воплощаться может в светских формах⁷¹, как это и было в СССР.

Причина формирования культа вождя очевидна – удержание власти и облегчение управления народом. Возникновение такого культа является естественным результатом функционирования однопартийной системы⁷². Западные ученые в сталинскую эпоху сделали вывод, что для выживания диктатуры в условиях XX в. она «должна быть триумфальным... доминированием одного набора идей, одной партии и одного лидера». Поэтому руководитель страны становится «почти мистическим символом власти, лидерства и национального величия»⁷³. Кроме того, «культ вождя» имеет свои основания в психологии как реализация глубокой потребности в идеализации, обожещении некоего «особенно-го человека». В почитании В.И. Ленина можно обнаружить пережитки древнеславянского культа предков и древнего культа героя⁷⁴.

В советской пропаганде использовались и другие имевшие «религиозную окраску» мотивы, с теми же утилитарными целями: «нельзя было не задействовать того, что неизбежно сработало бы»⁷⁵ для формирования необходимой властям направленности массового сознания. Поэтому плакаты и листовки первых лет советской власти отмечены очевидным влиянием религиозной тематики⁷⁶, а многие советские лозунги и термины опирались на широко известные библейские сюжеты и изречения («кто не работает, тот не ест», «кто не с нами, тот против нас», «кто ищет, тот всегда найдет», «миру – мир!», «заветы Ильича», «священная заповедь молодежи» и др.)⁷⁷ Годовщину Октябрьской революции советские пропагандисты именовали «Пасхой»⁷⁸. В 1923 г. в журнале «Прожектор» был опубликован рисунок в виде иконы под названием «Кирилл и Мефодий (Н. Бухарин и Е. Преображенский). Коммунистические святители»: оба советских деятеля – с нимбами и в церковных одеяниях – держат в руках книгу «Азбука коммунизма» как Библию⁷⁹.

⁶⁸ Эннкер 2011: 391, 396–397.

⁶⁹ Мейснер 2000: 13.

⁷⁰ Эннкер 2011: 394.

⁷¹ Мордовцева 2005: 85.

⁷² Заславский 2019: 46.

⁷³ Rousek 1947: 508, 512.

⁷⁴ Мордовцева 2005: 86–87, 89.

⁷⁵ Бордюгов, Котеленец 2020: 109.

⁷⁶ Мордовцева 2005: 75, 86.

⁷⁷ Жидкова 2012: 412; Кузьмина 2016: 23–25.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 9550. Оп. 5. Д. 872. Л. 1.

⁷⁹ Прожектор. 1923. № 1. С. 27.

В риторике чествования Ленина присутствовала фигуральная идея о воскресении («Ленин воскреснет в каждом рабочем, пришедшем в ряды РКП»), а в праздничной инсценировке Пролеткульта 1926 г. вождь фактически предстал в образе «Святой Троицы: как «отец», «сын» рабочего класса и «святой дух» Свободы⁸⁰. Таким образом пропагандисты искали подходы, доступные восприятию человека, воспитанного на Библии и «Житиях святых»⁸¹. Через апелляцию к религиозным мотивам малообразованные массы должны были легче понять тонкости марксистской науки⁸². Кроме того, употреблявшиеся в советской пропаганде «религиозные» термины и высказывания за многие века превратились в расхожие, «мирские» («апостол», «заветы» и пр.) и потеряли прямую связь с религией. Так, в 1967 г. Комитет по радиовещанию и телевидению СССР предлагал включить в программу празднеств, посвященных 50-летию Октябрьской революции, действие под названием «Песня песней Коммунизма» («совершенно новое, особое исполнение Интернационала солистами и хорами всех союзных республик») ⁸³. Очевидно, что авторы этой идеи не имели никакого намерения связать ее с библейской «Песней песней».

Целью властей СССР было конструирование у граждан страны советской идентичности. Но на практике она вполне могла совмещаться с религиозностью⁸⁴. Некоторые люди, поверившие в идеалы социализма, не собирались отказываться и от веры в Бога, считая эти убеждения не противоречащими друг другу. В конце 1918 г. в Москве была создана Христианско-социалистическая рабоче-крестьянская партия, устав которой гласил, что советская власть «является единственной формой государственного правления, при которой возможно... построение жизни на христианско-социальных началах»⁸⁵. В стране имела хождение «Христианская Марсельеза»⁸⁶, а в советской прессе публиковались воззвания от имени «сектантов-коммунистов» (евангелисты, толстовцы и др.), которые называли Ленина «верующим», служившим делу, «которому служил и Христос»⁸⁷. Особенно активно пропагандировалась идея о родстве коммунистической идеологии и буддийского учения⁸⁸.

На первых порах коммунисты не препятствовали этой тенденции – очевидно, чтобы не отталкивать от себя верующее большинство населения Советской России. В изданной в 1919 г. издательством ВЦИК брошюре «Социал-демократия и христианство» говорилось, что «истинный христианин... может и должен стать социал-демократом», и

⁸⁰ Малышева 2016: 32.

⁸¹ Тумаркин 1997: 71.

⁸² Van Ree 2016: 156.

⁸³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 28. Л. 105, 107.

⁸⁴ Шлихта 2014: 87.

⁸⁵ Нечасв 2018: 48.

⁸⁶ Новое Рождество Христово у народных трезвенников 1918: 6.

⁸⁷ Известия. 1924. 2 февраля. С. 7.

⁸⁸ См.: Сеницын 2012: 106–115.

«именно с христианской точки зрения социализм есть лучшая форма правления»⁸⁹. В мае 1921 г. В.И. Ленин дал указание «допустить, с рядом особо ограничит[ельных] условий, оставление в партии верующих, но заведомо честных и преданных коммунистов». В принятом тогда же постановлении пленума ЦК РКП(б) говорилось о наличии в стране «религиозных групп и сект, которые... являются прогрессивными и несут в себе зачатки коммунистического взгляда»⁹⁰. В 1923 г. была составлена брошюра о религиозных сектах, «близких коммунизму»⁹¹.

В том числе из-за того, что марксистская идеология усваивалась людьми через традиционно-христианские смыслы⁹², в массовом сознании части советских граждан происходило совмещение коммунизма и религии⁹³. Формировался образ Иисуса Христа как первого коммуниста и революционера⁹⁴, а советские вожди обретали качества «святых»⁹⁵. Люди, посещавшие мавзолей В.И. Ленина, видели аналогию усыпальницы вождя с Гробом Господним⁹⁶. Крестьяне на траурных собраниях требовали поминовения Ленина в церквях, крестились на его портрет⁹⁷. Некоторые люди пытались на Пасху добыть «десяточек крашенных яиц с портретами вождей и сырную пасху с буквами КИ (Коммунистический интернационал)»⁹⁸. Идея «общности» коммунистической идеологии и буддизма была открыто поддержана многими коммунистами и комсомольцами в Бурят-Монголии, Калмыкии, а также в МНР и Туве⁹⁹. Проявились также языческие мотивы – в народном творчестве встречалось изображение Ленина «как вождя, “равного облакам” и даже солнцу»¹⁰⁰. Совмещение коммунистических и религиозных убеждений у некоторых граждан СССР присутствовало и в последующие десятилетия. Так, в 1970-х гг. крещеный в православии ноосферолог с партбилетом в кармане не видел противоречия ни в одном из своих убеждений¹⁰¹.

Официальное совмещение идеологии и религии в СССР было невозможно. Практически все годы советской власти стране шла борьба с религией. Как писал Х. Джонсон, «коммунизм выступал как соперник христианства»¹⁰², но не как «религия», а как мировоззрение, что подчеркивалось, в частности, в постановлении пленума ЦК РКП(б) от 18 мая

⁸⁹ Альвер 1918: 4, 10, 16.

⁹⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 12. Л. 5, 7.

⁹¹ Протоколы Комиссии 2014: 58.

⁹² Шаповалова 2001: 14.

⁹³ Шаповалова 2003: 70–72.

⁹⁴ Нечаев 2018: 50.

⁹⁵ Шаповалова 2003: 81.

⁹⁶ Рыклин 2009: 18.

⁹⁷ Шаповалова 2003: 80.

⁹⁸ Соболева 2019: 21.

⁹⁹ См.: Сеницын 2012.

¹⁰⁰ Бордюгов, Котеленец 2020: 71.

¹⁰¹ Митрохин 2020: 73.

¹⁰² Джонсон 2013: 16.

1921 г.¹⁰³ Тем не менее, нельзя согласиться с выводом о «полной нетерпимости» советской идеологии «к другим конфессиям»¹⁰⁴. СССР не был атеистическим государством, и религия в нем никогда не была официально запрещена. В годы Гражданской войны антирелигиозная пропаганда была выборочной¹⁰⁵, а борьба с религией шла в основном в форме политического противостояния с Церковью и духовенством¹⁰⁶. Во второй половине 1920-х гг., в рамках форсирования строительства социализма в СССР, эта борьба многократно усилилась и перешла в репрессии в отношении священнослужителей и верующих-мирян. Но с началом Великой Отечественной войны в отношениях государства и традиционных конфессий наметилось потепление, которое в сентябре 1943 г. перешло в стратегический союз («конкордат») государства с РПЦ и другими конфессиями, который сохранился и после войны. В период правления Н.С. Хрущева давление на конфессии было усилено в связи с форсированием курса на строительство коммунизма. В брежневскую эпоху это давление несколько снизилось. Во время Перестройки антирелигиозная деятельность в СССР стала затухать, сойдя на нет к 1991 г. Таким образом, в отношениях между советской властью и конфессиями присутствовали и кризисы, и трагедии, но перманентной конфронтации не было. Большую часть времени у правящей компартии и религиозных структур так или иначе сохранялась возможность сосуществования.

В качестве одного из оснований для выводов о «религиозности» советской идеологии исследователи видят наличие схождения между ней (точнее – между советскими практиками) и конфессиями в праздниках, обрядах и пр. Однако причиной этого «схождения» была, наоборот, «антирелигиозная» составляющая советской идеологии – борьба с религиозными обрядами и праздниками¹⁰⁷, включавшая вытеснение, замещение религиозных практик советскими «конкурентами»¹⁰⁸. Партия пыталась сыграть на традиционном для России «обрядоверии», которое делало возможным перереформатирование массового сознания в СССР путем простого замещения обрядности.

Одной из форм такого замещения была *подмена* (новым, советским содержанием пытались наполнить, по сути, прежний церемониал¹⁰⁹). Вместо Рождества Христова были предложены «комсомольское рождество» и «красные елки»¹¹⁰. В декабре 1923 г. предписывалось использовать «комсомольское рождество» для «создания материалистического мировоззрения у рабочей молодежи»¹¹¹. Кроме того, праздновались

¹⁰³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 12. Л. 7.

¹⁰⁴ Пыжиков 2015: 380.

¹⁰⁵ Нечаев 2018: 50.

¹⁰⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 12. Л. 1, 6.

¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 6. Л. 107.

¹⁰⁸ Powell 1975: 66–67, 70; Тумаркин 1997: 217.

¹⁰⁹ Жидкова 2012: 412.

¹¹⁰ Соболева 2019: 24.

¹¹¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 9. Л. 184.

«коммунистическая», «комсомольская», «красная Пасха» и «день комсомольского Ильи»¹¹². На заседании Комиссии по отделению церкви от государства при ЦК ВКП(б) 29 мая 1929 г. рассматривался вопрос о переименовании Страстной пятницы в «безбожную»¹¹³.

В сфере обрядности вводились «красные крестины» («октябрины», «звездины»), которые были противопоставлены христианскому обряду крещения детей¹¹⁴ и имели множественные отсылки к нему¹¹⁵. В рамках обряда «красной свадьбы» брак молодых регистрировал секретарь комсомольской ячейки, вместо икон использовались портреты пролетарских вождей, а стол для регистрации был покрыт красной скатертью¹¹⁶. Вводились «красные похороны»¹¹⁷, а вместо крестного хода устраивали «красный ход». В государственных и партийных учреждениях, школах и т.д. появился «красный» или «ленинский уголок»¹¹⁸, идея которого восходила к «красному углу» русской избы, в котором помещались иконы¹¹⁹. Другой формой замещения была замена религиозных праздников и обрядов на новые, даты проведения которых выбирались с учетом их близости к церковным дням¹²⁰. Так, важная особенность Первой состояла в его близости и даже периодическом совпадении с Пасхой (одно из первых таких совпадений пришлось на 1921 г.)¹²¹. Празднование Нового года внедрялось как замена Рождеству Христову: они почти совпадали по времени, образ «Деда Мороза» напоминает св. Николая, а на вершине новогодней елки размещена красная звезда¹²² вместо Вифлеемской. Новоселье стало «аналогом» освящения дома, а день рождения — дня ангела¹²³. В начале 1920-х гг. некоторые активисты предлагали перенести выходной день на понедельник вместо принятого у христиан воскресенья¹²⁴. В 1931–1939 гг. в СССР была введена «шестидневная неделя» (рабочая пятидневка при шестом выходном дне), что существенно снизило значимость воскресенья как выходного дня.

Новая волна внедрения советских праздников и обрядов пришлась на время правления Хрущева и Брежнева¹²⁵, когда социалистическая обрядность вновь стала одним из важнейших средств борьбы с религией¹²⁶. Идеологи призывали принять «самые серьезные меры», чтобы

¹¹² Жидкова 2012: 411.

¹¹³ Протоколы Комиссии 2014: 266.

¹¹⁴ Руднев 1974: 20–21.

¹¹⁵ Жидкова 2012: 411–412.

¹¹⁶ Соболева 2019: 20.

¹¹⁷ Руднев 1974: 21.

¹¹⁸ Андреева 2010: 29.

¹¹⁹ Тумаркин 1997: 119.

¹²⁰ Соболева 2019: 24.

¹²¹ Шаповалов 2012: 45.

¹²² Powell 1975: 68–69.

¹²³ Жидкова 2012: 414.

¹²⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 12. Л. 90.

¹²⁵ Там же. Ф. 5. Оп. 59. Д. 24. Л. 125.

¹²⁶ Смолкин 2021: 351.

создать систему таких обрядов и «сеть... дворцов, которые... во всех отношениях и повсеместно превосходили [бы] церковь»¹²⁷. Открывались «дворцы бракосочетания», внедрялись новые праздники («Проводы русской зимы» как альтернатива Масленице, «Праздник русской березки» – Троицыну дню)¹²⁸ и обряды – например, «день совершеннолетия»¹²⁹ как аналог конфирмации в западных ветвях христианства¹³⁰. Еще одним аспектом замещения было внедрение новых, «советских» имен (Вилен, Вилор, Марлен и др.) взамен традиционных, имевших религиозные корни¹³¹. Кроме того, на разных этапах советской истории появлялись предложения ввести новый календарь¹³² – в первые послереволюционные годы использовалось летоисчисление от Октябрьской революции (параллельно с традиционным, от Рождества Христова).

Важным аспектом программы замещения религиозных объектов поклонения было создание некрополя на Красной площади в Москве (а также других аналогичных объектов). Хотя тело В.И. Ленина, помещенное в Мавзолей, воспринималось некоторыми людьми как «мощи»¹³³, на самом деле некрополь и Мавзолей не имели религиозного смысла. В решении превратить гробницу Ленина в святыню главную роль сыграли политические соображения¹³⁴ – обеспечить постоянное морально-политическое «присутствие» вождя¹³⁵ в жизни страны и всей планеты, дать людям возможность «приобщения к ленинскому бессмертию»¹³⁶, т.е. «бессмертию» его личности, идей, вклада в создание Советского государства и «светлое будущее» всего человечества. Некрополь на Красной площади обрел статус общенационального пантеона¹³⁷ (аналогичные объекты существуют во многих странах мира).

Еще одним доказательством нерелигиозного характера культа личности в СССР была склонность советской системы к «десакрализации», «развенчиванию» вождей разного ранга – причем, часто она производилась самими властями («аутодесакрализация»). Уже с середины 1920-х отмечался упадок «сакрализации» партии и ее вождей, который был обусловлен в том числе внутривнутрипартийной борьбой¹³⁸, снизившей авторитет руководства ВКП(б). «Сакральность» вождей наиболее резко снизилась после XX съезда партии (февраль 1956 г.), на котором Хрущев «развенчал» культ личности Сталина. Разрушение этого культа ста-

¹²⁷ РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 28. Л. 13.

¹²⁸ Жидкова 2012: 414.

¹²⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 24. Л. 123.

¹³⁰ Powell 1975: 74.

¹³¹ Мордовцева 2005: 86.

¹³² Фокин 2017: 129.

¹³³ Бордюгов, Котеленец 2020: 78, 80–81.

¹³⁴ Тумаркин 1997: 163.

¹³⁵ Эннкер 2011: 396.

¹³⁶ Мейснер 2000: 32.

¹³⁷ Бабайцев 2010: 108.

¹³⁸ Шаповалова 2003: 81.

ло одной из основных причин деградации всей системы легитимизации власти в Советском Союзе¹³⁹. Как писал А.С. Мейснер, «генсеки, сменявшие друг друга после Сталина... уже не несли на себе великой харизмы революционности»¹⁴⁰. Образ Ленина, который дольше всех сохранял «сакральность», тоже постепенно выхолащивался¹⁴¹, а к концу существования СССР претерпел «десакрализацию».

Можно ли считать советскую идеологию «гражданской (светской, секулярной) религией»? Во-первых, этот вопрос не имеет прямого отношения к оценке «религиозности» идеологии, т.к. «гражданская религия» – это не религия в истинном понимании, а, скорее, «культ государства»¹⁴². Во-вторых, исходя из парадигмы «гражданской религии», нет оснований как-то особо выделять советскую идеологию – согласно этой концепции, фактически, любая идеология имеет религиозный, квази-или псевдорелигиозный оттенок¹⁴³ (к «гражданским религиям» исследователи относят идеи и ритуалы Великой французской революции, «Третий рейх» в Германии, «Третий Рим» в дореволюционной России, а также государственную идеологию США¹⁴⁴).

Подытоживая результаты настоящего исследования, следует сделать вывод, что, во-первых, советская идеология не имела «религиозных» аспектов: в ней отсутствовала трансцендентная основа, имелись «проблемы» с догматичностью, в рамках культа вождей не происходило их обожествления (напротив, советская система имела тенденцию к «десакрализации» собственных лидеров). Милленаристские черты советской идеологии являли собой синтез традиционных представлений людей о «высшей справедливости» (пусть даже иллюзорных и утопических). Коммунистическая идеология и религия достаточно легко совмещались в мировоззрении людей, что подчеркивает нерелигиозность этой идеологии, т.к. быть адептом более чем одной религии всерьез вряд ли возможно. Кроме того, советская власть и традиционные конфессии демонстрировали возможность сосуществования.

Во-вторых, упущением многих исследований, посвященных проблеме «религиозности» советской идеологии, является смешение идеологии и идеолого-политических практик (пропаганда, праздники, обряды): то, что исследователи считают доказательством «религиозности» идеологии, чаще всего находят не в ней, а в этих практиках. Тем не менее, и советские практики тоже не являлись «религией». Имевшиеся в них «религиозные» мотивы не имели религиозного смысла, т.к. были либо манипулятивным инструментом воздействия на массовое сознание, либо употреблением внешне «религиозных» терминов и выраже-

¹³⁹ Андреева 2010: 32.

¹⁴⁰ Мейснер 2000: 72.

¹⁴¹ Эннкер 2011: 393.

¹⁴² Сторчак 2019: 379; Сторчак 2012: 150.

¹⁴³ Матц 1992: 134.

¹⁴⁴ Сторчак 2012: 153.

ний, которые давно утратили религиозность, либо сходством в обрядах, большинство из которых существовали в человеческом обществе с незапамятных времен и не были «изобретением» религии. Кроме того, «религиозные» мотивы советских практик имели конкретную антирелигиозную цель – замещение церковных обрядов и праздников с целью «советизации» массового сознания.

Наконец, изучение литературы по теме статьи показало, что имеющиеся концепции «квазирелигии» и «псевдорелигии» представляются еще не до конца доработанными, а также в чем-то пересекающимися. Несомненно, эти вопросы ждут дальнейшего исследования научным сообществом.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Альвер. Социал-демократия и христианство. М.: ВЦИК, 1918. 16 с. [Al'ver. Social-demokratiya i hristianstvo. M.: VCIK, 1918. 16 p.]
- Андреева Л.А. Православие и коммунистическая квазирелигия // Социосфера. 2010. № 4. С. 24–33. [Andreeva L.A. Pravoslavie i kommunisticheskaya kvazireligiya // Sociosfera. 2010. № 4. P. 24–33.]
- Бабайцев А.В. Некрополь на Красной площади: революционные воплощения традиционных символов // Человек. 2010. № 4. С. 108–123. [Babajcev A.V. Nekropol' na Krasnoj ploshchadi: revolyucionnye voploshcheniya tradicionnyh simbolov // Chelovek. 2010. № 4. P. 108–123.]
- Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Ленин: культ и антикульт в пространствах памяти, истории и культуры. М.: АИРО-XXI, 2020. 632 с. [Bordjugov G.A., Kotelenec E.A. Lenin: kul't i antikul't v prostranstvah pamjati, istorii i kul'tury. M.: AIRO-XXI, 2020. 632 p.]
- Брежнев Л.И. Исторический рубеж на пути к коммунизму. М.: Политиздат, 1977. 31 с. [Brezhnev L.I. Istoricheskij rubezh na puti k kommunizmu. M.: Politizdat, 1977. 31 p.]
- Великанова О. Образ Ленина в массовом восприятии советских людей по архивным материалам // Slavic Studies. Vol. 6. New York, 2001. 284 p. [Velikanova O. Obraz Lenina v massovom vospriyatii sovetskikh lyudej po arhivnym materialam // Slavic Studies. Vol. 6. New York, 2001. 284 p.]
- Ворохобов А.В. Коммунизм как религия в философии христианского реализма Райнхольда Нибура // Труды Нижегородской духовной семинарии. Т. 16. Нижний Новгород, 2018. С. 367–379. [Vorohobov A.V. Kommunizm kak religiya v filosofii hristianskogo realizma Rajnhol'da Nibura // Trudy Nizhegorodskoj duhovnoj seminarii. T. 16. Nizhnij Novgorod, 2018. P. 367–379.]
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). [Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF).]
- Джалитов Т.А. СССР и страны «народной демократии» в поисках новых форм организации мировой системы социализма: от роспуска Коминформа к реформе СЭВ. 1953–1964 гг. // «Мировая система социализма» и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х годов. М.: Весь мир, 2019. С. 13–43. [Dzhalitov T.A. SSSR i strany «narodnoj demokratii» v poiskah novyh form organizacii mirovoj sistemy socializma: ot rospuska Kominforma k reforme SEV. 1953–1964 gg. // «Mirovaya sistema socializma» i global'naya ekonomika v seredine 1950-h – seredine 1970-h godov. M.: Ves' mir, 2019. P. 13–43.]
- Джонсон Х. Христианство и Коммунизм. М.: Фонд «Неопалимая Купина», 2013. 136 с. [Dzhonson H. Hristianstvo i Kommunizm. M.: Fond «Neopalimaya Kupina», 2013. 136 p.]
- Жидкова Е. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №3–4. С. 408–429. [Zhidkova E. Sovetskaya grazhdanskaya obryadnost' kak al'ternativa obryadnosti religioznoj // Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2012. №3–4. P. 408–429.]
- Заславский В. От неосталинского государства до постсоветской России (1970–2000). СПб: Европейский университет, 2019. 456 с. [Zaslavskij V. Ot neostalinskogo gosudarstva do postsovetskoj Rossii (1970–2000). SPb: Evropejskij universitet, 2019. 456 p.]

- Ирибаджаков Н. Развитое социалистическое общество. М.: Прогресс, 1974. 406 с. [Iribadzhakov N. Razvitoe socialisticheskoe obshchestvo. M.: Progress, 1974. 406 p.]
- Кейнс Дж.М. Впечатления о Советской России. Должно ли государство управлять экономикой. М.: Алгоритм, 2015. 221 с. [Kejns Dzh.M. Vpechatleniya o Sovetskoj Rossii. Dolzhno li gosudarstvo upravlyat' ekonomikoj. M.: Algoritm, 2015. 221 p.]
- Коваль Т.Б. У развалин Вавилона (размышления христианина и вожде, мавзолея и коммунизме) // Мир России. 1997. № 4. С. 151–170. [Koval' T.B. U razvalin Vavilona (razmyshleniya hristianina i vozhdе, mavzolee i kommunizme) // Mir Rossii. 1997. № 4. P. 151–170.]
- Краус Т. Судьба идей в истории СССР и после... М.: Аквилон, 2020. 332 с. [Kraus T. Sud'ba idej v istorii SSSR i после... M.: Akvilon, 2020. 332 p.]
- Кузьмина Н.А. Христианские мотивы в советских лозунгах // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3. С. 22–27. [Kuz'mina N.A. Hristianskie motivy v sovetskix lozungah // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2016. № 3. P. 22–27.]
- Мальшева С. Красный Танатос: Некросимволизм советской культуры // Археология русской смерти. 2016. № 2. С. 22–47. [Malysheva S. Krasnyj Tanatos: Nekrosimvolizm sovetskoj kul'tury // Arheologiya russoj smerti. 2016. № 2. P. 22–47.]
- Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. Политические исследования. 1992. № 1-2. С. 130–142. [Matc U. Ideologii kak determinanta politiki v epohu moderna // Polis. Politicheskie issledovaniya. 1992. № 1-2. P. 130–142.]
- Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX в. М.—СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с. [Medushevskij A.N. Politicheskaya istoriya russoj revolyucii: normy, instituty, formy social'noj mobilizacii v XX v. M.—SPb: Centr gumanitarnykh iniciativ, 2017. 656 p.]
- Митрофанов Г. Россия XX века – «Восток Ксеркса» или «Восток Христа». Ростов-на-Дону: Троицкое Слово, 2004. 315 с. [Mitrofanov G. Rossiya XX veka – «Vostok Kserksa» ili «Vostok Hrista». Rostov-na-Donu: Troickoe Slovo, 2004. 315 p.]
- Мейснер А.С. Диалоги наедине. М.: Б.и., 2000. 132 с. [Mejsner A.S. Dialogi naedine. M.: B.i., 2000. 132 p.]
- Митрохин Н. Советская интеллигенция в поисках чуда: религиозность и паранаука в СССР в 1953–1985 годах // Новое литературное обозрение. 2020. № 3. С. 51–78. [Mitrohin N. Sovetskaya intelligenciya v poiskah chuda: religioznost' i paranauka v SSSR v 1953–1985 godah // Novoe literaturnoe obozrenie. 2020. № 3. P. 51–78.]
- Мордовцева Т.В. Светское и сакральное в культе личности Ленина // Философия права. 2005. № 3. С. 85–89. [Mordovceva T.V. Svetskoe i sakral'noe v kul'te lichnosti Lenina // Filosofiya prava. 2005. № 3. P. 85–89.]
- Нечаев М.Г. Христология по-большевистски в годы Гражданской войны на Урале // От «Авроры» до «философских пароходов»: Борьба с инакомыслием в первые годы Советской власти (1917–1920-е гг.): региональный аспект. Пермь: ПНИПУ, 2018. С. 30–53. [Nechaev M.G. Hristologiya po-bol'shevistski v gody Grazhdanskoj vojny na Urале // Ot «Avroru» do «filosofskih parohodov»: Bor'ba s inakomyслиem v pervye gody Sovetskoj vlasti (1917–1920-e gg.): regional'nyj aspekt. Perm': PNIPIU, 2018. P. 30–53.]
- Новое Рождество Христово у народных трезвенников. 25 декабря 1917 года. М.: Б. и., 1918. 8 с. [Novoe Rozhdestvo Hristovo u narodnyh trezvennikov. 25 dekabrja 1917 goda. M.: B. i., 1918. 8 p.]
- Основы научного атеизма / Под ред. И.П. Цамеряна и др. М.: Госполитиздат, 1962. 399 с. [Osnovy nauchnogo ateizma / Pod red. I.P. Cameryana i dr. M.: Gospolitizdat, 1962. 399 p.]
- Основы научного коммунизма. / Кол. авт. М.: Политиздат, 1967. 576 с. [Osnovy nauchnogo kommunizma. / Kol. avt. M.: Politizdat, 1967. 576 p.]
- Островский А.В. Кто поставил Горбачева? М.: Алгоритм-Эксмо, 2010. 544 с. [Ostrovskij A.V. Kto postavil Gorbacheva? M.: Algoritm-Eksmo, 2010. 544 p.]
- Протоколы Комиссии по отделению церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. М.: Издательство ПСТГУ, 2014. 371 с. [Protokoly Komissii po otdeleniyu cervki ot gosudarstva pri CK RKP(b)–VKP(b) (Antireligioznoj komissii). 1922–1929 gg. M.: Izdatel'stvo PSTGU, 2014. 371 p.]
- Пшедецкий М.И. Бессилие антикоммунистической «критики» научного коммунизма // Критика буржуазных концепций истории и политики КПСС. Л.: Лениздат, 1974. С. 73–91. [Pshedeckij M.I. Bessilie antikommunisticheskoj «kritiki» nauchnogo kommunizma // Kritika burzhuaznykh koncepcij istorii i politiki KPSS. L.: Lenizdat, 1974. P. 73–91.]

- Пыжиков А.В. Корни сталинского большевизма. М.: Аргументы недели, 2015. 384 с. [Pyzhikov A.V. Korni stalinskogo bol'shevizma. M.: Argumenty nedeli, 2015. 384 p.]
- «Рассмотреть коммунизм как религиозное движение»: Донесение американского посла в СССР У. Буллита 20 апреля 1936 г. // Клио. 2009. № 3. С. 18–26. [«Rassmotret' kommunizm kak religioznoe dvizhenie»: Donesenie amerikanskogo posla v SSSR U. Bullita 20 aprelya 1936 g. // Klio. 2009. № 3. P. 18–26.]
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). [Ros-sijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii (RGASPI).]
- Руднев В.А. Советские обычаи и обряды. Л.: Лениздат, 1974. 149 с. [Rudnev V.A. Sovetskije obychai i obryady. L.: Lenizdat, 1974. 149 p.]
- Рыклин М. Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 128 с. [Ryklin M. Kommunizm kak religiya: Intel'lektualy i Oktyabr'skaya revolyuciya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 128 s.]
- Семедов С.А. Политические религии // Власть. 2009. № 8. С. 81–83. [Semedov S.A. Politicheskie religii // Vlast'. 2009. № 8. P. 81–83.]
- Синицын Ф.Л. К истории возникновения теории общности буддийского учения и коммунистической идеологии // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 106–115. [Sinicyn F.L. K istorii vozniknoveniya teorii obshchnosti buddijskogo ucheniya i kommunisticheskoy ideologii // Voprosy filosofii. 2012. № 6. P. 106–115.]
- Слезкин Ю.Л. Дом правительства. Saga о русской революции. М.: АСТ, Corpus, 2019. 969 с. [Slezkin Yu.L. Dom pravitel'stva. Saga o russkoj revolyucii. M.: AST, Corpus, 2019. 969 p.]
- Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 552 с. [Smolkin V. Svyato mesto пусто ne byvaet: istoriya sovetского ateizma. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 552 p.]
- Соболева А.Н. «Осовечивание» религиозных праздников в 1920-е гг. // Вестник Бурятского государственного университета. 2019. № 3. С. 19–25. [Soboleva A.N. «Osovechivanie» religioznyh prazdnikov v 1920-e gg. // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 3. P. 19–25.]
- Сталин И.В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. № 9. С. 1–5. [Stalin I.V. O stat'e Engel'sa «Vneshnyaya politika russkogo carizma» // Bol'shevik. 1941. № 9. P. 1–5.]
- Сторчак В.М. Советская гражданская религия. М.: АТиСО, 2019. 398 с. [Storchak V.M. Sovetskaya grazhdanskaya religiya. M.: ATISO, 2019. 398 p.]
- Сторчак В.М. Теоретические проблемы интерпретации гражданской религии // Религиоведение. 2012. № 4. С. 147–157. [Storchak V.M. Teoreticheskie problemy interpretacii grazhdanskoj religii // Religiovedenie. 2012. № 4. P. 147–157.]
- Страда В. Размышления о «политических религиях» XX века // Посев. 2005. № 6. С. 24–27. [Strada V. Razmyshleniya o «politicheskikh religiyah» XX veka // Posev. 2005. № 6. P. 24–27.]
- Тиллих П. Теология культуры. М.: Юрист, 1995. 479 с. [Tillih P. Teologiya kul'tury. M.: Yurist, 1995. 479 p.]
- Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб: Академический проект, 1997. 285 с. [Tumarkin N. Lenin zhit! Kul't Lenina v Sovetskoj Rossii. SPb: Akademicheskij proekt, 1997. 285 p.]
- Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики. СПб: Европейский университет, 2008. 543 с. [Firsov B.M. Raznomyslie v SSSR. 1940–1960-e gody: Istoriya, teoriya i praktiki. SPb: Evropejskij universitet, 2008. 543 p.]
- Фокин А.А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950-1960-х годов. М.: РОССПЭН, 2017. 221 с. [Fokin A.A. «Kommunizm ne za gorami». Obrazy budushchego u vlasti i naseleniya SSSR na rubezhe 1950-1960-h godov. M.: ROSSPEN, 2017. 221 p.]
- Фриче В. Картины земного рая. М.: Гос. изд-во, 1919. 20 с. [Friche V. Kartiny zemnogo raya. M.: Gos. izd-vo, 1919. 20 p.]
- Черноперов В.Л. Большевизм как государственная квазирелигия // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Иваново, 2018. С. 374–379. [Chernopero-rov V.L. Bol'shevizm kak gosudarstvennaya kvazireligiya // Gosudarstvo, obshchestvo, cerkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov. Ivanovo, 2018. P. 374–379.]

- Шаповалов С.Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918–1930-е гг. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2012. 125 с. [Shapovalov S.N. Genesis sovetskikh gosudarstvennykh prazdnikov na Kubani v 1918–1930-e gg. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2012. 125 p.]
- Шаповалова Н.Е. Коммунистическая перспектива в представлениях крестьян европейской части России (1921–1927 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МПГУ, 2001. 20 с. [Shapovalova N.E. Kommunisticheskaya perspektiva v predstavleniyah krest'yan evropejskoj chasti Rossii (1921–1927 gg.): Avtoref. dis. kand. ist. nauk. M.: MPGU, 2001. 20 p.]
- Шаповалова Н.Е. Элементы сакрального в обыденном сознании человека, становящегося советским (на примере крестьянства 1920-х гг.) // Советский человек: генезис, эволюция, развитие: Сб. ст. Армавир, 2003. С. 64–84. [Shapovalova N.E. Elementy sakral'nogo v obydennom soznanii cheloveka, stanovyashchegosya sovetskim (na primere krest'yanstva 1920-h gg.) // Sovetskij chelovek: genезis, evolyuciya, razvitiye: Sb. st. Armavir, 2003. P. 64–84.]
- Шлихта Н. «Православный» и «советский»: к вопросу об идентичности верующих советских граждан (1940-е – начало 1970-х гг.) // Антропологический форум. 2014. № 23. С. 82–107. [Shlihta N. «Pravoslavnyj» i «sovetskij»: k voprosu ob identichnosti veruyushchih sovetskikh grazhdan (1940-e – nachalo 1970-h gg.) // Antropologicheskij forum. 2014. № 23. P. 82–107.]
- Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М.: РОССПЭН, 2011. 437 с. [Ennker B. Formirovanie kul'ta Lenina v Sovetskom Soyuze. M.: ROSSPEN, 2011. 437 p.]
- Энциклопедический словарь социологии религии. СПб: Платоновское философское общество, 2017. 505 с. [Enciklopedicheskij slovar' sociologii religii. SPb: Platonovskoe filosofskoe obshchestvo, 2017. 505 p.]
- Cioni P. The God that Failed: Communism as Secular Religion from Maxim Gorky to Arthur Köstler // ЭНОЖ «История». 2020. Вып. 8.
- Dragadze, Tamara. The Domestication of Religion under Soviet Communism // Socialism: Ideas, Ideologies, and Local Practice. London – New York: Routledge, 1993. P. 148–157.
- Lloyd, Roger. Revolutionary Religion: Christianity, Fascism, and Communism. London: Student Christian Movement Press, 1938. 191 p.
- Pals, Daniel L. Eight Theories of Religion. New York; Oxford: Oxford U. P., 2006. 340 p.
- Powell, David E. Antireligious Propaganda in the Soviet Union: A Study of Mass Persuasion. Cambridge, Ma; London: MIT Press, 1975. 206 p.
- Roucek, Joseph S., and Associates. Social Control. New York: Van Nostrand, 1947. 584 p.
- The Changing Face of Western Communism. London: Croom Helm, 1980. 286 p.
- Triska, Jan F. Diversity in Unity: Eurocommunism and the Soviet Union. Stanford: Wilson Center, Kennan Institute for Advanced Russian Studies, 1977. 47 p.
- Van Ree, Erik. Stalinist Ritual and Belief System: Reflections on “Political Religion” // Politics, Religion & Ideology. 2016. Vol. 17. Issue 2-3. P. 143–161.

Синицын Фёдор Леонидович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, permcavt@gmail.com

On the Question of the ‘Religiosity’ of Soviet Ideology

There is a widespread opinion in Russian and foreign literature about the religious essence of Marxism-Leninism. Based on the analysis of the main aspects of this ideology, the article concludes that it did not have ‘religious’ characteristics due to its lack of transcendent characteristics, as well as of unstable dogmatism and ‘sacralization’ of leaders. Communist ideology and religion were completely combined in the worldview of the inhabitants of the USSR. Soviet ideological and political practices were also not a ‘religion’, and the ‘religious motives’ that existed in them were a substitution or replacement of religious rites in order to form a new, Soviet identity.

Keywords: USSR, Communism, Marxism-Leninism, Ideology, Religion, Cult of Personality, 20th Century.

Fedor L. Sinitsyn, Dr. Habil. (History), Assistant Professor, Leading Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, permcavt@gmail.com

Д.А. ЛЯПИН

ПРОШЛОЕ ГЛАЗАМИ САМОЗВАНЦА: РУССКАЯ СМУТА В СТИХОТВОРЕНИИ ЛЖЕ-ШУЙСКОГО

Формирование образа прошлого в общественном историческом сознании всегда тесно связано с государственной политикой. Для России периода правления первых Романовых эта проблема имела особую актуальность в отношении Смутного времени – гражданской войны и внутреннего кризиса, приведшего к воцарению новой династии. К середине XVII в. благодаря памятникам публицистики и официальным летописям сформировались общие представления о данных событиях, закрепившиеся впоследствии в историографии. В этой связи вызывает интерес иная, оригинальная трактовка русской Смуты, которая принадлежит самозванцу Лже-Шуйскому (Тимофею Акиндинову). Он изложил свои взгляды в поэтическом цикле «Декларации Московскому посольству» 1646 г. Одно из его стихотворений, вошедших в данную Декларацию, посвящено истории Филарета Романова – якобы главного виновника случившейся в России катастрофы.

Ключевые слова: Тимофей Акиндинов, Смутное время, Романовы, Филарет, царь Михаил Федорович, государственная идеология, историческое сознание

Неординарная личность самозванца Тимофея Дементьевича Акиндинова (Анкундинова), выдававшего себя за сына царя Василия Ивановича Шуйского (годы правления 1606–1610 г.), традиционно привлекает внимание исследователей. Он был героем не только солидных научных работ, но даже авантюрного исторического романа¹. Его смелые попытки выдать себя за наследника московского трона нашли отражение в целом комплексе документальных материалов². При этом поэтический талант Акиндинова заставил ученых признать его одним из самых видных русских стихотворцев XVII в.³ В этой связи анализу различных аспектов литературного наследия Акиндинова посвящена серия научных статей, где затрагиваются лингвистические особенности созданных им поэтических произведений⁴.

Наиболее концептуальный подход к личности Тимофея Акиндинова был предложен английской исследовательницей М. Перри. В обобщающей статье о легитимности царя и самозванцев она отнесла его к типу «между династических самозванцев», оспаривавших законность правящей династии в России⁵. В другой своей работе она специально рассмотрела личность и деятельность Акиндинова, обозначив его место и значение в общем ряду русских самозванцев⁶.

¹ Соловьев 2001: 743-752; Трубочев 1900; Ингерфлом 2021: 122; Белязин 1988.

² Европейский авантюрист из Московии / Под ред. Дюлы Свака. Budapest, 2011: 148.

³ Панченко 1990

⁴ Сквайрс, Григорьева 2002; Дубовик 2003; Борисова 2010.

⁵ Перри 2010: 79.

⁶ Perry 2012.

В центре внимания настоящей статьи – одно из стихотворений Лже-Шуйского, вошедшее в поэтическую декларацию московскому посольству 1646 года «На Филарета митрополита»⁷. До сих пор этот текст не был предметом отдельного внимания, хотя содержит интересные авторские рассуждения о причинах разразившейся в начале XVII века гражданской войны – теме весьма актуальной для России времени правления первых Романовых.

Несомненно, Смутное время, крупнейший политический и социальный кризис государства, произвело огромное впечатление на современников, вызвав понятное стремление осмыслить случившееся, понять причины произошедшей катастрофы. Очень быстро в России появляется сразу несколько произведений на эту тему. Такие авторы, как Авраамий Палицын, Иван Тимофеев, Семен Шаховской и Иван Хворостинин пытались не только описать памятные им события, но и извлечь уроки, понятные своим потенциальным читателям⁸.

Свое место в описании обрушившихся на страну бедствий начала XVII в. занимала и официальная, государственная трактовка. Она отталкивалась от канонизации в 1606 г. царевича Дмитрия комиссией во главе с митрополитом ростовским Филаретом Романовым (будущим патриархом) по приказу только что занявшего трон Василия Шуйского. Вслед за тем последовало создание иконописного образа царевича и его жития с акцентом на трагической гибели в Угличе в 1591 г. Очевидно, что цель этого политического шага заключалась в попытке дискредитации самозванцев, действовавших под именем покойного сына Ивана Грозного⁹. Но эта канонизация в угоду моменту не дала нужного эффекта: поддержка приехавшего в Россию Лжедмитрия II была все равно достаточно высокой, особенно на фоне падения популярности нового московского царя Василия Шуйского. После 1613 г. история о святом царевиче Дмитрие Углицком стала одной из важных составляющих интерпретации событий в памятниках, посвященных Смутному времени. Она особенно подчеркивала властолюбие Бориса Годунова, решившегося на убийство невинного ребенка ради восхождения на московский трон. В итоге Смута уже тогда официально представлялась как Божье наказание русского народа за грехи – вполне традиционное христианское понимание любого бедствия в истории.

Наиболее яркое воплощение официальная трактовка смутных лет нашла в Новом летописце (ок. 1632) и Летописи о многих мятежах (ок. 1655). Согласно их версии, святой царевич Дмитрий пал жертвой годовских амбиций. Народ, зная об этом преступлении, молчаливо принял власть злодея. Тогда коварный дьявол послал на Русь Гришку Отрепьева, чтобы покарать ее жителей за грехи. Он целый год терзал страну,

⁷ Тимофей Акундинов. Декларация московскому посольству // Русская силлабическая поэзия XVII-XVIII вв. М., 1970: 85-90.

⁸ Платонов 1888; Солодкин 2009; Антонов 2009.

⁹ Ульяновский 2006: 377.

пока москвичи не убили его. Спасение России оказалось в руках Василия Шуйского, но того свергли с престола зазнавшиеся мятежники и «воры». Тогда Филарет Романов («муж святой жизни»)¹⁰ выступил в роли защитника национальных интересов, но оказался в плену у коварных поляков, задумавших завоевание России и истребление православной веры. Но Божьим промыслом Москва была спасена: народное ополчение освободило столицу, положив начало всеобщему примирению и изгнанию врагов из русской земли. Но люди не забыли заслуг Филарета и в 1613 г. на царство был избран его единственный сын Михаил.

К середине XVII в. эта трактовка событий окончательно оформилась. Со временем именно она стала основой для научной историографии и произведений художественной литературы, сформировав устойчивую традицию изображения героев и их действий, с весьма характерными коннотациями и аллюзиями¹¹.

В этой связи представляет особый интерес взгляд на историю Смуты самозванца Тимофея Акиндинова как человека, покинувшего Россию и находящегося в числе противников династии Романовых¹². Этот искатель приключений родился в Вологде примерно в 1617 г. в семье зажиточного стрельца. Рано проявив склонность к обучению, он отправился в Москву и устроился работать писцом к влиятельному князю Я.К. Черкасскому, а также служил в различных столичных приказах. В 1643 г. Акиндинов бежал в Европу, где стал выдавать себя за прямого наследника русского царя Василия Шуйского. Под этим именем он жил в Польше, а также посетил Венецию, Рим, где встречался с Папой, побывал в Молдавии и Стамбуле. Реальной поддержки вологодскому самозванцу нигде получить не удалось, и, в конце концов, он был выдан шлезвиг-гольштейнским герцогом Фридрихом III царю Алексею Михайловичу в 1653 г. Тогда же Лже-Шуйского казнили на Красной площади и предали анафеме.

Конечно, мнение человека явно авантюрного склада не может считаться объективным и беспристрастным источником информации по истории Смуты, но его описание прошлого является интересной противоположностью традиционным трактовкам. Важно понять, что именно оказало решающее влияние на творчество самозванного претендента на трон Российского царства и какой политический смысл вкладывал он в свои сочинения.

В творческом наследии Акиндинова вызывает особый интерес поэтическая «Декларация Московскому посольству», ставшая его официальным заявлением русским властям и потому сохранившаяся в архиве Посольского приказа. Свое оригинальное послание Лже-Шуйский официально подал московским послам в Стамбуле 11 декабря 1646 г. В состав декларации вошли пять стихотворных произведений и небольшое

¹⁰ Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998: 347.

¹¹ Ляпина 2019.

¹² Дело Анкундинова 2011; Сквайрс, Григорьева 2002.

стихотворное предисловие, объединенные общей темой – взглядом на недавнее прошлое России. В центре внимания данной статьи находится одно из этих стихотворений – «На Филарета митрополита». Оно наиболее исторично и далеко не случайно в основе своей посвящено событиям Смутного времени. Суть его заключается в крайне негативном изображении патриарха «московского и всея Руси» Филарета, одного из самых влиятельных людей своего времени.

После его смерти в 1633 г. у власти остались представители старой аристократии, которые фактически правили страной вместе с Михаилом Романовым¹³. Но болезнь и кончина царя летом 1645 г. вызвала политический кризис, волнения в народе и противостояние в Кремле придворных «партий». В такой непростой обстановке состоялось воцарение внука Филарета – Алексея Михайловича Романова. Вместе с новым правителем у трона оказался и новый фаворит – царский воспитатель боярин Борис Иванович Морозов, люди которого быстро потеснили старую аристократию¹⁴.

Дискредитация Акиндиновым покойного патриарха была нацелена на Алексея Михайловича. Возможно, «сын Шуйского» рассчитывал, что на московский трон пригласят его персону. Во всяком случае, М.Н. Тихомиров отмечал, что в Пскове много говорили о русском царе, скрывающемся где-то в Польше¹⁵. Могли воспользоваться Акиндиновым и влиятельные политические оппоненты Б. И. Морозова, а именно отнесенные им от трона аристократические кланы¹⁶. М. Перри справедливо указала на то, что сам Лже-Шуйский уверено заявлял, что имеет в России большую поддержку, но доказательств этим заверениям у нас нет¹⁷.

Таков вероятный политический контекст стихотворения «На Филарета митрополита». Как образец силлабической поэзии оно опубликовано по рукописи РГАДА в 1970 г.¹⁸ Обратимся к его содержанию.

*У трех товарищей был один хлеб заветный:
тому из них съесть, кто сон увидит хвалебный.
А сами были разными обычи товарищи:
один горд, другой лукав, третий вран на нырищи.
Но лукавый гордого и враноподобного обманул,
их в бучи лукавством потопил и сам в нем утонул. [...]
Царствовать же устроил сына своего митрополитанского
А гордому королевичу польскому царствование
Московское яко во сне ся снило,
враноподобному же тушинскому вору на ево безголовые
не долго власти было.
А все те от Филарета были злых браней дела.
Хотя Польска благословенной Москвы не овладела.*

¹³ Пресняков 1990: 27

¹⁴ Ляпин 2018: 71-77.

¹⁵ Тихомиров 1969: 378-379.

¹⁶ Кошелева 1999.

¹⁷ Перри 2010: 72.

¹⁸ Тимофей Акундинов. Декларация московскому посольству... 1970: 85-90.

*На устье меча народ весь был пояден
и от конца до конца земли огнен попаден.
Почто, Москва, зло все забываешь
а мне, природному своему, повинности не воздаваешь?*

Начало стихотворения отсылает читателя к восточной притче, которая рассказывает о трех товарищах, спорящих в дороге, как им поделить оставшийся кусок хлеба. В конце концов, они решили лечь спать, чтобы увидеть вещий сон, указывающий на того из них, кто имеет право на хлеб. Первому приснился мудрец в прекрасном царстве, сказавший, что только он должен съесть оставшийся кусок. Второй попал в будущее, где некий старец уверил его, что предмет спора должен достаться лишь ему одному. А третий, самый хитрый, просто встал и съел хлеб, пока его товарищи спали, сославшись на непреодолимую силу, руководившую его действиями. Не столь важен глубинный смысл этой притчи, как переосмысление ее Акиндиновым в историческом контексте. Три человека стояли у руля страны после того, как пресеклась правящая династия потомков Даниила Московского. Эти трое договорились о том, что кто-то из них должен получить власть и понадеялись на волю Всевышнего. Однако один из них оказался хитрее остальных и задумал действовать обманом. Но кто же были эти три человека? Акиндинов так описывает своих героев:

*«А сами были розньми обычи товарищи:
один горд, другой лукав, третий вран на нырищи».*

Нет сомнений, что «лукавый» – это не кто иной как Филарет Романов, так как ниже его имя раскрывается читателю: он *«царствовати устроил сына своего митрополитанского»* (Филарет имел титул митрополита Ростовского). Гордым скорее всего следует признать Бориса Годунова, о гордости которого ходили предания: голландский путешественник Ян Стрейс, побывавший в Москве в 1668 г., записал историю о том, как царь Борис якобы приказал своему боярину броситься с высокой колокольни, чтобы продемонстрировать персидскому послу силу своей власти¹⁹. «Враном на нырищах» вполне мог быть самый родовитый аристократ – князь Ф.И. Мстиславский. Его характеристика взята из Псалма 101: «Бых яко ночный вран на нырищи» (Пс 101: 7)²⁰, что обычно переводится как ворон или филин, одиноко сидящий на развалинах, и является синонимом богатого старика, лучшие годы которого позади. Действительно, Ф.И. Мстиславский, знатный потомок литовских князей Гедиминовичей, был главой Боярской думы, но не имел потомства, оставшись один при своем богатстве и влиянии²¹.

Таким образом, тремя товарищами, по всей видимости, были Б.Ф. Годунов, Ф.И. Мстиславский и Ф.Н. Романов (Филарет), которые решили, что власть в России достанется кому-то одному из них, но с обяза-

¹⁹ Стрейс 2000: 328.

²⁰ Акиндинов часто использовал псалмы в своих текстах. См.: Дубовик 2003: 83-84.

²¹ Лобанов-Ростовский 1895: 402-403.

тельным учетом интересов его союзников. Этим влиятельным аристократам удалось договориться о союзе после выборов на царство Бориса Годунова. Но затем триумvirат распался потому, что «лукавый гордого и враноподобного обманул», т.е. Филарет нарушил принятую договоренность. Малопонятно только, в чем именно состояло это нарушение. Может быть, Акиндинов указывает здесь на причастность Романова к появлению первого Лжедмитрия? Так или иначе, но «лукавый» вскоре и сам утонул в начавшейся «буче» (переполохе, суматохе).

Затем поэт переносит читателя уже в момент войны царя Василия Шуйского с поляками и с новым самозванцем – Лжедмитрием II, вошедшим в историю под именем «Тушинского вора» (по названию своего лагеря в с. Тушино). Несмотря на многочисленные трудности, *«гордому королевичу польскому царствование Московское яко во сне ся снило»*, а *«враноподобному ж тушинскому вору на ево безголовые не долго власти было»*.

Заслуживают внимания эпитеты, которыми автор награждает Лжедмитрия II и польского королевича Владислава. «Враноподобность» Тушинского вора, может быть, указывает на его стремление воспользоваться внутренними войнами страны, поскольку ворон – птица, символизирующая смерть и разрушение. Поэт подчеркивает глупость и отсутствие способностей у «тушинского вора», называя его «безголовым». А вот эпитет «гордый» в отношении Владислава не совсем уместен, ведь когда его пригласили на русский престол (1610), ему было всего 15 лет, и он никак не успел проявить себя, за него все решал отец – Сигизмунд III. Однако со временем королевич оправдал эту характеристику, много раз демонстрируя гордый и неуступчивый характер. Например, он продолжал претендовать на московский трон и даже считать себя «царем Московским» вплоть до 1634 г., при этом напрочь отвергая православие и очень гордясь приверженностью католичеству, что явно было неприемлемо для его потенциальных подданных²².

Особенно интересно замечание Лже-Шуйского о том, что именно Филарет посадил на трон своего сына в 1613 г.: *«Царствовати устроил сына своего митрополитанского»*. Известно, что во время выборов Филарет пребывал в Польше и трудно понять, как он мог оказывать влияние на происходящее в Москве. Его брат Иван Никитич, находящийся тогда в столице, большими способностями не отличался и положиться на него было нельзя²³. Более реальным проводником позиций Филарета на выборах мог оказаться родственник Романовых боярин Ф.И. Шереметев, ставший впоследствии одним из руководителей страны. Известно, что еще в 1610 г. Филарет организовал целую партию в поддержку идеи избрания на трон своего сына, в противовес королевичу Владиславу. Потом поляки обвиняли его в постоянной переписке с Москвой, а

²² Keenan 1988.

²³ Скрынников 2005: 243.

также в том, что именно его стараниями на царство был избран Михаил²⁴. Обо всем этом Акиндинов мог узнать от своих польских знакомых, но полагаться на достоверность этих сведений, конечно, не стоит.

Итак, в декларации Акиндинова отразилось имевшее место представление о событиях Смуты, начавшейся как борьба кланов Годуновых, Романовых и Мстиславских. Откуда же поэт-самозванец мог получить эти сведения? Их источники могли быть различны. Во время жизни в Москве он был дружен с образованным дьяком Иваном Патрикеевым, служил у князя Я.К. Черкасского, дядя которого И.Б. Черкасский (племянник Филарета) много лет занимал самые важные посты. Шведские агенты в Москве считали его вторым после патриарха по значению и власти, а также отмечали его ум и образованность²⁵. С другой стороны, Акиндинов много путешествовал и вращался в разных кругах Европы, следовательно, источники его информации могли быть обширны. Что касается мнения о Филарете, как главном виновнике Смутного времени, то его поэт мог услышать в Польше. Только здесь были заинтересованы в такой интерпретации событий, очерняющей династию Романовых. До 1634 г. король и многие польские вельможи считали московские власти незаконными, именую истинным правителем Москвы Владислава.

Следуя этой польской традиции, стремясь обвинить в Смуте Филарета, поэт-самозванец решительно заявляет своим читателям: *«А все те от Филарета были злых браней дела»*. Делая акцент на виновности патриарха, Акиндинов ярко описывает беды русских людей:

*«На устье меча народ весь был пояден²⁶
и от конца до конца земли огнем поपालен».*

И только чудом Москва была спасена:

«Польша благословенной Москвы не овладела».

Окончание стихотворения содержит упрек, обращенный к русским людям в целом:

*«Почто, Москва, зло все забываешь,
а мне, природному своему, повинности не воздаешь?»*

Поскольку эти строки следуют после описания бед, причиненных поляками, можно подумать, что самозванец упрекает жителей России в том, что они забыли вражду со своими западными соседями. Но если прочитать окончание стихотворения внимательнее, то становится ясно, что виновником случившегося польского разорения был именно Филарет, и потому слова Акиндинова – это упрек тем, кто поддерживает его внука, царя Алексея Михайловича. В таком контексте финал стихотворения выглядит вполне логичным: самозванец указывает на собственную персону как альтернативу правящей династии и укоряет россиян в верности фамилии, спровоцировавшей жестокую гражданскую войну, разруху и нашествие поляков.

²⁴ Там же: 44-45, 87.

²⁵ Вайнштейн 1947: 134-135.

²⁶ Пояден от сл. «пояти» - взять.

Такова картина Смутного времени в поэтическом изложении Лже-Шуйского. Конечно, его взгляд на события — не что иное, как изложение истории в угоду политическому моменту. Но это мнение по-своему интересно, поскольку использовалось автором как политический инструмент влияния на современников. Важно и то, что прошлое глазами самозванца, скорее всего, отразило существующую польскую версию событий, где Филарет обвинялся в интригах против избранного на московский трон в 1611 г. королевича Владислава. То, что для России могло обернуться потерей национальной независимости и не случилось только благодаря освобождению столицы и выборам царя Михаила в 1613 г., представлялось в официальных кругах Варшавы доказательством «незаконности» правящей в Москве династии Романовых.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Антонов Д. И. Смута в культуре Средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М.: РГГУ, 2009. 427 с. [Antonov D. I. Smuta v kul'ture Srednevekovoy Rusi. Evolyutsiya drevnerusskikh mifologem v knizhnosti nachala XVII veka. M.: RGGU, 2009. 427 s.]
- Балязин В. За светом идущий. Дорогой богов. Кишинев: Лумина, 1988. 576 с. [Balyazin V. Za svetom idushchiy. Dorogoy bogov. Kishinev: Lumina, 1988. 576 s.]
- Борисова И. М. К вопросу о графическом эквиваленте текста в русской поэзии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. №11 (117). С. 32-37 [Борисова И. М. К вопросу о графическом эквиваленте текста в русской поэзии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. №11 (117). С. 32-37].
- Вайнштейн О. Л. Россия и Тридцатилетняя война 1618-1648 гг.: Очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине 17-го в. М.: Госполитиздат, 1947. 216 с. [Vaynshteyn O. L. Rossiya i Tridsatiletnyaya voyna 1618-1648 gg.: Ocherki iz istorii vneshney politiki Moskovskogo gosudarstva v pervoy polovine 17-go v. M.: Gospolitizdat, 1947. 216 s.]
- Дубовик В. В. Об особенностях цитации в текстах Тимофея Акиндинова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12). С. 83-98. [Dubovik V. V. Ob osobennostyakh tsitatsii v tekstakh Timofeya Akindinova // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2003. № 2 (12). S. 83-98].
- Европейский авантюрист из Московии / Под ред. Дюлы Свака. Budapest: Russica Pannonicana, 2011. 148 с. [Evropeyskiy avantyurist iz Moskovii / Pod red. Dyuly Svaka. Budapest: Russica Pannonicana, 2011. 148 s.]
- Ингерфлом К. Аз есмь царь. История самозванства в России; Пер. с франц. П. Кашатнова. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 448 с. [Ingerflom K. Az esm' tsar'. Istoriya samozvanstva v Rossii; Per. s frants. P. Kashatnova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 448 s.]
- Кошелева О. Е. Лето 1645 года: смена лиц на российском престоле // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории: альманах. М.: РГГУ, 1999. С. 148-170. [Kosheleva O. E. Leto 1645 goda: smena lits na rossyskom prestole // Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii: al'manakh. M.: RGGU, 1999. S. 148-170.]
- Лобанов-Ростовский А. В. Русская родословная книга. Том I. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1895. С. 402-403. [Lobanov-Rostovskiy A. V. Russkaya rodoslovnaya kniga. Tom I. SPb.: Tipografiya A. S. Suvorina, 1895. S. 402-403.]
- Ляпин Д. А. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 336 с. [Lyapin D. A. Tsarskiy mech: sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Rossii v seredine XVII v. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2018. 336 s.]
- Ляпина С. М. "Злополучный Борис!": рецепция личности Бориса Годунова в русской культурной традиции // История: факты и символы. 2019. С. 68-80. [Lyapina S. M. "Zlopoluchnyy Boris!": retseptsiya lichnosti Borisa Godunova v russkoy kul'turnoy traditsii // Istoriya: fakty i simvoly. 2019. S. 68-80.]

- Новый летописец // Хроники Смутного времени / Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец». М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 411-438. [Novyy letopisets // Khroniki Smutnogo vremeni / Konrad Bussov. Arseniy Elassonskiy. Elias Gerkman. «Novyy letopisets». М.: Fond Sergeya Dubova, 1998. S. 411-438.]
- Панченко А. М. Акундинов Тимофей Демидович // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLIV. Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1990. С. 11-12 [Panchenko A. M. Akundinov Timofey Demidovich // Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. T. XLIV. Отв. ред. D. S. Likhachev. L.: Nauka, 1990. S. 11-12].
- Перри М. Самозванцы XVII в. и вопрос о легитимности правящего царя // Самозванцы и самозванчество в Московии. Материалы международного научного семинара (25 мая 2009 г., Будапешт), под ред. Д. Свалка. Будапешт: Russica Pannonicana, 2010. С. 66-88 [Perri M. Samozvantsy XVII v. i vopros o legitimnosti pravyashchego tsarya // Samozvantsy i samozvanchestvo v Moskovii. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminar (25 maya 2009 g., Budapesht), pod red. D. Svalka. Budapesht: Russica Pannonicana, 2010. S. 66-88].
- Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. СПб.: Типография В. С. балашова, 1888. 327 с. [Platonov S. F. Drevnerusskie skazaniya i povesti o Smutnom vremeni XVII veka, kak istoricheskiy istochnik. SPb.: Tipografiya V. S. balashova, 1888. 327 s.]
- Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М.: Книга, 1990. 464 с. [Presnyakov A. E. Rossijskie samodержcy. М.: Kniga, 1990. 464 s.]
- Сквейр Е. Р., Григорьева Е. В. Латинские и немецкие тексты самозванца Лже-шуйского II (Тимофея Анкидинова): Лингвистические аспекты проблемы подлинности // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3 (9). С. 29-42. [Skvayrs E. R., Grigor'eva E. V. Latinskije i nemetskie teksty samozvantsa Lzhe-shuyskogo II (Timofeya Ankidinova): Lingvisticheskie aspekty problemy podlinnosti // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2002. № 3 (9). S. 29-42].
- Скрынников Р. Г. Михаил Романов. М.: АСТ, 2005. 334 с. [Skrynnikov R.G. Mikhail Romanov. М.: AST, 2005. 334 s.]
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 1613-1657. Кн. V. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. 981 с. [Solov'ev S. M. Istoriya Rossii s drevneyshikh времен. 1613-1657. Кн. V. М.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2001. 981 s.]
- Солодкин Я. Г. Возникновение Нового летописца и патриарх Филарет // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 2 (24). С. 55-60. [Solodkin Ya. G. Vozniknovenie Novogo letopistsa i patriarkh Filaret // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2006. № 2 (24). S. 55-60.]
- Солодкин Я. Г. Как создавалась "история" Авраамия Палицына (полемические заметки) // Вестник Нижегородского государственного гуманитарного университета. 2009. № 2. С. 40-47. [Solodkin Ya. G. Kak sozdavalas "istoriya" Avraamiya Palitsyna (polemicheskie zametki) // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2009. № 2. S. 40-47.]
- Стрейс Я. Третье путешествие // Московия и Европа / Г.К. Котошихин. П. Гордон. Я. Стрейс. Царь Алексей Михайлович. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 313-468. [Streys Ya. Tret'e puteshestvie // Moskoviya i Evropa / G.K. Kotoshikhin. P. Gordon. Ya. Streys. Tsar' Aleksey Mikhaylovich. М.: Fond Sergeya Dubova, 2000. S. 313-468.]
- Тимофей Акундинов. Декларация московскому посольству // Русская syllabicheskaya poeziya XVII-XVIII vv. izdanie 2-oe. Л.: Советский писатель, 1970. С. 87-90. [Timofey Akundinov. Deklaratsiya moskovskomu posol'stvu // Russkaya sillabicheskaya poeziya XVII-XVIII vv. izdanie 2-oe. L.: Sovetskiy pisatel', 1970. S. 87-90.]
- Тихомиров М. Н. Псковский мятеж XVII в. Из истории борьбы общественных классов в России // Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России в XVII в. М.: Наука, 1969. С. 378-379. [Tikhomirov M. N. Pskovskiy myatezh XVII v. Iz istorii bor'by obshchestvennykh klassov v Rossii // Tikhomirov M. N. Klassovaya bor'ba v Rossii v XVII v. М.: Nauka, 1969. S. 378-379.]
- Трубачев С. С. Анкудинов, Тимошка // Русский биографический словарь. Т. 2. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1900. С. 152 [Trubachev S. S. Ankudinov, Timoshka // Russkiy biograficheskiy slovar'. T. 2. SPb.: Tip. I.N. Skorokhodova, 1900. С. 152].

Ульяновский В. Смутное время. М.: Европа, 2006. 447 с. [Ul'yanovskiy V. Smutnoe vremya. M.: Evropa, 2006. 447 s.].

Филина Е. И. «В поисках альтернативы...». «Придворные партии» в политической борьбе в России 30—50-х гг. XVII века. М.: МПГУ, 2011. 346 с. [Filina E. I. «V poiskakh al'ternativy...». «Pridvornye partii» v politicheskoy bor'be v Rossii 30—50-kh gg. XVII veka. M.: MPGU, 2011. 346 s.].

Keenan E. L. Semen Shakhovskoi and the Condition of Orthodoxy // Harvard Ukraine Studies. 1988. Vol. 12/13. P. 795-815.

Perry M. Timofei Ankudinov (1617?–1653) // Russia's People of Empire. Life Stories from Eurasia, 1500 to the Present. Ed. Stephen M. Norris and Willard Sunderland. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2012. Pp. 37-44.

Денис Александрович Ляпин, доктор исторических наук, заведующий, кафедра истории и историко-культурного наследия, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Россия, lyapin-denis@yandex.ru

The Past by the Eyes of the Impostor: Russian Troubles in Poetic Works False-Shuisky

The formation of the image of the past in the historical consciousness of people is closely connected with state policy. In a traditional authoritarian society, as autocratic Russia was under the first Romanovs and as it remained until the death of this dynasty, important attention was paid to the events of the immediate past. By the middle of the 17th century, thanks to the monuments of journalism and chronicles, general ideas about the events of the beginning of the century were formed. Then this tradition was fixed in historiography. This tradition is opposed by the interpretation of the Russian Time of Troubles by the impostor False Shuisky (Timofei Akindinov), set forth by him in the poetry cycle “Declaration to the Moscow Embassy” of 1646. One of the poems included in the Declaration is dedicated to the history of Filaret Romanov.

Key words: *Timofey Akindinov, Time of Troubles, Romanovs, Filaret, Tsar Mikhail Fedorovich, state ideology, historical consciousness.*

Denis Alexandrovich Lyapin, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History and Historical and Cultural Heritage of Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, lyapin-denis@yandex.ru

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОССИИ 1730-Х ГОДОВ
ЛОРДА ДЖОРДЖА ФОРБСА

В статье анализируется трактат посла Великобритании лорда Дж. Форбса «Очерк о России. 1733–1734 гт.», написанный во время его пребывания при дворе императрицы Анны Иоанновны (оригинал хранится в замке семейства Форбсов в Ирландии). Впервые текст трактата был опубликован американским историком Майклом Биттером в 2004 г. в журнале «The Slavonic and East European Review». В своем очерке Форбс представил подробное описание местоположения, природных ресурсов, климата, управления, экономики, обычаев России, что позволяет причислить его произведение к этнографическим работам. В то же время восприятие увиденного в стране пребывания дало возможность составить представление о сложившихся у лорда Форбса этнических стереотипах о России и ее народе. Автор приходит к выводу, что произведение британского посла носит объективный характер и расширяет представления наших современников об эпохе правления Анны Иоанновны.

Ключевые слова: Великобритания, Россия, XVIII век, посол лорд Дж. Форбс, императрица Анна Иоанновна, этнографическое описание, этнические представления

*«Во всей Европе не сыщется талантливее и умнее русских людей»
Forbes G. “Account of Russia, 1733-1734”*

Проблема, к которой обращается автор, изучается в рамках имагологии, предметом изучения которой являются кросс-культурные коммуникации. Это направление, возникшее на Западе в середине XX века, в отечественной науке заметно активизировалось в последние десятилетия, появились теоретические статьи и монографические исследования по данной тематике¹. Важную роль в изучении имагологических проблем, играют ежегодные научные семинары, проводимые Центром по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН. Активное обращение со стороны ученых к проблемам взаимовосприятия культур обусловлено не в последнюю очередь их актуальностью.

Источниками для изучения восприятия «иной» /«чужой» культуры становятся, как правило, травелоги, дневники, мемуары, служебные записки иностранцев о стране пребывания, а также дипломатическая переписка. Среди последних бесспорный интерес представляет «Очерк о России» британского посла лорда Джорджа Форбса².

Лорд Джордж Форбс, третий граф Гранард, прожил долгую и богатую событиями жизнь. Он родился 21 октября 1685 г. в аристократической семье. Его отцом был Артур Форбс, второй граф Гранард, мать, дочь первого баронета из ирландского графства Мойра сэра Джорджа Родона – Мэри. После смерти деда, в семье которого Джордж провел детство, вместе с бабушкой в 1702 г. он переезжает в Лондон. Обучался будущий лорд в гимназии, после окончания которой был представлен

¹ Лабутина (ред): 2021.

² An Account of Russia. 1734-1735

адмиралу Дж. Черчиллю, а затем и верховному адмиралу – принцу Георгу Датскому. При покровительстве Черчилля Джорджа получает назначение лейтенантом морской пехоты на судно «Королева Анна». Спустя два года он становится мичманом и участвует в захвате Гибралтара, а также принимает участие в битве при Малаге. В 24 года Джордж женится на старшей дочери Уильяма Стюарта, первого виконта Маунтджоя, которая ко времени знакомства с Форбсом осталась вдовой с двумя детьми. В браке с Форбсом у супружеской четы родилось трое детей.

Служебная карьера Форбса продолжала и в дальнейшем складываться удачно. Он принимал активное участие в войне за Испанское наследство (1701–1714). После заключения Утрехтского мира в 1714 г. принял командование над небольшой эскадрой судов в Средиземном море. В 1716–1718 гг. был назначен губернатором острова Менорка, где провел ряд реформ, в частности, отменил суды за колдовство. В 1719 г. Форбс был приглашен австрийским императором Карлом VI для формирования военно-морских сил в Неаполе и на Сицилии, произведен в чин вице-адмирала с назначением солидного жалования. Однако эта его служба вызвала неодобрение у британского правительства, и, спустя два года, он был вынужден возвратиться на родину. Между тем, император оценил заслуги Форбса и на прощание подарил ему в знак признательности драгоценное кольцо с бриллиантом. В последующие годы Форбс исправно служил на флоте до тех пор, пока в апреле 1733 г. его не назначили чрезвычайным посланником и полномочным министром при российской императрице Анне Иоанновне. На этом посту он пробыл недолго, чуть больше года, однако успел оставить свой след в истории англо-русских отношений, принимая активное участие в подготовке и заключении Торгового договора 1734 года³.

По описаниям современников, лорд Форбс был среднего роста, худощавого телосложения, с темной кожей и резко выраженными чертами лица. В своих привычках он был чрезвычайно воздержан, ел мало и не пил ничего, кроме воды, чему приписывал свое хорошее здоровье. Форбс любил читать, обладал цепкой памятью и слыл умным наблюдателем. Он написал ряд трактатов по политической экономии, географии и военно-морским ресурсам разных стран мира. В ряду его трудов оказался и «Очерк о России. 1733-1734 гг.».

Текст трактата был введен в научный оборот американским историком, профессором Гавайского университета в Хило Майклом Биттером, обнаружившим его фотокопию в коллекции архива Северной Ирландии, в Белфасте. Оригинал до сих пор хранится в замке семейства Форбсов, расположенном в графстве Лонгфорд, в Ирландской Республике. Текст трактата с вступительной статьей Биттера был опубликован в 2004 г. в журнале «The Slavonic and East European Review»⁴. В отечественной науке трактат Форбса прежде не был предметом исследования.

³ Лабутина 2021: 337-345.

⁴ Bitter 2004: 884-885.

В своей статье, предварявшей текст Форбса, М. Биттер обращал внимание на то, что среди многочисленных и разнообразных произведений европейцев о России, насчитывающих более 600 единиц⁵, немало текстов, которые хранятся в частных архивах, недоступных для исследователей, что не позволяет ученым их изучать. В их числе оказался и «Очерк о России» Форбса. По утверждению Биттера, трактат Форбса – одно из немногих произведений англичан о России 1730-х гг., с которым могли ознакомиться и составить представления о стране власть предержащие Великобритании⁶. По аналогии с характеристикой источников по истории Московского государства, которые представил исследователь М. По⁷, Биттер также счел возможным причислить трактат Форбса к этнографическим работам, поскольку в нем содержалось подробное описание местоположения, природных ресурсов, управления, экономики, религии, обычаев страны. В то же время он указал на отличие в представлениях авторов произведений, упомянутых М. По, о верховной власти в России как о деспотической, от рассуждений на эту тему Форбса. Хотя дипломат также считал правление русских деспотическим, но делал акцент на подчинении крестьян помещикам («ленд-лордам») как рабам, а не на неограниченной власти суверена. Возможно, полагал Биттер, Форбс делал это специально, чтобы не вызвать раздражения императрицы Анны Иоанновны, с которой у него за время пребывания в России сложились неплохие отношения. Форбс избегал критики правительницы, прекрасно понимая, что в противном случае его миссия с заключением Торгового договора может обернуться провалом. Трактат Форбса предназначался монарху Великобритании, а не широкой публике. С ним смогли ознакомиться лишь немногие сановники при дворе Георга II. Единственная копия рукописного трактата была подарена королеве Каролине и впоследствии утеряна⁸.

Поскольку Форбс прожил в России (а точнее, в Петербурге) всего год, то естественно, что он не обладал полной информацией о состоянии дел в России. Биттер отмечал, что дипломат, не знавший немецкого языка, мог пользоваться переводными источниками трудов Ф.К. Вебера⁹, а также работами своих соотечественников Дж. Перри, Ч. Уитворта, относящихся к эпохе правления Петра I¹⁰. Именно копия произведения Уитворта была вручена по указу Георга II для ознакомления Форбсу накануне его отъезда в Россию. Король Великобритании полагал, что церемониал между двумя дворами не изменился со времени визита Уитворта, а потому британскому послу не придется целовать руку русскому монарху, как это бывало до Петра Первого.

⁵ Пое 1993.

⁶ Bitter 2004: 889.

⁷ Пое 2000: 5.

⁸ Bitter 2004: 890-891.

⁹ Weber 1722-23.

¹⁰ Perry 1967; Россия в начале XVIII века. 1988.

Ознакомившись с историей появления трактата Форбса, обратимся к его содержанию. Прежде всего автор останавливался на географическом описании России в эпоху правления Анны Иоанновны. Российская империя, писал он, обширная по территории и самая большая среди существующих государств. Сравнивая ее протяженность (3.303.485 кв. км.)¹¹ с размерами других империй (Китай, Персия, Рим), Форбс отмечал, что это можно хорошо увидеть на глобусе. В то же время население империи на такой обширной территории расселено неравномерно. Причину тому Форбс усматривал не в суровом климате, скудности почвы, недостаточно развитой промышленности, а в политике правительства, относившегося к данному вопросу без должного внимания.

В своем «Очерке» Форбс дал описание природы и климата России. Он отметил, что в стране есть холмы, горы, равнины, много больших озер и судоходных рек (Волга, Ока, Дон, Кама, Двина и др.). При Петре I, отмечал Форбс, началось строительство каналов, уже построено пять из них. Каждый из каналов автор счел необходимым вкратце описать¹². Продолжая описание природы, Форбс отмечал, что значительная часть страны покрыта лесами, однако есть места, где лес не растет из-за недостатка воды или холодного климата. В лесах произрастают ели, березы. Дубы растут не везде. Больше всего их в районе Казани. Оттуда их привозят для строительства флота. Вообще, заключал Форбс, древесина используется очень широко: для постройки судов, жилища, мостов, тротуаров, ограждений и т.д. Останавливаясь на описании климата, Форбс, как и все путешественники, обращал внимание на то, что «вся страна, за исключением той ее части, которая расположена на границе с Каспийским морем, от реки Терек до реки Кура, каждый год покрывается снегом, с начала ноября до конца марта, в южной части на более короткий срок, а в северной лежит более продолжительное время»¹³. Реки зимой покрываются толстым слоем льда. «Иногда поднимается пронзительный холодный ветер, – продолжал Форбс, – который сбивает с ног людей и животных, но по большей части холод вполне терпим. Воздух свежий, погода безмятежная и так продолжается долгое время. Здесь на треть меньше дождей и сильных ветров, чем в других странах, редки туманы и никогда не бывает землетрясений. Как только солнце растопит снега, природа просыпается, деревья покрываются листвой, пастбища травой, зеленой и густой, появляется множество птиц и цветов и наступает прекрасная гармония»¹⁴.

Форбс подчеркивал, что несмотря на суровость климата, русские люди доживают до глубокой старости и редко болеют. Женщины занимаются легким трудом, как и в большинстве других стран. Птица и жи-

¹¹ An Account of Russia. 1734-1735: 898.

¹² Ibid: 905-906.

¹³ Ibid: 905-907.

¹⁴ Ibid: 907.

вотные служат жителям пищей, в реках много рыбы. Жилища русских людей построены из дерева, как и вся мебель в их домах. Нередко в холодное время они забирают в свои дома также мелкий скот, как это делается и в других европейских странах. Отмечая скудность обрабатываемой почвы, Форбс подчеркивал, что русские выращивают большое количество скота. Многочисленные водоемы, заполненные рыбой, путепроводы по суше создают благоприятные условия для внутренней торговли, позволяя перевозить товары. К примеру, когда в Ливонии не достает зерна, его привозят из Украины. Оттуда отправляют товары и в Казань. Используются для перевозок также реки Волга и Двина.

Россия – страна самая малонаселенная среди тех, у кого существует подобная форма правления. В 1725 г. население насчитывало всего 5.273.645 чел.¹⁵ По мнению Форбса, подушная подать позволила бы проследить, насколько население увеличилось или уменьшилось за предыдущие годы. Между тем, как свидетельствовал автор, отдельные категории населения освобождены от уплаты подушной подати. В их числе придворные и все чиновники, знать, духовенство, военнотружущие. Освобождены от налога также некоторые районы страны. Следовательно, учитывая вышесказанное, полагал Форбс, численность населения должна достигать 16 млн. человек¹⁶.

Россия – богатая страна, констатировал Форбс, а ее народ отличается способностями, пригодными для занятий в ремеслах, промышленности, земледелии, рыболовстве. Недр земли содержат железо и другие металлы, к примеру, медь. Кроме того, страна очень удобно расположена для ведения торговли со всеми частями света, как по земле, так и по воде. Между тем, констатировал Форбс, при всех богатствах России, ее народ живет небогато, хотя в городах можно увидеть немало прекрасных, богато украшенных домов, у владельцев которых имеется столовое серебро и драгоценности. На взгляд автора, большой интерес к деньгам является свидетельством бедности страны. Зажиточные люди предпочитают держать деньги на депозите под 10 процентов, а это препятствует движению капиталов в стране. По этой причине аренда жилья очень высока. Деньги, имеющие хождение по стране, по подсчетам Форбса, насчитывают 30 млн. рублей, из них 6 млн. – в медных монетах.

Осветив географическое и экономическое положение Российской империи, Форбс переходит к ее системе правления: «Правительство самое деспотическое, страна и все, что в ней находится, в абсолютном распоряжении суверена, который отдает людей в рабство к помещикам (лордам), так что лендлорды могут продавать любого из своих крестьян». Владельцы земли вольны переселять крестьян по своему желанию, и закон всегда будет на стороне помещиков, что бы они ни делали. «Помещики вправе заставить своих крепостных служить кому-либо еще, а

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibid: 901.

если те убегают или уходят на заработки, то их могут вернуть, поскольку они не вправе распоряжаться собой». Если крепостной умирает или ему наносится какое-нибудь увечье хозяином, это не имеет никаких последствий. «Рабство людей – самое большое препятствие для развития производства», – утверждал Форбс. По его подсчетам, помещикам принадлежат около 11 млн. крепостных¹⁷. Форбс отмечал, что жителях небольших городов «свободны от власти помещиков», но страдают от произвола губернаторов. И если совершают проступки, то их подвергают наказаниям и конфискуют имущество в качестве возмещения убытков, понесенных правителем.

Лорд Форбс остановился также на положении иностранцев в России. Он считал, что иностранцы, имеющие какой-нибудь бизнес в России, ограничены вниманием со стороны властей. В их дела никто не вмешивается, однако, о них и не вспоминают. Особенно автора возмутило, что некоторые представители знати путешествовали по Англии или служили на английском флоте, и с ними всегда обращались с большим уважением, однако у себя на родине они, по сути дела, игнорируют англичан, хотя вряд ли российские власти располагают информацией, которая могла бы компрометировать Англию в их глазах. Впрочем, продолжал автор, особая «забота властей» только препятствует ведению бизнеса иностранцев в России, создавая множество неудобств различными проверками («Check upon Check»), коим нет числа. И это касается не только дел гражданских, но и военных.

Не обошел своим вниманием лорд Форбс также систему управления в Российской империи. Он признавал ее «очень запутанной и несовершенной, приводящей ко многим злоупотреблениям», плохо служившей правительнице и огорчавшей народ¹⁸. Ссылаясь на утверждения некоторых людей (каких именно, посол не пояснял – Т.Л.), Форбс отмечал, что около трети чиновников, вышедших из низов, «запускают руку» в казну правительницы. В то же время налоги собираются плохо и служат исключительно для обогащения помещиков и приближенных к императрице, а при этом «выжимаются последние копейки у бедняков». Правительство не проявляет должного внимания к улучшению земледелия, промышленности, чему препятствует роскошь и расточительность императорского двора и его обитателей. При ограниченной монархии подобного положения вещей не случилось бы, заключал автор.

Примечательно, что лорд Форбс высоко оценил способности и таланты, присущие русскому народу. «Во всей Европе не сыщется талантливее и умнее русский людей», – не скрывал своего восхищения посол и далее подробно описывал русских простолудинов. «Они (русские люди – Т.Л.) широкоплечи, стройны, хорошо сложены, сильны, отличаются крепким здоровьем, активны, выносливы, легко переносят холод и тя-

¹⁷ Ibid: 901.

¹⁸ Ibid: 902.

желый труд, ...очень понятливы, простодушны и сообразительны и могут быстро смастерить любую вещь, которую никогда прежде не видели. Они очень трудолюбивы и изобретательны и смогли бы очень быстро избавиться от бедности и нищеты, в которой пребывают, если бы знали, что плоды их труда достанутся им или их детям, а не послужат обогащению помещиков, или тех, кто по приказу правительства заберет последние их гроши»¹⁹. По этой причине не все простолюдины в состоянии вступить в брак и обзавестись потомством. Форбс пытался выяснить последствия подобного положения бедных людей. Простолюдины, писал он, «представляются лентяями и ленивыми, а некоторые становятся мошенниками и пьяницами, первые, чтобы избавиться от невыносимого угнетения, а вторые – чтобы забыться». Однако, по мнению Форбса, эти пороки отнюдь не являются их характерными чертами. На деле русские люди «очень внимательно относятся к своим родителям и заботятся о них в старости, как те в свое время их опекали в детстве, а это скрепляет общество и поддерживает порядок. Они строго подчиняются канонам своей религии. Держат посты, во время которых почти ничего не едят и не пьют крепких напитков»²⁰.

Форбс подробно остановился на описании пищи, одежды и жилища. Говоря о питании жителей России, он подчеркивал, что выловленную рыбу всех сортов и мясо животных жители стараются как можно быстрее транспортировать в места продажи. Он приводил в пример доставку «прекрасных кусков мяса» за 800 миль из Архангельска в Петербург, где их продают по 2 коп., или 1 пенни²¹. Треска и сельдь доставляются также из Архангельска. Икру и осетров привозят из Астрахани. Другая провизия доставляется из разных мест. Форбс усматривал большое преимущество в холодном климате России, позволявшем сохранять мясо и рыбу в замороженном виде, что дает возможность жителям нормально питаться до наступления тепла и вскрытия водоемов ото льда.

В числе продуктов Форбс перечислял черный хлеб, репчатый и зеленый лук, огурцы и капусту. Все эти продукты «едят в большом количестве». Кроме того, в пищу идут все виды грибов и многие культуры, которые произрастают в лесу или в поле. Короче говоря, заключал дипломат, пищи жители «потребляют в достаточной мере».

Касаясь одежды простолюдинов, Форбс отмечал, что она, как правило, состоит из верхней одежды, сшитой из домотканой шерсти или льна, головного убора и обуви, которая одинакова для мужчин и женщин (видимо, автор имел ввиду валенки – *Т.Л.*). Обязательный атрибут одежды – варежки («перчатки без пальцев»). Форбс приходил к выводу, что жители России одеты лучше, чем многие крестьяне в ряде стран²².

¹⁹ Ibid: 903-904.

²⁰ Ibid: 904.

²¹ Ibid: 900.

²² Ibid.: 904.

Форбс описывал также жилища русских людей. «Их дома строятся из леса и больше не используется никакой материал», – свидетельствовал он. Из камня возводятся только церкви и дома богатых горожан. Деревянные дома строят из бревен, переложённых мхом, такие дома сухие и теплые. Из инструментов используется только один топор. «Удивительно наблюдать, – восхищался Форбс, – какую работу они выполняют исключительно с помощью топора, тогда как обычный плотник в Европе выполняет эту работу при помощи нескольких видов инструментов»²³. Обстановка домов соответствует жилищам: она также выполнена из дерева и отличается скромностью. Полы, как правило, земляные. Это очень плохо для детей, считал Форбс, так как детские кровати расположены близко к земляному полу. Он остановился также на описании детских люлек, подвешенных к потолку.

Форбс обращал внимание на транспорт, которым пользовались жители России. Снег, покрывающий на протяжении нескольких месяцев в году почву, позволяет использовать для передвижения санный транспорт. Так, из Петербурга в Москву (расстояние 570 миль) можно добраться на санях за 70 часов. Форбс подчеркивал, что санный транспорт используют также при перемещении войска, артиллерии, амуниции, продовольствия и т.п. Это позволяет войскам подвозить необходимые боеприпасы и продовольствие для усиления пограничных районов или подавления восстаний где-либо на своей территории. Форбс отметил, что сани сделаны из дерева, без добавления железа. Все колеса телег также выполнены исключительно из дерева. В сани или телегу впрягают лошадей с удобной упряжью. Лошади невысокие, но очень выносливые и могут развивать большую скорость. Жители их используют очень широко. Баркасы, лодки также выполнены исключительно из дерева.

Говоря о занятиях населения, Форбс остановился прежде всего на земледельческих работах. Он подчеркнул, что почва в России легкая, но только там, где постоянно возделывается. Затрудняют сельскохозяйственные работы снег и холод, сохранившиеся на протяжении длительного времени. Население выращивает различные культуры: пшеницу, рожь, ячмень, овес, горох, просо, гречиху. Рожь сеют под зиму, остальные культуры – в мае. Почва очень благоприятна также для выращивания в большом количестве овощных культур: моркови, пастернака, турнепса, красного и белого редиса, всех видов кабачков, капусты, лука-порея, чеснока, репчатого лука, огурцов и корневой петрушки. Все это широко распространенные в стране культуры. Однако для выращивания фруктов, подчеркивал Форбс, климат в стране не пригоден, за исключением районов Астрахани и Украины. В Астрахани произрастает много винограда, прекрасных персиков, абрикосов, дынь; на Украине выращивают персики, абрикосы, орехи²⁴.

²³ Ibidem.

²⁴ Ibid: 908.

На пастбищах, где много травы, пасутся большие стада коров, овец, коз и свиней, продолжал описание животного мира России Форбс. В южных частях страны скота хотя и много, но в целом недостаточно. Коровы дают молоко, из которого готовят «странного вида масло», но никогда не делают сыр. Овцы дают мало шерсти. Лошади небольшого роста, но неумомимые и выносливые. Они дешево продаются, поскольку татары пригоняют их в Москву ежегодно до 40 тыс. и продают по 5 руб. за голову. В большом количестве разводится птица: гуси, утки, куры, индюки. Их откармливают до зимы. Немало пропитания дают и водоемы. Самые различные виды рыб водятся в морях, реках и озерах. Белуга, стерлядь, судак и другие виды рыб водятся и в Англии, но их икра добывается только в России, полагал дипломат.

Лорд Форбс отмечал, что страна богата полезными ископаемыми, однако правительство недостаточно внимания обращает на их добычу, не давая на то разрешения. Англичанин приводил в пример деятельность Демидова, который трудился на железных рудниках в Сибири и принес немало выгод стране, но сам едва не пострадал от притеснений властей. Угольные шахты, добыча свинца, соли, необходимой для производства пороха, а также железа – все это, констатировал Форбс, позволяет изготавливать необходимое оружие не только для своего войска, но и для прусской армии²⁵.

Обращаясь к состоянию торговли в России, Форбс подчеркивал, что в стране производится много товаров, пригодных для экспорта. Он отмечал, что в 1733 г. из Петербурга было вывезено наибольшее количество различных товаров. Форбс приводил таблицу, в которой перечислялись те товары, которые экспортировались в Англию и другие страны²⁶. Так, в Англию было вывезено около 100.000 баррелей дегтя на 80 судах по цене 80.000 руб. за баррель; поташа 63.000 пудов по 12 руб. за 10 пудов; китового жира 6.000 баррелей по 4,5 руб. за баррель²⁷. Кроме того, продолжал Форбс, Россия богата пушниной, кожей, моржовыми клыками и многим другим, что может принести государству ежегодный доход в 4 млн. руб., если вывоз товаров будет осуществляться не только из Петербурга, но и из других портов. Что касается импорта, то он, по мнению дипломата, не так велик и насчитывает 2,5 млн. руб. в год. «Может показаться странным, – рассуждал Форбс, – что в такой большой стране с многочисленным населением» приобретается недостаточно товаров из Европы. По-видимому, русские люди предпочитают заработанные деньги хранить у себя, не пуская их в оборот. Он подчеркивал, что золото редко можно видеть при совершении торговых сделок²⁸. Оценивая годовой доход России, Форбс подчеркивал, что он не так велик и складывается из следующих статей: подушная подать – 4.000.000

²⁵ Ibid: 908-909.

²⁶ Ibid: 910-912.

²⁷ Ibid: 912.

²⁸ Ibid: 912-913.

руб.: ввозные и вывозные пошлины – 590.000 руб.; внутренние пошлины – 700.000 руб.; налог на пиво, брэндии, табак – 1.000.000 руб.; налог на соль – 360.000 руб.; налог на ром – 79.800 руб.; налог на землевладение – 400.000 руб.; налог на железо – 174.000 руб. Итого, в сумме годовой доход Российской империи составляет 7.303.800 руб. В случае необходимости, если указанная сумма представляется правительнице недостаточной, она может ввести дополнительные налоги²⁹.

Большое внимание Форбс, подобно другим дипломатам, находившимся при дворе императрицы, уделил состоянию армии и флота России. «Суверен может обязать любого подданного служить, - подчеркивал Форбс. – В прошлом году (1733 г. – Т.Л.) было поставлено под ружье 50.000 солдат и взято на службу 25.000 лошадей». Подданные обязаны сами приобретать экипировку, не получая помощи от правительницы, так как это является существенной статьёй расходов годового дохода. Форбс удивлялся, каким образом царь Петр I в свое время при умеренном годовом доходе мог вести «дорогостоящие войны за границей и расходовать чрезмерные средства на работы в стране». На его взгляд, деспотическое правительство, существующее в России, «располагает большими ресурсами и может делать то, что не под силу другим государствам»³⁰. По подсчетам Форбса, расходы на армию составляли при Анне Иоанновне 4 млн. руб., а на флот 1млн. 200 тыс. руб.³¹

Автор обстоятельно освещал положение дел в армии и флоте России. «Регулярные наземные войска непропорционально расположены на территории страны и вдоль ее границ, - писал Форбс, - однако они превосходят по количеству и силе армии своих соседей, не знают усталости, отважны, дисциплинированы и боятся своих офицеров больше, чем врага, у них недостаточно своих офицеров и чаще всего они нанимают на эти должности иностранцев»³². Форбс приходил к выводу, что русская армия хорошо экипирована и дисциплинирована. Что касается кавалерии, то она состоит из «маленьких неутомимых лошадей, более пригодных для путешествий, чем для строя в эскадроне. У них нет высоких лошадей и хороших наездников, но они готовы в любой момент спешиться и вступить в бой»³³. У русских «очень большая и прекрасная артиллерия», которая хорошо управляется. Их магазины наполнены всем необходимым для армейских нужд.

Остановился Форбс и на снабжении армии. Он отмечал, что войска меняют форму раз в три года, а одна треть – ежегодно. Видимо, к последним Форбс относил гвардейцев императрицы. Мундиры воинов зеленого цвета, что позволяет хорошо различать их на поле боя. Каждый

²⁹ Ibid: 913-914.

³⁰ Ibid: 914.

³¹ Ibidem.

³² Ibid: 915.

³³ Ibidem.

солдат получает 1,5 бушеля муки в месяц и 58 копеек, так что расходы государства на каждого из них составляют около 1,5 руб. в месяц. Офицеры, к тому же, снабжаются деньгами на муку и одежду, а также на соль и просо. И далее Форбс на шести страницах размещал информацию о каждом из полков с указанием количества войска в каждом из них³⁴.

Переходя к характеристике русского флота, Форбс отмечал, что его численность составляет 17.820 чел., в т.ч. 7.305 моряков, 5.200 солдат в двух полках, а также плотников и конопатчиков. Дипломат обращал внимание на то, что среди подданных императрицы немного тех, кто пригоден к мореплаванию, и что моряков явно не хватает, а учитывая, что суда используются лишь 3-4 летних месяца в году, то офицеры не имеют достаточной практики, за исключением иностранцев. «Их суда прекрасные и большие, и, по всей вероятности, хорошо и умело построены, – свидетельствовал Форбс, – но быстро приходят в негодность из-за снега и морозов». Он также подчеркивал, что все виды материалов, используемых для строительства судов, производятся в стране. В 1733 г. российский флот состоял из 30 судов и фрегатов³⁵.

В заключительной части трактата Форбс вновь касался устройства государственного управления Российской империи:

«Русское министерство состоит из тех, кто входит в Кабинет и тех, кто в него приглашается. Правительство зависит от воли и желания суверена. Иногда правительница по своему желанию советуется с Кабинетом, который издает законы и направляет ее резолюции Синоду по церковным делам, Сенату по гражданским и экономическим вопросам, коллегиям по делам войны, правосудия, коммерции. Каждая из коллегий состоит из главы и нескольких членов и подчиняется распоряжениям Кабинета и указам правительницы. В состав Кабинета входят три человека: граф Головкин, канцлер, один из богатейших людей страны; граф Остерман, вице-канцлер, советник по внешней политике, немец из Вестфалии; князь Черкасский»³⁶.

Охарактеризовав правительство Анны Иоанновны. Форбс пришел к закономерному выводу: «Всеми делами в государстве управляют графы Бирон, Лёвенвольде, Остерман. Русские ни в какой мере не участвуют в управлении»³⁷. Форбса интересовало также, кто из придворных мог быть полезен Англии. На его взгляд, немногие представители знати, знающие английский язык, склоняются к интересам Англии. Большинство молодых придворных, которые в годы, предшествующие правлению императрицы, обучались во Франции или Германии, вряд ли будут защищать британские интересы. Впрочем, заключал дипломат, эти люди пока не играют заметной роли при дворе. Интересы императрицы, по мнению Форбса, не защищает ни одна партия, и даже немногие высокопоставленные вельможи, носящие титул тайных советников (родственник императрицы С.А. Салтыков, князь Куракин, граф Головкин), не

³⁴ Bitter 2004: 915.

³⁵ Ibid: 915-916.

³⁶ Account of Russia. 1734-1735: 916.

³⁷ Ibid: 919.

играют никакой роли во внутренней и внешней политике правительства, хотя и являются русскими³⁸.

Этими словами завершался «Очерк о России» лорда Форбса. Как отмечал издатель труда М. Биттер, «Очерк» представлял собой «уникальный взгляд на Россию и русский двор» во время миссии посла. Наблюдения Форбса отличались «энтузиазмом в отношении возможностей России, а также симпатией к русским людям». И хотя в его деловой корреспонденции встречаются негативные высказывания относительно русского климата и финансовых затруднений во время службы при дворе Анны Иоанновны, в своем «Очерке» Форбс, на взгляд Биттера, сумел преодолеть «культурные барьеры» при описании России³⁹. Автор публикации произведения Форбса полагал, что впечатления дипломата могли оказать больше влияние на восприятие британской элитой России, и его «Очерк», являвшийся одним из немногих источников из первых рук информатора, мог оказаться полезным для английского двора.

Нам представляется, что издатель «Очерка» был прав в своих оценках труда лорда Форбса. Несмотря на кратковременность визита посла, а также его проживание исключительно в столице, автор, опираясь на опубликованные ранее трактаты предшественников, а также собственные наблюдения, сумел дать вполне объективную оценку состояния России в 30-е годы XVIII в. Бесспорно, что свидетельства лорда Форбса обогатят представления наших современников об эпохе правления императрицы Анны Иоанновны.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Bitter M.(ed.) Document George Forbes's "Account of Russia", 1733–1734 // Slavonic and East European Review. 2004. Vol. 82. № 4. Pp. 886-920. URL: <https://www.jstor.org/stable/4214005?seq=1&cid=pdf>
- Лабутина Т.Л. Как готовился российско-британский торговый договор 1734 года (по материалам дипломатической переписки) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21. Вып. 3.С. 337-345. [Labutina T.L. Kak gotovilsya rossijsko-britanskij torgovj j dogovor 1734 goda (po materialam diplomaticheskoi perepiski)]// Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodny'e otnosheniya. 2021. T. 21. Vy p. 3.S. 337-345].
- Россия в начале XVIII века. Сочинение Ч. Уитворта. Перевод и комментарии Н.Г. Беспятых. Л., 1988. [Rossiya v nachale XVIII veka. Sochinenie Ch. Uitvorta. Perevod i komentarii N.G. Bespyatyx x. L., 1988].
- «Свои» / «Другие» / «Чужие». Из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России / Отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб, Алетейя, 2021. [«Svoi» / «Drugie» / «Chuzhie». Iz istorii vzaimodejstviya i protivoborstva Zapada, Vostoka i Rossii. Otv. red. T.L. Labutina. SPb, Aletejya, 2021].
- Perry J. The State of Russia Under the Present Czar, (1716). L., 1967 (reprint)
- Poe M. Foreign Description of Muscovy: An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources. Columbus, OH, 1993.
- Poe M. A People Born in Slavery. Ithaca, N.Y and London, 2000.
- Weber F.C. The Present State of Russia. 2 vols. L., 1722-23.
- Лабутина Татьяна Леонидовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; tlabutina2007@yandex.ru*

³⁸ Ibid: 919-920.

³⁹ Ibid: 920.

Ethnographic Description and Ethnic Ideas about Russia of the 1730's by Lord George Forbes

The article analyzes the treatise of the British Ambassador Lord J. Forbes "Essay on Russia. 1733–1734", written during his stay at the court of Empress Anna Ioannovna (the original is kept in the castle of the Forbes family in Ireland). The text of the treatise was first published by the American historian Michael Bitter in 2004 in *The Slavonic and East European Review*. In his essay, Forbes presented a detailed description of the location, natural resources, climate, governance, economy, and customs of Russia, which makes it possible to classify his work as an ethnographic work. At the same time, the perception of what he saw in the host country made it possible to get an idea of the ethnic stereotypes that Lord Forbes had formed about Russia and its people. The author comes to the conclusion that the work of the British ambassador is of an objective nature and expands the ideas of our contemporaries about the era of the reign of Anna Ioannovna.

Keywords: *Great Britain, Russia, XVIII c., Ambassador Lord J. Forbes, Empress Anna Ioannovna, "An Account of Russia 1733–1734", ethnographic description, ethnic representations*

Tatiana Labutina, *Dr.Sc. (History), Professor, Chief Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; tlabutina2007@yandex.ru*

**ЖЕНСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЕВРОПЕ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ
ВЛИЯНИЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ
НА ПРАКТИКУ МОБИЛЬНОСТИ И
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОСТРАНСТВЕ¹**

В статье исследуются особенности женских путешествий по Европе Века Просвещения. Основным источником стал малоизвестный неопубликованный травелог сестры британского посланника Кэтрин Гертруды Гаррис о поездках из Англии в Россию в 1770–1780-е гг. Его изучение позволяет реконструировать ещё недостаточно изученную тему женских практик мобильности второй половины XVIII в. и понять, как европейская дорожно-транспортная система и связанные с ней трудности пути влияли на опыт освоения европейского пространства путешественницами.

Ключевые слова: Просвещение, путешествия, XVIII век, травелог, восприятие, британцы, путешествия в Россию.

Для европейцев Века Просвещения² характерен общий интерес к «иным» народам, и исследованию мира, поэтому нельзя осмыслить эту эпоху без обращения к теме мобильности³. Кроме правительственных командировок и коммерческих поездок в XVIII в. всё более частыми становятся путешествия, вызванные интересом к культуре и истории других стран и подталкиваемые стремлением «воспитать ум и сердце», что во многом было обусловлено распространившимися идеями «великой пользы» путешествий для становления личности⁴. Таким образом, согласно исследователю путешествий П. Фасселу, эпоха Просвещения стала временем появления *настоящих* путешественников, которые выезжали познавать новые места «с целью неутилитарного удовольствия»⁵. Отражением распространения практики путешествий стало формирование обширного комплекса записок, которые в современной традиции объединяются понятием *травелог*⁶. Записки о путешествиях XVIII в. занимают особое место в изучении межкультурных коммуникаций, и исследования последних десятилетий значительно углубили понимание способов формирования образов других культур, моделей ак-

¹ Статья подготовлена по результатам проекта «Россия и русские в корреспонденции и дневниках британских дипломатов при дворе Екатерины II» при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» ФГН НИУ «Высшая школа экономики» в 2022 г.

² Периодизация и определение эпохи Просвещения является одним из спорных моментов в историографии. В данном исследовании *Просвещение* понимается как эпоха, охватившая промежуток с конца XVII по конец XVIII в. и характеризующаяся особым типом мировоззрения, идеалов, культурных и социальных практик.

³ Рош 2003: 359.

⁴ Moroz 2020: 47–48.

⁵ Fussell 1987: 657.

⁶ Травелог – совокупность нарративов, описывающая совершённое автором путешествие (дословно «рассказ о путешествии»), от английского “travelogue”, где “travel” – путешествие, “logue” – рассказ). Worn 2004: 17.

туализации европейской идентичности, особенностей межкультурного взаимодействия и картографии эпохи Просвещения⁷.

Любое путешествие вызывает у человека спектр эмоций, варьирующихся от чувства страха до удивления и предвкушения. Восприятие путешествия меняется в зависимости от ряда обстоятельств, дорожных условий, комфорта транспорта и мест для ночлега⁸. Однако материально-техническая и бытовая сторона поездок почти не становилась предметом серьезного изучения. Пока написано мало работ, реконструирующих транспортную систему, состояние дорог, средства передвижения, придорожную инфраструктуру, пограничный контроль, хотя видится, что совокупность этих составляющих имела серьезное влияние на практику путешествий по Европе XVIII в. Причина указанного историографического «умолчания», как представляется, связана с недостатком источников, поскольку редкий автор-путешественник XVIII в. (в противовес вояжерам XIX в.⁹) оставил описания, позволяющие воссоздать бытовую часть путешествия.

В XVIII в. на опыт освоения пространства оказывали влияние не только социальная принадлежность путника, но и гендерная. В исследованиях путешествий этого времени в большинстве случаев представлен мужской взгляд, хотя женщины эпохи Просвещения тоже часто путешествовали, и их опыт мог быть отличным от мужского. Практика поездок в дальние страны для дам была связана с рядом ограничений, объясняющихся особенностями патриархального устройства общества, где мужчина ассоциировался с мобильностью, а женщина – с домом. Публиковать описания поездок для путешественницы означало нарушить предписанные обществом нормы «женственности»¹⁰. В результате большинство текстов, созданных путешествующими дамами, сознательно не были ими изданы и ждут своего исследователя в архивах. Согласно аннотированному сборнику Э.Кросса, за екатерининскую эпоху известны лишь пять сочинений англичанок, посетивших Россию, хотя очевидно, что с учетом эпистолярных источников таких сочинений могло быть создано больше¹¹.

Обнаруженный в британских национальных архивах малоизвестный травелог Кэтрин Гертруды Гаррис (Katherine Gertrude Harris, 1750–1834) отчасти позволяет восполнить обозначенные лакуны и воссоздать бытовую специфику женского путешествия второй половины XVIII в. для того, чтобы ответить на вопрос: как дорожная инфраструктура и транспорт влияли на опыт освоения пространства Европы путешественника/путешественницы?

⁷ Bohls, Duncan 2005: ix.

⁸ Pooley 2022.

⁹ Исследования дорог в эпоху расцвета жанра «путевой прозы», в XIX в. см. Борисов 2010.

¹⁰ Kinsley 2008: 52; Thompson 2011.

¹¹ In the Lands of the Romanovs 2014.

Кэтрин Гертруда Гаррис и её путешествие

Мотивы, побуждавшие отправиться в путь, были весьма различными и зависели от конкретных условий жизни и социального статуса человека¹². Наиболее распространённой причиной женских путешествий было намерение сопровождать супруга или других близких во время их дипломатических миссий или рабочих поездок¹³. Кэтрин Гертруда Гаррис отправилась в путь, чтобы поддержать своего брата, британского дипломата Джеймса Гарриса-младшего (James Harris Jr., 1746–1820), в его посольстве в Россию в 1777–1783 гг.

Поездке Гаррис посвящены семь дневников, в четырех из которых описаны перипетии переездов из Англии в Россию. Автор фиксировала свое эмоциональное и физическое состояние и в свободной форме, весьма кратко и точно описывала впечатления от путешествия. Сравнение записок Гаррис с некоторыми известными публикациями травелогов (У. Кокса, Н. Рэксолла и др.), корреспонденций британских дипломатов (Ч. Каткарта, Р. Ганнинга, Дж. Гарриса и др.) и материалами экспедиций (П.С. Палласа, М. Соера и др.) позволяет утверждать, что травелог англичанки открывает для исследователя новую сторону путешествия и особенный *женский* взгляд на него. Кэтрин Гертруда оставила больше подробностей о поездках, чем многие её современники-мужчины, которые предпочитали давать скупые комментарии политического свойства. Текст англичанки примечателен и тем, что она не стремилась его издавать, поэтому в травелогe гораздо меньше самоцензуры, намеренных искажений или умолчаний¹⁴. Это отличает записки Гаррис от известных сочинений её современниц путешественниц (Э. Димсдейл, Э. Крейвен), которые уже в момент создания предназначались к изданию, либо были скорректированы при подготовке публикации¹⁵.

Кэтрин Гертруда Гаррис родилась в 1750 г. в Солсбери (графство Уилтшир, Англия), на момент начала поездки ей было двадцать семь лет, и она не была замужем. Отец Кэтрин – Джеймс Гаррис-старший (James Harris Sr., 1709–1780) – был политиком, известным музыковедом

¹² Рош 2003: 361.

¹³ Cross 1996: 131.

¹⁴ Кулакова 2012: 79.

¹⁵ Элизабет Димсдейл (Elizabeth Dimsdale, 1732–1812) сопровождала супруга доктора Томаса Димсдейла (Thomas Dimsdale, 1712–1800) в поездку в Россию 1781 г.; дневник с описанием путешествия был опубликован после смерти автора. Большинство исследователей считают, что текст если и не был полностью написан, то был немало изменен Томасом Димсдейлом. Имитация изящества женского стиля нередко использовалась авторами-мужчинами для большей заинтересованности публикации у читателей. Элизабет Крейвен (Elizabeth Craven, 1750–1828) путешествовала по Европе в 1785–1786 гг., и в 1789 г. издала текст с описанием поездки в форме писем, хоть и основанный на настоящем путешествии автора, но сильно переработанные, а некоторые из них написанные уже после возвращения из поездки. Современные исследователи констатируют, что источник представляет собой скорее роман о приключениях утонченной дамы в варварских краях, а не сообщения о реальной поездке. Подробнее см. Bennett 1991; Храпунов, Гинькут 2018.

и автором нескольких философских трактатов (самая тиражируемая работа – «Гермес, или Философское исследование универсальной грамматики», 1751 г.)¹⁶. Как и большинство английских леди, Кэтрин Гертруда получила домашнее образование. Вероятно, её отец считал, что лучшая программа обучения для девушки основывается на широком круге чтения¹⁷. Текст дневников Кэтрин Гертруды позволяет заключить, что автор была знакома с большинством известных художественных литературных произведений эпохи, читала религиозные и философские сочинения и ориентировалась в истории европейских стран¹⁸. При описании посещения храмов Кэтрин демонстрирует знание Библии, а во время экскурсий по галереям и музеям доказывает знакомство с культурой государств Европы. Гаррис владела французским, учила немецкий и за несколько лет пребывания в России выучила основы русского языка. Джеймс Гаррис-старший был известным деятелем культуры и постоянно устраивал в своем доме различные публичные представления, на которых Кэтрин Гертруда научилась находить общий язык с представителями разных социальных групп¹⁹. Вероятно, этим её талантом и воспользовался старший брат, пригласив Кэтрин Гертруду с собой в Санкт-Петербург для установления неформальных контактов в высшем свете, что было необходимо для успеха его дипломатической миссии²⁰.

Брат автора Джеймс Гаррис-младший, будущий граф Мальмсберри, был успешным дипломатом. В 1768–1772 гг. он работал секретарем посольства, а затем полномочным министром в Мадриде, а в 1772–1776 гг. был посланником в Берлине. В 1777 г. Сен-Джеймский двор аккредитовал Гарриса чрезвычайным и полномочным посланником в Россию, где он пробыл до 1783 г.²¹. Накануне поездки, в 1777 г., Джеймс Гаррис-младший женился на шестнадцатилетней дочери члена парламента Харриет Марии, урождённой Эймьянд (Harriet Mary Amyand, 1761–1830). Она вместе с Кэтрин Гертрудой сопровождала супруга в Санкт-Петербург, но почти не оставила записей о путешествии. В архиве был найден лишь один принадлежащий её перу дневник, описывающий путь из Солсбери в Санкт-Петербург в 1777 г.²². Он повторяет текст травелога её невестки – Кэтрин Гертруды.

В связи с болезнью родителей осенью 1779 г. Кэтрин Гертруда вернулась в Солсбери. В декабре 1780 г. умер отец Джеймс Гаррис-старший, а через десять месяцев умерла мать. После недолгого пребывания в Англии на траурных церемониях Джеймс Гаррис-младший вернулся в Россию, а Кэтрин Гертруда и Харриет Гаррис остались до-

¹⁶ Music and Theatre in Handel's World 2002: xix.

¹⁷ Созинова 2020: 67.

¹⁸ TNA. PRO. 30/43. 1/1.

¹⁹ Driscoll 2008: 33–52.

²⁰ Новикова 2021.

²¹ Horn 1932: 118.

²² TNA. PRO 30/43. 35.

ма. Повторное путешествие мисс и миссис Гаррис в Россию началось 26 октября 1782 г. и не было заранее запланировано. Молодые леди отправились вместе с родственниками Харриет Эллиотами на юг Франции, чтобы поправить здоровье. На полпути они получили письма из России, из которых узнали, что Джеймс, продолжавший миссию в Петербурге, серьезно болен. 23 ноября 1782 г. из французского Лиона Кэтрин Гертруда написала: «после недолгого обсуждения мы с Харриет решили отправиться в Петербург. Прошлись по магазинам, чтобы подготовиться к нашему путешествию; думая о южном туре, мы оставили все наши шубы и тёплую одежду в Англии»²³. Данный случай показывает, что женщины XVIII в. отнюдь не были ограничены в самостоятельности, как это было принято считать²⁴. Автор тревелога смело брала ответственность за себя и членов своей семьи и принимала серьёзные решения, в том числе о заграничных поездках. Супруга Джеймса Гарриса была ещё очень молода и неопытна, поэтому в своих дневниках в 1777 г. Кэтрин Гертруда иронично замечала, что её невестка оказалась наискучнейшей компанией, а во время путешествия с ней вдвоём в 1782 г. уже с сожалением писала, что вынуждена была нести ответственность не только за себя, но и за Харриет.

За неполные шесть лет Кэтрин Гертруда совершила и описала несколько длительных путешествий, чего ни одна английская леди той эпохи в столь короткий срок не предпринимала. В статье будут рассмотрены две ее поездки из Англии в Россию: первая в сопровождении брата и невестки Харриет в 1777 г., вторая – с невесткой в 1782 г. Записки о путешествиях 1777 и 1782 гг., хотя и имеют одинаковую структуру, но отличаются самоощущением автора. Путешествие с братом не сопрягалось с решением организационных и финансовых вопросов, поэтому автор была сосредоточена на описании пути: качества дорог, почтовых станций, увиденных природных и рукотворных красот; большие пассажи посвящались поиску особенностей национального характера жителей разных стран. В 1782 г. Кэтрин и Харриет, принявшие волевое решение поехать за заболевшим Джеймсом в Россию, постоянно сталкивались не только с типичными трудностями путешественника, но и с гендерными предубеждениями, а также с необходимостью доказывать своё высокое социальное положение. Описывая вторую поездку, Кэтрин Гертруда много внимания уделяла расходам в дороге, бесконечным переговорам с работниками почтовых и пограничных служб, выражала страх за себя и Харриет при столкновении с опасностями.

Первое путешествие Кэтрин Гертруды, Харриет и Джеймса в Россию началось 10 октября 1777 г. из Солсберри²⁵. Маршрут проходил

²³ TNA. PRO 30/43. 18. F. 23.

²⁴ Kinsley 2008.

²⁵ Здесь и далее даты даны следующим образом: для России по старому и новому стилю через слеш, для указания дат во время путешествия по Европе даты даны только по григорианскому календарю.

через Дувр, Кале, Бетюн, Гент, Брюссель, Кобленц, Франкфурт-на-Майне, Готу, Берлин, Штеттин, Данциг, Мемель, Митаву, Ригу, Дерпт, Нарву и закончилось в Санкт-Петербурге. Второй раз автор травелога отправилась в дорогу в октябре 1782 г. В связи с первоначальным намерением К. и Х. Гаррис добраться до юга Франции, путь оказался длиннее. Выехав из Лондона, компания проезжала через города Дувр, Кале, Монтрёй, Санлис, Париж, Невер, Лион, а оттуда изменила маршрут и направилась на север через Бурк-ан-Брес, Безансон, Вормс, Франкфурт-на-Майне, Наумбург, Лейпциг, Костшин-на-Одре, Кульм, Мариенбург, а затем ровно по тому же маршруту, что и в 1777 г., до Санкт-Петербурга. Согласно тексту, все страны, включая Россию, были для автора частью европейского пространства, ко всем она применяла определение «европейский» (“European”).

Дорожная инфраструктура в странах Европы

При передвижении Гаррисы пользовались европейской системой почтовых станций, на которых проезжающие могли менять лошадей и отдохнуть. При перемене лошадей необходимо было платить почтмейстеру (управителю почтовой станции) определенную сумму денег, а для управления экипажем путешественники нанимали постилионов (форейторов)²⁶. Редко в записках путешественника можно найти удовлетворительный отзыв о работниках почтовых служб. Не стал исключением и исследуемый травелог.

Кэтрин Гертруда не беспокоилась о количестве потраченных денег и необходимости общения с почтмейстерами и постилионами в первую поездку в 1777 г., когда все материальные и организационные вопросы решал её брат. Негативные эмоции от коммуникации с работниками дорожных служб автор в большей мере испытала во время второй поездки, когда она оказалась без сопровождения брата. Чаще всего путешественницы, судя по травелогу Гаррис, сталкивалась с вымогательствами. Особенно автору травелога запомнились французские почтмейстеры и постилионы, которые предстают в записках вечно пьяными, жадными и алчными. Неудовлетворённость вызывала и медлительность работников. Например, несколько часов путешественницы не могли выехать из Парижа, потому что «постиллионы, хотя им платили по 30 солей за станцию, нагло злоупотребляли этим и говорили “[это] плохая порода английских лошадей, мы бы их запрягли, если бы у нас были деньги”»²⁷. Во Франции путешественницам нередко приходилось отстаивать свой привилегированный социальный статус. Так, на станции Сент-Этьен-дю-Буа работник отказался выдавать Кэтрин и Харриет Гаррис лошадей, чтобы оставить их на почтовой станции (и, соответственно, получить дополнительную плату). Для продолжения пути путешественницам пришлось пустить в ход аргументы, что Кэтрин

²⁶ A manual of coaching 1900: 312.

²⁷ TNA. PRO 30/43. 18. F. 17.

«принцесса (princess), а Харриет посольша (ambassadrice)»²⁸. Только после этого и после получения дополнительных двенадцати франков почтмейстер согласился выдать лошадей. В результате мисс Гаррис пришла к неутешительному заключению, что французские работники дорожной сети делают всё, чтобы содрать с наивных англичанок лишние деньги. Лихоимство французских почтовых служащих выделяли и другие английские путешественницы. Тройную сумму за проезд требовали с известной путешественницы Элизабет Крейвен в 1785 г., объясняя это тем, что «путь проходит не по большой, а по проселочной дороге»²⁹. Опыт путешествия по Франции привёл Крейвен к сходному с Гаррис заключению, что здесь «больше, нежели в любой другой стране, всё делается из корыстолюбия» и «говорить с французским постилионом то же, что и с его лошадей»³⁰.

Голландские почтовые работники, как и французские, запомнились нерасторопностью и медлительностью. В австрийских владениях, напротив, поездка на почтовых проходила в разы быстрее³¹. Кэтрин Гертруда отметила, что, пересекая австрийскую границу, путешественник сразу чувствует изменения. Во-первых, постилионы в императорском мундире имели преимущество на дорогах: они трубили «в рога, по форме напоминающие французский горн, а по звучанию – трубу, и все уступают дорогу почте»³². Во-вторых, хотя здесь намного чаще, чем во Франции останавливали, чтобы спросить паспорт, делали это с необычайной учтивостью и «всегда заканчивали словами “имеем честь выпить за здоровье сеньора”»³³. По мере продвижения на восток, начиная с Пруссии, Гаррис всё чаще отмечала пьянство постилионов. Впрочем, и позднее Н.М. Карамзин напишет об этом: хотя прусский король постановил, чтобы все почтмейстеры оказывали уважение к проезжающим, осуществляли перемену лошадей не дольше часа, и запретил им любые самовольные остановки на дороге, они продолжали останавливаться у каждой корчмы, чтобы «выпить пиво, а несчастные путешественники должны были терпеть, или выманивать их деньгами»³⁴.

Российская ямская система, хотя функционально и напоминала европейскую почту, разительно отличалась от того, к чему привыкла Гаррис. Каждые пятнадцать-двадцать верст располагались почтовые станции, где путешественник мог поменять лошадей. Переменной занимались ямщики, а в качестве постилионов выступали извозчики. Гаррис казались диковинными названия («верста», «ямщик» и др.), которые не имели эквивалентов ни в английском, ни во французском языках.

²⁸ TNA. PRO 30/43. 18. F. 25.

²⁹ Craven 1789: 11.

³⁰ Craven 1789: 10-11.

³¹ TNA. PRO 30/43. 10/01. F. 11.

³² TNA. PRO 30/43. 10/01. F. 11.

³³ TNA. PRO 30/43. 10/01. F. 11 г.

³⁴ Карамзин 1984: 29.

Удивление англичанки вызывало и то, что плата за проезд и количество лошадей определялись подорожной грамотой и зависели от социального статуса, проезжающего³⁵. Ямщики оказались англичанке одной из наиболее угнетенных групп населения России. Во-первых, она не уличила их в попытках ее обокрасть. Напротив, Гаррис записала, что проезжающие постоянно недоплачивали работникам, в то время как последние были очень отзывчивыми и помогали путешественникам всем, чем могли³⁶. Во-вторых, Кэтрин Гертруда стала свидетельницей сцен избияния ямщиков знатными проезжающими. Она записала: «в Новгороде я видела, как одного из [ямщиков] держали и били несколько минут, а потом заставили просить прощения, опустившись на колени и коснувшись лбом пола. Мне была совершенно отвратительна вся эта сцена, которую я не могла ни предотвратить, ни избежать, поскольку это происходило в нашей комнате»³⁷. Так вместо негодования медлительностью ямщиков Гаррис испытала к ним невыразимое сочувствие.

Стоимость путешествия

В среднем путешественник преодолевал от сорока до пятидесяти миль в день³⁸. Путь из Солсбери в Санкт-Петербург составлял 2281 миль, и Гаррисы прошли его почти за семьдесят дней. 18/29 декабря 1777 г. они прибыли в место назначения. В 1782 г. первая часть пути – от Лондона до Лиона – заняла двадцать дней, а вторая – от Лиона до Санкт-Петербурга – тридцать два дня. Такие длительные поездки обходились весьма недешево для путешественников.

Поскольку во время путешествия с братом в 1777 г. Кэтрин Гертруда не записывала расходов, все данные приводятся по дневнику за 1782 г. Наиболее подробные сведения англичанка оставила о французской дороге. Каждая лошадь обходилась в двадцать четыре су, а один постилион от пятнадцати до двадцати су за одну станцию³⁹. На конец XVIII в. один су был равен одной пятой ливра. Таким образом, проезд одной станции стоил около сорока су (0,4 ливра или семь пенни), но фактически эти суммы были вдвое больше. Дорожные расходы от Кале до Парижа (170 миль или тридцать три станции) обошлись англичанкам в двадцать гиней, что соответствовало двадцати фунтам⁴⁰.

В России же скорость передвижения по дорогам не превышала пятнадцати миль в день. Самое известное путешествие, предпринимаемое вояжерами XVIII в., из Санкт-Петербурга в Москву занимало около двух недель. В некоторых европейских странах ускорить поездку можно было при наличии средств. Например, в Восточной Пруссии действовало правило, что на почтовых станциях первыми получали лоша-

³⁵ Randolph 2017: 174.

³⁶ TNA. PRO 30/43. 12. F. 13 r.

³⁷ TNA. PRO 30/43. 12. F. 12 r.–13.

³⁸ Randolph 2017: 174.

³⁹ TNA. PRO 30/43. 18. F. 17.

⁴⁰ The Marteau Early 18th-Century Currency Converter.

дей фельдъегеря и курьеры, поскольку для них содержались специальные курьерские лошади⁴¹. В России же, согласно тексту Гаррис, ускорить поездку путешественнику не представлялось возможным. При этом, Кэтрин Гертруда, а вместе с ней и другие путешественницы, были удивлены дешевизне проезда. За один прогон ямщик брал от пятнадцати до двадцати копеек себе, и по одной копейке за каждую лошадь⁴². Таким образом, чтобы проехать одну станцию, путешественник платил от половины до полутора пенни, что было в разы меньше, чем требовалось на французских дорогах.

Пограничный контроль

Свободному перемещению по Европе в XVIII в. препятствовал пограничный контроль⁴³. Путешествие из Великобритании на континент начиналось у пролива: от английского Дувра переправлялись во французский Кале. И здесь многие путешественники даже высокого ранга сталкивались с проблемами паспортного контроля. Для пересечения границы Франции необходим был специальный «пасс» (“pass”), паспорт с рекомендацией о разрешении пересечь границу, а также уплата соответствующих сборов в пользу адмирала Франции. 29 октября 1782 г. компания путешественников, состоящая из Кэтрин и Харриет Гаррис, беременной сестры Харриет леди Анны-Марии Эллиот и её супруга Гилберта Эллиота, пришвартовалась к Кале, но получила отказ на въезд за неимением «пасса». Мисс Гаррис записала о событиях в дневнике: английский министр иностранных дел «лорд Грантем уверил нас, что [пасс] не нужен»⁴⁴. Как выяснилось, затруднение возникло из-за нового указа французского министра по делам военно-морского флота Шарля де Кастриса. Тогда Харриет написала губернатору Кале принцу Э. де Крою имена всех членов компании, чтобы показать, кого они задерживают. Но это мало поспособствовало решению проблемы: им разрешили пришвартоваться, но не продолжить дальнейшее путешествие.

Несмотря на мужское сопровождение сэра Эллиота, мисс и миссис Гаррис решали проблему самостоятельно и вдвоем направились к губернатору Кале. Кэтрин Гертруда написала: «сначала нам отказали [в приёме], затем швейцарец сказал, что принц дома и очень смущён из-за нашей ситуации. <...> Мы вошли в убогую комнату, нас спросили, не мы ли миледи и мадам Гаррис, [после чего губернатор] попросил нас сесть, и сам расположился за столом между нами. Мы объяснили ему нашу ситуацию, и [губернатор] зачитал только что расшифрованное письмо господина Кастриса. <...> Он заверил нас, что единственное, что он смог сделать – позволить нам оставаться в Кале до тех пор, пока из Парижа не придёт посылка с нашими пропусками, и, если бы не положение леди Эллиот, он бы точно отправил нас обратно в Дувр, не

⁴¹ TNA. PRO 30/43. 10/02. F. 24.

⁴² TNA. PRO 30/43. 12. F. 11, 13 г.

⁴³ Lloyd 2008: 5.

⁴⁴ TNA. PRO 30/43. 18. F. 3.

позволив высадиться»⁴⁵. Нововведённое правило пересечения границы заставило компанию ждать, пока один из слуг заберёт пасс у английского министра в Париже А.Фицгерберта, который сам узнал об указе только из писем Гаррис⁴⁶. Спустя несколько дней слуга привёз «пасс», и тогда компания смогла покинуть Кале и продолжить путь.

Хотя «пасс» требовался при пересечении любой страны, иных трудностей Гаррис не отмечала. Другие же путешественницы сталкивались с большим количеством неудобств. Например, Э.Димдейл описала строгость пограничного контроля в Риге – на границе Российской империи. Тогда одетые в зелёную форму работники-пограничники долго досматривали путешественников и даже конфисковывали у них многие вещи⁴⁷. Таким образом, путешественницы XVIII в. сталкивались не только с неурядицами почтовой службы, но и с неотрегулированным пограничным контролем, и, как показывает описанный Гаррис случай в Кале, порой для решения проблемы им приходилось непросто.

Транспорт и придорожное гостеприимство

Путешественники и путешественницы в своих текстах постоянно обращаются к описанию транспортных средств. Выбор способа передвижения влиял на скорость и комфорт путешествия, а значит и на общие впечатления от поездки. Из Англии в Россию в XVIII в. можно было добраться как морским, так и сухопутным маршрутом. Первый был более быстрым, но и более опасным, особенно в осеннее и зимнее время, когда Балтийское море было крайне беспокойным. Предпочтение отдавалось гужевым поездкам⁴⁸. Самыми распространёнными транспортными средствами были карета (carriage), коляска (coach), фэзтон (phaeton), почтовая карета (chaise), берлина (berline), телега (четырёхколёсная – waggon, двухколёсная – cart)⁴⁹. Все виды колясок можно было арендовать на почтовых станциях, и стоимость проката зависела от их удобства. Почтмейстеры внимательно следили, чтобы в транспортном средстве было строго установленное число пассажиров, а в случае нарушения требовали нанимать дополнительный транспорт или лошадей (что сопрягалось с дополнительными расходами).

В 1777 г. Кэтрин Гертруда Гаррис начала путешествие в рессорной коляске (coach), как отметила англичанка, очень комфортной, поскольку «была подвешена на пружины»⁵⁰. Слуги ехали в каретах (carriage), но имели ли они рессоры – неизвестно. Часть пути по Голландии автор провела в не имеющей рессор берлине (berline) и «очень утомилась от 13

⁴⁵ TNA. PRO 30/43. 18. F. 3.

⁴⁶ TNA. PRO 30/43. 18. F. 3-3 г.

⁴⁷ An English lady at the court of Catherine the Great 1989: 6.

⁴⁸ Власова 2010: 116.

⁴⁹ Сравнительный анализ травелогов показал, что путешественники XVIII в. использовали термин коляска (coach) как общий по отношению ко всему колесному транспорту, и употребление других наименований диктуется прежде всего необходимостью выделить детали.

⁵⁰ TNA. PRO 30/43. 10/01. F. 18.

часов тряски в берлине без пружин»⁵¹. В России чаще всего нанимали кибитки, комфортабельность которых Кэтрин не оценила. В 1782 г. Кэтрин и Харриет путешествовали уже в почтовой карете (post-chaise). Ее же выбрала Элизабет Димсдейл с супругом. В своём дневнике Димсдейл выделила большую разницу между их почтовой каретой и открытым фазтоном (open phaeton), нанятым их попутчиком доктором Кингом. Преимущество кареты, согласно записям Димсдейл, заключалось в возможности использовать её для ночного отдыха, ибо в условиях длительной поездки транспорт мог служить и местом для ночлега⁵².

Путешественники часто сталкивались с проблемой поиска места для отдыха. Иногда по пути в Западной и Центральной Европе им попадались сносные гостиницы, но порой приходилось ночевать на почтовых станциях, которые редко заслуживали их одобрения. Больше всего негодований у Кэтрин Гертруды вызвали повсеместно сломанные замки в комнатах⁵³. Другой проблемой были соседи, храп которых был хорошо слышен через тонкие стены и мешал спать уставшим путешественникам. Далеко не всегда удавалось найти подходящие комнаты для расположения троих путников одновременно. Например, в Денемерше, что на территории Польской Пруссии, для компании, состоявшей из Джеймса, Кэтрин и Харриет, нашлись лишь две комнаты. Кэтрин Гертруда записала: «но одна [из них оказалась] настолько сырой и грязной, что мы вынуждены были спать все вместе втроем в одной маленькой комнатушке»⁵⁴. Помимо этого, путешественникам приходилось мириться с нечистотами, ведь предлагаемые гостям помещения на почтовых станциях, по словам Кэтрин Гаррис, были преимущественно «грязными и отвратительными»⁵⁵. Так между Кёнигсбергом и Заркау путешественникам смогли выделить только одну маленькую комнату, «да и ту рядом со свиньями»⁵⁶.

Порой ночевали в собственных экипажах. В 1781 г. Димсдейл описала подобный случай: на территории Прибалтики они с супругом Томасом несколько ночей спали в своей почтовой карете из-за несносного обслуживания, предлагаемого путником в местных почтовых станциях⁵⁷. На российских дорогах в свою очередь нельзя было найти практически никаких удобств для путешественника. Руководствуясь принципом *omnia mea tecum porto*, вояжеры брали с собой все постельные принадлежности, провизию, а те, у кого были средства, и штат прислуги. Редкие почтовые станции, предлагавшие место для ночлега, показались Кэтрин Гертруде настолько несносными из-за не-

⁵¹ TNA. PRO 30/43. 10/01. F. 12.

⁵² An English lady at the court of Catherine the Great 1989: 1.

⁵³ TNA. PRO 30/43. 10/01. F. 15; 18. F. 12.

⁵⁴ TNA. PRO 30/43. 10/02. F. 26.

⁵⁵ TNA. PRO 30/43. 10/02. F. 25.

⁵⁶ TNA. PRO 30/43. 10/02. F. 27.

⁵⁷ An English lady at the court of Catherine the Great 1989: 11.

приятного запаха и невыносимого жара, что она «пришла к решению всегда спать только в своей карете»⁵⁸.

Опасности и переживания путешественниц

Выбор даже самого комфортабельного экипажа не гарантировал спокойного путешествия, и виной тому было качество дорог во всей Европе. Например, в Пруссии по пути из Берлина в Бойценбург трясло так, что Кэтрин Гертруда опасалась, что коляску просто перевернёт. Путешественница написала: на протяжении всей дороги «наши головы бились друг о друга так, что невозможно было и вздремнуть»⁵⁹. Порой транспорт даже ломался от большой тряски. Зимой 1782 г. между Готой и Арнштадтом Кэтрин Гертруда отметила: «переднее колесо нашей кареты сломалось, и, чтобы продолжить путь, его наспех закрепили, но так, что надо было ехать очень осторожно; дороги же были настолько неровными ото льда и снега, что казалось удивительным, что мы больше ничего не сломали»⁶⁰.

По мере продвижения на восток дороги и удобства для путешественников ухудшались. Самым опасным участком на пути в Петербург для Гаррис оказалась дорога по Балтийской и Куршской косам. На момент поездки Гаррис косы находились на территории Пруссии и Польши. Часть пути «проходила с колесом в воде, потому что с одной стороны песок был твёрже»⁶¹. Более того, постоянно приходилось преодолевать высокие песчаные бары⁶², и, чтобы не застрять в песках, увеличивать количество лошадей в упряжи. Если в начале пути у Гаррисов были три лошади, то к концу были наняты десять лошадей. Местные постиллоны «везли нас быстрее, но часто делали длительные остановки, и однажды так напились, что мы обнаружили, что полностью увязли в грязи, и затем несколько часов пытались сдвинуть [коляску] с места»⁶³. В дневнике описаны случаи, когда «из-за неумелой езды и разбитых дорог» за один день транспортное средство ломалось трижды⁶⁴.

Но дух путешествия сглаживал даже самые неприятные ситуации. Так, на одной из почтовых станций на Куршской косе Кэтрин Гертруда записала: «мы все спали в одной комнате, я и брат – на матрасах на полу, никаких полотенец и других необходимых средств; однако эти трудности кажутся более ужасающими, чем они чувствовались [тогда], потому что мы были все вместе и в полной безопасности»⁶⁵. В целом первый опыт путешествия вдоль Балтийского моря (зимой 1777 г.) для Кэтрин Гаррис оказался занимательным: здесь она впервые увидела

⁵⁸ TNA. PRO 30/43. 12. F. 8 r.

⁵⁹ TNA. PRO 30/43. 10/02. F. 17.

⁶⁰ TNA. PRO 30/43. 18. F. 29.

⁶¹ TNA. PRO 30/43. 10/02 F. 24.

⁶² Бар (нем. Sandbank, англ. shoal) - узкая, вытянутая вдоль берега наносная полоса суши (песчаная гряда), отделяющая от моря лагуну (береговой бар).

⁶³ TNA. PRO 30/43. 10/02. F. 29.

⁶⁴ TNA. PRO 30/43. 10/02. F. 29.

⁶⁵ TNA. PRO 30/43. 10/02. F. 25.

полярное сияние, собрала горстку янтаря, наблюдала за остатками кораблекрушений и севшими на мель кораблями.

Вторая поездка Кэтрин Гертруды Гаррис по этому же участку маршрута в 1782 г. чуть не закончилась трагедией. Порывистый ветер с Балтики выбивал стекла кареты, в результате чего большой осколок попал путешественнице в глаз. Она написала: «чудом я избежала травмы, хотя и на мгновение перепугалась участи остаться без глаза»⁶⁶. Но на этом злоключения не закончились: в один момент карета «перевернулась, и мы очутились лежащими вперемешку с вином и провизией; нам удалось вылезти, я потеряла свою обувь, но никто не пострадал»⁶⁷. Кэтрин и Харриет пришлось пешком несколько часов пробираться через снег за помощью на ближайшую почтовую станцию, где по счастью работники оказались отзывчивыми и помогли путницам. Несмотря на то, что англичанки очень замёрзли, они решили продолжить путешествие без остановки на отдых, «потому что движение было единственным способом согреться»⁶⁸.

Дальнейшее повествование и описание пути по территории Литвы и Курляндии наполнены ещё более пугающими подробностями. Как только путешественницы задремали, Кэтрин почувствовала, что карета начала клониться на один бок и вот-вот перевернётся. Она записала: «мы были уверены – это конец; я немедленно открыла противоположную дверь, мы успели выскочить и наблюдали, как наша карета склонилась над пропастью, и только несколько веток орехового кустарника удерживали её [от падения]»⁶⁹. Англичанки продолжили путь, но решили пересесть в сани. По ощущениям Гаррис, холод был нестерпим, и остаток пути они страдали от двадцатиградусного мороза. Кэтрин отметила: «я впала в полное отчаяние от страха не добраться до Петербурга, и <...> была так измотана, что мысль еще об одной морозной ночи в санях казалась невыносимой. Страшная тревога мешала мне уснуть, хотя бы на мгновение; Харриет же прекрасно спала и была избавлена от всех моих страданий»⁷⁰. Только, когда отчаяние Кэтрин достигло предела, русская речь – “*mogena soudaruna*” (можно сударыня) – вернула англичанке надежду и значительно приободрила. Конец пути, казалось, был совсем близок⁷¹.

Центральной темой любого повествования о поездках по России оставалось бездорожье. Даже главные дороги империи мостили фашиником (связками хвороста и брёвнами) и очень плохо обслуживали⁷². Повсеместно в России от большой тряски ломались коляски, а от

⁶⁶ TNA. PRO 30/43. 18. F. 35 г.

⁶⁷ TNA. PRO 30/43. 18. F. 35 г.

⁶⁸ TNA. PRO 30/43. 18. F. 36.

⁶⁹ TNA. PRO 30/43. 18. F. 36.

⁷⁰ TNA. PRO 30/43. 18. F. 39.

⁷¹ TNA. PRO 30/43. 18. F. 39 г.

⁷² Randolph 2017.

ям выбивались стекла. В результате порой большая часть времени путешествия уходила на ремонтные работы. Но на российской территории приходилось преодолевать и иные опасности. Многие англичанки записывали, что при пересечении границы работники почтовых станций сразу же предупреждали их о небезопасности дорог и призывали продолжать путь только в сопровождении офицеров⁷³. Кэтрин Гаррис на своем опыте познала это, став жертвой грабителей, которые «схватили четырёх слуг и извозчика из кибитки, связали им руки и повели в лес рядом с дорогой, там они отобрали у них 230 рублей, забрали одежду, и даже маленькие часы из кареты князя Хилкова, немного вина, два окорока и другую провизию»⁷⁴.

Сравнение наполненного злоключениями рассказа о поездке Кэтрин Гертруды Гаррис в Петербург в 1782 г. с романтическими описаниями совместного путешествия её семейства пятью годами ранее, показало, что для Кэтрин мужское сопровождение облегчало путь. Тогда в дороге неприятности ограничивались плохими замками, грязными комнатами в гостиницах и тряской в экипаже. В 1782 г., когда англичанка совершила самостоятельное путешествие, она испытала наивысшую степень тревоги. Финансовые проблемы, тревожный пограничный контроль, общение с работниками почтовых служб, плохие дороги, отсутствие бытовых удобств занимали все мысли автора.

Безусловно, тревелог Кэтрин Гертруды Гаррис помогает понять особенности освоения пространства Европы женщинами-путешественницами Века Просвещения. В своем тексте автор продемонстрировала прагматичный взгляд на путешествие и показала самостоятельность в принятии решений о поездках и в преодолении конфликтов и опасностей. Дневник англичанки позволяет реконструировать материальную и техническую составляющую европейского путешествия по суше во второй половине XVIII в. Это путешествие предстало далеким от литературных описаний своего времени. Путешественниц ожидали не только авантурные приключения, но «проза жизни»: опасности, грязь, поиски пристойного ночлега и большие затраты на передвижение. А потому прекрасные страны на пути запоминались не только красотами, но и пережитыми трудностями и унижениями: во Франции боялись почтовых работников, готовых в любую минуту обокрасть путниц, в Пруссии тревожились из-за пьянства почтмейстеров и постилионов, в Прибалтийских землях Польши и России опасным было катастрофическое состояние дороги, а на просторах Российской империи к этому добавлялись и грабежи. Однако, с учетом всех трудностей и опасностей пути, дорога со всей очевидностью манит человека XVIII столетия, и женщины наряду с мужчинами пускаются в путь, пренебрегая всеми трудностями и угрозами.

⁷³ An English lady at the court of Catherine the Great 1989: 15-16; Craven 1789: 193.

⁷⁴ TNA. PRO 30/43. 12. F. 1 r.-2.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- TNA. (The National Archives). PRO. (Public Record Office). 30/43. Box 1/1 (Essays written by James Harris for his two daughters, Katherine Gertrude, and Louisa Margaret Harris (1766 May 21 - Aug. 14).
- TNA. PRO. 30/43. Box 10/1 (Journal of a journey from London to St. Petersburg [part 1]).
- TNA. PRO. 30/43. Box 10/2 (Journal of a journey from London to St. Petersburg [part 2]).
- TNA. PRO. 30/43. Box 11 (Journal of stay in St. Petersburg with the Earl of Malmesbury, then Ambassador there).
- TNA. PRO. 30/43. Box 12 (Journal of a visit to Moscow).
- TNA. PRO. 30/43. Box 18 (Journal of a journey from London to St. Petersburg via Paris and Lyons).

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Борисов Н.С. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. М.: Молодая гвардия, 2010. 440 с. [Borisov N.S. Povsednevnaia zhizn' russkogo puteshestvennika v epokhu bezdorozh'ia. M.: Molodaia gvardiia, 2010. 440 s.].
- Власова Е.Г. «Дорожные дискурсы» уральского травеллога XVIII – начала XX // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 6 (12). С. 115–121. [Vlasova E.G. «Dorozhnye diskursy» ural'skogo travelloga XVIII – nachala XX // Vestnik Permskogo universiteta. 2010. Vyp. 6 (12). S. 115–121.].
- Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / изд. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский; отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1984. 717 с. [Karamzin N.M. Pis'ma russkogo puteshestvennika / izd. Ju.M. Lotman, N.A. Marchenko, B.A. Uspensky; otv. red. D.S. Lihachev. L.: Nauka, 1984. 717 s.].
- Кулакова Е.А. Сочинения британцев о путешествиях в Россию во второй четверти XIX века // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 79–93. [Kulakova E.A. Sochineniia britantsev o puteshestviakh v Rossiui vo vtoroi chetverti XIX veka // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 39. S. 79–93.].
- Новикова А.Д. Официальная дипломатия и неформальные связи при дворе Екатерины II: посольство Джеймса Гарриса в Россию // Новая и Новейшая История. 2021. № 5. С. 127–139. [Novikova A.D. Ofitsial'naiia diplomatia i neformal'nye sviazi pri dvore Ekateriny II: posol'stvo Dzheimsa Garrisa v Rossiui // Novaiia i Noveishaiia Istoriia. 2021. № 5. S. 127–139.].
- Рош Д. Путешествия // Мир Просвещения: исторический словарь / ред. Винченцо Ферроне и Даниеля Роша; пер. Н.Ю. Плавинской; ред. С.Я. Карпа. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 359–368. [Rosh D. Puteshestviia // Mir Prosveshcheniia: istoricheskii slovar' / red. Vincentso Ferrone i Danielia Rosh; per. N.Iu. Plavinskoi; red. S.Ia. Karpa. M.: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2003. S. 359–368.].
- Созинова К.А. Чтение как образовательная практика английской леди во второй половине XVIII века // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2020. №4 (69). С. 65–78. [Sozinova K.A. Chtenie kak obrazovatel'naia praktika angliiskoi ledi vo vtoroi polovine XVIII veka // Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina. 2020. №4 (69). S. 65–78.].
- Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Визит знатной дамы: Элизабет Крейвен и ее описание Крыма // Известия Уральского федерального университета. 2018. Т. 20. № 2 (175). С. 122–136. [Khrapunov N.I., Gin'kut N.V. Vizit znatnoi damy: Elizabet Kreiven i ee opisanie Kryma // Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. 2018. T. 20. № 2 (175). S. 122–136.].
- Шпак Г.В. Пространственно-временные и когнитивно-риторические стратегии травелогов Г.Ф. Миллера // Диалог со временем. 2017. № 58. С. 261–276. [Shpak G.V. Prostranstvenno-vremennye i kognitivno-ritoricheskie strategii travelogov G.F. Millera // Dialog so vremenem. 2017. № 58. S. 261–276.].
- A manual of coaching / by Fairman Rogers. Philadelphia: J.B. Lippincott Co, 1900. 579 p.
- An English lady at the court of Catherine the Great: the journal of Baroness Elizabeth Dimsdale, 1781 / Elizabeth Dimsdale; ed. with by A.G. Cross. Cambridge: Crest, 1989. 108 p.
- Bennett S.S. [Review] // New Zealand Slavonic Journal. 1991. P. 166–168. Rev. op. An English Lady at the Court of Catherine the Great: the journal of Baroness Elizabeth Dimsdale, 1781 / ed. by A. G. Cross. Cambridge: Crest, 1989. 108 p.

- Bohls E.A., Duncan I. *Travel Writing 1700-1830: An Anthology*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 520 p.
- Borm J. *Defining Travel: On the Travel Book, Travel Writing and Terminology // Perspectives on Travel Writing / ed. by G. Hooper and T. Youngs*. Aldershot: Ashgate, 2004. P. 13-26.
- Craven E. A journey through the Crimea to Constantinople: In a series of letters from the Right Honourable Elizabeth Lady Craven to his serene Highness the Margrave of Brandenburg, Anspach, and Bareith. Written in the year MDCCLXXXVI. Dublin: printed for H. Chamberlaine, 1789. 415 p.
- Cross A.G. *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 474 p.
- Driscoll P. The Salisbury Annual Musical Festival 1770–1800 // *Cultural and Social History*. 2008. № 5(1). P. 33–52.
- Fussell P. *Norton Anthology of Travel*. New York: Norton, 1987. 832 p.
- Horn D.B. *British Diplomatic Representatives 1689–1789*. London: Offices of the Society, 1932. 178 p.
- In the Lands of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613-1917) / ed. by Anthony Cross*. Cambridge: Open Book Publishers, 2014. 419 p.
- Kinsley Z. *Women Writing the Home Tour, 1682–1812*. London: Routledge, 2008. 216 p.
- Lloyd M. *The passport: The history of man's most travelled document*. Canterbury: Queen Anne's Fan, 2008. 235 p.
- Music and theatre in Handel's world: the family papers of James Harris 1732-1780 / ed. by Burrows D., Dunhill R*. Oxford: Oxford University Press, 2002. xliv, 1212 p.
- Moroz G.A. *Generic History of Travel Writing in Anglophone and Polish Literature*. Leiden: Brill, 2020. 236 p.
- Randolph J. *Communication and Obligation: The Postal System of the Russian Empire, 1700–1850 // Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600-1850 / ed. by S. Franklin, K. Bowers*. Cambridge: Open Book Publishers, 2017. P. 155-184.
- Pooley C. *Spotlight on the traveller: Individual experiences of routine journeys // The Journal of Transport History*. 2022. №6. P. 1-18.
- The Marteau Early 18th-Century Currency Converter: A Platform of Research in Economic History / designed and programmed by Olaf Simons and Matthias Böhne; ed. by Paolo Malanima, Şevket Pamuk, Richard Kleer a.o*. URL: <http://www.pierre-marteau.com/currency/converter.html>
- Thompson C. *Questions of Gender and Sexuality // Travel Writing / ed. by Thompson Carl, Drakakis John*. 1st edition. London: Routledge, 2011. P. 168-198.

Новикова Арина Дмитриевна, аспирантка, Школа исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия); стажёр-исследователь, Центр истории России Нового времени, НИУ «Высшая школа экономики»; adnovikova@hse.ru

Women's European Journey of the Enlightenment Period: the Road and Transport System and its Impact on the Experience of Mobility and Space Perception

The article attempts to investigate how the women travelers master European space during the Age of Enlightenment. This paper investigates the unpublished, little-known travelogue of the British envoy's sister Katherine Gertrude Harris. In a series of journals, she described journeys from England to Russia in the 1770s-1780s. The study of these documents provides an opportunity to reconstruct the under-researched topic of women's travel, as well as to articulate road and transport infrastructure and its impact on the European travelers' experience of mobility.

Keywords: *The Enlightenment, XVIII century, travels, perception, travelogue, the British, travels to Russia.*

Novikova Arina, PhD student, School of historical sciences, HSE University (Moscow, Russia); Research Assistant in Centre for Modern Russian History, HSE University; adnovikova@hse.ru

И.М. НОХРИН, Е.С. САУКОВА

США КАК «ЗНАЧИМЫЙ ДРУГОЙ» В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛИЗМА В КОЛОНИАЛЬНОЙ КАНАДЕ И АВСТРАЛИИ XIX В.

В статье мы отталкиваемся от ставшего уже классическим постулата Ф. Барта о конструирующей роли границ в формировании этнической и национальной идентичности. С этой точки зрения национальное самоопределение – это не столько продукт развития культурной самобытности того или иного сообщества, сколько результат рефлексии о «другом» или, выражаясь словами Ж. Лакана, конституирующим другом. Мы ставим целью доказать, что подобным же образом, происходило и развитие колониального национализма в Канаде и Австралии. В развитии национального дискурса для их интеллектуалов важнейшую роль сыграла идея наличия у канадцев и австралийцев коренных отличий от американцев – их «значимом другом».

Ключевые слова: *История Канады, история Австралии, канадский национализм, австралийский национализм.*

С конца XX в. в исследованиях феномена национализма прочно закрепился модернистско-структуралистский подход. Он до сих пор активно используется подавляющим большинством исследователей как теоретико-методологическая база для анализа процессов становления и развития национальной идеологии и идентичности в различных странах и регионах мира. Основные его принципы – модернизм и структурализм – предполагают, что национализм как явление неразрывно связан с феноменом модернизации и такими присущими ему историческими процессами, как становление и развитие капитализма, формирование централизованных бюрократических государств, образование и распад колониальных империй¹. В то же время, как подчеркивал Э. Смит, всё это раскрывает вопрос о национализме лишь наполовину². Важнейшей задачей являются не только выявление причин возникновения национализма, но и объяснение его конкретных исторических форм, внутреннего смыслового и символического наполнения.

Сегодня кажется очевидным, что содержание националистической идеологии и дискурса не может быть абсолютно произвольным и любым, хотя некоторые исследователи раньше доказывали обратное³. Как убедительно продемонстрировали исследования К. Калхуна⁴, С. Кауфмана⁵, Э. Смита⁶ и др., в процессе конструирования нации неизбежно задействуются уже существующие элементы культуры – символы и смыслы из прошлого, которые предопределяют в той или иной степени

¹ Андерсон 2001; Геллнер 1991; Манн 2018.

² Smith 2008.

³ Gellner 2008.

⁴ Калхун 2006.

⁵ Kaufman 2001.

⁶ Smith 1986.

содержание национального конструкта. Однако остаются вопросы, как и почему делается выбор из нескольких возможных интерпретаций прошлого⁷, почему одним символам и смыслам придается большое значение, тогда как другие игнорируются, возможны ли различные и конкурирующие интерпретации, и если да, то как происходит отбор.

Принимая во внимание все эти по-прежнему актуальные вопросы, мы обращаемся в предлагаемой статье к историческому опыту Канады и Австралии колониального периода, чтобы выявить закономерности формирования национальной идеологии в обществах со схожим историко-культурным наследием и траекториями социально-экономического развития. Будучи переселенческими колониями Британской империи, Верхняя Канада (мы целенаправленно исключаем франкоязычное население Нижней Канады как носителей иной культурной традиции), а также Новый Южный Уэльс, Виктория, Тасмания, Южная Австралия, заселялись на тот момент почти исключительно выходцами из метрополии. В случае Канады некоторая часть поселенцев происходила с территории США, которые, однако тоже ещё недавно были частью Британской империи и формировались под её очевидным влиянием.

Мы отталкиваемся от ставшего классическим постулата Ф. Барта о конструирующей роли границ в формировании этнической и национальной идентичности⁸. С этой точки зрения национальное самоопределение – это не столько продукт развития культурной самобытности того или иного сообщества, сколько результат рефлексии о «другом» или, выражаясь словами Ж. Лакана, о конституирующем другом. Поэтому стержнем любой национальной идеологии неизменно становится представление о наличии у собственной нации коренных отличий, культурных, исторических, цивилизационных, физиологических и т.п., от того «значимого другого», который находится «по ту сторону» от проводимых границ⁹. Иными словами, развитие национализма – это процесс конструирования образа не только собственной, но и других наций.

Вместе с тем, как справедливо утверждал С. Харрисон, хотя групповая идентичность и строится через противопоставление, «другой» не может быть выбран совершенно произвольно. Обязательным условием для проведения конституирующих границ в смысле Ф. Барта является близость «другого», его присутствие в повседневном опыте, наличие знания о нём или даже общих элементов культуры, что делает возможным рефлексии о «другом», приписывание ему неких характеристик и, в конце концов, отрицание его¹⁰. И потому, чем ближе и понятнее «другой», тем проще строить собственную идентичность на противопоставлении ему. Вместе с тем, близость «другого» означает и наличие общих черт, которые мешают проведению границ. Поэтому конструирование

⁷ Шнирельман 2006: 6.

⁸ Barth 1969.

⁹ Eriksen 1993: 9-12; Kaufman 2001: 22.

¹⁰ Harrison 2003: 345.

«другого» часто происходит в форме отрицания его близости, подчеркивания отличий на фоне старательного отрицания подобия – всё то, что Фрейд однажды назвал «нарциссизмом небольших различий».

Конструирование нации через постоянную рефлексию о «другом», как утверждает Л. Гринфелд, неразрывно связывает эти две идеологемы отношениями конкуренции и соперничества¹¹. Однако зачастую оказывается, что обосновать свое превосходство над «другим» в существующих смысловых категориях не так-то просто, как раз в силу сходства образа жизни, идей, ценностей и приоритетов. В качестве примера исследовательница приводит опыт французского национализма XVIII в., когда конституирующий «другой», т.е. Великобритания, неизменно превосходила Францию в торговле, промышленности и на полях сражений, словом, во всех сферах, которые тогда считались важными и в самой Франции¹². В таком случае, утверждает Л. Гринфелд, национальная идеология вступает в полосу ресентимента, т.е. переосмысления общепринятых приоритетов, ценностей и институтов таким образом, чтобы обесценить преимущества и значимые характеристики «другого» и, акцентируя внимание на различиях, всё же утвердить своё превосходство над ним. Как результат, ресентимент неизбежно приводит к переосмыслению и «себя», и «другого».

В этой статье мы ставим целью доказать, что и развитие колониального национализма в Канаде и Австралии неизбежно проходило стадию ресентимента, т.е. обесценивание значимых характеристик «другого» в поисках критериев «своего». И поскольку США долгое время оставались чуть ли не единственной зарубежной страной, о которой канадцы и австралийцы могли и пытались рассуждать, достижение этой задачи заметно упрощается. Это также определяет и специфику использованных источников. Поскольку обращение к образу США неизменно происходило в ходе дебатов о дальнейшем пути развития канадских и австралийских колоний, информацию об их содержании мы в полной мере можем подчерпнуть из газетных и журнальных публикаций. Для Канады это одни из первых в её истории периодических изданий Колониэл Эдвокейт (The Colonial Advocate), Аппер Кэнейдиан гэзетт (The Upper Canada Gazette) и Уикли реджистер (Weekly Register). Среди австралийских изданий также были выбраны наиболее ранние: Эйдж (The Age), Аргус (The Argus), Саус Аустрэлиэн Реджистер (South Australian Register), Сидней Морнинг Геральд (The Sydney Morning Herald), Лонсестон Экзаминер (Launceston Examiner), «Порт Филлип Газетт энд Сеттлерс Джорнал» (Port Philip Gazette and Settler's Journal).

Вопрос о значении образа США для развития национальной идентичности британских колоний начал подниматься в историографии одновременно со всеобщим ростом интереса исследователей к проблематике национализма и нациестроительства. Одной из первых работ на

¹¹ Greenfeld 2018.

¹² Greenfeld 1992: 180.

эту тему стала книга С.Ф. Уайза и Р.К. Брауна о восприятии США в канадской общественно-политической мысли XIX в.¹³ Как утверждали исследователи, ещё с колониальных времён, а особенно, начиная с 1830-х гг., США были для канадской общественности символом всего «демократического» в противовес, как считалось, монархической и аристократической Европе и, прежде всего, Великобритании. И эта дихотомия «американского» и «британского» заложила основу канадского национализма. Иными словами, самобытность Канады, как доказывали Уайз и Браун, была сформирована американским влиянием, наложившимся на британское историческое наследие и институты¹⁴.

Похожего подхода придерживается и современный канадский историк Дж. Эррингтон, доказывающая, что уже с первой половины XVIII в. Канада развивалась как англо-американское сообщество, и среди её населения были распространены как американские, так и британские идеи и ценности¹⁵. Исследовательница при этом подчеркивает, что под влиянием конкретных событий их значение могло различаться в разные периоды истории Канады. Так, например, в конце XVIII – начале XIX вв. в результате массового переселения лоялистов в Канаде стало особенно популярным демонстрировать верноподданнические настроения по отношению к Великобритании, а в 1820-е XIX в. на фоне борьбы за демократизацию колониальной политической системы усилилась американское влияние.

Интересно, что в дискуссиях о зарождении канадского национализма классики канадской историографии Уайз, Браун и Эррингтон выступают с перенниалистских позиций: они находят его истоки в уже существовавшей историко-культурной традиции, с той особенностью, что таковых традиций было две – британская и американская, а итоговый результат, т.е. канадский национализм, стал их своеобразным смешением. Более того, этот подход вступает в конфликт с модернистско-структуралистской парадигмой исследований национализма. Как утверждал один из её «отцов-основателей» Э. Геллнер, национальная идентичность предполагает, что «люди желают быть политически едиными со всеми теми, и только с теми, кто принадлежит к той же культуре»¹⁶. Следовательно, развитие канадского национализма нуждалось в собственной культурной основе, которая не могла быть просто заимствована у Великобритании или США. В противном случае канадская идентичность так и сформировалась бы, а жители, равно как и колониальные элиты, продолжали бы считать себя британцами или американцами.

Тем не менее, и для современной канадской историографии характерна идея прямого переноса американской культуры в Британскую Северную Америку. В частности, Ф. Бакнер о периоде 1815–1837 гг. пи-

¹³ Wise, Brown 1967.

¹⁴ Ibid.: 3.

¹⁵ Errington 1987.

¹⁶ Геллнер 1991: 126-127.

шет: «Американские газеты свободно циркулировали в англоязычных частях Канады, равно как и республиканские идеи. Хотя растущая британская иммиграция начинала менять отношение к американской идеологии и культуре»¹⁷. Его поддерживает Т. Даннинг: «Это была территория, на которую два обширных внешних центра силы, Великобритания и США, имели огромное влияние»¹⁸. В то же время современные историки часто подчеркивают, что канадцы дополняли собственным содержанием те идеи, которые приходили к ним из метрополии и соседней республики. В частности, пишет Ф. Бакнер, для франкоканадских политиков американский демократизм был привлекателен не только перспективой отделения от Британской империи и обретения независимости, но и как возможный способ обеспечить собственное доминирование в органах государственной власти. А для их англоговорящих коллег такую же функцию выполняла идея лояльности британским институтам¹⁹. Однако и современные авторы не уделяют внимания тому, что канадцы понимали под «американской демократией» и «британской конституцией», т.е. каким было смысловое наполнение обсуждавшихся понятий. Таковые принимаются, выражаясь словами М. Фуко, как нечто само собой разумеющееся. С нашей же точки зрения этот вопрос имеет принципиальное значение.

Исследование истории австралийского национализма началось на рубеже 1970–1980-х гг. Р.Б. Уорд и Р. Уайт, обратившись к теме национального мифотворчества, предприняли попытку показать процесс формирования концепта «настоящего австралийца», истинного представителя австралийской нации. Уорд сосредоточился на происхождении образа бушмена – важнейшей части современной «австралийской легенды»²⁰, Уайт рассмотрел в исторической перспективе более широкий спектр представлений о том, что есть Австралия и кто такие австралийцы²¹. Н. Мини сконцентрировал внимание на «британскости» как одном из основных факторов австралийского национализма²². Взаимосвязь колониальной идентичности и «британскости» стала также предметом исследования С. Морган, в котором проанализирован распространённый в автономиях национальный миф об австралийцах – «лучших из британцев»²³.

Помимо британцев как «значимого другого», изучались и иные факторы, повлиявшие на формирование австралийского национализма. Дж. Партингтон рассматривал этот вопрос через призму этно-культурного происхождения австралийцев, показав английское и ирландское

¹⁷ Buckner 2020: 113.

¹⁸ Raible 2016: 132.

¹⁹ Buckner 2020: 102-103.

²⁰ Ward 1978.

²¹ White 1981.

²² Meany 2001.

²³ Morgan 2017.

влияние на формирование национальной идеологии²⁴. К. Росс изучала вопрос китайской миграции на пятый континент и возникновение идеи «китайской угрозы»²⁵. Л. Мегаррити сфокусировался на дебатах в правительстве Квинсленда по вопросу необходимости использования труда островитян²⁶. Вопрос о значении образа в контексте развития австралийского национализма ещё только ждёт глубокого изучения.

США как «значимый другой» в определении канадского: дискуссия У.Л. Маккензи и его критиков. В истории Канады совсем немного личностей могут сравниться по степени известности с фигурой Уильяма Лайона Маккензи. Профессиональный журналист и публицист, издатель нескольких газет, депутат ассамблеи, он известен как яростный критик колониальной системы управления и лидер восстания 1837 г. Однако репутация борца за демократизацию канадских политических институтов обернулась своего рода канонизацией образа Маккензи в историографии. Сойдясь во мнении о его значительной роли в обретении Канадой самоуправления, историки почти полностью потеряли интерес к фигуре Маккензи – за последние три десятилетия о нём выходили лишь единичные исследования, большинство из которых относятся к биографическому жанру²⁷. Как ни парадоксально, но политический дискурс Маккензи до сих пор остаётся неисследованным, в то время как это был одна из первых попыток формулирования национальной идеологии.

У.Л. Маккензи переехал в Канаду из Шотландии в 1820 г. в городок Дандас на реке Ниагара. За несколько лет он заработал небольшое состояние, торгуя лекарствами, ювелирными украшениями, бытовой утварью и книгами, а уже в 1824 г. приобрел свой первый печатный станок и начал выпуск газеты «Колониэл Эдвокейт»²⁸. Специфика издания заключалась в целевой аудитории – с самого начала оно имело подчеркнуто «народный» характер. Материалы «Колониал Эдвокейт» были ориентированы на интересы городских обывателей, мелких торговцев, фермеров, ремесленников. «Зуб весом в 31/4 фунта, а также множество костей огромного размера, были найдены на берегу реки Дон [одна из рек, впадающих в озеро Онтарио – И.Н.]. Вполне вероятно, что они лежат там со времён Великого Потопа, поскольку вряд ли возможно, чтобы 6-фунтовый слой глины мог быть смыт с них в какой-то другой период», – сообщила газета о недавней находке. Ещё одна заметка из разряда повседневной хроники: «Большая пятнистая корова, найденная около трёх месяцев назад у начала Спэйдина Эвеню, на днях отелилась. [Нашешие – И.Н.] зовут владельца доказать право собственности, заплатить вознаграждение и забрать её»²⁹.

²⁴ Partington 1994.

²⁵ Ross 2006.

²⁶ Megarrrity 2006.

²⁷ Raible 2016.

²⁸ Kilbourn 2008: 45.

²⁹ Ibid.: 58-59.

Однако тематика газеты не ограничивалась местными происшествиями. С первых же выпусков газеты Маккензи принялся писать о казавшемся ему очевидным застое в развитии Канады. «Если фермер, коммерсант или ремесленник из Канады отправится по делам в Соединённые Штаты...он увидит там процветание...в то время, как колонии обнищали, остались без звонкой монеты, опутаны долгами»³⁰. Кроме того, Маккензи указывал на разницу в объемах производства и торговый дефицит между Верхней Канадой и соседними США, что как бы дополняло нарисованную им картину кризиса в колонии. Большое внимание журналист уделял развитию в соседней республике системы судоходных каналов. Маккензи восхищался транспортной инфраструктурой, создававшейся тогда в США, и предлагал как можно скорее последовать примеру соседей и начать строительство каналов и в Канаде³¹.

Проводимое Маккензи сравнение Верхней Канады и США может показаться не вполне адекватным в силу многих причин. Издатель Колониэл адвокат не только не принимал во внимание разницу в их населении и экономическом потенциале, но и как будто бы забывал о том, что освоение территории Верхней Канады началось лишь после Войны за независимость США и пока не длилось и полувека. Однако, пожалуй, самый интересный факт состоит в том, что сам Маккензи до тех пор никогда не бывал в США за исключением небольшого приграничного городка Льюстона по другую сторону реки Ниагара от канадского Квинстона, собственно, места жительства журналиста. Учитывая, что оба населенных пункта имели довольно скромные размеры и в одинаковой степени отличались провинциальностью и отсутствием деловой активности, возникает вопрос, на чем Маккензи строил своё мнение о «процветающих» США и «обнищавшей» Канаде. Очевидно, что не на собственном опыте. С другой стороны, проведение детального сравнительно-экономического исследования явно не входило в его планы. Пассажи о США были нужны Маккензи для других целей.

Корень всех бед Канады, как видел редактор Колониэл Эдвокейт, уходил в несовершенство системы управления Британской Северной Америкой, а именно – в неподконтрольность колониальных чиновников и, прежде всего, губернатора П. Мейтланда, населению провинций, т.е. отсутствие института ответственного правительства. Поэтому управляющий колонией беспокоился, как утверждал Маккензи, не о процветании вверенной ему страны, а только об увеличении своего благосостояния и обогащении приближённых к нему людей³². «Прогресс невозможен, пока страна находится в руках бездеятельного губернатора, окружённого фаворитами, пока ассамблея подвержена коррупции через систему раздачи пенсий, должностей, титулов и наград»,

³⁰ Colonial Advocate, 27 May 1824.

³¹ Colonial Advocate, 27 Sept. 1824

³² Colonial Advocate, 4 May 1826.

– писал Маккензи в своей газете³³. Тем самым он утверждал не что иное, как канадский национализм, т.е. политический принцип, выражаясь словами Э. Геллнера, согласно которому контроль над политической единицей должен принадлежать проживающему на её территории населению. Как и другие националисты, Маккензи считал «совершенно недопустимым с точки зрения политических норм, если правители политической единицы принадлежат не к той нации, к которой относится большинство населения»³⁴. В данном случае это касалось королевских чиновников, которые назначались Лондоном управлять колонией безо всякого учёта мнения самих канадцев.

Острые высказывания Маккензи в адрес властей немедленно привлекли внимание и обернулись ответными обвинениями в нелояльности и неуважении к королевской власти со страниц Апшер Кэнейдиан гзетт и его приложения Уикли реджистер – официального издания администрации лейтенант-губернатора Верхней Канады. Его главный редактор Чарльз Фозергилл часто напоминал читателям, что типография Макензи находилась не в Квинстоне, а в Льюистоне, по другую сторону реки Ниагара. В отсутствие охраняемой и вообще сколь-либо выраженной границы между британской колонией и штатом Нью-Йорк, это обстоятельство выглядело достаточно невинно, но в то же время давало отличный повод для нападок на Маккензи. «Американские журналисты из вроде как американского города... вторгаются в нашу провинцию ... Все это республиканские агенты ... под прикрытием! Этот бесстыдный Адвокат нагло делает вид, что его газета из Квинстона, из Верхней Канады, в то время как это ... газета настоящего льюистонского янки»³⁵.

Маккензи эти обвинения показали полным абсурдом. В ответной публикации он вновь выступил как приверженец канадского национализма: «Мы сделали наш выбор; у нас должен быть только один господин, и этот покровитель – народ, народ британских колоний... Мы никогда не хотели бы видеть Британскую Америку придатком Американского Президентства (American Presidency); и все же мы хотели бы, чтобы Британская Америка процветала так же, как это Президентство»³⁶. Позже Маккензи даже опубликовал открытое письмо на имя Ч. Фозергилла, в котором доказывал, что избличение неэффективной и несправедливой системы, подрывающей интересы Великобритании и благосостояние её североамериканских колоний, и есть настоящее проявление лояльности, а уважение к королю не означает того же самого по отношению к каждому его слуге – «мяснику, пекарю, парикмахеру или портному»³⁷. Очевидно, губернатор П. Мейтланд также входил в названный список, хотя Маккензи и не осмелился сказать об этом напрямую.

³³ Colonial Advocate, 18 May 1826.

³⁴ Геллнер 1991: 24.

³⁵ Weekly Register, 03 June 1824.

³⁶ Colonial Advocate, 18 May 1824.

³⁷ Colonial Advocate, 10 June 1824.

Обвинения в нелояльности очень задели Маккензи. «Мои предки... хотя и исповедовали другую религию, защищали легитимную династию и присоединились к Карлу Стюарту... которого вся Шотландия считала полноправным сувереном», – с возмущением писал издатель Колониэл Эдвокейт³⁸. Очевидно, Макензи был потрясен тем, как против него обернулось его же собственное оружие. Противопоставляя королевских чиновников «народу Канады», он не заметил, насколько неоднозначно может быть воспринято апеллирование к США как образцу для подражания в Канаде, особенно в контексте недавней англо-американской войны 1812–1815 гг.

В 1827 г. У.Л. Макензи, развивая успех, начал кампанию по поддержке мигрантов из США в их борьбе за возможность селиться в Канаде и покупать земельные участки без прохождения процедуры получения британского подданства. Проблема заключалась в том, что Верхняя Канада остро нуждалась в притоке рабочих рук, а мигранты, в том числе и из США, согласно существовавшему законодательству, должны были ждать семь лет прежде, чем принести клятву верности королю и получить вместе с этим право оформлять собственность на землю.

Ещё не улеглись страсти вокруг дела о разгроме типографии, а редактор Колониэл эдвокейт организовал в собственном доме Центральный комитет по защите прав мигрантов, направил открытое письмо генерал-губернатору лорду Далхаузи и начал сбор подписей под петицией в адрес короля, в которой говорилось о праве всех британских подданных, живших в североамериканских колониях до 1783 г., а также их детей, по-прежнему считаться британскими подданными, а значит получать землю без принесения клятвы верности заново. Меньше чем за полгода петиция собрала 15 тысяч подписей и была отправлена в Лондон.

В сопровождение петиции Маккензи направил несколько писем депутатам английского парламента с детальным объяснением ситуации. В одном из них, на имя Дж. Юма он доказывал, что необходимо оказывать всевозможное содействие всем желающим перебраться из США в Канаду, под власть «канадской конституции» [видимо, имелся в виду Конституционный акт 1791 г. – *И.Н.*], поскольку американская «конституционная теория дефективная, практика – бессистемная. Их правительству не хватает прочности, а их пример – предупреждение для нас»³⁹. В подтверждение своих слов Макензи приводил несколько случаев, когда губернаторы американских штатов вступали в конфликт с федеральным правительством и даже принимали законы, которые противоречили позиции Вашингтона и впоследствии отменялись президентом.

³⁸ Ibidem.

³⁹ The Celebrated Letter of Joseph Hume ... to W. L. Mackenzie... Mayor of Toronto, Declaratory of a Design to Free These Provinces from the... Domination of the Mother Country: with the Comments of the Press of Upper Canada on the ...Tendency of that Letter. Etc. Toronto, 1834.

Читая строки этого письма, сложно представить, что их писал тот же самый человек, который ещё недавно ставил США в пример и восхищался способностью американских властей организовывать и осуществлять такие сложные проекты, как, например, строительство судоходных каналов⁴⁰. Возможно, Маккензи принял во внимание недавнюю критику Ч. Фозергилла, либо хотел польстить политикам из метрополии. Как бы то ни было, одно оставалось неизменным – отрицание подобию Канады и США использовалось, чтобы, отталкиваясь от «американского», определить значимые характеристики «канадского».

Образ США в эпоху зарождения австралийского национализма.

Если в истории Канады первые националисты в лице У.Л. Макензи стали появляться в 1820-е гг., то для австралийских колоний в этом отношении ключевое значение имела середина XIX в. Дискуссии вокруг создания ответственных правительств, взрывной экономической рост в результате открытия золотоносных месторождений, развитие печати и коммуникаций – всё это создавало благоприятную среду для размышлений о том, что значит быть австралийцем. И подобно канадским единомышленникам, австралийские националисты активно использовали в своих рассуждениях образ США. Выбор США в качестве объекта для сравнения, несмотря на очевидную географическую удалённость, обуславливался популярными в то время расовыми теориями, в соответствии с которыми австралийцы, как и канадцы, и американцы, считались «ветвями» наиболее развитой и «цивилизованной» англо-саксонской расы, а поэтому их близость и сходство не вызывали сомнений у современников. Эта общность, как казалось, проявлялась в особенностях менталитета, позволяя современникам заявлять, например, что якобы у «австралийцев, американцев и британцев в целом имеются общие идеи свободы и любви к порядку»⁴¹. Некоторые шли дальше и даже называли модель развития США судьбой для Австралии. Так, мельбурнская газета «Аргус» утверждала, что «мы идем по американскому пути, копируем американскую модель торговли»⁴². Хотя и не совсем понятным оставалось, в чём конкретно она заключалась. Другие авторы высказывались более конкретно, напрямую называя независимость по американскому образцу неизбежным итогом развития и для австралийских колоний, нравится это Великобритании или нет. В последнем случае предполагалась даже возможность военного столкновения метрополии и колоний по образцу американской революции XVIII в.⁴³

Однако, как и в Канаде, в австралийском общественном мнении циркулировала мысль об отставании от США, особенно что касалось темпов освоения огромных территорий южного континента. «В то время как мы сомневаемся и колеблемся, – писала газета «Саус Аустрэлиэн

⁴⁰ Colonial Advocate, 27 Sept. 1824.

⁴¹ The Argus, 27 January 1863.

⁴² The Argus, 4 May 1852.

⁴³ The Age, 17 November 1855.

Реджистер», – наши американские братья действуют и ярко иллюстрируют разницу между настоящей осторожностью и той осторожностью, которая ничего не может дать... Мы не можем скрыть контраст между нашим ростом, каким бы стремительным он ни был, и тем, каким он был бы под влиянием янки...»⁴⁴. Достаточно болезненно воспринимался и сам колониальный статус, который как бы превращал австралийцев в людей второго сорта среди других «англо-саксов». Например, в газете «Эйдж» автор статьи упоминал визит «австралийского джентльмена», богатого и уважаемого у себя дома, в Великобританию, где «тот факт, что он был из Австралии, исключал его из так называемого “Общества”». Все было бы иначе, будь он выходцем из Вест-Индии или Ост-Индии, из Бразилии или из Рабовладельческих штатов Америки [*the Slave States of America*]...»⁴⁵.

Подобно канадскому журналисту У.Л. Макензи, его австралийские единомышленники использовали тему отставания Австралии от США для обоснования необходимости политических реформ, и прежде всего, предоставления австралийским колониям самоуправления. Причём некоторые даже забегали вперёд и мечтали об обретении Австралией полной независимости. Например, уже в 1850 г. анонимный автор «Лонсестон Экзаминер», указывая на темпы политического и экономического развития США, а также на расширение их присутствия в Тихом океане, утверждал, что «если только Австралия не станет независимой нацией, она неизбежно окажется неотъемлемой частью» Соединенных Штатов Америки⁴⁶. Его страхи разделяла и «Порт Филлип Газетт энд Сеттлерс Джорнал»: «...нельзя позволить Австралии попасть под власть какой-либо другой нации, и уж в последнюю очередь – звездно-полосатой; лучше стать независимыми и начать существование как австралийская нация, чем сделать что-нибудь настолько безумное»⁴⁷.

Некоторые шли дальше и предупреждали об опасности военного столкновения с США. В частности, «Сидней Морнинг Геральд» сообщала читателям, что в США есть люди, «которые готовы действовать заодно с кем угодно, чьи интересы хоть немного враждебны британским». Американцев никто не звал на Кубу или Сандвичевы острова, но тем не менее, США упорно закрепляются на морях. И Британия, а с ней и Австралия, должны всегда помнить об этом, заключал автор статьи⁴⁸. А весной 1856 г. на фоне окончания Крымской войны, «Саус Аустрэлиэн Реджистер» даже писала «о возможности каперства Америки под русским флагом». «Нет веских оснований полагать, что такие каперские суда находятся в состоянии готовности или что американское правительство санкционирует это; но императору России не было бы жаль,

⁴⁴ South Australian Register, 16 Sept. 1851.

⁴⁵ The Age, 19 February 1856.

⁴⁶ Launceston Examiner, 2 March 1850.

⁴⁷ Port Phillip Gazette and Settler's Journal, 26 March 1850.

⁴⁸ The Sydney Morning Herald, 13 January 1852.

если бы такие суда были снаряжены, а в Америке полно людей с диким пиратским духом, которые не откажутся от такого приключения»⁴⁹.

Беспокойство о значительном экономическом отставании Австралии от США одновременно с ощущением угрозы со стороны американского флота порождало у австралийских политиков и журналистов непреодолимое желание найти в австралийском «национальном характере» нечто особенное, более ценное, как бы компенсировавшее это отставание и уязвимое состояние. Причём в своих поисках австралийцы отталкивались от уже сформировавшегося образа «другого», т.е. США, обесценивая или отвергая те характерные черты американцев, которые сами же и сформулировали как основополагающие и особо характерные для них.

Прежде всего, немало упреков было сказано в адрес американской модели демократии. В частности, для австралийских политиков было характерно скептически относиться к введённому в США всеобщему избирательному праву и подчеркивать преимущества цензовой системы, которая, согласно распространённому мнению, позволяла политикам не зависеть от переменчивого настроения толпы. В частности, член Законодательного Совета Виктории, генеральный регистратор Бойл Трэверс Финнисс утверждал, что если приписывать успехи США «частичной адаптации всеобщего избирательного права», то с тем же успехом можно объяснять их «рабством или жеванием табака». На самом деле, по его мнению, причина стремительного экономического роста США заключается в плодородной почве, большом количестве полноводных и пригодных для навигации рек, а также в притоке мигрантов из Европы, в первую очередь, с Британских островов. Что же касается всеобщего избирательного права, то оно привело к печально известным судам Линча, а также к тому, что судьи, желая заручиться поддержкой широких масс для дальнейшего переизбрания на свою должность, выносили несправедливые приговоры. Б.Т. Финнисс утверждал, что даже защита частной собственности страдала от этого несовершенства законодательства, поскольку американское правительство оказалось не в силах удержать своевольную толпу от противозаконных действий (например, от захвата складов с оружием в Нью-Йорке или вторжения в Канаду) и фактически не управляло ею, а наоборот, находилось под ее властью⁵⁰.

Много критики доставалось и американской конституции. Её главной проблемой обычно назывались неразрешимые и постоянные конфликты между федеральными властями и штатами, в которых первые тянули страну к деспотизму, а вторые – к расчленению. И только благоразумие людей на самом низовом, локальном уровне спасало страну от глубокого кризиса⁵¹. Судьба США даже называлась примером и предостережением Австралии, поскольку, начиная с колониаль-

⁴⁹ South Australian Register, 11 April 1856.

⁵⁰ South Australian Register, 4 October 1852.

⁵¹ The Sydney Morning Herald, 4 October 1855.

ных времён, конституционная практика отдельных штатов никак не закрепляла их принадлежность к одной стране⁵². Эта ситуация казалась совершенно ненормальной для австралийских националистов, ведь, согласно распространённому мнению, каждая нация должна была иметь собственное государство, но при этом только одно.

Конечно же, большое внимание уделялось теме рабства. Само его наличие позволяло не только сомневаться в наличии в Америке, в отличие от Австралии, подлинной свободы и демократии, но и избавляться от чувства неполноценности по сравнению успехами экономики США. «Деньги ничего не стоят, если они заработаны бесчестным путём, – заявил один из участников общественного обсуждения проекта конституции Южной Австралии в 1853 г. – И если есть где-то на свете страна в наименьшей степени подходящая, чтобы называться землёй свободы, то эта страна Америка»⁵³. Сказав это, выступавший был поддержан бурными и продолжительными аплодисментами, после чего добавил, что лучше бы согласился жить под властью российского самодержца, чем в стране, где практикуется и считается правильным рабство⁵⁴.

Наконец, совершенно особый повод для обесценивания американского политического опыта предоставила начавшаяся в США гражданская война. «Невиданный для британских государств терроризм» сменил демократию абсолютизмом, писал «Аргус», исчезли всякие понятия о благородстве. Гражданская война продемонстрировала «прогнившую» на самом-то деле «ткань» американской демократии. Ее события были еще хуже, чем даже в революционной Франции, а их результат был столь же далек от принципов свободы и демократии, как и в «наихудших образцах» абсолютных монархий Европы⁵⁵.

Продолжая эту идею, автор обвинял американское правительство в деспотизме и сравнивал с Австрийской империей как с самым ярким примером абсолютной монархии. Но, на его взгляд, последняя, со всеми минусами ее системы управления, отличалась меньшей коррупцией и большей эффективностью с военной точки зрения, но при этом никогда не провозглашала себя лучше, чем она есть, и не имела чувства морального превосходства⁵⁶. Последняя фраза заслуживает особого внимания – автора, очевидно, задевала распространённая в то время мысль об отставании Австралии от США, которую он воспринимал не как результат саморефлексии самих австралийцев, а как проявление американского высокомерия по отношению к ним.

Подводя итог, хочется обратить внимание на важные общие черты моделей развития национальной идеологии в Канаде и в Австралии через рефлексию о США как о «другом». Прежде всего, в обоих случа-

⁵² The Sydney Morning Herald, 31 July 1850.

⁵³ South Australian Register, 7 July 1853.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ The Argus, 27 January 1863.

⁵⁶ Ibidem.

ях триггером, запускавшим процесс интеллектуальных поисков, становилось чётко выраженное ощущение собственной неполноценности, отставания по отношению к объекту сравнения. Причём в расчёт принимались исключительно экономические, хозяйственные показатели. И это была гонка, в которой и канадцы, и австралийцы были заранее обречены на поражение, ведь освоение территории США началось гораздо раньше, их население было намного больше и т.д.

Однако, в конечном итоге, смысл сравнения заключался не в самоуничтожении, а в определении по принципу «да, но...» собственных важнейших качеств. И в этом канадские и австралийские националисты также проявили единодушие, сконцентрировавшись на сфере государственного управления. Особое внимание к вопросам конституции объяснялось, судя по всему, сходством исторического момента – в Канаде в этот момент начиналась борьба за ответственное правительство, а в Австралии обсуждались и внедрялись колониальные конституции, политическая автономия и также институт представительного правления. Актуальная повестка дня наложилась на формирование национализма, предопределив его внутреннее идейное наполнение. Возможно именно поэтому и в дальнейшем, в том числе во второй половине XX в. и Канада, и Австралия, отличались особым вниманием к конституционному реформированию, в т.ч. развитию федерализма и мультикультурализма.

ИСТОЧНИКИ/SOURCES:

Launceston Examiner.
Port Philip Gazette and Settler's Journal.
South Australian Register.
The Age.
The Argus.
The Colonial Advocate.
The Sydney Morning Herald.
The Upper Canada Gazette.
Weekly Register.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. 288 с. [Anderson B. Imagined communities. Moscow, 2001. 288 s.].
- Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. 320 с. [Gellner E. Nations and nationalism. Moscow, 1991. 320 s.].
- Калхун К. Национализм. М., 2006. 288 с. [Calhoun C. Nationalism. Moscow, 2006. 288 s.].
- Манн М. Источники социальной власти. В 4 т. М., 2018. [Mann M. The Sources of Social Power. In 4 vol. Moscow, 2018.].
- Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006. 690 с. [Shnirelman V.A. Byt' alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v 20 veke. Moscow, 2006. 690 s.].
- Barth F. Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference. Oslo, 1969. 153 p.
- Buckner P. The Canadian Civil Wars of 1837–1838 // London Journal of Canadian Studies. 2020, 35(1). Pp. 96 – 118.
- Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. London, 1993. 173 p.
- Errington J. The Lion, The Eagle, and Upper Canada: A Developing Colonial Ideology. Kingston, 1987. 290 p.
- Gellner E. Do nations have navels? // Nations and Nationalism. 2008, 2(3). P. 366–370.

- Greenfield L. Nationalism: Five Roads to Modernity, Cambridge, MA, 1992. 581 p.
- Greenfield L. The World Nationalism Made // American Affairs. 2018, 2(4). P. 145-159.
- Harrison S. Cultural difference as denied resemblance: Reconsidering nationalism and ethnicity // Comparative Studies in Society and History. 2003, 45(2). P. 343 – 361.
- Kaufman S. Modern hatreds: the symbolic politics of ethnic war. Ithaca, 2001. 262 p.
- Kilbourn W. The Firebrand: William Lyon Mackenzie and the Rebellion in Upper Canada. Toronto, 2008. 326 p.
- Meany N. Britishness and Australian identity. The problem of nationalism in Australian history and historiography // Australian Historical Studies. 2001. Vol. 32, Issue 116. P. 76-90.
- Megarity L. «White Queensland»: The Queensland Government's Ideological Position on the Use of Pacific Island Labourers in the Sugar Sector 1880-1901 // Australian Journal of Politics and History. 2006. Vol. 52, No. 1. P. 1-12.
- Morgan C. Building better Britains?: settler societies within the British empire, 1783-1920. University of Toronto Press, 2017. 230 p.
- Partington G. The Australian Nation: Its British and Irish Roots. Melbourne, 1994. 363 p.
- Raible Ch. William Lyon Mackenzie: Editor, Journalist, Author, Printer. Ontario, 2016. 58 p.
- Ross C. Prolonged Symptoms of Cultural Anxiety: The Persistence of Narratives of Asian Invasion within Multicultural Australia // Journal of the Association for the Study of Australian Literature: JASAL. 2006. Vol. 5. P. 86-99.
- Smith A. Opening statement Nations and their pasts // Nations and Nationalism. 2008/2. P. 358-365.
- Smith A. D. The Ethnic Origin of Nations. Oxford, 1986. 330 p.
- Ward R.B. The Australian Legend. Melbourne: Oxford University Press, 1978. 336 p.
- White R. Inventing Australia: images and identity, 1688-1980. Sydney; Boston: Allen & Unwin, 1981. 205 p.
- Wise S.F., Brown R.C. Canada Views the United States: Nineteenth-Century Political Attitudes. Toronto, 1967. 150 p.

Нохрин Иван Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, исследователь, департамент социологии, Бостонский университет; доцент, Челябинский государственный университет, inokhrin@bu.edu, ivan-nokhrin@yandex.ru

Саукова Елизавета Станиславовна, кандидат исторических наук, доцент, Челябинский государственный университет, esaukova@yandex.ru

The USA as a «Significant Other» in the Context of the Nationalism Development in Colonial Canada and Australia in the 19th Century

In the article, we base on F. Barth's postulate, which has already become a classic, about the constructive role of borders in the formation of ethnic and national identity. From this point of view, national self-determination is not so much a product of the development of the cultural identity of a particular community, but rather the result of reflection on the «other» or, in the words of J. Lacan, the constitutive other. We aim to prove that the development of colonial nationalism in Canada and Australia took place in a similar way. In the development of national discourse for their intellectuals, the idea that Canadians and Australians have fundamental differences from Americans, their «constituting other», played a crucial role.

Keywords: Canadian history, Australian history, Canadian nationalism, Australian nationalism

Nokhrin Ivan Mikhailovich, Candidate of Historical Sciences, Docent, Researcher in the Department of Sociology, Boston University, College of Arts & Science; Associate Professor, Chelyabinsk State University, inokhrin@bu.edu, ivan-nokhrin@yandex.ru

Saukova Elizaveta Stanislavovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Chelyabinsk State University, esaukova@yandex.ru

Ю.М. ГАЛКИНА

ВСПОМНИТЬ О СОЮЗЕ ОБРАЗ ФРАНКО-РУССКОГО АЛЬЯНСА В ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКЕ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД¹

Заключение франко-русского альянса было шокирующим для современников: союз республиканской Франции и монархической России воспринимался с удивлением. Тем не менее, этот альянс был закреплён французскими элитами в различных памятниках литературы, искусства, предметах элитного потребления. Предлагаемое исследование ставит вопрос: пользовался ли «спросом» образ франко-русского альянса в судьбоносные для Франции 1930-е гг.? Был ли Пакт 1935 года окружен воспоминаниями о союзе с Россией? На материалах прессы, источников личного происхождения (в том числе, впервые вводимых в научный оборот) автор приходит к выводу, что франко-русский альянс не был востребован в обстановке 1920-х гг., а в 1930-е гг. вызывал полярные оценки политиков и интеллектуалов, зависел от внутривнутриполитических, идеологических (проблема распространения левой идеи во Франции) и экономических факторов.

Ключевые слова: франко-советские отношения, франко-русский альянс, франко-советский пакт, Первая мировая война, межвоенный период.

Известно, что по итогам заключения франко-русской конвенции французские политические и бизнес-элиты проявили стремление закрепить возникший союз в многочисленных памятных практиках: так, например, официальные визиты Николая II во Францию в октябре 1896 г. и августе 1897 г. отразились в предметах материальной культуры, литературных повествованиях, гравюрах². Приезд российского императора дал возможность развернуть «коммеморативную индустрию»: открывались специализированные магазины, продававшие популярные франко-русские товары, организовывались туристические маршруты³. Франко-русское сближение нашло широкую репрезентацию в песенной культуре, маршевой музыке⁴, журналистам популярных изданий поручалась задача писать статьи о франко-русском сближении, которые «должны вселять патриотические надежды»⁵, функционировали специализированные издания⁶, подобные газете «Le Nord», открыто представлявшие свою политическую позицию – «орган франко-русских интересов». Безусловно, появление столь широкого количества воспоминаний и материальных свидетельств носило политический характер и было рассчитано на рядового (внутреннего) потребителя, способствовало мобилизации общественного мнения. На союз двух держав возла-

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 20-78-10014 «От Соглашения к Пакту: франко-русские/франко-советские отношения в период 1890-1930-х гг.»).

² Brodier 2019: 49.

³ Ibid.: 50–51.

⁴ Напр.: Wallon 1966.

⁵ Brodier 2019: 47

⁶ См. также: Каррер д'Анкокс 2021: 290.

гались смелые ожидания, и в целом, можно заключить, что по итогам Первой мировой войны, несмотря на эскалацию революционного процесса, франко-русский союз сработал и выполнил возложенные на него функции. В связи с этим представляется важным рассмотреть, обращались ли французские элиты к образам и опыту франко-русского альянса 1890-х гг. в напряженной политической обстановке межвоенного периода? Какой образ франко-русского альянса господствовал в общественном мнении? Сопровождалось ли заключение пакта о ненападении между Францией и СССР рефлексией вокруг франко-русского союза?

Безусловно, германская угроза осознавалась французским руководством сразу после окончания Великой войны – победители отдавали себе отчет в том, что Версальская система возбудит в Германии стремление к реваншу. Вместе с тем, к германской опасности добавилась и «красная угроза»: по мнению исследователей, после 1919 г. антикоммунизм стал неотъемлемой частью французских республиканских ценностей⁷. Поэтому главным стратегическим союзником Третьей Республики против Германии и Советской России была т.н. Малая Антанта. Очевидно, что в рамках этой системы во франко-русском союзе нет необходимости, но несмотря на это, франко-русские отношения все же оставались предметом обсуждения в политических кругах Франции и Советской Республики. Так, в авторитетном журнале «L'Europe Nouvelle» в декабре 1925 г. появилась статья наркома иностранных дел Г.В. Чичерина, посвященная истории франко-русского взаимодействия. Отмечая свою многолетнюю работу с архивными документами по истории внешней политики Российской Империи, Г.В. Чичерин подчеркивал, что всякий раз продуктивному взаимодействию России и Франции препятствовала недальновидная политика царизма, мешавшая практически смотреть на вопросы внешнеполитических сношений. В свою очередь, с французской стороны, препятствием виделось излишнее доверие руководства страны к англичанам, стремление действовать с оглядкой на решения Туманного Альбиона⁸. Появление подобных интервью было вызвано необходимостью поддержать франко-советские экономические взаимоотношения в 1920-е гг., преодолеть недоверие правительства Р. Пуанкаре и его антисоветскую позицию. Как отмечал замнаркома иностранных дел М. Литвинов: «В ряде интервью по линии НКВД, НКВТ, Главконцескома <...> можно констатировать печальные результаты наших взаимных попыток завязывания деловых сношений между Францией и СССР. Результаты плачевные вследствие неясности политических взаимоотношений <...>»⁹.

Позитивную перспективу отношений Франции и Советской России (по сравнению с союзом Франции и Российской Империи) продвигал в первой половине 1920-х гг. торгпред СССР во Франции Х.Г. Ра-

⁷ Forcade 2008: 352.

⁸ Tchitcherine 1925: 1698-1699.

⁹ РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 8. Л. 62.

ковский, подчеркивая на официальных приемах, что альянс Франции и царской России определенно приводит к войне, в то время как отношения с Советской Россией служат делу упрочения европейского мира, даже в отсутствии формального союза¹⁰.

Кроме того, франко-русский альянс и позитивный опыт взаимодействия стран в историческом прошлом являлся потенциальным инструментом для решения локальных напряженностей. Как отмечал Г.В. Чичерин: «Франция нужна нам для обсуждения лимитрофов и как противовес Англии на Востоке»¹¹, поэтому обращение к идее франко-русского альянса было актуально в контексте урегулирования ситуации в зоне «санитарного кордона». Кроме того, руководство НКИД в качестве перспективы международных отношений рассматривало франко-английскую войну¹², и в этом контексте была заинтересована в сближении с Францией: «...только Франция может явиться серьезным противовесом давящему на нас англо-американскому блоку»¹³.

Примечательным фактом является конфиденциальная беседа Чичерина и председателя палаты депутатов, будущего Председателя Совета Министров, П. Пенлеве, в которой французский политик заявил о готовности поддержать внешнеполитические претензии Советской России (а именно: вхождение Эстонии и Латвии в состав РСФСР, возвращение Бессарабии, а также тесное политическое и экономическое взаимодействие Польши и РСФСР), обозначив, что является сторонником франко-русского союза как противовеса германской угрозе: «В настоящее время Франция еще сильнее Германии <...>, через некоторое время Германия окажется значительно сильнее Франции и при содействии Англии может грозить самому ее существованию. <...> Пенлеве ожидает, что в тот не столь отдаленный период, когда возродившаяся Германия будет угрожать существованию Франции, РСФСР будет точно также поддерживать Францию, как теперь поддерживает Германию»¹⁴. Аналогичные мотивы, по всей видимости, присутствовали и в высказываниях социалиста, премьер-министра Э. Эррио: «*Эррио очень боится будущего реванша со стороны Германии. Не можете ли поговорить о важности для нас торговых сношений с Францией?*»¹⁵. Тем не менее, подобные беседы проходили «за закрытыми дверями» и не становились достоянием публичной политики, так как ни одна из сторон не была заинтересована педалировать противостояние с ослабленной Германией, тем более что и внешняя политика Советской России была комплиментарно настроена по отношению к Веймарской Республике в виду сложившихся на анти-версальской основе торговых и дипломатических отношений.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 359. Оп.1. Д. 8. Л. 89.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 46. Л. 111.

¹² АВП РФ. Ф. 04 (Архив Чичерина). Д. 53669. П. 261. Л. 14.

¹³ АВП РФ. Ф. 04 (Архив Чичерина). Д. 53669. П. 261. Л. 12.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 159. Оп.2. Д. 46. Л. 148.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 159. Оп.2. Д. 46. Л. 155.

Французская сторона, в свою очередь, была заинтересована не только в погашении царских долгов, но более того – в восстановлении в России французского влияния. Как сообщалось в рабочих бумагах П. Пенлеве: «Признание советского государства должно быть быстрым и сопровождаться экономической активностью Франции в России; оно не должно замыкаться только на вопросе долгов, но должно быть «восстановлением французского влияния в России»¹⁶. Поэтому пассы в сторону советской дипломатии о реставрации влияния РСФСР в Прибалтике и Бессарабии, скорее, носили характер хорошей пилюли для продвижения экономических интересов и удовлетворения финансовых претензий бывших держателей русского займа. Подобная политика – получения популярности у избирателя путем частичного погашения русского долга – была характерна как для правительства Р. Пуанкаре, так и для правительства Э. Эррио.

В качестве акторов коммеморативного ритуала можно рассматривать труды профессионалов-историков¹⁷. В 1927 г. вышла книга Ж. Мишона «Франко-русский союз 1871–1917 гг.». Это первое во французской историографии монографическое исследование, посвященное истории союза от его предпосылок до конца существования. Он старался доказать, что самые различные представители общественного мнения Франции от крайне правых до крайне левых расценивали франко-русский союз как неэффективный и обеспечивающий «германский мир»¹⁸. Историк полагал франко-русский союз одной из самых мрачных страниц в национальной истории, т.к. он потерпел «самый печальный крах»¹⁹. По мнению Мишона, Германия не была врагом для России, напротив, их объединяли общие монархические принципы. Здесь необходимо отметить, что интеллектуальный диспут вокруг франко-русского союза и франко-советских отношений в целом развивался в контексте отношения к событиям 1917–1918 гг., и был отмечен появлением огромного количества антикоммунистических памфлетов и публикаций²⁰. Многие французские политики и интеллектуалы полагали, что Германия является естественным союзником России, отказывая последней в прагматичной внешнеполитической ориентации. Это подводит нас к проблеме цивилизационно-культурных противоречий, существовавших между Россией и Францией, а, впоследствии, между Францией и Советской Россией. Современный исследователь Дж. Кариани отмечает, что «первооткрыватели» русской культуры во Франции Анатоль Леруа-Болье, виконт де Вогиюз и другие, были не более чем «слугами дипломатии», для которых русофилия являлась способом политического действия. Примечателен факт, что в рамках данной мифологии и в

¹⁶ AN. 313AP/210. Paris, Mai 1924.

¹⁷ История и память 2006: 41–43.

¹⁸ Michon 1927: 84

¹⁹ Michon 1927: 305.

²⁰ Berstein, Becker 1987: 32.

условиях политической необходимости славянство и латинство активно противопоставлялось германству²¹.

Очевидно, что после революционных событий и выхода России из войны нужда в подобных интеллектуальных конструктах отпала, и докладные записки Второго Бюро Генштаба армии демонстрировали следующие характеристики Советской России: «Европейская Россия населена 125 миллионами жителей, но слово «европейская» не должно вводить в заблуждение. В действительности русский остается человеком азиатской расы, на которого христианство, в которое он был обращен, европейские институты, которыми мы стремились наделить его со времен Петра Великого, оказали лишь поверхностное влияние. Он сохранил все черты восточного человека, пастушеский инстинкт, фатализм, принятие страданий, смирение с жалкой жизнью, склонность ко всякому мистицизму»²². Культурные противоречия между Россией и Францией в 1935 г. были емко выражены в обширной статье популярного издания «*Scapouillot*». Осмысляя процесс франко-русского сближения, автор заметил, что «Союз и дружба Французской Республики с русским царем составляют одно из самых необычных явлений в истории всех времен. <...> каждая из договаривающихся сторон должна была утомиться от постоянного лицемерия или невежества; мы должны находить восхитительным в Санкт-Петербурге то, что находим чудовищным в Париже, и наоборот, царь должен, не моргнув глазом, одобрить смерть Людовика XVI и «Марсельезу». Официальный франко-российский союз и дружба покоится на двойной бездне ложного или реального недопонимания»²³.

Известно также, что образ Советской России базировался на страхе интернационализации «красной угрозы», постоянно находившей подтверждения в документах Военного министерства в 1920–1930-е гг. Так, отчет «Революционная стратегия современного коммунизма», созданный в октябре 1929 г. «Обществом изучения экономики и информации о ней» и отложившийся в недрах Военного министерства, в подробностях рассматривал тактику и стратегию распространения коммунизма в европейских странах, ставил задачу познать методы нелегальной работы коммунистов²⁴. В свою очередь, французская контрразведка, работавшая по советскому посольству в Париже, перехватывала факсимиле документов с грифом совершенно секретно: в 1925 г. в ее руках оказалась фотокопия предписания первого секретаря полномочного представительства СССР в Париже Б.М. Волина, направленная коллеге в Берлин, об организации осведомительного аппарата ОГПУ во Франции²⁵.

В 1920-е гг. и сторонники урегулирования франко-германских отношений, и противники Германии не рассматривали СССР как необхо-

²¹ Cariani 2020.

²² SHD/T. 7 N 3129. La Russie au Début de 1931.

²³ L'Alliance Russe 1935: 114.

²⁴ SHD/T. 7 N 3129: 3-36.

²⁵ SHD/T. 7 N 2228: 330-332.

димое звено в системе европейской безопасности. По справедливому замечанию И.Э. Магадеева, концепция «восточного противовеса Германии», хотя и звучала в коридорах Генштаба и МИД, имела, скорее, теоретический характер и была далека от текущей реальности²⁶, поэтому актуализация франко-советского альянса, или его позитивная коммеморация не была востребована. Кроме того, в условиях 1920-х гг., международная политика рассматривалась через призму пацифизма. Францию отличали с одной стороны, рост антивоенных настроений, с другой – осознание политиками невозможности обеспечить безопасность страны силовыми методами²⁷. Примечательно, что в 1924 г., генерал Манжен в беседе с политиком и журналистом графом Кесслером выражал озабоченность существованием агрессивной части германского политикума, стремящегося к войне-реваншу нарушавшего Версальские ограничения; однако он надеялся на мирное урегулирование трудностей и благоразумие германской элиты²⁸. Процессы, происходившие в Рейхе, не ускользнули от внимания французских спецслужб, центральное место в их донесениях уделялось быстрому росту популярности нацистов. Как пишет исследователь А. Вершинин, на стол военнополитическому руководству Франции ложились отчеты, в деталях характеризовавшие нацистскую партию, ее программу и вождей²⁹.

После выборов в Германии в сентябре 1930 г. надежды А. Бриана на то, что Германия продолжит политику Штресемана, испарились. Восточные союзники Франции казались разобщенными, с Польшей также наблюдались противоречия, и в этом отношении сближение с СССР могло бы стать выходом из сложившейся ситуации³⁰. Политическая и интеллектуальная элита Франции оказалась перед необходимостью реанимировать «старые схемы» и вспомнить о союзе с Россией.

Сенатор Анноне³¹ Ксавье Валла в 1933 г. указывал, что в Комитете по иностранным делам уже несколько недель ведется «темная и вероломная борьба между сторонниками прямого разговора с Германией и сторонниками нового франко-русского союза», «разговор с Германией предполагает возможный риск, франко-русский союз несет однозначную опасность», а Эррио одержим воспоминаниями об адмирале Авеллане, не отдавая отчета в том, что те, кто «подписался под Брест-Литовском и покинул поле боя в 1917 г., вряд ли захотят рискнуть Красной Армией, чтобы спасти буржуазную республику». Согласно Валла, не стоит рассматривать гипотезу, согласно которой «этот оборонительный союз заставит нас рисковать жизнями полутора миллионов молодых

²⁶ Враг, противник, союзник 2021: 424.

²⁷ Вершинин, Наумова 2022: 45

²⁸ AN. 149AP/36-37: 80-87.

²⁹ Вершинин 2018: 46.

³⁰ Dessberg 2009: 271

³¹ Коммуна во Франции

французов во славу красных флагов, украшенных серпом и молотом»³².

Среди политиков Третьей Республики не было уверенности в том, что армия Советского государства сможет выстоять в предстоящем конфликте. Сенатор Гюстав Готеро на сессии парламентских дебатов обращал внимание коллег на то, что лидеры Советской России не придают высокого значения договорам с «буржуазными правительствами», а солдаты в случае войны примут сторону «угнетенного народа против коммунистической партии». Он отметил, что «с политической и военной точки зрения помощь Советского Союза кажется исключительно иллюзорной. Вы же не цепляетесь за изъеденную червями ветку?»³³. В ряде антисоциалистических газет, например, «L'Écho du Centre», звучали опасения о ненадежности Советской России как союзника – в этом она противопоставлялась царской России: «Во Франции есть много газет, которые опрометчиво продвигают франко-русский союз, подобный тому, который существовал в 1914 г.; этот союз, несомненно, работал в наших интересах в начале Великой войны <...>. Но союз был заключен с регулярным цивилизованным правительством, способным соблюдать его <...>. Сегодня перед Францией находится правительство, которое насильственно навязывает себя подавляющему большинству россиян, и чья внешняя политика основывается на том фундаментальном принципе, что оно никогда не считает себя связанным обязательствами, взятыми на себя «буржуазным» правительством»³⁴.

Многочисленные критические отклики на франко-советское сближение вероятно связаны с тем, что важной чертой французской прессы в межвоенный период стал ее сдвиг вправо. Еще до 1914 г. крупные промышленные и финансовые группы обеспечивали материальную поддержку антимарксистским газетам. Но рождение Коммунистической партии Франции в 1920 г. нарушило политический баланс и изменило до сих пор умеренно-центристскую позицию основных французских информационных изданий (journaux de «grande information»). По мнению историка А. Флери, в конце 1930-х годов четверо из пяти французов читали газеты, которые транслировали идеи правых³⁵.

Первые лица «Action Française» были в числе непримиримых противников союза. Ш. Моррас писал о «безумии русского альянса» и придерживался этой позиции еще с конца XIX в., полагая ориентацию России традиционно прогерманской³⁶. С его мнением солидаризировались публицисты Ж. Сюарес³⁷ и А. Доде: «Верить в то, что с Советами можно заключить сколько-нибудь сильный союз – пустая мечта»³⁸.

³² La Gazette d'Annonay 1933: 1.

³³ Débats parlementaires. Sénat : compte rendu in-extenso 1934: 43.

³⁴ L'Écho du Centre 1935: 1.

³⁵ Fleury 1986: 34.

³⁶ Молодяков 2021: 104–105.

³⁷ Там же: 107.

³⁸ Там же: 105.

Еженедельник «Gringoire» можно с уверенностью назвать зеркалом правой прессы. В статьях ее редактора Ж. Сюареса франко-русский альянс рисуется в исключительно мрачных тонах: победа Франции – это результат усилий самой Франции, а не коалиционного взаимодействия, в то время как Россия была, скорее досадным препятствием; ее офицерство непатриотично, чиновничество продажно, государственный аппарат слаб и (говоря о русско-японской войне) не способен одолеть «желтую угрозу». Затем Россия втянула Францию в войну, явила миру Танненберг и Брест-Литовск, и в конце концов, не желает отдавать долги³⁹. Примечателен образный ряд, который рисует Сюарез: «Союз с Россией стоил нам денег, крови и разорения. <...> Нам предлагают начать все сначала. Мы ответим: «Нет! И опыт вторит нам. В ночных клубах встречаются русские эмигранты. Когда они пьяны, они разбивают бутылки и стаканы, но сохраняют достаточно ясный ум, чтобы ничего не сломать у себя дома, когда они входят туда, шатаясь. Они только вредят другим. Франция всегда платила за то, что разрушила Россия»⁴⁰.

Полемика существовала вокруг пользы франко-русского союза для Франции. В 1935 г. интеллектуалы отмечали несоразмерность вклада Франции и России в союз. Они полагали, что благодаря французским деньгам авторитарный режим в России мог продолжать наращивать свое влияние в мире. Примечательно, что журналисты, относящиеся к представителям правой политической мысли, в подтверждение своих слов обращались к высказываниям Ж. Жореса, написавшего в 1909 г.: «Бедна Франция в том, что те, кто правили от ее имени, не осознавали ее достоинства. Они не были партнерами по альянсу с Россией. Они были слугами»⁴¹.

Тем не менее, не все представители правоконсервативного спектра разделяли пессимизм Action Française. Например, публицист и политик А. де Кериллис, будучи сторонником вооружения Франции против Германии, резюмировал свою политическую позицию на страницах книг «Париж – Москва на самолете» и «Французы – вот война!..», вышедших в 1934 и в 1936 гг. соответственно. А. де Кериллис задавался вопросом: «какая опасность первична для Франции: советская или немецкая? С какой мы встретимся в первую очередь?». И отвечал на этот вопрос весьма однозначно: «Мы идем с дьяволом [имеется в виду Россия – Ю.Г.], чтобы спасти Родину»⁴². Корень уверенности де Кериллиса крылся в убежденности, что один из главных антагонизмов Европы, длящийся вот уже пятнадцать веков, это соперничество славянства и германства⁴³, которым Франция должна воспользоваться. При этом геополитическая обстановка, по мнению Кериллиса, повторяла configura-

³⁹ Suarez 1933: 1.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ L'Alliance Russe 1935: 117.

⁴² Kerilllis 1936: 12.

⁴³ Ibid.: 19.

цию 1870–71 гг., включая тот факт, что Франция слаба перед лицом индустриально развитой и демографически более удачливой Германии⁴⁴.

«Сербское измерение» Первой мировой войны, а также «балканизация альянса» и связанные с этим опасения Франции быть втянутыми в войну по воле восточного союзника, проявились и в преддверии Второй мировой войны. Многие лидеры общественного мнения и газеты писали о том, что «союз с Россией – это война». Конкретику в понимание этого страха внес также А. де Кериллис: тесное сближение Франции и России способно спровоцировать у Германии «психоз окружения», который приведет, в свою очередь, к сближению Германии и Японии, но у Франции нет инструментов, чтобы защищать свои владения в Индокитае от посягательств страны восходящего солнца⁴⁵. Несколько сходные мысли о возможном «германском психозе» выражал депутат от Арденн П. Виено в 1935 г. Он отмечал, что нет никакой уверенности в том, что Германия хочет войны, нет уверенности в ее отказе от присоединения к системе, где она на равных играла бы роль в политическом и экономическом переустройстве Европы, но успех русской политики непременно закрепит Германию в состоянии «автаркического национализма», из которого неизбежно возникнет беспрецедентная гонка вооружений⁴⁶.

Среди «правых» Кериллиса поддерживали немногие вроде П. Рейно, заявившего: «Союза с Англией недостаточно. Нам нужен союз с Россией»⁴⁷. Некоторые правые издания также поддерживали подобную диспозицию. Антинемецки настроенная газета «Aux Écoutes» 27 апреля 1935 г. разместила обширный репортаж, посвященный отношению к франко-советскому согласию: «Франко-русский союз в 1935 г. продиктован самой природой вещей, как это было в 1914 г. Это произойдет, но это не должно быть сделано любой ценой. Советы ошибаются, если думают, что <...> они могут продолжать подстрекать революционеров большевистского толка во Франции. Но г-н Лаваль также ошибается, если воображает, что, обратившись к Гитлеру, он повысит безопасность Франции и шансы на мир в Европе. И все же не нужно быть великим политиком, чтобы понять, что единственные хорошие союзники это те, кто был на нашей стороне во время войны»⁴⁸. Автор заметки подчеркивал, что Генштаб также находится на стороне франко-русского союза, «как и всегда»⁴⁹. Особую позицию занимала и католическая газета «Le Croix». Несмотря на то, что в конце 1934 г. для «La Croix» враг номер один находится в Москве⁵⁰, один из ее ведущих корреспондентов, Жан Каре, занимал антигерманскую позицию, которая иной раз была гораздо

⁴⁴ Kerillis 1934.

⁴⁵ Ibid.: 182.

⁴⁶ Viénot 1935: 134.

⁴⁷ Молодяков 2021: 104

⁴⁸ Aux Écoutes 1935: 24.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Fleury 1986: 157.

сильнее антисоветской. Потенциал франко-советского альянса он оценивал весьма перспективно, как и серию пактов о ненападении, заключенных СССР: «После падения Бисмарка неосмотрительно провокационная политика Вильгельма II привела к тому, чего так опасался железный канцлер, – к франко-русскому союзу, т.е. к необходимости в итоге развязать войну на два фронта. Так было в 1914 г. И так будет впредь, если разразится конфликт, Германия, решительно враждебная Польше и Советам, также увидит, как Франция восстанет против нее на западе, а Чехословакия на юге»⁵¹. Обратившись к исследованию А. Флери, можно сделать вывод, что позиция Ж. Каре колебалась сообразно изменениям во внешней политике: если переговорному процессу с Германией сопутствовали успехи, его антигерманская риторика ослаблялась в пользу идеи мира⁵². Впрочем, подобный калейдоскоп из политических воззрений был вполне актуален для французской прессы, которая обширно субсидировалась политиками в собственных целях, как, например, это делал в 1934 г. Луи Барту с целью поддержки чехословацких и польских газет и тех изданий, что выступают против политики умиротворения⁵³.

Жорж Мандель – министр колоний, чьим политическим идеалом были фигуры кардиналов Ришелье и Мазарини, также представлял лагерь правоконсервативных сил, однако в беседах со своим коллегой, военным Филиппом Роком, он подчеркивал, что единственная возможность противостоять гегемонии со стороны Германии – это иметь хорошего союзника на Востоке. Ф. Рок также воспринял эту идею и был сторонником франко-русского альянса и последовательным антимюнхенцем⁵⁴. Мандель выступал как сторонник прагматичного и функционального союза, лишённого «окрасок», «подобно сотрудничеству Ришелье с Густавом-Адольфом против протестантов»⁵⁵.

В бумагах Ф. Рока нашелся еще один страх французского истеблишмента – распространение коммунистического влияния в стране. Обсуждая с Ж. Манделем эту проблему, он услышал следующие слова от своего коллеги: «Что касается французских коммунистов, посмотрите, что я сделал в почтовой администрации»⁵⁶, нет ни одного, кто посмел поднять бы голову! Примените этот метод в других местах, и проблема будет решена!»⁵⁷. В связи с этим, можно утверждать, что коммеморация франко-советского сближения в условиях существования Советской России затруднена, потому что для Франции этот вопрос приобретает внутривнутриполитическое значение. Тесное сближение с левым правительством и его активная репрезентация «раскармливали» бы левых

⁵¹ La Croix 1934: 1.

⁵² Fleury 1986.

⁵³ Lacroix-Riz 2007: 202.

⁵⁴ AN. 72 AJ/2108. Apres la bourrasque 1940.

⁵⁵ Ibid.: 69-70.

⁵⁶ В 1934–1936 гг. Ж. Мандель являлся министром почт, телеграфа и телефонов.

⁵⁷ AN. 72 AJ/2108. Apres la bourrasque 1940: 70.

визави в самой Франции – и это можно было бы назвать лучшим вариантом, потому как более серьезным страхом было проникновение советских эмиссаров во Францию через инфраструктуру союза. Советскому правительству, в понимании французов, имманентно присуще стремление «перетряхнуть» Францию через посредничество Компартии⁵⁸. Как отмечал А. де Кериллис, «Альянс <...> предполагает многочисленные, продолжительные и исключительно опасные контакты и взаимные инфильтрации. Все офицеры и функционеры, которых Москва посылает к нам, будут фанатичными пропагандистами»⁵⁹.

Можно сказать, что союз Российской Империи и Третьей Республики 1891 г. – функциональный, в нем нет политического прозелитизма/политической угрозы. Это кажется естественным, т.к. формирование политического курса в последней трети XIX в. было элитарным предприятием, в то время как начало XX в. ознаменовалось появлением «человека масс», что вторглось в сферу политического. Отныне эмоции и чаяния такого человека могут господствовать над расчетами элит, с этим необходимо было считаться.

Подобное настроение выразил журналист Людовик Нодо. Будучи в заключении при большевиках в 1918–1919 гг., он в 1936 г. написал статью-размышление о франко-русском альянсе: «Россией правил самодержец. Он был враждебно настроен к республиканской идее. <...> напрасно искать доказательства, что царь пытался вмешаться в нашу внутреннюю политику, оказывая прямую или косвенную поддержку французским реакционерам. Благодаря этой сдержанности <...> Россия и Франция смогли стать настолько серьезными союзниками, что в 1914 году они начали общую войну. Но выборы в законодательные органы 1936 года, ввели во французскую палату 70 коммунистов <...>. Французские депутаты-коммунисты открыто представились последователями Ленина <...> Царская Россия воздерживалась от вмешательства в наши внутренние дела, в то время как большевистская Россия теперь, похоже, является «материнской компанией», от которой зависит Коммунистическая партия Франции. Мы думали, что заключили договор с Россией о гарантиях безопасности, которую мы можем интерпретировать по-своему и при которой полная свобода принятия решений всегда будет принадлежать нам. <...> Мы достигли соглашения с Россией в надежде уменьшить опасность войны, а не усилить ее и сделать неизбежной»⁶⁰.

Проблема советского вмешательства звучала отдельно на парламентских дебатах в 1933 г., и вызывала оживленную дискуссию. Речь одного их докладчиков, Анри Торреса, была весьма противоречивой: подчеркивая важность состоявшихся договоренностей, он отмечал и опасения, которые могут быть вызваны заключением пакта – а именно пропаганда со стороны Коминтерна и СССР. Однако пакт исключал

⁵⁸ Fleury 1986: 170.

⁵⁹ Kerillis 1934: 181.

⁶⁰ Le Phare de la Loire 1936: 1-2.

такую возможность формально. Примечателен его ответ на популярное во Франции мнение о том, что нельзя заключать союз с предателем Брест-Литовска. Торрес отметил, что в 1918 г. Россия находилась в тяжелом материальном положении, и большевистские лидеры обращались к Англии и Франции с просьбой о помощи, однако те им отказали. Так большевистские дипломаты оказались загнаны в угол. Также Торрес обвинял Украину в том, что она ранее Советской России начала переговоры о «предательском мире». Таким образом, большевики заключали мир от безнадёжности положения, а не потому, что они были предатели или немецкие агенты⁶¹. Парламентарий оживил также историю французской военной миссии, а именно обращение Троцкого по реорганизации новой армии в 1918 г. с участием французских инструкторов, в котором ему было отказано, в то время как «русские прилагали усилия, чтобы не исполнять мир, который у них был только что подписан»⁶².

Одной из важнейших интенций, отличавших процессы франко-русского сближения в 1890-е и в 1930-е, на наш взгляд, является возможность проникновения французского капитала на российский рынок. Политический и военный союз 1890-х гг. сопровождался активным привлечением французского займа: к 1895 г. более половины всех торгуемых российских ценных бумаг принадлежали французам; к 1900 г. почти четверть всех французских иностранных инвестиций приходилась на российские государственные или корпоративные обязательства или акции⁶³. Донесения представителей французской миссии в годы Первой мировой войны были пропитаны стремлением отеснить англичан и немцев на русском направлении («Было бы нежелательно, чтобы после войны Англия могла занять место, которое по праву принадлежит нам»)⁶⁴. Более того, когда в России произошла Октябрьская революция, французы по-прежнему сохраняли идею проникновения на российский рынок⁶⁵. Как упоминалось выше, реставрация французского экономического влияния в Советской России заботила первых лиц Третьей Республики и в 1920-е годы. Однако подобное стремление мало реализуемо в условиях государственной монополии на внешнюю торговлю в СССР. Как подчеркивал Ж. Дорио, будущий ренегат от Коммунистической партии, в ходе парламентских дебатов: «Наши соратники думали, что могут открыть большой российский рынок с помощью нескольких выстрелов из пушек. Они бы так убили двух зайцев: избавились от революционного правительства и нашли бы рынки сбыта для своей промышленности. <...> Советский Союз отмел все это в сторону, что дает этим поджигателям войны пищу для размышлений и

⁶¹ Débats parlementaires. Chambre des députés 1933: 2386.

⁶² Ibidem.

⁶³ Siegel 2014: 3.

⁶⁴ SHD/T. 7 N 1545. Rapport du Commandant Langlois sur sa Troisième Mission en Russie (20 Juin 1915).

⁶⁵ Нап.: Verge 1926: 161.

понимание, что подобная операция будет нелегкой»⁶⁶. Известно, что торговый обмен между Францией и СССР несмотря на многочисленные попытки подстегнуть этот процесс, оставался невысоким, значительно уступая торговым операциям с Германией и Англией⁶⁷.

Несмотря на свою последовательно антикоммунистическую линию, сенатор Г. Готеро отмечал, что как ветеран Великой войны он с благодарностью вспоминает помощь, оказанную русским народом в 1914–1917 гг., и что закрытие огромного российского рынка является одной из причин экономического кризиса⁶⁸.

Тем не менее, позитивные воспоминания о Великой войне и франко-русском альянсе сохранили многие интеллектуалы и политики. Анри же Жувенель в газете «Petite Gironde» утверждал, что «Во времена старого франко-русского союза царизм и республика, объединив силы, несмотря на столь разные политические режимы, применили формулу безопасности, проверенную временем: формулу баланса сил. Новый договор основан на принципе солидарности между всеми народами. Несходство, антагонизм социальных систем, <...> далеко не препятствие для понимания <...>. Пакт открывает все двери и не закрывает ни одной»⁶⁹. Попытки обозначить прагматичную линию также предпринимались во французской колониальной прессе. Газета Echo d'Alger в 1933 г. писала: «В англосаксонской прессе говорят лишь о новом франко-русском союзе, основанном не на взаимной симпатии, а на общих интересах, точно так же как было между Республикой и царизмом. Сильнейшие союзы редко заключаются <...> для достижения общей цели, но чаще против кого-то, чтобы предотвратить непосредственную или вероятную опасность. Таким образом, провокационная позиция Гитлера и истериков, которые его приветствуют, <...> позволит перегруппировать всех тех, кто хочет предотвратить новую войну или, в худшем случае, ограничить ущерб от «пожара»⁷⁰.

Аналогичную позицию занимал историк Ж. Ансель в публикации «Внешнеполитические дела. Памятная записка о политике Франции 1789–1936», призывавший общими силами удерживать мир. В его реконструкции исторических событий Франция предложила России свои займы, армию и поддержку, а Россия вернула Францию в Европу⁷¹.

Негативная оценка франко-русского союза, но позитивная – франко-советского сближения прозвучала среди левых радикалов. В коммунистическом издании «L'Emancipateur» говорилось, что франко-русский

⁶⁶ Débats parlementaires. Chambre des députés 1933: 2392.

⁶⁷ Напр.: Jeannesson 2000.

⁶⁸ Débats parlementaires. Sénat : compte rendu in-extenso 1933: 799. Также признательность опыту русско-французских отношений в годы Великой войны отмечалась в ходе дебатов 1936 г.: Débats parlementaires. Chambre des députés 1936: 578.

⁶⁹ La Petite Gironde 1935: 1.

⁷⁰ Echo d'Alger 1933: 1.

⁷¹ Рыбаченок 1988: 161–162.

военный союз был одним из важнейших инструментов в подготовке мирового пожара. В свою очередь, пакт о взаимопомощи должен помешать поджигателям войны реализовать свои планы. Его основная цель - предотвратить войну. Газета обращала внимание на то, что политики хотят воспользоваться оправданной ненавистью масс к франко-царскому союзу для своей демагогической кампании и стремятся идентифицировать франко-советский пакт с этим альянсом⁷². Парламентские дебаты 1936 г. подтверждали эти опасения: в ходе прений отмечалось, что в дискуссии о франко-советском сближении «вмешался» термин, который причинил много вреда – это «союз». Он способствовал возрождению исторических воспоминаний, оживил все старые предрассудки и дал возможность тяжущимся сторонам ухватиться за этот аргумент, чтобы «подавить друг друга»⁷³.

Вопрос о линии поведения Франции в отношении Советской России был тесно увязан с восприятием (скорее – неприятием) коммунизма в целом, а также отражал болезненные воспоминания о событиях, произошедших в Брест-Литовске. Память о Первой мировой войне, а также очевидные стратегические мотивы заставляли французское руководство, интеллектуалов и политиков рассматривать франко-советское сближение как своеобразную «реанимацию» франко-русского альянса, анализировать его будущее в стратегических схемах Великой войны. Вместе с тем, на осмысление франко-русских и франко-советских отношений оказывали влияние экономические и внутривнутриполитические факторы. Третья Республика опасалась дестабилизации общества ввиду потенциального нарастания симпатий к левым радикалам, рассматривала сближение как риск «заражения большевизмом». Публицист А. Жиродон в рукописи «Военная мощь Советского Союза» сравнивая русского солдата 1914 г. и солдата Красной Армии, пришел к выводу о том, что солдат русской армии – безвольный и лишенный силы духа человек, способный на героизм лишь в присутствии начальника, в свою очередь, солдат Красной Армии практически ничем не отличается от своего «предшественника», за исключением бациллы большевизма, от которой Францию необходимо надежно защитить, если она решилась «протянуть руку» России⁷⁴. В связи с этим голоса, призывающие к прагматичной внешней политике, были сравнительно редки.

ИСТОЧНИКИ

АВП РФ (Архив внешней политики Российской Федерации). Ф. 04 (Архив Чичерина). Д. 53669. П. 261. [AVP RF (Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii). F. 04 (Arhiv Chicheri-na). D. 53669. P. 261.]

РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 159. Оп. 2. Д. 46. [RGASPI (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii). F. 159. Op. 2. D. 46.]

⁷² L'Émancipateur 1935: 3.

⁷³ Débats parlementaires. Chambre des députés 1936: 578.

⁷⁴ РГВА. Ф. 116. Оп. 4. Д. 85. Л. 7–8, 56.

- РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 8. [RGASPI. F. 359. Op. 1. D. 8].
 РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 116. Оп. 4. Д. 85. [RGVA (Ros-sijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv). F. 116. Op. 4. D. 85].
 Archives Nationales (AN). 72 AJ/2108.
 AN. 149AP/36-37.
 AN. 313AP/210.
 SHD/T (Service historique de la Défense / Terre). 7 N 1545, 7 N 2228, 7 N 3129.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Вершинин А.А. Эдуард Даладьё и политика "умиротворения агрессора" накануне Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2018. №4. С. 42–70. [Vershinin A.A. Eduard Dalad'e i politika "umirovorenija agressora" nakanune Vtoroi mirovoi voiny // Novaya i noveishaya istoriya. 2018. №4. S. 42–70].
- Вершинин А.А., Наумова Н.Н. От триумфа к катастрофе. Военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки. СПб.: Алетея, 2022. 636 с. [Vershinin A.A., Naumova N.N. Ot triumfa k katastrofe. Voenno-politicheskoe porazhenie Frantsii 1940 g. i ego istoki. SPb.: Aleteiya, 2022. 636 s.].
- Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. Т. 2. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 892 с. [Vrag, protivnik, soyuznik? Rossiya vo vneshej politike Frantsii v 1917–1924 gg. T. 2. SPb.: Izd-vo RKHGA, 2021. 892 s.].
- История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. 768 с. [Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni / pod red. L. P. Repinoj. M., 2006. 768 s.].
- Каррер д'Анкосс Э. Россия и Франция от Петра Великого до Ленина. М.: РОССПЭН, 2021. 359 с. [Karrer d'Ankoss E. Rossiya i Frantsiya ot Petra Velikogo do Lenina. M.: ROSSPEN, 2021. 359 s.].
- Молодяков В.Э. Шарль Моррас и "Action française" против Третьего Рейха. СПб.: Нестор-история, 2021. 342 с. [Molodyakov V.E. Sharl' Morras i "Action française" protiv Tret'ego Reikha. SPb.: Nestor-istoriya, 2021. 342 s.].
- Рыбаченок И.С. Франко-русский союз во французской историографии // Внешняя политика России. Историография: сборник статей. М.: Наука, 1988. С. 151–170. [Rybachenok I.S. Franko-russkii soyuz vo frantsuzskoi istoriografii // Vneshnyaya politika Rossii. Istoriografiya: sbornik statej. M.: Nauka, 1988. S. 151–170].
- Aux Ecoutes. 1935. 27 avril.
- Berstein S., Becker J.-J. Histoire de l'anticommunisme en France. T.1: 1917-1940. Paris: Olivier Orban, 1987. 407 p.
- Brodier C. L'alliance franco-russe, ou la pérennisation du souvenir des fêtes, 1896-1897 // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. 2019. №1. P. 43-53.
- Cariani G. Une France russophile ? Découverte, réception, impact. La diffusion de la culture russe en France de 1881 à 1914. Thèse. Strasbourg: Université des sciences humaines, 1998 [Kindle edition].
- Débats parlementaires. Chambre des députés : compte rendu in-extenso. 1933. 16 mai.
- Débats parlementaires. Chambre des députés : compte rendu in-extenso. 1936. 25 février.
- Débats parlementaires. Sénat : compte rendu in-extenso 1933. 4 Mai.
- Débats parlementaires. Sénat : compte rendu in-extenso. 1934. 16 Janvier.
- Dessberg F. Le triangle impossible. Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Bruxelles: Peter Lang, 2009. 440 p.
- Echo d'Alger. 1933. 24 septembre.
- Fleury A. "La Croix" et l'Allemagne (1930-1940). Paris : Cerf, 1986. 454 p.
- Forcade P. La République secrète. Histoire des services spéciaux français de 1918 à 1939. Paris : Nouveau Monde, 2008. 701 p.
- Jeamnsson S. La difficile reprise des relations commerciales entre la France et l'URSS (1921-1928) // Histoire, Economie et Société. 2000. №3. P. 411–429.
- Kerillis H. Français, voici la guerre!... Paris: Éditions Bernard Grasset, 1936.
- Kerillis H. Paris – Moscou en avion. Paris: Denoël et Steele, 1934. 219 p.
- Lacroix-Riz A. Le choix de la défaite. Les élites françaises dans les années 1930. Paris: Armand Colin, 2007. 671 p.
- L'Alliance russe // Crapouillot. 1935. Octobre. P. 105-117.

- La Croix. 1934. 06 Janvier.
La Gazette d'Annonay. 1933. 30 décembre.
La Petite Gironde. 1935. 14 mai.
L'Écho du Centre. 1935. 23 avril.
L'Émancipateur. 1935. 18 mai.
Le Phare de la Loire. 1936. 4 novembre.
Michon G. L'alliance franco-russe 1891-1917. Paris: André Delpeuch, 1927. 340 p.
Siegel J. For peace and money. French and British Finance in the Service of Tsars and Commissars. Oxford University Press, 2014. 306 p.
Suarez G. La Russie nous entrainera-t-elle dans une nouvelle guerre? // Gringoire. 1933. 15 décembre.
Tchitcherine G. Les relations franco-russes depuis cent ans // L'Europe nouvelle. 1925. P. 1698-1699.
Verge A. Avec les Tchécoslovaques. Paris: Éditions René Guillon, 1926. 206 p.
Viénot P. 1912-1935: deux alliances russes // L'Europe Nouvelle. 1935. 2 февраля. P. 131-135.
Wallon S. L'alliance franco-russe dans la chanson française de 1890 à 1901 // Fontes Artis Musicae. 1996. № 13. P. 126-136.

Галкина Юлия Михайловна, кандидат ист. наук, ассистент, кафедры новой и новейшей истории, УрФУ, доцент, кафедры теории и истории международных отношений УрФУ, iulia.galkina@urfu.ru

Remember the Alliance: the Image of the Franco-Russian Alliance in the Third Republic in the Interwar Period

The conclusion of the Franco-Russian alliance was shocking for contemporaries: the union of republican France and monarchist Russia was perceived with surprise. Nevertheless, this alliance was consolidated by the French elites in various monuments of literature, art, and elite consumer goods. The proposed study raises the question: was the image of the Franco-Russian alliance relevant for France in the 1930s? Was the 1935 Pact surrounded by memories of an alliance with Russia? Based on press materials, sources of personal origin (including those first introduced into scientific circulation), the author concludes that the Franco-Russian alliance was not in demand in the 1920s. In the 1930s, the Franco-Russian alliance caused polar assessments of politicians and intellectuals, depended on domestic political, ideological (the problem of the spread of the left idea in France) and economic factors

Keywords: *Franco-Soviet relations, Franco-Russian alliance, Franco-Soviet pact, First World War, interwar period.*

Galkina Yulia, PhD in history, teaching assistant (chair of modern and contemporary history), associate professor (chair of theory and history of International Relations), Ural Federal University, Yekaterinbourg. iulia.galkina@urfu.ru

В.В. ПУЖАЕВ, В.Б. РОМАНОВСКАЯ

ИДЕЯ ЮРИДИЧЕСКОГО КОМПАРАТИВИЗМА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ НАСЛЕДИИ ГЮСТАВА БУАССОНАДА ДЕ ФОНТАРАБИ¹

В статье исследуются правовые воззрения французского компаративиста Гюстава Буассонада де Фонтараби (1825–1910), отразившие его подход к пониманию целей и задач сравнительного законоведения. Оценён вклад Буассонада в обоснование идеи юридического компаративизма, позволяющий представить его в качестве одного из предшественников науки сравнительного правоведения, рождение которой обычно связывают с проведением в 1900 г. в Париже первого Международного конгресса сравнительного права. Отмечена связь учения Буассонада с философией юснатурализма. Рассматривая естественное право в виде совокупности наднациональных и универсальных правовых принципов, общих для всех народов, Буассонад доказывал, что они могут быть адаптированы к конкретным потребностям той или иной страны. По мнению Буассонада, универсальность естественного права обеспечивает возможность передачи прогрессивного опыта законодательного регулирования от одних стран мира к другим, чьё законодательство менее прогрессивно в отражении (юридической фиксации) естественно-правовых ценностей и идеалов.

Ключевые слова: история сравнительного правоведения, Общество сравнительного законодательства, Буассонад, естественное право, история Японии, кодификация

Компаративисты часто действуют как туристы, которые, посещая иностранные города, замечают, что там всё или по-другому, или в некоторой степени похоже на то, как в их родном городе.

Марк Ван Хук²

В июне 2020 г. друг за другом проследовали две памятные даты, значимые для истории сравнительного правоведения. Каждая из них связана с биографией одного из наиболее знаковых компаративистов Нового времени – Гюстава Буассонада де Фонтараби³. В то время как большинство французских правоведов XIX столетия почти забыты современными юристами, Буассонад избежал подобной участи благодаря своим заслугам в области кодификации японского права в эпоху Мэйдзи (1868–1912). В XX в. сообщество компаративистов трижды пыталось оценить юридическое наследие Буассонада: в 1934, 1954 и 1991 гг. были проведены представительные научные и церемониальные мероприятия, посвящённые персоне Буассонада, его правовым воззре-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта №20-011-00034 «Правовые воззрения Гюстава Буассонада де Фонтараби и рецепция французского права в Японии». The reported study was funded by RFBR, project 20-011-00034 «Legal views of Gustave Boissonade de Fontarabie and the reception of French law in Japan».

² Ван Хук 2013: 126–127.

³ 195 лет со дня рождения и 110 лет со дня смерти Гюстава Буассонада де Фонтараби (7 июня 1825 г. – 27 июня 1910 г.).

ниям, успехам и неудачам его профессиональной карьеры, значению его деятельности в истории французско-японских отношений.

Память о компаративисте Буассонаде увековечена в бронзе: монументы в его честь установлены не только на исторической родине во Франции, но и в Японии – стране, ставшей для него «вторым домом». С лёгкой руки профессора Нагойского университета О:кубо Ясуо⁴, в историко-правовой литературе за Буассонадом закрепилось неофициальное почётное звание «французского отца современного японского права»⁵. Схожую оценку за несколько лет до О:кубо озвучил историк Умэдзава Нобору, назвавший Буассонада «отцом-основателем» современной правовой системы Японии⁶. Японский учёный Нода Ёсиюки говорил о Буассонаде, как о выдающемся компаративисте, сравнимом с такими корифеями юридической компаративистики, как Раймон Салей[ль] (1855–1912) и Эдуар Ламбер (1866–1947)⁷. Японский экономист О:ути Хэ:эй, занимавший в 1950–1959 гг. пост президента Университета Хо:сэй (Токио), и вовсе позволил себе назвать Буассонада «величайшим спасителем японской культуры»⁸. Список лиц, поддержавших хвалебный тон по отношению к деятельности Буассонада, можно было бы продолжить. Чем же обусловлены такое высокое звание и неиссякаемый поток благодарности, которыми японские интеллектуалы «одаряют» компаративиста из далёкой Европы? Ответ кроется в биографии Гюстава Буассонада, жизненный путь которого можно условно разделить на два этапа: французский (до отъезда в Японию)⁹ и, собственно, японский.

«Японская история» Буассонада началась совершенно случайно в 1872 г., когда он, замещая должность преподавателя Парижского юридического факультета, был рекомендован к прочтению курса лекций по

⁴ Здесь и далее японские имена приводятся в соответствии с принятой в японском языке и японоведении традицией: сначала указывается родовое имя (фамилия), затем – личное имя. Остальные имена собственные приводятся в обратной последовательности: указание личного имени предшествует фамилии. Двоеточия в транскрипции японских имён и названий указывают на долготу предшествующих гласных.

⁵ Ōkubo 1981: 29.

⁶ Цит. по: Ikeda 1996: 5–6.

⁷ Noda 1962: 240.

⁸ Цит. по: Ikeda 1996: 260.

⁹ Гюстав-Эмиль Бутри родился 7 июня 1825 г. в Венсене, недалеко от Парижа; являлся внебрачным сыном французского ученого-эллиниста – Жана-Франсуа Буассонада де Фонтараби (1774–1857). В 1856 г. был узаконен родным отцом, и получил право не только унаследовать его имущество, но и взять фамилию – Буассонад де Фонтараби. В 1849 г. Гюстав завершил обучение на факультете права в Париже. 16 июля 1852 г. он с успехом защитил докторскую диссертацию по праву. Затем на протяжении более десяти лет (1853–1864) занимался адвокатской практикой в Парижском суде, а также трудился частным преподавателем права. После прохождения конкурса на получение степени *агреже*, Буассонад с 1864 по 1867 г. занимал должность профессора юридического факультета в Гренобле. С 1867 г. преподавал в Париже. См.: De La Mazelière 1911: 127; Manifestations 1935: 26; Ōkubo 1981: 31; Noda 1962: 241.

французскому конституционному и уголовному праву группе японских студентов, прибывших на обучение в столицу Франции. Лекторские навыки и познания Буассонада пришлись по душе новым внимательным слушателям, так что вскоре чрезвычайный и полномочный посланник Японии по имени Самэдзима Хисанобу (1845–1880) направил Буассонаду предложение о переезде на Дальний Восток с тем, чтобы содействовать руководству империи Мэйдзи в создании нового прогрессивного правопорядка страны.

Буассонад прибыл в Японию 15 ноября 1873 г., предварительно заключив трёхлетний рабочий контракт с японским правительством. Впоследствии этот контракт неоднократно продлевался по инициативе японской стороны. Согласно условиям договора должность Буассонада звучала как «помощник и советник». На протяжении двадцати с лишним лет Буассонад исполнял обязанности юридического советника правительства Мэйдзи в вопросах, требующих познаний в сфере западного права¹⁰. За всё это время он лишь однажды (в 1889 г.) на полгода возвращался во Францию. Миссия Буассонада также включала в себя подготовку квалифицированных юридических кадров для новых учреждений юстиции и государственного управления, которые создавались на японском архипелаге (суды, имперские министерства и ведомства и др.). С середины 1870-х гг. на него была возложена ответственная и весьма непростая задача по разработке проектов современных отраслевых кодексов Японской империи: сначала Уголовного кодекса, затем Уголовно-процессуального кодекса и, наконец, Гражданского кодекса.

За короткое время после своего прибытия в Токио Буассонад приобрёл огромное уважение со стороны своих студентов, впоследствии – практикующих юристов, политиков и преподавателей японских университетов (Кисимото Тацуо (1851–1912), Мияги Ко:дзо: (1852–1893), Ясиро Мисао (1852–1892), Иноуэ Мисао (1848–1905) и др.). После того как Буассонад помог Японии уладить дипломатический конфликт с Китаем по случаю Тайваньской карательной экспедиции 1874 г. (благодаря оказанным юридическим консультациям на переговорах в Пекине), он приобрёл значительный авторитет среди ближайшего окружения японского императора в лице О:кубо Тосимити (1830–1878) и Иноуэ Коваси (1844–1895). В знак благодарности за службу, Буассонад в числе первых иностранцев был представлен к награждению японским орденом Восходящего солнца в ранге великого офицера¹¹. В годы наибольшего признания (1875–1886) казалось, что не существовало ни

¹⁰ Okubo 1981; De Loynes de Fumichon 2012; Iwatani 2018.

¹¹ Орден Восходящего солнца был учрежден в 1875 г. и имел восемь степеней отличия. Буассонад был награжден орденом II степени. Примечательно, что первыми награжденными данным орденом были сам японский император и несколько членов императорской семьи, что должно было обозначить высокое положение знака отличия в формирующейся наградной системе Японии.

одного важного юридического и даже политического, дипломатического вопроса, по которому бы правительством Мэйдзи не было опрошено профессиональное мнение этого французского правоведа¹².

Конечно, Буассонад, как и иные иностранные консультанты (называемые «*оятои гайкокудзин*», то есть «почётные нанятые иностранцы»), не предпринимал принятия резолюций правительства Японии, но имел возможность советовать, убеждать, и тем самым косвенно влиять на политику лидеров Мэйдзи. К концу 1880-х гг. Буассонад был одним из самых высокопоставленных иностранных советников. Он выделялся среди остальных, как своим солидным возрастом, так и продолжительностью пребывания на службе японского правительства.

На основании вышеизложенного можем заключить, что имя Буассонада сегодня прочно ассоциируется с его деятельностью в Японии. Вместе с тем французский период жизни и деятельности Буассонада несравненно меньше разработан в научной литературе и совершенно неизвестен российской аудитории. Уяснение особенностей данного этапа жизни правоведа крайне важно для правильного понимания его последующей кодификаторской миссии в Японии, благодаря которой он стал всемирно известен. На момент приглашения Буассонада в Страну восходящего солнца, ему исполнилось сорок восемь лет, его теоретические воззрения были полностью сформированы, а сам он являлся признанным специалистом в области римского права, французского права и тех правопорядков, которые большей частью следовали им (итальянское право, бельгийское право и др.)¹³.

Мы полагаем, что японские дипломатические посланники, ответственные за подбор и «вербовку» иностранных советников для японского правительства, остановились на кандидатуре Буассонада из прагматических соображений: по причине хорошего знакомства Буассонада не только с современным европейским законодательством, но и с историей права некоторых восточных народов¹⁴. Размышления Буассонада часто располагались на пересечении трёх предметных областей: истории права, сравнительного законоведения и политической экономики¹⁵, что также могло вызвать интерес японцев, желавших узнать как можно больше о нравах, обычаях и науках народов Запада.

Возможно, выбор японцами Буассонада в качестве юридического консультанта и преподавателя правовых дисциплин был обусловлен их желанием сохранить национальные традиции и обычаи Древней Японии в процессе создания единого законодательства империи Мэйдзи,

¹² Manifestations 1935: 17.

¹³ De La Mazelière 1911: 128.

¹⁴ К 1873 г. Буассонад опубликовал статью по вопросам наследственного права в древней Индии, а также работу о гражданском законодательстве Талмуда. См.: Boissonade 1873.

¹⁵ Falélavaki 2016: 231.

которое должно было стать сопоставимым по уровню правовой техники и проработанности правовых принципов с законодательствами передовых государств Запада. В лице Буассонада японцы надеялись обрести того, кто будет способен примирить две противоположные задачи: осуществить масштабную модернизацию японского права путём рецепции западного права с сохранением традиционного своеобразия, старых обычаев дотокугавской эпохи.

Компаративистские воззрения Гюстава Буассонада де Фонтараби

«Французский» этап научного творчества Буассонада отмечен вкладом в разработку идеи юридического компаративизма (т.е. сравнения законодательных систем различных народов мира). Этот аспект его творчества, несмотря на некоторые общие публикации по теме (статьи Нода Ёсиюки, О:кубо Ясуо, Кристофа Жамена)¹⁶, ещё недостаточно раскрыт и популяризирован в научной литературе. В российском правоведении компаративистские взгляды Буассонада ранее не изучались. Именно поэтому в отечественных учебных пособиях по сравнительному правоведению, которые используются сегодня при подготовке юристов, имя Буассонада можно встретить обычно в разделах по истории японского права. При освещении вопросов истории возникновения и развития сравнительного правоведения либо вопроса о «французской школе сравнительного правоведения» авторы пособий и учебников часто не приводят никакой информации о научном вкладе Буассонада, даже не упоминая его имени¹⁷. Отчасти это связано с тем, что «эффект» японской миссии Буассонада фактически затмил его прежнюю деятельность. Показательна в этом отношении статья Ёсиюки, опубликованная в 1962 г., которая представила Буассонада как «неизвестного компаративиста»¹⁸, имея в виду его ранние взгляды.

К сожалению, Буассонад не опубликовал ни одной работы, в которой были бы систематизированы его взгляды на природу и задачи сравнительного права. Общая теоретическая позиция Буассонада и его концепция сравнительного законоведения приобретают осязаемые черты только при системном анализе его различных очерков, в которых сравнительно-правовой метод находит себя в приложении к конкретным (отраслевым) юридическим проблемам. К примеру, в работе «Сравнительное законодательство о правах пережившего супруга» (1873) Буассонад представил сравнительный обзор соответствующих положений законодательства Италии, Испании, Румынии, Португалии, Греции, Ионических островов, Германии, Голландии, Австрии, России, Сербии, Польши, Дании, Норвегии, Швеции, Англии, Швейцарии,

¹⁶ Noda 1962: 240-255; Okubo 1981: ; Jamin 2000: 307-311.

¹⁷ См. напр: Лафитский 2010: 68–70.

¹⁸ Noda 1962. Нода использовал словосочетание «*comparatiste ignoré*», что также может быть интерпретировано в значении «незамеченный компаративист».

США, Турции¹⁹. Мы также можем указать на следующие труды Буассонада, в которых был использован метод правового сравнения:

- «Исследование истории пожертвований между супругами и их положение в соответствии с Кодексом Наполеона» (1852);
- «Рецензия на книгу Теофиля Юка (Théophile Hue) «Гражданский кодекс Италии и Кодекс Наполеона: исследование по сравнительному законодательству» (1866);
- «Об обязательной наследственной доле у афинян» (1867);
- «Новый итальянский Гражданский кодекс в сравнении с Кодексом Наполеона» (1868);
- «Обязательная наследственная доля в древней и современной Индии» (1870–1871);
- «О правовом положении пережившего супруга: проект закона» (1872);
- «История обязательной наследственной доли и её нравственное и экономическое значение» (1873);
- «Гражданское законодательство Талмуда. Примечания и сопоставление с римским и французским правом» (1873);
- «История прав пережившего супруга» (1874).

Не составив труда увидеть, что подавляющая часть из перечисленных работ носила историко-правовой характер. Это не должно вызывать удивления – в XIX в. обособление той области научных исследований, которую сегодня обозначают именем «сравнительное правоведение» (или на французский манер – «сравнительное право») было результатом работы юристов, которые одновременно являлись историками права и компаративистами²⁰. В первой половине XIX в. юридической компаративистики, как науки, ещё не существовало, и в юридическом сообществе вели разговоры не о сравнительном правоведении (*droit comparé*), но о сравнительной истории права (*histoire comparée du droit*) либо о практических приложениях, которые может иметь сравнение иностранных законодательств (*législation comparée*). Однако уже во второй половине столетия многие области гуманитарного знания претендовали на получение «теоретической и методологической самостоятельности. Вхождение их в корпус научных и учебных дисциплин ставило проблему самоопределения и демаркации пересекающихся предметностей и требовало разработки методологии самих дисциплин»²¹.

О самостоятельном статусе сравнительного правоведения, то есть понимании его в качестве отдельной дисциплины, было всерьёз заявлено только в 1900 г. на первом Международном конгрессе сравнительного права, проходившем в Париже²². Впрочем, вопрос о «статусе» сравнительного правоведения (сравнительного права) и дате его «рождения» оказался настолько дискуссионным, что до сих пор в научном сообществе не удалось выработать единого подхода на этот счёт (в ка-

¹⁹ Noda 1962: 250.

²⁰ De Loynes de Fumichon 2013: 35.

²¹ Киселева 2021: 53.

²² Цвайгерт, Кёпц 2019: 10, 17.

честве альтернативной «точки отсчёта» часто указывают 1869 г., в который было основано французское Общество сравнительного законодательства (*Société de législation comparée*).

Французские и японские исследователи иногда представляют Гюстава Буассонада как одного из предвестников науки сравнительного права во Франции²³, или как «инноватора сравнительной текстуальной информации»²⁴, высказавшего ряд оригинальных идей в то самое время, когда в правовой доктрине этой европейской страны господствовал юридический позитивизм школы экзегезы (*l'École de l'exégèse*)²⁵. Несмотря на то, что в текстах Буассонада всё ещё присутствовало традиционное для 1860-х гг. понимание вопроса (исследования касались сравнительного законодательства, а не сравнительного правоведения *in sensu modern*), некоторые его предложения выглядели довольно прогрессивно в обстановке середины столетия. Остановимся на этих предложениях подробнее.

1. В преддверии Всемирной выставки в Париже, на которой планировалось масштабное представление сельскохозяйственных, промышленных и художественных достижений из разных стран и регионов мира, Буассонад выступил с идеей организации своеобразного выставочного павильона в виде «коллекции иностранного законодательства», где все желающие могли бы ознакомиться с существующими образцами законодательных кодификаций всех народов. Имея в виду предстоящие мероприятия грандиозной выставки и отсутствие среди павильонов юридического отделения, Буассонад с сожалением отметил: «...в то время, как земледельцы смогут изучать все системы плугов, используемых на поверхности земного шара, а генералы – наступательное и оборонительное оружие, почему бы юристам не найти в отдалённом уголке Дворца наций коллекцию кодексов всех народов?»²⁶. Выставка во французской столице с успехом состоялась в 1867 г., но предложение компаративиста Буассонада осталось незамеченным и не было реализовано.

2. В течение нескольких лет, предшествовавших созданию французского Общества сравнительного законодательства, Буассонад трижды (в 1865, 1866 и 1868 гг.)²⁷ поднимал вопрос о необходимости организации во Франции специализированного учреждения, которое на

²³ Noda 1962; Ōkubo 1981: 32.

²⁴ Souriaux 1991: 359.

²⁵ Понятие «французская школа экзегезы» является собирательным обозначением разнородного сообщества франкоязычных авторов XIX в. – сторонников экзегетического метода толкования, провозгласивших своего рода «культ» кодифицированного законодательства. Формулировка «школа экзегезы» утвердилась только в начале XX в. с подачи французского юриста Э. Глассона (1839–1907). Сегодня она используется историками для определения совпадающего стиля толкования первых комментаторов Гражданского кодекса французов 1804 г.

²⁶ Noda 1962: 244.

²⁷ Boissonade 1865; Boissonade 1866; Boissonade 1868.

профессиональной основе занялось бы обработкой и осмыслением зарубежных законов²⁸. Деятельность такого учреждения, согласно позиции Буассонада, предполагалось подчинить двойной цели.

Во-первых, изучение опыта иностранных правопорядков должно послужить основой для подготовки практических предложений по оптимизации национального законодательства Франции, его постоянного и прогрессивного совершенствования в соответствии с потребностями времени. «Извлечь пользу из изучения опыта других народов мира»²⁹ – такова цель сравнительного законоведения в понимании Буассонада. Когда в 1869 г. состоялось официальное учреждение французского Общества сравнительного законодательства, его деятельность была подчинена именно этой утилитарной цели, которую предвещал Буассонад. Практичность предопределила основные направления работы Общества на десятилетия вперёд. Жорж Пико, занимавший пост президента Общества на рубеже XIX–XX вв., говорил по этому поводу: «Совершая кругосветное плавание по морю иностранных законодательств, мы всегда имели в виду, как конечную цель, законодательство французское... Иностранное законодательство было для нас только средством»³⁰ [средством улучшения национального законодательства – *Авт. прим.*]. Следует оговориться, что в 1876 г. Министерство юстиции Франции сформировало официальный орган – Комитет зарубежного законодательства, поставив перед ним цель изучать и переводить на французский язык кодексы других государств мира³¹. Работа Комитета осуществлялась в тесном сотрудничестве с Обществом сравнительного законодательства и его членами.

Во-вторых, согласно Буассонаду, работа по изучению зарубежных систем законодательства будет напрямую способствовать сближению между различными народами. Он подчёркивал особое значение торгового права в процессе разворачивающейся конвергенции законодательных систем мира. К развитию торговых отношений различные народы мира вынуждают неравномерное распределение природных богатств и благ по территории земного шара³². Потребность в обмене товарами связывает различные народы мира экономически и в исторической перспективе приведёт к созданию международного рынка, для которого необходимы общие универсальные правила, распространяемые на участников торговых отношений. Сегодня мы можем признать, что юридико-экономический прогноз Буассонада в полной мере оправдался: в сфере торговых отношений унификация правового регулирования

²⁸ Jamin 2000: 308.

²⁹ Boissonade 1868: 68.

³⁰ Тарановский 1902: 4.

³¹ Лафитский 2010: 69.

³² Jamin 2000: 309.

достигла наиболее впечатляющих масштабов и в определённой степени позволила «преодолеть» национальные границы государств.

Признание экономического фактора весомой силой в эволюции права, тесно связано с политико-экономическими взглядами Буассонада. До своего отправления в Японию он несколько лет был ответственным за преподавание курса политической экономики в стенах Парижского юридического факультета (1871–1873) вместо А. Батби (1828–1887), избранного депутатом Национального собрания. Эту заинтересованность в изучении экономических законов Буассонад не растерял и в Японии, где он организовал чтение лекций по политической экономике в Верховном совете правительства в присутствии министров Сандзё: Санэтоми (1837–1891), О:кубо Тосимити (1830–1878) и Ито: Хиробуми (1841–1909), а также в Министерстве юстиции, где слушателями Буассонада стали высокопоставленные чиновники ведомства. Посредством своих курсов Буассонад стремился расширить и углубить юридическое образование японцев. Сохранившиеся записи отдельных лекций Буассонада позволяют охарактеризовать его как сторонника идей классического либерализма, неприкосновенности частной собственности и всеобщего развития свободной торговли. На своих занятиях Буассонад часто и с должным уважением цитировал труды А. Смита (1723–1790), Ж.-Б. Сэя (1767–1832), Ж. Бланки (1798–1854) и других апологетов классической политэкономии. В этом отношении Буассонад был новатором, поскольку в XIX в. французские юристы довольно ревностно относились к сохранению своей дисциплинарной автономии и выступали против включения политэкономии в программу преподавания на юридических факультетах. В отмеченных предложениях Буассонада уже можно разглядеть «ростки» будущей идеи о двойственной функции науки сравнительного права, которая приобрела известность спустя тридцать лет благодаря докладу Р. Салей (1855–1912) на первом Международном конгрессе сравнительного права в 1900 г.³³ Практически повторяя слова Буассонада, Салей выступал за признание инструментальной ценности сравнительного правоведения, как средства корректировки и настройки юридических механизмов внутринационального регулирования³⁴. После яркого выступления Салей в Париже в обиход компаративистов прочно вошло понимание целевых ориентиров новой научной отрасли: сравнительное правоведение должно одновременно служить и целям национального правового развития, и целям универсализации мирового правового пространства.

Отметим, что Буассонад не входил в число организаторов или участников первого Международного конгресса сравнительного права, хотя к тому времени он уже вернулся из Японии (в 1895 г.). По возвра-

³³ Jamin 2000: 307.

³⁴ Jamin 2002: 714.

щении Буассонад не остался в Париже, а поселился в небольшом средиземноморском городке Антиб в Провансе, где пожилой профессор вёл тихий и уединённый образ жизни, далёкий от научных диспутов и прежней насыщенной практической работы. Примечательно, что первый Международный конгресс сравнительного права проходил в Париже в то самое время, когда французская столица принимала Всемирную выставку 1900 г. В 1962 г. японский компаративист Ёсиюки заострил внимание на этом интересном совпадении, посчитав, что таким образом Буассонад с идеей «выставочного павильона иностранных законодательств» явился идейным предшественником организации всемирных конгрессов компаративистов³⁵.

В 1860-х гг. все предложения Буассонада остались незамеченными в научном сообществе, отчасти в силу его пока что незначительного веса в академической иерархии тех лет. Хотя Буассонад и состоял членом Общества сравнительного законодательства, он, как предполагают французские историки права, едва ли сыграл значимую роль в его учреждении³⁶. В частности, Буассонад не входил в состав первого совета директоров Общества, первым президентом которого стал французский правовед Э. де Лабулэ (1811–1883). Однако история часто преподносит сюрпризы: спустя два десятка лет, когда имя Буассонада уже было овеяно славой одного из главных составителей нового законодательства мэйдзийской Японии, его «старые» идеи снова зазвучали в сообществе французских компаративистов. Предложения Буассонада были воспроизведены в 1891 г. в Бюллетене Общества сравнительного законодательства благодаря инициативе членов секретариата издания. В предисловии к вновь публикуемым материалам отмечалось, что идеи Буассонада были незаслуженно лишены внимания сообщества компаративистов, когда они впервые были представлены публике³⁷.

Компаративизм Буассонада и идея естественного права

Универсалистская концепция сравнительного законовещения, которую развивал и поддерживал Буассонад, была предопределена его философско-правовыми воззрениями. Ёсиюки дал следующее описание наблюдаемого в этом направлении «родства»: «в творчестве Буассонада идея сравнительного права неотделима от идеи естественного права»³⁸. Зададимся вопросом: нет ли в подобной оценке японского учёного неточности, ведь давно известно, что «естественное право и победоносное шествие великой [французской] революции были прямо враждебны истории и сравнению»?³⁹ Однако оценка Нода точна, поскольку утверждение об антикомпаративном характере учений о естественном праве

³⁵ Noda 1962: 255.

³⁶ Jamin 2000: 308.

³⁷ Там же.

³⁸ Noda 1962: 248.

³⁹ Тарановский 1902: 10.

справедливо по отношению к рационализму XVIII в. «Подобно тому, как в Средние века царило единство откровения и предания, так в XVIII в. господствовало единство разума, который законодательствовал исключительно собственным своим авторитетом, не справляясь совершенно с существующим общественным строем, достойным лишь отмены и забвения. ... Только последовавшая реакция и подведение итогов революционному движению подорвали веру в непреложность рационалистических построений и пробудили дух историзма, идею эволюции, а вместе с нею должное внимание к существующему и интерес к изучению многообразных его проявлений. Движение совершалось быстро: в течение полустолетия национально-историческое направление переродилось в сравнительно-историческое»⁴⁰.

Будучи наследником общей традиции французской школы экзегезы (*L'École de l'exégèse*), Буассонад заимствовал у неё рационалистический подход, являвший собой затейливую комбинацию христианской морали и технических методов анализа текстов наполеоновских кодексов⁴¹. Вместе с тем его философия права заметно отличалась от рационалистических теорий XVIII в. и доктрины экзегетов признанием принципа историзма и эволюции права. Примечательно, что такое признание осуществлялось Буассонадом независимо от идей немецкой исторической школы права (Г. Гуго, Ф. К. фон Савиньи, Г. Ф. Пухта), которая в полемическом запале против теории естественного права обеспечила себе значительный, хотя и временный, успех в рамках XIX в.

Выступая сторонником идеи естественного права, Буассонад стремился показать в своих работах и речах, что фундаментальные правовые принципы имеют универсальный характер, и потому они могут быть адаптированы к потребностям и практическим нуждам той или иной страны, народа, нации. «Подражание – говорил Буассонад, – является самым сильным мотивом прогресса». «Выше и весомее подражания может быть только прямая жизненная необходимость», ставящая под угрозу само существование нации⁴². Изучая иностранные законы, юристы смогут использовать опыт тех народов, что отличаются более высоким уровнем цивилизационного развития. Показателем прогрессивности и цивилизованности законодательства, по мнению Буассонада, является то, насколько в нём отражены принципы естественного разума, справедливости и социальной полезности. Разумность, справедливость и социальная полезность есть имманентные начала естественного права, общую универсальную формулу которого Буассонад описал одной короткой фразой: «не причиняй никому вреда»⁴³. В понимании Буассонада, разумность и чувство справедливости имеют уни-

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Пужаев, Романовская 2021: 29.

⁴² Boissonade 1868: 67.

⁴³ Boissonade 1874: 523.

версальный и неизменный во времени характер, в то время как соображения полезности изменяются во времени и пространстве и, соответственно, могут значительно отличаться у разных народов. Как компаративист, признающий принцип историзма, Буассонад отмечал ценность изучения законодателем положений римского права, которое явилось исторически первым проявлением универсального общего права народов, заимствованного впоследствии народами Европы (рецепция права) с внесением необходимых разумных дополнений согласно с обстоятельствами текущей эпохи, сложностью и разнообразием современных имущественных и товарно-денежных отношений.

Общие размышления Буассонада предвосхитили идеи Р. Салея о сравнительном праве как об объективированной форме существования естественного права. В понимании Буассонада, позитивное право надлежит рассматривать как форму внешнего, формализованного выражения постулатов естественного права, и в этом смысле осуществляющий правотворческие прерогативы законодатель должен стремиться к тому, чтобы отразить в корпусе позитивного права универсальные естественно-правовые идеалы. Сравнительная перспектива (то есть компаративизм) необходима, поскольку Буассонад считал, что разум может быть неодинаково проявлен у разных народов в разные исторические периоды их существования. Поэтому опыт «лучших» следует передавать «отстающим». Следовательно, юридический компаративизм Буассонада, в сущности, предполагал необходимость юридического «выравнивания» правовых систем мира согласно с универсальными требованиями естественного права.

Лучшим позитивным выражением идеи естественного права среди всех существовавших в XIX в законодательствах Буассонад признавал законодательство Франции эпохи Наполеона, послужившее образцом для многих стран мира при создании собственных национальных кодексов. Был ли Буассонад «прозелитом» французского права? Несомненно, да. Однако его подход не отличался ортодоксальностью в прямом следовании образу права Франции. При подготовке проектов кодексов Японской империи Буассонад позволял себе не только хвалебные отзывы о праве родной страны, но и критику отдельных норм и институтов наполеоновских кодексов, с указанием тех законодательств Запада (а иногда и стран Азии), что дали лучшие решения в сравнении с французским законодательством⁴⁴. В каждом таком случае единственным критерием включения соответствующей нормы в подготавливаемые Буассонадом проекты кодексов Японской империи являлось их соответствие идее естественного права в наиболее прогрессивном выражении (разумеется, в том виде, в каком это выражение представлялось Буассонаду). Однако западное право было в явном приоритете,

⁴⁴ Пужаев, Романовская 2021: 15

поскольку Буассонад не испытывал сомнений в том, что оно наиболее «близко к идеалу, который должен быть достигнут»⁴⁵. Именно поэтому «кодексы Буассонада» отличались гибридностью с точки зрения лежащих в их основе источников. К примеру, в подготовленный проект Уголовного кодекса Японии Буассонад включил заимствованную из британских и немецких законов систему условно-досрочного освобождения. Из итальянских законов была рецепирована концепция покушения на преступление и связанное с этим уменьшение наказания для преступника. Из традиционного китайского права Буассонадом был заимствован институт явки с повинной, влекущий уменьшение наказания для преступника⁴⁶. Подчеркнём, что все перечисленные нововведения были неизвестны ни праву домэйдзийской Японии, ни французскому праву первой половины XIX в. Эти новации – результат веры Буассонада в одухотворяющую силу естественного права и возможности исторической эволюции законодательства.

До переезда в Японию Буассонад, оставаясь преимущественно кабинетным учёным, уже имел репутацию одного из талантливых специалистов в области сравнительного европейского законодательства и истории права. Карьерные неудачи и трудности продвижения по службе в Париже не могут отменять факта академической зрелости Буассонада как учёного. В подтверждение наших слов можем указать, что два сочинения Буассонада – об обязательной наследственной доле и о правах пережившего супруга – были удостоены почётных наград французской Академии моральных и политических наук. И всё же, с точки зрения места в академической иерархии, Буассонад являлся среднестатистическим парижским профессором-агреже. Однако после успешного составления проектов Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов для Японии и официального ввода их пересмотренных и доработанных версий в действие на территории империи (в 1882 г.), имя Буассонада приобретает значительную известность за пределами франко-японского горизонта. Тогда же оно обретает форму ассоциации с темой французского юридического влияния в восточноазиатском регионе. Если в начале профессионального пути лекции и публикации Буассонада проявили его дарования в качестве кабинетного компаративиста и историка права, то дальневосточная миссия сделала из Буассонада одного из первых выдающихся компаративистов-практиков. Вклад Буассонада в кодификацию японского права позволяет включить его имя в число видных кодификаторов Нового времени наряду с венецуэльско-чилийским правоведом А. Белью (1781–1865), сербским юристом и социологом В. Богишичем (1834–1908) или знаменитым швейцарским правоведом О. Хубером (1849–1923).

⁴⁵ Jamin 2000: 310.

⁴⁶ Ikeda 1996: 181.

Заключение

Французская правовая доктрина известна своим весомым вкладом в разработку теоретико-методологических основ сравнительного правоведения (сравнительного права, юридической компаративистики). В XIX в. во Франции произошли важнейшие события, отразившие институционализацию новой научной отрасли, и положившие начало её обособлению от смежных областей научного знания (истории права, теории права, философии права). Как всякая научная дисциплина, сравнительное правоведение имело своих первопроходцев (Р. Салей, Э. Ламбер), интеллектуальная работа которых подвела своеобразную черту под предшествующей историей мысли и в то же время своим новаторством озарила новые научные горизонты. Однако насколько новаторской была их мысль в том, что касается описания целевых ориентиров сравнительного права? Изучение творческого наследия Буассонада де Фонтараби показало, что его идеи и предложения по некоторым сравнительно-правовым вопросам оказались самым настоящим «предвосхищением» тех интеллектуальных решений, которые впоследствии окажутся востребованными в сообществе компаративистов.

Буассонад не принял заметного участия в институционализации сравнительного права во Франции, поскольку он отправился в Японию «слишком рано» и «слишком поздно» вернулся на родину, будучи более двадцати лет «оторванным» от повседневных реалий французской академической жизни. Его интеллектуальная работа в Японии занимала всё свободное время, сумев заслонить собой предшествующие результаты юридических исследований, накрепко связав имя Буассонада с юридической историей Дальнего Востока.

Сравнительно-правовые идеи Гюстава Буассонада не могут быть интерпретированы в отрыве от его философско-правовых воззрений и нравственных ориентиров. Признание Буассонадом естественного права в качестве наднационального и надпозитивного идеала (то есть того, что «разумно и справедливо») является предпосылкой юридического сравнения различных национальных правовых систем с целью их последующего «юридического выравнивания» сообразно требованиям естественного разума и справедливости.

Французский социолог Пьер Бурдьё как-то произнёс на одной из своих лекций о государстве, что «юристы – это двигатель универсального, [двигатель] универсализации. На их стороне право, то есть дискурс с универсальной претензией...»⁴⁷. Представляется, что сказанные слова в точности соответствуют масштабам личности Гюстава Буассонада де Фонтараби – видного компаративиста XIX столетия, автора универсалистской концепции сравнительного законоведения, а также

⁴⁷ Бурдьё 2016: 498.

юриста-практика, оказавшего влияние на ход вестернизации правовой системы Японии в первой половине эпохи Мэйдзи (1875–1886).

Краткое описание компаративистских идей и предложений Буассонада позволяет прийти к выводу, что его юридическое наследие является неотъемлемой частью истории сравнительного правоведения. В этой связи предлагаем осуществить корректировку традиционно бытующих в российском правоведении сведений об основных представителях французской (национальной) «школы сравнительного права», включив в число знаковых фигур юридической компаративистики Франции имя Гюстава Буассонада де Фонтараби.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бурдье П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992) / Ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пуло, М.-К. Ривьер; пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнарёвой; предисл. А. Бикбова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 720 с. [Burd'e P. O gosudarstve: kurs lektzii v Kollezh de Frans (1989-1992) / Red.-sost. P. Shampan', R. Lenuar, F. Pupo, M.-K. Riv'er; per. s fr. D. Kralechkina i I. Kushnarevoi; predisl. A. Bikbova. Moscow: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS, 2016. 720 s.]
- Ван Хук М. Методология сравнительно-правовых исследований // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 3 (308). С. 121–147. [Van Khuk M. Metodologiya sravnitel'no-pravovykh issledovaniy // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie. 2013. №3 (308). S. 121-147.]
- Киселева М.С. Историзм и становление междисциплинарности в интеллектуальной истории XIX – начала XX в.: человек во времени // Диалог со временем. 2021. Вып. 77. С. 45–60. [Kiseleva M.S. Istorizm i stanovlenie mezhdistsiplinarnosti v intellektual'noi istorii XIX – nachala XX v.: chelovek vo vremeni // Dialog so vremenem. 2021. Vyp. 77. S. 45–60].
- Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в образах права. Том первый. М.: Статут, 2010. 429 с. [Lafitskii V.I. Sravnitel'noe pravovedenie v obrazakh prava. Tom pervyi. Moscow: Statut, 2010. 429 s.]
- Пужаев В.В., Романовская В.В. Гюстав Буассонад де Фонтараби и идея естественного права в Японии в эпоху Мэйдзи // Японские исследования. 2021. № 4. С. 6–33. [Puzaev V.V., Romanovskaya V.B. Gyustav Buassonad de Fontarabi i ideya estestvennogo prava v Yaponii v epokhu Meydzi // Yaponskiye issledovaniya. 2021. № 4. S. 6–33].
- Тарановский Ф.В. Сравнительное правоведение в конце XIX века. Варшава, 1902. 27 с. [Taranskii F.V. Sravnitel'noe pravovedenie v kontse XIX veka. Varshava, 1902. 27 s.]
- Цвайгерт К., Кетц Х. Сравнительное частное право: в 2-х т. Пер. с нем. М.: Международные отношения, 2019. 728 с. [Tsvaigert K., Ketts Kh. Sravnitel'noe chastnoe pravo: v 2-kh t. Per. s nem. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2019. 728 s.]
- Boissonade G. Rapport sur les concours de l'année scolaire 1864-1865, présenté au nom de la Faculté de droit de Grenoble. Grenoble, 1865.
- Boissonade G. Le Code civil italien et le Code Napoléon (compte-rendu d'un ouvrage de Théophile Huc) // Revue critique de législation et de jurisprudence. 1866. T. XXIX. pp. 172-187.
- Boissonade G. Le nouveau Code civil italien, comparé au Code Napoléon // Revue pratique de droit français. 1868. T. 26. pp. 67-96.
- Boissonade G. Législation civile du Thalmud. Notes et rapprochements avec le droit romain et le droit français. Paris, 1873.
- Boissonade G. École de droit de Jédo. Leçon d'ouverture d'un cours de droit naturel // Revue de législation de française et étrangère. 1874. № 4. pp. 508-525.
- De La Mazelière A. Gustave Boissonade. Sa vie, sa mission au Japon (1874-1894) // Bulletin de la Société Franco-Japonaise de Paris. 1911. T. XXI. pp. 127-134.
- De Loynes de Fumichon B. Gustave Émile Boissonade, historien du droit, comparatiste et père du droit japonais moderne // L'École de droit de la Sorbonne dans la cité / sous la dir. P. Gonod, A. Rousselet-Pimont et L. Cadiet. Paris: IRJS éd., 2012.

- De Loynes de Fumichon B. Introduction au droit comparé. Tahiti: Association de Législation Comparée de Pays du Pacifique, 2013. IX, 278 p.
- Falélavaki Y. L'histoire d'une conversion. La doctrine française du XIX-e siècle et le recours à la comparaison juridique. Thèse soutenue à Rennes le 22 novembre 2016. L'Université de Rennes 1. 532 p.
- Ikeda M.K. French legal advisor in Meiji Japan (1873-1895): Gustave Emile Boissonade de Fontarabie. Diss. Ann Arbor, UMI, Michigan, 1996. VI-293 p.
- Iwatani J. Gustave Émile Boissonade et son pays d'adoption // Historiens et géographes: revue de l'Association des Professeurs d'Histoire et de Géographie de l'Enseignement Public. 2018. No. 444. pp. 150-154.
- Jamin C. Boissonade et son temps // Archive philosophie du droit. 2000. Vol. 44. pp. 285-312.
- Jamin C. Saleilles' and Lambert's Old Dream Revisited // The American Journal of Comparative Law. 2002. Vol. 50. No. 4. pp. 701-718.
- Manifestations commémoratives en l'honneur du professeur G.E. Boissonade, conseiller légiste accrédité du gouvernement japonais et professeur à l'Université impériale de Tokyo de 1873 à 1895. Tokyo: Comité d'organisation des manifestations commémoratif en l'honneur du professeur G.E. Boissonade, 1935. 40 p.
- Noda Y. Gustave Boissonade, comparatiste ignoré // Problèmes contemporains de droit comparé. T. II. Problèmes divers de droit comparé. Tokyo: Institut japonais de droit comparé, Université Chuo. 1962. pp. 235-256.
- Ōkubo Y. Gustave Boissonade, père français du droit japonais moderne (1825-1910) // Revue historique de droit français et étranger. Quatrième série. 1981. Vol. 59. No. 1. pp. 29-54.
- Souriaux J.-L. La pensée juridique de G. Boissonade: aspects de droit civil // Revue internationale de droit comparé. 1991. Vol. 43. No. 2. pp. 357-366.

Пужаев Владимир Владимирович, старший преподаватель, НГУ им. Н.И. Лобачевского; *puzhaev_vl@mail.ru*

Романовская Вера Борисовна, доктор юридических наук, профессор, НГУ им. Н.И. Лобачевского; *vera_borisovna@mail.ru*

The Idea of Legal Comparativism in the Intellectual Legacy of Gustave Boissonade De Fontarabie

The article examines the legal views of French comparatist Gustave Boissonade de Fontarabie (1825-1910), which reflected his approach to the understanding of goals and objectives of comparative legislation. Boissonade's contribution to the substantiation of the idea of legal comparativism is evaluated, which makes it possible to present Boissonade as one of the forerunners of the science of comparative law. The birth of comparative law as a science is usually associated with the first International Congress of Comparative Law held in 1900 in Paris. The connection of Boissonade's teachings with the philosophy of jusnaturalism is highlighted. Considering natural law as a set of supranational and universal legal principles, Boissonade argued that they can be adapted to the specific needs of a particular country. According to Boissonade, the universality of natural law makes it possible to transfer the progressive experience of legislative regulation from some countries of the world to others, whose legislation is less progressive in reflecting the natural legal values and ideals.

Keywords: *history of comparative law; Society of comparative legislation; Boissonade; natural law; Japanese history; codification.*

Vladimir V. Puzhaev, Senior Lecturer, National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University (Nizhny Novgorod, Russia); *puzhaev_vl@mail.ru*

Vera B. Romanovskaya, Dr.Sc. (Law), Professor, National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University (Nizhny Novgorod, Russia); *vera_borisovna@mail.ru*

А.А. ДЕМИЧЕВ

«СВОЙ» ВЗГЛЯД НА «НОВОЕ», «ЧУЖОЕ», НО НЕ «ЧУЖДОЕ»
(ВОСПОМИНАНИЯ Г.А. ДЖАНШИЕВА О СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК)

В статье с позиции источниковедческой парадигмы методологии истории анализируется источник личного происхождения второй половины XIX в. – воспоминания о суде присяжных известного публициста Г.А. Джаншиева. Установлены время, место и цель написания воспоминаний. Выделены характерные для мемуаристики нового времени и специфические черты источника. Когнитивная ценность воспоминаний рассматривается в фактографическом и аксиологическом аспектах. Установлено, что источник показывает не только личное отношение автора к суду присяжных и попыткам консервативных изменений Судебных уставов 1864 г., но и либерально настроенного круга юристов, публицистов, общественных деятелей, ученых.

Ключевые слова: *источниковедческая парадигма методологии истории, документы личного происхождения, воспоминания, присяжные заседатели, суд присяжных, Г.А. Джаншиев.*

Документы личного происхождения нередко воспринимаются научным сообществом неоднозначно. «Камнем преткновения», как правило, становится их априорная субъективность, приводящая к сомнениям в достоверности. Достоверности как аксиологической, так и фактографической. Зачастую, кроме тех случаев, когда проводится специальное источниковедческое исследование, документы личного происхождения используются как вспомогательный источник чаще всего иллюстративного характера для подтверждения фактов, полученных из источников других видов, а иногда и просто для «оживления» материала.

Мы не будем дискутировать по данному вопросу. Однако отметим, что ценность документов личного происхождения кроется не столько в фактографии (хотя в некоторых случаях по отдельным узким вопросам именно дневники, письма и мемуары содержат важную эксклюзивную информацию), сколько совсем в иных аспектах познания прошлого. С позиции источниковедческой парадигмы методологии истории это один из видов исторического источника, позволяющий вести диалог историка и «человека прошлого», позволяющий ментальное познание «другого». Наибольший интерес в данном контексте представляют, на наш взгляд, мемуары (или воспоминания).

В данной статье мы проанализируем воспоминания Г.А. Джаншиева о том, как он исполнял обязанности присяжного заседателя. Этот документ позволяет не просто проникнуться духом изучаемой эпохи, но демонстрирует «свой» взгляд одного человека, выражающего позицию большой группы ученых-юристов, судебных деятелей и представителей общественности на новое для Российской империи явление в сфере правосудия – суд присяжных.

Суд присяжных является традиционным институтом для стран англосаксонской правовой семьи. Он зародился в Англии еще в XII в. в ходе судебной реформы Генриха II Плантагенета, но в Россию пришел в качестве правового заимствования только в 1864 г. в результате судебной реформы императора Александра II. Неоднозначный эксперимент по перенесению зарубежного опыта, не имевшего отечественных аналогов, на российскую почву вызвал бурные дискуссии уже в 60-е гг. XIX в. Новый и наиболее активный их виток пришелся на вторую половину 90-х гг. XIX в. в связи с деятельностью комиссии по пересмотру законоположений о судебной части (1894–1899 гг.), возглавляемой министром юстиции Н.В. Муравьевым. Один из ключевых вопросов, обсуждаемых в этой комиссии, был вопрос о будущем суда присяжных. Никто не отрицал, что Россия имеет дело с новым «чужим» институтом. Споры же сводились к тому, насколько соответствует суд присяжных российскому менталитету, и нужен ли он Российской империи. Г.А. Джаншиев не был членом комиссии Н.В. Муравьева, но в своих воспоминаниях он показал «свое» видения «нового», «чужого», но совсем не «чуждого», по его мнению, для России суда присяжных.

Методика работы с мемуарами в качестве отправной точки исследования предполагает выяснение их авторства, времени и места создания, а также цели их написания и адресата в конкретно-историческом контексте, видовой и иной специфики. Другими словами, необходимо провести внешнюю критику источника, которая «направлена на всестороннее изучение вопроса о происхождении документа с тем, чтобы иметь основания для суждения о том, в какой мере правомерно использование письменного памятника как исторического источника»¹. И только после этого можно переходить ко второму этапу исследования – внутренней критике источника, заключающейся, как известно, в изучении «содержания источника, выяснении того, насколько оно соответствует реальной исторической действительности, каково его научное значение»². Именно на этом этапе исследования определяется фактографическое и когнитивное значение изучаемых мемуаров.

Итак, объектом нашего изучения в данной работе являются воспоминания Г.А. Джаншиева о его участии в судопроизводстве в качестве присяжного заседателя. Уже из постановки цели видно, что проблемы с авторством воспоминаний не возникает.

Автором воспоминаний является известный во второй половине XIX в. российский юрист, публицист, журналист и общественный деятель армянского происхождения Григорий Аветович Джаншиев (1851–1900). Г.А. Джаншиев был, наверное, самым известным публицистом – сторонником судебной реформы 1864 г. в Российской империи, ярким апологетом суда присяжных и постоянным оппонентом противников

¹ См.: Пронштейн 1969: 10.

² Там же: 28.

этого института. Он являлся автором более двух десятков книг и огромного количества статей в различных газетах и журналах («Судебный вестник», «Русская мысль», «Русские ведомости», «Московские ведомости», «Вестник Европы», «Юридический вестник», «Журнал гражданского и уголовного права» и др.) на различные актуальные социально значимые темы («Великие реформы» императора Александра II, судебная реформа 1864 г., суд присяжных, адвокатская этика, тяжелейшее положение армян в Турции и др.). Мы не будем останавливаться на биографии Г.А. Джаншиева (хотя в ней имеется много интересных моментов), т.к. об этом человеке опубликованы подробные сведения³. Что касается краткой справочной информации, то она содержится и в многочисленных дореволюционных, советских и современных энциклопедиях и словарях, в том числе в знаменитом Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона⁴.

Впервые воспоминания Г.А. Джаншиева о суде присяжных были опубликованы в 1896 г. во втором издании книги «Суд над судом присяжных» в качестве приложения под названием «Как мы судили (Из воспоминаний присяжного заседателя)»⁵. Интересно, что в первом издании этой книги воспоминаний не было⁶. Без серьезных содержательных изменений второй раз они вышли в свет в 1914 г. под названием «Из воспоминаний присяжного заседателя» в посмертно изданном к 50-летнему юбилею судебной реформы под редакцией В.П. Обнинского сборнике статей Г.А. Джаншиева⁷. Именно этим изданием в дальнейшем мы и будем пользоваться.

Остановимся на месте и времени создания воспоминаний. В их тексте указывается, что они вынесены «из недавней сессии одного центрального окружного суда»⁸. Центральными или столичными окружными судами в Российской империи было два: Московский и Санкт-Петербургский. Из биографических сведений известно, что Г.А. Джаншиев с 1864 г. жил в Москве (различные путешествия за границу и по России – не в счет). Учитывая это обстоятельство и то, что одним из обязательных требований, предъявляемых к присяжным заседателям, являлся ценз оседлости (статья 3 Учреждения судебных установлений 1864 г. устанавливала, что «Присяжные заседатели избираются из местных обывателей всех сословий: ... жительствовавших не менее двух лет в том уезде, где производится избрание в присяжные заседатели»⁹), можно с абсолютной уверенностью утверждать, что автор воспоминаний принимал участие в заседаниях именно Московского окружного суда. В

³ См., напр., Дживелегов 1905; Автобиографические данные о Г.А. Джаншиеве 1905.

⁴ См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона 1893: 524.

⁵ См.: Джаншиев 1896.

⁶ См.: Джаншиев 1895.

⁷ См.: Джаншиев 1914.

⁸ Там же: 439.

⁹ См.: Учреждение судебных установлений 1864.

противном случае он просто не мог быть включен в общие и, тем более, очередные списки присяжных заседателей. Еще одно подтверждение, что Г.А. Джаншиев участвовал в деятельности именно Московского окружного суда, содержится в самом тексте воспоминаний, где говорится, что в судебное заседание без уважительных причин не «явились двое известных **московских** (выделено мною. – А.Д.) богачей»¹⁰.

Несколько сложнее установить конкретные даты, когда Джаншиев исполнял обязанности присяжного заседателя. В самих воспоминаниях они не называются. Отмечается лишь, что события происходили в «недавней сессии»¹¹. Одной из особенностей мемуарной литературы второй половины XIX – начала XX в. было то, что в отличие от предыдущего периода очень коротким стал промежуток времени с момента написания произведения до его опубликования¹². Мемуаристы изначально стали писать текст не просто для опубликования «когда-нибудь», а для его скорейшего обнародования. В этот период времени они превратились из пишущих «для себя» («для немногих» или для потомков) «в авторов лично и непосредственно участвующих в текущем процессе общественно-литературной жизни, пишущих для своих современников, для печати»¹³. Воспоминания Г.А. Джаншиева хорошо укладываются в эту тенденцию. Поскольку в тексте воспоминаний имеются постраничные сноски на публикации в периодической печати, а самая поздняя из них – на апрельский номер «Вестника Европы» за 1890 г.¹⁴, можно утверждать, что Джаншиев создавал свое произведение не ранее этого времени. Однако, скорее всего, он участвовал в суде в качестве присяжного заседателя в промежутке с 1893 по 1895 гг. Причем наиболее вероятным, на наш взгляд, является 1894 г. Аргументом в пользу этого нам служит отсылка в тексте на то, что автор «лет шестнадцать» наблюдал и соприкасался с судом присяжных в качестве адвоката, газетного репортера, публициста. В адвокатуру Джаншиев пришел в 1878 г. Прибавляя шестнадцать лет, мы получаем 1894 г. Также в одной из сносok указывается 1890 г. в качестве отправной точки, когда для присяжных поверенных был снят негласный запрет на отправление обязанностей присяжных заседателей, а реализация этого (то есть внесения представителей адвокатской корпорации в списки присяжных заседателей) началась за три-четыре года до написания воспоминаний¹⁵.

Факт, что воспоминания не были опубликованы в первом издании работы «Суд над судом присяжных» в 1895 г. свидетельствует, на наш взгляд, о том, что участие Г.А. Джаншиева в суде присяжных в качестве заседателя произошло именно в 1894 г. Полагаем, мемуарист про-

¹⁰ Джаншиев 1914: 441.

¹¹ Там же: 439.

¹² См.: Источниковедение истории СССР: 347.

¹³ Там же: 346.

¹⁴ См.: Джаншиев 1914: 439.

¹⁵ См.: там же: 440.

сто не успел подготовить свои воспоминания к публикации, но к следующему 1896 г. текст уже был готов к печати. При этом, может быть, вследствие авторского замысла, а, может, и вследствие спешки он вошел в книгу только в качестве приложения.

На первый взгляд, может показаться, что проблема видовой принадлежности данного текста не стоит, т.к. уже в самом названии произведения используется слово «воспоминания». Однако воспоминания ли это на самом деле? Ведь мемуары традиционно воспринимаются в качестве довольно объемного произведения, охватывающего длительный временной отрезок. В литературе в советский период отмечалось, что специфической чертой мемуаристики второй половины XIX – начала XX в. была «заметная деформация прежних мемуарных форм, определенное измельчение, дробление этих форм. Мемуаристика нередко приобретала этюдный, отрывочный, незавершенный характер»¹⁶. Следовательно, «Из воспоминаний присяжного заседателя» Г.А. Джаншиева в данном контексте как раз типично, а не специфично и соответствует мемуарной форме соответствующего исторического периода.

Разберемся, являются ли в содержательном плане воспоминания Г.А. Джаншиева произведением именно мемуарного типа. Из анализа текста вытекает, что автор изложил на бумаге личные впечатления от увиденного в судебных заседаниях. Более-менее последовательно он рассказывает о сессии с участием присяжных заседателей, рассматриваемых делах, характеризует своих коллег-присяжных. Однако данным воспоминаниям присущи многие особенности, которые характерны для публицистики. Сразу оговоримся, такая постановка вопроса корректна только в том случае, если мы разделяем позицию, что публицистика является отдельным видом источника, который «призван выражать мнение какой-либо социальной группы об общественно значимой проблеме»¹⁷. В воспоминаниях Г.А. Джаншиева виден ряд черт, присущих публицистике и научным исследованиям, грань между которыми в работах второй половины XIX в. провести весьма сложно:

1. Наличие эпитафия, формирующего «читательское ожидание», предопределяющее, как читатель должен воспринимать последующий текст. В качестве эпитафия Г.А. Джаншиев использовал следующий текст: «Суд присяжных существует даже в Новой Зеландии. Неужели дикари этого острова более развиты, чем наш народ?». Интересно, что в первом издании воспоминаний эта фраза приписывается персонально А.М. Унковскому, приводящейся по его Записке об освобождении крестьян¹⁸, а в издании 1914 г. – упоминание авторства обезличено – указано: «Из Записки Тверского губернского комитета по освобождению крестьян»¹⁹. По большому счету какого-то противоречия здесь нет, потому

¹⁶ См.: Источниковедение истории СССР: 346.

¹⁷ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: 449.

¹⁸ См.: Джаншиев 1896: 151,

¹⁹ Джаншиев 1914: 439.

что А.М. Унковский в период подготовки крестьянской реформы был губернским предводителем тверского дворянства.

Как видим, Г.А. Джаншиев уже в эпиграфе формирует у читателя не просто положительное отношение к суду присяжных, а как к чему-то необходимому, неотъемлемому атрибуту цивилизованного общества. Сразу возникает мысль, что любой противник суда присяжных – это ретроград, нравственно менее развитый, чем дикарь.

2. Автор не скрывает цель написания своих воспоминаний. Более того, он прямо ее формулирует – поделиться с публикой своими впечатлениями, вынесенными из участия в сессии окружного суда²⁰. Очевидно, что эти воспоминания не «для себя» и не для потомков, а изначально ориентированы «на других», причем современников. Более того, публикация их планировалась не «когда-нибудь», а сразу «здесь и сейчас» – как только рукопись будет подготовлена к печати. Мотивом же в данном случае служит призыв «выдающегося публициста» (судя по отсылке к «Вестнику Европы», речь идет о его редакторе М.М. Стасюлевиче) к тому, что все присяжные, сколь-нибудь «владеющие пером», обязаны огласить впечатления, вынесенные ими из зала суда и из совещательной комнаты присяжных. И все это для того, чтобы дать «правильную» информацию о деятельности суда присяжных и «достоверные» сведения о мотивах выносимых ими вердиктов²¹.

3. Наличие сносок в тексте. Очевидно, что постраничные сноски являются особенностью научного и, отчасти, публицистического текста, но никак не воспоминаний. Последние должны основываться на собственном восприятии окружающего мира, а не на чужих работах.

4. В тексте содержатся откровенные научно-полемические моменты, имевшие актуальность именно во время создания и опубликования воспоминаний Джаншиева о суде присяжных. Так, автор более страницы посвящает проблеме постановки вопросов перед присяжными заседателями²². Складывается ощущение, что перед нами фрагмент классической научной статьи второй половины XIX в. на дискуссионную тему. Правда, автор тут же подкрепляет теоретические рассуждения двумя примерами из судебной практики, с которыми он столкнулся в суде присяжных. Но приведение примеров из личного практического опыта также было типичным для российских научных работ того периода.

5. В тексте содержатся фрагменты, где Г.А. Джаншиев далеко выходит за рамки личного опыта и обобщений, апеллирует к «общему мнению», выступая в качестве явного апологета «суда общественной совести», делая собственные панегирические выводы. Он пишет: «Все сколько-нибудь близко наблюдавшие суд присяжных единогласно свидетельствуют, что суд присяжных относится к делам с чрезвычайной добросовестностью и с неостывающим вниманием. В этом живом от-

²⁰ См.: Джаншиев 1914: 439.

²¹ См.: там же.

²² См.: там же: 448-449.

ношении к делу, в этом избытке свежести и впечатлительности, и отсутствии предвзятых мнений и рутинных обобщений – заключается едва ли не самое главное преимущество и неизмеримое превосходство его над судом дореформенным»²³.

6. Г.А. Джаншиев тщательно готовился к написанию воспоминаний аналогично тому, как ученый (в ряде случаев – публицист) готовится к работе над статьей – чувствуется специальный подбор не только литературы (об этом свидетельствует наличие ссылок на использованные работы), но и источников. В частности, автор цитирует документы, связанные с подготовкой судебной реформы²⁴. Естественно, сам Джаншиев в силу возраста (он родился в 1851 г.) не имел отношения к этому процессу и не мог участвовать в подготовке Судебных уставов 1864 г.

7. Наличие обобщающего вывода ко всему тексту. Данный структурный элемент тоже характерен не для мемуаров, а для научных и публицистических работ. Причем автор делает вывод, корреспондирующий с изначальными установками, обозначенными в начале текста. Формально он пишет об отсутствии надобности подводить итоги более-менее случайным впечатлениям, но тут же отмечает: «близкое ознакомление с судом присяжных нисколько не умалило моего глубокого уважения к нему и моего убеждения в его независимости, как органа истинного правосудия, а также и как орудия гражданского воспитания»²⁵.

Наконец, напомним о том, кто такой Джаншиев, где и с какой целью было впервые опубликовано произведение «Как мы судили (Из воспоминаний присяжного заседателя)». Григорий Аветович Джаншиев – один из самых ярких публицистов – сторонников суда присяжных, демократического судопроизводства и противником ограничений, имевших место в отношении суда присяжных в 1880-е и планировавшихся во второй половине 1890-х гг. Воспоминания были впервые изданы в публицистической книге с ярким названием «Суд над судом присяжных (по поводу статей г. Дейтриха и «Гражданина»)», являвшейся ответом на статьи сторонников сужения сферы деятельности суда присяжных в России. Воспоминания должны были усилить аргументацию сторонников суда присяжных, продемонстрировав «изнутри» особенности его функционирования, его гуманность и справедливость. Именно в этом в воспоминаниях Джаншиева проявляется такая черта мемуаристики нового времени как превращение мемуаров «в фактор идейно-политической борьбы и литературно-общественного движения»²⁶.

Несмотря на явный публицистический и полемический характер воспоминания Г.А. Джаншиева все же следует отнести к документам личного происхождения, обладающим характерными чертами мемуаристики нового времени. Полагаем, что рассматриваемый историче-

²³ Джаншиев 1914: 453.

²⁴ См.: там же: 453-454.

²⁵ Там же: 454.

²⁶ Тартаковский 1991: 16.

ский источник относится к такому виду документов личного происхождения как мемуары – «современные хроники», «целью которых является индивидуальная фиксация общественно значимых событий с целью передать их в эволюционном целом»²⁷.

Перейдем к внутренней критике воспоминаний Г.А. Джаншиева, к анализу их фактической, содержательной стороны. Сразу обратим внимание на такие стилистические особенности текста, как хороший, легко воспринимаемый язык, определенная литературность, сближающая его с художественной прозой того же времени, в которой имеется описание российского суда присяжных (например, «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, «Воскресение» Л.Н. Толстого, «Крестьяне-присяжные» Н.Н. Златовратского и др.). Имеется, на наш взгляд, и стилистическое сходство с судебными очерками, составленными не присяжными заседателями, а другими участниками уголовного судопроизводства²⁸, а также с регулярно публикующимися на страницах периодической печати корреспонденциями из зала суда, судебными хрониками и т.п.

Знакомство с текстом воспоминаний Г.А. Джаншиева не оставляет никаких сомнений, что их автор действительно изложил на бумаге собственные впечатления об участии в суде присяжных – отмечается много мелких, иногда «технических», деталей, которые нельзя вынести из простого знакомства с законодательством. Типичным для Российской империи было то, что кандидатов в присяжные вызывали в суд намного раньше, чем начиналось судебное заседание, не заботясь об их времени. В частности, автор сетует на то, что вызвали присяжных в суд к 10.30 утра, а в зал судебного заседания пригласили не ранее 12 часов дня. Нередкой была и ситуация, когда явку в суд игнорировали состоятельные подданные. В частности, говорится о «двух известных московских богачах», которые, несмотря на получение повестки, уехали за границу, не озаботившись переносом их участия в судебных заседаниях на другое время²⁹, и были оштрафованы на 100 руб., что также было обычным элементом российской судебной практики. Из «технических» распространенных деталей Г.А. Джаншиев обращает внимание на не очень активное использование прокурором и адвокатом права на немотивированный отвод присяжных заседателей при формировании их коллегии.

Мемуарист характеризует состав суда присяжных. Учитывая, что дело происходит в Московском окружном суде, нет ничего удивительного в том, что состав присяжных был «почти исключительно интеллигентно-чиновничий»³⁰. О социальном статусе автора свидетельствует его отношение к крестьянам-присяжным, выраженное в их описании: «**Даже** (здесь и далее выделено мною. – А.Д.) крестьяне оказались с очень порядочным образованием и со всеми **наружными** признаками

²⁷ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: 472.

²⁸ См.: Тимофеев 1881: 513-656.

²⁹ См.: Джаншиев 1914: 441.

³⁰ Джаншиев 1914: 440.

«цивилизации» (черная пара, **чистое белье, носовой платок** и пр.)»³¹. Г.А. Джаншиев в указанном фрагменте и далее в тексте характеризует крестьян-присяжных исключительно положительно. Однако чувствуется некое подспудное удивление мемуариста (как так? Даже крестьяне могут выглядеть и вести себя прилично, быть неглупыми людьми и т.д.). Кстати, сам автор по происхождению тоже принадлежал к дворянскому сословию, а родился в Тифлисе в семье армянского макалака (мещанина). Мемуарист не зря много места отводит описанию крестьян-присяжных, разумности их действий и пр. Он упорно подводит читателя к мысли, что суд присяжных, состоящий из представителей разных социальных групп (кстати, в провинции – почти исключительно из крестьян) – вовсе не «суд улицы» (как назвал его известный публицист М.Н. Катков, противник этого института), а гуманный и справедливый суд, способствующий торжеству правосудия. Крестьяне же при этом, несмотря на более низкий уровень общего развития, чем у «интеллигентных» присяжных, являются такими честными и справедливыми судьями, которым можно доверить решение участи подсудимых.

Значительная часть воспоминаний отводится под рассказ о рассматриваемых уголовных процессах с яркой, но лаконичной характеристикой подсудимых и описанием деталей дела. Отмечается, как в конкретных делах выступления прокурора и адвоката влияли на вердикт присяжных, насколько резюме председателя суда было значимо (или, напротив, не играло никакой роли) для решения присяжных заседателей. Характеризуя отношение пореформенного общества к суду и суда к «судьям общественной совести» является сюжет о взаимной благодарности суда и присяжных. Г.А. Джаншиев пишет: «Отпуская присяжных домой, пред слушанием последнего дела, председатель принес присяжным благодарность за внимательное и добросовестное отношение их к своим обязанностям и за всестороннее рассмотрение изучения дела»³². Там же приводится и витиеватое, напыщенное благодарственное слово старшины присяжных заседателей суду. Несмотря на большой объем, приведем ее целиком: «Исполненные глубокой признательности к памяти творца великого института суда присяжных и счастливые возможностью, на чреде своей, принять посильное участие в отправлении суда общественной совести, присяжные выражают суду, в лице вашем, признательность за предупредительную готовность, с которую вы способствовали им в всестороннем уяснении обстоятельств дела, и, покидая здание суда, не без чувства нравственного удовлетворения, они уносят отрадное сознание, что в нем, действительно, замечается стремление водворить у нас суд правый и милостивый, согласно завету незабвенного творца нового суда»³³.

³¹ Там же.

³² Там же: 452.

³³ Джаншиев 1914: 453.

Обратим внимание, что речь старшины присяжных приводится в кавычках, что должно означать дословное цитирование. В этом случае возникает вопрос, каким образом мемуарист сумел точно зафиксировать устное выступление. Здесь возможно несколько вариантов:

1) Г.А. Джаншиев прямо в суде записал эту речь в момент ее произнесения, заранее предполагая, что включит ее в свои воспоминания;

2) он взял письменный текст речи непосредственно у старшины присяжных;

3) мемуарист сам участвовал в написании этой речи, поэтому у него остался какой-то ее письменный вариант;

4) Джаншиев и был тем самым старшиной присяжных, который произнес соответствующее обращение. Он не стал акцентировать внимание на своем авторстве для создания видимости объективности, приписав свои аргументы в пользу суда присяжных анонимному для читателя старшине;

5) Джаншиев по мотивам какого-то реального слова старшины присяжных сам «додумал» текст, привнес в него какие-то детали и вложил в уста старшины с целью охарактеризовать суд присяжных как социально значимый институт, необходимый российскому обществу.

Независимо от того, кто на самом деле являлся автором благодарственного слова присяжных заседателей суду (и было ли оно таким в действительности), его цитирование имеет идеологическое значение – способствует формированию у читателя убеждения в целесообразности существования суда присяжных в Российской империи. Джаншиев спешит уверить читателя, что это не «обмен банальных официальных любезностей»³⁴. Обратим внимание, что ситуация взаимных благодарностей суда и присяжных не была редкостью. И подобного рода ситуации возникали почти сразу после введения суда присяжных в Российской империи. Так, еще в начале 1870 г. газета «Неделя» отмечала огромную социальную значимость таких явлений, указывая, «что подобные взаимные благодарности не есть одна только простая любезность»³⁵.

Самым интересным в воспоминаниях Г.А. Джаншиева является, на наш взгляд, описание процедуры обсуждения услышанных в суде обстоятельств дела и вынесения вердикта присяжными заседателями в совещательной комнате. В силу установленной законом тайны совещания присяжных иной информации о реальном механизме вынесения вердикта коллегией присяжных, факторах, на него влияющих и т.д., кроме как из документов личного происхождения присяжных заседателей получить не представляется возможным. В произведении рассказывается, как происходили в совещательной комнате обсуждения обстоятельств рассматриваемых в суде дел, какую роль играли социальный статус, жизненный опыт, личностные установки, представления о спра-

³⁴ Там же.

³⁵ Неделя 1870.

ведливости отдельных присяжных, как сталкивались позиции заседателей, какими аргументами они оперировали, насколько знание или незнание закона приводило к верным или ошибочным вердиктам, какие эмоции испытывали присяжные заседатели после оглашения приговора суда на основании вынесенного ими вердикта. Иногда присяжные, проникшись своей миссией несения гуманности и справедливости, после вынесения оправдательного вердикта обращались с воспитательным «внушением» к подсудимому, пытаясь сформировать у него правильные жизненные установки и предостеречь от нарушений закона.

Именно в такой информации и заключается фактографическая ценность анализируемого источника. Обратим внимание, что в содержательном плане в данном аспекте воспоминания Г.А. Джаншиева пересекаются с воспоминаниями других присяжных заседателей³⁶.

Подводя итоги проделанной работы, сделаем следующие выводы.

Во-первых, воспоминания Г.А. Джаншиева о суде присяжных были написаны на основе личных наблюдений в ходе исполнения им обязанностей присяжного заседателя в Московском окружном суде в промежутке между 1893 и 1895 гг., скорее всего, в 1894 г.

Во-вторых, изначально они готовились к публикации для скорейшего ознакомления современников, писались «на злобу дня» с целью доказать эффективность суда присяжных и его социальную значимость в Российской империи. Отсюда публицистический характер, наличие эпиграфа, ссылок на научную литературу, элементов скрытой и явной полемики с противниками суда присяжных. При этом грань между такими видами исторических источников как мемуары и публицистика оказывается практически стертой. Весьма сложно определить, имеем ли мы дело с воспоминаниями, облеченными в публицистическую форму или же с публицистической статьей, имеющей внешнюю форму воспоминаний. Тем не менее, учитывая специфику мемуаристики нового времени, можно с уверенностью отнести воспоминания Джаншиева к мемуарам – «современным хроникам».

В-третьих, воспоминания Джаншиева, несмотря на специфику их как жанра и авторскую социально-активную позицию по отношению к суду присяжных содержат значимую информацию как фактического, так и аксиологического характера. Многие факты, приведенные мемуаристом, с одной стороны, представляют собой результат его собственных наблюдений, однако, с другой стороны, судя по иным источникам, во многом они типичны. Автор на конкретных материалах повторяет многие обобщения и выводы, сделанные до него в результате наблюдений другими присяжными заседателями, представителями адвокатуры и прокуратуры, судьями и иными лицами, участвовавшими в судебных процессах или присутствовавшими на них в качестве зрителей.

³⁶ См., напр., Г.С.Н. 1899; Иванович 1891; Никитин 1871 и др.

В аксиологическом плане воспоминания Г.А. Джаншиева также обладают когнитивной ценностью. Они показывают отношение не только лично Джаншиева к суду присяжных, судебной реформе, попыткам консервативных изменений Судебных уставов 1864 г., которые активно предпринимались именно во второй половине 90-х гг. XIX в., но и достаточно широкого либерально настроенного круга практикующих юристов, публицистов, общественных деятелей, ученых. Воспоминания Г.А. Джаншиева позволяют увидеть некоторые проблемы, которые были актуальными и интересовали общество в 60-90-е гг. XIX в., а также аргументацию, по крайней мере, одной из сторон, участвовавших в полемике по этим социально значимым вопросам.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Автобиографические данные о Г.А. Джаншиеве (Сообщены С.А. Венгеру для его «Критико-биографического словаря» в 1888 г.) // Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ: Исторические справки. 9-е изд., посмерт., 1-е изд Лит. Фонда. СПб.: Типо-лит. Б. М. Вольфа, 1905. С. XXVII–XXX. [Avtobiograficheskie dannye o G.A. Dzhanshieve (Soobshcheny S.A. Vengerovu dlya ego «Kritiko-biograficheskogo slovarya» v 1888 g.) // Dzhanshiev G.A. Epoha velikih reform: Istoricheskie spravki. 9-e izd., posmert., 1-e izd Lit. Fonda. SPb.: Tipo-lit. B. M. Vol'fa, 1905. S. XXVII–XXX].
- Г.С.Н. Впечатления присяжного заседателя // Право. 1899. № 34. С. 1599–1605. [G.S.N. Vpечatleniya prisyazhnogo zasedatelya // Pravo. 1899. № 34. S. 1599–1605].
- Джаншиев (Григорий Аветович) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XА (20). Десмургия – Домициан. СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1893. С. 524. [Dzhanshiev (Grigorij Avetovich) // Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona: Tom XА (20). Desmurgiya – Domician. SPb.: Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efrona), 1893. S. 524].
- Джаншиев Г.А. Из воспоминаний присяжного заседателя // Сборник статей. М.: Задруга, 1914. С. 439–454. [Dzhanshiev G.A. Iz vospominanij prisyazhnogo zasedatelya // Sbornik statej. M.: Zadruga, 1914. S. 439–454].
- Джаншиев Г.А. Как мы судили (Из воспоминаний присяжного заседателя) // Суд над судом присяжных (по поводу статей г. Дейтриха и «Гражданина»). 2-е изд., доп. М.: Тип. «Рассвет», 1896. С. 151–179. [Dzhanshiev G.A. Kak my sudili (Iz vospominanij prisyazhnogo zasedatelya) // Sud nad sudom prisyazhnyh (po povodu statej g. Dejtriha i «Grazhdanina»). 2-e izd., dop. M.: Tip. «Rassvet», 1896. S. 151–179].
- Джаншиев Г.А. Суд над судом присяжных. М.: Тип. «Русских ведомостей», 1895. 102 с. [Dzhanshiev G.A. Kak my sudili (Iz vospominanij prisyazhnogo zasedatelya) // Sud nad sudom prisyazhnyh (po povodu statej g. Dejtriha i «Grazhdanina»). 2-e izd., dop. M.: Tip. «Rassvet», 1896. S. 151–179].
- Дживелегов А. Биографическая справка // Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ: Исторические справки. 9-е изд., посмерт., 1-е изд Лит. Фонда. СПб.: Типо-лит. Б. М. Вольфа, 1905. С. V–XXVI. [Dzhivelevog A. Biograficheskaya spravka // Dzhanshiev G.A. Epoha velikih reform: Istoricheskie spravki. 9-e izd., posmert., 1-e izd Lit. Fonda. SPb.: Tipo-lit. B. M. Vol'fa, 1905. S. V–XXVI].
- Иванович И. В зале суда и в совещательной комнате. Из воспоминаний присяжного заседателя // Вестник Европы. 1891. Кн. 12. С. 577–603. [Ivanovich I.V zale suda i v soveshchatel'noj komnate. Iz vospominanij prisyazhnogo zasedatelya // Vestnik Evropy. 1891. Кн. 12. S. 577–603].
- Источниковедение истории СССР / под ред. И.Д. Ковальченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1981. 496 с. [Istochnikovedenie istorii SSSR / pod red. I.D. Koval'chenko. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Vysshaya shkola, 1981. 496 s.].
- Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998. 702 с. [Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossijskoj istorii / I.N. Danilevskij,

- V.V. Kabanov, O.M. Medushevskaya, M.F. Romyanceva. M.: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 1998. 702 s.].
- Неделя: Газета политическая и литературная. 1870. № 1. [Nedelya: Gazeta politicheskaya i literaturnaya. 1870. № 1.].
- Никитин В. Петербургский суд присяжных (Наблюдения и воспоминания присяжного заседателя) // Отечественные записки. 1871. Май. С. 201–224. Июнь. С. 367–402. [Nikitin V. Peterburgskij sud prisyazhnyh (Nablyudeniya i vospominaniya prisyazhnogo zasedatelya) // Otechestvennye zapiski. 1871. Maj. S. 201–224. Iyun'. S. 367–402].
- Пронштейн А.П., Задёра А.Г. Методика работы над историческими источниками. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Московского университета, 1969. 82 с. [Pronshtejn A.P., Zadyora A.G. Metodika raboty nad istoricheskimi istochnikami. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1969. 82 s.].
- Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М.: Наука, 1991. 286 с. [Tartakovskij A.G. Russkaya memuaristika XVIII – pervoj poloviny XIX v.: Ot rukopisi k knige. M.: Nauka, 1991. 286 s.].
- Тимофеев Н.П. Суд присяжных в России: Судебные очерки. М.: Тип. А.М. Мамонтова и К°, 1881. 636, III с. [Timofeev N.P. Sud prisyazhnyh v Rossii: Sudebnye ocherki. M.: Tip. A.M. Mamontova i K°, 1881. 636, III s.].
- Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XXXIX. Отд. 2. № 41475. [Uchrezhdenie sudebnyh ustanovlenij ot 20 noyabrya 1864 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 2-e. T. XXXIX. Otd. 2. № 41475.].

Демичев Алексей Андреевич, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, научный центр Нижегородского института управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, профессор, кафедра гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, aadem@bk.ru

“Own” View of The “New”, “Extraneous”, but Not “Alien” (Memoirs of G.A. Dzhanshiev about the Jury Trial as a Historical Source)

The article analyzes the source of personal origin of the second half of the 19th century from the position of the source study paradigm of the methodology of history, – memories of the jury trial of the famous publicist G.A. Janshiev. The time, place and purpose of writing memoirs are established. Characteristic for the memoirs of the new time and individual specific features of the source are singled out. The cognitive value of memories is considered in factual and axiological aspects. It has been established that the source shows not only the author's personal attitude to the jury trial and attempts at conservative changes in the Judicial Statutes of 1864, but also the liberal-minded circle of lawyers, publicists, public figures, and scientists.

Keywords: *source study paradigm of the methodology of history, documents of personal origin, memoirs, jurors, jury trial, G.A. Janshiev.*

Demichev Aleksey Andreyevich, Doctor of Legal Sciences, PhD of History, Professor, Principal researcher of a research centre of Nizhny Novgorod Management Institute, affiliate of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor in the Department of Civil Law and Process at Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, aadem@bk.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВРЕМЕН ПЕРВОГО ЭТАПА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ МЕЖДУ США И СССР

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся манипулятивного воздействия в американском политическом дискурсе в период с середины 1940-х до середины 1950-х гг., ставшим основой для апробирования и дальнейшего использования практик манипулирования общественным сознанием в отношении советского государства, чья идеология и образ жизни препятствовали усилению влияния США в мире. Анализу подвергнуты материалы влиятельных американских газет и рассекреченных архивов ЦРУ, Совета национальной безопасности, службы Государственного секретаря США. В источниках выявляются манипулятивные дискурсивные практики, используемые США и направленные на дискредитацию Советского Союза. Систематизация выявленных дискурсивных практик манипулирования, представленных в политическом дискурсе времен начального этапа холодной войны, установила их негативно-оценочный характер, объединяемых в контексте конструирования образа СССР как врага.

Ключевые слова: политический дискурс, манипуляция, СМИ, холодная война, СССР, США.

Манипуляция информацией остаётся одной из актуальных проблем современной науки, активно привлекающей внимание представителей разных областей знания. Несмотря на активное и довольно длительное изучение указанной проблематики, до настоящего времени не существует единого общепризнанного определения термина «манипуляция». Наиболее детальному изучению манипуляция как один из видов влияния на мысли, чувства и действия человека подверглась в психологии. Однако лингвистические средства манипуляции представляют не меньший интерес, чем изучение психологических аспектов этого явления. Понимание того, что передача в речи определенной информации не составляет конечную и единственную цель процесса коммуникации, пришло во второй половине XX в. С тех пор растет число исследований, посвященных изучению речевых актов или отдельных слов, с помощью которых говорящий воздействует на реципиента.

Ученые дают следующее определение манипуляции: «Манипуляция – это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями»¹. Такое понимание явления манипуляции позволило ряду исследователей рассматривать его как тип персуазивности, или воздействия посредством языка, при котором на адресата влияют путем убеждения или переубеждения². При этом манипулятивное воздействие, как правило, явля-

¹ Доценко 1996: 59.

² Чернявская 2006.

ется скрытым, требующим определённых процессов декодирования. Манипулятивные высказывания строятся так, чтобы адресату были неизвестны истинные цели и интересы манипулятора, иначе говоря, манипуляция носит суггестивный характер. Еще одним свойством процесса манипуляции является ее спланированный, целенаправленный характер. Нельзя не отметить отрицательную коннотацию термина «манипуляция». Манипуляция ассоциируется с жульничеством, обманом, лукавством, она приводит жертву к плачевным последствиям.

Интерпретации подвергалась и классификация видов манипулирования. Среди многих отечественных классификаций³ для настоящего исследования интерес представляет классификация Е.И. Шейгал, которая фиксирует референциальное и аргументативное манипулирование в политическом дискурсе⁴. Референциальное манипулирование заключается в искажении образа денотата в процессе изображения действительности. Для этого манипулятор использует фактологические нарушения, изменение фокуса освещения события в сторону выгодного для себя восприятия со стороны реципиента. Аргументативное манипулирование допускает искажение определённых постулатов общения, а именно, уклонение от приведения доказательств, уклонение от прямого ответа и маскировку логических ходов. Оба типа взаимосвязаны и одновременно присутствуют в текстах политического дискурса, как особого типа коммуникативно-социального взаимодействия, который опирается на определенный набор вербальных и невербальных средств, свойственных тому или иному политическому субъекту и направлен на завоевание, удержание и использование государственной власти⁵.

Отдельного внимания заслуживают работы американского лингвиста и политического аналитика Ноама Хомского. Им была составлена классификация, состоящая из десяти популярных способов манипуляции общественным сознанием при помощи СМИ. В этот список он внес: 1) отвлечение внимания, 2) создание проблемы с последующим предложением способов её решения, 3) способ постепенного применения, 4) отсрочка исполнения, 5) обращение к народу как к малым детям, 6) упор на эмоции в гораздо большей мере, чем на размышления, 7) культивирование посредственности, 8) побуждение граждан восторгаться посредственностью, 9) усиление чувства собственной вины, 10) знать о людях больше, чем они сами о себе знают⁶.

Некоторые из приведенных выше способов имеют большую пространственность, чем другие, однако все они находят своё отражение в политическом дискурсе, где вопрос манипуляции становится наиболее острым. Выступая в качестве средства воздействия на общественность, язык становится эффективным орудием в руках опытных политиков,

³ Денисюк 2003; Иссерс 2008.

⁴ Шейгал 2004: 173-174.

⁵ Романов 2020: 421.

⁶ Иносми.ру: Девять способов манипулирования людьми с помощью СМИ.

выступая в роли связующего звена между обществом и властью. В подобном контексте манипуляция становится делом государственной важности. В большей степени это проявляется во время политических и межгосударственных конфликтов. Одним из таких конфликтов, развернувшимся в середине прошлого столетия между СССР и США, стала холодная война, которая прошла несколько стадий. Первый этап противостояния длился с середины 1940-х до середины 1950-х годов и оказал значительное воздействие на последующий ход событий. США не устраивала усиливавшаяся роль СССР на международной арене и расширение «социалистического лагеря». Именно Вашингтон стал главным центром антисоветской пропаганды, как на территории своей страны, так и на международной арене. Белый дом активно использовал широкие возможности СМИ для распространения сформулированных им убеждений о советской угрозе национальной безопасности США. Именно этот период известен в истории Штатов как период «охоты на ведьм», «кампании правды», реализации плана Маршалла, инициированных для психологического воздействия на противника в лице советского государства. В дальнейшие этапы холодной войны политика Вашингтона по отношению к Москве также включала в себя апробированные в годы начала конфронтации между двумя противоборствующими странами методы политической пропаганды. Мы рассматриваем выявленные в ходе настоящего анализа дискурсивные практики манипулирования общественным мнением в их основополагающем качестве, благодаря использованию которых США удалось демонизировать советское государство, заставить население своей страны с опаской относиться к распространению коммунистических идей в мире.

Оценка описываемого в настоящей статье исторического периода и общая картина эпохи холодной войны представлены во многих историко-политических работах. Особое место в отечественной научной литературе отводится поиску ответов на вопрос, как политические решения 1945 г. повлияли на происхождение холодной войны. Заметный вклад в изучение этих проблем внес В.Т. Юнгблюд⁷. В годы холодной войны еще больше укрепилось американоцентричное видение мира, которое вышло в политической элите США в конце Второй мировой войны и, по мнению В.Л. Малькова, заключается в увеличении собственного военно-стратегического преимущества при минимальном доверии к Кремлю, вере в исключительную роль США, их «правильном» образе жизни и необходимости распространении его во всем мире⁸. С точки зрения С.Ю. Шенина, идеалистическая концепция американской исключительности позволяла различным группам внутри американской правящей элиты формулировать основные параметры послевоенного мирового порядка⁹.

⁷ Юнгблюд 2020.

⁸ Мальков 2004: 555

⁹ Шенин 2015.

Исследователи подчеркивают, что общественное мнение, понимаемое нами, вслед за Д.В. Кузнецовым, как способ массового сознания, в котором проявляется отношение (скрытое или явное) различных групп людей к событиям и процессам действительной жизни, затрагивающим их интересы и потребности¹⁰, в США играет одну из ведущих ролей в различных сферах жизнедеятельности социума. Американские политические лидеры разных эпох утверждали, что без поддержки общественного мнения невозможно добиться успеха в реализации внешней и внутренней политики страны.

Различные аспекты информационно-психологического медиавоздействия, особенности политической пропаганды государственными органами как неотъемлемой части ведения любой войны, в том числе, и холодной войны, рассматривались в работах зарубежных и отечественных исследователей разного времени¹¹. Особо в этом направлении можно отметить работы Уолтера Липпманна, который утверждал, что человеку сложно ориентироваться в огромном и постоянно меняющемся мире. Именно масс-медиа служат связующим звеном между реальными событиями и образами в сознании людей¹², поскольку СМИ помогают индивиду создавать упрощенную модель мира и через нее ориентироваться в пространстве. Такой подход определяет манипулятивную функцию СМИ в качестве основной.

Материал и методология исследования. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся манипулятивного воздействия в советско-американском политическом дискурсе времен холодной войны в период с середины 1940-х до середины 1950-х годов. Целью работы является исследование дискурсивных практик манипуляции, используемых в СМИ и секретной документации США периода начала холодной войны. Под дискурсивными практиками понимаем универсальные способы смыслообразования, не замкнутые в рамках отдельных текстов, но позволяющие описать собственно дискурс как объект, обладающий имманентными характеристиками. Анализу подвергнуты разные виды исторических источников, такие как материалы крупной и влиятельной ежедневной газеты Вашингтонской газеты «Evening star», входившей в свое время в десятку лучших в своей стране и имевших мировую читательскую аудиторию. Успешность газеты среди читателей, подтверждаемая высокими тиражами и рейтингом¹³, позволяет утверждать об ее значимой роли в формировании общественного мнения. Кроме того, в статье приведены примеры из печатных изданий США «Cortland» и «St. Paris Dispatch». Указанные ежедневные газеты были традиционным источником информации о стране и мире для рядовых американцев соответствующего периода. Выбор текстов СМИ в качестве источников мате-

¹⁰ Кузнецов 2016: 5

¹¹ Ортега-и-Гассет 1991; Уледов 1968; Суржик 2013.

¹² Липпман 2004.

¹³ Library of Congress: About Evening star.

риала исследования вполне оправдан, поскольку принято считать, что СМИ манипулируют сознанием общества в большей степени в силу охвата широкой и разнообразной аудитории, некоторая часть которой доверительно относится к публикуемой на страницах периодической печати информации¹⁴. В исследовании использованы материалы рассекреченных документов CREST [CIA Records Search Tool] архива ЦРУ [Меморандум ЦРУ; Отчёт экономической разведки ЦРУ], Совета национальной безопасности США [NSC 68] и службы Государственного секретаря США [Extract from a report 1948] для подтверждения и освещения центральной линии «заказчика» (в нашем случае – это политическая элита англосаксонского мира), направленной на развязывание холодной войны. Такое изучение труднодоступных архивных материалов, до недавнего времени остававшихся под грифом секретности, позволяет, во-первых, ввести в научный оборот новый фактический материал, связанный с конкретными историческими событиями, происходившими между СССР и США. Во-вторых, архивные источники описывают исторический контекст, тем самым способствуя достоверной интерпретации и оценке происходивших событий. С этой же целью в качестве материала исследования предлагается политическое выступление У. Черчилля, которое послужило началом разворота стран, некогда объединенных в антигитлеровскую коалицию, в сторону соперничества, и опустило железный занавес на долгие годы противостояния между СССР и США.

Основополагающим для данного исследования является метод дискурс-анализа, который стал перспективной основой для многих направлений источниковедческого, исторического и лингвистического анализа¹⁵ и который предполагает, что язык рассматривается как средство репрезентации и конструирования социальной действительности¹⁶, как форма социального поведения, которая воспроизводит и создает социальную структуру; «используется в социальных отношениях, чтобы узаконить отношения, устанавливать различия во власти и воспроизводить идеологии»¹⁷. «В этом смысле дискурс-анализ предоставляет набор универсальных инструментов для описания и объяснения многих (если не всех) социальных феноменов»¹⁸. Для получения достоверных данных и реализации поставленной цели использовались такие методы, как источниковедческий, сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный, элементы количественно-статистического метода, метод лингвистической интерпретации, описательный и др. Важным представляется использование в данном исследовании прагматического анализа в контексте изучения иллокутивных целей задействованных текстов и оценки их потенциальной эффективности.

¹⁴ Shuneyko, Chibisova 2019; Couldry et al; Stier et al 2018; Bilá, Ivanova 2020.

¹⁵ Bilá, Ivanova 2020: 236.

¹⁶ Leeuwen 2008.

¹⁷ Fairclough 2002.

¹⁸ Иссеце 2011: 277.

Результаты исследования. Холодная война, ставшая последствием стремительно ухудшавшихся отношений между коммунистическим СССР и капиталистическими странами Запада, как принято считать, началась 5 марта 1946 г. с речи, произнесенной Уинстоном Черчиллем в Вестминстерском колледже в Фултоне, штат Миссури, США. Фултонская речь Черчилля представляет собой яркий пример использования манипулятивной лексики в выступлении политика.

Сам Уинстон Черчилль, являясь антикоммунистом, опасался все большего роста популярности СССР в Европе. Черчилль, представлявший консервативную партию, не смог занять пост премьер-министра Великобритании из-за проигрыша его партии на выборах в июле 1945 г. Он тяжело переживал свой уход с поста и желал продемонстрировать миру, что все еще остается влиятельным политиком. Черчилль понимал, что СССР не позволит Великобритании вновь стать ведущим игроком в геополитической игре. Поэтому, принимая приглашение Президента США Гарри Трумэна, Черчилль, как частное лицо, получил возможность без прикрас высказать свое видение новой концепции мировых отношений. Его «громкая» провокационная речь стала отличным способом оказать влияние на мировую общественность, заставив её сконцентрировать внимание на «растущей красной угрозе»¹⁹.

Сокращение влияния Великобритании в мире после Второй мировой войны способствовало возвышению США. Черчилль понимал, что его стране остается лишь существовать в альянсе англосаксонских стран под эгидой бывшей британской колонии. Поэтому в фокусе внимания в речи Черчилля оказался союз англоговорящих народов – США и Великобритании. Так, по отношению к США и другим англоговорящим странам в его речи фигурировали следующие выражения: «*commonwealth*» – «содружество» (7 употреблений), «*English-speaking*» – «англоговорящие» (5 употреблений), «*association*» – «связь, объединение» (5 употреблений), «*special relations*» – «особые отношения» (5 употреблений). Цель Черчилля заключалась в том, чтобы сместить акценты с Великобритании, проецируя речь на всю «братскую ассоциацию англоговорящих народов». В результате создавалось впечатление, что речь Черчилля отражает мнение всего американского и британского народа. Для этой цели Черчиллю было особенно важно, чтобы во время выступления его сопровождал президент США Гарри Трумэн.

Особого внимания заслуживает лексика, которую Черчилль использовал по отношению к СССР и его союзникам. Так, Черчилль употреблял следующие обороты: *police governments* – *полицейские государства*, *fifth columns* – *пятые колонны*, *iron curtain* – *железный занавес*. Последний термин, впоследствии ставший на Западе синонимом «советской тирании», был известен еще в 1930-х гг., использовался в литературе и в публичных выступлениях европейских политиков, а во время

¹⁹ Churchill 1946.

Второй мировой войны был использован Йозефом Геббельсом, одним из пропагандистов нацизма, в статье «2000 год» от 23 февраля 1945 г.

Черчилль активно использовал лексику с ярко выраженной отрицательной коннотацией по отношению к СССР: *tyranny* – *тирания* (4 употребления), *danger* – *опасность* (4 употребления). Политик использовал такие обороты, усиленные использованием выразительных средств, как предложение, содержащее метафору “*the shadow which <...> falls upon the world*” – «*тень, опустившаяся на мир*», словосочетание с гиперболой *absolute obedience* – *абсолютное послушание*, конструкцию с эпитетом “*the indefinite expansion of their power and doctrines*” – «*неограниченное расширение их (советской) власти и доктрин*». Многие из этих лексем до этого использовались при характеристике нацистской Германии. Таким образом, Черчилль пытался приравнять СССР к поверженному фашистскому государству, навешивая на него соответствующий ярлык. В данном случае используется такой прием манипулирования как апелляция к чувствам реципиента, когда читателя заставляют вновь почувствовать тот страх, который он испытывал во времена жестокого правления нацистов, иначе говоря, мы наблюдаем референциальное манипулирование (в терминологии Е.И. Шейгал). В своей речи политик сделал все возможное для того, чтобы противопоставить СССР странам остального мира и США, в частности. Активное использование приведенных в качестве примеров слов-аффективов, или слов-лозунгов, оказывает психическое воздействие на общественное сознание реципиентов, вызывая эмоциональные переживания и чувство тревоги перед лицом надвигающейся опасности, которую несет в себе советская идеология.

Если обратиться к отмеченной выше классификации Н. Хомского, можно заметить, что в речи Черчилля присутствует такая дискурсивная практика манипуляции как создание проблемы, а затем поиск вариантов её решения. Так, в качестве «искусственной проблемы» выступал СССР и коммунизм как идеология, а объединенная «братская ассоциация англоговорящих народов» с США во главе – как её решение. В определенной мере в этом выступлении присутствовало и отвлечение общественного сознания Великобритании от существовавших на тот момент серьезных внутренних проблем, с акцентом на «новой угрозе» в лице СССР, а также собственной общности и сплоченности с США. После Второй мировой войны экономика Британской империи находилась в упадке, который был вызван не только последствием участия страны в войне, но стал результатом постепенного распада колониальной системы, которая составляла основу её экономики. Переключение общественного внимания на СССР дало бы государству время на восстановление и стабилизацию ситуации, что впоследствии и произошло, притом определенную роль при этом сыграл американский план Маршалла.

Задача демонизации и дискредитации СССР и его идеологии в глазах общественности как внутри США, так и за их пределами была четко

обозначена в документах, которые до недавнего времени носили гриф секретности и не были открыты для общего доступа.

Особый исследовательский интерес с точки зрения использования манипулятивных дискурсивных практик в контексте холодной войны представляет рассекреченный документ Совета национальной безопасности США под названием NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security, представленный президенту Гарри С. Трумэну 7 апреля 1950 г. В этом документе на 66 страницах был изложен план милитаризации холодной войны со стороны США. Основной манипулятивной дискурсивной практикой, используемой в этом документе, на наш взгляд, является разделение мира по принципу бинарной оппозиции «свои» - «чужие». Основанием для формулирования оппозиции становится концепт свободы. В меморандуме подчеркивается, что США представляет собой страну, чьи ценности сосредоточены вокруг свободы. Свободное общество создает среду, в которой каждый человек имеет возможность реализовать свои творческие способности: *The free society attempts to create and maintain an environment in which every individual has the opportunity to realize his creative powers*²⁰. При этом интересно, что под свободой США и их союзники понимают, прежде всего, защиту прав меньшинства: *The free society cherishes and protects as fundamental the rights of the minority against the will of a majority, because these rights are the inalienable rights of each and every individual*²¹. СССР в данном документе представляет правую часть оппозиции «свои» - «чужие». Если в идеологии США аксиологической доминантой является свобода (freedom), то в СССР такой доминантой, по мнению американского Совета национальной безопасности, служит рабство (slavery): *idea of slavery under the grim oligarchy of the Kremlin; the slave state; the slave society*²². С точки зрения членов главного совещательного органа при президенте США, фундаментальный замысел руководства СССР и международного коммунистического движения, состоит в том, чтобы сохранить, укрепить и расширить свою абсолютную власть за счет устранения любого оппозиционного движения. Авторы документа, стремясь обосновать необходимость стратегического перевооружения и сдерживания советского коммунизма, убедить Конгресс США и лиц, формирующих общественное мнение, используют в отношении советского государства лексические единицы, в значении которых присутствует сема опасности. Так, СССР описывается, как самый опасный враг, деспот, который атакует, использует жестокие средства и оружие для установления абсолютной власти над миром и уничтожения свободных и демократичных государств: *enemy (враг), despot (деспот), center of military power (центр военной силы), the most dangerous (самый опасный), violent methods (жесточкие методы), terrifying weapons (ужасное*

²⁰ NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security (April 14, 1950).

²¹ NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security (April 14, 1950).

²² NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security (April 14, 1950).

оружие), *elimination* (устранение), *forcible destruction* (насильственное уничтожение), *total power over all men* (абсолютная власть над всеми людьми), *assault* (атака, насилие), *defeat* (поражение)²³. Подобная риторика характерна и для сообщения службы Государственного секретаря США «The Threat to Western Civilisation», адресованного британскому кабинету министров в 1948 г.²⁴

Руководство США было обеспокоено распространением и влиянием коммунистической идеологии по всему миру. В документальных источниках эта проблема была представлена ключевой, что можно проследить на примере меморандума ЦРУ от 20 февраля 1952 г. Данный документ содержал положения, касающиеся тех или иных факторов холодной войны на текущем этапе, включал суммарный анализ основных причин, влияющих на региональные стратегические концепции холодной войны, рекомендации по возможным вариантам принятия мер²⁵.

Жанр меморандума как нормативного документа, написанный в официально-деловом стиле, не допускает использование каких-либо ярких экспрессивных языковых средств, тем не менее, и через подобные нормативные документы может проводиться акт манипуляции. По своей структуре документ состоит из трех частей: постановки проблемы, выдвижения тезиса и общий разбор проблемы, который занимает большую часть документа и также разделен на несколько частей. В качестве пунктов этого раздела выступают различные вопросы, интересующие США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (так как в связи с Корейской войной их внимание было сосредоточено именно на этой части мира), когда как подпунктами являлась характеристика этих вопросов в пределах как всего АТР, так и Китая в отдельности. Особенность данного документа проявилась уже его структуре – несмотря на то, что основным соперником США выступал СССР, ЦРУ в своем отчете акцентирует отдельное внимание именно на Китае. США были заинтересованы в развитии отношений с Китаем, поэтому они не хотели возводить их в статус полноценного противника. Тем не менее, отчет ЦРУ недвусмысленно дает понять, что КНР ими рассматривается в плане реальной угрозы. Слова «aggression» – «агрессия», «military» – «военный» и их производные встречаются в тексте 9 и 11 раз соответственно, притом эти слова применяются чаще всего именно к Китаю (реже – к СССР). Конечно, частичное перекалывание ответственности на СССР сохраняется, и здесь Москва все еще выступает в качестве «манипулятора», а «бедность и неэффективное руководство страной» видят, как следствие действующего коммунистического режима. Как бы то ни было, в данном отчете чувствуется гораздо большая самостоя-

²³ NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security (April 14, 1950)

²⁴ Extract from a report called 'The Threat to Western Civilisation' from the Foreign Secretary to the British Cabinet in March 1948 (Catalogue ref: CAB 129/25).

²⁵ Меморандум ЦРУ «FE Division summary of principal factors affecting area strategic concepts for the Cold War»

тельность самой КНР, которая рассматривается уже в отдельности как от СССР, так и от прочих стран АТР.

В качестве рекомендации к действию ЦРУ выдвигает следующее: *«For the present, the policy of the U.S. toward Communist China should be defensive and preparatory. Aggression on the part of China should be promptly and energetically punished through the use of all available military means»* – «На текущий момент политика США в отношении коммунистического Китая должна быть оборонительной и подготовительной. Агрессия со стороны Китая должна быть быстро и энергично наказана путем использования всех доступных военных средств». Используется слово *punish* – наказывать, что, с одной стороны, несет призыв к военным действиям, но с другой – несет в себе смысл своеобразного отпора, «дать сдачи», а не «агрессивно нападать» или «оккупировать», как это часто применяется в американских источниках по отношению к СССР. Определенное внимание концентрируется и на фразе «всеми доступными военными средствами», что настойчиво даёт понять – ЦРУ рассматривает Китай в качестве серьезного военного оппонента.

Еще одной значимой задачей, которую США ставили перед собой, являлось воздействие на прокоммунистические страны, в том числе и КНР. Согласно данным отчетов экономической разведки ЦРУ, Китай, а именно его экономический потенциал, представлял огромный интерес для Штатов²⁶. «Переманив» Китай в лоно своей военно-политической стратегии, США не только усилили бы свою экономику, но и нанесли бы большой удар по СССР.

Поставив перед собой задачу демонизации советского государства и той идеологии, которое оно распространяло, прежде всего, на АТР, США стали уделять большое внимание информационной составляющей холодной войны. Ведущая роль отводилась влиятельным американским газетам. Президент США Г. Трумэн считал их редакторов группой людей, которая имеет большое значение для внешней политики США²⁷.

До 1946 г. отношение американской общественности к СССР можно было охарактеризовать как положительное. Простые американские граждане на тот момент не были особенно заинтересованы в активизации внешней политики. Согласно статистическому исследованию, 65% американцев никогда не обсуждали международные проблемы²⁸. Однако общее настроение народа было симпатизирующим – для них СССР тогда оставался «русским союзником», а Сталин как лидер государства по большей части вызывал у них уважение. В западных СМИ его нередко называли «Uncle Joe» – «Дядюшка Джо» – прозвище, которое дали Сталину лидеры стран-союзников, Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль, и если на тот момент, рассматривая семантику этого прозвища, можно было говорить о неком авторитете и уважении его фигуры, то

²⁶ Отчёт экономической разведки ЦРУ «Economic relations in the Sino-Soviet alliance».

²⁷ Ситникова 2007: 50.

²⁸ Ситникова 2007.

впоследствии в западных СМИ это прозвище носило явно насмешливый характер, а затем и вовсе вышло из употребления²⁹.

Таким образом, к началу 50-х гг. XX в. перед американскими СМИ стояло несколько задач, которые в дальнейшем были решены при помощи дискурсивных практик манипулирования. Прежде всего, это была дискредитация как коммунистической идеологии в целом, так и СССР, в частности. Простому американскому обществу, которое было далеко от политики, нужно было особым образом внушить, что русские, их бывшие союзники в борьбе против фашизма, теперь сами выступали в роли противника. Целью воздействия этих источников являлась рядовая (в основном американская) общественность.

Так, в газете «Evening star»³⁰, одном из популярных ежедневных печатных изданий США, нередко публиковались статьи явно антисоветского содержания. В статье Уильяма Райана «Reds Seem Intent to Neutralize Western Europe for Domination», слова «*neutralize*» – «устранить» и «*domination*» – «доминирование», вынесенные в заголовок, а также производные от них однокоренные слова, для полустраничной статьи имеют довольно высокую частотность употребления – пять и шесть употреблений соответственно (Ibid.). Основной задачей СМИ было выставить СССР в качестве агрессора, чем и обусловлено использование подобной лексики. Для усиления образа СССР как «агрессивного интервента» автор использовал такие слова и выражения как «*push*» и «*pushing forward*» – «продвигать, инициировать», используя эти слова в предложениях, носящих негативный оттенок, например как «*How Soviet Union pushes cold war*» – «Как Советский Союз способствует развитию холодной войны»; «*...Russia is trying to neutralize Western Europe and held there while pushing forward in the Orient*» – «Россия пытается обезвредить Западную Европу и удержат там свои позиции, продвигаясь при этом вперед на Востоке». Автор также использует такую фразу как «*Reds milking Poland*» – «Красные доят Польшу», таким образом подчеркивая оккупантский характер присутствия коммунистов на этих территориях³¹. Статья «The Terrible Story of Whittaker Chambers», выпущенная в том же издании «Evening star» 5 февраля 1952 г., богата фразами о «разоблачении» и «открытии истины» о том, как русские все это время шпионили за американцами³². В конце статьи автор использовал все больше эмоционально-оценочных фраз, вызывающих к читателю: «*he points out how it has already affected your life*» – «он подмечает, как это уже повлияло на **вашу** жизнь» (слово «вашу» автор здесь намеренно выделяет полужирным шрифтом, чтобы вызвать дополнительный интерес у читателя, к которому словно обращаются напрямую), «*he defines the great battle of our time, the battle between freedom and Communism* –

²⁹ American heritage: Good Old Uncle Joe Stalin.

³⁰ Ryan William L. 1952.

³¹ Ryan William L. 1952.

³² The Terrible Story 1952.

between a world with God and a world without God» - «он описывает великую битву нашего времени, битва между свободой и коммунизмом – между миром, где есть Бог, и миром без Бога». Такое эмоциональное усиление в виде оппозиции по типу *свой-чужой*, возведение коммунизма в статус *чужого*, абсолютного зла, врага свободы и Бога, представляющих в данной оппозиции *свой* мир, не только мотивирует у читателя интерес покупки данной книги, но ещё и заранее формирует антагонистический образ коммунистической идеологии в его сознании.

Важной публикацией, которая представляла бы СССР и коммунизм в качестве противников, стала статья бывшего вице-президента США Генри Уоллеса в газете «Evening star»³³. Примечателен тот факт, что Уоллес большую часть своей жизни являлся сторонником СССР и активно поддерживал идею об укреплении дружественных отношений между СССР и США, однако в 1952 году он резко изменил свою точку зрения. «*Where I was wrong*» - «Где я был **не прав**», так гласит название этой статьи, притом «не прав» специально подчеркивается, заранее указывая читателю на то, что положительное отношение Уоллеса к СССР было ошибкой. Примечательно, что все эти статьи были опубликованы в первой половине 1950-х гг., как раз в тот период, когда интересы СССР и США пересеклись в противостоянии на Корейском полуострове. В данном примере наблюдаем прием негации, когда отрицательная конструкция усиливает дискредитацию оппонента в глазах реципиента, создавая образ врага.

Необходимо было подорвать репутацию и коммунистической идеологии, идеи которой набирали все большую популярность в мире. Для исполнения этой задачи в газетах публиковались статьи, так или иначе затрагивающие тему коммунизма в негативном ключе и отражающие беспокойство руководства США о распространении коммунистической идеологии по миру, например, в Китае. Хотя к тому моменту Китай уже пошел по коммунистическому пути развития, однако для США он еще не был потерян окончательно. В их же собственных интересах важно было, чтобы КНР в глазах американской общественности не являлся «врагом» как СССР. Очевидной манипулятивной дискурсивной практикой в таком случае выступило переключивание ответственности – «антагонистическая» роль вновь доставалась СССР, когда как Китай выступал в качестве жертвы обстоятельств.

Статья в «Evening star» за авторством Джона Генри, вышедшая 19 августа 1952 г. носила название «China's Red Rulers Risked 'Face'» («Красные правители Китая рискнули “лицом”»)³⁴. Манипулятивные языковые средства принадлежат различным языковым уровням. Помимо явного негативного отношения к коммунистам (притом именно советским, что подтверждается фразой «*Moscow Conspirators*» – «Москов-

³³ Wallace Henry Agard 1952.

³⁴ Henry John C. 1952.

ские заговорщику»), в заголовке заметны стилистические приемы, образованные языковыми средствами фонетического ровня, а именно, аллитерацию – часто повторяющийся звук «г» усиливает агрессивный тон повествования. В дальнейшем статья, посвященная проблеме Корейской войны, следовала предсказуемой структуре: по отношению к Китаю автор говорит: «*The history of centuries shows that China has never been a digestible entity for any foreign power or influence*» («История веков показывает, что какая-либо сила или влияние других государств никогда не могла легко распространиться на Китай»). Однако, по словам автора, именно СССР стал той силой, которая оказала влияние на КНР: «*It was widely predicted when the Sino-Soviet 30-year pact was announced in early 1950 that the senior partner in the Kremlin would use it as an instrument for the "satellization" of a Communist China*» («Когда в начале 1950 года было объявлено о заключении советско-китайского тридцатилетнего договора, многие прогнозировали, что старший кремлевский партнер будет использовать его в качестве инструмента для «вассализации» коммунистического Китая»). Именно из-за влияния СССР Китай вступил в Корейскую войну, к которой абсолютно не был готов, в результате чего и «рискнул своим лицом», утверждает Джон Генри. В статье неоднократно подчеркивается роль СССР в качестве манипулятора, используются такие слова с осуждающей семантикой как «*control*» – «контроль», «*Moscow conspirators*» – «московские заговорщики», «*Moscow bidding*» – «распоряжение Москвы» и т.д. В приведенном примере Джон Генри прибегает к такому приему манипуляции, как использование неавторизованной информации, иначе говоря, отсутствие ссылки на источник, предоставившего сведения. В результате реципиент не может критически оценить преподносимые ему факты. Для деавторизации информации автор статьи использует безличное предложение (*It was widely predicted*), а также иллюзорный источник информации, выраженный отвлеченным существительным (*The history of centuries*). Подобные конструкции создают лишь видимость достоверности и объективности предлагаемой информации. Тем самым автор статьи искусно подталкивают свою аудиторию к формулированию однозначных выводов.

Подобная риторика представлена и в других качественных американских газетах, публикации которых изобилуют лексическими единицами с семами «агрессия» (*aggression*), «опасность» (*danger*), «угроза» (*threat*) и других, несущих негативно-оценочную коннотацию: *The question immediately arises as to how long the world is going to be tortured by this Red aggression*³⁵; *One world is militaristic, imperialistic, atheistic and without compassion*³⁶; *we are tired of the tension, the sense of impending danger, a grave potential menace to our position in the Pacific, an international situation fraught with danger, the horror and danger of the "cold*

³⁵ Cortland Standard. Cortland. N. Y., 1949. January 29.

³⁶ Cortland Standard, Cortland, NY, May 24, 1950.

*war", the Russian threat, Communism is a threat, this pendulum of war scare, Americans are worried over the dangers of the "Cold War"*³⁷.

Белый дом через ведущие СМИ того времени начал транслировать негативный образ СССР, основу которого составляла агрессивность, стремление установить коммунистическую идеологию по всему миру.

Выводы. В годы первого этапа холодной войны манипуляционная война активно велась в разных странах и направлениях. В начальный период противостояния стала очевидной биполярность сложившейся системы международных отношений. Информационная составляющая была определяющей и на лидирующие позиции вышла работа с массовым сознанием посредством СМИ. Полученный американским руководством положительный опыт в реализации политической пропаганды позволил и в дальнейшем применять его при конструировании образа врага в лице советского государства. Многие из используемых средств граничили с прямой дискредитацией соперника в идеологической борьбе, а некоторые эту границу пересекали. Масштабность проводимой антисоветской и антикоммунистической информационной войны проявлялась в том числе и в эксплуатации всех разработанных к тому времени различных манипуляционных дискурсивных практик – перекалывание ответственности; практика создания проблемы (в лице коммунизма) с последующим предложением способа её решения (которым выступает США с их политикой); прямая дискредитация коммунистической идеологии с помощью прямой номинации СССР как врага; практика формулирования однозначных выводов, которые исключали конструирование иного образа СССР, отличного от образа деспота; практика разделения мира на основе оппозиции «свои - чужие».

Систематизация выявленных дискурсивных практик манипулирования, представленных в политическом дискурсе времен холодной войны, установила их негативно-оценочный характер в контексте конструирования образа СССР как врага. В результате анализа источников мы обнаружили, что данные практики актуализируются через накопление соответствующих смыслов, у которых могут быть повторяющиеся маркеры. В качестве таких маркеров выступают различные языковые средства, преимущественно лексические, со смыслами враждебности и опасности. Кроме того, дискурсивные практики предполагали использование неавторизованной информации, проявляющейся в невыраженности субъекта речи или в квазиэксплицитном субъекте, референциальное манипулирование, прием негации.

Результатом использования дискурсивных практик манипуляции стало то, что в сознании большинства американцев коннотативное значение слов «СССР» и «коммунизм» закрепилось как «враг» и «тирания». Дружеские отношения между народами, которые начинали зарождаться после Второй мировой войны, оказались перечеркнуты.

³⁷ St. Paris Dispatch, St. Paris, ОН, May 18, 1950.

Проблема дискурсивных практик манипулирования многогранна и представляет большой исследовательский и прикладной интерес. Поднятые в статье вопросы долго будут оставаться актуальными, поскольку в настоящее время по заверению политологов мы наблюдаем развязывание новой холодной войны между Россией и «коллективным» Западом, идеологическим центром которого являются США. Перспективы дальнейшего исследования заключаются в сравнительно-сопоставительном анализе дискурсивных практик холодной войны прошлого столетия и практик, актуальных для современности. Особенно интересным в этом аспекте представляется вовлечение в качестве источников анализа новых медиа, в частности Интернет-СМИ, социальных сетей и других инструментов распространения информации и формирования общественного мнения.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Денисюк Е. В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект : дис... канд. фил. наук. Екатеринбург, 2003. 200 с. [Denisyuk E. V. Manipulyativnoe rechevoe vozdejstvie: kommunikativno-pragmaticheskij aspekt : dis... kand. fil. nauk. Ekaterinburg, 2003. 200 s.].
- Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, 1996. 344 с. [Docenko E. L. Psihologiya manipuljacji: fenomeny, mekhanizmy i zashchita. M.: CheRo, 1996. 344 s.].
- Иносми.ру: Десять способов манипулирования людьми с помощью СМИ // URL: <https://inosmi.ru/world/20110517/169481135.html>. [Inosmi.ru: Desyat' sposobov manipulirovaniya lyud'mi s pomoshch'yu SMI // URL: <https://inosmi.ru/world/20110517/169481135.html>].
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2008. 284 с. [Issers O. S. Kommunikativnyje strategii i taktiki russkoj rechi. M.: Editorial URSS, 2008. 284 s.].
- Иссерс О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник Омского ун-та. 2011. № 4. С. 227–232. [Issers O.S. Diskursivnaya praktika kak nablyudaemaya real'nost' // Vestnik Omskogo un-ta. 2011. № 4. S. 227–232.].
- Кузнецов Д.В. «Тень» Вьетнама над Америкой. Американское общественное мнение и использование военной силы США после войны во Вьетнаме (1973–2009 гг.). СПб.: Нестор-История, 2016. 752 с. [Kuznecov D.V. «Ten'» V'etnama nad Amerikoj. Amerikanskoe obshchestvennoe mnenie i ispol'zovanie voennoj sily SSHA posle vojny vo V'etname (1973–2009 gg.). SPb.: Nestor-Istoriya, 2016. 752 s.].
- Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с. [Lippman U. Obshchestvennoe mnenie. M.: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004. 384 s.].
- Мальков В.Л. Путь к имперству. Америка в первой половине XX века. М., 2004. 603 с. [Mal'kov V.L. Put' k imperstvu. Amerika v pervoj polovine XX veka. M., 2004. 603 s.].
- Меморандум ЦРУ «FE Division summary of principal factors affecting area strategic concepts for the Cold War» // URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp80-01065a000100160004-6>. [Memorandum CRU «FE Division summary of principal factors affecting area strategic concepts for the Cold War» // URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp80-01065a000100160004-6>].
- Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 588 с. [Ortega-i-Gasset X. Estetika. Filosofiya kul'tury. M.: Iskusstvo, 1991. 588 s.].
- Отчёт экономической разведки ЦРУ «Economic relations in the Sino-Soviet alliance» // URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp79r01141a001700070001-4> [Otchyt ekonomicheskoy razvedki CRU «Economic relations in the Sino-Soviet alliance» // URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp79r01141a001700070001-4>].

- Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурсивная реализация угрозы в предвыборной коммуникации // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 2. С. 419-448. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-419-448. [Romanov A.A., Novoselova O.V. Diskursivnaya realizatsiya ugrozy v predvybornoj kommunikacii // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 2. С. 419-448.]
- Ситникова Е.Л. Роль СМИ в процессе эволюции образа СССР в США в годы президентства Г. Трумэна // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Том 2. № 3. 2007. С. 48-52. [Sitnikova E.L. Rol' SMI v processe evolyucii obraza SSSR v SSHA v gody prezidentstva G. Trumena // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika. Tom 2. № 3. 2007. С. 48-52].
- Суржик Д.В. Развитие государственных информационно-агитационных ведомств США в первой половине XX в.: автореф... канд. истор. наук. Москва, 2013. 34 с. [Surzhik D.V. Razvitie gosudarstvennykh informatsionno-agitatsionnykh vedomstv SSHA v pervoy polovine XX v. : avtoref... kand. istor. nauk. Moskva, 2013. 34 s.]
- Уледов А.К. Структура общественного сознания: Теорет.-социал. исследование. Москва: Мысль, 1968. 324 с. [Uledov A.K. Struktura obshchestvennogo soznaniya: Teoret.-social. issledovanie. Moskva : Mysl', 1968. 324 s.]
- Чернявская Е. В. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта; Наука, 2006. 136 с. [Chernyavskaya E. V. Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemu rechevogo vozdejstviya. M.: Flinta; Nauka, 2006. 136 s.]
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Гнозис, 2004. 328 с. [Sheigal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. Volgograd: Gnozis, 2004. 328 s.]
- Шенин С.Ю. Американская политическая элита о проблеме послевоенного мирового порядка (1941–1945 гг.) // *Диалог со временем*. 2015. Вып. 53. С. 258-268. [Shenin S.Yu. Amerikanskaya politicheskaya elita o probleme poslevoennogo mirovogo poryadka (1941–1945 gg.) // *Dialog so vremenem*. 2015. Vyp. 53. S. 258-268.]
- Юнгблюд В.Т. Мировой порядок 1945 г. – процесс с «открытым» продолжением // *Вестник МГИМО-Университета*. 2020. № 13(4). С. 52-79. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-4-73-52-79 [Yungblyud V.T. Mirovoj poryadok 1945 g. – process s «otkryтым» prodolzheniem // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2020. № 13(4). S. 52-79.]
- American heritage: Good Old Uncle Joe Stalin // URL: <https://www.americanheritage.com/good-old-uncle-joe-stalin>.
- Bilá, Magdaléna and Svetlana V. Ivanova. Language, culture and ideology in discursive practices // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. 24 (2). Pp. 219–252. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252.
- Churchill, W. The Sinews of Peace ('Iron Curtain Speech') // URL: <https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman/the-sinews-of-peace>.
- Cortland Standard. Cortland. N. Y., 1949. January 29.
- Cortland, NY, May 24, 1950, p. 4.
- Couldry et al. Media, Communication, and the Struggle for Social Progress // *Global Media and Communication*, 14 (2): 173-191. // URL: <https://doi.org/10.1177/1742766518776679>.
- Extract from a report called 'The Threat to Western Civilisation' from the Foreign Secretary to the British Cabinet in March 1948 (Catalogue ref: CAB 129/25) // URL: <https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/cold-war-on-file/threat-to-western-civilisation/>
- Fairclough, N. Language and power. Second edition. London: Macmillan, 2002.
- Henry John C. China's Red Rulers Risked 'Face' // *Evening star*. 1952. August 19. P. 11.
- Leeuwen, T. van. Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis. 2008.
- Library of Congress: About Evening star. (volume) (Washington, D.C.) // URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn83045462/>.
- NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security (April 14, 1950) // URL: <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/nsc-68/nsc68-1.htm>
- Ryan William L. Reds Seem Intent to Neutralize Western Europe for Domination // *Evening star*. 1952. April 15. P. 15.
- Shuneyko A., Chibisova O. Information Space as a Source and Result of Creating Myths // *Медиаобразование*. 2019. Vol. 59, No 3. P. 433-443.
- St. Paris Dispatch, St. Paris, OH, May 18, 1950, p. 4

Stier S., Bleier A., Lietz H., Strohmaier M. Election Campaigning on Social Media: Politicians, Audiences, and the Mediation of Political Communication on Facebook and Twitter // Political Communication. 2018. 35 (1). Pp. 50–74. DOI: 10.1080/10584609.2017.1334728

The Terrible Story of Whittaker Chambers // Evening star. 1952. February 05. P. 18.

Wallace Henry Agard. Where I Was Wrong // Evening star. 1952. September 7. P 7.

Шушарина Галина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Комсомольский-на-Амуре государственный университет; Galinalmk@yandex.ru

Петрунина Жанна Валерьяновна, доктор исторических наук, профессор, заведующий, кафедра истории и культурологии, Комсомольский-на-Амуре государственный университет; Petrunina71@bk.ru

Manipulation Discourse Practices in the Political Discourse of the First Phase of the Cold War Between the USA and the USSR

The article deals with issues related to manipulative influence in the American political discourse during the period from the mid-1940s to the mid-1950s, which became the basis for the testing and further use of practices of manipulating public consciousness against the Soviet state, whose ideology and way of life hindered the strengthening of US influence in the world. The materials of influential American newspapers and declassified archives of the CIA, the National Security Council, and the Office of the US Secretary of State were analyzed. The sources identify manipulative discursive practices used by the U.S. and aimed at discrediting the Soviet Union. The systematization of the identified discursive practices of manipulation, presented in the political discourse of the initial stage of the Cold War, established their negative and evaluative nature, united in the context of constructing the image of the USSR as an enemy.

Keywords: political discourse, manipulation, media, cold war, USSR, USA.

Galina Shusharina, PhD in Philology, Head of the Department of Linguistics and Intercultural communication; Komsomolsk-na-Amure State University; Galinalmk@yandex.ru

Zhanna Petrunina, Doctor of History, Professor, Head of the Department of History and Culture Studies; Komsomolsk-na-Amure State University; Petrunina71@bk.ru

«КОМПЛАЕНС» В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ. БИОПОЛИТИКА ИЛИ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ГИГИЕНИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ?

В статье рассматриваются «медицинские» материалы, собранные в рамках работы «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева», систематизированные сотрудником бюро Г.И. Поповым и составленный им проект программы по медицинской этнографии. Гавриил Попов написал исследовательскую работу не только о принципиальных отличиях народного врачевания от научной медицины, но и о картине мира русского крестьянства. Исследование имело колоссальную практическую значимость. Этнография, понятая таким образом, имела возможность превратиться из описательной дисциплины, изучающей местный фольклор, в эффективный инструмент медицинской практики, и, как следствие, управления империей.

Ключевые слова: Тенишев, Гавриил Попов, санитарное просвещение, медицинская этнография, земская медицина, комплаенс.

На рубеже XIX—XX вв. процесс модернизации, активно идущий в России, выявил необходимость в более точных сведениях о населении империи. Чтобы осуществить эффективные реформы, прежде всего было необходимо тщательно изучить «исходный материал». С этой целью осуществлялся масштабный государственный проект – первая всеобщая перепись населения 1897 года. В 1902 г. открылся этнографический отдел «Русского Музея Императора Александра III»¹, который должен был представить «всю необъятную Россию в ее этнографических особенностях, во всех проявлениях ее экономической и духовной жизни, как монументальное пособие для изучения родной страны в ее разнообразии и единстве»². Изучение этого «монументального пособия», а также данных переписи и материалов, собранных общественными организациями и частными лицами, выявило множество «болевых точек». Одним из самых слабых звеньев системы оказалось здравоохранение, и остро встал вопрос о возможностях его реформирования. Цель настоящей статьи — проанализировать пути развития медицинской помощи, предложенные Г.И. Поповым в рамках работы с материалами опросов населения, и его выводы, обобщенные в вышедшей в 1906 г. программе по медицинской этнографии для будущих врачей.

Как и в Европе, где, по мнению М. Фуко, «с XIX века следует скорее говорить о биополитике человеческого рода, направленной на «совершенство процессов, включающих в себя пропорцию рождений и смертей, уровень воспроизводства, рост населения и т.д.»³, в Российской империи власть начала осознавать необходимость совершенствования

¹ В настоящее время — Российский этнографический музей (РЭМ).

² Военский 1898: 17.

³ Фуко 2005: 256.

институтов «попечения о народном здравии»⁴ для борьбы с эпидемиями, увеличения продолжительности жизни и снижения уровня детской смертности. Такие организационные формы, как земская, городская и фабричная медицина, не ставили перед собой частную задачу устранить страдания отдельного организма, а занимались изучением условий, вызывающих болезни, и искали возможности для совершенствования здоровья населения⁵. Предположение, что лечение отдельных индивидов — только паллиативная мера, которая не может оказать значимого влияния на «движение населения», и что необходимы меры по совершенствованию общественной медицины, выдвигали и чиновники, и отдельные медики. Земский врач, публицист, политик и общественный деятель А.И. Шингарев писал, что медицинским нововведениям должны предшествовать «изучение факторов болезненности населения, выяснение ближайших причин его смертности»⁶. Более того, высказывались мысли, что регистрации и изучения статистики смертности населения как «конечного результата зла» недостаточно, и что для развития эффективных методов профилактики болезненности и смертности необходимы «исследования явлений во всей их жизненной пестроте и обстановке»⁷.

Инициатива проведения таких исследований по собиранию, классификации и анализу информации о народонаселении осуществлялись не только и не столько государством, сколько общественными организациями и частными лицами. Сбором данных по распространению инфекционных заболеваний в земских губерниях и приведением этих сведений к единообразию, созданию единого стандарта санитарно-статистических исследований и утверждением актуальной номенклатуры болезней⁸ занималось «Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова»⁹ — профессиональное объединение членов врачебного сословия. Обществом была проделана огромная работа по выработке единообразных форм для собирания врачебно-санитарных и статистических сведений и созданию сборников по земской и фабричной медицине.

Инициатором такого же проекта стал князь Вячеслав Николаевич Тенишев (1843–1903), инженер путей сообщения по образованию, промышленник, меценат, ученый и этнограф¹⁰. В 1896 г. он создал программу по сбору сведений о крестьянах¹¹. Проект предполагал не сбор стати-

⁴ Егорышева, Чалова 2022: 168.

⁵ Егорышева, Отвагин, Остапенко, Коноплева 2014: 6.

⁶ Шингарев 1907: 11.

⁷ Долженков 1896: 17.

⁸ Троицкая, Авдеев 2018: 15.

⁹ Согласно Уставу общества, его цель состояла в «научно-практической разработке врачебных и санитарных вопросов, а равно и вопросов, касающихся врачебного быта, соединенными силами русских врачей». Цит. по «Устав Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова: утв. 16 янв. 1892 г. М.: Т-во Скоропечатни А.А. Левенсона».

¹⁰ О деятельности В.Н. Тенишева см., напр. Гранцева 2021.

¹¹ Некролог 1903: 202.

стических данных и отзывов городской интеллигенции, отправившейся «в народ», а обращение к самому населению, к тем, кто редко получал возможность выразить свои взгляды и сообщить о них обществу.

В работе «Деятельность человека» В.Н. Тенишев указывал, что, в отличие от правительства, время от времени собирающего этнографические данные для юридических и налоговых нужд и работ этнографических обществ, нацеленных на изучение былин, сказок, пословиц и диалектов, его проект направлен на систематическое изучение деятельности людей. Тенишев полагал, что «сохранить стабильность общества можно, только научившись хорошо управлять людьми, его составляющими, и особенно самым многочисленным народом империи – великорусами¹²». Предполагалось, что собранный в результате анкетирования крестьян Центральной России фактический материал прольет «свет на поступки и поведение людей, с которыми нас связывает жизнь». По мнению Тенишева, этот свет позволит не только «указать на соответствующие поступки и поведение человека ... и предвидеть их», но также получить «отчет в целях и последствиях собственного поведения и поступков».

Результатом работы многочисленных корреспондентов и штатных сотрудников созданного В.Н. Тенишевым «Этнографического бюро» должен был стать обобщающий труд «Быт великорусских крестьян-землепашцев», который, к сожалению, так и не был написан. В начале XX века по материалам опросов были изданы работы С.В. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила¹³», Г.И. Попова «Русская народно-бытовая медицина»¹⁴, Анны Стеллинг «Рассказы из народного быта¹⁵» и В.В. Тенишева «Правосудие в русском крестьянском быту¹⁶». Затем на протяжении столетия материалы архива практически не печатались. Только в 2004 г. началась публикация уникального архивного фонда, хранящегося в Российском этнографическом музее. Данные издаются в многотомном издании «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева¹⁷».

Две работы из изданных в начале XX в., а именно труды С.В. Максимова и Г.И. Попова, связаны с исследованиями медицинского характера. Сергей Васильевич Максимов (1831–1901), учившийся на медицинском факультете Московского университета и в Медико-хирургической академии, – автор многих книг для народных чтений и знаток народных верований. В сборнике «Нечистая, неведомая и крестная сила», изданной Тенишевым уже после смерти Максимова, собраны сведения о водяных и русалках, кикиморе и лешем, но есть и главы, по-

¹² Тенишев 1897: 5.

¹³ Максимов 1903.

¹⁴ Попов 1903.

¹⁵ Стеллинг 1903.

¹⁶ Тенишев 1907.

¹⁷ Русские крестьяне 2004-.

священные знахарям, шептунам и кликушам. Гавриил Иванович Попов (1856–1909), выпускник медицинского факультета Казанского университета, несколько лет (1881–1884) после окончания университета проработал земским врачом Мамадышского уезда Казанской губернии, а впоследствии (с 1884 до 1909) был хирургом и историографом Мариинской больницы для бедных в Петербурге. В качестве одного из 12-ти штатных сотрудников бюро Г.И. Попов на основании данных «Программы» В.Н. Тенишева обобщил данные, касающиеся медицины, и опубликовал работу «Русская народно-бытовая медицина». В отличие от С.В. Максимова, книга которого имеет чисто описательный характер, Попов написал серьезную исследовательскую работу, поставившую важные вопросы не только о принципиальных отличиях народного врачевания от научной медицины, но и о картине мира русского крестьянства. По сути, его труд относится к сфере «истории больных», используя выражение Р. Портера, подчеркивавшего, что история медицины далеко не сводится к истории великих медиков и их открытий¹⁸.

Материалы, присланные корреспондентами бюро Тенишева из разных регионов страны, Попов распределил по следующим рубрикам: причины болезней в представлении крестьян; знахарство; научная медицина и отношение к ней; заразные болезни и санитарные меры (оспа, сифилис, дезинфекция, холерные беспорядки); диета и уход за больными; классификация и симптомы болезней в народной медицине; «суверенные средства лечения» («где часто трудно искать хотя бы каких-нибудь проблесков знаний и разумного опыта»¹⁹); религиозные средства (обеты, мощи, чудотворные иконы); «грубо-эмпирические, нелепые и вредные средства» (действующие «на физическую сторону болезненных процессов в организме человека»²⁰); эмпирическая медицина (баня, целебные растения); роды; сумасшествие и кликушество. На основании проанализированных материалов Попов делает вывод, что народная медицина – это сложившаяся, логичная, внутренне непротиворечивая система. В нее входят специфические представления об этиологии заболевания (вселение злого болезнетворного начала) и механизме лечения (коммуникация с болезнью или изгнание ее). Кроме того, народную медицину он считает неотъемлемым компонентом крестьянского быта. Костоправы, повитухи и «знахари-заговорщики», в отличие от дипломированных врачей, вписаны, по его мнению, в повседневные практики и взаимоотношения, являясь частью той же системы координат, что и их пациенты. Попов подробно описывает различные знахарские приемы (заговоры, снятие порчи, выпускание «дурной крови»), приводит тексты лечебных заговоров, уделяет большое

¹⁸ Портер 2008; Nutton 2022.

¹⁹ Попов 1903: 218.

²⁰ Попов 1903: 327.

внимание отношению крестьян к научной медицине. Относясь скептически к большинству «народных средств» и считая их следствием невежества, Попов, однако, указывает на наличие некоторых знахарских приемов, которые доказывают свою эффективность, в частности, те из них, которые основаны на внушении и применении массажа. «Достоинно удивления, что эти два метода лечения сделались достоянием научной медицины лишь в самое последнее время, тогда как в медицине народной они практиковались и существовали целые столетия. Поразительно также то, что методы эти пришли к нам с запада, когда столь давно были у нас, можно сказать, под руками: таковы результаты пренебрежительного отношения и недостатка изучения народа²¹».

Исследования Г.И. Попова привели к неожиданным выводам: проблемы здоровья населения в русской деревне не ограничивались нехваткой профессиональной медицинской помощи, дефицитом лекарственных средств и недостатком финансирования. В результате земской реформы 1864 г. врачебная помощь стала относительно доступна во многих уездах и целых губерниях, однако выяснилось, что врачи и пациенты зачастую не понимали друг друга. Молодых врачей-энтузиастов, считавших, что крестьяне ждут их с нетерпением, ждало горькое разочарование. «Безмолвствующее большинство», каковым являлось русское крестьянство в представлении городской интеллигенции, имело твердые представления о болезни, здоровье и границах медицинской помощи. Оказалось, что врачебного диплома далеко не достаточно для того, чтобы успешно осуществлять процесс лечения. На практике этот процесс порой означал коммуникацию людей из двух разных миров. Сами врачи признавали: «Мы чересчур мало знакомы даже с обыденным строем нашей своеобразной народной жизни, с бытовыми и другими ее условиями²²». Человек с университетским образованием в деревне ощущал себя жителем другой планеты. «Подобного расхождения правящих и интеллигентных классов с коренною народностью своего государства не представляет, как известно, ни одна страна в свете. Расхождение это образовало между ними настоящую пропасть, с двумя совершенно разными мирами и с совершенно разными условиями жизни и быта, с различными интересами и потребностями, строем понятий и всего их мировоззрения²³». Это расхождение проявляло себя на каждом шагу: контакты с крестьянами осложнялись еще до начала собственно врачебной деятельности. Прежде всего, у крестьян не было привычки к медицинскому нарративу, проще говоря, они не умели описывать свои ощущения. Жалобы пациентов были непонятны врачам: «Сердце сосет, под сердце подкапывает, жгота сердца, видно, что волос попал на сердце» –

²¹ Попов 1903: 109.

²² Долженков 1896: 17.

²³ Попов 1906: 3.

обыкновенные определения желудочных ощущений»²⁴. «Не привыкший к тонкостям самоощущения, он [народ] выражает симптомы иногда в высшей степени грубо»²⁵. Народный язык различался в разных губерниях и уездах, но причины недоразумений лежали глубже незнакомства с местным диалектом – они вытекали из несхожести двух картин мира.

Невозможность объясниться с больными и говорить с ними на одном языке оказалась бичом земских врачей. Она не только существенно затрудняла постановку диагноза, но и становилась серьезным препятствием на стадии лечения. Врачи часто считали излишним или не имели времени подробно объяснять свои назначения, считая их очевидными. Порой это приводило к курьезам. Один из них приведен в рассказе М.А. Булгакова «Тьма египетская», описывающем его опыт земской практики. Герой рассказа, получив от врача рекомендацию поставить на спину горчичник, прилепил его на тулуп. Иногда же такие случаи заканчивались трагически. «Через институт земских врачей... должны были начать вливаться в народную жизнь совершенно новые начала науки, выработанные чуждой этой жизни культурой и не имеющие ничего общего с существовавшим доселе мировоззрением. Земские врачи выступили на исполнение этой миссии при полной неподготовленности народа к восприятию этих новых начал и при таких условиях должны были не только лечить народ, приохотить его к медицине, но и насадить рациональные понятия о самом происхождении болезней»²⁶. Действительно, крестьянам бывало сложно понять причину заболевания и механизм действия лечения в терминах, какими пользовались «ученые врачи», тогда как знахари оперировали знакомыми с детства понятиями «сглаз» и «порча». «Раз известное заболевание произошло не по той или иной физической причине, а случилось от вмешательства нечистой силы, порчи, напуска по сердцам, глаза, слова и т.п., то и средства лечения должны соответствовать причинам заболевания и должны быть им равносильны: эта вера народа в существование каких-то таинственных сил, прекращающих болезни, есть лишь следствие его веры в такие же силы, которые производят болезни»²⁷. Недопонимание зачастую становилось причиной того, что крестьяне отказывались от медицинской помощи, пользуясь более проверенными методами – медициной народной. Знахари и бабки оказались сильными конкурентами земским врачам и нередко побеждали в «борьбе за пациента».

Выбор объяснялся не только силой привычки, близостью к этим «специалистам», но и спецификой научной медицины, и длительностью терапии. Народное врачевание предполагало одноразовое, шоковое воздействие на организм; лекарство должно быть горьким и прини-

²⁴ Попов 1903: 28.

²⁵ Попов 1903: 209.

²⁶ Попов 1903:115.

²⁷ Попов 1903: 68.

маться однократно и в большом количестве, прием же препаратов в небольших дозах и в течение долгого времени не вызывал доверия. «Уверенный, что болезнь должна пройти чуть не моментально, раз лекарство «дадено влопад», мужик очень недоволен, когда одно и то же лекарство повторяется несколько раз... Но чуть ли не с большим скептицизмом относится крестьянин к дозе лекарства. Имея очень смутные представления о ядах, кроме самых грубых и общеупотребительных, он впадает в большое сомнение, если назначенная доза какого-нибудь сильнодействующего лекарства, напр., атропина, мышьяка и т. п., по его мнению, слишком мала. Одна капля подобного лекарства ему кажется совершенно ничтожной величиной, а пять – настолько малой, что он удваивает или утраивает приём, или пьёт лекарство из всего пузырька: «какая же беда, что я сразу выпью? – думает он: – от этого должна пройти боль, а вреда не может быть... Наблюдаются десятки случаев, когда больные, получив от врача лекарство на неделю, выпивают его в два–три приема или сразу²⁸». В отличие от разовых вмешательств, многие виды терапии предполагали изменение общего образа жизни, включение в нее новых форм поведения. Их смысл и ценность подвергались сомнению, поэтому назначения докторов не выполнялись.

Впрочем, крестьяне не могли не видеть эффективности научной медицины, в особенности при лечении инфекционных заболеваний, таких как дифтерия и бешенство. Укушенные бешеными животными охотно ехали в Москву за лечением²⁹. Вспрыскивание противодифтерийной сыворотки признавалось надежным средством от верной смерти и не отвергалось даже в старообрядческих местностях³⁰. У народной медицины не было действенных лекарств от этих болезней, а средства, предлагаемые дипломированными врачами, отвечали ожиданиям пациентов – действовали быстро, и к ним было необходимо прибегать однократно. Но в других случаях больные предпочитали привычный путь: «Судя по сообщениям наших сотрудников, крестьяне редко лечатся у знахарей от всех или от большинства болезней и гораздо чаще от известной группы их: истерии, эпилепсии, помешательства, импотенции, «волоса», детских, женских и разного рода затяжных болезней. Все это такие болезни, причиной которых, по понятиям мужика, являются порча, подшут, сглаз и которых быстро и скоро, как то надобно мужику, не в состоянии вылечить врач³¹. Таким образом, между врачами и сельскими знахарями довольно скоро образовалось некое «разделение труда».

«Склад жизни» крестьянина оказывался непонятен земскому врачу и с такой неожиданной стороны, как вознаграждение за услуги. Отно-

²⁸ Попов 1903: 130.

²⁹ Пастеровская станция в Москве была открыта в 1886 г. и обслуживала жителей 27 губерний (Цит. по Шерстнева 2012: 57).

³⁰ Попов 1903: 95.

³¹ Попов 1903: 108.

шение крестьян к врачам парадоксальным образом несло в себе следы неформальной «дарообменной экономики», предполагавшей «обязательность в ряде ситуаций одаривания и такая же обязательность отдаривания»³². Установление «тепла человеческих отношений» внутри официальной, обезличенной структуры напоминает столь знакомую нам и по другим областям деятельности «русскую традицию персонифицировать взаимодействие с системой»³³. Хотя земская реформа предполагала бесплатную медицинскую помощь, источники свидетельствуют, что крестьяне плохо воспринимали такую модель и стремились отблагодарить врача за помощь, причем чаще всего не деньгами, а «натурой», считая, что в этом случае врач будет внимательнее, а лечение – эффективнее. Иногда источником скептицизма крестьянина было его убеждение, что «доктор дарьмя настоюще лечить не будет». «Даром и чирей не сядет», «сухая ложка рот дерет», – подкрепляет пословицами свое мнение крестьянин»³⁴. Отказ от такого дарения мог восприниматься как тяжелое оскорбление. М.А. Булгаков в другом рассказе из «Записок юного врача» описывал это так: «– Не возьму, – сурово сказал я и даже головой замотал. Но у нее стало такое лицо, такие глаза, что я взял»³⁵.

Приведенные факты свидетельствуют об одном: работа в русской деревне поставила перед докторами задачи, к которым их не готовили в университете. Медленно, но верно врачи приходили к выводу, что медицина не сводится к сумме знаний о человеческом организме и умению эти знания применять. Весьма важной составляющей медицинской профессии является способность находить общий язык с больным, быть правильно понятым. Г.И. Попов подчеркивал, что на этом поле врачей, которые обрывали больных на полуслове, легко обходили знахарки и бабки, применявшие, сами того не зная, технику «активного слушания»³⁶. В современной медицине для этого существует термин «комплаенс», или «терапевтическое сотрудничество», под которым понимается «такое взаимоотношение между врачом и пациентом, когда они оба понимают, с какой целью проводится лечение, в чем оно состоит, и врач готов его проводить, а пациент готов выполнять назначения и понимает их смысл»³⁷. Патерналистская модель отношений «врач-больной» не предусматривала такого подхода, исходя из того, что пациент должен неукоснительно подчиняться всем врачебным указаниям. Ярким примером такого «врача-демиурга» может служить знаменитый московский терапевт Г.А. Захарьин (1829–1897/1898), который позволял себе грубо обращаться с больными, кричать на них, «формировал клинику и шко-

³² Никишенков 2010: 126.

³³ Барсукова 2013: 115.

³⁴ Попов 1903: 108.

³⁵ Булгаков 1982: 329.

³⁶ Попов 1903: 69.

³⁷ Салыгина 2013: 47.

лу, руководствуясь принципом российской абсолютной монархии: любое его слово имело силу закона»³⁸. Но уже в XIX в., а возможно и раньше, стали осознать ограниченность такой модели. Представление о том, что больной подобен ребенку – как и «ребенка родители принуждают принимать то, или другое отвратительное лекарство и исполнить то, или другое предписание врача», даже взрослый больной не может распоряжаться собой и своим здоровьем – его необходимо «направлять на путь истинный, удалять и преследовать все вредное»³⁹, – ставилось под вопрос врачебным сообществом и в конце XIX века.

Закономерно, что инициаторами пересмотра этой модели взаимодействия были не пациенты, а члены врачебного сословия. На II Пироговском съезде, проходившем в 1887 году в Москве, возникла дискуссия, в ходе которой врачи высказывались против репрессивных мер, строгого врачебно-полицейского надзора и мер запрещения. Общее мнение склонялось к тому, что благодаря земской медицине народ сам постепенно «начинает верить в научную медицину»⁴⁰. Этот успех должен быть связан с умением «проповедовать истину без принудительных мер — понятной для народа речью» и знакомством с народным бытом.

Для решения данной проблемы Попов предложил расширить программу подготовки врачей за счет гуманитарных медицинских дисциплин. Систематизировав и переосмыслив присланные корреспондентами «Бюро» материалы, он в 1906 году опубликовал программу курса «Медицинской этнографии», которую предложил для преподавания в Военно-медицинской академии. Если Тенишев предлагал новый взгляд на этнографию как на «науку, позволяющую изучать современное состояние общества и решать прикладные задачи», то Попов увидел в этнографии медицинской прикладную специальность, которая может способствовать большему взаимопониманию между врачами и их пациентами и тем самым способствовать оздоровлению народа. «В настоящее время молодой врач, являющийся жить и работать среди народа, ... нередко знает о быте и мировоззрении этого народа чуть ли не меньше, чем о жизни и мирозерцании народов, давно сошедших в могилу истории»⁴¹. Отмечая, что «знание народа, этого ядра и корня государства, имеет не только академический интерес, но и большую практическую важность»⁴², Попов утверждал, что это знание создаст «прочную почву для общей и частной работы в деревне и потому-то оно так должно быть необходимо каждому народному деятелю, будь то священник, учитель, чиновник или врач»⁴³.

³⁸ Бородулин, Тополянский 2016: 314.

³⁹ Эберман 1887: 8.

⁴⁰ Эберман 1887: 9.

⁴¹ Попов 1903: 7.

⁴² Попов 1906: 11-12.

⁴³ Попов 1906: 11-12.

Попов разделял мнение Тенишева, что судьи не могут оценить вину, не зная жизни подсудимых, коммерсантам следует разбираться во вкусах и потребностях покупателей, учителям – в среде жизни учеников, а врачам – образе жизни пациентов. Поиск решений для проблем, связанных со здоровьем, Тенишев, а вслед за ним и сотрудники его «Бюро», считали частью программы эффективного управления империей. Так как работа с населением по «распространению гигиенических знаний в народе» требовала много времени и не гарантировала быстрого получения желаемых результатов, Попов предполагал способствовать взаимопониманию пациентов и врачей соответствующей подготовкой последних. Знание народа, считал он, «откроет самую душу народа и научит его языку, так как с народом, как с ребенком, понятно и с пользой, можно разговаривать только на языке его понятий⁴⁴». Попов, как и сторонники полицейского регулирования «народного здоровья», прибегает к метафоре, сравнивая пациентов из народа с детьми, однако приходит к иным выводам. Он предполагает, что большего благосостояния населения можно достигнуть не принуждением, а взаимопониманием.

Предлагаемая Г.И. Поповым университетская программа по медицинской этнографии должна была базироваться на проведенных им исследованиях в рамках работы Этнографического бюро. В программу входили вопросы организации медицинской помощи в земских и неземских губерниях; «отдел деревенской гигиены и медицинской статистики», в котором должны были освещаться такие проблемы, как питание крестьян, включая кормление детей, жилище, водоснабжение, господствующие в регионе болезни (сифилис рассматривался отдельно), пьянство, проституция, эпилепсия, зоб, трахома, оспа и оспопрививание, детская смертность. Кроме этого, в программу включались народные понятия о причинах болезней, знахарство, отношение народа к земским врачам, больницам, операциям, заразные болезни и санитарные меры, диета и уход за больными, народная классификация болезней, суеверные средства лечения, религиозные средства лечения, эмпирическая медицина; роды; сумасшедшие и кликуши.

Данная тематика курса, с точки зрения Попова, имела большее практическое значение, чем изучение древних культур и языков или чем история медицины в том виде, в каком она входила в программу подготовки врачей. Важнее, чем изучение великих открытий, сделанных в далеком прошлом, было приобретение коммуникативных навыков. На рубеже веков многократно поднимался вопрос о необходимости реформирования медицинского образования, но бурные события начала XX в. отнесли вопросы взаимопонимания к разряду второстепенных. Программа, предложенная Г.И. Поповым, так и не была воплощена в жизнь. Между тем, современная медицина по-прежнему сталкивается с опи-

⁴⁴ Попов 1906: 12.

санными Поповым трудностями: пациенты все так же туманно формулируют жалобы, не придерживаются назначенного плана лечения и обращаются за помощью к целителям, а не к дипломированным врачам.

В современном медицинском образовании эти проблемы рассматриваются в курсах биоэтики и медицинской коммуникации. Они представлены в виде кейсов – разборе отдельных клинических случаев как задач и совместный поиск их решений. В 2015 г. Европейское региональное бюро ВОЗ учредило экспертную группу по культурным контекстам здоровья и благополучия. В 2017 г. был опубликован аналитический обзор «Культура имеет значение: учет культурных контекстов здоровья при выработке политики». Согласно обзору, перспективный план на период до 2030 года включает внедрение и использование «базы фактических данных, дополненной описанием опыта конкретных людей»⁴⁵. Авторы подчеркивают практическую значимость подобных материалов для работы по преодолению неравенства в доступе к медицинской помощи. Голоса и опыт отдельных людей, как и в показанных Поповым опросах, дают «прекрасный набор инструментов для социально справедливого улучшения показателей здоровья и благополучия»⁴⁶, – утверждают исследователи. Медицинские работники должны получать сведения о предпочтениях пациентов из разных культур и иметь навыки анализировать их специфику. Поиски путей успешного терапевтического сотрудничества продолжаются.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Барсукова С. Ю. Блатной Советский Союз, или экономика взаимных услуг рецензия на книгу: Ledeneva A. 1998. Russia's economy of favours: Blat, networking and Informal exchange. Cambridge: C.U.P. // Экономическая социология. 2013. №1. С. 111-119 [Barsukova S. Ju. Blatnoj Sovetskij Sojuz, ili jekonomika vzaimnyh uslug recenzija na knigu: Ledeneva A. 1998. Russia's economy of favours: Blat, networking and Informal exchange. Cambridge: C.U.P. // Jekonomicheskaja sociologija. 2013. №1. S. 111-119].
- Бородулин В.И., Тополянский А.В. Терапевтические клиники Московского университет на рубеже XIX-XX веков: сравнительная характеристика научных школ Захарьина, Остроумова и Шервинского–Голубинина. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2016; 24 (5): 312-316 [Borodulin V.I., Topoljanskij A.V. Terapevticheskie kliniki Moskovskogo universitet na rubezhe XIX-XX vekov: sravnitel'naja harakteristika nauchnyh shkol Zaxar'ina, Ostroumova i Shervinskogo–Golubinina. Problemy social'noj gigieny, zdravoohranenija i istorii mediciny. 2016; 24 (5): 312-316].
- Булгаков М.А. Полотенце с петухом// Михаил Булгаков. Избранное. М., Художественная литература, 1982. 399 с. [Bulgakov M.A. Polotence s petuhom// Mihail Bulgakov. Izbrannoe. M., Hudozhestvennaja literatura, 1982. 399 s.].
- Военский К.А. Русский музей императора Александра III. СПб.: типография Министерства внутренних дел, 1898.20 с. [Voenskij K.A. Russkij muzej imperatora Aleksandra III. SPb.: tipografija Ministerstva vnutrennih del, 1898. 20 s.].
- Гранцева Е.О. «Мне был очень приятен сочувственный прием нашему родному искусству...». Тенишевы и популяризация русской культуры за рубежом. ЭНОЖ История 2021; Т. 12 Вып. 2 (100). DOI 10.18254/S207987840013893-1 [Granceva E.O. «Mne byl ochen' priyaten sochuvstvennyj priem nashemu rodnomu iskusstvu...». Tenishevy i populyarizacija russkoj kul'tury za rubezhom. ENOZH Istoriya 2021; T. 12 Vyp. 2 (100)].

⁴⁵ Напье 2017: 31.

⁴⁶ Там же.

- Долженков В.И. Об издании Русского Эпидемиологического Листка. Доклад 6 съезду Общества русских врачей в память Н.И. Пирогову. Журнал Общества русских врачей в память Н. И. Пирогову, 1896, №5. С. 16-23. [Dolzhenkov V. I. Ob izdani Russkogo Jepidemiologicheskogo Listka. Doklad 6 s'ezdu Obshestva russkikh vrachej v pamjat' N. I. Pirogovu. Zhurnal Obshestva russkikh vrachej v pamjat' N. I. Pirogovu, 1896, №5. S. 16-23].
- Егорышева И. В., Отвагин И. В., Остапенко В. М., Коноплева Е. Л. «Мне так хотелось пойти в народ (врач Д. Н. Жбанков)». Смоленск: СГМА, 2014. 120 с. [Egorysheva I. V., Otvagin I. V., Ostapenko V. M., Konopleva E. L. «Mne tak hotelos' poiti v narod (vrach D. N. Zhbankov)». Smolensk: SGMA, 2014. 120 s.].
- Егорышева И.В., Чалова В.В. Вклад медицинской общественности в разработку теоретических проблем здравоохранения в 60-е годы XIX века. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины Том 30, № 1. 2022. С. 167-171. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-1-167-171> [Egorysheva I.V., Chalova V.V. Vklad medicinskoj obshhestvennosti v razrabotku teoreticheskikh problem zdavoohraneniya v 60-e gody XIX veka. Problemy social'noj gigieny, zdavoohraneniya i istorii mediciny. Tom 30, № 1. 2022. S. 167-171].
- Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. Санкт-Петербург: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 526 с. [Maksimov S.V. Nechistaja, nevedomaja i krestnaja sila. Sankt-Peterburg : t-vo R. Golikei A. Vil'borg, 1903. 526 s.].
- Некролог на смерть В.Н. Тенишева // Этнографическое обозрение. 1903. №3. С. 202. [Nekrolog na smert' V.N. Tenisheva // Jtnograficheskoe obozrenie. 1903. №3. S. 202].
- Никишенков А.А. Проблемы этнографического изучения русского крестьянства (соционормативная культура): Учебно-методическое пособие / Отв. ред. А.А. Никишенков. Москва: Новый хронограф, 2010. 160 с. [Problemy jetnograficheskogo izuchenija russkogo krest'janstva (socio-normativnaja kul'tura): Uchebno-metodicheskoe posobie / Otv. red. A.A. Nikishenkov. Moskva: Novyj hronograf, 2010. 160 s.].
- Шерстнева Е. В. Первые пастеровские станции в России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2012. №2. [Sherstneva E. V. Pervye pasterovskie stancii v Rossii // Problemy social'noj gigieny, zdavoohraneniya i istorii mediciny. 2012. № 2].
- Портер Р. Взгляд пациента История медицины «снизу» // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины . СПб.: Алетейя, 2008. 304 с. [Porter R. Vzglyad pacienta Istoriya mediciny «snizu». V kn.: Bolezni i zdorov'e: novye podhody k istorii mediciny. SPb.: Aletejya, 2008. 304 s.].
- Попов Г.И. Медицинская этнография, как элемент университетского образования; [Примерная программа по русской медицинской этнографии]. СПб: тип. С.-Петербург. тюрмы, 1906. 22 с. [Popov G.I. Medicinskaja jetnografija, kak jelement universitetskogo obrazovaniya; [Primernaja programma po russkoj medicinskoj jetnografii]. Spb:tip. S.-Peterb. tjur'my, 1906. 22 s.].
- Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина: По материалам Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1903. 404 с. [Popov G.I. Russkaja narodno-bytovaja medicina: Po materialam Jetnograficheskogo bjuro knjazja V.N. Tenisheva. SPb.: Tipografija A. S. Suvorina, 1903. 404 s.].
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева / Министерство культуры Российской Федерации, Российский этнографический музей; [науч. ред.: Д.А. Баранов, А.В. Коновалов]. СПб: Деловая полиграфия, 2004 [Russkie krest'jane. Zhizn'. Byt. Nravu: materialy "Jetnograficheskogo bjuro" knjazja V.N. Tenisheva / Ministerstvo kulture Rossijskoj Federacii, Rossijskij etnograficheskij muzej; [nauchnye redaktory: D. A. Baranov. A. V. Konovalov]. SPb: Delovaja poligrafija. 2004].
- Стеллинг А. Рассказы из народного быта. СПб.: Этногр. бюро кн. В.Н. Тенишева, 1903. 19 с. [Stelling A. Rasskazy iz narodnogo byta. Spb: Jetnogr. Buro kn. V.N.Tenisheva, 1903. 19 s.].
- Тенишев В.Н. Деятельность человека. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1897. 190 с. [Tenishev V.N. Dejatel'nost' cheloveka. Spb: tip. A.S. Suvorina, 1897. 190 s.].
- Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту: Свод данных, добытых этногр. материалами покойного кн. В.Н. Тенишева. Брянск : тип. Л.И. Игина и К°, 1907. 192 с. [Tenishev V.V. Pravosudie v russkom krest'janskom bytu :Svodannyh, dobytyh jetnogr. Materialami pokojnogo kn. V.N. Tenisheva. Brjansk : tip. L.I. Itinai K°, 1907. 192 s.].
- Троицкая И.А., Авдеев А.А. Первая российская номенклатура болезней и диагностика причин смерти в XIX в.: частный случай //Население и экономика. 2018. Т. 2. № 4. С.

- 1-46 [Troickaja I.A., Avdeev A.A. Pervaja rossijskaja nomenklatura boleznej diagnostika prichin smerti v XIX v.: chastnyj sluchaj //Naselenie i jekonomika. 2018. T. 2. № 4. S. 1-46].
- Труды Второго Съезда русских врачей в Москве: Т. 1. М., 1887. 27. Т. 1. С.8-9. [Trudy Vtorogo S'ezda russkikh vrachej v Moskve: T. 1. M., 1887. 27. T. 1. S.8-9].
- Фуко М. Нужно защищать общество. Наука, 2005. 312 с. [Fuko M. Nuzhnozashhishhat' obshhestvo. Nauka, 2005. 312 s.].
- Шингарев А. И. Вымирающая деревня: Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. Изд. 2-е. СПб.: тип. тов-ва «Общественная польза», 1907. 223 с. [Shingarev A. I. Vumirajushhaja derevnja: Opytsanitarno-jekonomicheskogo issledovanija dvuh selenij Voronezhskogo uezda. Izd. 2-e. SPb., 1907. 223 s. .
- Салыгина Е. С. Отказ пациенту в лечении и односторонний отказ исполнителя от выполнения договора на оказание медицинских услуг: опыт России и США //Медицинское право. 2013. №. 2. С. 46-49. [Salygina E. S. Otkaz pacientu v lechenii i odnostoronnij otkaz ispolnitelja ot vypolnenija dogovora na okazanie medicinskih uslug: opyt Rossii i SSHA //Medicinskoe pravo. 2013. №. 2. S. 46-49].
- Эберман А.Л. О знахарях (бездипломных врачах) и предложение образовать «общество защиты прав врачебного сословия и попечения о его благосостоянии» // Труды Второго Съезда русских врачей в Москве. М., 1887. Т. 1. С. 8-9. [Jeberman A.L. O znaharjah (bezdiplomnyh vrachah) i predlozhenie obrazovat' "obshhestvo zashhity prav vrachebnogo soslovija i ropечhenija o ego blagosostojanii"// Trudy Vtorogo S'ezda russkikh vrachej v Moskve. M., 1887. T. 1. S. 8-9].
- Напье А.Д., Анкарно С., Батлер Б., Калабрезе Дж., Чатер А. Чаттерджи Х. и др. Культура имеет значение: учет культурных контекстов здоровья при выработке политики. Копенгаген: Всемирная организация здравоохранения. 2017. 45 с. [Napier, A. D., Depledge, M., Knipper, M., Lovell, R., Ponarin, E., Sanabria, E., & Thomas, F. Kul'tura imeet značenie: učet kul'turnyh kontekstov zdorov'ja pri vyrabotke politiki. Kopenhagen: Vsemirnaja organizacija zdravoohranenija. 2017. 45 s.].
- Nutton, V. Renaissance Medicine. A Short History of European Medicine in the Sixteenth Century. London and New York Routledge. 2022. 418 s.

Елена Евгеньевна Бергер, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; старший научный сотрудник, Российский музей медицины, Национальный НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко; Центр развития историко-медицинских музеев России – Специалист по учебно-методической работе, tutorskaya@mma.ru

Туторская Мария Сергеевна, старший научный сотрудник, Российский музей медицины, Национальный НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко.

Compliance in The Russian Village.

Biopolitics or Dissemination of Hygiene Messages?

The article deals with the "medical" materials collected during the work of the "Ethnographic Bureau of Prince V.N. Tenishev", systematized by G.I. Popov - one of the twelve full-time employees of the bureau - and the draft program on medical ethnography, compiled by G.I. Popov. Gavriil Popov wrote a serious research work that raised important questions not only about the fundamental differences between folk healing and scientific medicine, but also about the picture of the world of the Russian peasantry. The study had enormous practical significance. Ethnography, understood in this way, had the potential to transform itself from a descriptive discipline studying local folklore into an effective instrument of medical practice, and therefore empire management.

Key words: *Tenishev, Gavriil Popov, health education, medical ethnography, zemstvo medicine, compliance.*

Elena Berger, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences – Senior Researcher; FSSBI «N.A. Semashko National Research Institute of Public Health» – Senior Researcher, tutorskaya@mma.ru

Tutorskaya Maria, Senior Researcher of the Russian Medical Museum, FSSBI «N.A. Semashko National Research Institute of Public Health», E-mail: gratcheva@gmail.com

Д.С. ПАРФИРЬЕВ

ВАСИЛИЙ ДРАГОМИРЕЦКИЙ: ИЗ РУССКИХ В УКРАИНЦЫ И ОБРАТНО

Статья посвящена биографии Василия Драгомирецкого, уроженца Галиции, который был русским чиновником, затем украинским дипломатом, а затем, в эмиграции, снова «русифицировался». Случай Драгомирецкого иллюстрирует две тенденции, связанные с попытками создать украинскую государственность в начале XX столетия. Во-первых, украинскую идентификацию охотно использовали те, кто ранее скрывал и отрицал свои проукраинские симпатии. Во-вторых, нехватка национально сознательных кадров вынуждала украинские власти привлекать на службу «антиукраинский» элемент. Практика, часто позиционируемая как отличительная черта режима гетмана Скоропадского, сохранялась и после его свержения.

Ключевые слова: Галиция, галицийские русофилы, национальная идентификация, Первая мировая война, Украинская держава, украинская эмиграция, русская эмиграция

Колебания русинской интеллигенции Галиции в вопросах самоидентификации в начале XX века – давно разрабатываемый исследователями сюжет, в том числе и на примере отдельных биографий¹. Фигура галичанина Василия Драгомирецкого на фоне соплеменников стоит особняком: первую четверть XX века он встретил и «покинул» малоизвестным публицистом-панславистом, пройдя через горнила интриг времён «министерской чехарды» и перипетии новоиспечённой украинской дипломатии. Ни один уроженец Галиции не достигал сопоставимых высот в бюрократической иерархии Российской империи, и лишь единицы – в украинских государственных образованиях (если не считать западноукраинских земель). Задачи настоящей публикации – наметить контуры биографии Драгомирецкого и проследить эволюцию его взглядов на протяжении извилистой карьеры.

Василий Степанович Драгомирецкий родился в 1865 г. в австрийской Галиции в семье греко-католического священника, но по стопам отца, как и большинство его сверстников из этой среды², не пошёл. В юности он уехал в Россию, принял русское подданство, окончил Лазаревский институт восточных языков и в 1890 г. поступил на службу в МВД, в департамент духовных дел иностранных исповеданий³. Одной чиновничьей карьеры ему было мало: в последнем десятилетии уходящего века галичанин несколько раз пытался учредить панславистский журнал. В феврале 1894 года руководство МВД позволило ему издавать в Санкт-Петербурге «Галицко-русский вестник»⁴. В конце того же года

¹ Баринов 2016.

² Вендланд 2015: 387 – 388.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 12. Д. 311. Л. 2 – 2об.

⁴ Там же. Л. 8.

журнал был переименован в «Русскую беседу», а Драгомирецкий остался только его редактором, не издателем⁵. Видимо, сказались финансовые проблемы, потому что в ноябре 1895 года, когда выходец из Галиции пытался учредить новое издание, «Славянский вестник», Главное управление по делам печати отказало ему как «не имеющему денежных средств издавать какой-либо журнал»⁶. В 1897 г. Драгомирецкий стал ответственным редактором новой газеты «Русь» (её издателем был уже другой человек). Тогда же он стал совмещать службу в МВД с работой цензора. Драгомирецкий просматривал издания на армянском, турецком, татарском и грузинском языках⁷. Цензором был и его старший брат Владимир, также перешедший в русское подданство⁸.

В отношении украинского движения, которое набирало силу и на его малой родине, и в Российской империи, Драгомирецкий занимал выжидательную позицию. В публичной риторике он явно избегал прямой критики украинства. В редакционных статьях его журналов, которые он писал сам, слова с корнем «-украин-» вообще не употреблялись, например: «Крестьянин Волынской или Подольской губерний считает крестьянина Галиции таким же русским как и себя и никогда не назовет его «руссином» или *каким-либо другим эпитетом*» (курсив мой – Д.П.)⁹. К материалам других авторов это не относилось¹⁰. В публичных выступлениях Драгомирецкий тоже уклонялся от украинской темы, ограничиваясь сетованиями на «политическое растление... русской интеллигенции» в Галиции¹¹. Украинский деятель Александр Лотоцкий, знавший Драгомирецкого ещё в бытность чиновником, в своих мемуарах даже приписывал тому «некоторые украинские симпатии»¹².

15 декабря 1902 г. на учредительном собрании Галицко-русского общества¹³ Драгомирецкий был избран его секретарём¹⁴. В 1909 г. в лагере галицийских русофилов оформился давно назревавший раскол. «Старокурсники», умеренные представители старшего поколения, считавшие галицийских русинов самобытным восточнославянским народом, разошлись с «новокурсниками» – молодыми радикалами, которые считали своих соплеменников частью единого русского народа¹⁵. Как

⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 951. Л. 1 – 1об.

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 12. Д. 311. Л. 12 – 16; Пагрушева 2014: 41.

⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 1196. Л. 3 – 4.

⁹ Галицко-русский вестник. 1894. № 1; Русская беседа. Январь 1895.

¹⁰ См., напр.: Во.–во. Политическое обозрение // Галицко-русский вестник. 1894. № 1. С. 99 – 104;

¹¹ Русская беседа. 1896. № 12. В публичном выступлении, свидетелем которого был Дмитрий Дорошенко, Драгомирецкий тоже избегал критики украинства (Дорошенко 1939: 103).

¹² Лотоцкий 1966: 120.

¹³ ГРО – крупнейшая в России организация, поддерживавшая связь с галичанами в стране и за рубежом.

¹⁴ Червоная Русь. 1914. № 2.

¹⁵ Подробнее см.: Лехнюк 2019: 69 – 97.

следствие, «старокурсники» были более лояльны к украинству. Раскол в самой Галиции спроецировался и на петербургское ГРО. Драгомирецкий не симпатизировал «новокурсникам» и не нашёл общего языка с главным выразителем этой тенденции в России – Дмитрием Вергуном, жившим с 1907 г. в Петербурге. В письмах видному «старокурснику» Осипу Маркову, редактору львовской газеты «Галичанин», он сетовал, что на лидера ГРО графа Бобринского пагубно влияют «некоторые самоуверенные и ещё незрелые люди»¹⁶, имея в виду Вергуна. «Последнее время у нас, в Галицком Обществе, происходили большие смуты, – писал он Маркову в январе 1910 г., – Д.Н. Вергун захотел всеми нами командовать да навязывать свои сомнительные воззрения, которые находятся в трогательном единении с возникшим у вас, в Галичине, молодым движением»¹⁷. Напряжение между двумя деятелями было очевидным: Вергун даже подозревал, что анонимная критика его деятельности на страницах «Галичанина» принадлежит именно Драгомирецкому. Последний категорически отрицал это¹⁸. В письме в редакцию петербургской газеты «Свет» он уточнял, что всегда был против вмешательства во «внутренние дела русских галичан» и считал, что к вопросу единства с русским народом следует подходить осторожно, поскольку у самих галичан на этот счёт есть разные мнения¹⁹. Близость к «старокурсникам» Драгомирецкий сохранял до самой Первой мировой войны – в 1913 г. он посещал Государственную думу как корреспондент «Галичанина»²⁰.

С началом Первой мировой войны перед Драгомирецким открылось широкое пространство для публицистической и даже политической активности. Русские войска оккупировали восточную часть Галиции, и многие выходцы оттуда, включая того же Вергуна, стремились – хотя бы на расстоянии – включиться в работу по переустройству региона. Драгомирецкий предпочёл оставаться в тени. В годы войны он не печатался на страницах русофильских газет и не делал публичных политических заявлений. При этом руководство МВД ценило Драгомирецкого как эксперта и не раз привлекало к решению задач, связанных с его малой родиной. В конце 1914 года он ездил в Галицию в командировку в составе специальной комиссии по изучению быта местного населения и административного устройства. Среди вопросов, которым комиссия уделяла особое внимание, были и «вероисповедные особенности отдельных национальностей»²¹. Командировка, продолжавшаяся с 28 декабря 1914 года по 14 марта 1915 года, далась Драгомирецкому тяжело – в письме приятелю он сетовал на «невозможные условия» работы и жалел местных «русских горцев», но никакой но-

¹⁶ ВР ЛННБУ. Ф. 168. Марк. 307, п. 12. Арк. 83в.

¹⁷ Там же. Арк. 14.

¹⁸ РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 194. Л. 2 – 3об.

¹⁹ Свет. 1911. № 179. С. 2.

²⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 323. Л. 17об.

²¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 12. Д. 311. Л. 37 – 37об.

стальгии не выражал²². Весной 1916 года Драгомирецкий участвовал в разборе архива греко-католического митрополита галицкого Андрея Шептицкого – после оккупации Львова в 1914 году самого иерарха и его многочисленные бумаги вывезли в Россию²³.

Осторожность Драгомирецкого была продиктована карьерными амбициями. Карьеризм уроженца Галиции ярко иллюстрируют его взаимоотношения с влиятельным сотрудником МВД князем Михаилом Андрониковым. С этим политическим авантюристом, близким к Григорию Распутину, Драгомирецкий сошёлся в начале 1910-х гг. По просьбе нового приятеля Андроников способствовал его продвижению по службе²⁴. 1 декабря 1913 г. Драгомирецкий стал секретарём при директоре департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, а в июне 1914 г. – внештатным чиновником особых поручений VI класса²⁵. Всю войну Драгомирецкий продолжал просить Андроникова способствовать его повышению, сетуя на материальную нужду и неприязнь коллег и начальства. К тому времени он с женой воспитывал троих сыновей – Константина (1896), Владимира (1898) и Алексея (1910)²⁶, и семья высокопоставленного сотрудника МВД действительно нуждалась. Даже в полицейском досье на Драгомирецкого констатировалось, что чиновник «живёт вообще небогато»²⁷. В одном из писем Андроникову он сокрушался: «Назначение состоялось, указ опубликован, но жалованья ни копейки. Отношение ко мне частью ироническое, частью прямо враждебное. Я терплю и отбиваюсь»²⁸. В кознях против себя он подозревал товарища министра внутренних дел Степана Белецкого²⁹. Сам Белецкий впоследствии характеризовал его как исполнительного и компетентного сотрудника, который держался на плаву при разных руководителях, но любовью коллег и подчинённых не пользовался³⁰.

В 1915 году Андроников настойчиво лоббировал кандидатуру Драгомирецкого на пост вице-директора департамента духовных дел иностранных исповеданий. С уходом в отставку очередного директора департамента тот должен был вступить во временное управление подразделением, то есть фактически возглавить его. Однако тогдашний министр внутренних дел Алексей Хвостов назначил директором свою креатуру, а Драгомирецкого предложил повысить в чине и обеспечить материально, но из департамента уволить. Угрозами пожаловаться Распутину и фрейлине Анне Вырубовой Андроников добился отмены ре-

²² РГИА. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 272. Л. 6.

²³ РГИА. Ф. 821. Оп. 12. Д. 311. Л. 52.

²⁴ РГИА. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 272. Л. 1 – 2.

²⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 12. Д. 311. Л. 28–30об, 33.

²⁶ Там же. Л. 64.

²⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 323. Л. 17об.

²⁸ РГИА. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 272. Л. 7.

²⁹ Там же. Л. 7об.

³⁰ Падение царского режима. Т. IV: 212.

шения Хвостова и назначения временным управляющим Драгомирецкого. Соответствующий приказ вышел 26 октября 1915 года³¹.

Ещё до того, как Драгомирецкий возглавил департамент, противники Андроникова пытались разыграть против его креатуры «украинскую карту»: в МВД стали поступать сведения, что Драгомирецкий и его жена – «мазепинцы» и «украинофилы». За чиновником установили наблюдение, но «неблагоприятных сведений» не выявили³². После назначения Драгомирецкого на долгожданный пост инсинуации на «украинской» почве снова дали о себе знать. В условиях войны обвинение в «мазепинстве», которое ассоциировалось с поддержкой враждебных Германии и Австро-Венгрии, могло дорого обойтись Драгомирецкому. Андроникову пришлось заступаться за приятеля на высшем уровне, перед новым главой МВД Александром Протопоповым. Не добившись аудиенции, князь написал министру несколько писем в защиту Драгомирецкого³³. В одном из них Андроников указывал, что знает этого человека более двадцати лет, что тот «первый стал знакомить русское общество с жизнью, бытом и историей Галицкой Руси, проповедуя во всех своих писаниях необходимость укрепления самых тесных духовных, национальных и политических связей Руси Подъяремной с Русью Державной»³⁴. Интриги истожили Драгомирецкого: 30 октября 1916 года он подал прошение об отставке, сославшись на «сильный нервный припадок, продолжавшийся несколько дней», и попросил, с учётом своего «тяжёлого положения», повышенной пенсии и внештатной должности члена Совета министра внутренних дел³⁵. Эта просьба была удовлетворена. Дружба Драгомирецкого и Андроникова после отставки первого не прервалась: в самом начале 1917 года, незадолго до революции, князь уполномочил приятеля представлять его интересы в судах и перед должностными лицами³⁶.

Следы Драгомирецкого после Февральской революции теряются. Членом совета министра внутренних дел он недолгое время числился и при Временном правительстве, до мая 1917 года³⁷. Пока нет понимания, когда и при каких обстоятельствах Драгомирецкий перебрался из Петрограда в Киев, но в июне 1918 года в группе сотрудников украинского посольства во главе с Александром Шульгиным он отправился в Софию³⁸. В это время в Киеве у власти находился гетман Павел Скоропадский, поддерживаемый Германией. Многие в городе знали Драго-

³¹ Падение царского режима. Т. IV: 212–215; РГИА. Ф. 821. Оп. 12. Д. 311. Л. 41, 44, 45.

³² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 323. Л. 17об.

³³ Падение царского режима... Т. I: 401 – 402.

³⁴ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 702. Л. 1об.

³⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 12. Д. 311. Л. 74 – 76.

³⁶ РГИА. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 768. Л. 3.

³⁷ Журнал заседания Временного правительства № 74. 10 мая 1917 года // Журналы заседаний... 2002: 59.

³⁸ Налисник 1963: 45.

мирецкого, тем более что в гетманском Киеве собралось немало петроградцев, бежавших от большевистского режима. Лично знал его и тогдашний глава украинского МИД Дмитрий Дорошенко. Они были знакомы ещё по Петербургу, когда Драгомирецкий председательствовал на собраниях ГРО, а будущий министр был активистом украинских студенческих организаций.

После падения власти гетмана в декабре 1918 года трое дипломатов, включая посла Шульгина, покинули украинскую миссию в Софии. Драгомирецкий остался, несмотря на негативную с точки зрения новых киевских властей репутацию царского чиновника. Несколько месяцев миссией руководил советник посольства Фёдор Шульга. Уже после отъезда из Софии он жаловался на Драгомирецкого разным людям, обвиняя его в неоказании помощи беженцам и называя «спекулянтом» и «паскудой»³⁹. «Встречал я на своём веку немало негодяев, но такого негодяя как Драгомирецкий – впервые только здесь, – возмущался Шульга в частном письме. – Чиновник МВД времён Плева, потом и при Штюрмере; активный член русско-галицкого братства и его секретарь. Правая рука гр. Бобринского по уничтожению всего национального в Галиции во времена оккупации и ген.-губ. Бобринского, на удивление аморальная персона, и такой вот человек – старший секретарь Украинского посольства в Софии»⁴⁰. Хотя Шульга и преувеличивал значение Драгомирецкого в былые годы, в целом прошлое последнего не могло не отталкивать его коллег по дипмиссии. По словам другого бывшего сотрудника посольства, галичанина Юлиана Налисника, его коллега часто общался с «черносотенными беглецами» из России и, хотя ничего противоречащего своим должностным обязанностям он не делал, молодые сотрудники посольства не желали работать под его началом⁴¹. Однако «хитрый и дельный» Драгомирецкий – так его ёмко охарактеризовали в миссии Российского общества Красного Креста в Болгарии⁴², – сумел не только остаться на плаву, но и «пересидеть» всех, кто работал с ним в посольстве.

Работоспособность Драгомирецкого и его полная лояльность новым украинским властям сыграли решающую роль. 8 сентября 1919 года Драгомирецкий возглавил посольство как поверенный в делах. Это было сложное время для дипмиссии: враждебность болгарской общественности к украинцам, нараставшая после поражения Центральных держав, обострилась на фоне успехов войск Деникина против больше-

³⁹ Письмо главы Директории УНР министру иностранных дел. Июль 1921 г. Опул.: Симон Петлюра... 1996: 55.

⁴⁰ Письмо Ф. Шульги Е. Чикаленко. 2 апреля 1921 г., София. Опул.: Старовойтенко: 2012: 150.

⁴¹ Налисник 1963: 47 – 48.

⁴² Из сводки контрольной комиссии при миссии РОКК в Болгарии о положении и политических настроениях русской эмиграции. К 1-му августа 1923 г. // Русская военная эмиграция... 2002: 398.

виков⁴³. В конце того же года штат посольства УНР в Софии был сокращён до трёх сотрудников, с 1920 года там оставались Н. Лаврик, Ю. Налисник и Драгомирецкий в качестве руководителя миссии. Дипломатам урезали жалование и отказали в средствах на содержание посольства – пришлось занимать деньги и даже продавать мебель⁴⁴.

В 1920 г. критика в адрес Драгомирецкого вышла за пределы украинского внешнеполитического ведомства. В апреле эмигрантский журнал «Воля», выходящий в Вене, опубликовал заметку с упоминанием, что посольство в Болгарии после отъезда Шульгина «переживает чрезвычайно критический момент», а его руководитель «ведёт русофильскую политику»⁴⁵. Спустя две недели после выхода номера Драгомирецкий направил в редакцию опровержение: «Я не отрицаю, что за всё время очень тяжёлого положения здесь я, возможно, где-то в чём-то ошибался, но я никогда не позволил бы себе опуститься до жалкой роли предателя того дела, которому свято взялся служить. В служебных делах, а особенно дипломатических, я руководствуюсь исключительно только указаниями моего Правительства, законным представителем которого считаю Директорию и её главу атамана Петлюру. Принятие другой ориентации, а особенно враждебной делу независимости Украины, я считаю для себя, человека, стоящего уже над могилой, недопустимым и не соответствующим ни моей глубоко прочувствованной сознательности, ни моему пониманию честного служения тому делу, за которое я взялся и которое мне дорого»⁴⁶. Ответ Драгомирецкого напечатали лишь в июне. До этого «Воля» опубликовала в двух номерах ещё один неудобный для него материал – статью бывшего сотрудника посольства в Софии Дмитрия Шелудько под названием «Украинский вопрос в Болгарии», где отмечалось, что с отъездом Шульгина посольство в Софии «осталось без руководителя, хуже того – с руководителем, выражавшим большой минус», и «мольбы членов посольства о присылке в Софию нового шефа 11 месяцев оставались неслышанными»⁴⁷. Автор высказывал пожелание, чтобы правительство направило в Софию «опытного, энергичного и, главное, надёжного представителя»⁴⁸.

В конце ноября 1920 года сотрудникам посольства УНР в Болгарии сообщили, что миссия приостанавливает работу. В январе посольство было ликвидировано. Лаврик и Налисник покинули Софию, а Драгомирецкий на какое-то время остался там один в качестве дипломатического агента УНР⁴⁹. Решающую роль, по-видимому, сыграло то, что в столице Болгарии в то время учился его сын Константин, студент фи-

⁴³ Воля. 1920. Т. 2. Ч. 3. С. 129 – 130.

⁴⁴ Папакін 2015: 37.

⁴⁵ Воля. 1920. Т. 2. Ч. 1. С. 34.

⁴⁶ Воля. 1920. Т. 2. Ч. 9. С. 392.

⁴⁷ Воля. 1920. Т. 2. Ч. 5. С. 213 – 214.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Папакін 2015: 38; Налисник 1938: 168.

зико-математического факультета Софийского университета⁵⁰. Тон донесений Драгомирецкого властям УНР не свидетельствует о его прохладном отношении к украинской идее. В одной из депеш бывший царский чиновник разоблачал «украинцев по названию», которые «служат Врангелю, может, ещё вернее, чем великороссы»: «Иногда и они сознаются перед нами в своём приятном отношении, но всё это постоянно делается при известных условиях: «без Петлюры», «без самостийности», при признании «общерусского языка», «единой общей родины» и т.д.»⁵¹. В конце 1921 г. Драгомирецкий сетовал, что верхушка донского казачества называет украинских беженцев «мазепинцами»⁵². В Болгарии Драгомирецкий находился до 1924 года, в последнее время он руководил Комитетом помощи украинским беженцам⁵³.

В 1924 г. Драгомирецкий перебрался в Прагу. Там, по выражению Дмитрия Дорошенко, он «вернулся к своему первоначальному состоянию и снова сделался «русским человеком»⁵⁴. «Добросовестный чиновник, при твёрдой власти он был бы очень ценным работником в государственной машине. Когда же так резко понизились украинские фонды на международно-политической бирже, он не мог не почувствовать определённого опасения за свою дальнейшую судьбу и поэтому, разумеется, не мог быть искренним лидером украинской акции в этих затруднительных обстоятельствах» – комментировал обратное «переворачивание» Драгомирецкого Александр Лотоцкий⁵⁵. В 1928 г. Драгомирецкий издал в Праге работу «Чехословаки в России, 1914–1920», в предисловии к ней он вспоминал о знакомстве с Иваном Аксаковым и писал, что «всю жизнь прожил в тесном кругу славянофилов»⁵⁶. В Праге обосновалась и семья Драгомирецкого. Интересно, что его старшие сыновья, заполняя одинаковые анкеты на поступление в Русское высшее училище техников путей сообщения в Праге, определили себя по-разному: Константин в графе «подданство» указал «украинский эмигрант», а графу «народность» оставил пустой; Владимир же в обоих случаях назвался просто русским⁵⁷.

Драгомирецкий умер в оккупированной гитлеровцами Праге в 1943 г. и был похоронен на православном участке Ольшанского кладбища. Его старший сын Константин в 1945 г. был арестован советскими спецслужбами и приговорён к 10 годам лагерей, в Чехословакию он вернулся лишь в 1958 г. и умер там же двадцать лет спустя⁵⁸.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-5886. Оп. 3. Д. 106. Л. 1.

⁵¹ Цит. по: Власенко 2015: 188.

⁵² Власенко 2015: 190.

⁵³ Власенко 2015: 192.

⁵⁴ Дорошенко 1939: 103.

⁵⁵ Лотоцкий 1966: 120.

⁵⁶ Драгомирецкий 1928: I.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р-5886. Оп. 3. Д. 105. Л. 2; Там же. Д. 106. Л. 1.

⁵⁸ Vystrov 1999: 129.

Жизненный путь Василия Драгомирецкого иллюстрирует две тенденции, связанные с украинским движением и попытками создать украинскую государственность в начале XX столетия. С одной стороны, украинскую идентификацию стали охотно использовать в карьерных целях те, кто до этого не причислял себя к украинцам и не афишировал симпатию к украинскому движению. С другой стороны, кадровый «голод» украинского государства и одновременно наплыв профессионалов-неукраинцев вынуждал сами власти прибегать к услугам внешне нелояльных элементов, в т.ч. бывших царских чиновников, а Драгомирецкий относился именно к этой категории. Практика привлечения на государственную службу «антиукраинского» элемента – то, что принято считать чертой режима Скоропадского и за что гетмана критиковали его противники, – не исчезла с приходом нового правительства. История Драгомирецкого служит наглядным тому примером.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- 10-летие Галицко-русского Общества // Червоная Русь. 1914. № 2. С. 15. [10-letie Galitsko-russkogo Obshchestva // Chervonnaya Rus'. 1914. № 2. S. 15].
- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 316. Д. 323; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 702; Ф. Р-5886. Оп. 3. Д. 105; Ф. Р-5886. Оп. 3. Д. 106. [Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF). F. 102. Op. 316. D. 323; F. 1467. Op. 1. D. 702; F. R-5886. Op. 3. D. 105; F. R-5886. Op. 3. D. 106].
- Дорошенко Д. Из моїх споминів про українську студентську громаду в Петербурзі в 1902–1905 роках // З минулого. Збірник. Том II. Варшава: З друкарні Наукового Т-ва ім. Шевченка у Львові, 1939. С. 89–109. [Doroshenko D. Iz moyikh spomyniv pro ukrains'ku students'ku hromadu v Peterburzi v 1902–1905 rokakh // Z mynuloho. Zbirnyk. Tom II. Varshava: Z drukarni Naukovoho T-va im. Shevchenka u L'vovi, 1939. S. 89–109].
- Драгомирецкий В. С. Галицкая Русь и русско-польские отношения // Русская беседа. 1896. № 12. С. 65–75. [Dragomiretsky V. S. Galitskaya Rus' i russko-pol'skie otnosheniya // Russkaya beseda. 1896. № 12. S. 65–75].
- Драгомирецкий В. С. Чехословаки в России. 1914–1920. Париж – Прага: б. м. и., 1928. 219 с. [Dragomiretsky V. S. Chekhoslovaki v Rossii. 1914–1920. Parizh – Praga: b. m. i., 1928. 219 s.].
- Журналы заседаний временного правительства, март-октябрь 1917 года. Т. 2. Май-июнь 1917 года. М.: РОССПЭН, 2002. 512 с. [Zhurnaly zasedaniy vremennogo pravitel'stva, mart-oktyabr' 1917 goda. T. 2. May-iyun' 1917 goda. M.: ROSSPEN, 2002. 512 s.].
- З українського життя на чужині // Воля. 1920. Т. 2. Ч. 1. С. 34. [Z ukrains'koho zhyttya na chuzhyni // Volya. 1920. T. 2. Ch. 1. S. 34].
- Лісти до Редакції // Воля. 1920. Т. 2. Ч. 9. С. 391–392. [Listy do Redaktsii // Volya. 1920. T. 2. Ch. 9. S. 391–392].
- Лотоцький О. Сторінки минулого. Ч. IV. В Царгороді. Б. м.: Видання Української православної церкви в США, 1966. 175 с. [Lotots'kyj O. Storinky mynuloho. Ch. IV. V Tsarhorodi. B. m.: Vydannya Ukrain's'koi pravoslavnoi tserkvy v SSHA, 1966. 175 s.].
- Львівська національна наукова бібліотека імені Василя Стефаника НАН України, відділ рукописів (ВР ЛННБУ). Ф. 168. Марк. 307, п. 12. [Lviv's'ka natsional'na naukova biblioteka imeni Vasylyya Stefanyka NAN Ukrainy, viddil rukopysiv (VR LNNBU). F. 168. Mark. 307, p. 12].
- Налисник Ю. Перше міністерство закордонних справ України та перше посольство України в Болгарії // Правничий вісник. 1962. Нью-Йорк, 1963. С. 43–54. [Nalisnyk Yu. Pershe ministerstvo zakordonnykh sprav Ukrainy ta pershe posol'stvo Ukrainy v Bolhariyi // Pravnichiy visnyk. 1962. Nyu-York, 1963. S. 43–54].
- Налисник Ю. Перше посольство української держави в Болгарії (Спогад зперед 20-ти років) // Україна на дипломатичному фронті. Альманах «Червоної калини» на 1939 рік. Річник XVIII. Львів, 1938. С. 164–168. [Nalisnyk Yu. Pershe posol'stvo ukraiyins'koyi

- derzhavy v Bolhariyi (Sporad zpered 20-ty rokov) // Ukraina na dyplomatychnomu fronti. Al'manakh «Chervonoj kalyny» na 1939 rik. Richnyk XVIII. L'viv, 1938. S. 164–168].
- Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. I. Л.: Государственное изд-во, 1924. 433 с.; Т. IV. Л.: Государственное изд-во, 1925. 535 с. [Padenie tsarskogo rezhima. Stenograficheskie otchyoty doprosov i pokazaniy, dannykh v 1917 g. v Chrezvychaynoy Sledstvennoy Komissii Vremennogo Pravitel'stva. T. I. L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1924. 433 s.; T. IV. L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925. 535 s.].
- Письмо в редакцию // Свет. 10 июля 1911. № 179. С. 2. [Pis'mo v redaktsiyu // Svet. 10 iyulya 1911. № 179. S. 2].
- Прикарпатская Русь в политико-национальном отношении // Русская беседа. Январь 1895. С. 54–63. [Prikarpat'skaya Rus' v politiko-natsional'nom otnoshenii // Russkaya beseda. Yanvar' 1895. S. 54–63].
- Редакция. Обращение к читателям // Галицко-русский вестник. 1894. № 1. С. 6. [Redaktsiya. Obrashchenie k chitatel'nyam // Galitsko-russky vestnik. 1894. № 1. S. 6].
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 8. Д. 951; Ф. 776. Оп. 20. Д. 1196; Ф. 821. Оп. 12. Д. 311; Ф. 909. Оп. 1. Д. 194; Ф. 1617. Оп. 1. Д. 272; Ф. 1617. Оп. 1. Д. 768. [Rossiyskiy gosudarstvenny istoricheskiy arkhiv (RGIA). F. 776. Op. 8. D. 951; F. 776. Op. 20. D. 1196; F. 821. Op. 12. D. 311; F. 909. Op. 1. D. 194; F. 1617. Op. 1. D. 272; F. 1617. Op. 1. D. 768].
- Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 3. Возвращение... 1921–1924 гг. М.: Гeya, 2002. 555 с. [Russkaya voennaya emigratsiya 20–30-ch godov. Dokumenty i materialy. T. 3. Vozvrashcheniye... 1921–1924 gg. M.: Geya, 2002. 555 s.].
- Симон Петлюра та його родина. К.: Рада, 1996. 316 с. [Symon Petlyura ta yoho rodyna. K.: Rada, 1996. 316 s.].
- Шелудько Д. Українська справа в Болгарії // Воля. 1920. Т. 2. Ч. 3. С. 128 – 130; Ч. 5. С. 213 – 214. [Shelud'ko D. Ukrains'ka sprava v Bolharii // Volya. 1920. T. 2. Ch. 3. S. 128 – 130; Ch. 5. S. 213 – 214].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Барінов І.І. Три життя доктора Ваврика: к історії одного міфа із прошого Галиції, 1914–1956 гг. // Форум новітньої східноєвропейської історії та культури. 2016. № 1. С. 239–273. [Barinov I.I. Tri zhizni doktora Vavrika: k istorii odnogo mifa iz proshlogo Galitsii, 1914–1956 gg. // Forum noveyshey vostochnoevropeskiy istorii i kultury. 2016. № 1. S. 239–273].
- Вендланд А.В. Русофілі Галичини. Українські консерватори між Австрією та Росією, 1848–1915. Львів: Літопис, 2015. 688 с. [Vendland A.V. Rusofily Halychyny. Ukrains'ki konservatory mizh Avstriyeyu ta Rosiyeyu, 1848–1915. L'viv: Litopys, 2015. 688 s.].
- Власенко В.М. Третя хвиля міжвоєнної української еміграції до Болгарії // Дриновський збірник. Том VIII. Харків–Софія: Видавництво Болгарської академії наук імені проф. Марини Дринова, 2015. С. 184–195. [Vlasenko V.M. Tretya chylyya mizhvoennoyi ukrains'koi emihratsiyi do Bolhariyi // Drynovs'kyi zbirnyk. Tom VIII. Kharkiv–Sofiya: Vydavnytstvo Bolhars'koi akademii nauk imeni prof. Maryna Drynova, 2015. S. 184–195].
- Лехнок Р. На порозі модерного світу: українські консервативні середовища в Галичині в першій чверті XX століття. Львів: Літопис, 2019. 392 с. [Lekhnyuk R. Na porozhi modernoho svitu: ukrains'ki konservatyvni seredovishcha v Halychyni v pershyy chverti XX stolittya. L'viv: Litopys, 2019. 392 s.].
- Папакін А. Українські архівні документи з історії українсько-болгарських дипломатичних стосунків 1918–1920 рр. // Славистична збірка. Вип. 1. К.: б. в., 2015. С. 31–38. [Papakin A. Ukrains'ki arkhivni dokumenty z istoriyi ukrains'ko-bolhars'kykh dyplomatychnykh stosunkiv 1918–1920 rr. // Slavistychna zbirka. Vyp. 1. K.: b. v., 2015. S. 31–38].
- Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. Дисс.... д.и.н. СПб., 2014. Т. 2. [Patrusheva N.G. Tsenzurnoye vedomstvo v gosudarstvennoy sisteme Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka. Diss.... d. i. n. SPb., 2014. T. 2].

Старовойтенко І. Листи Федора Шульги до Євгена Чикаленка // Пам'ятки. 2012. Т. 13. С. 139–166 [Starovoytenko I. Lysty Fedora Shul'hy do Yevghena Chykalenka // Pamyatki. 2012. T. 13. S. 139–166].

Bystrov V. Z Prahy do Gulagu aneb překáželi. Praha: Bystrov, 1999. 335 s.

Дмитрий Станиславович Парфирьев, Кандидат исторических наук, Институт славяноведения РАН, научный сотрудник, parfiryeff@yandex.ru

Vasily Dragomiretsky: from Russians to Ukrainians and Back Again

The article reveals the biography of Vasily Dragomiretsky, the native of Galicia, who was Russian official, then became Ukrainian diplomat, and, finally, ‘russified’ himself again in exile. Dragomiretsky’s case illustrates two tendencies linked to attempts of Ukrainian state-building in the beginning of the XXth century. The first one was that Ukrainian identification was willingly used by those who previously concealed and denied their pro-Ukrainian sympathies. The second one was that a lack of nationally conscious cadres forced Ukrainian authorities to recruit ‘anti-Ukrainian’ elements. The practice that has often been characterized as distinctive feature of hetman Skoropadky’s regime, persisted even after his overthrow.

Keywords: *Galicia, Galician Russophiles, national identification, World War I, Ukrainian state, Ukrainian émigré, Russian émigré.*

Dmĭtry S. Parfirĭyev, PhD in History, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, research associate, parfiryeff@yandex.ru

«КАЗАНСКИЙ» ПЕРИОД В ЖИЗНИ И СУДЬБЕ ИСТОРИКА ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ОГОРОДНИКОВА (1886–1938)

В статье на основе новых документов, отложившихся в фондах Государственного архива Республики Татарстан, осуществлена реконструкция одного из переломных и во многом определяющих периодов в биографии известного историка-сибироведа Владимира Ивановича Огородникова (1886–1938). Этот период, начавшись в 1906 г. с поступления В.И. Огородникова на историко-филологический факультет Казанского университета, продолжился во время его обучения в магистратуре, а затем и преподавания на кафедре русской истории Казанского университета и завершился в сентябре 1918 г. поспешным оставлением Казани накануне взятия города частями Красной армии. Обращение к новым документам позволило не только восполнить некоторые пробелы и внести ряд уточнений в биографию этого человека, но и проследить особенности становления его как ученого и как личности, выявить истоки его будущих научных пристрастий, профессиональных и общественных интересов, объяснить выстраиваемую им впоследствии модель поведения в условиях нового советского бытия.

Ключевые слова: В.И. Огородников (1886–1938), персоналии, «новая биографическая история», советская историческая наука, Казанский университет.

Начало сентября 1918 года выдалось для Казани беспокойным и тревожным. Город вновь оказался в эпицентре военных действий, причем ход их все яснее свидетельствовал о том, что советская власть в Казани вот-вот будет восстановлена. Часть жителей города оказалась в растерянности: надежды на окончательное избавление от власти большевиков, которые принесли с собой войска Народной армии Комуча, занявшие Казань 7 августа 1918 г., быстро развеивались. Вопрос о том, покинуть город вместе с комучевцами или остаться, встал тогда перед многими представителями казанской интеллигенции, как «запятнавшими» себя откровенными выступлениями в поддержку новой армии, так и просто не желавшими оставаться «под большевиками» по разным причинам, начиная от опасения прямых репрессий до свертывания тех «демократических» свобод, которые эти люди исповедовали в силу своих взглядов и убеждений.

Среди «бежавших» из Казани был и приват-доцент Казанского университета Владимир Иванович Огородников с семьей. Он числился, среди прочих, в «Сведениях о лицах, выбывших из Казанского университета в 1918 г.», которые ректор университета Е.А. Болотов представил в Секретный отдел Казанской губернской чрезвычайной комиссии 3 декабря 1919 г.¹ Это событие завершило 12-летний «казанский» период в жизни В.И. Огородникова, начавшийся еще в 1906 г., когда он стал студентом историко-филологического факультета Казанского университета. В Казань Огородников, в отличие от многих других казанских

¹ ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 26. Л. 14 об.

университариив, уже никогда более не вернулся: вся его дальнейшая жизнь была связана с Сибирью и Дальним Востоком. С изучением истории этого региона было связано и его дальнейшее научное творчество, и в историографию он вошел, в первую очередь, как историк–«сибиревед»². Однако «казанский» период представляет, по нашему мнению, особую значимость для понимания особенностей становления этого человека как ученого и как личности.

Имя В.И. Огородникова появилось на страницах отечественных исследований в основном на рубеже 1990-х и 2000-х гг., и это были, прежде всего, работы, созданные учеными Сибири и Дальнего Востока. Вплоть до недавнего времени в ряде публикаций Огородников лишь упоминался, в других содержалась его краткая биография, третьи же были посвящены отдельным сюжетам, так или иначе связанным с Огородниковым. В частности, прослеживался вклад В.И. Огородникова в становление и развитие государственной архивной службы в Западной Сибири³, его административно-организаторская и преподавательская деятельность в вузах и научно-исследовательских институтах Иркутска (1918–1920), Читы (1921–1922) и Владивостока (1923–1930)⁴. Краткие или более пространственные биографические справки об Огородникове были размещены на некоторых энциклопедических, мемориальных и краеведческих сайтах (<http://irkipedia.ru> – Иркипедия RU: энциклопедия и новости Приангарья; <http://encycl.chita.ru> – Энциклопедия Забайкалья; руни.рф – Энциклопедия Рунимверсалис; sudba.ucoz.net – Уржумская земля: прошлое и настоящее: краеведческий сайт и др.), в библиографических словарях и справочных изданиях⁵. Однако в целом все эти публикации носили довольно разрозненный характер. Первым исследованием, в котором была предпринята попытка по возможности целостно и полно реконструировать историю жизни и творческую биографию В.И. Огородникова, стала статья Л.С. Малявиной, опубликованная в 2021 г.⁶ Автор статьи, среди прочих, освещает и «казанский» период в жизни Огородникова. При этом имеются сноски на архивные документы сложно верифицируемы, поскольку даны без указаний номеров дел и листов. Кроме того, в статье встречаются неточности, а по ряду моментов с автором можно поспорить.

На сегодняшний день трудно утверждать о том, что история жизни В.И. Огородникова реконструирована полностью. Мы до сих пор недостаточно хорошо представляем себе мотивы многих его поступков, аргументы в пользу того или иного выбора, особенности его взаимоотношений с теми людьми, которые его окружали – с теми, кого он в эту жизнь впускал, и с теми, кого он из этой жизни вычеркивал. Иначе гово-

² См., например: Петрушин 2008.

³ См. Бедулина 2007; Бедулина, Моисеев 2011.

⁴ См.: Петрушин 2008; Посадсков 2015; Шпикельман 2019 и др.

⁵ См.: История и историки 2008; Иркутский государственный университет, 1998 и др.

⁶ См.: Малявина 2021.

ря, проблема заключается в построении биографии не столько событийной и творческой, сколько историко-психологической и историко-социальной. Причины отсутствия такой биографии заключаются, прежде всего, в недостатке источников личного происхождения, и, в первую очередь, его-документов, принадлежащих самому В.И. Огородникову. Л.С. Малявина обращается к его автобиографии 1925 г., написанной им при поступлении на службу в Государственный дальневосточный университет⁷. Но ведь это личный документ официального происхождения, что предполагает применения к нему соответствующих методов и приемов оценки его релевантности и достоверности. Множество вопросов возникает и к освещению исследователями последнего, самого трагического периода в жизни Огородникова, подвергнутого репрессиям по делу о так называемой «Автономной Камчатке», осужденного 29 апреля 1934 г. по ст. 58–6–7–11 УК РСФСР тройкой ПП ОГПУ ДВК сроком на десять лет, заключенного в «Дальлаг», затем в «Севжелдорлаг» НКВД и скончавшегося 22 сентября 1938 г. Информация об этом периоде жизни ученого не только очень лаконична, но подчас и неверна. Так, в отдельных публикациях ошибочно утверждается, что Огородников был репрессирован по делу об «Автономной Чукотке»⁸. Эта ошибка попала впоследствии на ряд мемориальных сайтов. Не вполне корректным подчас является и использование архивных документов карательных органов. Например, упоминая показания Огородникова о его «вербовке» в 1927 г. научным сотрудником Дальгеолтреста, известным путешественником М.Н. Арсеньевым, которому в будущем якобы предназначался пост военного министра в правительстве «Камчатской автономии», – показания, данные Огородниковым через год после ареста в ходе следствия по делу о «шпионско-повстанческой и вредительской организации во главе с В.К. Арсеньевым», А.А. Хисамутдинов ссылается лишь единожды на дело № 1692-34 в 15 томах, начатое в 1933 г. и отложившееся в фонде экономического отдела НКВД по Дальневосточному краю Государственного архива Хабаровского края⁹. И эта ссылка практически не верифицируема: не даны номера описи, фонда, листов, ссылки на отдельные тома дела, что никак не способствует подтверждению степени достоверности изложенного.

Что касается казанских исследователей, то одними из первых самого В.И. Огородникова и работы его «казанского» периода кратко упомянули авторы коллективной монографии «Изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университете» в 2003 г.¹⁰ Статья об Огородникове была включена в библиографический словарь «Казанский университет: 1804–2004» и в «Татарскую энциклопедию»¹¹. Чуть

⁷ Там же: 1794–1797.

⁸ Огородников В.И.: энциклопедическая справка; Петрушин 2008: 108.

⁹ Хисамутдинов 2001.

¹⁰ Астафьев, Галиуллина, Мальшева, Сальникова 2003: 68, 92-93.

¹¹ Огородников Владимир Иванович 2004: 299; 2008: 523.

более обстоятельная информация о «казанском» периоде в жизни Огородникова появилась в одной из недавних монографий, однако и она была обзорной и недостаточно фундированной¹².

Осуществленное нами выявление новых, отложившихся в фондах Государственного архива Республики Татарстан документов, их внимательное прочтение и всесторонний анализ, позволяют, как представляется, получить принципиально важную информацию о «казанском» периоде жизни и творчества В.И. Огородникова и переосмыслить этот период как переломный и во многом определяющий дальнейшую судьбу историка, истоки его будущих научных пристрастий, профессиональных и общественных интересов, а также выстраиваемую им впоследствии модель поведения в условиях нового советского бытия.

Первая задача, которую мы перед собой поставили, – это выявить максимально полно документы самого В.И. Огородникова и документы о нем, отложившиеся в фондах Государственного архива Республики Татарстан (ГАРТ), и прежде всего, в фонде Казанского университета (ф. 977), с которым практически полностью был связан «казанский» период в жизни ученого. Оказалось, что фамилия Огородниковых встречается в материалах фонда многократно. В частности, помимо личного дела студента историко-филологического факультета Владимира Ивановича Огородникова за 1906–1910 гг.¹³, обнаружилось еще одно студенческое дело его полного тезки и однофамильца, студента юридического факультета¹⁴. На фотографиях в студенческих делах оба Владимира Огородниковы поразительно похожи, как будто это одно лицо, оба они родом из Вятской губернии. Правда, будущий историк родился в 1886 г. в семье дьякона и окончил Вятскую духовную семинарию, а его тезка – в 1873 г. в семье чиновника и окончил Вятскую гимназию. Трудно было удержаться от предположения о том, что эти люди были близкими родственниками, что и подтвердило обращение к опубликованным материалам родословной четырехсотлетнего вятского рода Огородниковых¹⁵. Оба они, как и многие другие представители этого рода¹⁶, традиционно выбрали для обучения Казанский университет – территориально наиболее близкий и достаточно демократичный с точки зрения социального состава обучающихся студентов. Формировавшиеся в Казани еще с 1830-х гг. студенческие землячества, в том числе вятское, включали в себя не просто земляков, но многих людей, связанных семейно-родственными узами¹⁷.

Одна из линий рода Огородниковых связана с духовенством¹⁸. Священнослужителем был и отец Владимира Огородникова. В копии

¹² Литвин, Мальшева, Сальникова 2021: 10–11.

¹³ ГАРТ. Ф. 977. Оп.1 ЛД. Д. 36786.

¹⁴ Там же. Д. 32463.

¹⁵ Рубцова 1997.

¹⁶ ГАРТ. Ф. 977. Оп.2 ЛД. Д. 79; Оп. 5. Д. 1443; Рубцова 1997.

¹⁷ Вишленкова, Мальшева, Сальникова 2005: 114.

¹⁸ Рубцова 1997.

метрического свидетельства, входящего в состав личного студенческого дела, указано, что родился он 16 (28) мая 1886 г. в семье дьякона села Пустополье Уржумского уезда Вятской губернии Ивана Васильевича Огородникова и жены его Александры Тихоновны и крещен в православие 19 мая в пустопольской Крестовоздвиженской церкви, причем крестил его собственный отец¹⁹. В личном деле приват-доцента Огородникова по кафедре русской истории Императорского Казанского университета также указано, что он родился «в семье диакона»²⁰. Известно, что в советское время Огородников утаивал свое происхождение и в официальных автобиографиях указывал, что является сыном «народного учителя и крестьянки»²¹. На самом деле это было полуправдой: с 15 декабря 1871 г. по 1 декабря 1872 г. Иван Васильевич Огородников исполнял должность учителя в Пустопольской домашней школе, а с 1 декабря 1872 г. до 1 января 1895 г. в Пустопольской земской школе²². Этот вид деятельности не считался в то время гражданской службой. Он приравнивался к службе по Духовному ведомству для тех выпускников духовных семинарий, которые по окончании могли быть зачислены в народные школы – школы для детей низших сословий (включая домашние и земские школы), где им предстояло преподавать Закон Божий, катехизис, священную историю и церковное пение. Очевидно, что Владимир Огородников писал в 1925 г. на общепринятом «автобиографическом языке» того времени, утаивая, выдавая желаемое за действительное, акцентируя внимание власти на политически благоприятных для автора событиях и сюжетах. Таким сюжетом, часто акцентируемым в советских официальных автобиографиях, был сюжет о «бедственном положении» семьи в дореволюционный период. Его не избежал и Огородников, объясняя «отсутствием средств» причины своего обучения в Ноллинском духовном училище невозможностью вместо уездной гимназии, куда якобы хотела отдать его мать²³. И это правда, но вновь лишь отчасти. Действительно, умерший в 1896 г. И.В. Огородников оставил сиротами пятерых детей в возрасте от 1 до 13 лет²⁴. Но при этом жене и детям умершего досталась и кое-какая недвижимость: «полукаменный в селе Пустополье на церковной земле дом, 8 десятин купчей с лесом земли в бывшем Мосоловском имении»²⁵. Безусловно, семья была небогата в рамках своей социальной группы, и возможность «казенно-коштного» обучения в духовных учебных заведениях, предусмотренная для детей лиц духовного сословия, а отнюдь не для всех «бедных», как об этом, вновь лукавя, пишет Огородников, не учитывать нельзя. Но

¹⁹ ГА РТ. Ф. 977. Оп.1 ЛД. Д. 36786. Л. 15.

²⁰ ГА РТ. Ф. 977. Оп. 12. Д. 2351. Л. 1.

²¹ Государственный архив Приморского края. Ф. 117. Оп 5. Цит. по: Малявина 2021: 1794.

²² ГА РТ. Ф. 977. Оп.1. Д. 36786. Л. 7.

²³ Там же.

²⁴ ГА РТ. Ф. 977. Оп.1. Д. 36786. Л. 21. (об).

²⁵ Там же. Л. 22.

гораздо большее значение в данном случае имела семейная традиция: Владимиру предстояло стать священником, как его прадед, дед, отец, старший брат Василий, обучавшийся в том же Нолинском духовном училище и ставший впоследствии столоначальником Могилевской духовной Консистории. В Вятском епархиальном женском училище за казенный счет обучалась и старшая сестра Владимира Павла.

В 1900 г. Владимир поступил, а в 1906 г. довольно успешно окончил Вятскую Духовную семинарию. По окончании ему следовало поступить на службу по Духовному ведомству или учителем в начальные народные школы, а в случае поступления на гражданскую службу с него должна была быть взыскана в пользу семинарии довольно значительная сумма, «употребленная на его содержание» – 630 руб.²⁶ (сумма по данным фабричной инспекции равнялась тогда примерно трехлетнему годовому заработку российского рабочего²⁷). В документах отсутствует информация о том, удалось ли взыскать с Огородникова эти деньги: может быть, поступление в Казанский университет в 1906 г. отсрочило, а в дальнейшем и свело на нет исполнение взыскания. Тем более, что и став студентом, он продолжал тяжело нуждаться, о чем свидетельствует отчисление его из университета 24 марта 1908 г. за «невзнос профессорского гонорара» в размере 10 руб. Лишь после выплаты этой суммы братом Василием, Владимир был восстановлен в числе студентов²⁸.

Хотя большинство Огородниковых, Обучавшихся в Казанском университете, были медиками и юристами, сам он решил поступить на историко-филологический факультет, причем именно на историческое отделение. Вероятно, этому способствовали отличные и «очень хорошие» успехи в изучении исторических дисциплин, преподаваемых в семинарии – общей истории церкви, истории русской церкви, всеобщей гражданской истории, русской гражданской истории, а также классических языков²⁹. Выбор Казанского университета был обусловлен не только традиционными предпочтениями рода Огородниковых. В 1906 г. прошел слух, что семинаристов будут принимать в университет без экзаменов. Первоначально, действительно, такое намерение было, но Министерство народного просвещения эту инициативу не поддержало. Тем не менее прибывшие в Казань «поповичи» были зачислены в университет, и набор 1906/1907 оказался полностью «семинарским»³⁰. Среди зачисленных «поповичей» был и Владимир Огородников.

Сохранившиеся в деле студента Владимира Огородникова ведомости свидетельствуют о том, что формирование его научного мировоззре-

²⁶ Там же. Л. 24.

²⁷ Шкодинский, Волков 2015: 47.

²⁸ ГА РТ. Ф. 977. Оп.1. Д. 36786. Л. 23, 27. Профессорские гонорары, введенные университетским Уставом 1884 г. в целях материального стимулирования труда преподавателей, просуществовали в российских университетах до кануна Февральской революции. См.: Грибовский 2018: 144–163.

²⁹ ГА РТ. Ф. 977. Оп.1. Д. 36786. Л. 10.

³⁰ Вишленкова, Малышева, Сальникова 2005: 110.

ния происходило под влиянием достойнейших представителей российской исторической науки: историков России профессоров Д.А. Корсакова и Н.Н. Фирсова, известных специалистов в области всеобщей истории профессоров В.К. Пискорского и М.М. Хвостова, заслуженного профессора римской словесности Д.И. Нагуевского, историков искусств профессоров Б.В. Варнеке и А.М. Миронова, историков церкви профессоров Ф.А. Курганова, А.И. Смирнова, К.В. Харламповича, представителей знаменитой казанской лингвистической школы В.А. Богородицкого и Е.Ф. Будде³¹. Отметим тот факт, что в весенних семестрах 1906/1907 и 1907/1908 учеб. г. будущий историк Сибири прослушал довольно редкий по тем временам курс «История Сибири» профессора Н.Н. Фирсова в двух частях³². Огородников, как и другие студенты, имел возможность на практических занятиях, проводившихся в учебных музеях университета – «Музее древностей и искусств» и «Музее Отчествоведения» при кафедре русской истории, работать с хранящимися там уникальными этнографическими, историческими, нумизматическими и археологическими коллекциями, связанными с народами Сибири и Дальнего Востока³³. И среди студентов, с которыми Огородников учился вместе на историко-филологическом факультете, было достаточно неординарных личностей. В рукописной ведомости 1910 года по сдаче курса «История античной культуры» профессору А.М. Миронову в списке из 22-х человек встречается россыпь фамилий будущих ученых-гуманитариев, составивших впоследствии славу Казанскому университету. Среди них: антиковед и специалист в области методики преподавания истории С.П. Сингалевич, археолог М.Ф. Калинин, искусствовед Н.А. Щербаков, украинский историк П.Д. Ромоданов, историки-медиевисты Н.П. Грацианский и А.Г. Муравьев³⁴.

Учился Владимир Огородников блестяще. Все экзамены за годы обучения в университете были сданы им на оценку 5 («весьма удовлетворительно»). В результате при выпуске он получил диплом I-ой степени, что давало ему возможность для прикрепления к кафедре для подготовки к профессорскому званию. В развернутой рукописной характеристике, составленной научным руководителем Огородникова профессором Д.А. Корсаковым, подписанной также профессором Н.Н. Фирсовым и отправленной 23 июля 1910 г. уже в рукописном виде за подписью декана истфилфака С.П. Шестакова в вышестоящие органы, выпускнику была дана весьма лестная характеристика. В ней отмечались не только успехи Огородникова в учебе, но и проявленный им интерес и навыки в научной работе, «способность к серьезным занятиям русской историей»: уже на первом курсе он представил профессору Фирсову

³¹ ГА РТ. Ф. 977. Оп.1. Д. 36786. Л. 1–7.

³² Там же. Л. 1.

³³ История Казанского университета 2004: 186.

³⁴ ОРРК НБЛ КФУ. Ф. «Музей древностей и искусств» Казанского университета. Д. 2416. Л. 14.

сочинение «Петр III как человек и император», аттестованное профессором «весьма удовлетворительно»; в 1908 г. написал сочинение на заданную факультетом тему «Обзор исторических свидетельств о евреях в России с древнейших времен (возникновения и падения Хазарского ханства) до разделов Польши при императрице Екатерине» и справился с ней настолько удачно, что был удостоен факультетской золотой медали и рекомендации сочинения в печать после внесения некоторых исправлений³⁵; в 1908/1909 уч. г. профессор В.К Пискорский высоко оценил сочинение Огородникова «Положение английских городов в XIII столетии»; а в 1910 г. он представил профессору Д.А. Корсакову годовое зачетное сочинение «Соотношение России и Англии при Иоанне IV (1553–1554)», тоже аттестованное «весьма удовлетворительно». Как медалер он был освобожден от написания этой работы, но не воспользовался этой льготой. В характеристике подчеркивались особая «трудо-способность, прилежание и любовь к научным занятиям г. Огородникова»³⁶. Далее в характеристике отмечалось, что г. Огородников хорошо владеет обоими древними языками – греческим и латинским, а также новыми языками – немецким, французским и отчасти английским, необходимыми для чтения научной литературы. Д.А. Корсаков высоко оценивал уровень источниковедческой и историографической подготовки Огородникова, отмечая, что вначале он всегда обращается к первоисточникам, затем – к воззрениям других ученых, и лишь потом высказывает собственное суждение. В целом он характеризовался как «весьма способный к дальнейшему изучению русской истории, полезный и талантливый научный работник», что и позволяло ходатайствовать о прикреплении его к кафедре русской истории в качестве профессорского стипендиата сроком на два года с назначением ему содержания из сумм Министерства Народного просвещения³⁷. Характеристика была составлена в полном соответствии с требованиями циркуляра министра народного просвещения от 20 мая 1884 г. за № 7187, предъявляемыми к прикрепляющемуся к кафедре для получения профессорского звания³⁸. Ходатайство было удовлетворено, и с января 1911 г. В.И. Огородников был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории на двухлетний срок со стипендией 1200 руб. в год³⁹.

Далеко не все профессорские стипендиаты успевали сдать экзамены и завершить работу над диссертацией в двухлетний срок, и потому предусматривалась возможность продления обучения сроком от двух до пяти лет, но уже за собственный счет⁴⁰, чем и воспользовался Огородников. Он не успевал не только с написанием диссертации, но и со сда-

³⁵ Эта была опубликована в сборнике, изданном к юбилею Д.А. Корсакова. См.: Огородников 1912.

³⁶ ГА РТ. Ф. 977. Оп. 4. Д. 12049. Л. 3-3 об.

³⁷ Там же. Л. 4-4 об.

³⁸ Некрылов, Фоминых 2012: 52.

³⁹ ГА РТ. Ф. 977. Оп. 12. Д. 2152. Л. 1–2.

⁴⁰ Некрылов, Фоминых 2012: 52.

чей экзаменов: сохранившиеся протоколы устных магистерских экзаменов по русской истории, всеобщей истории и политической экономии, включающие заданные на экзамене вопросы и выставленную оценку, указывают на то, что сданы они были только в 1913–1914 гг.⁴¹ Обучение в магистратуре продлевалось дважды, вплоть до 1 января 1915 г.⁴²

Трудно сказать, что помешало Владимиру Огородникову вовремя сдавать магистерские экзамены и активно заниматься исследовательской работой. За годы обучения в магистратуре им было подготовлено всего две небольших публикации, приуроченных к празднованию патристических юбилеев – 100-летию Отечественной войны 1812 г. (доклад, прочитанный 30 сентября 1912 г. в заседании Исторической комиссии Педагогического общества при Казанском университете) и 300-летию дома Романовых⁴³. Наиболее крупными работами В.И. Огородникова «казанского периода» являются оттиски «Из истории вопроса о центральных учреждениях в России при Петре Великом: (Приказы, канцелярия, коллегии)» (опубликовано в 1917 г.) и «Обновление городского самоуправления в России. Городовое положение и Временные правила», представлявшие собой части магистерской диссертации⁴⁴. Не везло ему и с научными командировками. Так, в июне 1914 г. Огородников был направлен в Псков для участия в работе XVI Всероссийского Археологического съезда⁴⁵, который должен был пройти с 22 июля по 6 августа 1914 г., но был отменен из-за начала Первой мировой войны. Магистерскую диссертацию ему так и не удалось защитить. Может быть, в связи с тем, что он вынужден был зарабатывать на жизнь и рано начал преподавательскую деятельность: в 1912 г. был избран преподавателем русской истории на Казанских высших женских курсах, а также преподавал русский язык и историю в 1-ом Городском четырехклассном училище⁴⁶. В мае 1914 г. он обратился в совет факультета с прошением о присвоении ему звания приват-доцента с дальнейшим принятием на службу в Казанский университет. Прочитав в соответствии с правилами тех лет две публичные лекции – одну на самостоятельную избранную («Статейные списки как источник для истории дипломатических сношений Московского государства с иноземными державами»), а вторую – на предложенную Д.А. Корсаковым тему («Основные моменты дипломатических сношений Наполеона с Россией 1807–1812 гг.») и получив оценку «весьма удовлетворительно» за обе из них, 24 мая 1914 г. Огородников получил звание приват-доцента русской истории и с осени приступил к преподаванию на кафедре русской истории Казанского университета⁴⁷.

⁴¹ ГА РТ. Ф. 977. Оп. 12. Д. 2317. Л. 1–2, 6, 8–9 об.

⁴² ГА РТ. Ф. 977. Оп. 619. Д. 20. Л. 53 об.

⁴³ Огородников 1912; Огородников 1913.

⁴⁴ Огородников Из истории 1917; Огородников Обновление 2017.

⁴⁵ ГА РТ. Ф. 977. Оп. 12. Д. 2344.

⁴⁶ ГА РТ. Ф. 977. Оп. 619. Д. 20. Л. 52.

⁴⁷ ГА РТ. Ф. 977. Оп. 12. Д. 2351, 12785.

В целом все складывалось у Огородникова неплохо, включая и личную жизнь: 26 апреля 1915 г. он сочетался браком с курсисткой Анной Ивановной Большаковой, 1894 г.р., православного вероисповедания⁴⁸. Но революционная стихия 1917 г. захлестнула и опрокинула эту относительно размеренную жизнь. Произошло это не сразу: в Казанском университете вплоть до лета-осени 1918 г. больших изменений не происходило. «До него не было никому дела, – писал историк университета М.К. Корбут в 1930 г. – а сам он отнюдь не интересовался принятием на себя каких бы то ни было обязательств»⁴⁹. Ситуацию резко изменили события августа – сентября 1918 г., когда Казань оказалась в эпицентре гражданской войны. Встав в открытую оппозицию к новой власти и прямо поддержав «белое движение» в лице Самарского Комитета членов Учредительного собрания после взятия Казани войсками В.О. Каппеля 7 августа 1918 г., уже вскоре университетские профессора оказались в весьма сложной ситуации: 5 сентября 1918 г., создав в районе города ударную группировку, красные начали наступление на Казань. Взятие города выглядело неотвратимым. И потому перед многими университетариями, в т.ч. и перед Владимиром Огородниковым, встал вопрос: уйти или остаться. В ночь с 9 на 10 сентября, накануне взятия Казани войсками РККА, Огородников вместе с более чем ста коллегами по университету покинул Казань, забрав с собой мать, жену и сына, которому не исполнилось еще и трех месяцев от роду. Путь покинувших Казань лежал на восток, к городу Лаишево, а затем на Уфу⁵⁰.

Почему Огородников бежал из Казани? В своей автобиографии 1925 г. он утверждал, что он был приглашен министром просвещения Временного Сибирского правительства В.В. Сапожниковым для участия в подготовке к открытию университета в Иркутске⁵¹. Но документов, подтверждающих это, нет. Сложно говорить о том, что Огородников уж так сильно провинился перед советской властью даже по сравнению со многими из его коллег. Он никогда не отличался высокой политической ангажированностью в студенческие годы – ни в одном из документов не сообщается о его «неблагонадежности». Он не являлся членом совета Казанского университета и потому не подписывал принятую им в августе 1918 г. резолюцию в поддержку Комуча, не участвовал в совещаниях Комуча, не вел с комучевцами каких-либо переговоров, не выступал со статьями в комучевской прессе, как другие профессора университета. И, между тем, многие из этих профессоров остались. Да, в 1917 г. Огородников опубликовал две брошюры, отнюдь не отражавшие его благосклонного расположения к большевикам, но они не были остро полемичными и резко идеологически заточенными⁵².

⁴⁸ ГА РТ. Ф. 977. Оп. 619. Д. 20. Л. 54.

⁴⁹ Корбут 1930, с. 301.

⁵⁰ См. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. 2005: 218.

⁵¹ См. Малявина, с. 1795.

⁵² Огородников Как выбрать 1917; Огородников Чего хотят 1917.

Видимо, на принятие решения об отъезде в значительной мере повлияло аналогичное решение именно молодых коллег Огородникова: так, практически все оказавшиеся в Иркутском университете после бегства из Казани преподаватели⁵³ – юристы Б.П. Иванов, М.М. Агарков и В.П. Доманжо, историк права С.П. Покровский, филологи П.П. Миндалев и Л.П. Пономарев, за исключением филолога П.П. Миндалева, родившегося в 1876 г., были 1880-х–начала 1990-х гг. рождения.

При Омском правительстве А.В. Колчака (осень 1918 – январь 1920 г.) В.И. Огородников делает стремительную карьеру, став, как известно, первым деканом историко-филологического факультета и заведующим кафедрой русской истории открытого в октябре 1918 г. Иркутского университета. Но после перехода власти в Иркутске к большевикам Огородников вновь задумывается о переезде. Он фактически сразу же инициирует свой переход в один из университетов Дальневосточной республики – буферного государства с коалиционным правительством со столицей в Чите, ведет переписку с руководством Дальневосточного университета, не увенчавшуюся успехом, и в итоге летом 1921 г. становится ректором и профессором создаваемого в Чите Государственного института народного образования (ГИНО) по приглашению министра просвещения Дальневосточной Республики М.П. Малышева⁵⁴.

Хотел ли Владимир Огородников вернуться в Казань? Ведь многие из убежавших вернулись. Уже в октябре 1918 г. Совет университета просил власти гарантировать неприкосновенность всем пожелавшим вернуться, защитив их от «всяких для них неблагоприятных последствий»⁵⁵, поскольку в университете оставалось очень мало преподавателей, в особенности профессоров. Советская власть тогда «простила» беглецов, и начиная с 1920 г. они стали возвращаться в Казань и в университет. Так, вернувшийся из Иркутска в 1921 г. П.П. Миндалев стал заместителем декана факультета общественных наук, а метеоролог и климатолог И.А. Кортиковский, также покинувший Казань в сентябре 1918 г. и обосновавшийся вначале в Томском, а с октября 1919 г. в Иркутском университете, после возвращения в Казанский университет в 1923 г. заведовал там магнитно-метеорологической лабораторией и читал курсы географии и метеорологии. Оба не были подвергнуты репрессиям, может быть потому, что просто не дожили до них, скончавшись на рубеже 1920-х и 1930-х гг.

Обнаруженное нами в фондах ГА РТ ходатайство Совета Казанского университета от 16 апреля 1921 г., направленное в Отдел вузов Главпрофобра РСФСР, свидетельствует о том, что вероятно окончательно отчаявшись от безрезультатной переписки по поводу перевода в Дальневосточный университет, В.И. Огородников в начале 1921 года обратился в историко-филологический факультет Казанского универ-

⁵³ Малышева 2003: 88–89.

⁵⁴ Малявина 2021: 1796.

⁵⁵ Цит. по: Вишленкова, Малышева, Сальникова 2005: 218.

ситета с просьбой поспособствовать его возвращению. В этом же документе упоминается и ходатайство физико-математического факультета о возвращении И.А. Кортиковского и еще одного «беглеца» – зоолога и физиолога С.И. Тимофеева, также преподававшего с 1919 г. в Иркутском университете. 26 марта 1921 г. Совет принял решение ходатайствовать перед Главпрофобром о возвращении всех троих в Казань⁵⁶. Кортиковский вернулся, но не сразу, видимо дело тянулось очень долго. Огородников и Тимофеев избрали для себя другой путь.

В одной из своих статей, посвященных специфике конструирования университетским человеком своей самости, своего прошлого и будущего, О.Н. Запорожец характеризует университетария как «человека выбирающего». При этом «сам выбор ранжируется, а наиболее важными считаются стратегические действия», направленные не на поддержание существующего порядка, а на изменение ситуации путем набора «фиксированных реакций (уступок, компромисса, избегания, сопротивления или манипуляции)»⁵⁷. В.И. Огородников также сделал свой выбор. В конечном итоге выбор этот оказался жестоким и необратимым. Трудно сказать, что стало бы с Огородниковым, вернись он в Казань: вполне вероятно, что репрессии настигли бы его и здесь. Его поведенческие стратегии и тактики их осуществления отчасти были схожи с поведенческой моделью многих из его коллег-современников, но в то же время уникальны и индивидуальны, как индивидуальны жизнь и судьба каждого отдельного человека. И безусловно то, что формироваться и оформляться они начали во многом именно в «казанский период» – период взросления Владимира Огородникова как человека и как ученого.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 977 Казанский университет. [Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan (GART). F. 977 Kazanskij universitet.]
- Оп. 1 ЛД. Д. 32463. 10 августа 1893 – 30 мая 1898 гг. О приеме в Казанский университет Владимира Ивановича Огородникова, 34 л.; Д. 36786 Владимир Иванович Огородников, 8 сентября 1906 – 22 апреля 1910 гг. 28 л. [Op. 1 LD. D. 32463. 10 avgusta 1893 – 30 maya 1898 gg. O prieme v Kazanskij universitet Vladimira Ivanovicha Ogorodnikova, 34 l.; D. 36786 Vladimir Ivanovich Ogorodnikov, 8 sentyabrya 1906 – 22 aprelya 1910 gg. 28 l.]
- Оп. 2 ЛД. Д. 79. О приеме в Казанский университет Николая Огородникова. 21 л. [Op. 2 LD. D. 79. O prieme v Kazanskij universitet Nikolaya Ogorodnikova. 21 l.]
- Оп. 4. Совет. Д. 12049. Об оставлении Владимира Ивановича Огородникова при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории. 24 л.; Д. 12785. Переписка с ректором университета, и.д. ректора университета, Правлением университета об утверждении Огородникова приват-доцентом кафедры русской истории. 8 л. [Op. 4. Sovet. D. 12049. Ob ostavlenii Vladimira Ivanovicha Ogorodnikova pri universitete dlya prigotovleniya k professorskomu zvaniiyu po kafedre russkoj istorii. 24 l.; D. 12785. Perepiska s rektorom universiteta, i.d. rektora uni-versiteta, Pravleniem universiteta ob utverzhdenii Ogorodnikova privat-docentom kafedry russkoj istorii. 8 l.]

⁵⁶ ГА РТ. Ф. 977. Оп. 619. Л. 69–69 об.

⁵⁷ Запорожец 2013: 42–43.

- Оп. 5. Ректор. Д. 1443. Донесение библиотекаря Готвальда о смерти помощника Огородникова. 12 л. [Op. 5. Rektor. D. 1443. Donesenie bibliotekarya Gotval'da o smerti pomoshchnika Ogorodnikova. 12 l.].
- Оп. 12. Историко-филологический факультет. Д. 2152. Об оставлении кончившего курс историко-филологических наук с дипломом первой степени Владимира Огородникова при Казанском университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории. 24 л.; Д. 2317. Об испытаниях профессорского степендиата В.И. Огородникова на степень магистра русской истории. 11 л.; Д. 2344. О командировке на XVI Всероссийский съезд археологов в Пскове проф. К.В. Харламповича и М.В. Бречкевича и магистранта русской истории Огородникова. 6 л.; Д. 2351. О соискании магистрантом В.И. Огородниковым звания приват-доцента и о принятии его в число приват-доцентов Императорского Казанского университета. 1914 г. 26 л. [Op. 12. Istoriko-filologicheskij fakul'tet. D. 2152. Ob ostavlennii konchivshogo kurs istoriko-filologicheskikh nauk s diplomom pervoj stepeni Vladimira Ogorodnikova pri Kazanskom universitete dlya prigotovleniya k professorskomu zvaniyu po kafedre russkoj istorii. 24 l.; D. 2317. Ob ispytaniyah professorskogo stependiat V.I. Ogorodnikova na stepen' magistra russkoj istorii. 11 l.; D. 2344. O komandirovke na XVI Vserossijskij s"ezd arheologov v Pskove prof. K.V. Harlampovicha i M.V. Brechkevicha i magistranta russkoj istorii Ogorodnikova. 6 l.; D. 2351. O soiskanii magistrantom V.I. Ogorodnikovym zvaniya privat-docenta i o prinyatii ego v chislo privat-docentov Imperatorskogo Kazanskogo universiteta. 1914 g. 26 l.].
- Оп. 619. Д. 20. Формулярные списки приват-доцентов, профессоров, преподавателей и технических работников университета на букву «О». Нач. 1882 года. 250 л. [Op. 619. D. 20. Formulyarnye spiski privat-docentov, professorov, prepodavatelej i tehnicheskix rabotnikov universiteta na bukvu «O». Nach. 1882 goda. 250 l.].
- Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. Р-1337 Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина. [Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan (GART). F. R-1337 Kazanskij gosudarstvennyj universitet im. V.I. Ulyanova-Lenina.].
- Оп. 1. Д. 26. Переписка с Губчека о профессорах и преподавателях, выбывших из университета в 1918 году и об оставленных ими вещах. 47 л. [Op. 1. D. 26. Perepiska s Gubcheka o professorah i prepodavatelyah, vybyvshix iz universiteta v 1918 godu i ob ostavlennyh imi veshchah. 47 l.].
- Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (ОРРК НБЛ КФУ). Ф. «Музей древностей и искусств» Казанского университета. Д. 2416. 69 л. [Otdel rukopisej i redkih knig Nauchnoj biblioteki im. N.I. Lobachevskogo Kazan-skogo (Privolzhskogo) federal'nogo universiteta (ORRK NBL KFU). F. «Muzej drevnostej i iskusstv» Kazanskogo universiteta. D. 2416. 69 l.].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Астафьев В.В., Галиуллина Д.М., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университете. Казань: Изд-во Казанск. ун-та. 2003. 180 с. [Astaf'ev V.V., Galiullina D.M., Malysheva S.Yu., Salnikova A.A. Izuchenie i prepodavanie otechestvennoj istorii v Kazanskom universitete. Kazan: Izd-vo Kazansk. un-ta. 2003. 180 s.].
- Бедулина И.П. Организация и становление государственной архивной службы Иркутской области (1920–1941 гг.) // Отечественные архивы. 2007. № 5. С. 3–14. [Bedulina I.P. Organizatsiya i stanovlenie gosudarstvennoj arhivnoj sluzhby Irkutskoj obrasti (1920–1941 gg.) // Otechestvennyye arkhivy. 2007. № 5. S. 3–14].
- Бедулина И.П., Моисеев В.В. Владимир Огородников и Борис Кубалов: сибирские страницы жизни и сотрудничества двух историков-архивистов // Новый исторический вестник. 2011. № 29 (3). С. 88–102. [Bedulina I.P., Moiseev V.V. Vladimir Ogorodnikov i Boris Kubalov: sibirskie stranicy zhizni i sotrudnichestva dvukh istorikov-arkhivistov // Novyi istoricheskii vestnik. 2011. № 29 (3). S. 88–102].
- Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: Казанск. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. 500 с. [Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Salnikova A.A. Terra Universitatis: Dva

- veka universitetskoi kul'tury v Kazani. Kazan: Kazansk. gos. un-t im. V.I. Ul'yanova-Lenina, 2005. 500 s.].
- Грибовский М.В. Профессорский гонорар как зеркало университетского вопроса конца XIX – начала XX века // Диалог со временем. 2018. Вып. 62. С. 144–163. [Gribovskii M.V. Professorskii gonorar kak zerkalo universitetskogo voprosa kontsa XIX – nachala XX veka // Dialog so vremenem. 2018. Vyp. 62. S. 144–163].
- Запорожец О.Н. Навигатор по карте историко-социологических исследований университетов // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: коллект. моногр. / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 21–58. [Zaporozhets O.N. Navigator po karte istoriko-sotsiologicheskikh issledovaniy universiteta // Soslovie russkikh professorov. Sozdатели statusov i smyslov: kollekt. monogr. / pod red. E.A. Vishlenkovo, I.M. Savel'evoi. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2013. S. 21–58].
- Иркутский государственный университет: ректоры, деканы, профессора: 1918–1998. Т.3 / сост. В. Т. Агалаков и др. Иркутск: Комсомольская правда – Байкал, 1998. 200 с. [Irkutskii gosudarstvennyi universitet: rektory, dekanı, professora: 1918 – 1998. T.3 / sost. V. T. Agalakov i dr. Irkutsk: Komсомольskaya pravda – Baikal, 1998. 200 s.].
- История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета / сост. С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин; науч. ред. Е. И. Лиштованный. Иркутск: Оттиск, 2008. 230 с. [Istoriya i istoriki: 90 let istoricheskoi shkole Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta / sost. S. I. Kuznetsov, Yu. A. Petrushin; nauch. red. E. I. Lishtovannyi. Irkutsk: Ottisk, 2008. 230 s.].
- История Казанского университета / под ред. И.П. Ермолаева. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. 656 с. [Istoriya Kazanskogo universiteta / pod red. I.P. Ermolaeva. Kazan: Izd-vo Kazansk. un-ta, 2004. 656 s.].
- Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет 1804/05–1929/30. В 2 т. Т. 2. Казань: Каз. ун-т, 1930. 382 с. [Korbut M.K. Kazanskii gosudarstvennyi universitet im. V.I. Ul'yanova-Lenina za 125 let 1804/05–1929/30. V 2 t. T. 2. Kazan: Kaz. un-t, 1930. 382 s.].
- Литвин А.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Бремя выбора. Историки Казанского университета в первые советские десятилетия. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2021. 156 с. [Litvin A.A., Malysheva S.Yu., Salnikova A.A. Bremya vybora. Istoriki Kazanskogo universiteta v pervye sovetskie desyatiletiya. Kazan: Izd-vo Kazansk. un-ta, 2021. 156 s.].
- Малявина Л.С. Владимир Иванович Огородников (1886–1938 гг.): жизнь и судьба первого советского ректора Государственного дальневосточного университета // Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 9. С. 1793–1800. [Malyavina L.S. Vladimir Ivanovich Ogorodnikov (1886–1938 gg.): zhizn' i sud'ba pervogo sovetskogo rektora Gosudarstvennogo dal'nevostochnogo universiteta // Manuscript. 2021. T. 14. Vyp. 9. S. 1793–1800].
- Малышева С.Ю. «Великий исход» казанских университетариев в сентябре 1918 г. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2003. № 1/2. С. 87–92. [Malysheva S.Yu. «Velikii iskhod» kazanskikh universitariyev v sentyabre 1918 g. // Gasyrlar avazy – Ekho vekov. 2003. № 1/2. S. 87–92].
- Некрялов С.Л., Фоминых С.Ф. «Институт профессорских стипендиатов» как метод подготовки научно-педагогических кадров для университетов России в конце XIX – начале XX в. (на примере Императорского Томского университета) // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: исследования и документы / под ред. М.В. Грибовского, С.Ф. Фоминых. Томск: ТГУ, 2012. С. 51–65. [Nekrylov S.L., Fominykh S.F. «Institut professorskikh stipendiatov» kak metod podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov dlya universitetov Rossii v kontse XIX – nachale XX v. (na primere Imperatorskogo Tomskogo universiteta) // Professorsko-prepodavatel'skii korpus rossiiskikh universitov. 1884–1917 gg.: issledovaniya i dokumenty. Sb. st. / pod red. M.V. Gribovskogo, S.F. Fominykh. Tomsk: TGU, 2012. S. 51–65].
- Огородников В.И. Иван III и зарубежные евреи (Хозя Кокос и Захария Гуил-Гурсис). Казань: лито-тип. И.Н. Харитонова, 1912. 24 с. [Ogorodnikov V.I. Ivan III i zarubezhnye evrei (Hozya Kokos i Zahariya Guil-Gursis). Kazan: lito-tip. I.N. Haritonova, 1912. 24 s.].
- Огородников В.И. Из истории вопроса о центральных учреждениях в России при Петре Великом: (Приказы, канцелярии, коллегии). Казань: типо-лит. Ун-та, 1917. 47 с.

- [Ogorodnikov V.I. Iz istorii voprosa o central'nykh uchrezhdeniyakh v Rossii pri Petre Velikom: (Priказy, kantselyarii, kollegii). Kazan: tipo-lit. Un-ta, 1917. 47 s.].
- Огородников В.И. Из юбилейной литературы об Отечественной войне 1812 года: (По поводу кн. М. Васильева «Отечественная война. 1812 год»). Казань: типо-лит. Ун-та, 1912. 24 с. [Ogorodnikov V.I. Iz yubileinoi literatury ob Otechestvennoi voine 1812 goda: (Po povodu kn. M. Vasil'eva «Otechestvennaya voina. 1812 god»). Kazan: tipo-lit. Un-ta, 1912. 24 s.].
- Огородников В.И. Как выбирать народных представителей?: (Учредительное собрание и всеобщее избирательное право). Казань: Маркелов и Шаронов, 1917. 16 с. [Ogorodnikov V.I. Kak vybirat' narodnykh predstavitelei?: (Uchreditel'noe sobranie i vseobshchee izbiratel'noe pravo). Kazan: Markelov i SHaronov, 1917. 16 s.].
- Огородников В.И. Обновление городского самоуправления в России. Городовое положение и Временные правила. Казань: б.и., 1917. 36 с. [Ogorodnikov V.I. Obnovlenie gorodskogo samoupravleniya v Rossii. Gorodovoe polozhenie i Vremennyye pravila. Kazan: b.i., 1917. 36 s.].
- Огородников В.И. Триста лет назад. Казань: типо-лит. М.А. Семенова, 1913. 22 с. [Ogorodnikov V.I. Trista let nazad. Kazan: tipo-lit. M.A. Semenova, 1913. 22 s.].
- Огородников В.И. Чего хотят русские политические партии? Ардатов: Новая жизнь, 1917. 56 с. [Ogorodnikov V.I. Chego khotyat russkie politicheskie partii? Ardatov: Novaya zhizn', 1917. 56 s.].
- Огородников Владимир Иванович // Казанский университет (1804–2004): биобиблиографический словарь. В 3 т. / гл. ред. Г.Н. Вульфсон. Т. 3. 1905–2004. Н–Я. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 768 с. [Ogorodnikov Vladimir Ivanovich // Kazanskiy universitet (1804–2004): biobibliograficheskii slovar'. V 3 t. / gl. red. G.N. Vul'fson. T. 3. 1905–2004. N–YA. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2004. 768 s.].
- Огородников Владимир Иванович // Татарская энциклопедия. В 6 т. / гл. ред. М.Х. Хасанов. Т. 4. Казань: Институт татарской энциклопедии, 2008. С. 523. [Ogorodnikov Vladimir Ivanovich // Tatarskaya entsiklopediya. V 6 t. / gl. red. M.H. Hasanov. T. 4. Kazan': Institut tatarskoj enciklopedii, 2008. S. 523.].
- Огородников Владимир Иванович: энциклопедическая справка // ИркипедияRU: энциклопедия и новости Приангарья. [Ogorodnikov Vladimir Ivanovich: entsiklopedicheskaya spravka // IrkipediyaRU: entsiklopediya i novosti Priangar'ya]. URL: http://irkipedia.ru/content/ogorodnikov_vladimir_ivanovich?ysclid=ldbzgm0eri424477282
- Петрушин Ю.А. Сибиревед В.И. Огородников // Четвертые Романовские чтения: материалы научн.-практ. конф. / под ред. Р.В. Подгайченко, И.П. Белоус. Иркутский гос. ун-т, 2008. С. 106–108. [Petrushin Yu.A. Sibireved V.I. Ogorodnikov // Chetvertye Romanovskie chteniya: materialy nauchn.-prakt. konf. / pod red. R.V. Podgaichenko, I. P. Belous. Irkutskii gos. un-t, 2008. S. 106–108].
- Посадков А.Л. Жизнь как бегство: к воссозданию биографии историка-архивиста В. И. Огородникова // Сибирские архивы в научном и информационном пространстве современного общества: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Новосибирск, 11 марта 2015 г.). Новосибирск, 2015. С. 161–168. [Posadkov A.L. Zhizn' kak begstvo: k vossозdaniyu biografii istorika-arkhivista V. I. Ogorodnikova // Sibirskie arhivy v nauchnom i informatsionnom prostranstve sovremennogo obshchestva: materialy Mezhtregion. nauch.-prakt. konf. (g. Novosibirsk, 11 marta 2015 g.). Novosibirsk, 2015. S. 161–168].
- Рубцова Э.В. Из истории четырехсотлетнего рода Огородниковых // Сборник Уральского генеалогического общества. 1997. Вып. 1 [Rubtsova E.V. Iz istorii chetyrykhstoletnego roda Ogorodnikovyykh // Sbornik Ural'skogo genealogicheskogo obshchestva. 1997. Vyp. 1]. URL: https://ugo10.ucoz.ru/publ/memuary_n_a_bakhtin/jrubcova_iz_istorii_chetyrykhstoletnego_rod_a_ogorodnikovyykh/7-1-0-53].
- Хисамутдинов А.А. Очерки к истории исследований на Российском Дальнем Востоке. Владивосток, 2001 [Khisamutdinov A. A. Ocherki k istorii issledovaniy na Rossiiskom Dal'nem Vostoke. Vladivostok, 2001]. URL: <http://www.fegi.ru/primorye/science/khisam/repres1.htm>
- Шкоднский С.В., Волков В.В. Динамика заработной платы в промышленности России во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2015. № 4. С. 43–52. [Shkodnitskii S.V., Volkov V.V. Dinamika zarabotnoi platy v promyshlennosti Rossii vo vtoroi polovine XIX

– nachale XX veka // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Ekonomika. 2015. № 4. S. 43–52].

Шпикельман Р.Ю. К истории гуманитарного факультета Иркутского государственного университета // Известия лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15 № 1 (30). С. 190–199. [Shpikel'man R.Yu. K istorii gumanitarnogo fakul'teta Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta // Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii. 2019. T. 15 № 1 (30). S. 190–199].

Сальникова Алла Аркадьевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Alla.Salnikova@kpfu.ru

Сыченкова Лидия Алексеевна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, научно-исследовательская лаборатория «Клио+», Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, l.sichenkova@yandex.ru

Kazan Period in the Life and Fate of Historian Vladimir Ivanovich Ogorodnikov (1886–1938)

This article reconstructs one of the crucial and in many ways decisive periods in the biography of Vladimir Ivanovich Ogorodnikov (1886–1938), a famous historian and expert on Siberian lore, on the basis of new documents from the State Archive of the Republic of Tatarstan. This period began in 1906, when V.I. Ogorodnikov became a student of the History and Philology Faculty of Kazan University. It continued while he was obtaining his Master's degree, and then taught at the Kazan University Russian History Department. It ended in September 1918 with Ogorodnikov's hasty departure from Kazan on the eve of the capture of the city by the Red Army. The appeal to new documents allowed filling some gaps and making a number of clarifications in the biography of this man. Besides this, it helped to trace the features of his formation as a scientist and as a person, to identify the origins of his future scientific preferences, professional and social interests, to explain the model of behavior he subsequently built in the conditions of the new Soviet existence.

Keywords: *V.I. Ogorodnikov (1886–1938), personalities, «new biographic history», Soviet historical science, Kazan University.*

Alla Salnikova, Dr.Sc. (History), Professor, Professor of the Department of Russian History of Kazan Federal University, Alla.Salnikova@kpfu.ru

Lidiya Sychenkova, Dr.Sc. (History), Docent, Leading Researcher, Research Laboratory «Clio+», Institute of International Relations, Kazan Federal University, l.sichenkova@yandex.ru

ЖАК МАРИТЕН И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

В статье анализируется отношение крупнейшего французского философа-неотомиста Жака Маритена к русской революции, советскому опыту строительства социализма, тоталитаризму. В центре исследования находится интеллектуальная биография Маритена в период между двумя мировыми войнами. Интеллектуальный путь католического философа связан вначале с его увлечением социализмом, затем с активным участием в деятельности «Аксьон франсэз» и дружбой с Шарлем Моррасом и Анри Массисом, но также одновременно с знакомством с русской литературой, постижением событий в России, природы коммунизма, организацией встреч с русской религиозной эмиграцией и дискуссиями с Н.А. Бердяевым. На протяжении 1920–1930-х гг. Жак Маритен, оставаясь убежденным католиком, пережил эволюцию от позиции жесткого консерватора, ставившего дело Церкви на первый план и отвергавшего любое сотрудничество с коммунизмом, до философа, осудившего террор во время гражданской войны в Испании, вставшего впоследствии на путь антифашистской борьбы. Статья основана на материалах философского и публицистического творчества Жака Маритена, личных заметках и переписке, а также биографических трудах, написанных российскими и зарубежными исследователями.

Ключевые слова: Франция, Жак Маритен, католицизм, неотомизм, Советская Россия, тоталитаризм

Русская революция и рост радикализма в Европе между двумя мировыми войнами практически сразу стали предметом пристального внимания французских интеллектуалов. Одни с пониманием принимали опыт строительства социализма, будучи непосредственными очевидцами или же совершая периодические паломничества в Страну Советов, оставив восторженные отзывы, другие, наоборот, критические оценивали советские достижения, указывая на сопровождавшие их террор и подавление свободы личности. На примере сравнения их позиций и мнений можно увидеть, как оценивался ими советский социальный эксперимент, что в нем привлекало и что отталкивало, насколько они были готовы мириться с новой реальностью на Востоке или напротив, полны решимости бороться с ней. В целом, позиции интеллектуалов вписывались в общий контекст репрезентации образа Советской России во французском общественном мнении и служили средством осмысления феномена коммунизма как такового.

Реакция на революцию в России и подъем коммунизма не прошли незамеченными во французских католических интеллектуальных кругах. К дилемме между верой и свободой творчества, унаследованной от буржуазного общества и ставшей одним из главных вопросов литературного движения «католического возрождения» на рубеже веков, добавилась дилемма между верой и революцией, возникшая от соприкосновения с советской действительностью. Они анализировали, сопоставляли, описывали, предлагали свой ответ на вызов новой идеологии, стремились отвлечь своих читателей от заблуждений и ошибок, от

увлечения революционным опытом и в то же время дать им ценностные ориентиры в наполненном политическими страстями мире.

Жак Маритен (1882–1973), крупнейший представитель неотомизма во Франции, приложил немало усилий в деле репрезентации «русской темы» во французском католическом общественном мнении. Он никогда не был в Советской России, но внимательно следил за событиями, происходившими в ней, завязав тесные связи с кругами русской религиозной эмиграции и представителями русской культуры, которые оказали большое влияние на его восприятие событий в России, отношение к русскому коммунизму и строительству социализма. Биография и философия Маритена хорошо изучены в нашей стране и за рубежом, основанные как на личных свидетельствах и архивах, так и на его философских работах и публицистике¹. В то же время вопрос его политической ангажированности, а в нашем контексте – отношение к «русской теме», в целом виде почти не освещался, сводясь к краткому анализу его связей с «Аксон франсэз», реакции на гражданскую войну в Испании или тезисов «интегрального гуманизма»². Однако вопрос изучения отношения Маритена к Советской России представляется важным с точки зрения формирования общей позиции французского католического мира, на которую он, без сомнения, оказал огромное влияние. Период между двумя мировыми войнами, который исследуется в данной статье, можно считать ключевым для позиции католического философа.

Интеллектуальная среда и атмосфера, в которой рос и воспитывался Жак Маритен, повлияла на его мировоззрение. Он был сыном адвоката Поля Маритена и Женевьевы Фавр, дочери одного из создателей и министров Третьей республики Жюля Фавра. Такое происхождение открывало ему хорошие перспективы в плане образования и карьеры. Получивший по настоянию матери республиканское и протестантское воспитание, Жак учился в лицее Генриха IV, затем в Сорбонне, где подготовил дипломы лиценциата по философии и естественным наукам. «В детстве я воспитывался в духе “либерального протестантизма”. Впоследствии я познакомился с различными аспектами светской мысли. Сциентистская и феноменологическая философия моих учителей в Сорбонне привела меня к разочарованию в разуме»³, – напишет впоследствии Маритен. В период учебы он испытал влияние Ш. Пеги, А. Бергсона, Л. Блуа, а позже познакомился с трудами Фомы Аквинского.

По совету известного поэта Шарля Пеги, который неоднократно бывал в их доме, он начал посещать лекции Бергсона в Коллеж де Франс и увлекся его идеями. К этому времени относится его знакомство с еврейкой-эмигранткой из Ростова Раисой Уманцевой (Умансовой), кото-

¹ Например: Шишков 1999; Губман 1994: 135-176; Губман 1980: 141-146; Долгов 1963: 132-142; Симонова 2008: 400-406; Guéna 2021; Floucat 1999; Bars, Hubert, Floucat 1991; Doering 1983.

² Beneton 1973: 1202-1238; FitzGerald 2001: 61-69; Chenaux 2006.

³ Символ веры // Маритен 1994: 5.

рая оказала на него большое влияние, познакомила с русской эмигрантской средой. В 1904 г. они сочетались браком и двумя годами позже под влиянием крупного католического писателя и интеллектуала Леона Блуа перешли в католичество. После поездки в Германию и последовавшего вслед за этим отречения от идей Бергсона Маритен посвящает себя изучению и интерпретации учения средневекового схоласта Фомы Аквинского. С 1912 г. он начал преподавать в Коллеже Станислава и читать лекции в Католическом институте Парижа, в 1921 г. получил должность профессора, а в 1928 г. возглавил кафедру логики и космологии.

С самого начала Маритен избрал путь теории и философии, а не политического активизма, который оставался ему чужд. Именно с позиции философа он судит о политической ангажированности интеллектуала-католика и его долге: «... философ не может, в особенности в наше время, затвориться в башне из слоновой кости: его не могут не беспокоить дела человеческие – во имя самой философии и тех ценностей, что философия должна защищать и поддерживать. Он должен защищать эти ценности каждый раз, когда они подвергаются атаке, как это было во времена Гитлера, когда безрассудные расистские теории провоцировали коллективное уничтожение евреев, или как это происходит сегодня – миру грозит порабощение коммунистическим деспотизмом. Философ должен открыто заявить о своих взглядах, выражая свою мысль и отстаивая истину, какой она ему видится. Это может иметь политический отзвук; само по себе это не политическое действие – это просто практическое применение философии»⁴.

Как и многие молодые католики его поколения, Маритен пережил в юности увлечение социализмом. «Я буду социалистом и буду жить ради революции (...). Если и есть кто-либо, кого можно поблагодарить за успехи, которых я смогу достигнуть, то это огромная армия пролетариата, изнемогающего в поту в то самое время, когда я наслаждаюсь чтением. (...) Все, что я смогу помыслить и познать, я посвящу пролетариату и человечеству. Я полностью посвящу себя подготовке революции, помощи, как бы мало ее ни было, счастью и воспитанию человечества»⁵, – заявлял он. Маритен много читает, знакомится с трудами Ж. Сореля, Ж. Жореса, П.-Ж. Прудона, К. Маркса, но также и произведениями русских писателей – Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Участь в Сорбонне, Маритен подписывает петицию писателей и профессоров против избиений русских студентов-социалистов, которыми они подвергались в России во время протестов и в тюрьмах и даже формирует комитет сочувствующих⁶. Увлечение социализмом было данью моде предвоенной эпохи, помноженной на ощущение скорого упадка буржуазного мира. В какой-то мере оно было следствием влияния среды, в которой он воспитывался и получал образование, семей-

⁴ Философ во граде // Маритен 1994: 23.

⁵ Maritain 1965: 16-17.

⁶ Maritain R. 1965: 45.

ной традиции, которая по словам его жены, подразумевала «идеалистическую любовь к народу, республиканский дух и политическую борьбу за свободу»⁷. Она также пишет о «революционном пламени пылкого социализма и философии интуиции» у молодого Маритена⁸.

В годы обучения в Сорбонне складывается философское мировоззрение Маритена, проявляется его тяга к «истинной метафизике». «Дело Дрейфуса», дружба с Ш. Пеги и Э. Псишари (внуком Э. Ренана) влияют на его политические взгляды. Позже под воздействием Анри Массиса и своего духовного наставника о. Клериссака он сближается с «Аксьон франсэз» и начинает сотрудничать с ее изданиями, видя в Моррасе защитника интересов Римской церкви⁹. Но Маритен сохранил «аполитичную» дистанцию с движением Морраса, рассматривая его как объединение друзей и единомышленников для защиты общих философских идей и борьбы с общими врагами. Тем не менее, в общественном сознании он долгое время был связан с «Аксьон франсэз», в том числе через участие в редактировании ее печатных изданий¹⁰.

Первая мировая война усиливает пессимистические настроения Маритена, его убеждение в кризисе духовных основ буржуазного Запада. Он с интересом следит за событиями в России, но воспринимает происходящее там как «сатанинский» процесс. В «Антимодерне», где имеет место первое серьезное осмысление «русской темы», он напишет по поводу большевизма: «Воображение публики – чему в значительной мере помогает пресса – представляет их разрушителями существующего порядка, чистыми демонами, а их дело – чистым злом». Но со временем становится ясно, что эти «демоны» являются людьми, «способными на мужество и дух самопожертвования, преданными идеалу и смиряющимися только ради служения ему ужасными средствами, необходимость в которых им предписывает их роль; мы также видим, что их дело имеет смелые и обязывающие намерения и их реализацию: работают ли они над продвижением гигиены, педагогики, лабораторий, кубической живописи. Забудем ли мы их проступки или будем рассматривать их как несчастный случай?»¹¹. Маритен считает, что у большевизма есть «свой идеал, духовные принципы, которые им управляют». Но режим, нарушающий естественное право, исчезнет, как и опыт, «пожирающий человеческую плоть», тогда как духовный принцип продолжит играть «роль одушевляющей формы». «Кажется очевидным, что силы разрушения, которые угрожают настоящему социальному порядку и которые символизируют большевизм и диктатура пролетариата, являются новой и более яркой формой (правда, единственной, которая остается опасной) старой закваски анархистской революции». Это выражается в преследо-

⁷ Ibid: 60.

⁸ Ibid: 105-106.

⁹ Beneton 1973: 1204.

¹⁰ Doering 1983: 17.

¹¹ Maritain 1922: 209-210.

вании религии, создании «безбожного общества», пропаганде атеизма и идее, что именно человек управляет историей¹². «Кровавыми комедиантами» называет Маритен большевиков. Они свергли господствующий класс, вообразили себя «марксистами-атеистами, руководящими историей», а на деле оказались «всего лишь рабами, заключенными с величайшей точностью в круг, который определила божественная воля»¹³.

В 1919 г. на волне вспыхнувшего интереса во Франции к томизму Маритен создает кружок по его изучению. Философские исследования полностью поглощают Маритена, часто изолируя его от острых политических сражений той эпохи. В 1920 г. Маритен публикует работу «Искусство и схоластика», став одной из центральных фигур «католического возрождения». В этот период мы можем наблюдать лишь эпизодическое участие Маритена в некоторых политически ангажированных манифестациях интеллектуалов, но одновременно зарождение контактов с русской религиозной эмиграцией.

19 июля 1919 года газета «Фигаро» публикует манифест интеллектуалов «Pour un parti de l'intelligence». Маритен его подписывает, солидаризируясь с требованиями интеллектуальной защиты «от большевизма мысли, от партии невежества»¹⁴. С 1 апреля 1920 года начинает выходить морассистский журнал «Revue universelle», руководимый Анри Массисом, с которым Маритен активно сотрудничает (35 статей за 1920–1927 гг.). Но вне журналистики Маритен отказывается от всяких отношений с другими (особенно политическими) структурами «Аксьон франсэз». Раиса Маритен пишет тем не менее об «иллюзии Жака» и его «политической наивности» и «непростительном легкомыслии» в сотрудничестве с Моррасом¹⁵. В действительности же, как отметил Ф. Бенетон, «сотрудничество между философом-томистом и националистическим движением всегда зависит от соотношения духовных директив, предписываемых Римской церковью, и национальных интересов, интерпретируемых Шарлем Моррасом»¹⁶. Когда Ватикан осудил в 1926 г. «Аксьон франсэз», запретив католикам сотрудничать с ней, Маритен последовал рекомендации, порвав с Моррасом и опубликовав в оправдание своих действий «Примат духовного» (1927).

Осуждение «Аксьон франсэз» привело Маритена к пересмотру отношения к политической ангажированности философа. Если ранее его политическая деятельность ограничивалась выражением сочувствия жертвам политической или социальной несправедливости или требованием евангелического обновления принципов христианства как постоянного условия восстановления порядка и мира в обществе, то теперь он считал, что политическая деятельность напрямую зависит от фило-

¹² Ibid: 211-212.

¹³ Ibid: 215.

¹⁴ Pour un parti de l'intelligence 1919.

¹⁵ Maritain R. 1965.

¹⁶ Beneton 1973: 1224.

софских принципов, а значит, философ должен быть вовлечен в нее. «Так Маритен перешел от умозрительного мира абсолютов и абстракций, в котором он грациозно и свободно вращался, к случайному миру человеческих страданий, применяя абстрактные принципы своей мысли к решению политических и социальных проблем»¹⁷.

В 1923 году, супруги Маритен поселяются в пригороде Парижа Мёдоне. Дом Маритенов открывается для друзей и знакомых из разных стран, готовых обсудить философские, религиозные или культурные вопросы. Начинается период тесных контактов с русской эмиграцией.

С Н.А. Бердяевым Маритен познакомился в 1925 году, в первые месяцы после приезда того в Париж при посредничестве вдовы писателя Л. Блуа. «Я кое-что читал Маритена, и для меня он был главным представителем томизма во Франции. Говорили, что он имеет большое влияние на католическую молодежь... Интересно, что сам Маритен был в прошлом анархистом и материалистом. Став католиком, он начал защищать очень ортодоксальное католичество, приобрел известность как враг и свирепый критик модернизма. У меня было предубеждение против томизма, против католической ортодоксии, против гонения на модернистов. Но Маритен меня очаровал... У нас скоро установились с Маритеном самые дружеские отношения»¹⁸, – напишет Бердяев, касаясь обстоятельств знакомства с Маритеном. По его словам, «он очень любил русских, предпочитал их французам», поэтому «в самом Маритене были черты сходства с русским интеллигентом»¹⁹. Знакомство укрепилось через участие Маритена в интерконфессиональных встречах, которые вскоре организует Бердяев. В рамках этих собраний Ж. Маритен делает несколько докладов, а также участвует в обсуждении книги Бердяева «Новое средневековье». Эссе Бердяева оказало большое влияние на французских интеллектуалов-католиков²⁰. Сам Бердяев отмечает произошедшую эволюцию взглядов и позиции Маритена. «Когда я познакомился с Маритеном, – пишет он, – он был “правым”. Но в конце пережитой эволюции он стал “левым” и даже вождем “левых” течений во французском католичестве»²¹.

Примерно в то же время Маритен посещал своего рода литературный салон под названием «Франко-русская студия», основанный В. де Вогтом и Р. Себастьяном с целью предложить русской диаспоре место контактов и интеллектуального обмена. Собрания должны были проходить ежемесячно с октября 1929 г. по апрель 1932 г. (но всего четырнадцать) на темы французского и русского взаимовлияния, русской и советской литературы, духовного обновления Франции и России и т.п.²²

¹⁷ Doering 1983: 6-7.

¹⁸ Бердяев 2015: 311.

¹⁹ Там же: 312.

²⁰ Мийе-Жерар 2015: 194.

²¹ Бердяев 2015: 312.

²² Livak 2004.

Ж. Маритен в своих личных заметках пишет также о контактах с представителями русской эмиграции при посредничестве Е. Извольской, которых он называет «post-révolutionnaires». Называя это важным, Маритен подчеркивает свой интерес в связи с изданием номера журнала «Эспри» в феврале 1934 года, в котором вышла заметка одного из вдохновителей «post-révolutionnaires» Г. Ширинского под названием «Русское постреволюционное движение». Со слов Маритена это была социальная, антикапиталистическая и антикоммунистическая организация на основе христианской морали, поставившая целью «выйти из русской революции» и осуществить синтез в форме свободного и социального христианства²³. Кроме того, Ж. Маритен активно содействует публикациям произведений русских эмигрантов во Франции. Самой известной серией стала «Золотая трость» в издательстве «Плон», основанная Ж. Маритеном, А. Массисом, С. Фюме и Ф. Лефевром и выходившая в период с 1915 по 1932 год. Из наиболее известных русских писателей публиковались Н.А. Бердяев, А. Ремизов, Б. Зайцев, из французов – Ж. Ривьер, Ж. Бернанос, Ж. Грин, П. Лафю²⁴.

В рамках встреч в Мёдоне и Кламаре рождается идея журнала «Эспри» («Esprit») и Маритен всячески поддерживает в этом Э. Мунье, а также помогает С. Фюме и левым католикам организовать выход газеты «Сет» («Sept»). Христианские ценности должны были способствовать пониманию и анализу современной социальной жизни и давать установку к политическому действию. Однако быстрая эволюция «Эспри» и симпатии к коммунизму тревожат Маритена. Мунье выступает против придания «Эспри» католической и духовной направленности, чего хочет Маритен, а также склоняется к сотрудничеству с неконформистскими движениями «Нового порядка» (статьи его лидера А. Марка печатаются как в «Эспри», так и в «Сет») и «Третьей силы» (Ж. Изар, сооснователь «Эспри», вел в журнале регулярную хронику). Мунье делает шаг навстречу требованиям Маритена, порвав с Изаром и Марком и декларируя «независимость журнала» от политических влияний. Но это не спасает ситуацию и резкой реакции Церкви, считавших команду журнала «красными христианами»²⁵. Не случайно Маритен отказался публиковать «Интегральный гуманизм» в коллекции журнала именно из-за возникшей угрозы осуждения со стороны церковных властей²⁶.

В 1930-е Маритен активно участвует в обсуждении «коллективных манифестов», которые отражали мнение интеллектуалов по текущим политическим событиям. Происходившие события ставят вопрос о морально-этическом выборе католиков в свете происходивших в мире событий. В апреле 1934 г. он стал одним из вдохновителей манифеста «За общее благо» («Pour le bien commun. Les responsabilités du Chrétien

²³ См. Maritain 1965, а также: Schirinsky 1934: 892-898.

²⁴ Мийе-Жерап 2015: 191-192.

²⁵ Doering 1983: 63, 65, 68-70.

²⁶ Письмо Маритена Мунье от 23 мая 1936 года // Maritain, Mounier 2016.

et le moment présent») вместе с 50-ю католическими писателями (среди них – Ф. Фюме, Э. Мунье, Э. Борн, Э. Жильсон, П.-А. Симон, Ж. Лакруа, Габриэль Марсель), отвергнув раскол Франции надвое и апеллируя к идее «третьего пути» между коммунизмом и фашизмом²⁷. На манифест Массиса в «защиту Запада» с опозданием, но также последовал ответ Маритена «За справедливость и мир» в газете «Сет»²⁸.

Итальянская агрессия против Эфиопии и начало гражданской войны в Испании усугубили раскол во французском общественном мнении, в т.ч. и среди католиков, столкнувшихся с проблемой морали и совести в войне. Многим католикам война в Испании виделась как религиозная война против Народного фронта, грозящего уничтожить католицизм. Разграбление церквей и монастырей в первые месяцы войны, массовые убийства священников были истолкованы как пророческий знак того, что могло ожидать Европу в случае победы коммунистов²⁹.

Вместе с другими интеллектуалами-католиками Маритен протестует против варварских бомбардировок испанских городов и франкистского террора против басков, не принимая и действия республиканцев, за которыми просматривалась политика СССР и Коминтерна. Он отстаивает т.н. «двойной отказ» (от поддержки республиканцев и франкистов), возглавив «Комитет за гражданский и религиозный мир в Испании»³⁰. Однако степень участия Маритена в полемике ограничена. До начала 1937 г. он публично не высказывался о войне в Испании, а затем ограничился лишь тремя публикациями³¹. Кроме того, Маритен участвует в специальном выпуске газеты «Сет», посвященном отношениям церкви и рабочего класса, в котором его статья соседствовал со статьями Э. Борна и Ф. Мориака³². События в Испании активно обсуждались на встречах в Мёдоне, вызывая жаркие дискуссии, которые, как пишет сам Маритен, были в сентябре 1937 года «омрачены серьезными политическими разногласиями»³³. Ж. Маритен негативно отреагировал на письмо испанских епископов о законных средствах защиты дела Церкви, которое содержало апологию франкизма. Он не осуждал применение силы или насилие как таковое («порядок средств соответствует порядку целей»); насилие может быть оправдано защитой религиозных ценностей, но только как крайнее средство. Идея «священной войны» в современной цивилизации должна быть исключена, считал философ³⁴.

В этот период Ж. Маритен публикует «Интегральный гуманизм» (1936), в котором нашли отражение как философские, так и политиче-

²⁷ Winock 1999: 330. Манифест был издан отдельной брошюрой: Pour le bien commun 1934.

²⁸ Pour la justice et la paix 1935.

²⁹ Doering 1983: 85.

³⁰ Winock 1999: 373.

³¹ Doering 1983: 86.

³² Maritain 1937: 8, 20.

³³ Maritain 1965: 233.

³⁴ Doering 1983: 106.

ские позиции автора, навеянные тоталитарным опытом в Европе. Впоследствии эти идеи были развиты в ряде других трудов (например, «Человек и государство»), в которых также встречаются отсылки к интерпретации тоталитаризма. Эти работы Маритена представляют более цельный взгляд на «русскую тему», ранее поднятую в «Антимодерне», но и являются более непримиримыми в отношении коммунизма.

Отправным моментом маритеновского интегрального гуманизма является деструктивность философии Нового времени и утрата ею целостности средневековой интеллектуальной культуры, как следствие, критика антропоцентризма, декартовского культа разума и просветительской ориентации на манипулирование окружающей средой. Подчинение веры разуму в трактовке Маритена нарушает гармонию веры и знания, разрушает сложившийся духовный мир и реализацию человеческой свободы (свободы выбора каждого человека). В общем виде таков результат искажений философии Нового времени, признание человеческой свободы на уровне социальных и политических проблем и игнорирование духовного мира и божественной свободы. Современные идеологии – фашизм и коммунизм, равно как и буржуазный либерализм – есть порождение нововременной философии и концепции человека. По мнению Маритена, «развитие буржуазного либерализма, который стремится все обосновать исходя из индивида, понимаемого как маленькое божество, из его выбора, абсолютной свободы собственности, коммерции и жизненных благ, с необходимостью завершается этатизмом. (...) Коммунизм может рассматриваться как реакция на этот индивидуализм; он претендует на абсолютное освобождение человека, который станет Богом истории; но в реальности это освобождение, если предположить его свершившимся, было бы освобождением для коллективного человека, а не для человеческой личности, и общество как экономическое сообщество поработило бы всю жизнь личностей; поскольку экономические функции выступают в качестве существенной деятельности гражданского общества, постольку вместо того, чтобы подчинить эту работу расцвету личностей, то, что делается ради освобождения коллективного человека, оборачивается порабощением человеческих личностей»³⁵.

Ж. Маритен называет пробуждение классового сознания рабочих «великим достижением», поскольку рабочие тем самым осознали свое человеческое достоинство и предназначение. Но также «оно обнаружило свою связь с исторической катастрофой в той мере, в какой это осознание было заражено мессианизмом отчаяния и идеей социальной войны, которые лежат в основании марксистской идеи классовой борьбы и диктатуры пролетариата», что толкнуло рабочих к разрыву с существовавшим порядком³⁶. Он отметил, что «встрече еврейско-гегелевского мессианизма Маркса с русским мессианизмом суждено было обрести уникальную значимость». Теория классовой борьбы Маркса предпола-

³⁵ Символ веры // *Маритен* 1994: 11.

³⁶ Там же: 13.

гает мессианизм. Пролетариат свободен от «первородного греха эксплуатации человека человеком», поскольку лишен всего, «находится на дне истории», но одновременно он «мессианская жертва», триумф которой будет означать освобождение человечества, когда «будет сделан скачок от царства необходимости к царству свободы»³⁷.

Реализация на практике в России марксистских идей имеет очевидные проблемы в виде чрезмерного усиления государства и подавления личности. Коммунизм, по Маритену, лишает человека его свободы и возможности влиять на государство. Уничтожение человеческой свободы порождает страх и незащищенность и разрушает изнутри политическое сообщество. В этом одна из главнейших угроз тоталитаризма. «Тоталитарное государство, – пишет он, – по своей природе подавляет любые средства, с помощью которых народ мог бы контролировать его или надзирать за ним. Народ не просто лишен каких-либо законных или институциональных средств реального контроля над государством; тоталитарное государство является патерналистским, с его точки зрения народ – это дети, которые не знают, что хорошо для них, и именно государство обязано сделать их счастливыми. (...) То, к чему ведет внутренняя логика тоталитарного государства – это не революция, которая в конце концов дает народу контроль, но полный распад, вызываемый постепенным разложением сознания людей в таком государстве»³⁸.

Важный аспект маритеновской критики тоталитаризма лежит в трактовке роли государства в жизни общества. Ж. Маритен отмечает, что в период тоталитарных экспериментов государство, «превращенное в абсолют, явило свое истинное лицо». В итоге, все оказались свидетелями государственного тоталитаризма, расы в нацистской Германии, нации – в фашистской Италии, экономического сообщества – в коммунистической России»³⁹. В такой ситуации государство отклонилось от своей главной задачи – социальной справедливости, реализуемой с помощью взаимной поддержки народа и государства в достижении этой цели. Лучший политический порядок тот, который признает суверенитет Бога. Ж. Маритен отвергает фашизм, коммунизм, светский гуманизм, подчеркивая их антигуманность. Тоталитарные государства – это «новые формы» государства, которые «требуют к себе мессианской любви, какую должно испытывать к одному лишь Богу, и стремятся либо уничтожить религию в обществе, либо извратить ее в человеческих душах, порой под видом ее защиты»⁴⁰.

Представление тоталитаризма как светской (политической) религии составляет важную часть межвоенного католического дискурса, через которую формулируется восприятие коммунизма и фашизма. Итальянский политолог Э. Джентиле, исследовавший проблему, опре-

³⁷ Интегральный гуманизм // Маритен 1994: 85.

³⁸ Маритен 2000: 71-72.

³⁹ Маритен 2000: 26-27.

⁴⁰ Маритен 2006: 93.

делил «светскую религию» как «более или менее разработанную систему верований, мифов, обрядов и символов, которая придает священный характер некоей сущности этого мира, делая ее предметом культа, поклонения и благочестивой преданности». Понятие светской религии используется им как одно из проявлений (форм) политической религии, которая в свою очередь ассоциируется с тоталитарными политическими системами. По его словам, понятие светской религии широко использовалось в 1930-е годы «для определения форм сакрализации политики, введенных в практику тоталитарными режимами»⁴¹.

В сущности, трактовка Э. Джентиле основывается в том числе на интерпретации, данной Маритеном в «Интегральном гуманизме» и ряде других работ, где он отмечает сознательное конструирование мифа, обрядовых практик, системы верований, догм и т.п. в тоталитарных государствах. Отсюда его острая реакция на новые «религии», которые несут угрозу католической традиции. Коммунизм (шире – тоталитаризм) в понимании Маритена являет собой серьезную опасность в отношении государства к человеку и Церкви. В своих трудах он наделяет фундаменталистскими чертами русский коммунизм, нетерпимый к любому мнению или поведению, отрицающий автономию индивида и устанавливающий тоталитарный контроль за поведением граждан. Сакрализация политики в большевистской России привела к догматизации идеологии, абсолютизации власти, превращение Партии в своего рода Церковь, а ее руководителя – в божество, к сочетанию разного рода традиций и культов, претензии на универсализм.

Возникновение тоталитарной власти (в том числе в Советской России) видится Маритеном также как продукт секуляризации и экспансии буржуазного государства в современном обществе, которые привели к уходу Церкви в частную сферу. Но добившись господства, государство взяло на себя функции Церкви. В Советской России марксистская эсхатология слилась с более старой миллениаристской традицией. Поэтому советский коммунизм выступает также как религия, послание о спасении человечества. В «Интегральном гуманизме» Ж. Маритен много пишет о «религиозном» значении коммунизма, в рамках которого атеизм является «религиозной и метафизической позицией». Почему так произошло? Ответ довольно прост. Коммунизм «является целостным и систематическим учением и образом жизни, которые претендуют на то, что раскрывают человеку смысл его существования, отвечают на все существеннейшие вопросы, какие ставит жизнь, и демонстрирует несравненную силу тоталитарного духа. Это – религия, относящаяся к числу наиболее властных, уверенная в том, что она призвана заменить собой все иные религии; это – атеистическая религия, в которой диалектический материализм представляет собой догматику и в которой коммунизм как режим жизни имеет этическое и социальное содержание»⁴².

⁴¹ Джентиле 2021: 63-65

⁴² Интегральный гуманизм // Маритен 1994: 76-77.

Воинствующий атеизм – одна из опасностей, подстерегающих в современном мире христианина. Маритен признает в устремлениях коммунистов истины и ценности христианского происхождения, но осуждает их стремление строить мир без Бога. В эссе «Религия и культура» философ отметит: «Момент материалистического пессимизма, революционный момент, в котором человек, определенно видя свою конечную цель в самом себе и не имея больше возможности выдерживать козни этого мира, начинает, как мы наблюдаем в России, отважный бой против трансцендентных основ естественного закона и против их творца; он берет на себя задачу создать из радикального атеизма совершенно новый гуманизм»⁴³. По его мнению, вследствие определенных событий, мир отделился от Христа. «Первыми поддержку Октябрьской революции оказали интеллигенты, которые желая “духовной революции”, приняли за радикализм требования, внушенные духом радикализма, о видимом и осязаемом ниспровержении, за которым скрывалось крушение старого зла современного духа; Ленин, впрочем, избавился от них оперативными средствами, после того как ими воспользовался»⁴⁴.

Ж. Маритен признает, что многие католики не избежали коммунистического соблазна. Коммунизм привлекателен для верующих поскольку, постольку они видят в нем «этику социально-экономического режима», простую технику, призванную «изменить экономический строй, которая им представляется единственной живущей в них верой». Они видят в этом возможность распространения своей веры и осуществление «естественного стремления к человеческому общению и братству»⁴⁵. Вера в коммунистическую революцию предлагает таким образом «целостный универсум веры и религии». «Коммунизм, – пишет Ж. Маритен, – есть настолько глубокая, настолько существенно земная религия, что он не отдает себе отчета в том, что он религия»⁴⁶. Среди элементов коммунизма присутствуют христианские элементы, например, идея общности, что произошло в результате замещения. Но марксизм отличается от всех других учений не просто тезис о первенстве экономики, а «то, что он признал зависимость (не в смысле отрицания, а в смысле закабаления) всех форм жизни, со всеми их ценностями и всей их эффективностью, от этого материального абсолюта (человечески материального) в диалектическом движении»⁴⁷.

Маритен стремится разоблачить подобную реальность, доказывая, что коммунизм создает «новое человечество», поставив задачей «изгнать трансцендентного Бога, образом которого он является», сделав человека Богом, но лишенного индивидуализма и подчиненного некоей коллективной цели. Все это переводится в реальность с помощью опре-

⁴³ Религия и культура // Маритен 1999: 49.

⁴⁴ Там же: 105-106.

⁴⁵ Интегральный гуманизм // Маритен 1994: 77.

⁴⁶ Там же: 78.

⁴⁷ Там же: 84.

деленной шкалы ценностей, концепции жизни и политики. «В настоящее время, – пишет Ж. Маритен, – именно промышленное производство кажется советскому коммунизму наиболее актуальной ценностью цивилизации». Но истоки создавшегося положения Маритен видит не только в большевистской революции. Он отмечает, что в русском народе получили распространение «ложные религиозные представления», например, мессианизм, культ святой русской земли, мистика, презрение к разуму и остатки язычества. Отсюда мощные «иррациональные потоки» в русской революции, который «питаются иррациональным героизмом и перевернутым мистицизмом и ставят целью рационализировать жизнь вплоть до устранения даже намека на таинство»⁴⁸.

Несмотря на то, что Россия живет под знаком марксизма, она подвержена «экзистенциальным реалиям», ее развитие отражает опыт, «специфичный для исторического состояния России с его неотвратимостью и сопротивлением жизненным порывам». «Мы не стали бы сомневаться, – пишет Ж. Маритен, – в правдивости документов, которые показывают нам, каким образом советская Россия смогла, подчиняясь множеству действительных теоретических требований, в течение нескольких лет перейти от отсталой экономики к новому, поражающему своими результатами состоянию, свидетельствующему о зарождении в этой стране “формы новой цивилизации” (вопрос состоит в том, какова ее ценность); эта новая форма цивилизации обретает жизнь в результате миллионов человеческих жертв и невосполнимых потерь; содержащиеся в ней позитивные элементы, коротко говоря (...), сводятся, с нашей точки зрения, к ликвидации системы «производства прибыли» и порабощения человеческой рабочей силы денежной массой (...); к попытке постоянного обновления и основания, по крайней мере, в порядке морфологии законов, “многоформной демократии”, интегрирующей человеческое множество в единое социальное, политическое и культурное сообщество»⁴⁹.

По словам Маритена, все это соседствует с варварскими методами и ошибками, «которые порочат систему», презрением к человеческой личности, «неумолимой жестокостью» и террором, бюрократическом деспотизмом, которые приводят в действие систему. В итоге, «глубочайшие недуги русской «новой цивилизации» выражаются в самом коммунистическом тоталитаризме, доводящем до крайности те страшные последствия, которые вытекают из любой жесткой социальной организации, уничтожающем, подобно другим формам тоталитаризма, свободу мысли и намеревающемся социализировать личность и дух; в борьбе против Бога, в деятельности по уничтожению религии, в обожествлении техники и опытной науки, в динамическом активизме и в новом порабощении – на этот раз в пользу коллективного человека, – которым он угрожает определенному слою производительных сил»⁵⁰. Кроме того,

⁴⁸ Там же: 95-97.

⁴⁹ Там же: 107-108.

⁵⁰ Там же: 108.

он указывает на масштабную антирелигиозную пропаганду и преследования верующих, которые страдают за свои религиозные убеждения.

Результат тоталитарного эксперимента с точки зрения христианского гуманизма отрицателен. В «Сумерках цивилизации» (1939) Маритен резюмирует катастрофу эпохи: «Наша эпоха готовит демонам убийства неслыханное пиршество. Сталин отдал им кулаков, Гитлер отдает евреев. И тот, и другой отдают им также и христиан. Страшный крик, который поднимается из концентрационных лагерей, не доступен для нашего слуха, но он проникает в тайные фибры жизни мира и невидимыми вибрациями раздирает его»⁵¹. Интерпретация гуманитарной катастрофы Маритеном однозначна. «Явное преступление – обходиться с человеческими жизнями более жестоко и пренебрежительно, чем с жизнями вычуженных животных, обрекая их беспощадной воле к власти, движущей правителями тоталитарных государств или ненасытными завоевателями. Принудительные перемещения населения, ужасы концентрационных лагерей, массовые убийства, поработительные войны, свидетельства которых мы стали, – все это признаки преступного презрения к человечеству, достигшего невиданных масштабов»⁵², – пишет Ж. Маритен. Не случайно он задается вопросом: «Какое может быть сравнение между достигнутым результатом, все равно, значительным или ничтожным, и ценой человеческой жизни, подвергаемой опасности, ценностью существа, подающего столько надежд, хранящего в себе столько незаменимых дарований и, возможно, дорогого для многих сердец?»⁵³.

Идеальное политическое сообщество, которое Маритен противопоставляет тоталитаризму, должно быть персоналистским, плюралистичным и христианским. Полномочие править исходит от народа, поскольку народ имеет естественное право управлять собой. Идеалы демократии вдохновлены верой в правление Бога, в то, что первичным источником власти является Бог⁵⁴. Важен и моральный закон, которого следует твердо придерживаться для предотвращения разложения государства. Отсюда модель христианского государственного устройства с важной (если не главной) ролью Церкви, ее духовным превосходством над политическим сообществом и государством, и необходимость тесного сотрудничества между ними. Демократическое политическое сообщество должно вдохновляться христианской политикой, т.е. политикой, основывающейся на христианских морально-этических ценностях⁵⁵.

Подводя итоги, отметим, что восприятие и осмысление «русской темы» Маритеном прошло на фоне его интеллектуальной эволюции, в которой на раннем этапе проявились юношеские симпатии к социализму, затем – увлечение моррасистскими идеями, изучение томизма,

⁵¹ Сумерки цивилизации // Маритен 2004: 367.

⁵² Маритен 2006: 96.

⁵³ Там же: 97.

⁵⁴ Маритен 2000: 120.

⁵⁵ Маритен 2006: 88.

встречи с русской религиозной эмиграцией, морально-этический выбор перед лицом гражданской войны в Испании и подъема тоталитаризма в Европе. На всех этапах интеллектуального пути Маритен остается католиком, и стойкая приверженность католической вере определяет его ангажированность, но также демонстрирует опасения перед лицом набирающего силу коммунистического эксперимента и могущества тоталитарного государства. Именно с позиций верующего и думающего католика он воспринимает происходящее в России, оценивает коммунизм как новую политическую религию и систему верований со своими атрибутами, но которая несмотря на запал социальной справедливости несет в себе в силу своей ложности угрозу человечеству. Жак Маритен не был на острие политической борьбы, но его авторитет философа, взгляды на происходившие вокруг события, влияние в интеллектуальных кругах внесли значительный вклад в формирование представлений о Советской России среди французских католиков.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. СПб.: Азбука, 2015. 416 с. [Berdyayev N.A. Samopoznanie: Opyt filosofskoj avtobiografii. SPb.: Azbuka, 2015. 416 s.].
- Губман Б.Л. Проблема единства знания в неотомизме Ж. Маритена // Вопросы философии. 1980. № 3. С. 141-146. [Gubman B.L. Problema edinstva znaniya v neotomizme Zh. Maritena // Voprosy filosofii. 1980. № 3. S. 141-146].
- Губман Б.Л. Символ веры Ж. Маритена // Маритен Ж. Философ в мире. М.: «Высшая школа», 1994. С. 135-176. [Gubman B.L. Simvol very Zh. Maritena // Mariten Zh. Filosof v mire. M.: «Vysshaya shkola», 1994. S. 135-176.].
- Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. СПб.: Владимир Даль, 2021. 400 с. [Dzhentile E. Politicheskie religii. Mezhdru demokratiej i totalitarizmom. SPb.: Vladimir Dal', 2021. 400 s.].
- Долгов К.М. Социальный смысл этической концепции Жака Маритена // Вопросы философии. 1963. № 11. С. 132-142. [Dolgov K.M. Sotsial'nyj smysl ehlicheskoj kontseptsii Zhaka Maritena // Voprosy filosofii. 1963. № 11. S. 132-142.].
- Маритен Ж. Философ в мире. М.: «Высшая школа», 1994. 192 с. [Mariten Zh. Filosof v mire. M.: «Vysshaya shkola», 1994. 192 s.].
- Маритен Ж. Знание и мудрость. М.: Научный мир, 1999. 244 с. [Mariten Zh. Znanie i mudrost'. M.: Nauchnyj mir, 1999. 244 s.].
- Маритен Ж. Человек и государство. М.: Идея-пресс, 2000. 196 с. [Mariten Zh. Chelovek i gosudarstvo. M.: Ideya-press, 2000. 196 s.].
- Маритен Ж. Избранное. Величие и нищета метафизики. М.: РОССПЭН, 2004. 608 с. [Mariten Zh. Izbrannoe. Velichie i nishheta metafiziki. M.: ROSSPEN, 2004. 608 s.].
- Маритен Ж. От Бергсона к Фоме Аквинскому. Очерки метафизики и этики. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 216 с. [Mariten Zh. Ot Bergsona k Fome Akvinskomu. Ocherki metafiziki i ehiki. M.: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2006. 216 s.].
- Мийе-Жерар Д. Русское присутствие во Франции 1920–1930-х годов на страницах журнала «Золотая трость» // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 191-202. [Mijee-Zherar D. Russkoe prisutstvie vo Frantsii 1920–1930-kh godov na stranitsakh zhurnala «Zolotaya trost'» // Novejshaya istoriya Rossii. 2015. № 1. S. 191-202].
- Симонова С.А. Жак Маритен: неотомистский опыт этико-эстетического синтеза // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2008. №7(63). С. 400-406. [Simonova S.A. Zhak Mariten: neotomistskij opyt ehiko-ehsteticheskogo sinteza // Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. 2008. №7(63). S. 400-406.].
- Шишков К.А. Современный неотомизм: история и политика в философии Ж. Маритена. Конспект лекций. Тверь: ТвГУ, 1999. 43 с. [Shishkov K.A. Sovremennij neotomizm: istoriya i politika v filosofii Zh. Maritena. Konspekt leksij. Tver': TvGU, 1999. 43 s.].

- Beneton Ph. Jacques Maritain et l'Action française // *Revue française de science politique*. 1973. № 6. P. 1202-1238.
- Bars H., Hubert B., Floucat Y. Jacques Maritain et ses contemporains. P.: Desclée de Brouwer, 1991. 405 p.
- Chenau Ph. Entre Maurras et Maritain. Une génération intellectuelle catholique (1920–1930). P.: Cerf, 1999. 262 p.
- Chenau Ph. «Humanisme intégral» (1936) de Jacques Maritain. P.: Cerf, 2006. 106 p.
- Doering B. Jacques Maritain and the French Catholic Intellectuals. Notre-Dame – London: University of Notre-Dame Press, 1983. 268 p.
- Guéna S. Maritain ou la libération des vérités captives. Politique et société. Rennes: Presses universitaires de Rennes (PUR), 2021. 332 p.
- FitzGerald D. Maritain and Gilson on the Challenge of Political Democracy // *Reassessing the Liberal State: Reading Maritain's Man and the State*. Eds. Timothy Fuller and John P. Hittinger. Washington, D.C.: American Maritain Association, 2001. P. 61-69.
- Floucat Y. Pour une restauration du politique. Maritain l'intransigent, de la Contre-Révolution à la démocratie. P.: Téqui, 1999. 246 p.
- Jacques Maritain, Emmanuel Mounier. Correspondance 1929–1949. P.: Desclée de Brouwer, 2016. 472 p.
- Livak L. La studio franco-russe (1929–1931) // *Revue des études slaves*. 2004. T.75. P. 109-123.
- Maritain J. L'Antimoderne. P.: Ed. de la Revue des Jeunes; Desclée et Cie, 1922. 271 p.
- Maritain J. Avec le peuple // Sept. 1937. 12 février. P. 8, 20.
- Maritain J. Carnet de notes. P.: Desclée de Brouwer, 1965. 415 p.
- Maritain R. Les grandes amitiés. P.: Desclée de Brouwer, 1965. 532 p.
- Pour la justice et la paix // Sept. 1935. 18 oct.
- Pour le bien commun. Les responsabilités du Chrétien et le moment présent. P.: Desclée de Brouwer et Cie, 1934. 27 p.
- Pour un parti de l'intelligence // *Le Figaro*. 1919. 19 juillet (supplément littéraire).
- Schirinsky G. Le mouvement post-révolutionnaire russe // *Esprit*. №17. 1934. Février. P. 892-898.
- Winock M. Le siècle des intellectuels. P.: Seuil, 1999. 885 p.

Шмелев Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра археологии и всеобщей истории, Казанский федеральный университет; dmitryShmelev@mail.ru

Jacques Maritain and Soviet Russia

The article analyzes the attitude of the largest French neo-Thomist philosopher Jacques Maritain to the Russian Revolution, the Soviet experience of building socialism, and totalitarianism. The research focuses on the intellectual biography of Maritain in the period between the interwar period. The intellectual path of the Catholic philosopher connected first with his fascination with socialism, then with his active participation in the activities of “Action Française” and friendship with Charles Maurras and Henri Massis, but also with acquaintance with Russian literature, comprehension of events in Russia, the nature of communism, organization of meetings with Russian religious emigration and discussions with Berdyaev. Throughout the 1920s and 1930s, Jacques Maritain, remaining a staunch Catholic, experienced an evolution from the position of a hard conservative who put the cause of the Church in the foreground and rejected any cooperation with communism to a philosopher who condemned terror during the Spanish Civil War, who subsequently embarked on the path of anti-fascist struggle. The article based on the materials of the philosophical and journalistic work of Jacques Maritain, his articles in French newspapers, personal notes and correspondence, as well as biographical works written by Russian and foreign researchers.

Key words: *France, Jacques Maritain, Catholicism, neo-Thomism, Soviet Russia, totalitarianism.*

Shmelev Dmitry, Doctor of Science (History), professor, Department of Archeology and General History, Kazan Federal University; dmitryShmelev@mail.ru

ДЕ ГОЛЛЬ И СТАЛИН: НЕЗРИМЫЙ ДИАЛОГ

Работа посвящена связям генерала де Голля и Сталина. Она основана как на опубликованных, так и неопубликованных источниках, хранящихся в московских архивах. Некоторые из них впервые вводятся в научный оборот. Центральным событием, послужившим поводом для взаимоотношений лидеров двух стран стала Вторая мировая война. Единственная личная встреча де Голля и Сталина состоялась в декабре 1944 г. во время исторического визита генерала в Москву. Однако еще задолго до нее де Голль стремился побывать в Советском Союзе, чтобы повидаться со Сталиным и тем самым упрочить свое положение в рядах западных союзников. После войны де Голль и Сталин вспоминали о своей единственной встрече и оставили друг о друге ряд интересных свидетельств.

Ключевые слова: *Де Голль, Сталин, Вторая мировая война, союзники, советско-французские отношения.*

Выдающийся французский военный и политический деятель генерал Шарль де Голль виделся со Сталиным несколько раз в период своего исторического визита в Советский Союз в декабре 1944 г. Тем не менее, интерес со стороны де Голля к лидеру СССР, размышления о нем, попытки понять этого человека выходят далеко за рамки указанного времени. Цель настоящей статьи собрать воедино имеющийся на данную тему небольшой, но весьма любопытный круг источников и ввести его в научный оборот единым блоком.

Шарль де Голль родился в 1890 г., получил прекрасное гуманитарное образование в коллеже иезуитов и в 1912 г. закончил знаменитое военное училище Сен-Сир. Он сражался на фронтах I мировой войны, после тяжелого ранения попал в плен и одно время был заключенным в крепости Ингольштадт в Баварии. По его собственным словам, он жил в одной комнате с М. Тухачевским¹. В межвоенный период де Голль продолжал военную карьеру. Однако его деятельность выходила далеко за рамки военной службы. Он публиковал статьи, выступал с докладами, писал книги, касающиеся как военных, так и других проблем. В них нашли отражение его собственная военная доктрина и жизненное кредо. В книге «За профессиональную армию», опубликованной в 1934 г. де Голль фактически предсказал решающую роль танков в будущей войне. Этой работой заинтересовался давний знакомый французского военного Тухачевский, сделавший головокружительную карьеру, и в 42 года уже ставший маршалом. С подачи Тухачевского книга де Голля была переведена на русский язык и опубликована Государственным военным издательством в 1935 г.²

Знал ли де Голль о Сталине в межвоенный период? Конечно. Его мемуары, письма и дневники говорят о том, что он следил за политиче-

¹ Советско-французские отношения 1983. Т.1: 83.

² Голь Ш. де 1935.

ским развитием стран Восточной Европы. Так, например, из его письма к матери, датированным декабрем 1936 г., ясно, как живо и положительно де Голль отреагировал на заключенный годом ранее Советско-французский договор о взаимной помощи³. Знал ли в то время Сталин о существовании французского военного Шарля де Голля, брал ли он в руки его переведенную на русский язык книгу? Думается, что нет.

Сначала заочное, а потом и очное знакомство Сталина с де Голлем произошло в начале Второй мировой войны. В июне 1940 г. имя Шарля де Голля узнали во всем мире. В период «странной войны» с осени 1939 до мая 1940 г., во время которой на Западном фронте военные действия не велись, он был назначен командующим танковым корпусом 5-й французской армии. Когда же немцы в мае 1940 г. начали наступление, де Голль был поставлен во главе 4-й бронетанковой дивизии и смог ненадолго остановить стремительный натиск вражеской армии, за что получил звание бригадного генерала и в начале июня стал заместителем военного министра. Во Франции тем временем возобладала политическая линия на прекращение войны. Пришедшее к власти в середине июня 1940 г. правительство маршала Петена заключило 22 июня перемирие с нацистской Германией. Оно обосновалось в курортном городке Виши и полностью подчинялось немецким фашистским властям, оккупировавшим более половины Франции, включая Париж. Де Голль категорически отказался подчиниться правительству Виши, назвав его незаконным. Еще до заключения перемирия он вылетел на английском самолете в Лондон, встретился с Черчиллем и объявил ему, что возглавит борьбу французов против врага. Английский премьер одобрил это решение. 18 июня 1940 г. де Голль из лондонской студии радиостанции Би-Би-Си произнес свою ставшую исторической речь к соотечественникам, в которой призывал французов не складывать оружия, а присоединиться к нему. В британской столице генерал основал организацию «Свободная Франция» (переименованную в середине 1942 г. в «Сражающуюся Францию»), призванную от лица Франции продолжать войну сначала на стороне Великобритании, а потом и других союзников против фашистской Германии⁴. За этот поступок власти Виши заочно приговорили де Голля к смертной казни за «дезертирство» и «измену».

Отношения де Голля с Черчиллем складывались нелегко. Генерал считал своим долгом отстаивать французские интересы в мире. Английский же премьер заявлял, что «официальная» Франция сдалась на милость победителю, а де Голль — лишь «доброволец» у него на службе. Пользуясь этим, Черчилль стремился утвердить власть Великобритании в некоторых стратегически важных колониях Франции, напри-

³ Gaulle Ch. de 1980: 441-443.

⁴ Подробнее об этом: Арзаканян 2017: 63-75.

мер в Сирии и Ливане. Не лучше обстояли дела и в отношениях де Голля с президентом Ф. Рузвельтом. Генерал сразу попытался наладить с ним контакты. Но американский президент относился к де Голлю плохо. И даже после вступления США в войну в декабре 1941 г. он заявил, что «прокинутая Франция не может больше приниматься в расчет»⁵, тем более в лице опального бригадного генерала.

В сложившихся неблагоприятных для «Свободной Франции» отношениях с западными союзниками де Голль сразу решил обратить свой взор к СССР. После начала в июне 1941 г. Великой Отечественной войны генерал выступил инициатором заключения дипломатических отношений между «Свободной Францией» и Советским Союзом. Кремль откликнулся на поступившее предложение. Отношения установили, и было принято решение обменяться официальными представителями, после чего де Голль отправил послание на имя Сталина: «В момент, когда Свободная Франция становится союзником Советской России в борьбе против общего врага, я позволю себе высказать Вам мое восхищение непоколебимым сопротивлением русского народа, равно как мужеством и храбростью его армий и полководцев. Бросив всю свою мощь против агрессора, СССР дал всем ныне угнетенным народам уверенность в своем освобождении»⁶.

В западной историографии голлизма, и в первую очередь французской, по существу отсутствуют сведения о развитии отношений «Свободной Франции» с СССР. А советские источники, как опубликованные, так и архивные, красноречиво говорят о том, что де Голль, начиная с 1942 г. хотел приехать в Советский Союз и повидаться со Сталиным. Разумеется, он искал от лидера СССР поддержки своей деятельности. Дипломаты «Свободной Франции» пытались организовать визит генерала в Москву. Так, 8 августа 1942 г. в Лондоне глава дипломатического ведомства «Свободной Франции» Морис Дежан от имени де Голля явился к чрезвычайному полномочному послу СССР А.Е. Богомолу в Лондоне и заявил: «Если советское правительство хочет пригласить де Голля в Москву для личного свидания, то он будет очень рад принять такое приглашение, используя свое пребывание на Ближнем Востоке как удобный случай визита в СССР»⁷. В тот же день представитель «Свободной Франции» в Москве Роже Гарро повидался с заместителем наркома иностранных дел В.Г. Деканозовым и сказал: «Де Голль находится в Каире. Он был бы готов, если советское правительство сочтет это желательным, прибыть в Москву на 2–3 дня»⁸. Но никаких приглашений де Голль не получил. Сталину было не до обсуждений положения «Сражающейся Франции» и ее лидера. Вождь СССР не был заинтересован в де Голле, так как тот ничем не мог ему

⁵ Gaulle Ph. de 2003: 252.

⁶ Советско-французские отношения 1983. Т.1: 54.

⁷ АВП РФ. Фонд (Ф) 06. Опись (Оп.) 6. Дело (Д.) 750. Папка (П.) 55.

⁸ Там же.

помочь в данный тяжелый для Советского Союза момент войны. Немцы вышли к Сталинграду. А Великобритания из-за большой опасности на северных морях на время отказалась от отправки конвоев с военными грузами в Архангельск. Об этом Сталин беседовал 12 августа 1942 г. с приглашенным в Москву Черчиллем.

Судьба де Голля повисла на волоске в первой половине 1943 г., когда после высадки англо-американских войск в Северной Африке Черчилль и Рузвельт назначили на пост «гражданского и военного главнокомандующего» французскими силами в Алжире генерала Анри Жиро. Они во много раз превосходили контингент «Сражающейся Франции», поэтому американский президент и английский премьер-министр просто требовали, чтобы де Голль подчинился Жиро. Глава «Сражающейся Франции» наотрез отказался и опять пытался заручиться поддержкой Москвы. 1 апреля 1943 г. де Голль лично явился в Лондоне к А.Е. Богомолу и заявил, что хочет приехать в СССР и повидаться со Сталиным⁹. И на этот раз его просьба осталась без ответа.

Однако руководитель «Сражающейся Франции» смог и без помощи Кремля отстоять свои интересы. Он явился в алжирскую столицу после полного одобрения своей деятельности силами внутреннего французского Сопrotивления. В Алжире был образован Французский комитет национального освобождения (ФКНО), призванный официально осуществлять французские интересы на стороне союзников. Сначала его возглавляли два генерала – де Голль и Жиро. Но постепенно де Голль искусно отстранил Жиро от дел и стал единоличным председателем ФКНО. Он по-прежнему искал встречи со Сталиным. В конце августа 1943 г. директор кабинета де Голля Гастон Палевски встретился с советским представителем в Алжире Аваловым (известным разведчиком И.И. Агаянцем) и сказал ему: «Де Голль намерен при первой же возможности выехать в Москву для личной встречи с руководителями вашего правительства. Этой поездкой он намерен добиться установления тесного франко-советского сотрудничества, укрепить свои позиции в самой Франции, а также свои внешние позиции, считая, что встреча со И.В. Сталиным явится важным международным событием... Возможно, что предварительно он поедет в Лондон или Вашингтон»¹⁰.

3 сентября де Голль лично повидался с Аваловым, после чего тот сообщил в Москву: «В целях возможности выработки единого мнения по вопросам о принципах политической организации будущей Европы де Голль хочет поехать в Москву для встречи со Сталиным. Он считает, что дату свидания должна установить Москва. Он интересовался маршрутом поездки и климатическими условиями»¹¹. Ответ де Голль полу-

⁹ АВП РФ. Ф.06. Оп.6. Д.750. П.55.

¹⁰ Советско-французские отношения. Т.1: 244.

¹¹ АВП РФ. Ф.06. Оп.6. Д.750. П.55.

чил 15 октября 1943 г. от прибывшего в Алжир А.Е. Богомолова. Посол СССР сказал ему, что «поставленный им вопрос о желании посетить Москву был встречен благожелательно, но дата посещения потребует согласования, и если он хочет приехать в Москву, то пусть даст свои предложения»¹². Де Голль был рад, что Сталин, наконец, согласился с ним встретиться. Но в ближайшее время он не смог отправиться в столицу СССР, потому что ему предстояло решить ряд важных вопросов в Алжире, касающихся будущего Франции. К тому же вскоре возникло еще одно осложнение. Председателя ФКНО не пригласили на Тегеранскую конференцию (28 ноября – 1 декабря 1943 г.), на что он рассчитывал. Мало того, де Голль остался недоволен ее результатами, считая, что по многим вопросам Сталин занял проамериканскую позицию. Такая ситуация на время охладила отношения ФКНО с Советским Союзом.

В июне 1944 г. наконец-то был открыт Второй фронт, союзные войска высадились во Франции. ФКНО переименовал себя во Временное правительство Французской Республики во главе с де Голлем. Генерал побывал в Лондоне и Вашингтоне, после чего опять поставил вопрос о своем визите в Москву. 8 ноября 1944 г. председатель Временного правительства встретился в освобожденном Париже с А.Е. Богомоловым и сказал, что он и некоторые его министры хотели бы посетить СССР, если это совпадает с желанием советского правительства, для обсуждения взаимоотношений между двумя странами»¹³.

Через месяц глава Временного правительства Франции прибыл в СССР. Так как в Европе шли ожесточенные бои, ему пришлось проделать до столицы Советского Союза долгий путь через Каир, Тегеран, Баку и, наконец, Сталинград, который он сам пожелал посетить. Из города, пережившего недавно колоссальные потрясения, генерал специальным поездом 2 декабря 1944 г. приехал в Москву¹⁴.

Председатель Временного правительства Франции встречался в Кремле со Сталиным три раза¹⁵. Их первая беседа состоялась в день приезда де Голля в Москву. Затем последовали встречи 6 и 8 декабря. По многим проблемам главы государств проявили взаимопонимание, но не по всем и, что главное, не по тем из них, которые де Голлю казались особенно важными для Франции. Его особенно интересовал «германский вопрос». На первой же встрече генерал сказал Сталину: «Было бы хорошим решением, если бы Рейнская область была отделена от Германии и присоединена к Франции. Может быть для северной ее части, то есть для бассейна Рура, следует установить другой режим — не французский, а международный. Что же касается Рейнской области вообще, то она должна быть отделена от Германии и присоединена к французской территории, так как это необходимо с точки зрения по-

¹² Там же.

¹³ Советско-французские отношения. Т.2: 139.

¹⁴ Подробно о визите де Голля в СССР в 1944 г. см.: Арзаканян 2017: 112–118.

¹⁵ Полные записи бесед де Голля и Сталина см.: Советско-французские отношения Т. 2:157-166, 175-185, 195-202.

литической, экономической и военной». Однако руководитель СССР сразу твердо заявил, что такой важный вопрос нельзя решать в двустороннем порядке. Его союзники должны обсудить сообща¹⁶. Де Голль не смог тогда возразить, но даже много лет спустя вспоминал о своей беседе со Сталиным по поводу Рейна и Рура. Он говорил: «В 1944 году я хотел создать другие границы и сказал об этом Сталину, но я тогда не был достаточно силен, чтобы отстоять свою точку зрения»¹⁷.

Интересные воспоминания о председателе Временного правительства в Москве в 1944 г. оставил присутствовавший на переговорах молодой Н.С. Хрушев. Он писал: «Де Голль вел себя гордо, держался достойно, не гнул спины и не склонял головы, а ходил как человек, проглотивший аршин. Внешне он производил впечатление человека необщительного, даже сурового»¹⁸. Неожиданно для французов настоящим «камнем преткновения» на переговорах стал «польский вопрос». Де Голль категорически не соглашался на упорное предложение советской стороны признать поддерживаемый СССР Польский комитет национального освобождения. Генерал глубоко переживал создавшуюся ситуацию. Порой ему казалось, что переговоры зайдут в тупик и его визит не увенчается успехом. Но в конечном счете стороны все-таки пришли к компромиссному решению. В ночь на 10 декабря был подписан Советско-французский договор (пакт) о взаимной помощи.

Во время пребывания главы Временного правительства в Москве лидеры двух союзных государств присматривались друг к другу. Де Голль напишет свои впечатления о Сталине много позднее в «Военных мемуарах». Пока же ему врезалась в память одна фраза вождя «всех времен и народов»: «В конечном счете, все побеждает смерть». Сталин не оставил воспоминаний о де Голле. Но по косвенным свидетельствам можно судить о том, что он вообще не придавал значения личным отношениям с западными союзниками. Они были для него лишь временными попутчиками. Вклад Великобритании и Соединенных Штатов в разгром гитлеровской Германии был большим, что Сталин ценил. Франция же (лидер СССР не делал особого различия между Виши и Французским комитетом национального освобождения) внесла лишь малую лепту в этот процесс. Сталин это прекрасно понимал. Поэтому он, хоть и принял генерала в Москве, не считал нужным с ним особо миндальничать. Возвращавшийся в Париж в одном самолете с французской делегацией А.Е. Богомолов писал в своем отчете: «На пути из Москвы до Парижа де Голль был... мрачен и о пакте не говорил ничего. Рейнской области ему не пообещали, военной конвенции не заключили и ни о чем перед ним не обязались против возможных происков Англии и США». И далее:

¹⁶ Советско-французские отношения Т.2: 163.

¹⁷ Цит. по: Россия - Франция 2010: 272.

¹⁸ Хрушев 1997:80.

«Самолюбие де Голля было задето. Он хотел быть принят как вождь великой и сильной Франции, а ему дали понять, что если с ним подписывают пакт, то при этом сознают, что делают ему одолжение и серьезный аванс и не очень-то верят в его теперешнее величие»¹⁹. Подчеркнем, что посол А.Е. Богомолов, естественно, был в курсе того, что происходило «за кулисами» переговоров и высказанные им слова по поводу де Голля наверняка были «сняты с уст» руководителей СССР. Сам он просто не посмел бы заявлять подобные вещи. Дальнейшие события только подтвердили определенное отношение Сталина к де Голлю.

4–11 февраля 1945 г. состоялась Ялтинская конференция. Де Голль хотел от имени Франции побывать на ней. Да, к председателю Временного правительств Франции плохо относился президент США Рузвельт. Но ведь генерал только что заключил договор о взаимной помощи с СССР и поэтому рассчитывал на хорошее отношение к нему Сталина. Но ничего подобного не произошло. Лидер СССР, так же как Рузвельт и Черчилль считал, что Франция не может входить в привилегированный клуб «великих держав». На переговорах в Ялте 5 февраля Сталин заявил: «Я — за великую Францию. Однако при всем уважении к Франции нельзя забывать того, что произошло. Ведь Франция в эту войну открыла ворота немцам»²⁰. Или еще, 4 февраля, на предварительном заседании в Воронцовском дворце в Алушке: «Де Голль не совсем понимает положение Франции. Американцы, англичане и русские проливали кровь ради освобождения Франции. Французы же потерпели поражение и сейчас имеют лишь восемь дивизий. Тем не менее, де Голль хочет, чтобы у Франции были те же самые права, как у США, Англии и России»²¹. Как говорится, комментарии излишни.

В 1946 г. Де Голль, сторонник сильной исполнительной президентской власти, добровольно покинул пост председателя Временного правительства, когда понял, что Учредительное собрание выступает за восстановление во Франции республики парламентского типа правления. Он создал в 1947 г. политическую партию Объединение французского народа (РПФ). Генерал надеялся, что она победит на парламентских выборах и тогда станет возможным изменить политический строй Франции. РПФ первоначально имела большой успех, но постепенно ее влияние в стране начало падать. Тогда де Голль распустил объединение, после чего оказался просто частным лицом.

Сталин старел и, видимо, все чаще вспоминал былое. События грандиозной военной эпопеи не давали себя забыть. В 1952 г. в СССР прибыл новый посол Франции Луи Жокс. 22 августа Сталин принял его и неожиданно для посла заговорил о де Голле. В настоящей статье материалы этой беседы Сталина публикуются впервые, поэтому приведем выдержку, касающуюся генерала полностью. «Сталин спрашивает,

¹⁹ АВП РФ. Ф.0136. Оп.29. Д.13. П.95.

²⁰ Ялта – 1945: 92.

²¹ Там же: 52.

давно ли видел посол де Голля и как он себя чувствует. Жокс говорит, что он давно не видел де Голля, но знает, что он чувствует себя хорошо. Жокс добавляет, что де Голля он знает хорошо, т.к. работал с ним вместе в Алжире, когда де Голль возглавлял временное правительство. Сталин спрашивает, не знает ли посол, не раскаивается ли де Голль в том, что он подписал пакт о взаимопомощи с Россией. Жокс отвечает, что он не может говорить за де Голля, тем более что он, Жокс, представляет французское правительство. Однако Жокс не представляет себе, почему бы де Голлю раскаиваться в подписании пакта, имеющего оборонительный характер. Сталин — да, оборонительный»²².

И де Голль часто думал о войне, о Сталине и о своем визите в Москву в декабре 1944 г. Когда вождь СССР умер в марте 1953 г. генерал отправил заместителю председателя Совета народных комиссаров В.М. Молотову телеграмму: «В момент кончины генералиссимуса Сталина я прошу принять вас лично и правительство СССР мои самые глубокие соболезнования. Имя Сталина навсегда останется связанным с воспоминанием о великой общей битве до победного конца, которую вели народы СССР, Франции и других союзников»²³. В том, что касается договора о взаимной помощи с СССР де Голль просто гордился им и упоминал о нем в разговорах с собеседниками. В 1954 г. во Францию был направлен новый посол С.А. Виноградов, который по своей инициативе повиделся с де Голлем. Генерал ему, в частности, сказал: «В свое время я заключил со Сталиным франко-советский договор. Это я сделал для того, чтобы, с одной стороны, восстановить независимость Франции и, с другой, чтобы предусмотреть совместное решение германской проблемы, которая, в соответствии с этим договором, не должна была решаться без Франции»²⁴. «Германская проблема» французским правительством была решена просто. Оно одобрило вступление ФРГ в НАТО. После этого в 1955 г. Верховный Совет СССР денонсировал Советско-французский договор о взаимной помощи 1944 г., так как при создавшихся обстоятельствах он уже не имел смысла. Де Голль был огорчен и раздосадован такому событию.

Во второй половине 1950-х гг. де Голль посвятил себя написанию «Военных мемуаров». Сталин умер. В 1956 г. был разоблачен культ его личности. В завершающем томе воспоминаний (1944–1946 гг.) генерал дал ему откровенную характеристику. Де Голль представил его таким, каким он ему виделся. Читаем: «Сталин был одержим жадной власти. Измученный боязнью заговоров, он был вынужден скрывать свое истинное лицо, жить без мечтаний, жалости, искренности, видеть в каждом человеке препятствие или угрозу. Все его действия сводились лишь

²² РГАСПИ. Сталин Иосиф Виссарионович. Ф.558. Оп.11. Д.392.

²³ Gaulle Ch. de. 1985: 138.

²⁴ АВП РФ. Ф.0136. Оп.44. Д.9. П.259.

к маневрированию, подозрительности и упорству. Революция, партия, Государство, война были для Сталина удобными случаями и средствами господства. Он достиг его, всемерно используя все уловки толкования марксизма и суровость тоталитаризма, запуская в игру сверхчеловеческие дерзость и коварство, поработав или ликвидируя других.

Сталин остался один на один с Россией. Он воспринимал ее как мистическую, более сильную и стойкую, чем все теории и режимы. Он любил ее по-своему. А она в ужасный момент истории приняла его как царя и терпела большевизм как средство существования»²⁵.

Звезда де Голля взошла вторично, когда он в 67 лет стал президентом страны. Генерал установил во Франции республику президентского типа, осуществив свою мечту о сильной исполнительной власти. Он пробыл на посту главы государства более десяти лет. В 1966 г. де Голль совершил свой второй визит в СССР, где встречался с Л.И. Брежневым, А.Н. Косыгиным и Н.В. Подгорным и одним из первых западных лидеров высказал в Москве идею разрядки международной напряженности. В 1969 г. он опять добровольно покинул свой пост, после того как французы на референдуме отвергли проект выдвинутой им реформы Сената и нового административно-территориального устройства Франции.

В конце жизни де Голль взялся писать новые воспоминания, теперь уже о своем пребывании в должности президента республики — «Мемуары надежд», которые не успел завершить. Он жил почти безвыездно в своем имении в Шампани Коломбэ-ле-дэз-Эглиз, принимал там только родных и близких. В декабре 1969 г. к генералу навелся верный друг, его бывший министр культуры, писатель Андре Мальро. Два знаменитых человека уселись в кабинете генерала, смотрели на медленно падающие за окном снежинки и провели за разговорами весь день. Они все вспоминали и вспоминали успешные годы, события, людей. И де Голль сказал Мальро напоследок: «Прав был Сталин. В итоге все побеждает смерть»²⁶. Менее чем через год генерала не стало.

Да, все люди смертны. Только память о тех, кто действительно творил историю, искореняя зло, время не властно ни победить, ни исказить. Она живет вечно и передается из уст в уста, из поколения в поколение, из книги в книгу.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Архив внешней политики Российской Федерации (АВНПФ). [Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (AVPRF)].
Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). [Rossijskij Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI)].
Арзаканян М.Ц. Де Голль. М., 2017. 301 с. [Arzakanyan M.C. De Goll'. M., 2017. 301 s.].
Голь Ш. де. Профессиональная армия. М., 1935. 88 с. [Gol' SH. de. Professional'naya armiya. M., 1935. 88 s.].
Голь Ш. де. Военные мемуары. Т.3. Спасение. 1944–1946. М., 2004. 799 с. [Gol' SH. de. Voennye memuary. T.3. Spasenie. 1944–1946. M., 2004. 799 s.].

²⁵ Голь Ш. де. 2004: 69–70.

²⁶ Malraux A.: 1971.

- Нарочницкая Н.И. (Ред.). Ялта – 1945. Начертания нового мира. Документы и фотографии из личного архива Сталина. М., 2010. 287 с. [Narochnickaya N.I. (Red.). YAlta – 1945. Nachertaniya novogo mira. Dokumenty i foto-grafii iz lichnogo arhiva Stalina. M., 2010. 287 s.].
- Рубинский Ю.И., Арзаканян М.Ц. (Ред.). Россия – Франция. 300 лет особых отношений. М., 2010. 328 с. [Rubinskij YU.I., Arzakanyan M.C. (Red.). Rossiya – Franciya. 300 let osobyh odnoshe-nij. M., 2010. 328 s.].
- Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы в 2-х т. М., 1983. Т.1. 431 с. Т.2. 573 с. [Sovetsko-francuzskie otnosheniya vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941-1945. Dokumenty i materialy v 2-h t. M., 1983. T.1. 431 s. T.2. 573 s.].
- Суту А.-Ж. Договор 1944 года и его значение для французской дипломатии – Рубинский Ю.И. Арзаканян М.Ц. (Ред.). Россия – Франция. С.262-272. [Sutu A.-ZH. Dogovor 1944 goda i ego znachenie dlya francuzskoj diplomatii – Ru-binskij YU.I. Arzakanyan M.C. (Red.). Rossiya – Franciya. S.262-272.].
- Хрущев Н.С. Воспоминания. М., 1997. [Hrushchev N.S. Vospominaniya. M., 1997.].
- Gaule Ch. de. Lettres, notes et carnets. 1919 – Juin 1940. P., 1980. 512 p.
- Gaule Ch. de. Lettres, notes et carnets. Juin 1951 – Mai 1958. P., 1985. 419 p.
- Gaule Ph. de. De Gaulle mon père. V.1. P., 2003. 556 p.
- Malraux A. Les chênes qu'on abat. P., 1971. 235 p.

Арзаканян Марина Цолаковна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; arzakanian@mail.ru

De Gaulle and Stalin: Silent Dialogue

The paper is devoted to the connections of General de Gaulle and Stalin. It is based on both published and unpublished sources of Moscow archives. Some of them are being introduced into scientific circulation for the first time. The central event that served as a pretext for the relationship between the leaders of the two countries was the Second World War. The only personal meeting between de Gaulle and Stalin took place in December of 1944 during the General's historic visit to Moscow. However, long before it, de Gaulle strove to visit the Soviet Union in order to see Stalin and thereby strengthen his own position in the ranks of the Western allies. After the War, de Gaulle and Stalin recalled their meeting and left some interesting testimonies about each other.

Keywords: *De Gaulle, Stalin, Second World War, allies, Soviet-French relations*

Marina Arzakanyan, Dr.Sc. (History), Professor, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences: arzakanian@mail.ru

Г.С. ЗЕЛЕНИНА

РОЖДЕНИЕ ЕВРЕЙСТВА ИЗ ДУХА ДЕПРЕССИИ: ДНЕВНИК КИТАИСТА В.А. РУБИНА В КОНТЕКСТЕ

Статья посвящена реконструкции биографии китаиста и активиста еврейского движения В.А. Рубина (1923—1981) и проблематизации ее переломного периода, в который Рубин решается на эмиграцию, включается в борьбу за нее, меняет свою жизнь и переосмысляет идентичность. Исследование построено на дневниках Рубина, рассматриваемых в контексте других эго-документов: его собственных, его родных, сподвижников и современников. Контекстуализация дает возможность проследить ретроспективные искажения образа и взглядов Рубина, а также выявить в его дневнике и автобиографических текстах других отказников общие черты, позволяющие предложить объяснение неожиданному «возвращению к корням» не большей части советской еврейской интеллигенции.

Ключевые слова: эго-документы, еврейское национальное движение, отказники, эмиграция, диссиденты, СССР, Израиль.

В сборнике «Мы шли навстречу ветру и судьбе...», посвященном студентам исторических факультетов МГУ и МИФЛИ, участвовавшим в Великой Отечественной войне, о Виталии Ароновиче Рубине (1923—1981), студенте истфака 1940 года набора, сообщается следующее:

Ученый-востоковед, активист еврейского эмиграционного движения в СССР. В 1941 служил в 8-й Краснопресненской див. НО [народного ополчения]. Участвовал в боях под Ельней, Калугой. Попал в окружение, три дня находился в плену, откуда бежал. Награжден медалью «За победу над Германией». Восстановился на курс 1946 г/п [года поступления]. В студенческие годы был председателем ревизионной комиссии кассы взаимопомощи. Окончил каф. Востока, специализировался по древней истории Китая. Работал в вузах. В 1960 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1969—1972 – с.н.с. Ин-та востоковедения АН СССР. В 1976 г. эмигрировал в Израиль. В 1976—1981 гг. – проф. Иерусалимского университета; преподавал историю китайской политической мысли и философию Древнего Китая. Погиб в автомобильной катастрофе¹.

К этой биографической справке возникает, по меньшей мере, три вопроса. Почему Рубин возобновил учебу так поздно? Поскольку он проучился год до войны, чтобы совпасть с курсом 1946 г/п, он должен был вернуться в университет только в 1947 г. (на самом деле – в 1948-м, сдав экстерном экзамены за второй курс²). Почему не указаны вузы, в которых он работал: их число слишком велико или названия неизвестны? Что происходило с 1972-го по 1976 год: почему Рубин прекратил работать в ИВ АН за четыре года до отъезда, а другого места работы не нашел? Автор справки – намеренно ли, стремясь к политической нейтральности и избегая критики государства, или по неведению –

¹ «Мы шли навстречу ветру и судьбе» 2009: 341.

² Биография 1988: 18.

умалчивает о некоторых репрессивных практиках советского режима, вследствие чего и возникают эти неясности.

Нижеследующий краткий биографический очерк призван как заполнить эти лакуны, так и создать более выпуклый портрет героя, остановившись на переломных моментах в его жизни и ключевых фигурах в его окружении. Далее мы обратимся к дневнику, который Рубин вел с 1962 года до конца жизни, и сосредоточимся на том, как кабинетный ученый, специалист по китайской древней истории и философии, глубоко погруженный в свои штудии и не проявляющий ни какого-либо общественного темперамента, ни видимого интереса к еврейству, иудаизму или государству Израиль, начинает мыслить в национальных категориях, видеть себя, прежде всего, членом национального коллектива и, обдумывая свою жизненную миссию, выбирает между ролью ученого-китаиста и активиста еврейского движения, склоняясь в пользу второй. В третьей части статьи мы поместим дневник Рубина в круг других эго-документов – его собственных, его близких и некоторых его соплеменников и современников и с помощью этой контекстуализации уточним ответы на центральный вопрос статьи. Научная деятельность Рубина, его взгляды на древнекитайскую философию и политическую теорию остаются за рамками настоящего текста³; нас Рубин интересует как рефлексирующий интеллигент на перевале жизни, в процессе реконструкции своей идентичности, а его история – как аргумент в дискуссии о причинах еврейского движения.

Труды и дни

Близнецы Виталий и Мария Рубины родились в семье Софьи Сауловны Бахмутской и Арона Ильича Рубина. Арон Ильич (1888–1961) был уроженцем Динабурга (Даугавпилса); он и его брат и сестра – близнецы Исаак Ильич и Блюма Ильинична – приходились кузенами кузенам Соломону Михозелсу и Мирону Вовси.

Арон Ильич закончил юридический факультет Петербургского университета, занимался философией Спинозы, преподавал истмат, диамат и историю философии⁴. После травли и ареста в 1930 году Исаака Ильича, крупного специалиста по марксистской политэкономии, возможности трудоустройства Арона Ильича оказались крайне ограничены: он преподавал латынь в медицинском институте и занимался переводами «с немецкого, французского, английского, польского, итальянского и испанского» языков⁵. Полиглот, философ и интеллигент с разносторонними интересами (его записные книжки содержат конспекты и заметки по разным дисциплинам и темам и на разных языках⁶)

³ См. краткий обзор: Мартынов 2016(6): 155–164, прижизненную монографию Рубина: Рубин 1970 – и посмертное собрание его китаеведческих работ: Рубин 1999.

⁴ Рубин 1985: 10.

⁵ Рубин А. Автобиография. Личное дело А.И. Рубина. Архив отдела кадров ИНИОН РАН.

⁶ ОР РГБ. Ф. 774. Картон 2. Д. 10.

Арон Ильич оказывал огромное влияние на сына, будучи для него главным авторитетом и важнейшим корреспондентом и собеседником: Виталий признавался, что выбрал синологию, стремясь найти для себя такую область, в которой его отец не был бы специалистом⁷; смерть отца, которую он очень болезненно переживал, подтолкнула его к ведению дневника; его памяти он посвятил свою книгу.

Виталий окончил первый курс истфака МГУ в июне 1941 года и отправился добровольцем в народное ополчение. Позднее, в годы борьбы за эмиграцию и преимущественно еврейского самовосприятия, Рубин говорил, что, «как еврей, чувствовал, что мое место на фронте»⁸, и уточнял, что среди студентов-добровольцев, из которых был сформирован его полк, «почти все были евреями»⁹. В то время как среди молодых столичных добровольцев был действительно высок процент еврейской интеллигенции¹⁰, мотивация Рубина, как, видимо, и большинства его соплеменников, отнюдь не была еврейской: они шли воевать как патриоты своей родины, а не как представители уничтожаемого нацистами народа (о чем поначалу могли и не знать)¹¹.

В октябре 1941 года дивизия Рубина в Смоленской области была окружена немцами, и, пытаясь выйти из окружения, Рубин попал в плен, но через несколько дней бежал и вернулся на фронт. Факта пребывания в плену он не скрывал и осенью 1942 г. по решению Особого отдела был отправлен в проверочный спецлагерь под Тулой, где полтора года проработал откатчиком на угольной шахте, пока не заболел туберкулезом, на четыре года приковавшим его к постели и помешавшим раньше вернуться в университет, к чему он стремился всеми силами души. «...я не теряю надежду на то, что в будущем сумею посвятить свою жизнь науке, – писал Виталий из лагеря профессору А.И. Неусыхину. – Без этого мне не имело бы смысла дальше жить»¹².

Окончив истфак в 1951 году, Рубин не был принят в аспирантуру, что неудивительно, учитывая время – разгар антисемитских кампаний – и его беспартийность. Один семестр он преподавал русский язык китайским студентам в Институте сельского хозяйства в Новочеркасске – очевидно это имел в виду автор вышеприведенной биографической справки под «работой в вузах», потом долго не мог устроиться на постоянную работу, и только в 1953 году, после смерти Сталина, прекращения дела врачей и некоторого смягчения обстановки, ему удалось поступить референтом по китайской литературе в ФБОН.

Письма с фронта помимо родных Рубин писал своей однокурснице и, вероятно, возлюбленной Эсфири Шифман; впоследствии она вышла

⁷ Рубин 1988(1): 160.

⁸ Albert 1976: 8.

⁹ Биография 1988: 8.

¹⁰ См. Будницкий 2010(а): 28–34; Будницкий 2010(б): 36–41.

¹¹ О молодых новобранцах-евреях см. Будницкий 2010(а): 31: «Все они были сто процентными советскими патриотами».

¹² Archiv FSO. F. 01-073 Rubin.

замуж за Арона Гуревича, Рубин же в 1956 г. женился на Инессе Моисеевне Аксельрод, переводчице и преподавательнице немецкого языка, дочери личного библиотекаря Н.К. Крупской и высокопоставленного сотрудника НКВД, а затем НКВД, начальника нелегальной резидентуры в Турции и в Риме, заместителя начальника школы особого назначения НКВД. Моисей Маркович Аксельрод был расстрелян в 1939 г. Инесса Моисеевна, проведшая, по всей видимости, чрезвычайно благополучное для советского ребенка 1930-х гг. детство, подробно описанное в ее мемуарах «Жизнь как жизнь» и задокументированное фотографиями с родителями в Риме и Париже¹³, видела в своем отце не участника преступлений режима, а их жертву и себя, соответственно, полагала не бенефициаром его блестящей карьеры, а жертвой ее мгновенного и жестокого конца. Эта позиция – уже в годы борьбы Рубиных за выезд – нашла отражение в следующем примечательном диалоге с сотрудником КГБ, демонстрирующем классические взгляды обеих сторон: евреи как баловни советской власти – евреи как жертвы советской власти: «– Советская власть вам все дала! – продолжает он гнуть свое. – Да, конечно! Сначала она в 39-м году уничтожила моего отца, а потом искалечила жизнь моего мужа. Не пробуйте предьявлять мне какие-то счеты!»¹⁴.

В 1960 году Рубин защитил кандидатскую диссертацию, в 1970-м издал книгу «Идеология и культура Древнего Китая», а в конце 1968-го перешел на работу в Институт востоковедения РАН. Последние два события сам Рубин расценивал как результат собственных немалых усилий и в то же время как большие удачи уровня чудес, поскольку «уже давно в этот институт не брали ни одного еврея», а «тем более беспартийного еврея»¹⁵, книга же «абсолютно противоречи[ла] традиционному советскому подходу к древнекитайской философии» и «прошла каким-то образом мимо» М.Л. Титаренко, консультанта по Китаю и Дальнему Востоку в ЦК, который «должен был бы смотреть эту книгу и [...] несомненно наложил бы на нее вето»¹⁶.

В начале 1972 года Рубины подали документы на выезд в Израиль, перед этим Виталий уволился из Института востоковедения и до отъезда так и не трудоустроился. Такова была обычная практика: подающие документы на выезд, как правило, теряли работу, увольняясь либо превентивно, чтобы не подводить начальство, либо в обмен на характеристику для ОВИР (как сделала Инесса Рубина), либо впоследствии под тем или иным предлогом их понижали в должности и увольняли. Получив в июле 1972 года отказ, Рубин стал одной из ведущих фигур в рядах московских борцов за выезд. Разные формы этой деятельности: контакты с иностранными корреспондентами и дипломатами, участие и организация квартирных семинаров, хранение и распространение сам-

¹³ Рубина-Аксельрод 2006.

¹⁴ Рубина 2011.

¹⁵ Биография 1988: 23.

¹⁶ <Биография Виталия Рубина. Продолжение>: 5. САНП. ARS. Vox 8. 032-005.

издата и иностранной прессы, подготовка обращений к мировой общественности, а также параллельные связи с диссидентами и участие в правозащитной деятельности (Рубин несколько месяцев входил в Хельсинскую группу) и, наконец, преследование милицией и КГБ подробно описаны в дневниках Рубина, его «Биографии», воспоминаниях его жены, а также в многочисленных публикациях о нем в зарубежной печати. Его активность в борьбе за выезд и значимость в московских отказных кругах подтверждается как упорной поддержкой, оказываемой ему иностранными востоковедами и Колумбийским университетом, так и, с другой стороны, весьма «высоким» мнением о нем органов госбезопасности: «...Рубин, [...] был известен органам КГБ как хозяин квартиры, игравшей роль своего рода «салона» еврейских националистов. Этот «салон» посещали и представители западных информационных агентств, эмиссары зарубежных сионистских организаций, а также сотрудники американского посольства в Москве [...] «подвижническая» деятельность Рубина неплохо оплачивалась: без учета вещевых посылок и лично передаваемых «презентов» только за период с апреля 1973 по август 1975 года на его имя пришло из различных капиталистических стран через Внешпосылторг 23 денежных перевода на общую сумму около 2200 инвалютных рублей»¹⁷. Получение регулярных денежных переводов и вещевых посылок из-за рубежа Рубин подтверждает, называя их основным источником существования в отказе¹⁸.

Летом 1976 года Рубины получили разрешение и уехали в Израиль, где Виталий стал профессором Еврейского университета в Иерусалиме при поддержке китаиста Цви Шифрина, принимавшего большое участие в его судьбе и формально устроившего его на работу в Еврейский университет еще заочно, в 1974 году, ради пусть призрачной, но защиты от нависшего над Рубиным обвинения в тунеядстве.

18 октября 1981 года Рубин погиб в автомобильной аварии, возвращаясь с двухдневного отдыха на Синае, за рулем машины, приобретением которой как бывший советский человек очень гордился¹⁹.

Дневник и метаморфозы

Виталий Рубин начал регулярно вести дневник весной 1962 года и за следующие девятнадцать лет заполнил 29 тетрадей, которые удалось вывезти из Советского Союза. Из них после смерти автора его вдова подготовила выборку, составившую карманного формата двухтомник. Отложившиеся в архиве ксерокопии тетрадей с пометами Инессы Моисеевны позволяют судить, сколько и какого рода купюры она делала²⁰. Цели, с которыми Рубин вел дневник, и темы, которые в нем освещал, кратко перечислены в предисловии составительницы²¹; довольно

¹⁷ Новицкий, Кузнецов 1984: 25–26.

¹⁸ <Биография Виталия Рубина. Продолжение>: 11–12.

¹⁹ Рубин 1988(2): 229, 266.

²⁰ САНПР. СЕЕJ. 1047.

²¹ Рубин 1988(1): 1–4.

подробный пересказ можно найти в обзорной статье, посвященной дневникам Рубина²². Нам будут интересны метаморфозы, происходившие с настроением и самовосприятием автора на протяжении 1970-х гг. – во время его участия в еврейском движении и борьбе за эмиграцию.

Исследователи эго-документов отмечали, что дневники нередко являют собой тяжелое чтение, поскольку там «редко можно встретить описания счастья и удовольствия» скорее, «дневник – это своего рода убежище в ситуации одиночества, несчастной любви, психической депрессии или соматической болезни»²³. Даже в ситуации сравнительного психического благополучия человек в дневнике, ведомом для себя, бывает гораздо мрачнее, чем в других своих проявлениях, будь то письма, блог, живое общение, поскольку внутреннее «я» человека беспощаднее к себе, безнадежнее к будущему и в целом безрадостнее, чем его социальное «я», следующее конвенциям, добивающееся коммуникативных целей и просто оживленное наличием собеседника или аудитории.

Дневник Рубина как раз образец такого убежища человека в депрессии. Среди причин этого состояния – смерть отца, наставника, важнейшего собеседника и друга; ипохондрия и возраст (40+), который Рубин оценивает как практически преклонный; творческий кризис, сопряженный с цензурой, невозможностью писать прямо то, что думаешь. По совокупности симптомов – усталость, потеря интереса к жизни и способности радоваться, пессимизм, ипохондрия, безволие и проч. – это состояние похоже на хроническую клиническую депрессию. Регулярно описывая самоощущение такими словами, как «тоска», «безразличие», «уныние», «тяжесть на душе», «паралич воли», «внутренний кризис», автор дневника несколько раз прямо называет свое состояние «депрессией» и «душевным заболеванием», однако эта самодиагностика не подталкивает Рубина к поиску терапевтической или медикаментозной помощи, и под борьбой «любыми средствами, которые кажутся подходящими», он имеет в виду, скорее, созидательный труд, отдых, повышение самооценки, общение с людьми и т.п. Тем не менее приступы депрессии не оставляют Рубина – он регулярно сетует на них с 1962-го по начало 1970-х годов, посвящая им десятки дневниковых записей.

Спасение от скуки и уныния Рубину видится в переменах, сопряженных с радикальным перемещением в пространстве: «Как все надоело! Хочется чего-то нового. Тут мог бы помочь только отъезд куда-нибудь» (9.4.1967)²⁴. Время от времени, нечасто, он возвращается к эскапистской мечте. Размышляя о подруге, вышедшей замуж за англичанина, он неприкрыто завидует кардинальным переменам и новым горизонтам: «Она как бы заново рождается. Все новое: страна, жизнь, муж, друзья. И какие перспективы: весь мир! (3.11.1969)»²⁵. Но перемены

²² Мартынов 2016(a): 138–154.

²³ Rodak 2018: 161.

²⁴ Рубин 1988(1): 92.

²⁵ Там же: 206.

уровня эмиграции остаются абстрактным сюжетом, исключенным не только из его «пространства опыта», но и из «горизонта ожидания»; его собственные горизонты и ценности покамест исключительно локальны. Он любит Москву и стремится домой из путешествий, даже зарубежных²⁶. Как начало новой счастливой жизни воспринимает он переход на работу в профильный институт и гордится престижным заказом написать статью для БСЭ²⁷. Израиль же присутствует в дневниках лишь на далекой периферии: упоминаются киббуцы²⁸ и радость от победы в Шестидневной войне²⁹. Но этими примерами тема Израиля в дневниках до поры до времени и ограничивалась.

И вдруг «горизонт ожидания» резко удалился от «пространства опыта», который, как и в эпоху ранней модерности, после географических открытий и в связи с техническим прогрессом и утверждением самой идеи прогресса, не мог более «служить возражением против возможности иного будущего», обещавшего быть «отличным от прошлого и, конечно, лучше»³⁰; режим дал слабину, и на общем застойном фоне ожидания определенной категории граждан в этом конкретном отношении оторвались от их опыта, они решили, что в их персональном будущем «это» не «навсегда»³¹. В конце 1968-го до Рубина дошла информация, что «в Израиль выезд происходит при совершенно иных условиях, нежели в другие страны» (16.12.1968)³², и на протяжении последующих двух лет он регулярно возвращался мыслями к этой возможности, пока в мае 1971 г. не заказал вызов. Однако в отличие от того, что Рубин потом расскажет в израильском интервью: «В 1970 году я узнал, что выезд в Израиль делается возможным. К этому времени я уже почувствовал глубокий интерес к Израилю и стремление жить именно там», – в его дневниках этих лет глубокого интереса к Израилю и стремления именно туда не видно; скорее, эмиграция представляется воплощением той неоформленной мечты о спасительной перемене в безрадостной жизни, которая посещала Рубина в предыдущие годы. Он сам упоминает «споры о том, едут ли “отсюда” или “туда”», называя их «бесплодными» и считая несправедливым «упрекать кого-то за то, что он едет “из”, а не “в”» (2.12.1971)³³. То, что он сам принадлежал в те годы к первой категории, явствует из дневниковых записей, в которых отъезд предстает скорее бегством от рутины, цензуры, творческого бессилия, депрессии, чем стремлением жить еврейской жизнью в еврейском государстве.

²⁶ Там же: 95–96, 103.

²⁷ Там же: 156, 222.

²⁸ Там же: 46.

²⁹ Там же: 97.

³⁰ Козеллек 2016: 162.

³¹ Подразумевается утверждение Алексея Юрчака, служащее названием его книги «Это было навсегда, пока не кончилось».

³² Рубин 1988(1): 155.

³³ Там же: 279.

Получив отказ, Рубин примкнул к отказным кругам и еврейскому движению. В борьбе за выезд он обрел ощущение агентности; обрел общество и новую для себя историческую перспективу; ощутил успех и собственную исключительность. Настойчивое включение себя и своей группы в историю еврейского народа с сопутствующими претенциозными параллелями («Нам невольно приходит на ум сравнение нашей борьбы с Исходом евреев из Египта»³⁴) может показаться риторикой на экспорт, призванной впечатлить зарубежную общественность, но другие дневниковые записи свидетельствуют о том, что Рубин стал не только *speak Jewish*, но и *think Jewish*. Он анализирует те или иные свои черты и умения как унаследованные проявления еврейской культуры и религии, к которым ранее был вполне равнодушен. Обретение коллективной идентичности, принадлежности не столько даже к группе единомышленников-активистов, сколько к «воображаемому сообществу» евреев вообще, становится стержнем личностной трансформации Рубина, которую он сам рефлексировал: «Еще раз хочется подумать о том, как изменили меня эти годы. Изменение произошло абсолютно незаметно и без сознательной цели. Оно, может быть, было следствием того, что в моей жизни появилась «мы». [...] раньше [...] не было никакой группы, к которой я мог бы от всего сердца себя причислить. Я, конечно, никогда не отрицал, что я еврей [...], но я не мог активно проявить себя как таковой. [...] Еврейство проявлялось лишь как момент, препятствовавший моей карьере [...] Это было качество наряду с беспартийностью» (27.7.1975)³⁵.

Наряду с интеграцией в «мы» Рубин начинает ощущать собственную исключительность, приобретенную благодаря участию в еврейском движении. Если раньше, будучи знаком с диссидентами, он не присоединялся к ним, считая своим «дело ученого», а не «участника политической борьбы»³⁶, то теперь пытался переосмыслить свое призвание: «может быть, моя судьба была не в том, чтобы быть специалистом по Древнему Китаю, а в том, чтобы принять участие в Исходе русских евреев. Это могло быть только в результате отказа; если бы они разрешили мне уехать в семьдесят втором году, я был бы одним из сотни тысяч. Только став отказником, я мог стать одним из десяти» (25.7.1975)³⁷. Несмотря на тяготы отказного существования попадание в круг избранных и в «центр международных симпатий»³⁸ воодушевляло Рубина и, казалось, побороло его депрессию: «Получилось так, что вокруг меня развернулась международная кампания. [...] есть основания для того, чтобы принимать свою судьбу с радостью» (11.7.1973)³⁹; «...я в такой ситуации, когда делается осмысленной и жизнь, и смерть»⁴⁰.

³⁴ Заготовка для выступления перед американскими студентами. Рубин 1988(2): 38.

³⁵ Там же: 168.

³⁶ 10.11.1969. Рубин 1988(1): 209.

³⁷ Рубин 1988(2): 165.

³⁸ 16.10.1972. Там же: 25.

³⁹ Там же: 52.

⁴⁰ Там же: 123.

Конструирование новой идентичности и напряженное ожидание отъезда сопровождались отторжением от прежней родины, превращающейся в страну вынужденного проживания. Если раньше поездки по стране, которые Рубины часто предпринимали, отдыхая то в пансионатах среднерусской полосы, то на Рижском взморье, посещая Литву и Эстонию, кавказские курорты, монастыри русского Севера и старые русские города, устаивались положительными отзывами с эпитетами «приятный», «чудесный», «интереснейший», «незабываемый», то в середине 1970-х автор фиксирует преимущественно «убожество», «мерзость, грязь, разгром, уродство» и «запустение»⁴¹. Философ Г.С. Померанц в своих воспоминаниях о Рубине с сожалением отмечает эту тенденцию, полагая ее, впрочем, неизбежной: «Огорчали меня только накладные расходы выбора. Но никто не расходится с женщиной, не вспоминая ее недостатков. Так и с доисторической родиной: с нею нельзя было расстаться, не облив презрением...»⁴².

Обретение новой идентичности и новой родины было осмыслено как начало новой жизни; таким образом, Рубину удалось то, чему он завидовал, думая в 1969 г. о подруге, вышедшей замуж за англичанина. Ощущение новизны создавало позитивный эмоциональный фон. Если в прежние дни рождения Рубин с отчаянием взирал в будущее, в день своего 55-летия он доволен своими свершениями и полон оптимизма: «Что ж, не такие плохие итоги. А главное – чувство, что все впереди, что жизнь только начинается»⁴³. Перемена судьбы помогает победить возраст, остановить ход времени. Рубин рассчитывал на это в самом начале своей борьбы за выезд, которая в этих размышлениях вновь предстает радикальным методом терапии депрессии, а отнюдь не производной пробуждения еврейской души; в 1971 г. он писал своему корреспонденту: «...все мы становимся старше, но всегда ли означает это стареть? Помните, что сказал Бубер: человек не стар до тех пор, пока он в состоянии начать что-то новое. И для нас в какой-то мере вопрос стоит так: признать ли, что мы стары и ничего не начинать, или, начав, доказать, что мы еще не так стары»⁴⁴. Эта мысль, похоже, сопровождала Рубина всю жизнь; еще в 1944 г. он писал Фире: «Помнишь, [Томас Манн] пишет там, что перемены освежают в нас чувство времени, тем самым как бы омолаживая нас»⁴⁵. Осмысля свой отказнический опыт и опыт жизни в Израиле, Рубин выдвинул концепцию трех жизней: «Когда он [отец] умер, мне казалось, что жизнь кончилась. На самом деле, передо мной было еще две жизни: одна началась в феврале 1972 года и продолжалась до семнадцатого июня 1976 года, другая началась восемнадцатого июня 1976 года и еще продолжается»⁴⁶. Он развил эту идею в эссе «Начало 3-й

⁴¹ Там же: 112, 142, 179.

⁴² Померанц 2014: 90.

⁴³ 14.09.1978. Рубин 1988(2): 274.

⁴⁴ Письмо Аврааму от 25.09.1971. Копия. Archiv FSO. F. 01-073.

⁴⁵ Письме Эсфирь Шифман от 22.6.1944. Копия. Archiv FSO. F. 01-073.

⁴⁶ Рубин 1988(: 112, 142, 179.

жизни»: «В то время, как мы находились в отказе в Москве, наша жизнь так сильно отличалась от всего, что было до этого, что мы не раз думали о том, что эту жизнь можно назвать по сути дела чем-то вроде нового рождения, второй жизни. В самом деле, мы были где-то за пределами норм[альной] советской жизни, хотя и в пределах территории СССР»⁴⁷.

Волевым усилием, решив переменить свою участь и покинуть СССР, а затем – бороться за это, Рубин успешно нарушает законы природы, побеждая пространство: находясь в СССР, исключает себя из СССР – и время: начиная в 55 лет новую молодость. Тем не менее, депрессия периодически возвращалась, вероятно, по мере того как исчезало напряжение борьбы и опасности и притуплялось ощущение новизны⁴⁸. В 1980 г. Рубин зафиксировал возвращение к своему доотказному состоянию: «Давно уже мне не было так тяжело. [...] личность не меняется радикально, и если я был жертвой жутких приступов депрессии в течение всей жизни, если они прекратились под влиянием резкой перемены обстановки, то в общем нет ничего удивительного, что они возвращаются, когда жизнь входит в нормальное русло» (24.2.1980)⁴⁹. В оригинале дневника за эти годы депрессивных записей больше; они аналогичны записям за 1960-е гг. и фиксируют душевный упадок, ипохондрическую тревожность, ощущение возраста⁵⁰. Все они пали жертвой отбора, произведенного Инессой Моисеевной перед публикацией.

Эго-документальный интертекст

Дневники Виталия Рубина существуют в контекстах довольно многочисленных эго-документов – как его собственных, так и более и менее близких ему людей; как опубликованных, так и отложившихся в архивах. Его письма разных лет во многом созвучны дневнику и дополняют его, при этом в эпистолярном жанре автор звучит заметно более жизнеутверждающе, чем в подневных записях для себя. В письмах родным, Фире, профессору Неусыхину, написанным в спецлагере, где он работал в шахте и страдал от невозможности учиться, Рубин обсуждает круг чтения и выражает надежду на будущее, на скорое возвращение в университет. В письмах Аврааму 1960-х – начала 1970-х гг., когда его дневник пестрит сетованиями на уныние и душевный кризис, Рубин снова пишет о книгах или с восхищением рассказывает об отдыхе в подмосковном пансионате, отпуске на Вологодчине и фресках Феррапонтова монастыря, речном круизе, турпоездке в Польшу. Письма из Израиля и вовсе искрятся восторгом, чуть притушенным сочувствием к не уехавшим корреспондентам. Письма Рубина подтверждают предположение о

⁴⁶ Померанц 2014: 90.

⁴⁶ 14.09.1978. Рубин 1988(2): 274.

⁴⁶ Письмо Аврааму от 25.09.1971. Копия. Archiv FSO. F. 01-073.

⁴⁶ Письме Эсфирь 2): 369.

⁴⁷ Начало 3-й жизни. Машинопись. Archiv FSO. F. 01-073.

⁴⁸ Рубин 1988(2): 214.

⁴⁹ Там же: 329.

⁵⁰ САНП. СЕЕJ. 1047.

том, что наличие собеседника или читателя, ситуация коммуникации мобилизует и социальное «я» человека позитивнее внутреннего «я».

Значимые несоответствия обнаруживаются между синхронными событиями эго-документами – ранними письмами и дневником – и ретроспективным интервью, данным Рубиным в 1977 году и легшим в основу биографии, составленной его сестрой Марией. Как мы уже видели на примере заявления о возникшей немедленно после известий о возможности выезда сильной внутренней ориентации на Израиль, не находящего подтверждения в дневнике, в этом интервью Рубин спрямляет и корректирует свою ментальную биографию, представляя себя с младых ногтей тем, кем, по-видимому, стал постепенно и не одновременно: антисоветчиком с преимущественно еврейской самоидентификацией. Так, в биографии утверждается, что благодаря открытой позиции Арона Ильича «уже в детстве у нас было ясное представление о сталинской эпохе и соответственное отношение к ней», «я уже с детства чувствовал невыносимость существования в Советском Союзе»⁵¹. На фронте во время выхода из окружения «в моей группе [...] все [...] были русские», они «относились ко мне не самым лучшим образом. Был какой-то момент, когда они, разозлившись на меня, спросили, не еврей ли я»⁵². В проверочном лагере, напротив, были «очень хорошие люди и было много евреев, с которыми я дружил. Там уже было чувство какой-то еврейской солидарности»⁵³. Однако из писем военных лет следует, что Рубин тогда еще не дошел до радикального неприятия советской власти – напротив, был горячим патриотом; конечно, он писал с оглядкой на военную цензуру, но его рассуждения выходят за пределы необходимой лояльности и потому представляются искренним подтверждением верности советской родине, как и сам факт добровольного ухода на фронт. В июле 1941-го он пересказывал в письме свою статью в стенгазету, «в которой писал, что пришел я сюда, чтобы защищать своей грудью и кровью Советскую власть, взрастившую меня и давшую мне образование, народ, давший мне прекрасную и глубокую человеческую культуру...». В апреле 1942-го рассказывал о том, как «со слезами радости» провозжал взглядом портреты Ленина и Сталина и «глубоко прочувствовал все то великое, гуманное и справедливое, что заложено во всем нашем строе, что советская власть нам так же необходима, как воздух». Непохоже также, чтобы Рубин в то время отдавал предпочтение евреям, хотя его среда, судя по именам, упоминаемым в переписке, была достаточно еврейской. Тем не менее в казарме он не проявлял никакой «еврейской солидарности», напротив, описывал евреев, с которыми «решительно» не дружил, как «хитрых и неприятных», а русских, с которыми «сошелся», как «спокойных и открытых, широких и чистых»⁵⁴.

⁵¹ Биография 1988: 7.

⁵² Там же: 8.

⁵³ Там же: 13.

⁵⁴ Письма Э. Шифман от 13.07.1941, 5.4.1942. Archiv FSO. F. 01-073.

Вероятно, в интервью Рубин – осознанно или подсознательно – экстраполировал на юность свои более поздние взгляды и сантименты и/или акцентировал подходящие моменты, выдавая нарратив, подобающий герою отказа. Подобная картина работает на основополагающий для многих исследователей еврейского движения эссенциалистский концепт естественного и неизбежного «возвращения к корням»⁵⁵ и против конструктивистского подхода, который явственно диктуется дневником, где еврейство из «момента, препятствовавшего карьере», на глазах превращается в центр идентичности, Израиль из далекого воображаемого Востока – в конкретный пункт назначения, Советский Союз из привлекательного разными чертами «дома» – в ландшафт деградации.

Второй контекст – эго-документы родных – выполняет несколько задач: проливает свет на происхождение некоторых личностных особенностей автора дневника; показывает, как меняется его образ, когда нарратив описывает те же поступки, что и дневник, но не включает сомнения и прочую рефлексию; намечает возможности, которыми Рубин не воспользовался, доступные ему пути, которыми он не пошел, – в плане реализации своей дремлющей еврейской идентичности. В своем очерке об отце Виталий цитирует его письмо 1949 года, где тот рассказывает об учебе в хедере, где тосковал и страдал от «избытка интеллектуализма»⁵⁶. Письма Арона Ильича сыну, находившемуся в тот момент на спецпроверке и работавшему в шахте, показывают, что «избыток интеллектуализма» был им успешно интернализирован. Арон Ильич излагал в письмах свою теорию нравственных и безнравственных народов, обещал написать «еще несколько писем общепhilософского содержания», рассказывал о своих планах «опять заняться анатомией и, возможно, биологией и химией»⁵⁷. Слова любви и сочувствия в этих письмах не встречаются, и надо полагать, что обсуждение вопросов «общепhilософского содержания» было обычным содержанием общения между отцом и сыном и интеллектуализм Виталия, явственный в его письмах⁵⁸, дневниках и поведении и отмечаемый близкими, прежде всего, женой, которая подчеркивала в своих воспоминаниях, что все, что Виталий делал, он делал как ученый, сформировался под влиянием отца.

Воспоминания Инессы Моисеевны, второй том которых большей частью посвящен мужу, шлифуют его образ, идеализируют и героизируют его по сравнению с лирическим героем дневника. Если автор дневника анализирует свои слабости, колебания и сомнения, а свои свершения фиксирует, скорее, в терапевтических целях, чтобы побороть уныние и

⁵⁵ «...неизбежно, что растущее число [советских] евреев обратится к своим еврейским корням» (Ro'i 2012: 21).

⁵⁶ Рубин 1985: 9.

⁵⁷ Письма от 5.8.1942 и 13.1.1943: Рубин 1985: 184, 189.

⁵⁸ В письмах с фронта и из спецлагеря Виталий не меньше, чем про окружавшую его реальность – опасную, трудную, незнакомую его корреспондентам, – писал про чтение (Archiv FSO. F. 01-073).

иметь силы двигаться дальше, мемуары супруги, хотя и жидутся во многом на цитатах из его дневника, будучи свободны от препон скромности и задач самоанализа, изображают человека практически непогрешимого, хранящего честность, верность себе, собственное достоинство. Ее рассказ о годах отказа это в основном панегирический рассказ об упорной и бесстрашной борьбе Виталия с советской властью с редкими сообщениями о собственных действиях, лучшей наградой за которые было супружеское одобрение («Я горжусь – муж мной доволен»⁵⁹).

Еще один примечательный элемент этого контекстуального круга – очерки кузена Рубина Валентина Желтенкова, сына Блюмы Ильиничны Рубиной и рабочего-революционера Василия Михайловича Желтенкова. Оба отложившихся в архиве очерка Желтенкова: «С Пушкиным по жизни» и «“Ученый в неволе”». Трагическая судьба профессора-экономиста Рубина И.И.»⁶⁰ – в той или иной степени касаются семейной истории: от деда, почетного гражданина Динабурга, до процесса над Исааком Ильичом; в эссе о последнем Желтенков упоминает и своего кузена Рубина. Рубин в известных нам текстах нигде не упоминает Желтенкова и не пишет о семейной истории за исключением двух абзацев о родителях Арона Ильича в очерке о последнем, где его интересуют не сами предки или их жизнь в еврейской общине Динабурга, но исключительно их воздействие на духовное формирование Арона Ильича. Пример Желтенкова показывает возможное направление «возвращения» к своему еврейству – к вполне конкретным, семейно-локальным, а не общекультурным корням, направление, которое, по-видимому, не привлекало Рубина. Не привлекало оно и его единомышленников и соратников по еврейскому движению: они, как правило, не занимались поиском «малых» корней и реконструкцией семейной истории или истории восточноевропейского еврейства, но предпочитали осознавать свое еврейство на макро-, а не микроуровне, изучая иврит, историю и сравнивая себя с поколением исхода из Египта или Маккавеями и игнорируя идиш и местечковое прошлое⁶¹. К примеру, один из лидеров московского отказнического сообщества физик Александр Воронель, хотя и сетовал на отсутствие корней и традиций, понимал «корни» как «глубокую и укорененную», «подлинную» культуру, «еврейство» вообще⁶², а свое автобиографическое эссе «Трепет иудейских забот» без лишних семейных прелиминариев начал «сразу с идеальных метаний юности»⁶³.

Письма, автобиографические очерки и мемуары сподвижников по борьбе за выезд, составляющие третий круг эго-документального кон-

⁵⁹ Рубина 2011.

⁶⁰ Archiv FSO. F128/4.1.

⁶¹ Презрение к местечку и стремление дистанцироваться от самых разных черт, с ним ассоциируемых, было в целом свойственной советской еврейской интеллигенции больших городов. См. Зеленина 2017.

⁶² Слова мужа приводит Нина Воронель в своих мемуарах: Воронель 2003: 154-155.

⁶³ Воронель 1977.

текста дневника Виталия Рубина, позволяют обнаружить еще ряд сходных мыслей и переживаний, которые, соответственно, оказываются свойственными сообществу, а не исключительно Рубину. Как и Рубин, отказники считали свою борьбу славной страницей в национальной истории, подтверждая это убеждение сравнениями с героями прошлого и призывая сохранять память о ней⁶⁴. Как и Рубин, обретший благодаря участию в движении ощущение собственной значимости и смысл жизни («один из десяти», «становится осмысленной и жизнь, и смерть»), другие отказники тоже описывали годы борьбы как годы особенно «плодотворные», наполнившие их жизнь «смыслом и содержанием»⁶⁵.

По-видимому, не уникальным было и соседство новых планов с депрессией – увлечение идеей эмиграции и осмысление своего еврейства и себя как части нового коллектива в качестве выхода из затянувшегося или острого душевного кризиса. Если Рубина перспектива радикальной перемены жизни и пробудившаяся в борьбе за нее агентность вывели из многолетнего состояния уныния и бессилия, Александр Воронель страдал от короткой, месячной, но тяжелой депрессии, которую называет болезнью; спровоцировало ее не столько вторжение в Чехословакию, сколько ощущение полного отрыва от своей национальной традиции. Излечением же от нее явилось решение эмигрировать: «Когда я встал, я был уже другим человеком. Я знал, что не буду больше жить в этой стране...»⁶⁶.

Изменение личности, сопряженное с участием в движении и осознанием собственного еврейства, стремление к такой трансформации и рефлексия над ней также видятся не изолированной особенностью биографии Рубина, но феноменом, свойственным многим еврейским активистам, *mutatis mutandis*. Если у Рубина «изменение произошло абсолютно незаметно и без сознательной цели», Воронель проводит четкую границу между прежней и новой личностью: этой границей становится депрессия, своего рода *rite de passage*, клиническая смерть, после которой он встал «уже другим человеком»; другой московский отказник Иосиф Бегун в своих мемуарах отмечает неудовлетворенность своим жизненным путем и окружением и постоянное стремление к «познанию самого себя», обретению истинного «я». Как и у Рубина, полагавшего важнейшим фактором перемен появление в жизни «мы», главным жизненным достижением Бегуна становится обретение правильной общности, «своих»: сначала евреев-отказников, потом – Израиля, где «как будто все мы члены одной большой семьи»⁶⁷. В этом видится как ретерация довольно общей и давней тенденции – императива самосовершенствования и самопреобразования, свойственного российской интеллигенции с XIX века и по-новому реализуемого новой интеллиген-

⁶⁴ Петиции 1973: 235; Петиции 1980: 67; Гимельштейн 1987: 2.

⁶⁵ Петиции 1980: 353, 469.

⁶⁶ Воронель 1977.

⁶⁷ Бегун 2019: 370.

цией сталинской эпохи, стремившейся отказаться от прежнего, отсталого, упаднического индивидуалистичного «я» и обрести новую личность путем интеграции в коллектив, борьбы и созидательной деятельности на благо коллектива⁶⁸, так и последствия оттепельного курса на «самопознание», «новостройки личности», сочетание экзистенциального поиска – конструирования «смысла жизни» – с социальной инициативой – строительством будущего⁶⁹. Некоторые еврейские активисты – и Рубин в их числе – реализовывали эти советские паттерны: совершенствовали свою личность и не мыслили ее без коллектива, – но в своем, не советском, а ново(из)обретенном национальном контексте.

Из четвертого, самого широкого, контекста, который составляют эго-документы советских евреев – современников Рубина, обратимся к одному источнику, который, в некотором отношении, является антиподом дневника Рубина: совпадая с ним по ряду формальных признаков, он разительно отличается содержательно – и как таковой оттеняет особенности биографии и мышления Рубина – и вместе с ним других участников еврейского движения. Это дневник учителя истории Леонида Яковлевича Липкина (1932–2018), содержащий записи с 1951-го по 1989 год⁷⁰. Младший современник Рубина, тоже москвич и тоже историк, Липкин тоже вел дневник; последнее обстоятельство, будучи сравнительно редким: дневников среди эго-документов во много раз меньше, чем мемуаров; в частности, на все еврейское национальное движение дневник Рубина, кажется, единственный, – обосновывает данное сравнение.

Будучи младше Рубина на 9 лет, Липкин, по-видимому, был гораздо более укоренен в еврейской традиции и культуре: он владел устным идишем и считал нелишним учить идишу дочь, ходил за мацой в синагогу, общался преимущественно в еврейском кругу, отмечал евреев среди знакомых и среди известных людей, рассуждал о еврейском национальном характере, о местечковости, хранил память о Холокосте (*avant la lettre*), в книгах и газетах упорно выискивал любую информацию об Израиле, иудаизме, еврейской истории. Его дневник за тот период, который охвачен и дневником Рубина, 1960–1970-е годы, более или менее подробно описывает различные «еврейские» события, которые Рубин игнорировал или, по крайней мере, о них не писал. Среди этих сюжетов – процессы над валютчиками и трикотажниками, публикация «Бабьего Яра» Евгения Евтушенко, демонстрация израильских фильмов на московском кинофестивале 1965 года, израильский павильон на сельскохозяйственной выставке 1966 года, перепись 1971 года и выявленное ею сокращение численности еврейского населения, теракт на Мюнхенской олимпиаде 1972 года и др. Ходя теми же улицами,

⁶⁸ См. Хелльбек 2017: 393–397.

⁶⁹ См. Каспэ 2018: 209–232; Хархордин 2002: 436–471.

⁷⁰ Архив Центра «Прожито». Частично опубликован на сайте проекта: <https://prozhitto.org/person/5382>.

Липкин, по-видимому, не был близок к московским отказным кругам – если вообще знал об их существовании – и не собирался эмигрировать несмотря на безусловно еврейское самосознание и непрестанно ощущаемый им антисемитизм.

Сопоставление этих двух дневников позволяет предположить, что идеи эмиграции и реализации своего еврейства, рождаются и утверждаются у Рубина, как и у некоторых других отказников, например, Воронеля, – на психологическом фоне, фоне душевного кризиса, а не на фоне требующих выражения еврейских корней. Их еврейство априори выражено минимально – сочувствие Израиллю в Шестидневной войне – и потому воспринимается как нечто новое, как радикальная жизненная перемена. Липкин же не «возвращается к корням», потому что он и так при них находится. «Рождение еврейства», таким образом, является производной отсутствия еврейства, а кроме того еще ряда факторов, отличающих Рубина, Воронеля и иже с ними от Липкина и многих других советских евреев: это амбиции, сопряженные с достигнутым сравнительно высоким статусом и ощущением потолка и препон в движении дальше (и это одна из причин депрессии), и довольно вольготное существование, подразумевающее определенный достаток и наличие свободного времени.

В отличие от Рубина Липкин не отдыхал несколько раз в году в пансионатах, не ездил в Прибалтику и Польшу и не выбирал, пойти ли ему в библиотеку или поработать дома. Он много преподавал в школе, постоянно готовился к урокам, растил ребенка, стоял в очередях, помогал жене, тестю и теще; словом, судя по дневнику, был полностью погружен в круговорот повседневных дел, в промежутках между которыми успевал делать вырезки из газет и вести дневник, но не тосковать и не мечтать о радикальных переменах в своем существовании. Кроме того, он не был остепененным ученым, не считал себя выдающимся интеллектуалом и был лишен амбиций, свойственных Воронелю или Рубину, с удовольствием ставшему «одним из десяти»; свой дневник Липкин озаглавил «Жизнь маленького человека», и это определение, похоже, верно отражало его самоощущение.

Выявленная по контрасту с дневником Липкина схема *статус и благополучие* → *амбиции и нереализованность* → *депрессия* → *поиск новизны* → *обретение ее в идее эмиграции и «возвращения» к еврейству*», отчасти перекликающаяся с постоянным упреком в адрес отказников, провозглашаемым советской властью, общественностью и прессой: «советская родина вам все дала, чего вам только не хватает?!», безусловно упрощает богатый внутренний мир и психологическую динамику нашего главного героя, но таковы недостатки любой схемы, и все же она представляется полезной для осмысления биографической траектории Рубина и понимания генезиса национального движения среди советской еврейской интеллигенции.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Неопубликованные источники

- <Биография Виталия Рубина. Продолжение>. Рубин В. Письма. Central Archives for the History of Jewish People (САНЖР). ARS. Box 8. 032-005. [<Biografiya Vitaliya Rubina. Prodlolzhenie>. Rubin V. Pis'ma. Central Archives for the History of Jewish People (САНЖР). ARS. Box 8. 032-005.].
- Гимельштейн М. Отказ и отказники. Ленинград, 80-е годы. Л., 1987. Самиздат. САНЖР. ARS. Box 14В. [Gimel'shtejn M. Otkaz i otkazniki. Leningrad, 80-e gody. L., 1987. Samizdat. САНЖР. ARS. Box 14В.].
- Дневники В. Рубина. Рукопись, копия. САНЖР. СЕЕJ. 1047. [Dnevniky V. Rubina. Rukopis', kopiya. САНЖР. СЕЕJ. 1047.].
- Желтенков В. С Пушкиным по жизни; «Ученый в неволе»: Трагическая судьба профессора-экономиста Рубина И.И. Archiv Forschungstelle Osteuropa. F128/4.1. Валентин Васильевич Желтёнков. [Zheltenkov V. S Pushkinym po zhizni; «Uchenyj v nevole»: Tragicheskaya sud'ba pro-fessora-ekonomista Rubina I.I. Archiv Forschungstelle Osteuropa. F128/4.1. Valentin Vasil'evich ZHelytonkov.].
- Рубин А. Автобиография // Личное дело А.И. Рубина. Архив ИНИОН РАН. [Rubin A. Avtobiografiya // Lichnoe delo A.I. Rubina. Arhiv INION RAN.].
- Рубин А.И. Записные тетради с тезисами и набросками статей, 1954-57 гг. ОР РГБ. Ф. 774. Картон 2. Д. 10. [Rubin A.I. Zapisnye tetradi s tezisami i nabroskami statej, 1954-57 gg. ОР RGB. F. 774. Karton 2. D. 10.].
- Рубин В. Начало 3-й жизни. Машинопись. Archiv Forschungstelle Osteuropa. F. 01-073 Rubin. [Rubin V. Nachalo 3-j zhizni. Mashinopis'. Archiv Forschungstelle Osteuropa. F. 01-073 Rubin.].
- Рубин В. Письма. Archiv Forschungstelle Osteuropa. F. 01-073 Rubin. [Rubin V. Pis'ma. Archiv Forschungstelle Osteuropa. F. 01-073 Rubin.].

Опубликованные источники и литература

- «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: Воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / Сост.: С.И. Антонова и др. М.: Изд-во «Весь Мир», 2009. 608 с. [«My shli navstrechu vetru i sud'be...»: Vospominaniya, stihy i pis'ma istorikov MGU – uchastnikov Velikoj Otechestvennoj vojny / Sost.: S.I. Antonova i dr. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2009. 608 s.].
- Бегун И. Скрепляя связь времен... Из воспоминаний активиста еврейского движения в СССР (1960–1980-е годы). М.: Книжники, 2019. 648 с. [Begun I. Skreplyaya svyaz' vremen... Iz vospominanij aktivista evrejskogo dvizheniya v SSSR (1960–1980-e gody). M.: Knizhniki, 2019. 648 s.].
- Биография Виталия Рубина // Рубин В. Дневники. Письма. Кн. 1. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1988. С. 5–24. [Biografiya Vitaliya Rubina // Rubin V. Dnevniky. Pis'ma. Kn. 1. Ierusalim: Bib-lioteka-Aliya, 1988. S. 5–24.].
- Будницкий О.В. Евреи на войне: солдатские дневники // Лехаим. 2010. № 5. С. 28–34. [Budnickij O.V. Evrei na vojne: csoldatskie dnevniky // Lekhaim. 2010. № 5. С. 28–34.].
- Будницкий О.В. Евреи на войне: от советского к еврейскому? // Лехаим. 2010. № 9. С. 36–41. [Budnickij O.V. Evrei na vojne: ot sovsotskogo k evrejskomu? // Lekhaim. 2010. № 9. С. 36–41.].
- Воронель А. Трепет иудейских забот // Евреи в СССР. Вып. 10–11. 1975. Перепечатано в: Еврейский самиздат. Том 12 / Под ред. Я. Ингерман. Иерусалим, 1977. [Voronej' A. Trepet iudejskih zabot // Evrei v SSSR. Vyp. 10–11. 1975. Perepechatano v: Evrejskij samizdat. Tom 12 / Pod red. YA. Ingerman. Ierusalim, 1977.].
- Воронель Н. Без прикрас: Воспоминания. М.: Захаров, 2003. 429 с. [Voronej' N. Bez prikras: Vospominaniya. M.: Zaharov, 2003. 429 s.].
- Зеленина Г.С. «Гевалт, это же простые базарные люди!»: советские евреи на пути от местечковости к интеллигентности // Семиотика поведения и литературные стратегии / Ред.-сост. М.С. Неклюдова, Е.П. Шумилова. М.: РГГУ, 2017. С. 322-356. [Zelenina G.S. «Gevalt, eto zhe prostrye bazarnye lyudi!»: sovsotskie evrei na puti ot mestechkovosti k intelligentnosti // Semiotika povedeniya i literaturnye strategii / Red.-sost. M.S. Neklyudova, E.P. SHumilova. M.: RGGU, 2017. S. 322-356.].

- Каспэ И.М. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М.: НЛО, 2018. 432 с. [Kaspe I.M. V souyuze s utopiej. Smyslovyje rubezhi pozdnesovetskij kul'tury. M.: NLO, 2018. 432 s.]
- Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожидания»: две исторические категории // Социология власти. Т. 28. № 2. 2016. С. 149–173. [Kozellek R. «Prostranstvo opyta» i «gorizont ozhidaniya»: dve istoricheskie kate-gorii // Sociologiya vlasti. T. 28. № 2. 2016. S. 149–173.]
- Липкин Л.Я. Жизнь маленького человека. Дневник и воспоминания // Архив Центра «Прожито». Частично опубликован на сайте проекта: <https://prozhitto.org/person/5382>. [Lipkin L.YA. Zhizn' malen'kogo cheloveka. Dnevnik i vospominaniya // Arhiv Centra «Prozhito». SChastichno opublikovan na sajte proekta: <https://prozhitto.org/person/5382>.
- Мартынов Д.Е. Жизненный путь и творческая биография В.А. Рубина (1923–1981) на страницах его дневников // Архив российской китаистики. М.: ИВ РАН, 2016. Т. IV. С. 138–154. [Martynov D. E. Zhiznennyj put' i tvorcheskaya biografiya V.A. Rubina (1923–1981) na stranichah ego dnevnikov // Arhiv rossijskoj kitaistiki. M.: IV RAN, 2016. T. IV. S. 138–154.]
- Мартынов Д.Е. Эволюция теоретических взглядов В.А. Рубина // Архив российской китаистики. М.: ИВ РАН, 2016. Т. IV. С. 155–164. [Martynov D.E. Evolyuciya teoreticheskikh vzglyadov V.A. Rubina // Arhiv rossijskoj kitaistiki. M.: IV RAN, 2016. T. IV. S. 155–164.]
- Новицкий В., Кузнецов С. Агент «Эрвин» в оперативной игре «Коллеги» // Сборник статей об агентурно-оперативной и следственной работе КГБ СССР. № 101. М.: Высшая ордена Октябрьской Революции Краснознаменная школа КГБ СССР имени Ф.Э. Дзержинского, 1984. С. 21–32. [Novickij V., Kuznecov S. Agent «Ervin» v operativnoj igre «Kollegi» // Sbornik statej ob agenturno-operativnoj i sledstvennoj rabote KGB SSSR. № 101. M.: Vysshaya ordena Oktyabr'skoj Revoljucii Krasnoznamen'naya shkola KGB SSSR imeni F. E. Dzerzhinskogo, 1984. S. 21–32.]
- Петиции, письма и обращения евреев СССР. 1968–1970 / Под ред. Ш. Редлиха. Иерусалим: Еврейский университет, Центр документации восточно-европейского еврейства, 1973. [Peticii, pis'ma i obrashcheniya evreev SSSR. 1968-1970 / Pod red. SH. Redliha. Ieru-salim: Evrejskij universitet, Centr dokumentacii vostochno-evropejskogo ev-rejstva, 1973.]
- Петиции, письма и обращения евреев СССР. 1976–77–78 / Подг. к печати Яков Ингерман. Иерусалим, 1980. [Peticii, pis'ma i obrashcheniya evreev SSSR. 1976-77-78 / Podg. k pečati JАkov In-german. Ierusalim, 1980.]
- Померанц Г.С. Профессия неудачника: жизненная мозаика (Воспоминания о ФБОН) // Он же. Спор цивилизаций и диалог культур. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 82–92. [Pomeranc G.S. Professiya neudachnika: zhiznennaya mozaika (Vospominaniya o FBON) // On zhe. Spor civilizacij i dialog kul'tur. SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2014. S. 82–92.]
- Рубин В.А. Идеология и культура Древнего Китая. М.: Наука, ГРВЛ, 1970. 161 с. [Rubin V.A. Ideologiya i kul'tura Drevnego Kitaya. M.: Nauka, GRVL, 1970. 161 s.]
- Рубин А.И. Статьи о русских поэтах. Из философского дневника. Иерусалим: Лексикон, 1985. 189 с. [Rubin A.I. Stat'i o russkikh poetah. Iz filosofskogo dnevnika. Ierusalim: Leksikon, 1985. 189 s.]
- Рубин В. А. Личность и власть в Древнем Китае: собрание трудов. М.: Вост. лит., 1999. 382 с. [Rubin V. A. Lichnost' i vlast' v Drevnem Kitae: sobranie trudov. M.: Vost. lit., 1999. 382 s.]
- Рубин В. А.И. Рубин (материалы к биографии) // Рубин А.И. Статьи о русских поэтах; Из философского дневника. Иерусалим: Лексикон, 1985. С. 7–34. [Rubin V. A.I. Rubin (materialy k biografii) // Rubin A.I. Stat'i o russkikh poetah; Iz filosofskogo dnevnika. Ierusalim: Leksikon, 1985. S. 7–34.]
- Рубин В. Дневники. Письма. Кн. 1-2. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1988. 287, 411 с. [Rubin V. Dnevniki. Pis'ma. Kn. 1-2. Ierusalim: Biblioteka-Aliya, 1988. 287, 411 s.]
- Рубина И. Жизнь в отказе // Заметки по еврейской истории. № 10 (145). 2011. URL: <https://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer10/Rubina1.php> [Rubina I. Zhizn' v otkaze // Zametki po evrejskoj istorii. № 10 (145). 2011. URL: <https://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer10/Rubina1.php>
- Рубина И. Жизнь в отказе. Воспоминания. Ч. 1 // Исход советских евреев. URL: http://www.soviet-jews-exodus.com/Memory_s/MemoryRubin_1.shtml [Rubina I. Zhizn' v

- otkaze. Vospominaniya. CH. 1 // Iskhod sovetskih evreev. URL: http://www.soviet-jews-exodus.com/Memory_s/MemoryRubin_1.shtml
- Рубина-Аксельрод И.М. Жизнь как жизнь. Воспоминания. Кн. 1. Иерусалим: Клик, 2006. 323 с. [Rubina-Aksel'rod I.M. Zhizn' kak zhizn'. Vospominaniya. Kn. 1. Ierusalim: Klik, 2006. 323 s.].
- Хархордин О.В. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб.; М.: Летний сад, 2002. 511 с. [Harhordin O.V. Oblichat' i licemerit'. Genealogiya rossijskoj lichnosti. SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta v SPb.; М.: Letnij sad, 2002. 511 s.].
- Хельбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: НЛО, 2017. 424 с. [Hell'bek J. Revolyuciya ot pervogo lica: dnevniki stalinskoj epohi. М.: NLO, 2017. 424 s.].
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 661 с. [Yurchak A. Eto bylo navsegda, пока не konchilos': poslednee sovetskoe pokolenie. М.: NLO, 2014. 661 s.].
- Albert S. How Columbia helped an expert in Oriental studies get out of Russia // Columbia today. December 1976. P. 6–13.
- Rodak P. Suffering and Writing: Autotherapeutic Functions of Some Polish Writers' Personal Diaries // European Journal of Life Writing. 2018. Vol. 7. P. 161–169.
- The Jewish Movement in the Soviet Union / Ed. by Yaacov Ro'i. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Johns Hopkins UP, 2012. 450 pp.
- Галина Светлаяровна Зеленина**, Кандидат исторических наук МГУ, доцент; РГГУ, доцент; РАНХуГС, ст.н.с., galinazelenina@gmail.com

The Birth of Jewishness from Depression: The Diary of Sinologist Vitalii Rubin in Context

The article attempts at reconstructing the biography of sinologist and activist of the Jewish movement Vitalii Rubin (1923—1981) with special emphasis on its critical period, in which Rubin decided to emigrate, joined the struggle for emigration, changed his life and rethought his identity. The study is based on Rubin's diaries, considered in the context of other ego-documents: his own and those written by his relatives, his associates and contemporaries. The contextualization enables us to trace some retrospective distortions of Rubin's image and views, as well as to identify common features in his diary and autobiographical texts of some other refuseniks, allowing for an explanation for a small part of Soviet Jewish intelligentsia unexpectedly embracing their Jewish roots.

Keywords: *ego-documents, Jewish national movement, Refuseniks, emigration, dissidents, USSR, Israel.*

Galina Zelenina, Ph.D., Moscow State University, associate professor; Russian State University for the Humanities, associate professor; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, senior research fellow, galinazelenina@gmail.com

О.Б. ЛЕОНТЬЕВА

«ЗАЩИЩАЙТЕСЬ, СУДАРЬ!» О ДИССЕРТАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В рецензии анализируется коллективная монография под редакцией Н.Н. Алеврас и Н.В. Гришиной «Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX – начало XX в.)» (2022). Авторы исследуют нормативно-правовые, институциональные, методологические, коммуникативные и коммеморативные аспекты защиты диссертаций по историческим разрядам наук в дореволюционной России, прослеживают становление практик подготовки и защиты диссертации как форм профессиональной культуры ученых-историков. Заслугой авторов является формирование и детальный анализ базы данных о 280 диссертантах и 409 диссертациях по истории.

Ключевые слова: история исторической науки, диссертации, научное сообщество, диссертационная культура

Тема коллективной монографии, вышедшей в 2022 г. под редакцией Н.Н. Алеврас и Н.В. Гришиной¹, безусловно, привлечет внимание научного сообщества. Не будет преувеличением сказать, что для каждого из нас защита диссертации становится важной ступенью профессионального становления, вехой научной биографии, памятным событием личной истории, порой – завершением целого жизненного этапа и началом нового. Каждому, кто связал свою жизнь и профессиональную карьеру со сферой науки и подготовки научных кадров, очевидно значение защиты диссертации как важнейшего инструмента научной социализации: своеобразной инициации для молодого исследователя и показателя научной зрелости для ученого, «выводящего на защиту» своих учеников. Но как сложилась эта практика? Что представляла собой подготовка и защита диссертаций в России сто или двести лет назад? Легче или труднее был путь к ученой степени в XIX – начале XX в.? Насколько жесткими были бюрократические требования и насколько взыскательно встречали соискателей их старшие коллеги? Какую эволюцию претерпели нормы, стандарты и социальные практики, связанные с защитой диссертаций, прежде чем принять привычные нам формы?..

Научный коллектив, лидером которого является доктор исторических наук, профессор Наталия Николаевна Алеврас, ведет поиск ответов на эти вопросы с начала 2010-х гг. Коллеги-историки имели возможность наблюдать за становлением и развитием замысла данной работы в ходе научных конференций, на страницах научных журналов и на научно-просветительском портале «Научная Россия»². Основу авторско-

¹ Диссертационная культура 2022. Страницы даются в скобках в тексте.

² Алеврас, Гришина 2010; 2011; Алеврас 2014; Алеврас, Гришина, Выдрин 2019; Фарберович 2021; и др.

го коллектива составляют ученые Челябинского государственного университета; их исследовательские интересы связаны общей проблематикой – историей научных школ в российской исторической науке. Н.Н. Алеврас известна научному сообществу трудами по истории дореволюционной и эмигрантской исторической науки, источниковедению историографии, теории и методологии исторического знания. Наталья Владимировна Гришина и Ольга Викторовна Богомазова, защитившие свои кандидатские диссертации под научным руководством Н.Н. Алеврас, обращались к истории школы В.О. Ключевского и памяти о Ключевском в научном сообществе; исследования кандидата исторических наук Артёма Михайловича Скворцова посвящены школе М.С. Куторги и российскому антиковедению; первые публикации аспиранта Высшей школы экономики Ксении Михайловны Белик были посвящены истории школы С.Ф. Платонова. Значимую роль в научном проекте сыграл политолог Олег Владимирович Выдрин, который вместе с Н.Н. Алеврас и Н.В. Гришиной осуществил работу по составлению и анализу базы данных о диссертациях и диссертантах-историках российских университетов XIX – начала XX века.

Обращаясь к истории защит диссертаций, авторы стремятся выявить, как формировалось научное сообщество в императорской России. Поскольку успешная защита диссертации, как и теперь, служила «пропуском в научное сообщество», важно определить, через какие организационные и экспертные «фильтры» должна была пройти квалификационная работа на этом пути, каким критериям должна была она соответствовать и как менялись эти критерии, т.е. как выполнялась задача воспроизводства научного сообщества и в то же время ограждения от проникновения в его ряды недостаточно компетентных претендентов. Авторы коллективного труда разрабатывают эти проблемы на примере научного сообщества ученых-историков, но дисциплинарная субкультура историков предстает в их труде как составляющая университетской культуры императорской России в целом.

Проблемное поле исследования авторы очерчивают с помощью трех базовых концептов: *диссертационная культура*, *диссертационная система* и *диссертационная история*. Эти концепты являются терминологической новацией Н.Н. Алеврас и Н.В. Гришиной, но уже вошли в научный лексикон современных историков науки. *Диссертационную систему* авторы определяют как «институционально-нормативные основы подготовки специалистов высшей квалификации, нацеленных на создание и защиту квалификационного сочинения для получения ученой степени»; элементами этой системы являются правовые нормативы «производства в ученые степени», институты магистратуры и докторантуры, а также формализованные компоненты процедур защиты и экспертизы диссертации [17]. Под *диссертационной культурой* авторы понимают «совокупность организационно-нормативных процедур, традиций и ритуалов со стороны научно-образовательных структур, а также

усилий заинтересованных претендентов на достижение ученого статуса и экспертного сообщества, направленных на получение научно-исследовательского продукта (произведения в виде диссертации), соответствующего принятым квалификационным требованиям и нормам научно-профессиональной сертификации» [15]. Диссертационная культура характеризуется ими с помощью категорий «ценностных критериев», «научных конвенций и практик научного сообщества», «культурного опыта», «культурного капитала»; можно сказать, что диссертационная культура – это человеческое содержание, которое способно вдохнуть жизнь в механизмы диссертационной системы. Под *диссертационной историей* авторы понимают «событийный ряд научных и организационных практик», связанных с процессом создания диссертации от ее замысла до защиты и присуждения соискателю искомой ученой степени [17].

Трем базовым концептам соответствуют разные уровни исследовательских задач, стоявших перед научным коллективом. Первая из этих задач – изучение становления диссертационной системы, правил и нормативов, определявших организационную сторону защиты диссертаций в императорской России. Авторы предпринимают подробный анализ университетского законодательства XIX в., сопоставляя университетские уставы 1804, 1835, 1863, 1884 гг. и Положения о производстве в ученые степени (или об «испытаниях на ученые степени») 1819, 1837, 1844, 1864 гг. Как показывает исследование, «правила игры» на этом поле с 1819 г. определяло Министерство народного просвещения, заинтересованное в подготовке квалифицированных профессорско-преподавательских кадров для российских университетов и в контроле за качеством их подготовки. Изменялась номенклатура гуманитарных специальностей: в первой половине XIX в. ученый, защитив диссертацию по исторической проблематике, мог в результате стать, например, «магистром словесных наук» или «доктором философии», и лишь после 1864 г. утвердились привычные нам унифицированные названия специальностей «русская история» и «всеобщая история». Четырехзвенная система ученых степеней (студент, кандидат, магистр, доктор) к концу XIX века сменилась двухзвенной (магистр и доктор). С 1819 г. было введено требование экзаменационных испытаний для соискателей ученых степеней (прооб-раз будущих кандминимумов); в 1864 г. экзамены для докторантов были отменены. В «Положениях» 1844 г. были впервые предусмотрены процедуры допуска к защите (предварительного рассмотрения диссертации на факультете), назначения оппонентов, представления «тезисов» – краткого изложения содержания диссертации. Либеральное «Положение» 1864 г. передало право присуждения ученых степеней из рук Министерства народного просвещения в компетенцию совета университета и сделало процедуру защиты открытой для общественности; университетский Устав 1884 г. разрешил возведение магистранта в степень доктора, что должно было укрепить кадровый состав университетов и стимулировать молодежь к выбору научной карьеры. В то же время в универ-

ситетском законодательстве отсутствовала детализация процедур защиты и стандартов оформления документации, что оставляло свободу для инициатив со стороны профессорско-преподавательского состава и для регулирования правил в ходе практической работы.

Вторая стержневая тема монографии – история постепенной «шлифовки» этих правил, наполнения их живым содержанием в ходе взаимодействия многих заинтересованных акторов – Министерства народного просвещения и университетских корпораций, маститых ученых и их учеников, научного сообщества и просвещенной общественности. Несколько глав посвящены тому, как формировалась культура диссертационного диспута. Вместе с авторами читатель следит за тем, как оттачивалась практика научной экспертизы диссертации при допуске к защите и оппонирования, как вырабатывались критерии назначения оппонентов (такowymi могли быть ученики одного учителя по отношению друг к другу или учитель по отношению к ученику, а вот традиция приглашения оппонентов из других университетов отсутствовала), как возникали особые жанры произведений диссертационной культуры, ее «малые формы» – отзывы от факультетов и оппонентов, тезисы диссертации, речи соискателей, рецензии на защищенные диссертации.

Оценивая, насколько свободными или, напротив, стереотипными по форме и по характеру были эти произведения, авторы переходят к институционального уровня анализа на персонально-экзистенциальный, доказывая, что выбор стратегии презентации своего труда или моделей оппонирования зависел от личностных особенностей каждого ученого. Так, речь соискателя в каждом конкретном случае могла представлять собой лаконичное изложение содержания и выводов диссертации, но могла и подняться до высоты творческой рефлексии, воплощения индивидуального характера мышления и ценностных ориентаций историка, пример чему – речи А.С. Лаппо-Данилевского и А.Е. Преснякова. Вариативный характер носили также модели оппонирования: как показано на примере В.О. Ключевского, виртуозно владевшего разными стилями ведения диспута, выбор конкретной стратегии зависел не только от научных убеждений оппонента, но и от ситуативных моментов, характера его отношений с диссертантом. Поскольку предварительное ознакомление диссертанта с отзывами оппонентов не предусматривалось, диссертационный диспут приобретал импровизационный характер.

Особое место занимает тема «живой связи университетов с обществом» [196], столь характерной для пореформенной России: важными элементами диссертационной культуры эпохи были освещение диссертационных диспутов в печати, публичность защит и возможность участия в них неофициальных оппонентов, в качестве которых могли выступать представители других научных дисциплин и других учебных заведений, а иногда – даже студенты и «частные посетители» (выступление на магистерском диспуте гимназиста А.А. Шахматова, будущего выдающегося специалиста по русскому летописанию – конечно, исключи-

тельный случай, но он красноречиво свидетельствует о степени свободы дискуссии) [210]. Авторы делают вывод, что диссертационный диспут, который родился как способ контроля властных структур над деятельностью университетов и воспринимавшийся поначалу как «травля ученых» [356], превратился в способ самопрезентации научного сообщества и укрепления его связей с неравнодушной общественностью.

Интересен сюжет о попытках изменить диссертационную систему «снизу», о том, какие недостатки видели современники в диссертационной культуре императорской России. Авторы освещают ход дискуссии, которую инициировал в 1897 г. профессор-юрист Г.Ф. Шершеневич: считая, что сложившаяся система научной экспертизы диссертаций приобретает формальный и рутинный характер (предварительное «келейное» обсуждение на факультете предопределяет исход будущей защиты, а сам диссертационный диспут, не принося реальной пользы науке, превращается в «тяжелое испытание» для соискателя и «даровое зрелище... для праздных зрителей»), Шершеневич предлагал заменить институт диссертационного диспута неким «центральным учреждением» на базе Министерства народного просвещения или Академии наук, где были бы представлены авторитетные ученые различных специальностей [193-194]. На том этапе идея Шершеневича была отвергнута научным сообществом, но фактически она была реализована в 1932 г., когда была учреждена Высшая аттестационная комиссия СССР, воплотившая собой идею централизованного управления наукой.

Третья сквозная линия исследования – анализ конкретных «кейсов», наиболее примечательных диссертационных историй, на примере которых выявляются сильные стороны и «болевы точки» подготовки и защит диссертаций данного периода. Авторы детально исследуют диссертационные истории четырех соискателей – Н.М. Бубнова, М.С. Корелина, Р.Ю. Виппера и В.В. Бартольда, которые в соответствии с нормами университетского устава 1884 г. были «возведены прямо в степень доктора», минуя магистерскую степень. Подробно рассматривается также ситуация с магистерской диссертацией П.Н. Милюкова, которая, по мнению многих коллег, могла быть рекомендована на соискание докторской степени, но из-за позиции его учителя В.О. Ключевского эта возможность была отвергнута [с.75-85, 199-206]. Практика взаимодействия учителя с учениками при подготовке магистерских диссертаций рассматривается на примере научных школ М.С. Куторги и С.Ф. Платонова; здесь в фокусе внимания оказывается «историографический быт»: формы научной коммуникации, роль наставника как интеллектуального и коммуникативного лидера – и как «профессора-покровителя», содействующего «продвижению молодого человека к ученому Олимпу» [258]. Чтобы проследить важнейшие вехи становления диссертации как особого жанра научной литературы со своими внутренними канонами, авторы предпринимает анализ 14-ти диссертаций методологической и историографической направленности, защищенных в первой половине

XIX в., а также предисловий к 35-ти диссертациям, защищенным во второй половине века. Наконец, предметом изучения становится коммеморативная сторона диссертационной культуры – долговременный след, который оставили в памяти научного сообщества три ярких защиты магистерских диссертаций С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и П.Н. Милюкова; обращение к этой теме позволяет членам научного коллектива поставить вопрос о том, при каких обстоятельствах диссертационная история способна стать «событием» в памяти сообщества, и почему со временем эти истории обретают в историографических трудах новую смысловую нагрузку и ценностное наполнение.

Таким образом, рассматриваемое исследование выполнено в русле интеллектуальной истории в ее современном понимании: «история идей», «мыслительного инструментария» эпохи предстает в тесной взаимосвязи с «историей людей», социальных условий научной деятельности, институциональных и корпоративных взаимодействий. Классические историографические подходы и методы анализа дополняются социокогнитивным, неинституциональным, антропологическим подходами к истории науки.

Для изучения формирования научного сообщества историков в императорской России авторы используют также количественные методы, позволяющие зафиксировать, измерить и наглядно продемонстрировать результаты этого процесса. Основой для составления базы данных о диссертантах и диссертациях по истории стал библиографический указатель Г.Г. Кричевского «Диссертации университетов России. 1805–1919»³. Опираясь на указатель Кричевского, научному коллективу удалось выявить, систематизировать и существенно дополнить сведения о 280 диссертантах и 409 диссертациях по истории; база данных составлялась с учетом того, что диссертации, посвященные проблемам исторических наук, формально могли быть защищены по другим разрядам наук: чаще всего – словесности или востоковедению [93-99].

Авторы предпринимают анализ базы данных по множеству параметров: прослеживают динамику защит диссертаций по десятилетиям, сопоставляют уровень «диссертационной активности» соискателей (среднее количество защит диссертаций в год) в периоды действия разных университетских уставов и положений об ученых степенях; анализируют распределение научной тематики диссертаций по разрядам наук (русская история – всеобщая история – европейская словесность – востоковедение), по хронологическому принципу (древняя история – средние века – новая история) и по проблематике (политическая история – социальная история – экономическая история – история культуры – вспомогательные исторические дисциплины). Они выстраивают коллективный портрет соискателя ученой степени: определяют соотношение магистров, защитивших и не защитивших впоследствии докторскую

³ Труд выдающегося библиографа Г.Г. Кричевского, заверченный в 1984 г., до сих пор был опубликован лишь частично. – Диссертационная культура 2022: 86-92.

диссертацию; определяют средний возраст соискателей магистерской и докторской степеней и средний временной интервал между защитами; анализируют академическую мобильность и «диспутную миграцию» соискателей (совпадение или несовпадение места получения высшего образования с местами защиты магистерской и докторской диссертаций); выстраивают несколько траекторий типичных академических карьер диссертантов-историков [99-134]. Сводные таблицы и диаграммы, где наглядно представлены результаты анализа базы данных, придают монографии наукометрическое измерение – и доказывают сомневающимся, что история вполне может быть точной наукой.

Важнейшие выводы, к которым приходят члены исследовательского коллектива, состоят в том, что диссертационная система и диссертационная культура императорской России формировались в режиме непрерывного диалога, взаимодействия многих акторов. Трансферы европейского опыта сочетались с поиском собственных, отечественных стандартов; разработка механизмов и форм научной аттестации шла как «сверху», от Министерства просвещения – так и «снизу», со стороны научного сообщества. Эти процессы охватывали жизнь нескольких поколений, и потому их результаты становятся заметны при использовании лонгитюдной оптики, при изучении периодов «большой длительности». Если первая половина XIX в. была временем поисков и апробаций, то в 1860–1910-е гг. диссертационная культура в России достигает своей зрелости: именно в этот период складываются научные школы, вырабатываются формы научного общения и институт научной репутации, диссертационные диспуты превращаются в мастер-классы профессионального мастерства; именно тогда активными соучастниками формирования диссертационной культуры, поддерживающими «обратную связь» с университетским сообществом, становятся российская общественность и научно-ориентированная пресса. Диссертационная культура предстает на страницах коллективной монографии как важнейший инструмент саморазвития и саморегулирования научного сообщества.

Энциклопедически масштабный исследовательский проект челябинских историков по изучению диссертационной культуры университетов императорской России пришел к достойному завершению. Можно констатировать, что сама история работы над этим проектом свидетельствует о формировании научной школы, интеллектуальным и коммуникативным лидером которой является профессор Н.Н. Алеврас; отличительная черта этой школы – многоуровневый подход к истории исторической науки в ее социокультурных и институционально-организационных аспектах. История научных поисков на этом не завершена: в настоящее время коллектив авторов разрабатывает проблематику, связанную с историей советской диссертационной культуры⁴, а значит, в скором времени нас ждет новое увлекательное научное чтение.

⁴ Скворцов 2021; Алеврас, Гришина 2022.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алеврас Н.Н. Диссертационная культура как историографический концепт // Уральский исторический вестник. 2014. № 4(45). С.111-119. [Alevras N.N. Dissertatsionnaya kul'tura kak istoriograficheskij kontsept // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2014. No 4(45). S.111-119.]
- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Диссертационная культура российских историков XIX – начала XX в.: замысел и источники исследовательского проекта // Мир историка. Вып. 6. Омск: Изд-во ОмГУ, 2010. С. 9–21. [Alevras N.N., Grishina N.V. Dissertatsionnaya kul'tura rossijskikh istorikov XIX – nachala XX v.: zamysel i istochniki issledovatel'skogo proekta // Mir istorika. Вып. 6. Омск: Izd-vo Omskogo gos. un-ta, 2010. S. 9–21.]
- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Докторская диссертация в советской диссертационной системе: опыт защит в 1930-х – начале 1940-х годов // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 3. С. 337-354 [Alevras N.N., Grishina N.V. Doktorskaya dissertatsiya v sovetsoj dissertatsionnoj sisteme: opyt zaschit v 1930-kh – nachale 1940-kh godov // Nauchnyj dialog. 2022. T. 11. No 3. S. 337-354]
- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Российская диссертационная культура XIX – начала XX веков в восприятии современников (К вопросу о национальных особенностях) // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 221-247. [Alevras N.N., Grishina N.V. Rossijskaya dissertatsionnaya kul'tura XIX – nachala XX vekov v vosprivatii sovremennikov (K voprosu o natsional'nykh osobennostyakh) // Dialog so vremenem. 2011. Вып. 36. S. 221-247.]
- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В., Выдрин О.В. Диссертационная культура российских университетов XIX – начала XX века // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2 (95). С. 100-110. [Alevras N.N., Grishina N.V., Vydrin O.V. Dissertatsionnaya kul'tura rossijskikh universitetov XIX – nachala XX veka // Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nykh issledovanij. Gumanitarnye i obschestvennye nauki. 2019. No 2 (95). S. 100-110.]
- Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX – начало XX в.): коллективная монография / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной. М.: СПб.: Нестор-История. 2022. 464 с. [Dissertatsionnaya kul'tura rossijskogo istoriko-nauchnogo soobshchestva: opyt i praktiki podgotovki i zaschit dissertatsij (XIX – nachalo XX v.): kolektivnaya monografiya / pod red. N. N. Alevras, N. V. Grishinoj. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2022. 464 s.]
- Скворцов А.М. Становление советской аспирантуры по истории в СССР в 1930-е годы: законодательное регулирование и практика // Научный диалог. 2021. № 12. С. 444-460. [Skvortsov A.M. Stanovlenie sovetsoj aspirantury po istorii v SSSR v 1930-e gody: zakonodatel'noe regulirovanie i praktika // Nauchnyj dialog. 2021. No 12. S. 444-460].
- Фарберович О. «Пропуск в научное сообщество» для историков // Научная Россия. 12.11.2021. [Farberovich O. «Propusk v nauchnoe soobshchestvo» dlya istorikov // Nauchnaya Rossiya. 12.11.2021. URL: <http://www.1914-1918-online.net>]

Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва; oleontieva@yandex.ru

“Protect yourself, sir!”: About the dissertational culture of the scientific community of historians in pre-revolutionary Russia

This book review is devoted to the analysis of the collective monograph ed. by N.N. Alevras and N.V. Grishina “Dissertational culture of the Russian historical scientific community: experience and practice of writing and defending dissertations (XIX – early XX c.)” (2022). The authors examine the regulatory, institutional, methodological, communicative and commemorative aspects of the defense of dissertations in historical sciences in the Russian Empire, study the practices for writing and defending dissertations as forms of the professional culture of historians. The merit of the authors is the formation and detailed analysis of the database, which includes data on 280 scientists and 409 dissertations in history.

Keywords: history of historical science, dissertational culture, scientific community

Olga B. Leontieva, Dr. Sc. (History), Associated Professor, Professor, Department of Russian History, Samara National Research University named after academician S.P. Korolev; oleontieva@yandex.ru

К.М. БЕЛИК, Т.К. ХОЛМАТОВ

СПУТНИК ЖИЗНИ И НАУКИ: ДНЕВНИКИ Н.Н. ПЛАТОНОВОЙ¹

В рецензии проанализирован дневник Надежды Николаевны Платоновой (1861–1928), изданный в 2020 г.² Дана археографическая характеристика издания. Отмечен информационный потенциал дневника. В частности, дневниковые записи рассмотрены как свидетельство профессорского быта конца XIX – начала XX в. Проведен анализ коммуникативных взаимодействий как школообразующих практик петербургских историков. Рассмотрена роль Н.Н. Платоновой в научной деятельности супруга – историка Сергея Федоровича Платонова (1860–1933).

Ключевые слова: *Н.Н. Платонова, С.Ф. Платонов, дневник, диссертационная культура, научная школа, школообразующие практики*

В современной российской историографии профессорская семья исследуется как особое социокультурное явление академического мира. Часто важными акторами академической жизни являются не только ученые, но также их близкие – члены семьи, которые становятся неформальными участниками повседневной научной деятельности. Порой они не только вовлечены в профессорскую культуру³, но в определенном плане участвуют в ее создании и трансляции.

Надежда Николаевна Платонова (Шамонина) в 1881 г. поступила на историко-филологическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов, а в июне 1885 года стала женой Сергея Федоровича Платонова. Их брак продлился более сорока лет, до самой смерти Н.Н. Платоновой. Опубликованные в 2020 г. дневниковые записи супруги известного петербургского историка за 1889–1921 гг. отражают сюжеты не только личной жизни самой Н.Н. Платоновой, но и интеллектуальной жизни ученых-историков рубежа XIX–XX вв.

Издание дневника как результат источниковедческой и археографической работы представляется близким к образцовому. Удобно составлены раздел с редакторскими примечаниями и аннотированный указатель имен. Среди положительных сторон указателя выделим наличие информации об основных принципах его составления (первое примечание, С. 769), что, к сожалению, нечасто можно встретить в по-

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

² Корзун 2011.

³ В данной работе под «профессорской культурой» понимается особая корпоративная академическая субкультура, в рамках которой культивируется определенная модель идентичности. Она конструируется научным сообществом под влиянием внешних обстоятельств и индивидуальных качеств ее творцов: Корзун 2011: 14.

добного рода трудах. Отдельного внимания заслуживает работа над авторскими заметками и правками: в тексте выделены зачеркивания, подчеркивания, наличие выделенного текста, приписки и т.п., что позволяет проследить, как Н.Н. Платонова вела дневниковые записи, какие ставила акценты в письменной речи. Описания к ним приведены в подстрочных ссылках. Учтены и другие особенности записей, например, частое сокращение слов. Редакторские вставки выделены квадратными скобками, благодаря чему строго разграничен текст Н.Н. Платоновой и публикаторов. Таким образом, проделанная издателями источниковедческая и археографическая работа наглядно показывает стремление максимально широко представить информационный потенциал дневников, при этом стараясь минимально вторгаться в авторский текст.

Гармонично дополняют друг друга два вступительных текста, которые можно рассматривать как подробные путеводители по содержанию и особенностям дневника. Первый текст («Дневник Н.Н. Платоновой как исторический источник», автор – А.Н. Цамутали) затрагивает вопрос об информационном потенциале источника. Автором проанализирован стиль письма Платоновой⁴, а также события, которые охватывают дневниковые записи [11–14]. В заключительной части автор подчеркивает текстологические особенности дневника, а также археографические принципы исследовательского коллектива [14–15]. Второй («Надежда Николаевна Платонова (Шамонина): очерк жизни и научной деятельности», автор – Е.А. Ростовцев) повествует о жизни самой Надежды Николаевны, в том числе ее научно-литературном наследии. Что касается анализа содержания дневника, то текст Е.А. Ростовцева в большей степени сконцентрирован на особенностях внутренней жизни Н.Н. Платоновой – взаимодействии с членами семьи и прислугой [20–26], в то время как в статье А.Н. Цамутали охарактеризованы внешние события – записи об академической жизни, военных действиях в период Первой мировой войны, революции, императорской семье и т.д.

«Жена профессора»: дневник как свидетельство профессорского быта

Одной из обязанностей «жены профессора», как Н.Н. Платонова иногда именовала себя в дневнике, было ее непосредственное участие в научном творчестве мужа. Характерна, например, такая запись ее дневника от 15 ноября 1891 года: «все свободное время у меня уходит на переписывание указателя к изданию С.Ф.; это – работа не трудная, но спешная. Моя “Риторика” на время совсем отложена в сторону» [62]. Она принимала участие в неформальных встречах ученых, в вечерах, проводимых С.Ф. Платоновым, а в дневнике давала оценку издаваемым

⁴ В том числе тонкое наблюдение автора статьи о том, что дневник, по-видимому, был написан с расчетом на другого читателя (С. 11).

научным трудам и событиям академического мира⁵. Подтверждение такой активной вовлеченности можно обнаружить в личных документах учеников и коллег С.Ф. Платонова. Из воспоминаний Г.В. Вернадского о том, как проходили научные встречи в домашней обстановке: «Гости сначала сидели или стояли в гостиной и там беседовали. Когда почти все всегда собирались, переходили в обширную столовую, где уже накрыт был стол. Стоял большой самовар, расставлены бутерброды с ветчиной, колбасой и сыром и всякие сладкие печенья. Все это гости сами передавали друг другу. За самоваром сидела супруга Сергея Федоровича Надежда Николаевна»⁶.

Судя по содержанию дневника, помощь Надежды Николаевны в работе мужа была более чем компетентной. Однако она не забывала и о собственных исследовательских интересах, в перерывах успевала писать научные исследования и переводить тексты: «А печатание моего Канта грозит затянуться до бесконечности; мне это так надоело, что я торжественно дала себе слово никогда больше не брать переводной работы. Помышляю теперь попасть в сотрудницы словаря, издаваемого при Истор[ическом] общ[естве]» [121].

«Сегодня среда»: научные школы и школообразующие практики

Во второй половине XIX века в отечественной исторической науке доминирующим видом неформальной кооперации историков стали научные школы. Являясь необходимой формой развития научно-исторического сообщества, школы стали центром научного воспитания молодых специалистов. Как отметил ученик С.Ф. Платонова С.В. Рождественский: «наука тогда только становится наукой в точном смысле слова, когда из механической совокупности трудов отдельных лиц она становится органическим целым, связывающим массу этих трудов единством обобщающей мысли, традициями известных методических направлений, – тем, что называется “школой”»⁷.

Дневник Н.Н. Платоновой содержит немало записей, фиксирующих коммуникации между представителями исторической науки различных университетов, прежде всего – Петербургского и Московского. В нем она, конечно, концентрирует внимание на фигуре своего мужа, подробно освещая его отношения с «москвичами», учениками и представителями Петербургской исторической школы. Часто подобные свидетельства дополняются и личной характеристикой героев событий: «Разговор коснулся также кружка Гревса и Ольденбурга, и мы с Майковым согласились, что это – несомненно симпатичные люди, но крайне нетерпимые и склонные легко осуждать других» [68].

Лучше всего в дневнике представлены отношения С.Ф. Платонова

⁵ Ростовцев 2006: 271.

⁶ Вернадский 1995: 138–139.

⁷ Рождественский 1923: 1.

с учениками. В условиях стабильного социально-политического развития в стране, учителя и ученики предстают как цепь единого процесса производства научного знания, в ходе которого происходит как сохранение традиций, так и формирование новых подходов к решению проблем. Личные коммуникативные связи ощутимо дополняли официальные отношения между учеными, особенно между учителем и учениками. Например, как показано в дневнике, С.Ф. Платонов помогал своим ученикам в их научных исканиях и жизненных перипетиях: «Третьего дня (25-го) под вечер к С. Ф-чу явился кончивший в мае курс И.И. Лаппо – вне себя: летом он как-то был у С. Ф-ча, к[ото]рому показалось, что Лаппо хочет остаться при унив[ерсите]те⁸; С.Ф. не рассчитывал его оставить, и дал ему понять, что стипендий в университете мало» [100].

Схоларные объединения интересны прежде всего своей структурой и особенностями, ведь именно через эти характеристики формируются главная линия направленности школы, тенденции изучения доминирующих проблематик. Коммуникативные характеристики школы можно проследить в контексте изучения ее основных школообразующих практик⁹. В школе Платонова такой коммуникационной формой как раз являлись его регулярные «среды». Именно здесь, в неформальных научных беседах, устанавливались качественные связи и межличностные отношения учителя и учеников.

По свидетельству Г.В. Вернадского, по средам у Платоновых можно было встретить не только его коллег и старших учеников (С.В. Рождественского, А.Е. Преснякова, М.А. Полиевктова, П.Г. Васенко), но и группу молодых ученых, не успевших получить степеней (А.И. Андреева, С.Н. Валка, А.А. Введенского, А.И. Заозерского, П.Г. Любомирова, Б.А. Романова, В.В. Саханеева)¹⁰. Активно на собраниях научного общества проявляла себя и Н.Н. Платонова: «Сегодня среда; мы ждем курсисток» [73]. Судя по ее записям, особенно до 1905 г., нередко происходили как формальные, так и неформальные встречи С.Ф. Платонова с коллегами: «У Сережи вчера вечером были Бубнов, Середонин, Лаппо-Дан[илевск]ий и Дружинин; последние приехали из Историч[еского] общества. Проектируется издание сборника Ист[орического] общ[ества], для которого Кареев дает четыре статьи» [37].

Отличительной чертой профессорской корпорации можно назвать и своеобразный стиль жизни, сочетавший в себе научную деятельность профессоров и повседневный быт в их семье. Как видно из дневниковых записей Платоновой, такая комбинация имела место и на домашних приемах в их семье: «В последнюю среду курсистки говорили, что

⁸ Иван Иванович Лаппо был оставлен С.Ф. Платоновым в 1893 г/ для приготовления к профессорскому званию без стипендии.

⁹ Впервые это понятие ввел А.В. Свешников. Подробнее: Свешников 2012.

¹⁰ Вернадский 1995: 138–139.

тон возражений и самые возражения Лаппо-Данилевского на диспуте Середонина очень не понравился большинству публики, которое было на стороне Середонина. Удивительно, как часто Л[а]п[по-]Дан[илевский] вредит себе сам своей манерой держаться!» [77].

Дневник также помогает проанализировать тенденции университетских реалий, выявить неформальный статус профессоров и отношение студентов к учебной программе: «Как-то в среду зашел разговор об унив[ер]сит[етском] преподавании, и Пресняков много говорил о том, что Кареев надоел студентам, что они его постоянно бранят и не ходят на его лекции, что его очень обижает. Гревса слушают охотно; на него теперь мода» [105]. Эксплицитное выражение обратной связи о профессорах и их курсах позволяет обрисовать контуры коллективного портрета ученых, реализующих в рамках интересующего нас времени преподавательские замыслы. Учебные дисциплины отдельных профессоров предстают как некий образец научно-преподавательской деятельности, создаваемого определенной научной средой и связанного с научными традициями той или иной исторической эпохи.

«Масса народу, оглушительные аплодисменты, качание диспутанта»: диссертационная культура в записях дневника

Совокупность организационно-нормативных процедур, традиций и ритуалов со стороны научно-образовательных институций, экспертного сообщества и заинтересованных претендентов на достижение научного статуса составляют собой сложившуюся «диссертационную культуру». Главным элементом диссертационной культуры, несомненно, является научное произведение особого жанра – диссертация¹¹. Статусные особенности такого текста, специально создаваемого в качестве квалификационного исследования, складывались на основе формальных нормативных постановлений и неформальных конвенций корпоративного общества. Их выполнение обеспечивали элементы контроля, в том числе публичная защита диссертации. Сложившиеся практики диссертационных защит и неформальные традиции проведения диспутов можно обнаружить в официальных протоколах и неофициальных отчетах в научной периодической печати того времени (например, в журнале «Историческое обозрение»). Однако предпринятый опыт неофициального протоколирования не стал распространенной практикой. Поэтому сведения о состоявшихся защитах нужно искать ещё и в иных источниках, которые могли сохранить живые реакции профессоров и их обратную связь на произошедшие академические события.

Дневники, созданные учеными-историками и приближенными к ним людьми, представляют в этом свете значимую видовую группу. У Н.Н. Платоновой можно обнаружить информацию о защитах прото-

¹¹ Подробнее о концепте «диссертационная культура»: Алеврас 2014: 111–120; Алеврас, Гришина, Выдрин 2019: 100–110.

кольного типа, которые дополнены ценными сведениями из «внутренней кухни» академического сообщества. Это особенно прослеживается в тех случаях, когда диспут был неудачным, а соискательство ученой степени было омрачено неким конфликтом: «За последнее время произошло несколько любопытных если не событий, то казусов: 1) Окончательный провал диссертации Барбашева. Вас[ильевск]ий дал о ней устный отчет в факультете, предлагая дать ему докторство со снисхождением. Факультет (и Вас[ильевск]ий) возложили на С.Ф. обязанность представить письменный отчет о ней. Сущность его отчета такова: собрано много фактов, но чисто внешним образом и односторонне, выводов никаких. При голосовании 8 голосов против, 4 – за» [99–100].

Защита диссертации имела определенную временную и структурно выраженную траекторию движения соискателя к защите. Она, в свою очередь, была дополнена негласными обычаями, которые вырабатывались самим университетским сообществом. Их мы также можем обнаружить в дневнике Платоновой. Сюда можно отнести правила и принципы интеллектуальных коммуникаций в виде этики научной жизни, конвенций о критериях научности, а также ритуалов, сопровождавших различные события научной среды. Все это составляло социокультурную основу диссертационной культуры.

Н.Н. Платонова в дневнике выделяет сложившиеся академические традиции, дополняя их диалогами соискателя и членов комиссии: «Диспут Форстена прошел с внешней стороны блистательно: масса народу, оглушительные аплодисменты, качание диспутанта и т.д. Сам он, по общим отзывам, держался добродушно. Кареев упрекал его за незнакомство с польским языком и польскими источниками, на что Форстен ему отвечал: “А вот вы, Ник[олай] Ив[анович], не знаете скандинавских языков, так что ж из этого?”» [118].

Таким образом, в дневнике зафиксирован широкий круг вопросов, значимых для интеллектуальной истории. Дневник Н.Н. Платоновой позволяет выявить уровень неформальной жизни ученых и качество их личных взаимоотношений. С учетом фиксации широкого спектра внешних событий, на наш взгляд, именно передачей общей атмосферы академической жизни и описанием университетского быта выражена главная ценность источника. Зафиксированная «здесь и сейчас» информация как актуальная на данный момент для ее создателя, она ценна своеобразным «протоколированием» происходящего события.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алеврас Н.Н. Диссертационная культура как историографический концепт // Уральский исторический вестник. 2014. № 4 (45). С. 111–120 [Alevras N.N. Dissertacionnaja kul'tura kak istoriograficheskiĭ koncept // Ural'skij istoricheskiĭ vestnik. 2014. № 4 (45). S. 111–120].
- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В., Выдрин О.В. Диссертационная культура российских университетов XIX – начала XX века // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2 (95). С. 100–110

- [Alevras N.N., Grishina N.V., Vydrin O.V. Dissertacionnaja kul'tura rossijskich universitetov XIX – nachala XX veka // Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nyh issledovanij. Gumanitarnye i obshhestvennyye nauki. 2019. № 2 (95). S. 100–110].
- Вернадский Г.В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 129–148 [Vernadskij G.V. Iz vospominanij // Voprosy istorii. 1995. № 1. S. 129–148].
- Корзун В.П. Профессорская семья. Отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб.: Алетея, 2011. 192 с. [Korzun V.P. Professorskaja sem'ja. Otec i syn Lappo-Danilevskie. SPb.: Aletejja, 2011. 192 s.]
- Платонова Н.Н. Дневник (1889–1921). Рязань, 2020. 881 с. [Platonova N.N. Dnevnik (1889–1921). Rjazan', 2020. 881 s.].
- Рождественский С.В. Историк – археограф – архивист // Архивное дело. 1923. № 1. С. 1–12 [Rozhdstvenskij S.V. Istorik – arheograf – arhivist // Arhivnoe delo. 1923. № 1. S. 1–12].
- Ростовцев Е.А. Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // Времена и судьбы: сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб.: «Европейский дом», 2006. С. 270–318 [Rostovcev E.A. Dnevnik N.N. Platonovoj (Shamoninoj) kak istochnik po istorii istoricheskoi nauki // Vremena i sud'by: sbornik statej v chest' 75-letija Viktora Moiseevicha Panejaha. SPb.: «Evropejskij dom», 2006. S. 270–318].
- Свешников А.В. Научная школа как конструкция. О приемах формирования петербургской школы медиевистов начала XX века // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2012. Т. 5. № 1. С. 121–158 [Sveshnikov A.V. Nauchnaja shkola kak konstrukcija. O priemah formirovanija peterburgskoj shkoly medievistov nachala XX veka // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2012. T. 5. № 1. S. 121–158].

Белик Ксения Михайловна, аспирант, Аспирантская школа по историческим наукам, НИУ «Высшая школа экономики», стажер-исследователь, Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поletaева (ИГИТИ); kseniabelik2402@gmail.com

Холматов Темурмалик Комилджонович, аспирант, Аспирантская школа по историческим наукам, НИУ «Высшая школа экономики», стажер-исследователь, Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поletaева (ИГИТИ); timur.kholmatofff@yandex.ru.

The Partner in Life and Science: the Diaries of N.N. Platonova¹²

The review analyzes the diary of Nadezhda Nikolaevna Platonova (1861–1928), published in 2020. There are given the archeographic characteristics of the publication. There is also estimated the information potential of the diary. In particular the diary is considered as the evidence of the professorial life of the late XIX – early XX c. There is paid special attention to the analysis of communicative interactions as school-forming practices of St. Petersburg historians. Then the review represented the role of N.N. Platonova in the academic activity of her husband – historian Sergey Fedorovich Platonov (1860–1933). The final part presents the prospects for researching the dissertation culture through the diary of N.N. Platonova.

Keywords: N.N. Platonova, S.F. Platonov, diary, dissertation culture, scientific school, school-forming practices.

Belik Ksenia M., Postgraduate Student, Doctoral School of History, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), Research Assistant, Poletaev Institute for Theoretical Historical Studies in the Humanities (IGITI); kseniabelik2402@gmail.com

Kholmатов Temurmaliq K., Postgraduate Student, Doctoral School of History, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), Research Assistant, Poletaev Institute for Theoretical Historical Studies in the Humanities (IGITI); timur.kholmatofff@yandex.ru

¹² This work was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

М.С. ПЕТРОВА

К ПЕРЕВОДУ ARS GRAMMATICA (Ш. 1 – 4.) ЭЛИЯ ДОНАТА

Публикуется комментированный перевод с латинского языка разделов из «Грамматической науки» (“Ars grammatica” [Ars minor]) Доната, которые относятся к языковым ошибкам и неправильностям в речи – «О варваризме», «О солецизме», «О других погрешностях в речи», «О метаплазме».

Ключевые слова: *Донат, грамматическая наука, варваризм, языковые ошибки, солецизм*

Внимание читателя предлагается полный комментированный перевод четырех разделов, относящихся к языковым ошибкам и неправильностям в речи: «О варваризме» (De barbarismo), «О солецизме» (De soloecismo), «О других погрешностях в речи» (De ceteris vitiis), «О метаплазме» (De metaplasmo) из «Грамматической науки» (Ars grammatica)¹ Элия Доната (с. 350 г.)² – сочинения, служившего учебником этой дисциплины вплоть до Нового времени³. О содержании этой работы, ее четком делении на две части, получившие в образовательной практике раннего Средневековья (как на Британских островах, так и на континенте) названия “Ars minor” (Малая грамматика) и “Ars maior” (Большая грамматика) мы ранее уже писали⁴. Соответственно, здесь лишь отметим, что публикуемые ниже разделы входят в т.н. третью книгу второй части Ars grammatica (Ars maior), в которой, в целом, речь идет о стилистике. В ней обсуждаются не только варваризмы и солецизмы, другие ошибки и метаплазмы, но и риторические фигуры (schemata) и иносказания (tropi)⁵.

¹ Наш комментированный перевод разделов «О звуке» (I. 1.), «О букве» (I. 2.), «О слоге» (I. 3.), «О стихотворных стопах» (I. 4.), «Об ударениях» (I. 5.), «О положениях» (I. 6.), «О частях речи» (II. 1.), «Об имени» (II. 2) из «Науки грамматики» Доната, см.: Петрова (пер.) 2011: 312-331; Петрова (пер.) 2021: 86-99; комментированный перевод «Краткой науки о частях речи» Доната с параллельным оригинальным текстом, см.: Петрова (пер.) 1999: 306-344.

² О Донате, его именах, времени его жизни и интеллектуальном окружении, см.: Петрова 2008: 80-92. О курьезной средневековой биографии Доната и истории ее изучения, см.: Петрова 2014: 5-30; Petrova 2016: 49-53; Petrova (tr.) 2016: 54-59. Далее мы намеренно называем Доната и ранних авторов «грамматистами», а не грамматиками, отступая от традиции, с целью устранения смешения между «авторами-грамматиками» и их сочинениями – «грамматиками». Подробнее см.: Петрова (пер.) 2011: примеч. 15 (с. 325).

³ О развитии, рецепции, восприятии и усвоении грамматического знания последующими авторами, см. серию наших статей: Петрова 1999: 295-305; 2009: 196-207; 2015: 110-132; 2019: 60-86; 2012: 36-63; 2011: 311-364. Petrova 2014: 45-66.

⁴ О названиях частей, см.: Петрова 2020: 134-144.

⁵ В Средние века добавился четвертый раздел, состоящий из орфографии (ortographia), просодии и теории стиха (prosodia), этимологии (ethimologia), синтаксиса (diasinastica). См. Law 1997: 260-261.

Содержание этой книги Донатовой “*Ars grammatica*” на схеме можно показать так; рубрикация приводится по изданиям Кайля (1864) и Хольца (1981)⁶:

MAIORES PARTS [*Ars maior* = *Pars 2. Liber 3*]

Keil 1864 / Holz 1981	Keil 1864 / Holz 1981
III. 1. De barbarismo — О варваризме Keil GL IV, p. 392, v. 4 — 393, v. 4 Holz p. 653, v. 1 — 655, v. 2	III. 4. De metaplasmo — О метаплазме Keil GL 4, p. 395, v. 27 — 397, v. 3 Holz p. 660, v. 7 — 663, v. 3
III. 2. De soloecismo — О солецизме Keil GL 4, p. 393, v. 5 — 394, v. 24 Holz p. 655, v. 3 — 658, v. 3	III. 5. De schematibus — О риторических фигурах Keil GL 4, p. 397, v. 4 — 399, v. 11 Holz p. 663, v. 4 — 666, v. 17
III. 3. De ceteris vitiiis — О других ошибках Keil GL 4, p. 394, v. 25 — 395, v. 26 Holz p. 658, v. 4 — 660, v. 7	III. 6. De tropis — Об иносказаниях Keil GL 4, p. 399, v. 12 — 402, v. 34 Holz p. 667, v. 1 — 674, v. 10

* * *

При переводе мы стремились сохранить синтаксические конструкции оригинала и передать латинскую терминологию с наименьшими потерями. При составлении примечаний использованы тексты и исследования, указанные в библиографическом перечне. Публикуемые ниже фрагменты являются дополнением к нашим исследованиям (1999–2020 гг.)⁷, посвященным анализу Донатовой «Науки грамматики» и образовательным практикам Поздней Античности и раннего Средневековья.

Перевод выполнен по: *Ars Donati Grammatici Urbis Romae // Donat et la tradition de l'enseignement grammatical, étude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe – IXe siècle) / Éd. par L. Holtz. Paris, 1981. P. 603-612, с учетом раннего издания: Donati Grammatici Urbis Romae *Ars Grammatica // Grammatici Latini / Ex rec. H. Keilii. Lipsiae, 1864. Vol. IV. P. 367-372.* В основу примечаний положены упомянутые критические издания и литература, указанная в библиографическом перечне. Сокращения имен античных и средневековых авторов, названий их сочинений соответствуют аббревиатурам, используемым в *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Clarendon Press, 1968 (<https://www.oxfordscholarlyeditions.com/page/abbreviations>); Liddle H.G, Scott R. et al. *A Greek-English Lexicon, with a Revised Supplement.* Oxford: Clarendon Press, 1996.*

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Оригинальные тексты см. по имени издателя в электронных базах данных или открытым доступе сети Интернет: Packard Humanities Institute Latin Library texts [PHI 5, CD-ROM edition]; Thesaurus Linguae Graecae [TLG]. – <http://stephanus.tlg.uci.edu>; Patrologia Latina [PL, CD-ROM edition]. – <http://patristica.net/latina/#069>. Имеющиеся переводы источников на русский, английский и др. языки, см. по имени переводчика, редактора и времени их выхода в свет в имеющихся изданиях или открытом доступе сети Интернет.

Donat et la Tradition de l'Enseignement grammatical / L. Holtz, ed. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1981.

Law, V. *Grammar and Grammarians in the Early Middle Ages.* London; New York: Longman, 1997.

Marotta G. *Syllable and Prosody in Latin Grammarians / D. Russo, ed. // The of Syllable Across History, Theories and Analysis.* Cambridge Scholars Publishing, 2015: 55-86.

⁶ См.: Holtz 1981: 583, с изменениями.

⁷ См. библиографический перечень.

- Monceaux P. Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne. Vol. III. Le IV siècle d'Arnobé à Victorin. Paris: Leroux, 1905.
- Petrova M.S. (tr.) The life of Donatus: trans. from Latin into English and Russian, notes and original text by M.S. Petrova // СХОАН (Schole). 2016. 10.1: 54-59.
- Petrova M.S. The Reception of Latin Grammar Knowledge in the Early Middle Ages: Bede and Donatus / I.Woods, ed. and alii. (org.) // Mirabilia. 2014. 18 [Leeds Congress 2013]: 45-66.
- Petrova M.S. Taking a New Look at the Ancient Tradition of Suetonius-Donatus' Biographies // СХОАН (Schole). 2016. 10.1: 49-53.
- Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. М.: Фортуна Лимиттед, 2003, 2 изд. доп. [Gasparov M.L. Ocherk istorii evropejskogo stiha. Moskva: Fortuna Limited, 2003, 2 izd. dopolnennoe.]
- Ирмшер Й., Йоне Р. Словарь Античности / Пер. с нем. / Отв. ред. В.И. Кузищин. М.: Прогресс, 1989 [Irmsher J., Jone R. Slovar' Antichnosti / Per. s nem. / Otv. red. V.I. Kuzishhin. Moskva: Progress, 1989.]
- Петрова М.С. (пер. 1999) Донат. «Краткая наука о частях речи» / Пер. с лат., примеч., публ. ориг. текста М.С. Петровой // Диалог со временем. 1999. 1: 306-344 [Petrova M. S. (per. 1999) Donat. "Kratkaja nauka o chastjah rechi" / Per. s lat., primech., publ. orig. teksta M.S. Petrovoj // Dialog so vremenem. 1999. 1: 306-344.]
- Петрова М.С. (пер. 2011) Донат. «Наука грамматики»: О частях речи (II. 1.), Об имени (II. 2) / Пер. с лат. и примеч. М.С. Петровой // Диалог со временем. 2011. 35: 312-331 [Petrova M.S. (per. 2011) Donat. "Nauka grammatiki": O chastjah rechi (II. 1.), Ob imeni (II. 2) / per. s lat. i primech. M.S. Petrovoj // Dialog so vremenem. 2011. 35, 312-331.]
- Петрова М.С. (пер. 2021) Донат. «Наука грамматики»: О звуке (I. 1.), О букве (I. 2.), О слоге (I. 3.), О стихотворных стопках (I. 4.), Об ударениях (I. 5.), О положениях (I. 6.) / Пер. с лат. и примеч. М.С. Петровой // ИЮРПНЕКАИ. Журнал по истории античной педагогической культуры. 2021. 5: Учебные тексты в Античности: 86-99 [Petrova M.S. (per. 2021) Donat. «Nauka grammatiki»: O zvuke (I. 1.), O bukve (I. 2.), O sloge (I. 3.), O stikhotvornyh stopakh (I. 4.), Ob udarenijakh (I. 5.), O polozhenijakh (I. 6.) / Per. s lat. i primech. M.S. Petrovoj // ИЮРПНЕКАИ. Zhurnal po istorii antichnoi pedagogicheskoi kul'tury. 2021. 5: Uchebnye teksty v Antichnosti: 86-99].
- Петрова М.С. Грамматическая наука в Поздней Античности и в Средние века: Ars minor Доната // Диалог со временем. 1999. 1: 295-305 [Petrova M.S. Grammaticheskaja nauka v Pozdnej Antichnosti i v Srednie veka: Ars minor Donata // Dialog so vremenem. 1999. 1: 295-305].
- Петрова М.С. Донат: жизнь, эпоха и интеллектуальное окружение // Диалог со временем. 2008. 22: 80-92 [Petrova M.S. Donat: zhizn', jepoha i intellektual'noe okruzhenie // Dialog so vremenem. 2008. 22: 80-92].
- Петрова М.С. Рецепция Донатовой Ars grammatica Кассиодором Сенатором // Диалог со временем. 2009. 28: 196-207 [Petrova M.S. Recepcija Donatovoj Ars grammatica Kassiodorom Senatorom // Dialog so vremenem. 2009. 28: 196-207].
- Петрова М.С. Восприятие латинского грамматического знания русской ученостью в XVI веке (на примере Дмитрия Герасимова и других...) // Диалог со временем. 2011. 34: 311-364 [Petrova M.S. Vosprijatje latinskogo grammaticheskogo znanija russkoj uchenost'ju v XVI veke (na primere Dmitrija Gerasimova i drugih...) // Dialog so vremenem. 2011. 34: 311-364].
- Петрова М.С. Риторико-грамматические работы Беды Досточтимого в контексте лингвистического знания Поздней Античности и раннего Средневековья // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2012. 1: 36-63 [Petrova M.S. Ritoriko-grammaticheskie raboty Bedy Dostohtimogo v kontekste lingvisticheskogo znanija Pozdnej Antichnosti i rannego Srednevekov'ja // Intellektual'nye tradicii v proshlom i nastojashhem. 2012. 1: 36-63].
- Петрова М.С. Просопография и реконструкция биографии Элия Доната // Специальные исторические дисциплины. 2014. 1: 5-30 [Petrova M.S. Prosopografija i rekons-trukcija biografii Jelija Donata // Special'nye istoricheskie discipliny. 2014. 1: 5-30].
- Петрова М.С. Учебные тексты и грамматическая наука на рубеже Античности и Средневековья // Диалог со временем. 2015. 51: 110-132 [Petrova M.S. Uchebnye teksty i grammaticheskaja nauka na rubezhe Antichnosti i Srednevekov'ja // Dialog so vremenem. 2015. 51: 110-132].

- Петрова М.С. *Ars grammatica* Доната и образовательные практики Поздней Античности: Сергей – Кледоний – Помпей // *HYPOTHEKAI. Журнал по истории античной педагогической культуры*. 2019. 3: Образование в Поздней Античности: 60-86 [Petrova M.S. *Ars grammatica* Donata i obrazovatel'nye praktiki Pozdnej Antichnosti: Sergij – Kledonij – Pompej // *Hypothekai*. 2019. 3: *Obrazovanie v Pozdnei Antichnosti*: 60-86].
- Петрова М.С. О Донатовой “*Ars Grammatica*” и заглавиях ее частей // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2020 5: 134-144 [Petrova M.S. О Donatovoj “*Ars Grammatica*” i zaglavijah ee chastej // *Intellectual'nye tradicii v proshlom i nastojashhem*. 2020. 5: 134-144].
- Петрова М.С. Дмитрий Герасимов и его последователи о местоимении // Новая и Новейшая история. 2022. 66 / 2: 145-169 [Petrova M.S. Dmitrii Gerasimov i ego posledovateli o mestoimenii // *Novaya i Noveishaya istoriya*. 2022. 66 / 2: 145-169].
- Троцкий И.М. Проблемы языка в античной науке / О.М. Фрейденберг, ред. // *Античные теории языка и стиля (Антология текстов)*. СПб.: Алетейя, 1996; перепеч. изд. 1936: 9-32 [Trockiĭ I.M. *Problemy jazyka v antichnoj nauke* / O.M. Frejdenberg, red. // *Antichnye teorii jazyka i stilja (Antologija tekstov)*. SPb.: Aletejja, 1996 (perepech. izd. 1936): 9-32].

Петрова Майя Станиславовна, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, *Институт всеобщей истории РАН*; beionyt@mail.ru

To the translation of Donatus' *Ars Grammatica* (III. 1. – 4.)

A commented translation from Latin of sections from Donatus' “*Ars grammatica*” (*Ars minor*) is published, which relate to linguistic errors and irregularities in speech – “On Barbarism” (*De barbarismo*), “On Solecism” (*De soloecismo*), “On Other Errors in Speech” (*De ceteris vitiis*), “On Metaplasm” (*De metaplasmo*).

Keywords: Donatus, grammatical science, barbarism, solecism, linguistic errors

Maya Petrova, Dr. Sc. (in History), *Institute of World History of the Russian Academy of Sciences*; beionyt@mail.ru

ДОНАТ

ГРАММАТИСТ ГОРОДА РИМА

ГРАММАТИЧЕСКАЯ НАУКА

III. 1. О ВАРВАРИЗМЕ (De barbarismo)

Варваризм это неправильная часть речи в повседневном языке¹.

В поэзии он именуется *метаплазмом* (metaplasmos), а на нашем наречии — *варваризмом* (barbarismus), у чужеземцев — *варвароречием* (barbarolexis), как если бы кто-то сказал: *mastruga, cateia, magalia*².

Варваризм возникает двумя способами: в произношении и на письме. Эти два [способа] подразделяются на четыре вида: прибавление (adiectio), отнятие (detractio), замену (inmutatio) и перестановку (transmutatio) буквы, слога, длительности³, тона и придыхания.

Через прибавление буквы образуются такие варваризмы как **reliquias Danaum**⁴, (хотя **reliquias** следует произносить с одной [буквой] I); [через прибавление] слога — такой варваризм как **nos abisse rati**⁵, вместо **abisse**; [через прибавление] длительности [в гекзаметре] — варваризм **Italiam fato profugus**⁶ (хотя **Italiam** следует произносить с краткой первой буквой); через отнятие буквы образуются варваризмы типа **infantibu parvis** вместо **infantibus**; через

¹ Ср. Diogenes Phil. (2 в. до н.э.) Testimonia et fragmenta, fr. 24, vv. 10-11 (SVF III; TLG 1320-001): . . . ὁ δὲ βαρβαρισμός, ἐκ τῶν κακιῶν, λέξις ἐστὶ παρὰ τὸ ἔθος τῶν εὐδοκιοῦντων Ἑλλήνων. — «Варваризм — относится к неправильностям [речи]; [это] слово против правила, принятого у эллинов» (пер. И.М. Тронского, с изменениями). См. также: Секст Эмпирик. Против грамматиков 210-234; Аполлоний. Синтаксис III, 6; 8. Ср.: Исидор Севильский. Этимологии I. О грамматике 24: «Варваризм — это искажение одного слова» (пер. Л.А. Харитонова). Заметим также, что Донатово определение варваризма (как неправильной части речи в повседневном языке) и описание причин его появления (от потери или добавления отдельных букв, вследствие их перестановки или изменения, а также от удлинения или сокращения слогов, их добавления или потери) восходит к более ранней дефиниции Марка Теренция Варрона (116–27 гг. до н.э.) из его сочинения «О латинском языке». Ср.: Varro. De lingua Latina. L. 5. 6: “. . . quot modis litterarum commutatio sit facta qui animaduertit, facilius scrutari origines patietur uerborum: reperiet enim esse commutata, ut in superioribus libris ostendi, maxime propter bis quaternas causas. litterarum enim fit demptione aut additione et propter earum traiectionem aut commutationem, item syllabarum productione <aut correptione, denique adiectione aut detractione>.” — <http://www.thelatinlibrary.com/varro.ll5.html>.

² Согласно примечаниям J. Marchand, выполнившего перевод этого отрывка на английский язык, *mastruga* является сардинским диалектом латинского языка и может быть переведено как овечья кожа, *cateia* — кельтскогерманское слово, имеющее значение «дубина», *magalia* — древнекарфагенское слово, переведенное как «хижина», «лачуга». См. <http://www9.georgetown.edu/faculty/jod/barbarismtrans.html>

³ Имеется в виду количество гласного или слога.

⁴ Вергилий. Энеида I, 30: «...от данайцев спаслись» (здесь и ниже пер. С. Ошерова).

⁵ Вергилий. Энеида II, 25: «...мы [же верим], ушли корабли».

⁶ Вергилий. Энеида I, 2: «...в Италию... роком ведомый».

[отнятие] слога образуется **salmentum** вместо **salsamentum**; через отнятие длительности возникает **unius ob noxam**⁷ вместо **unius**; через замену буквы — **illi** вместо **illi**; через [замену] слога — **pernities** вместо **pernicies**; через [замену] длительности — **fervere Leucaten**⁸, вместо **fervere ‘et Actia bella videbis**⁹, поскольку **fervere** — это [глагол] второго спряжения, имеющий долгую гласную; через перестановку (метатезу) букв — **Euandre** вместо **Euander**; через [перестановку] слога — **displicina** вместо **disciplina**; через перестановку длительностей — как если бы кто-нибудь произносил **deos**, удлинняя первый слог и укорачивая следующий.

Звуки (ударения) также изменяются по этим четырем видам. Ведь они прибавляются, отнимаются, изменяются, переставляются. Примеры [таких изменений] они сами легко явят, если кто-нибудь поищет.

Столькими же способами получается варваризм посредством придыхания¹⁰, которое одни полагают нужным приписывать на письме, а другие при произношении; вследствие чего одни считают **h** буквой, а другие — знаком придыхания. Кроме того, варваризмы происходят из-за пропусков гласных.

Также существуют «плохие сочетания», [по-гречески] называемые **caso-syntheta** [какоσύνθετα], которые многими полагаются варваризмами, а среди них есть *мутакизмы* (*mutacismi*), *лабдакизмы* (*labdacismi*), *йотакизмы* (*iotacismi* [ιωτακισμός]), *пропуск и стечение гласных* (*hiatus conlisiones*) и все [остальное], что в большей или меньшей степени отвергается разумными и образованными слушателями.

Указав выше, что этих погрешностей следует избегать, мы прекращаем спор относительно их названия тем, кто упорнее нас.

III. 2. О СОЛЕЦИЗМЕ (De soloecismo)

Солецизм (*soloecismus* [σολοικισμός]) это погрешность в согласовании частей речи, возникающая вопреки правилам грамматической науки¹¹. Солецизм от варваризма отличается тем, что солецизм содержит в себе несогласующиеся или непоследовательные фразы, варваризм же возникает при письме или при произношении в отдельных словах. Однако многие ошибаются, полагая, что солецизм может возникнуть также в одной части речи, как если мы, указывая на мужа, скажем «эта» (*hanc*), а [указывая] на женщину [скажем] «этот» (*hunc*); или если на вопрос, куда мы направляемся, мы ответим «в Риме» (*Romae*); или если мы отвечаем словами «здравствуйте» (*salvete*) в случае, когда этому предшествует изложение, вопрошание или приветствие, имеющее смысл связанной речи.

⁷ Вергилий. Энеида I, 41: «...[всех] за вину одного».

⁸ Вергилий. Энеида VIII, 677: «...[всю] Левкату заняв».

⁹ Vergilius. Aeneis. VII, 675-677 (PHI 5.3 [0690]): “...Actia bella, // cernere erat, totumque instructo Marte uideres // feruere Leucaten auroque effulgere fluctus” — «Актийскую битву // Выковал бог на щите; кипели Марсовы рати, // Всю Левкату заняв, и плескались валы золотые» (для “fervere” “et Actia bella videbis”).

¹⁰ Указание Доната на придыхание свидетельствует об обращении автора к греческим грамматикам, поскольку в латинском языке придыхание не имеет значения.

¹¹ Ср. Диоген Вавилонский. Фр. 24: Солекизм — невзаимосогласованное предложение (пер. И.М. Тронского).

Многие также задаются вопросом относительно того, является ли *scala*, *quadriga*, *scora*¹² солецизмом или варваризмом, хотя исходя из определения этой погрешности можно легко понять, что этот род речи является варваризмом.

Солецизм образуется двумя способами, или посредством [самих] частей речи, или посредством того, что части речи характеризует (*accidentia*)¹³.

Посредством частей речи солецизмы возникают, когда одно ставится вместо другого, например, *torvumque repente clamat*¹⁴, где вместо наречия *torve* поставлено имя [существительное]. Эта погрешность возникает и в одной и той же части речи, когда помещается не на своем месте или не так, как следует, например, *cui tantum de te licuit*¹⁵ вместо *in te*, и *apud amicum eo* вместо *ad amicum*, и *intro sum* вместо *intus sum*, и *foris exeo* вместо *foras*.

А посредством того, что части речи характеризует, солецизмы образуются столь многими способами, сколько у частей речи существует характеристик. Но в целях краткости из них в качестве примеров мы покажем лишь несколько.

Итак, солецизмы образуются посредством характеристик имен существительных, например: *hauriat hunc oculis ignem crudelis ab alto Dardanus*¹⁶ вместо *Dardanius*, [где] вместо имени нарицательного стоит имя собственное; посредством [погрешности в] роде, например *validi silices*¹⁷ и *amarae cortices*¹⁸ и *collus collari caret*¹⁹; посредством [погрешности в] числе, например, *pars in frusta secant*²⁰ вместо *secat*, или в степенях сравнения, например, *respondit Iuno Saturnia sancta dearum*²¹, вместо *sanctissima*; посредством [погрешности] в падеже, например, *urbem quam statuo vestra est*²² вместо *urbs quam statuo*.

[Солецизмы образуются] посредством погрешностей в наклонении глаголов, например, *itis, paratis arma quam primum, viri*²³ вместо *ite parate*, [где глагол стоит в] изъявительном наклонении вместо повелительного; посредством погрешностей в залоге, например, *spoliantur eos et corpora nuda relinquunt*²⁴ вместо *spoliant*; посредством погрешности в грамматическом времени, например, *ceciditque superbum Ilium et omnis humo fumat Neptunia Troia*²⁵ вместо

¹² *Scala* (лестница), *quadriga* (колесница, запряженная четырьмя лошадьми), *scora* (метла) — все лексемы даны в единственном числе, хотя в основном они употреблялись во множественном.

¹³ То есть морфологически.

¹⁴ Вергилий. Энеида VII, 399: ...воскликает голосом хриплым она.

¹⁵ Там же VI, 502.

¹⁶ Там же IV, 661: ...с моря пускай на огонь глядит дарданец жестокий.

¹⁷ *Silex* (большие скалы) у Вергилия женского рода, но согласованное имя (прилагательное) имеет окончание мужского рода.

¹⁸ Вергилий. Буколики VI, 62: ...замшелую горькой корою. Дословно, *cortex* — древесная кора, обычно мужского рода.

¹⁹ Plautus. Сартиви II, 2: ...шея без своего ожерелья.

²⁰ Вергилий. Энеида I, 212.

²¹ См.: Эний. Анналы 62. Досл.: Юнона, дочь Сатурна, почитаемая среди богинь, отвечает.

²² Вергилий. Энеида I, 573.

²³ Идите мужи, готовьте немедленно оружие.

²⁴ ..они грабят их, оставляют их обнаженные тела.

²⁵ Вергилий. Энеида III, 2: ...в поверженном царстве Азийском в прахе простерлась, дымясь, Нептунова гордая Троя.

cecidit и **fumavit**; посредством погрешности в лице, например, **Danai, qui parent Atridis, quam primum arma sumite**²⁶ вместо **qui parentis sumite**. [Они возникают и] посредством погрешностей в использовании наречия, например, **intus eo**²⁷ вместо **intro**; и **foras sto**²⁸ вместо **foris**; **Italia venio**²⁹ и **ad Romam pergo**, так как предлог нужно отдельно добавлять к имени, а не к наречию.

[Солецизмы возникают] посредством погрешностей в использовании предлогов, когда один ставится вместо другого или опускается, хотя и требуется: например, один вместо другого, как в **sub lucem, вместо ante lucem**³⁰; опускается, хотя и требуется, как в **silvis te, Tyrrene, feras agitare putasti**³¹ вместо **in silvis**. [Они образуются] посредством погрешностей в использовании союзов, например, **subiectisque urere flammis**³² вместо **subiectisque**, и **autem fieri non debet**, когда надо сказать **fieri autem non debet**³³. Есть и другие солецизмы, которые возникают многими способами, но мы сможем лучше почтить их, если их отвергнем, чем, если будем им подражать.

То, что в прозе именуется солецизмом, в поэзии именуется тропом (schema).

III. 3. О ДРУГИХ ПОГРЕШНОСТЯХ В РЕЧИ (De ceteris vitiis)

Наряду с варваризмом и солецизмом насчитывают двенадцать погрешностей³⁴ речи³⁵, а именно: [собственно], *варваризм* и *солецизм*; *аксиология* (асутология)³⁶, *какемфатон* (cacemphaton)³⁷, *плеоназм* (pleonasmus)³⁸, *периссология* (perissologia)³⁹, *макрология* (macrologia)⁴⁰, *тавтология* (tautologia)⁴¹, *эллипсис*

²⁶ Греки, повинующиеся Агамемнону, немедленно берите в руки оружие.

²⁷ Иду в [дом].

²⁸ Стою снаружи [дома]

²⁹ Выхожу из Италии

³⁰ Под рассветом, вместе перед рассветом.

³¹ Вергилий. Энеида XI, 686.

³² Вергилий. Энеида II, 37.

³³ Этого не следует делать. Здесь *autem* должно стоять на втором месте.

³⁴ Здесь и далее для пояснения терминов использованы следующие издания: Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь (М., 1958), т. 1 и 2; Словарь иностранных слов (М., 1979); Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка под редакцией Ф.Н. Чудинова (СПб., 1910. – <http://www.inslov.ru/>; Учебный словарь стилистических терминов, ч. 2. – <http://www.sigieja.narod.ru/Stilslovar2.htm>; Википедия. – <http://ru.wikipedia.org/wiki/>; Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов (М., 1966. – <http://www.twirpx.com/file/52923/>).

³⁵ Заметим, что этот же перечень речевых ошибок в той же последовательности приводится Исидором Севильским в его «Этимологиях» (I, 34). Ряд примеров, приведенных Донатом, также воспроизведены Исидором (подробнее, см. *ниже*). Однако способ подачи материала у Исидора иной, более этимологический.

³⁶ Ср. греч. ἄκρος (неуместный, неподходящий), λόγος (слово, речь).

³⁷ Ср. греч. κακός + ἔμφρασις (нехорошо звучащий, непристойный, вульгарный). Какемфатон – прием, создающий путем совпадения звуков и слогов другие слова со смешным или грубым значением, которые можно «вычитать» в речи говорящего.

³⁸ Ср. греч. πλεονασμός (избыток, чрезмерность). Плеоназм – оборот речи, в котором без надобности повторяются слова, частично или полностью совпадающие по значению.

³⁹ Ср. греч. περιεσός (чрезмерный, лишний, бесполезный, ненужный), λόγος (слово, речь). Периссология (или синонимический повтор) – чрезмерное количество слов в речи; ненужная растянутость; обилие плеоназмов.

(eclipsis)⁴², *тапиносис* (tapinosis)⁴³, *какосинтетон* (cacosyntheton)⁴⁴, *амфиболия* (amphibolia)⁴⁵.

Акирология — это неправильное выражение, как **hunc ego si potui tantum sperare dolorem**⁴⁶, где сказано «ждать» (sperare) вместо «страшиться» (timere)⁴⁷.

Какемфатон — это непристойное слово, [которое можно расслышать] в составном выражении или в одном слове⁴⁸, как **numerus cum navibus aequet**⁴⁹, **arrige aures Pamphile**⁵⁰.

Плеоназм — прибавление слов, не требующихся для полного понимания⁵¹, как **sic ore locuta est**⁵² вместо **sic locuta est**⁵³.

Периссология — это добавление лишних слов, не привносящих нового смысла⁵⁴, как **ibant qua poterant, qua non poterant non ibant**⁵⁵.

⁴⁰ Ср. греч. μακρολογία (длинная речь, беседа, долгий разговор). Макрология – употребление большего количества слов, чем это необходимо, в попытке показаться красноречивым.

⁴¹ От греч. ταυτολόγος (повторяющий одно и то же). Тавтология – риторическая фигура, представляющая собой повторение одних и тех же или близких по смыслу слов.

⁴² От греч. ἔλλειψις (недостаток, нехватка). Эллипсис – намеренный пропуск несущественных слов в предложении без искажения его смысла, а часто – для усиления смысла и эффекта.

⁴³ От греч. ταπεινωσις (умаление, пошлость, вульгарность). Тапиносис – умаление значения чего-то посредством присвоения ему ненадлежащего имени.

⁴⁴ Ср. греч. κακοσύνθετος (плохо составленный). Какосинтетон – неправильно составленная, построенная фраза.

⁴⁵ Ср. греч. ἀμφιβολία (двусмысленность, неясность). Амфиболия – двойственность или двусмысленность, возникающая в силу расположения слов или употребления их в различных смыслах.

⁴⁶ Смысл этой фразы таков: «Если бы только могла я ждать горе такое». См. Vergilius, Aeneis IV, 419.

⁴⁷ Ср. у Харисия. Отличия сводятся лишь к порядку слов (они подчеркнуты) и отсутствию у Доната вводной частицы “enim” (выделена курсивом). Ср.:

Char. Inst. gram. IV: De vitii ceteris
(GL I. P. 270, vv. 23-25)

Acyrologia est dictio inpropria, ut hunc ego si potui tantum sperare dolorem. sperare enim dixit pro timere.

Don. Ars grammatica [Ars maior] III:
De ceteris vitii (GL I. P. 394, vv. 29-31)

Acyrologia est inpropria dictio, ut hunc ego si potui tantum sperare dolorem: sperare dixit pro timere.

Ср. Isidorus Hispalensis. Etymologiae I, 34, 4 (PL 82, 108B): “Acyrologia, non propria dictio” – «Акирология – это неправильное выражение» (пер. Л.А. Харитонова).

⁴⁸ Ср. Isid. Etym. I, 34, 5 (PL 82, 108B): “Cacephaton, dictio obscena, vel incomposite sonans” – «Какемфатон – это выражение непристойное или с несчитающимися звуками» (пер. Л.А. Харитонова).

⁴⁹ См. Verg. Aen. I, 193 (PHI 5.3 [0690]): «...с числом кораблей число их сравнивши».

⁵⁰ См. Terentius. Andria V, 4, 30 (PHI 5.3 [0134]): «Прислушайся, Памфил» (т.е. досл. навостри уши).

⁵¹ Ср. Isid. Etym. I, 34, 6 (PL 82, 108B): “Pleonasmus, adjectio unius verbi supervacua” – «Плеоназм – избыточное добавление одного слова» (пер. Л. А. ХАРИТОНОВА).

⁵² См. Verg. Aen. I, 614 (PHI 5.3 [0690]): «...и ему она так отвечала» (досл.: «И ему она так отвечала устами»).

⁵³ Пример имеется у Харисия: Char. Instit. gram. IV: De vitii ceteris (GL I, p. 271, vv. 2-3).

⁵⁴ Ср. Isid. Etym. I, 34, 7 (PL 82, 108BC): “Perissologia, adjectio plurimorum verborum supervacua”. «Периссология – избыточное добавление многих слов» (пер. Л.А. Харитонова).

Макрология — это длинная фраза, содержащая бесполезные части⁵⁶, как **legati non inpetrata pace retro, unde venerant, domum reversi sunt**⁵⁷.

Тавтология — неправильность, [возникающая из-за] повторения уже той же части речи⁵⁸, как **egomet**⁵⁹ **ipse**⁶⁰.

Эллипсис — это нехватка необходимых слов, требующихся в оборванной фразе⁶¹, как **haec secum**⁶², где отсутствует **loquebatur**.

Тапиносис есть умаление чего-то большого посредством речения, не соответствующего его значимости⁶³, как:

penitusque cavernas ingentes uterumque armato milite complent⁶⁴

и **Dulichias vexasse rates**⁶⁵, и

Pelidae stomachum cedere nescii⁶⁶.

Какосинтетон — это неправильное соположение слов⁶⁷, как **versaque iu-
vencum Terga fatigamus hasta**⁶⁸.

⁵⁵ «Они шли, куда могли, а куда не могли, они не шли». Пример имеется у Харисия, см. Char. Inst. gram. IV: De vitiiis ceteris (GL I, P. 271, v. 10).

⁵⁶ Ср. Isid. Etym. I, 34, 8 (PL 82, 108C): “Macrologia, longiloquium, res non necessarias comprehendens” — «Макрология — или велеречие — вещь, сказанная без необходимости...» (пер. Л.А. Харитонова).

⁵⁷ См. Titus Livius. Frg. 74, 1-2 (PHI 5.3 [0914]): «Послы, не добившись заключения мира, обратно вернулись домой, откуда пришли»; Quint. Inst. orat. VIII, 3, 53 (PHI 5.3 [1002]). Этот же пример имеется у Харисия, см. Char. Inst. gram. IV: De vitiiis ceteris (GL I, P. 271, vv. 13-14). Его же цитирует Исидор, см. Исидор. Этимологии I, 34, 8.

⁵⁸ Ср. Isid. Etym. I, 34, 9 (PL 82, 108C): “Tautologia, idem loquium” — «Тавтология, или речение того же [самого]» (пер. Л.А. Харитонова, с измен.).

⁵⁹ Egomet — я сам (усил. к ego).

⁶⁰ Пример имеется у Харисия: Char. Inst. gram. IV: De vitiiis ceteris (GL I, P. 271, v. 17).

⁶¹ Ср. Isid. Etym. I, 34, 10 (PL 82, 108C): “Eclipsis est defectus dictionis, in quo necessaria verba desunt” — «Эллипсис — это недостаток в выражении, когда отсутствуют необходимые слова» (пер. Л.А. Харитонова).

⁶² Дословно: «...она себе». См. Verg. Aen. I, 37: «Так сказала себе».

⁶³ Ср. Isid. Etym. I, 34, 11 (PL 82, 108C): “Tapinosis est humilitas statum magnae re dictis infirmans” — «Тапиносис — уничижение, то есть называние большой вещи маленькою...» (пер. Л.А. Харитонова, с изменениями).

⁶⁴ См. Verg. Aen. II, 19 (PHI 5.3 [0690]): «...заполняют огромные полости и чрево [коня] вооруженными бойцами». Речь идет о данайских воинах, прячущихся под стенами Трои в утробе деревянного коня, словно в пещере. Именование «огромных полостей» деревянного коня «утробой» (caverna) является примером тапиносиса. Исидор (Etym. I, 34, 11 [PL 82, 109A]) дает пример, тоже заимствованный из «Энеиды» Вергилия (Aen. I, 118 — PHI 5.3 [0690]): “Apparent rari nantes in gurgite vasto” — «В гигантском водовороте видны редкие пловцы», поясняя: “Вергилий использует слово «водоворот» (“gurgis”) вместо «море» (“mare”).

⁶⁵ См. Vergilius. Ecloga. VI, 76 (PHI 5.3 [0690]): «...повлекла дулихийские суда», вместо «Одиссеевы суда». Дулихийские острова относились к владениям Одиссея.

⁶⁶ См. Horatius. Epodi I, 6, 6 (PHI 5.3 [0893]): «Пелида [т.е. Ахилла] бездонный желудок...» (пер. Г. Церетелли). Под «желудком» (stomachus) в данном случае подразумевается «днев».

⁶⁷ Ср. Isid. Etym. I, 34, 12 (PL 82, 109A): “Cacosyntheton. Vitiosa compositio” — «Какосинтетон — неправильное сочетание слов...» (пер. Л.А. Харитонова).

⁶⁸ См. Verg. Aen. IX, 610 (PHI 5.3 [0690]): «Древками копьей мы колотим по бычьим спинам». Этот же пример приведен Исидором. См. Isid. Etym. I, 34, 12 (PL 82,

*Амфиболия*⁶⁹ – это двусмысленность сказанного, возникающая, например, в [конструкциях] *accusativus cum infinitivo*, [как] **audio secutorem retiarium superasse**⁷⁰ или при депонентном глаголе, например: **criminatur Cato**⁷¹, **vadatur Tullius**⁷² без указания [кто совершает действие] или [в отношении кого оно совершается]; или из-за [неясного] различия [слов], как **vidi statuam auream hastam tenentem**⁷³. [Амфиболия] также возникает из-за омонимии, например, если скажут **aciem** (острие / боевой порядок / лезвие) и не уточнят [принадлежности лицу или предмету] **oculorum** (взора) или **exercitus** (войска), или **ferri** (меча). Амфиболия возникает еще многими другими способами, которые, чтобы не затягивать изложение, нет нужды перечислять полностью.

III. 4. О МЕТАПЛАЗМЕ (De metaplasmo)

Метаплазм (*metaplasmus*)⁷⁴ – это изменение правильной прозаической речи в [сказывание] другого вида ради [соблюдения] стихотворного размера или украшения.

Существует четырнадцать видов [метаплазма]⁷⁵: *promecis* (*prosthesis*)⁷⁶, *epentecis* (*epenthesis*)⁷⁷, *paragoza* (*paragoge*)⁷⁸, *afepeza* (*aphaeresis*)⁷⁹, *синкопа* (*syncope*)⁸⁰, *анокона* (*apocope*)⁸¹, *эктасис* (*ectasis*)⁸², *систола* (*systole*)⁸³, *диэреза*

109А). Здесь подразумевается, что Вергилию следовало поставить ближе друг к другу прилагательное *versa* и существительное *hasta*.

⁶⁹ Ср. Исидор. Этимологии I, 34, 13: «Амфиболия... двусмысленное выражение...» (пер. Л.А. Харитоновна).

⁷⁰ У этого изречения (синт. констр.: *accusativus cum infinitivo*) может быть двойной смысл: или «Я слышу, что нападающий победил обороняющегося», или «Я слышу, что обороняющийся победил нападающего».

⁷¹ Смысл этой фразы двойной: «Катон обвиняется» или «Катон обвиняет».

⁷² «Туллий вызван в суд», или «Туллий вызывает в суд».

⁷³ Эта строка может означать как «Я видел золотую статую, держащую копье», так и «Я видел статую, держащую золотое копье».

⁷⁴ От греч. *μεταπλασις* (разносклоняемость или разноспрягаемость). Метаплазм — обобщенное обозначение разных фонетических изменений, претерпеваемых словами.

⁷⁵ Ср. 14 видов метаплазмов у Харисия: *Char. Inst. gram. IV: (3) De metaplasmo* (GL I. P. 277, vv. 26-28): «...*prothesis parenthesis prosparalepsis aphaeresis syncope apocope ectasis sysole diatesis episyphalphe synalphe ecthlypsis antithesis metathesis*». Исидор дает тот же перечень и в той же последовательности, что и Донат. См. *Isid. Etym. I, 35, 2-7* (PL 82, 109B – 110A). Однако если Донат акцентирует внимание на том, что метаплазм встречается в любой части всякого слова, то Исидор выделяет долготу либо краткость слога применительно к метрическим размерам.

⁷⁶ От греч. *πρόθεσις* (прибавление, присоединение).

⁷⁷ От греч. *ἐπέθεσις* (эпентеза, т.е. вставка, преимущественно буквы).

⁷⁸ От греч. *παράγωγη* (парагога – слоговое или буквенное приращение в конце слова).

⁷⁹ От греч. *ἀφαίρεσις* (афереза, т.е. опущение начальной буквы). Афереза — образование нового слова путем отбрасывания начального звука (главным образом безударного гласного) или группы звуков. Аферезу можно считать частным случаем синкопы (см. *ниже*).

⁸⁰ От греч. *συνκοπή* (синкопа, т.е. опущение одной или нескольких букв).

⁸¹ От греч. *ἀπόκοπή* (отсечение, т.е. усечение окончания). Апокопа — фонетическое явление, выпадение одного или нескольких звуков в конце слова, как правило конечного безударного гласного.

(diarexis)⁸⁴, *эписиналефа* (episyraliphe)⁸⁵, *синалефа* (synaliphe)⁸⁶, *эктилipsis* (ecthlipsis)⁸⁷, *антитеза* (antithesis)⁸⁸, *метатезис* (metathesis)⁸⁹.

Протесис – это прибавление буквы или слога к началу слова⁹⁰, например: **gnato** вместо **nato**; **tetulit** вместо **tulit**⁹¹.

Эпентесис – это прибавление буквы или слога в середине слова⁹², например: **reliquias** вместо **refiquias**, **induperator** вместо **imperator**⁹³. Одни называют это эпентесис, другие – *парентесис* (*parenthesin*)⁹⁴.

Парагога – это прибавление буквы или слога к концу слова⁹⁵, например: **magis** вместо **mage** и **potestur** вместо **potest**⁹⁶. Некоторые называют это *проспаралепсин* (*prosparalepsin*)⁹⁷.

Афереза есть отнятие [буквы или слога] от начала слова⁹⁸, противоположность протесису⁹⁹, например: **mitte** вместо **omitte**, **temno** вместо **contemno**¹⁰⁰.

Синкопа – это отнятие от середины слова [буквы или слога]¹⁰¹, противоположность эпентесису¹⁰², например: **audacter** вместо **audaciter**, **commorat** вместо **commoverat**.

⁸² От греч. ἔκτασις (удлинение, протяжность).

⁸³ От греч. συστολή (сжатие, уменьшение, т.е. сокращение долгого слога).

⁸⁴ От греч. διαίρεσις (раздел). Диереза — раздельное произношение двух смежных гласных; в стихосложении совпадение окончания слова с окончанием стопы.

⁸⁵ От греч. ἐπισυναλοφῆ (эписиналефа, синизесис, т.е. слияние двух гласных).

⁸⁶ От греч. συναλοφῆ (синалефа, т.е. стяжение слогов вследствие элизии, красиса или синэресиса).

⁸⁷ От греч. ἔκθλιψις – выпадение в слове конечного гласного на стыке с начальным гласным следующего слова (противоп. – афереза, см. *ниже*, с. 383). Ср. также: эллипсис (см. *выше*, с. 381).

⁸⁸ От греч. ἀντίθεσις (перестановка букв).

⁸⁹ От греч. μετάθεσις (перестановка букв). Метатезис (или метатеза) – перестановка согласных звуков в языке.

⁹⁰ Ср. Isid. Etym. I, 35, 2 (PL 82, 109B): “Prothesis, appositio in principio verbi” – «Протесис – это прибавление к началу слова» (пер. Л.А. Харитонова).

⁹¹ Исидор приводит эти же примеры. См. Isid. Etym. I, 35, 2 (PL 82, 109B).

⁹² Ср. Isid. Etym. I, 35, 2 (PL 82, 109B): “Epenthesis, appositio in medio” – «Эпентесис – это прибавление в середину» (пер. Л.А. Харитонова).

⁹³ Исидор приводит такие же примеры. См. Isid. Etym. I, 35, 2 (PL 82, 109B).

⁹⁴ Ср. Charis. Instit. gram. III: (3) De metaplasmō: “...parenthesis” (GL I. P. 277, v. 26; P. 278, v. 8).

⁹⁵ От греч. παραγωγή (слоговое или буквенное приращение в конце слова). Ср. Isid. Etym. I, 35, 3 (PL 82, 109B): “Paragoge, appositio in fine” – «Парагога – это прибавление к концу» (пер. Л.А. Харитонова).

⁹⁶ Эти же примеры приведены Исидором. См. Isid. Etym. I, 35, 3 (PL 82, 109B).

⁹⁷ Ср. Charis. Instit. gram. III: (3) De metaplasmō (GL I. P. 277, v. 26; P. 278, v. 13): “...proparalepsis”.

⁹⁸ Ср. Isid. Etym. I, 35, 3 (PL 82, 109C): “Aphaeresis, abscissio de principio” – «Афереза – удаление [звуков] из начала [слова]» (пер. Л.А. Харитонова, с изменениями).

⁹⁹ См. *выше*, с. 383.

¹⁰⁰ Этот пример приводится Исидором. См. Isid., Etym. I, 35, 3 (PL 82, 109C).

¹⁰¹ Ср. Isid. Etym. I, 35, 3 (PL 82, 109C): “Syncope, abscissio de medio” – «Синкопа – удаление из середины» (пер. Л.А. Харитонова, с изменениями).

¹⁰² См. *выше*, с. 383.

Апокопа – это отнятие [буквы или слога] от конца слова¹⁰³, противоположность парагоге¹⁰⁴, например: **Achilli** вместо **Achillis** и **pote** вместо **potest**.

Эктасис – это удлинение слога в противоположность его природе¹⁰⁵, например: **Italiam fato profugus**¹⁰⁶, поскольку **Italia** надо произносить кратко.

Систола – сокращение [слога против его природы]¹⁰⁷, противоположность эктасису¹⁰⁸, например: **aquosus Orion**¹⁰⁹, поскольку **Orion** надо произносить долго.

Диэреза – это разделение, производящее из одного слога два¹¹⁰, например, **olli respondit rex Albai longai**¹¹¹.

Эписиналефа – это слияние, производящее из двух слогов один¹¹², противоположность диэрезы¹¹³, например: **Phaethon** вместо **Phaëthon**¹¹⁴, **Nerei** вместо **Nerëi**¹¹⁵, **aeripedem** вместо **aëripedem**^{116/117}.

Синалефа – это беглое и легкое слияние соположенных гласных посредством их опущения¹¹⁸, например: **atqu(e) ea diversa penitus dum parte geruntur**¹¹⁹. Некоторые называют это *синкрисис* (syncrisis).

Экклипсис – это тяжелое и заметное слияние согласных¹²⁰, негладко сопологающихся с гласными, например: **multum ille et terris iactatus et alto**¹²¹.

¹⁰³ Ср. Isid. Etym. I, 35, 3 (PL 82, 109C): “Aposcope, abscissio de fine” – «Апокопа – удаление из конца» (пер. Л.А. Харитонова, с изменениями).

¹⁰⁴ См. *выше*, с. 383.

¹⁰⁵ Ср. Isid. Etym. I, 35, 4 (PL 82, 109C): “Ectasis, productio contra naturam” – «Эктасис – произнесение звука долгим вопреки природе» (пер. Л.А. Харитонова).

¹⁰⁶ Ср. Verg. Aen. I, 2 (PHI 5.3 [0690]).

¹⁰⁷ Ср. Isid. Etym. I, 35, 4 (PL 82, 109C): “Systole, correptio contra naturam” – «Систола – краткое произнесение вопреки природе» (пер. Л.А. Харитонова).

¹⁰⁸ См. *выше*, с. 382-383.

¹⁰⁹ Ср. Verg. Aen. IV, 52 (PHI 5.3 [0690]): «Орион дожденосный».

¹¹⁰ Ср. Isid. Etym. I, 35, 4 (PL 82, 109C): “Diaeresis, discissio unius syllabae in duas” – «Диэреза – рассечение слога на два» (пер. Л.А. Харитонова).

¹¹¹ См. Ennius. Annales I, 31 (PHI 5.3 [0043]). Здесь употреблена архаическая форма Gen. Sing. – -ai, вместо -ae. Сочетание “Albai Longai” приводится и Исидором. См. Isid. Etym. I, 35, 4 (PL 82, 109C).

¹¹² Ср. Isid. Etym. I, 35, 5 (PL 82, 109C): “Episynaloephe, conglutinatio duarum in unam” – «Эписиналефа – слияние двух [слогов] в один» (пер. Л.А. Харитонова).

¹¹³ См. *выше*, с. 382-383.

¹¹⁴ См. Verg. Aen. V, 105; X, 189 (PHI 5.3 [0690]).

¹¹⁵ См. Verg. Aen. VII, 37 (PHI 5.3 [0690]); Idem. Aen. VIII, 384; X, 764 (PHI 5.3 [0690]).

¹¹⁶ См. Verg. Aen. VI, 803 (PHI 5.3 [0690]).

¹¹⁷ Этот же перечень примеров приводится Исидором: Isid. Etym. I, 35, 5 (PL 82, 109C).

¹¹⁸ Ср. Isid. Etym. I, 35, 5 (PL 82, 109C): “Synaloephe, collisio vocalium adjunctarum vocalibus” – «Синалефа – слияние гласных при встрече с другими гласными» (пер. Л.А. Харитонова, с изменениями).

¹¹⁹ См. Verg., Aen. IX, 1 (PHI 5.3 [0690]): «Эти покуда дела вдалеке [от Лаврента] вершатся». Этот пример имеется у Харисия – см. Char. Instit. gram. IV: (3) De metaplasmo (GL I, p. 279, v. 10), и Исидора – см. Isid. Etym. I, 35, 5 (PL 82, 109D).

¹²⁰ Ср. Isid. Etym. I, 35, 6 (PL 82, 109D): “Echhlypsis, collisio consonantium cum vocalibus” – «Экклипсис – слияние согласных с гласными» (пер. Л.А. Харитонова, с изменениями).

¹²¹ См. Verg. Aen. I, 3 (PHI 5.3 [0690]): «Долго его по морям и далеким землям бродила...». Этот же пример приводится Харисием (см. Charis. Inst. Gram. III: (3) De metaplasmo [GL I, p. 279, v. 14]) и Исидором (см. Isid. Etym. I, 35, 6 [PL 82, 109D]).

Антитеза – это замена буквы на другую¹²², например: **olli** вместо **illi**¹²³.

Метатезис – это перемещение букв на другое место, однако из самого слова ничего не пропадает¹²⁴, например **Euandre**¹²⁵ вместо **Euander**, **Thymbre**¹²⁶ вместо **ThyMBER**¹²⁷.

<***>¹²⁸

¹²² Ср. Charis. Inst. Gram. III: (3) De metaplasmo [GL I. P. 279, v. 14]: “Antithesis est litterae pro littera inmutatio”. Ср. Isid. Etym. I, 35, 6 (PL 82, 110A): “Antithesis, contrapositio litterae pro alia littera” – «Антитеза – замещение буквы другой буквой» (пер. Л.А. Харитонова, с изменениями).

¹²³ См. *выше*, строка из «Анналов» Энния (с. 384 и примеч. к этому месту 111). Этот же пример повторяется Исидором (см. Isid. Etym. I, 35, 6 [PL 82, 110A]).

¹²⁴ Ср. Isid. Etym. I, 35, 6 (PL 82, 110A): “Metathesis, transpositio litterae” – «Метатезис – перестановка буквы» (пер. Л.А. Харитонова).

¹²⁵ Verg. Aen. XI, 55 (РНТ 5.3 [0690]).

¹²⁶ Verg. Aen. X, 391 (РНТ 5.3 [0690]).

¹²⁷ Эти же примеры приведены Исидором. См. Isid. Etym. I, 35, 6 (PL 82, 110A).

¹²⁸ Два последних подраздела II. 5. «О риторических фигурах» и III. 6. «Об иносказаниях» будут опубликованы в следующем выпуске журнала.

Б.А. ГАВРИЛИН

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ЭДМУНДА БЁРКА ПРОТИВ МИРА С ЦАРЕУБИЙЦАМИ (1795)¹

Статья знакомит читателя с «Письмами на мир с царевубийцами» Эдмунда Бёрка. Письма увидели свет в период с осени 1796 г. по начало 1797 г. и представляют собой послание к парламенту с развернутой аргументацией о пагубности заключения мира с революционной Францией. В литературном наследии «отца политического консерватизма» «Письма» занимают особое место: они стали своеобразной лебединой песней Э. Бёрка, его политическим завещанием. Вместе с тем они несут на себе яркий отпечаток времени революционных войн в Европе, являясь источником для изучения внутриполитической борьбы и полемики в Британии вокруг отношения к революционной Франции 1790-х гг. Вниманию читателя предлагается перевод в извлечениях первого письма, опубликованного 20 октября 1796 г. Текст переведен на русский язык впервые.

Ключевые слова: Эдмунд Бёрк, консерватизм; Французская революция; «Письма на мир с царевубийцами»; Термидорианский переворот; политическая философия

Известного британского публициста Эдмунда Бёрка (1729–1797) принято причислять к протоконсервативному направлению политической мысли. С 1765 по 1794 гг. он являлся членом палаты общин британского Парламента и проявил себя как талантливый оратор и полемист. Однако в конце 1794 г. Бёрк потерял своё место в парламенте и, надо сказать, в значительной степени из-за непримиримой борьбы с революционной Францией, а также поддержки непопулярного закона об эмансипации католиков. Эта позиция со всей силой его таланта проявилась в самом его знаменитом сочинении «Размышления о революции во Франции» 1790 г. Публицист здесь выступил с осуждением революционных событий, предсказывая грядущие кровь и несчастья, чем вызвал негодование широкой либеральной общественности. С этого момента и до конца своей жизни Бёрк боролся с революцией, как мог, и в первую очередь с помощью публицистики. Одним из ярких примеров этой борьбы и стала одна из последних работ политического мыслителя «Письма на мир с царевубийцами» (далее – Письма). Написание Писем проходило на фоне личной драмы престарелого Бёрка. В 1794 г. бездетным умирает его единственный сын – Ричард. По воспоминаниям современников отец, любивший своего сына и возлагавший на него большие надежды, обезумел от скорби. Сыграли роль и нападки в прессе, которым подвергался Бёрк после публикации «Размышлений». В первой половине 1790-х коммонер буквально стал объектом постоянных насмешек. Его называли параноиком, глупцом и разжигателем войны. Даже смерть его сына стала предметом сатирических инвектив. Его фи-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея «Общего блага» в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)».

нансы находились в расстройстве, дом в котором он жил, был не в состоянии оплачивать, а его единственным доходом была небольшая пенсия, назначенная правительством У. Питта-младшего. Вскоре после написания «Писем на мир с цареубийцами» он умрёт в своём, поместье под Лондоном, оставленный всеми. В последний путь его проводит верная жена Джейн. Он будет похоронен рядом с своим сыном².

Первое письмо³ было опубликовано 20 октября 1796 г. в виде брошюры издательством Ривингтонов, которое занималось публикацией большинства крупных работ Бёрка. Первое, как и второе письмо были популярны среди читающей публики. К концу 1796 г. первое Письмо выдержало 11 изданий. Последнее из написанных писем, но третье в серии, было вызвано неспособностью министерства Питта заключить мир с Францией; Третье и четвёртое письма содержали более конкретные практико-направленные указания, меньше подходили для широкой публичной огласки и так и не были опубликованы при жизни публициста. Бёрк даже планировал переписать четвёртое письмо, но не успел. В результате третье и четвёртое письма были опубликованы значительно позже, уже в 1812 г., тем же издательством, при непосредственном участии Джейн Бёрк, которая активно занималась публикацией наследия своего мужа после его смерти. Ни жена, ни издатели, по-видимому, изменений в текст Писем не вносили. Выход статей тогда, в 1812 г., спровоцировал новую волну критики Бёрка в либеральной прессе, однако большого ажиотажа не вызвал⁴.

Первые три письма были адресованы не названному члену парламента. Общая интенция Писем уже бывшего коммонера Берка заключалась в стремлении повлиять на ход мирных переговоров с Францией, начавшихся в октябре 1795 г. Четвёртое письмо адресовано товарищу Бёрка по группировке в парламенте и другу – графу Уильяму Фитцвилльяму. Получатель первого письма нам неизвестен, но вполне возможно, что им был кто-то из бывших соратников Бёрка по политической группировке⁵. Адресатом указанных «Писем» в широком смысле являлась политическая элита Великобритании. Очевидно, что публицист стремился своими письмами убедить парламент в пагубности заключения мира с «цареубийцами», или Директорией во Франции.

В историографии «Письма» обычно остаются в тени других работ Эдмунда Бёрка. Несмотря на это в большинстве крупных исследований, ему посвященных, «Письма» так или иначе упоминаются. Например, такие авторитетные исследователи темы как Эндрю Штауфер⁶ и Ричард Борк⁷ привлекают к ним внимание, однако скорее обращаются к

² Лабутина. Ковалёв. 2020: 451.

³ Burke. 1887: 153 – 231.

⁴ Burke. 1887: 384

⁵ McDowell. 1991: 44

⁶ Stauffer 2005: 215

⁷ Bourke 2017: 1113

ним обзорно, как к одной из последних работ в карьере политического деятеля. Крупных работ, посвящённых специально «Письмам» в западной историографии, не существует. В российской историографии ситуация схожая. Письма остаются на периферии внимания исследователей. Упоминает о них в своей работе А.В. Чудинов, рассматривая интеллектуальную борьбу в последние годы жизни Э. Бёрка⁸. Кратко «Письма» затрагиваются в совместной работе Т.Л. Лабутиной и М.А. Ковалёва⁹ в контексте жизнеописания английского публициста.

В отличие от известной работы Бёрка «Размышления о революции во Франции», «Письма» написаны более ярким и эмоциональным языком. В духе цicerоновских «филиппик», он выступает своеобразным обвинителем на суде против Французской революции, представляя её не просто как политическое событие, а как экзистенциальную угрозу всему миропорядку. Бёрка призывает не просто к войне против Франции, но к своеобразному крестовому походу против абсолютного зла революционных идей. Кроме того, стиль писем традиционно сравнивают с работами римского поэта Ювенала¹⁰, в своих сатирах римский поэт обличал современное ему общество, критикуя пороки людей. Ювенал выступал как моралист и гражданин, критикуя проблемы современной ему римской политической жизни. В этом прочитывается параллель между римским классиком и британским политиком, жившим в XVIII в. Именно в «Письмах» Бёрк смог соединить глубину его политической мысли с силой изысканного и поэтического слога. В каком-то смысле «Письма» можно назвать лебединой песней политического философа.

В этом четырехчастном сочинении Бёрк прямо указывает на кризис современного ему мира, и конкретно британского общества. Как и ранее, корень зла он видит в революционных изменениях, но изменениях не только политических, для него намного опаснее революционные изменения в нравах народа. Революция для Бёрка не столько социально-политическое явление, сколько морально-этический и отчасти даже мистический феномен. Во второй части 1-го Письма, британец сравнивает революцию с «озлобленным привидением», подвижимым никому не ясными мотивами и не подчиняющийся человеческому разуму. В интерпретации Бёрка революция предстаёт крушением идей Просвещения о торжестве человеческого разума над дикостью. Тем не менее суждения Бёрка о революции не эсхатологические – он не видит в ней Апокалипсис. Бёрк сравнивает историю Великобритании с движением по орбите. Он использует метафору, говоря, что история его страны сейчас находится в своём «афелии», т.е. дальше всего от солнца, но рано или поздно она должна снова приблизиться к светилу. И это не позволяет ему впасть в полное отчаяние в отношении будущего Великобритании.

⁸ Чудинов 1996: 35.

⁹ Лабутина, Ковалёв. 2020: 452.

¹⁰ Stauffer 2005: 38-39.

Бёрк начинает 1-е Письмо с того, что сокрушается об изменении нравов. Любое общество в интерпретации Бёрка предстает не как некий физический объект, а как социальная абстракция в сознании людей. И плохими оказываются те общества, в которых моральные законы попорчены. Наглядно это можно видеть на примере Французской революции, которая изображается монстром, попирающим основания совести и уважение к обычаям, что для коммонера является страшным преступлением против морали как таковой. Логично, что вину Бёрк возлагает на самих революционеров, ведь, если общество – есть порождение умов людей, то больные умы порождают больные общества. Кризис морали – это вина лишь людей, которые не хотят придерживаться ее правил.

Мыслитель не видит вины за королем Франции и французским правительством в возникновении революции. Наоборот, он прямо указывает на великолепие, в котором пребывала Франция до нее. Бёрк указывает на главную причину революции – это падение нравов, причина внутреннего характера, созревшая в мире морали и этики, а не в физическом мире голода и неурожая. Однако в падении нравов виновато не все общество, а конкретные люди, которые это падение подготавливали для достижения своих целей. К жизни ее вызвали люди, не понимавшие ее мощи и разрушительности. Революция предстает силой похожей на стихию, воюющей со всем человечеством. Революционная Франция для Бёрка враг не по экономическим или геополитическим причинам, поскольку война с ней идет не за ресурсы или территории, для Бёрка – это война на выживание, революция порождает больные аморальные общества, которые подобно яду отравляют нравы соседних государств, что может привести и к гибели последних. Для британца мир с революционерами невозможен, поскольку зло, которое они представляют настолько абсолютно, что само примирение с ним стало бы величайшим поражением. Бёрк нарекает сложившийся во Франции политический режим «республикой цареубийц», а величайшим преступлением против морали называет убийство суверена.

Мир с Францией будет заключен в Амьене в 1801 г. уже в эпоху Наполеона. Сложно сказать сыграли ли письма Бёрка роль в провале мирных переговоров правительства Питта-младшего с Директорией. Слова Бёрка, о том, что он не доживёт до развязки революционных событий, оказались пророческими, как и многие другие его суждения в отношении Революции. После смерти мыслителя правительство Питта-младшего оплатит его долги и назначит пенсию вдове. Во многом британское правительство будет следовать в своей политике идеям, заложенным в «Письмах», продолжая войну против Франции, а риторика, использованная Бёрком, станет общепринятой среди умеренных британских политиков. «Письма на мир с цареубийцами» станут одной из важнейших идеологических предтеч консервативной мысли в преддверии европейского «века революций».

Далее вниманию читателя предлагается перевод первого «Письма» в извлечениях, выполненного по классическому изданию полного собрания сочинений Эдмунда Берка 1887 г.

Уважаемый сэръ!

Наш последний разговор, хоть и не был выдержан в тоне абсолютного уныния, являлся далеко не радостным. Нам не удалось с лёгкостью объяснить некоторые неприятные явления. Они представлялись нам как свидетельство состояния умонастроений в народе и это совсем не то, что мы могли ожидать исходя из наших старых воззрений на недостатки и пороки английского характера. Катастрофические события, что следовали одно за другим в длинной непрерывной похоронной процессии, которым, казалось, не будет конца¹¹ – не главная причина нашего уныния. Больше мы страшились того, что угрожало нам крахом изнутри, чем того, что грозило нам снаружи. Для народа, который когда-то был гордым и великим, и великим потому, что был гордым, изменение национального духа – это самая страшная из всех революций.

Я не доживу до развязки запутанного сюжета, который печалит и озадачивает ужасной драмой Проведения, разыгрывающуюся сейчас на нравственном театре мира. На словах или на деле, я уже в конце своей карьеры. Вы в середине своей. В каком же положении на своей орбите находится нация, с которой мы оба движемся вместе, нелегко предположить. Возможно, она приближается к своему афелию¹². Но когда ждать возвращения?

Чтобы не потеряться в безграничности предположений, наша озабоченность связана с тем, что может воздействовать к лучшему или худшему на мудрость или слабость наших планов. Во всех рассуждениях о людях и человеческих делах немаловажно отличать случайные вещи от постоянных причин и от последствий, которые нельзя изменить. Не всякая неравномерность в нашем движении является полным отклонением от курса. Я не вполне разделяю мнение тех демагогов, которые, кажется, уверены в том, что в силу устройства мира все государства имеют одни и те же периоды младенчества, зрелости и дряхлости, которые наблюдаются у людей, что их переживают. Параллели такого рода скорее служат иллюстрацией или красивой фигурой речи, чем источником аналогий, на основании которых можно строить свои рассуждения. Объекты, которые пытаются использовать для аналогий, не относятся к одним и тем же порядкам вещей. Индивиду – это физические существа, подчиняющиеся универсальным и неизменным законам. Непосредственная причина, породившая эти законы, может быть неясна, но последствия действия этих законов поддаются определенному расчету. Впрочем, сообществами являются духовные, а не материальные сущности; эти [сообщества] – некий умозрительный образ; и, они – продукты суждений человеческого разума в их непосредственной действенной причине. Мы еще не знакомы с законами, которые прямо влияют на стабильность такого рода деятельности, осуществляемой содружеством [людей]. В физическом мире (с которым они, эти образы, не имеют никакой видимой связи) не существует явной причины, по которой любая из этих сущ-

¹¹ Скорее всего, речь идёт о показательных казнях Людовика XVI, Марии-Антуанетты и смерти малолетнего Людовика XVII (8 июня 1795 года) в ходе революционных событий во Франции.

¹² Афелий – положение планеты на орбите, в котором она находится дальше всего от звезды.

ностей должна обязательно крепнуть, процветать или разрушаться; и, по моему мнению, моральный мир не производит ничего более определенного по этому вопросу, чем-то, что может служить развлечением (правда, вольным и оригинальным, но все же только развлечением) для демагогов. Я сомневаюсь, что в истории человечества уже достаточно примеров, если это вообще возможно, для создания единой точной теории внутренних причин, которые обязательно влияют на состояние государства. Я далек от того, чтобы отрицать действие таких причин, но они бесконечно неопределенны, гораздо более туманны, и их гораздо труднее проследить, чем внешние причины, которые имеют тенденцию возвышать, угнетать, а иногда и подавлять общество.

В этих политических исследованиях часто невозможно найти прямую связь между значимостью моральных принципов, и тем, что происходит на самом деле. Поэтому мы вынуждены отдать это действие на волю случая или, более благосредовно (возможно, более рационально), на случайное вмешательство и непреодолимую руку Великого Распорядителя. Мы видели государства, просуществовавшие достаточно долго, которые на протяжении многих веков оставались почти такими же, какими они возникли, и вряд ли можно было сказать, что они находятся в состоянии расцвета или упадка. Некоторые из них, похоже, израсходовали свою силу в самом начале. Некоторые вспыхнули в своей славе совсем незадолго до своего угасания. Меридиан некоторых был самым великолепным. Другие, и их больше всего, колебались и переживали в разные периоды своего существования самые разнообразные судьбы. В тот самый момент, когда некоторые из них, казалось, погружались в бездонные пучины позора и бедствий, вдруг внезапно из них выныривали. Они начинали новый курс и новый отсчет; и даже в глубинах своего падения и на развалинах своей страны закладывали фундамент возвышенного и долговечного величия. Все это произошло без каких-либо видимых изменений в общих условиях, которые привели к их бедствию. Смерть одного человека в критический момент, его падение, отступление, позор — все это могло принести неисчислимые бедствия целому народу. Простой солдат, ребенок, девушка у дверей трактира меняли лицо судьбы (фортуны) и почти всего естества.

Подобное, часто под влиянием таких причин, было обычной судьбой монархий, существовавших долгое время.

Да, они могут переживать расцвет и упадок. Это в полной мере относится и к монархии во Франции. Бывали времена, когда ни одна держава не опускалась так низко, но и немногие процветали в большей славе. Поочередно переживая периоды подъема и упадка, эта держава в целом скорее возрастала; и она оставалась не только могущественной, но и грозной вплоть до полного крушения монархии. Никакие внешние симптомы упадка не предвосхищали падение монархии. Внутренние не были видны всякому глазу; и тысячи случайностей могли предотвратить действие того, что не могли разглядеть самые зоркие, а самые прозорливые — предвидеть. Накануне этой ужасной катастрофы на лицо было некое внешнее великолепие в положении короны, что обычно добавляет правительству силы и авторитет на родине. Тогда казалось, что корона получила некоторые из самых великолепных перспектив для реализации ее государственных амбиций. Ни одна из континентальных держав Европы не была врагом Франции. Все они были либо молчаливо предрасположены к ней, либо открыто связаны с ней; и в тех, кто держался наиболее отстраненно, было мало видимой ревности; враждебности не было вообще. Британская нация, ее вели-

кий главный соперник, была смиренна; судя по всему, она по всей видимости ослабла, очевидно, подставившись под угрозу, отрезав очень большую и, несомненно, наиболее растущую часть своей империи¹³. На этой вершине человеческого процветания и величия, в высоком и прекрасном состоянии монархии, Франция пала на землю без борьбы. Она пала без каких-либо пороков в монархе, которые иногда бывали причиной падения королевств, но которые вероятно существовали, но без какого-либо видимого влияния на государство, как и во многих других принцах; и, не разрушая их власть, а были лишь незначительными изъянами в их характере. Финансовые трудности были лишь предлогом и орудием для тех, кто добился гибели этой монархии. Они [эти недостатки] не являлись причинами этого. Лишенная старого правительства, лишенная в некотором роде правительства как такового, Франция, павшая как монархия, из-за обычных демагогов, могла казаться скорее объектом для жалости или поругания, в зависимости от позиции соседних держав, чем быть бичом и ужасом для всех них. Но из могилы убитой монархии во Франции, восстал огромный, необъятный, бесформенный призрак в гораздо более ужасающем облици, чем все те, которые когда-либо до сих пор порожали воображение и покоряли человеческую стойкость. Идущий прямо к своему концу, не останавливаемый опасностями, не сдерживаемый угрызениями совести, презирая все обычные правила и все обычные средства, этот отвратительный фантом одолевал тех, кто не мог поверить, что он вообще может существовать, в чём их убеждала привычка, собственное благополучие, а не реальная природа вещей. Но конституцию любого политического существа, как и любого физического, необходимо знать, прежде чем осмеливаться говорить о том, что подходит для его сохранения или что является надлежащим средством для его власти. Что было ядом для других государств, стало пищей для новой Республики. Это банкротство, само осознание которого является одной из причин падения монархии, было капиталом, на котором Республика открыла свою торговлю со всем миром.

Республика царевыйц с её уничтоженными доходами, с разрушенным производством, с разоренной торговлей, с невозделанной землёй и наполовину обезлюдившей страной, с недовольным, бедствующим, поработанным и голодающим народом, идет быстрым, эксцентричным, непредсказуемым курсом от самой дикой анархии до жесточайшего деспотизма, и фактически завоевала лучшие части Европы, расстроила, разобщила, вывела из себя, и разбила на куски все остальные; и так она подчинила себе умы правителей каждой нации, что они уже поверили, что могут разве что рассчитывать на презрительную милость, демонстрируя свою слабость и низость. Даже в своих величайших военных усилиях и беспримерной демонстрации своей стойкости, они, кажется, не надеются, даже, кажется, желают уничтожения того, что у них осталось. Их амбиции заключаются лишь в том, чтобы быть принятыми в более привилегированный класс рабами этой господствующей [революционной] власти.

Таков был характер этого времени. Сначала французские войска слишком презирали. Теперь их слишком боятся. Как неосмотрительная храбрость уступила место иррациональному страху, так и можно надеяться, что посредством обдуманых разумных опасений мы сможем прийти к устойчивости. Кто знает, может негодование от развернувшегося террора, возродит в нас высокие чувства, и мы отбросим [страхи], это заблуждение по поводу нашей пбезопасности, которую, как нам казалось, можно приобрести ценой [потери] нашей че-

¹³ Речь идет об отпадении от метрополии 13-ти североамериканских колоний.

сти, и возможно доведет нас еще до такой степени отчаяния, что часто усмирало смугу в государстве, от которой, казалось бы, нельзя было найти средства в самых мудрых советах?

<...>

СЧИТАЯ, что этот вопрос не получил столь полного и свободного обсуждения, какого он требует, я не намерен упускать ни одного из пунктов, которые кажутся мне необходимыми для рассмотрения перед заключением соглашения, которое навсегда определит то, какой будет Европа и её судьба. Поэтому в тексте письма, с которым я буду иметь честь обратиться к вам, я предлагаю следующие пункты для вашего серьезного размышления.

1. Влияет ли нынешняя политическая система, за которую борется правительство Франции, в состоянии мира или в состоянии войны, на соседние государства также, как та система, что существовала в этой стране прежде?

2. Обладает ли эта система, если предположить, что ее идеология враждебна другим народам, какими-либо средствами, для нанесения им вреда, который она уже нанесла себе?

3. Произошла ли в последнее время такая перемена во Франции, которая изменила бы характер ее системы или ее влияния на другие державы?

4. Имеются ли какие-либо публичные декларации или обязательства со стороны союзных держав, которые препятствуют заключению мирного договора, который подтверждает право и власть фракции Цареубийц во Франции?

5. Каково будет состояние других держав Европы по отношению друг к другу и к своим колониям после заключения Мира с Цареубийцами?

6. Доведены ли мы до абсолютной необходимости заключать такой мир?

Эти вопросы позволят свести несколько фактов и аргументов, встречающихся в этой обширной дискуссии, к определенным фиксированным принципам. Я не собираюсь ограничиваться тем порядком, в котором они расположены. Я буду обсуждать их в такой манере, которая покажется мне наиболее подходящей для того, чтобы показать их взаимные связи и отношения. На этом я завершаю публичную часть моего Письма; но прежде позвольте мне извиниться.

Желая, чтобы этот **НОМИНАЛЬНЫЙ МИР** не наступал, я уверен, что нет человека, который был бы менее склонен обвинять нынешнее правительство, чем я. Некоторые из моих самых старых друзей (и я хотел бы сказать это о большем их числе) служат в этом правительстве. Есть и такие, «к кому зря обращены мои тусклые глаза». По моему мнению, на общество не могло бы обрушиться большее несчастье, чем отстранение одного из них. Но я отгоняю эту мысль вместе с другими меланхоличными мыслями. Многого должно быть сказано на эту тему, либо не сказано вообще ничего. Что касается уважаемых лиц, к которым примкнули мои оставшиеся друзья, то их благодеяниям я готов отплатить самыми искренними клятвами верности. Они дали мне единственное утешение, которое я способен получить, – знать, что ни один человек не пострадает от моего тридцатилетнего служения обществу. Если обстоятельства дадут нам сомнительное счастье борьбы с врагом, я буду найден (я собирался сказать «сражающимся») – но это было бы глупо) гибнущим бок о бок с мистером Питтом. Я должен добавить, что если есть какой-либо способ защититься благодаря нашим внутренним силам от бедствий мира с Цареубийцами, он – тот человек, который это использует и нас спасет. Если финансы в таком случае могут быть восстановлены, он – тот человек, который их восстановит, если я и должен сето-

вать на какие-то его поступки, то только тогда, когда они мне кажутся не подходящими тому, что он мог бы сделать. Но пусть он не будет самоуверен, это решение [мир с цареубийцами] ничем не может быть оправдано. Его способности полностью равны (а это много значит для любого человека) тем, кто противостоит ему. Но если мы надеемся на него как на гарантию против последствий мира с цареубийцами, давайте сохранять уверенность, что мир с цареубийцами и конституционное правительство – это понятия, которые не согласуются. Если мир с цареубийцами будет заключён король не сможет далее работать с министром, а министр не сможет далее служить королю. Если Великий Распорядитель, в награду за королевские и личные добродетели нашего государя призовет его к себе от ужасающих последствий, которые будут сопутствовать состоянию дружбы с Цареубийцами, его преемник, несомненно, увидит их, если только, то же самое Провидение не изменит естественный порядок вещей. Размышляя таким образом (что не легко), я не смею льстить царствующему государю, ни министру, который ему служит или может быть, его будущему преемнику, ни тому, кто может быть призван служить ему, тем, что представляется мне ложным в их положении. Мы не можем иметь такое министерство и этот мир вместе.

Я не забываю, что на ранней стадии этих обсуждений между несколькими нашими друзьями, между моей малозначительной персоной и великим человеком во главе [правительства], существовали значительные разногласия. Но я уверен, что был период, когда мы были более согласны в отношении опасности существования якобинцев во Франции. В свое время он и вся Европа, казалось, чувствовали это. Но почему меня не обращают в свою веру столько великих держав и великих министров? Потому, что я стар и нетороплив. В этом 1796 году я нахожусь там, где все державы Европы были в 1793 году. Я не могу двигаться по этой эклиптике¹⁴, которая готовит нам возвращение какой-то очень старой, боюсь, не золотой эры, или начало какой-то новой эры, которая должна быть названа в честь какого-то нового металла. В этом кризисе я должен держать язык за зубами или говорить свободно. Ложь и заблуждение не допускаются ни в коем случае: но, как и к любой добродетели, к правде особое отношение. Это своего рода воздержание, благодаря которому человек говорит правду с осторожностью, чтобы говорить ее дольше. Но поскольку одни и те же обстоятельства действуют не во всех случаях, и то, что было бы правильным для вас, перед кем, как можно предположить, простирается ещё некоторое число лет, не имеет смысла для меня, который не может даже в самой абсурдной мысли рассчитывать на шесть месяцев жизни. То, что я говорю, я обязан сказать немедленно. Все, что я пишу, по своей природе является завещанием. Возможно, в нем есть слабость, но в нем есть и искренность предсмертного слова. На эти несколько дней, что мне придется провести здесь, я полностью удален с оживленной сцены мировых событий; но я считаю себя по-прежнему ответственным за все, что я сделал, пока сам оставался на авансцене. Если самый неопытный политик из уважения к моим сединам и под влиянием каких-либо моих речей или моих трудов вступил в эту войну, он имеет право спросить меня, почему я изменил свое мнение или почему, когда те, с кем я голосовал, поменяли свои взгляды на более разумные, я упорно продолжаю разрушительно заблуждаться.

¹⁴ Эклиптика – большой круг небесной сферы, по которому происходит видимое с Земли годичное движение Солнца относительно звезд.

Когда кажется, что я не согласен с поступками тех, кого уважаю, в любом отношении, кроме суеверия, я обязан объяснить свои мотивы. Я не могу противопоставить свой авторитет их авторитету. Но проявление разума не означает бунта против авторитета. Разум и авторитет не движутся в одной параллели. Разум – это *amicus curiae*, который говорит *de plano*, а не *pro tribunali*¹⁵. Это друг, который делает полезное предложение суду, не ставя под сомнение его юрисдикцию. Признавая его компетенцию, он способствует его эффективности. Я буду следовать плану, который наметил в своих последующих письмах.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Лабутина Т.Л., Ковалёв М.А. Британские интеллектуалы эпохи Просвещения от маркиза Галифакса до Эдмунда Бёрка. СПб.: Алетейя, 2020. 462 с. [Labutina T. L. Kovalev M.A. Britanskie intellektuali epochi posvcheniya ot markisa Galifaksa do Edmunda Berka. SPb.: Aleteya, 2020. 462 p.]
- Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Берк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М.: Наука, 1996. 301 с. [Chudinov A. V. Razmishleniya anglichan o Franzuzskoy revolyuzii: E. Burke, J. Mackintosh, W. Godwin. M.: Nauka, 1996. 301 p.]
- Bourke R. *Empire and Revolution: The Political Life of Edmund Burke*. Princeton: Princeton University Press, 2017. 1032 p.
- Burke E. Letter I. On the overtures of peace / Letters addressed to a member of the present parliament, on the proposals for peace with the regicide directory of France. 1796–1797 / The Works of The Right Honourable Edmund Burke. Vol V. L.: King William Street, Stand. Wg., 1887. P. 233–341.
- McDowell R. B. (eds). *The Writings and Speeches of Edmund Burke*. Vol IX. Oxford.: Oxford University Press, 1991. 744 p.
- Stauffer A. *Anger, Revolution, and Romanticism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 222 p.
- Гаврилин Борис Александрович**, аспирант первого года обучения, исторический факультет УрФУ, лаборант-исследователь, лаборатория эдиционной археологии. *Boris.gavrilin@gmail.com*

Edmund Burke's Crusade Against Peace with the Regicides (1795)

The article introduces the “Letters on a Regicide Peace” by the conservative thinker Edmund Burke, which were published between the autumn of 1796 and the beginning of 1797. The letters are a message to Parliament with a detailed argument about the perniciousness of making peace with revolutionary France. In the entire literary heritage of the “father of political conservatism”, the “Letters” occupy a special place: it have become a kind of swan song of E. Burke, his political testament. At the same time, it bear a vivid imprint of the revolutionary wars in Europe, being a source for studying the internal political struggle and controversy in Britain around the attitude towards revolutionary France in the 1790s. The attention of the reader is offered a translation in extracts of the first letter published on October 20, 1796. The text has been translated into Russian for the first time.

Keywords: *Edmund Burke; Conservatism; The French Revolution; «Letters on a Regicide Peace»; The Thermidorian Coup; Political Philosophy.*

Gavrilin Boris, first-year graduate student at the Faculty of History, Ural Federal University, laboratory assistant researcher at the Laboratory of Editing Archaeology. *Boris.gavrilin@gmail.com*

¹⁵ Здесь Бёрк намеренно использует юридические термины из римского права *amicus curiae* – лицо, которое содействует суду, не являясь участником процесса, *de plano* можно перевести как «без возражений», а *pro tribunali* – в судебном заседании.

CONTENTS

Theory and History

Denis Yegorov

H. White – a Historian and Literary Critic.....	5
<i>Maksym Kyrchanoff</i>	
"Historical Politics" in the World: Products of Detached Study.....	15

Intellectual History Today

Ivan Davidov, Ivan Fadeyev

Confessional (Self-)Identification of the Late Elizabethan Church of England	
Richard Hooker's Views on Church Ritual.....	29
<i>Anastasia Ashaeva</i>	
Censored Classics: Herodotean "Histories" in Russia	
in the Second Half of the 18th – early 19th century.....	44
<i>Mikolaj Banaszkiwicz</i>	
Hippolyte Taine in Liberal Russian Journalism of the second half of the 19 th century.....	59
<i>Tadeusz Kruczkowski</i>	
Fundamental Ideas of Russian Historical Polonistics and	
Their Refractive in the Works of V.O. Klyuchevsky.....	78
<i>Vyacheslav Yachmenik</i>	
"The Spiritual Father in Old Russia" in the Modern Era: The Concept of the "Penitential	
Family" and Its Religious and Philosophical Foundations as Understood by S.I. Smirnov...	94
<i>Oleg Terekhov, Oksana Terekhova</i>	
The Dialectic «The Decline of the West»: Reception of the Intellectual Heritage	
of Oswald Spengler in Soviet Humanitarian Thought.....	106
<i>Elena Kravtsova</i>	
Ideological Practices of Bolsheviks and the Publishing House "Academia"	
in the First Half of the 1930s.....	124
<i>Fedor L. Sinitsyn</i>	
On the Question of the 'Religiosity' of Soviet Ideology.....	139

In the Space of Cultural History

Denis Lyapin

The Past by the Eyes of the Impostor: Russian Troubles in Poetic Works False-Shuisky....	156
<i>Tatiana Labutina</i>	
Ethnographic Description and Ethnic Ideas about Russia of the 1730's	
by Lord George Forbes.....	166
<i>Arina Novikova</i>	
Women's European Journey of the Enlightenment Period	
the Road and Transport System and its Impact	
on the Experience of Mobility and Space Perception.....	179
<i>Ivan Nokhrin, Elizaveta Saukova</i>	
The USA as a «Significant Other» in the Context of the Nationalism Development	
in Colonial Canada and Australia in the 19 th century.....	195
<i>Galkina Yulia</i>	
Remember the Alliance: the Image of the Franco-Russian Alliance	
in the Third Republic in the Interwar Period.....	210

Crossroads of Interdisciplinarity

<i>Vladimir Puzhaev, Vera Romanovskaya</i> The Idea of Legal Comparativism in the Intellectual Legacy of Gustave Boissonade De Fontarabie.....	226
<i>Aleksey Demichev</i> “Own” View of The “New”, “Extraneous”, but Not “Alien” (Memoirs of G.A. Dzhanshiev about the Jury Trial as a Historical Source).....	242
<i>Galina Shusharina, Zhanna Petrunina</i> Manipulation Discourse Practices in the Political Discourse of the First Phase of the Cold War Between the USA and the USSR.....	255
<i>Elena Berger, Tutorskaya Maria</i> Compliance in the Russian village. Biopolitics or Dissemination of Hygiene Messages?.....	272

History and Personality

<i>Dmitry S. Parfiryev,</i> Vasily Dragomiretsky: from Russians to Ukrainians and Back Again.....	285
<i>Alla Salnikova, Lidiya Sychenkov</i> Kazan Period in the Life and Fate of Historian Vladimir Ivanovich Ogorodnikov (1886–1938).....	296
<i>Shmelev Dmitry</i> Jacques Maritain and Soviet Russia.....	312
<i>Marina Arzakanyan</i> De Gaulle and Stalin: Silent Dialogue.....	328
<i>Galina Zelenina</i> The Birth of Jewishness from Depression The Diary of Sinologist Vitalii Rubin in Context.....	338

Reading books...

<i>Olga B. Leontieva</i> “Protect yourself, sir!”: About the dissertational culture of the scientific community of historians in pre-revolutionary Russia.....	357
<i>Ksenia Belik, Temurmalik Kholmatov</i> The Partner in Life and Science: the Diaries of N.N. Platonova	365

Translations and publications

<i>Maya Petrova</i> To the translation of Donatus’ <i>Ars Grammatica</i> (III. 1. – 4.).....	372
Donatus’ <i>Ars Grammatica</i> (III. 1. – 4.).....	376
<i>Gavrilin Boris</i> Edmund Burke’s Crusade Against Peace with the Regicides (1795).....	385

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история

<i>Д.И. Егоров</i>	
Х. Уайт – историк и литературовед.....	5
<i>М.В. Кирчанов</i>	
“Историческая политика” в мире: плоды отстраненного изучения.....	15

Интеллектуальная история сегодня

<i>И.П. Давыдов, И.А. Фадеев</i>	
Конфессиональная самоидентификация в церкви Англии конца Елизаветинской эпохи.....	29
<i>А.В. Ашаева</i>	
Злободневная классика: «История» Геродота в России второй половины XVIII – начала XIX века.....	44
<i>М. Banaszkiwicz</i>	
Hippolyte Taine in liberal Russian journalism of the second half of the XIXth century.....	59
<i>Т.Т. Кручковский</i>	
Фундаментальные идеи российской исторической полонистики и их преломление в творчестве В.О. Ключевского.....	78
<i>В.А. Ячменик</i>	
«Древнерусский духовник» в эпоху Модерна: концепт «покаяльной семьи» и его религиозно-философские основания в понимании С.И. Смирнова.....	94
<i>О.Э. Терехов, О.Н. Терехова</i>	
Диалектика «Заката Европы»: рецепция интеллектуального наследия Освальда Шпенглера в советской гуманитарной мысли.....	106
<i>Е.С. Кравцова</i>	
Идеологические практики большевиков и издательство «Academia» в первой половине 1930-х гг.....	124
<i>Ф.Л. Синицын</i>	
К вопросу о «религиозности» советской идеологии.....	139

В пространстве культурной истории

<i>Д.А. Ляпин</i>	
Прошлое глазами Самозванца: русская Смута в стихотворении Лже-Шуйского.....	156
<i>Т.Л. Лабутина</i>	
Этнографическое описание и этнические представления лорда Джорджа Форбса о России 1730-х годов.....	166
<i>А.Д. Новикова</i>	
Женское путешествие по Европе эпохи Просвещения: влияние дорожно-транспортной системы на практики мобильности и представления о пространстве.....	179
<i>И.М. Нохрин, Е.С. Саукова</i>	
США как «значимый другой» в контексте развития национализма в колониальной Канаде Австралии XIX века.....	195
<i>Ю.М. Галкина</i>	
Вспомнить о союзе: образ франко-русского альянса в Третьей Республике в межвоенный период.....	210

Перекрестки интердисциплинарности

<i>В.В. Пужаев, В.Б. Романовская</i>	
Идея юридического компаративизма в интеллектуальном наследии Гюстава Буассонада де Фонтараби.....	226
<i>А.А. Демичев</i>	
“Свой” взгляд на “новое”, “чужое”, но не “чуждое”	
воспоминания Г.А. Джаншиева о суде присяжных как исторический источник.....	242
<i>Г.А. Шушарина, Ж.В. Петрунина</i>	
Дискурсивные практики манипулирования в политическом дискурсе времен первого этапа холодной войны между США и СССР.....	255
<i>Е.Е. Бергер, М.С. Турская</i>	
«Комплаенс» в русской деревне.	
Биополитика или распространение гигиенических знаний?.....	272

История и личность

<i>Д.С. Парфирьев</i>	
Василий Драгомирецкий: из русских в украинцы и обратно.....	285
<i>А.А. Сальникова, Л.А. Сыченкова</i>	
«Казанский» период в жизни и судьбе историка	
Владимира Ивановича Огородникова (1886–1938).....	296
<i>Д.В. Шмелев</i>	
Жак Маритен и Советская Россия.....	312
<i>М.Ц. Арзаканян</i>	
Де Голль и Сталин: незримый диалог.....	328
<i>Г.С. Зеленина</i>	
Рождение еврейства из духа депрессии	
дневник китаиста В.А. Рубина в контексте.....	338

Читая книги...

<i>О.Б. Леонтьева</i>	
«Защищайтесь сударь!» О диссертационной культуре	
научного сообщества историков дореволюционной России.....	357
<i>К.М. Белик, Т.К. Холматов</i>	
Спутник жизни и науки: о дневниках Н.Н. Платоновой.....	365

Переводы и публикации

<i>М.С. Петрова</i>	
К переводу <i>Ars Grammatica</i> (III.1. – 4.).....	372
<i>Донат. Грамматист города Рима</i>	
Грамматическая наука (III.1. – 4.).....	376
<i>Б.А. Гаерилин</i>	
Крестовый поход Эдмунда Бёрка против мира с царевубийцами (1795).....	385
CONTENTS.....	395

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 82 / 2023

Главный редактор — Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр., д. 32А, к. 1423; тел. +7 (495) 938–53–91

<http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm> ; dialogue.time@yandex.ru

Поиск DOI: <http://search.rads-doi.org/index.php/> ; <http://www.doi.org/>

ISSN 2073–7564

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.029](#)

Д.И. Егоров

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.030](#)

М.В. Кирчанов

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.001](#)

И.П. Давыдов, И.А. Фадеев

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.002](#)

А.В. Ашаева

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.003](#)

М. Banaszkiwicz

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.004](#)

Т.Т. Кручковский

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.005](#)

В.А. Ячменик

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.006](#)

О.Э. Терехов, О.Н. Терехова

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.007](#)

Е.С. Кравцова

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.008](#)

Ф.Л. Синицын

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.009](#)

Д.А. Ляпин

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.010](#)

Т.Л. Лабутина

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.011](#)

А.Д. Новикова

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.012](#)

И.М. Нохрин, Е.С. Саукова

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.013](#)

Ю.М. Галкина

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.014](#)

В.В. Пужаев, В.Б. Романовская

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.015](#)

А.А. Демичев

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.016](#)

Г.А. Пушарина, Ж.В. Петрунина

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.017](#)

Е.Е. Бергер, М.С. Титорская

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.018](#)

Д.С. Парфурьев

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.019](#)

А.А. Сальникова, Л.А. Сыченко

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.020](#)

Д.В. Шмелев

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.021](#)

М.Ц. Арзаканян

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.022](#)

Г.С. Зеленина

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.023](#)

О.Б. Леонтьева

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.024](#)

К.М. Белик, Т.К. Холматов

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.025](#)

М.С. Петрова

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.026](#)

М.С. Петрова (пер. — Донат)

[10.21267/AQUILO.2023.82.82.027](#)

Б.А. Гаврилин

Дизайн обложки *И.Н. Граве*

Формат 60x90 / 16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26. Тираж 600.

Отпечатано в типографии Onebook.ru (ООО «Сам Полиграфист») —

Москва, Волгоградский пр., дом 42, строение 5. Тел.: +7 495 545–37–10

Эл. почта: info@onebook.ru Адрес в Интернете: www.onebook.ru

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ).

Журнал включен в диссертационный перечень ВАК по специальностям: история, история философии, филология; в каталог «Роспечать» (подписной индекс 36030); в базу данных SCOPUS (с 2016 г.); в базу данных WoS Core Collection (Emerging Sources Citation Index [ESCI]) (с декабря 2017 г.), Q 2 (History — 2017 г.).

Полные электронные версии статей представлены на сайте: <http://roii.ru/publications/dialogue>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

(Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.).

Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624.